
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

К 10-летию
Германского исторического института
в Москве

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПОРЯДОК В ГРУЗИИ

Издание в двух томах

Том 1

Большой террор
в маленькой кавказской
республике

Том 2

Документы и статистика

Составители

Марк Юнге, Бернд Бонвеч

Москва
2015

Большевистский порядок в Грузии

Том 1

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР
В МАЛЕНЬКОЙ КАВКАЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

Составители

Марк Юнге, Бернд Бонвеч

Москва

2015

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Обложка: *Иван Прохоров*. Машина власти. 2015

Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с. – ISBN 978-5-91022-304-6.

Впервые в историографии Большого террора на примере Грузии исследуются все вместе три главные массовые операции НКВД: операция по приказу № 00447 («кулацкая» операция), операция по «национальным линиям» и социальная чистка («милицейская» тройка). При этом в центре исследования находится специфика террора в Грузии: передача части карательных полномочий от центра местам нашла здесь свое выражение в массовом осуждении элит тройкой при НКВД Грузинской ССР, внесудебной инстанцией, собственно предназначенной для ускоренного осуждения простых советских граждан, далеких от власти и связанных с ней привилегий. При этом выявляется поразительная схожесть между неконституционными внесудебными органами (тройки, двойки) и такой законной судебной инстанцией как Военная коллегия Верховного суда СССР. Еще одна специфическая черта Большого Террора в Грузии заключается в поразительно «мягком» наказании национальных диаспор, за исключением немцев, т. н. «национальной» тройкой при НКВД Грузинской ССР. Шесть публикуемых интервью с потомками жертв Большого Террора из деревни Хашми близ Тбилиси обнаруживают личные травмы и страхи, которые принес Большой Террор 1937–1938 гг., поскольку в Хашми, как и во всей Грузии, в большом числе были арестованы отцы, родные и близкие.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Под снегом

1. «Большая чистка» – неудобная тема 15
2. Источниковая база: состояние и проблемы 27
3. Массовые операции НКВД 1937–1938 гг. 31

Массовые операции НКВД

1. «Кулацкая» операция 44
2. «Национальные» операции 46
3. «Милицейская» тройка 49

СТАТИСТИКА

Базы данных: «кулацкая», «национальная»

и «милицейская» тройки 55

1. Выборки данных по маске 56
2. Критерии изучения 59

Количественный анализ массовых операций НКВД 62

1. Лимиты 68
2. Степень интенсивности репрессий 71
3. 1937 и 1938 гг. в сравнении 74
4. Грузия в сравнении с другими регионами СССР 75
5. Политическая «стабильность» 82

Качественный анализ массовых операций 89

1. Пол 89
2. Возраст 92
3. Образование 95
4. Социальное положение 99

5. Социальное происхождение.....	101
6. Политическое прошлое.....	103
7. Религиозные группы	107
8. «Кладбищенский» покой	111

СПЕЦИФИКА

Регионализация карательных полномочий	117
1. Дихотомия.....	118
2. Смешение элит и «низовки»	120
3. Предварительный отбор	123
4. «Сбор колосьев после жатвы»	127
5. Прекращение работы Военной коллегии	128
6. Дело Нестора Арчвадзе	136
7. «Разгрузка» Военной коллегии за счет «кулацкой» тройки	137
8. Социальный состав осужденных	141
9. Осуждение меньшевиков.....	143
10. Взаимозаменяемость судебных и внесудебных органов.....	144
11. Предварительное осуждение и «кабинетное убийство»	146
12. Контроль «сверху».....	153
«Национальные» операции в Грузии	169
1. Источники	169
2. «Национальные» операции и «Высшая двойка»	174
3. Следственное дело Ю.М. Сологубова-Скобелева.....	178
4. «Харбинская» операция.....	180
5. «Немецкая» операция	182
6. «Греческая» операция.....	185
7. «Иранская» операция.....	188
8. Другие «национальные» линии.....	190

9. «Национальные» операции и «национальная» тройка	194
10. Особенности «национальных» операций в Грузии	199
Этнос и террор	208
1. Этнизация врага.....	212
2. Контекстуализация этнической компоненты	217
3. Административное сращивание: мингрелы, сваны, бацбийцы.....	223
4. Административное «исключение»: лазы	226
5. Социальный статус и репрессии: абхазы, аджарцы, осетины.....	244
6. «Советские» национальности: армяне, азербайджанцы	267
7. Высокостатусные «советские» национальности: русские, украинцы, евреи	283
8. «Иностранные» национальности: курды, езиды, греки, иранцы.....	290
9. Национальное меньшинство из приграничного государства: турки.....	317
10. «Враждебная» национальность: немцы.....	322
11. Конец «национального цирка».....	329
12. Смертельное взаимодействие.....	339
13. Расизм или геноцид?	341
14. Массовые репрессии и депортации	345
15. Этническое происхождение вместо гражданства.....	346

ДИСКУССИЯ

Грузия в пути	375
1. Непогрешимый авторитет vs. плюрализм точек зрения	377
2. Национальная консолидация vs. национальная гомогенизация.....	404
3. Нравственное осуждение vs. обмен аргументами	456

4. Политические сети vs. этнический фактор	470
5. Музей оккупации vs. музей государственного насилия	476
6. Уничтожение vs. лишение власти этнических меньшинств	481
7. Из стенограммы круглого стола в Академии МВД Грузии	483
8. Государственное вмешательство vs. автономия науки	519
9. Импульс к дальнейшему изучению этнического фактора	521
10. «Дух времени» и нормативность	531
11. Условная нейтральность	536
12. Грузинское общество и его травмы	538

ИНТЕРВЬЮ

Свидетельства родственников жертв массовых репрессий.. 555

1. Село Хашми	557
2. Александр Иосифович Годердзишвили (1930–2013)..	563
3. Ношрewan Иванович Начхаташвили (1930–2014).....	568
4. Гиоргий Николаевич Кокрашвили (1928).....	572
5. Ношрewan Александрович Кокрашвили (1930).....	579
6. Медико Давидовна Вардзелашвили-Начхаташвили (1936)	585
7. Софья Мамулашвили (1963)	587

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Массовые репрессии в Грузии

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ГЛОССАРИЙ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЛАГОДАРНОСТИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ВСТУПЛЕНИЕ

Индивидуумы, общественные институты и нации создают свои компактные образы прошлого. Самое прекрасное в этих образах – они поддаются критике и исправлению, если в руках оказываются необходимые документы.

Курт Флаш. «В сторону правды». 2014.

Марк Юнге, Оливер Райснер, Бернд Бонвеч

ПОД СНЕГОМ

«Под снегом» – так называется собрание картин, акварелей и зарисовок русского художника Ильи Кабакова, созданное им в 2004–2006 гг. Объединяющим мотивом многих из этих произведений является снежная целина, на которой тут и там зияют кровавые раны – воспоминания о сталинском прошлом, зачастую наполненные образами немых человеческих лиц. В Грузии этот холодный снег прошлого кажется практически нетронутым, особенно в том, что касается «Большой чистки» элит и простого населения в 1936–1938 гг.

1. «Большая чистка» – неудобная тема

Если Грузия, эта бывшая советская социалистическая республика, и попадает в фокус зрения историков в связи с событиями Большого террора, то главным образом лишь как родина целого ряда руководителей Советского Союза. Первое место среди них бесспорно занимает Иосиф Виссарионович Сталин, урожденный Иосеб Джугашвили, появившийся на свет в грузинском городке Гори. Персональная склонность Сталина к насилию выводится некоторыми авторами – в конечном счете, скорее всего, безосновательно – из его национальных культурных корней¹. Они пишут о «криминальной энергии» Сталина, его «архаичных представлениях о дружбе, верности и предательстве», а также о его «коварстве», объясняя эти черты сталинского характера его «грузинским» прошлым, где насилие задавало структуры отношений между людьми, подразумевая под этим обычай кровной мести, склонность к разбою и «ритуализированные» выяснения отношений с помощью силы².

Второе место в грузинской тематике после Сталина прочно занимает его «правая рука», пресловутый народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия. Уроженец се-

ления Мерхеули Сухумского округа Кутаисской губернии, он в начале 1920-х годов служил на Кавказе в органах советской тайной полиции – ЧК. В 1926 г. Берия возглавил ГПУ при СНК Грузинской ССР, а в 1931 г., в возрасте тридцати двух лет, стал первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. 24 ноября 1938 г. Л.П. Берия сменил Н.И. Ежова на посту наркома внутренних дел СССР³.

Что касается времени, проведенного в Грузии, то Берия описывается как выдающийся пропагандист, холодный политик и эффективный администратор, который оставался скорее аполитичным и, соответственно, не примыкал идеологически ни к одной из внутрипартийных группировок. Он прекрасно понимал, каким образом он мог завоевать доверие Сталина, что, в свою очередь, гарантировало ему большую свободу в деле подчинения и управления домодерновой, преимущественно аграрной республикой⁴.

Однако, когда в ходе рассмотрения личностей Сталина и Берии речь заходит о Грузии 1930-х годов, оказывается, что наши знания об этой советской республике по-прежнему поразительно расплывчаты.⁵ В том числе применительно к Грузии не существует адекватной картины репрессий, отображающей ее специфику. В фильме «Покаяние» (груз. *Monanieba*) Тенгиза Абуладзе, снятом еще в 1984 г., но вышедшем на экраны только в 1987 г., это состояние отражается весьма точно. Берия и Сталин сливаются в фильме в единый образ. Содержание фильма обусловлено преимущественно размышлениями о диктатуре в Советском Союзе и культе Сталина в Грузии. Авторы фильма задаются вопросами: как такое могло случиться? Какую личную ответственность несет отдельно взятый человек, включая его потомков?⁶ Тем временем дебаты об отношении к Сталину и его наследию продолжают, став яблоком раздора между целыми поколениями, политическими лагерями, городом и деревней. Фильм, в свою очередь, является показательной рефлексией на тему трудностей преодоления советского прошлого.

Официальную точку зрения грузинского государства на проблему сталинских репрессий, доминировавшую вплоть до смены правительства и президента в 2013–2014 гг., представляет, по нашему мнению, Музей советской оккупации, располагающийся в центре Тбилиси в здании Национального музея. Его экспонаты отображают всю советскую историю Грузии «вплоть до окончательного освобождения от тоталитаризма в результате Революции роз в 2003 г.»⁷. Само собой разумеется, это заявление носит

не столько аналитический, сколько политически-poleмический характер. Как бы сегодня не характеризовалась запутанная ситуация в Грузии, но с конца 1990 г. она в любом случае не была уже «тоталитарной». Важнее, как «музейщики» интерпретируют историю Грузии начиная с 1921 года: в соответствии с названием музея в нем представлена история беззащитной страны-жертвы, которая понесла большие человеческие потери в результате иностранного владычества. Удивительно мало уделяется внимания 1930-м годам с их кульминацией сталинского террора. Попытка объяснить этот дисбаланс тем, что экспозиция музея главным образом посвящена событиям 1921 г., имеет право на существование, но все же она малоубедительна, поскольку в таком случае в тени остается процесс взаимодействия и взаимовлияния советизации Грузии в целом и ее внутренней оккупации, осуществлявшейся в эти годы бериевской кликой⁸. Не обсуждается вопрос о том, что вплоть до времени Хрущева советизация грузинского общества носила ограниченный характер, и, соответственно, в экспозиции музея не отражается неконформистское и оппозиционное поведение, равно как и весь спектр несогласия с режимом вплоть до сопротивления⁹. В то же время исключается возможность того, что среди многонационального населения Грузии были не только жертвы, но и палачи, добровольные сторонники и соучастники Большого террора, пытавшиеся использовать экстраординарную ситуацию чистки в интересах своих групп и регионов. И все же этот музей вызывает заслуженный интерес, если абстрагироваться от его несомненного стремления выступить выразителем сегодняшней национальной идеи Грузии. Документы о репрессиях, представленные в музейных экспозициях, служат впечатляющим свидетельством неограниченного государственного насилия.

Серьезную неуверенность демонстрируют также методы, с помощью которых Грузия пытается осмыслить свое советское прошлое. В 2010 г. тайно, под покровом ночи, был демонтирован громадный памятник Сталину в Гори, установленный в 1951 г. и образовывавший вместе с городской мэрией, располагавшейся сразу за памятником, а также Домом-музеем Сталина, находящимся в непосредственной близости, художественный комплекс сталинской архитектуры и культа почитания вождя. Эта акция положила начало изгнанию Сталина из публичной памяти в иконоборческой манере, что означало также стремление вытеснить из общественного пространства все попытки критического

осмысления новейшей истории страны¹⁰. Было также запланировано перестроить монументальный музей Сталина, архитектурно напоминающий венецианский Дворец дождей. Строительство музея было запланировано в 1951 г., а в 1957 г., сразу же после XX съезда КПСС, он был официально объявлен музеем Сталина. Экспозиция музея была модифицирована в 1970-е годы, а после развала СССР в ее составе появился ряд дополнительных стендов, посвященных репрессиям и их жертвам.

Однако в 2012 г. депутаты городского совета Гори приняли решение сохранить концепцию выставки семидесятых годов двадцатого века, предприняв лишь самые минимальные изменения. Точно так же по настоянию городского совета демонтированная в 2010 г. бронзовая статуя Сталина теперь при поддержке министерства культуры Грузии должна быть снова установлена – на этот раз, однако, на бульваре перед домом, где родился Сталин (Stalin Avenue), вокруг которого в свою очередь еще в 1937 г. было построено здание в виде храма в классическом стиле¹¹. В качестве альтернативного варианта предлагается вернуть статую на ее первоначальное место, в то время как пьедестал памятника должен быть перестроен в виде огромной мемориальной доски в память о жертвах массовых репрессий в Грузии и в СССР в целом, тем более что перед зданием вокзала Гори, перед Домом-музеем и в самом музее по-прежнему стоят сталинские статуи, пусть не такие огромные и более «человечные». Что же касается музея Сталина, то, очевидно, имело бы смысл полностью реконструировать выставочную концепцию 1970-х годов – возможно, учитывая при этом еще сохранившуюся концепцию первой выставки 1957 г. Тем самым сталинский музей превратился бы в подлинное историческое свидетельство. Скромные плоды предпринятых до сего времени усилий по осмыслению сталинизма не стоит «имплантировать» в старую музейную выставку. Эта деятельность должна стать предметом самостоятельного научного грузинского центра по изучению сталинизма, одним из объектов работы которого мог бы также выступить единственный в мире музей Сталина. Все эти дискуссии и планы ясно нам показывают, что процесс осмысления грузинским обществом советского прошлого, в особенности сталинского периода, весьма противоречив и далек от завершения.

Как бы то ни было, не только «Музей советской оккупации», возникший по государственной инициативе, но и грузинская историография в целом пытаются рассматривать репрессии 1930-х

годов не только в русле биографий Сталина и Берии. На первом месте находятся репрессированные грузинские элиты, причем Грузия и здесь выступает исключительно лишь в роли жертвы. Следующий обзор дает более четкую картину сложившихся представлений о специфике репрессий в Грузии.

В «Истории Грузии» доктора исторических наук Георгия Анчабадзе главным образом выделяются репрессии в отношении грузинской национальной интеллигенции: «Грузия была одним из тех регионов СССР, где машина репрессий действовала особенно активно [...]. Среди репрессированных были лучшие представители интеллигенции, в том числе такие замечательные деятели грузинской культуры, как писатель Михаил Джавахишвили, поэты Тициан Табидзе и Павел Яшвили, режиссер Сандро Ахметели, ученый-филолог Григорий Церетели, дирижер Евгений Микеладзе и многие другие»¹².

В то же время масштабные репрессии в отношении партийно-советской функциональной элиты Грузии остаются у Анчабадзе без упоминания. Этот подход поразительным образом задает тон также и в интернациональной историографии темы. Так, американский историк Рональд Суни пишет: «В 1936–1937 гг., в ходе так называемой Большой чистки, жертвами террора стали бесчисленные грузинские писатели, художники и ученые, почти весь учительский корпус и многие студенты университетов. Нация была обезглавлена»¹³. Это, конечно, правда, но о множестве других жертв умалчивается. В структурно-историческом плане Суни заходит еще дальше: «В течение четверти века с 1928 по 1953 гг. Грузия была преобразована более фундаментально, чем за любой другой аналогичный период её трехтысячелетней истории»¹⁴.

Репрессии в отношении известных грузинских большевиков, таких как Мамя Орахелашвили, Лаврентий Картвелишвили, Леван Гогоберидзе, Самсон Мамулия, Михаил Кахиани, Михаил Окуджава, Буду Мдивани, Шалва Элиава и других, впервые были упомянуты в другом труде грузинских историков¹⁵.

Первое сравнительно серьезное исследование о жертвах Большого террора в Грузии было опубликовано в 1997 г. Александром Даушвили, сотрудником Института истории и этнографии Академии наук Грузии им. Иван Джавахишвили¹⁶. Согласно названию книги, ее автор исследовал массовые репрессии на примере трудовых коллективов промышленных предприятий Тбилиси. Однако в первой половине монографии речь идет преимущественно о модернизационных попытках большевиков в

форме индустриализации Грузии со всеми сопутствующими проблемами трансформации мелкого кустарного производства в фабричные коллективы, миграций неквалифицированной рабочей силы из деревни в столицу, а также о разорительном возведении предприятий тяжелой промышленности и борьбе за установление марксизма-ленинизма в качестве канонизированной руководящей идеологии. И лишь во второй части книги речь заходит о репрессиях. Однако поразительным образом автор концентрируется на репрессиях против партийных элит и руководящего персонала предприятий. Промышленные рабочие упоминаются им лишь мимоходом. Автору, по его собственному заверению, было особенно важно описать общий «климат преследований», а также доноительство и «произвольные» репрессии. В результате отсутствует дифференцированное рассмотрение того, отличаются ли, и если да, то каким образом, репрессии в отношении элит от преследований простого населения или этнических групп. Таким образом, это исследование подтверждает традиционную точку зрения, согласно которой Большой террор был преимущественно направлен против элит¹⁷. Источниками, использованными Даушвили, являются исключительно архивные материалы партийного архива, а также грузинская партийная газета *Komunisti*. Автор практически не обращался к вторичной литературе, а те немногие публикации, которые он упоминает, были написаны в советское время преимущественно ведущими (грузинскими) большевиками. Современные западные или российские исследования им не привлекались. В общем и целом монография концептуально проигрывает даже работам 1950-х годов, посвященных проблемам тоталитаризма¹⁸.

Новые обзорные труды по истории Грузии признают, что не только элиты, но и все грузинское общество пострадало от репрессий, однако не развивают это положение¹⁹. Единственное исключение составляет книга «Мой XX век» географа Реваза Гачециладзе, написанная в геополитическом ключе и дополненная собственными воспоминаниями автора. Он подчеркивает, что репрессиями были затронуты все группы населения, и приводит в качестве личного примера судьбу своего дяди Реваза, руководителя большого строительного двора, арестованного 4 сентября 1937 года²⁰.

В свою очередь, очевидец событий, историк и философ Геронти Кикодзе отметил в 1954 г., после смерти Сталина, в своих записях о «белом»²¹ терроре 1937 г., ведшихся тайком, следующее:

«Количество беспартийных осужденных было гораздо большим. Редко кто из них имел хотя бы расплывчатые представления о внутривнутрипартийной борьбе, и все они, без сомнения, лояльно исполняли свои обязанности. Многие из беспартийных граждан умерли только лишь потому, что они по какой-то причине навлекли на себя подозрение тбилисского триумvirата или его уполномоченных на местах, или потому, что какой-нибудь доносчик возжелал заполучить их квартиру или должность»²².

Стремление аккумулировать информацию из первых рук о репрессиях 1930-х годов в Грузии характерно для издательских программ, в рамках которых предпринимаются попытки собрать и опубликовать свидетельства еще здравствующих современников эпохи. Одним из первых произведений такого рода «мемуарной» литературы, специально посвященной событиям 1937 г., являются записки Михаила Мгалоблишвили (1902–1977). В случае с их автором речь идет о представителе среднего слоя функциональной советской элиты. Мгалоблишвили работал в сфере культуры, сначала – в профсоюзном клубном движении²³. Его написанные в 1972 г. и впервые опубликованные в 1990 г. воспоминания представляют интерес постольку, поскольку они отражают восприятие и знание о репрессиях человека, имевшего доступ к конфиденциальной информации. Они также содержат сведения о судьбе тех людей, которых он встретил в заключении и ссылке. Следует также отметить, что после освобождения из ссылки и реабилитации (в 1954 г.) Мгалоблишвили стал членом КПСС и продолжил свою деятельность в органах управления культурой. Его размышления о причинах репрессий, а также мысли его товарищей по несчастью – бывших членов партии – по всей видимости, полностью объясняются хрущевской критикой культа личности Сталина. Мгалоблишвили подчеркивает особое обращение с грузинами в Вятских лагерях. И хотя автор мемуаров демонстрирует ярко выраженное этническое сознание, он не рассматривает Грузию как особо пострадавшую жертву сталинского террора, его воспоминания посвящены истории Советского Союза в целом. Из осторожности или из-за своих убеждений он также воздерживается от какой-либо оценки репрессий 1937–1938 гг.

Национальная библиотека Парламента Грузии опубликовала материалы частного архива геолога Григола Вашадзе (1901–1990) из г. Чиатура, который, будучи социалистом-федералистом, принадлежал к главному интеллектуальному течению Грузии, а в 1924 г. принимал участие в антисоветском восстании, потерпев-

шем поражение. Его частный архив содержит личные заметки и литературные работы времен «победоносного шествия социализма» в Грузии²⁴. Особое внимание Вашадзе уделяет политической и культурной жизни Грузии 1920–1930-х годов. Его отец, священник Бесарион Вашадзе, пал жертвой репрессий 1937 г., его дневник, к сожалению, бесследно исчез. Зато сохранилась короткая переписка Вашадзе с находившимся в заключении отцом (дела № 27–44), а также личные записные книжки геолога (дела № 53–57, 68), в том числе содержащие сведения о репрессиях 1937–1938 гг. в Кутаиси. В целом заметки представляют собой частично аутентичные дневниковые записи довоенных лет, частично – записи, сделанные позднее по памяти, с 1952 по 1980-е годы. Когда речь заходит о репрессиях, Вашадзе описывает в качестве жертв тех, кто выступал за единство и независимость Грузии. Как ангажированный политический современник событий, он выражает сожаление в том, что коммунизм мутировал в религию, а Сталин превратился в богоподобного вождя.

В середине 1980-х годов были также опубликованы мемуары Кандида Чарквиани, первого секретаря ЦК КП(б) Грузинской ССР в 1938–1952 гг. и преемника Лаврентия Бери. На завершающей стадии Большого террора он принимал участие в массовых репрессиях в качестве члена «кулацкой» тройки. В своих воспоминаниях и в беседах со своим сыном Чарквиани смог весьма подробно поведать о множестве подробностей своей политической карьеры, но репрессии 1937–1938 гг. он не упомянул ни единым словом²⁵. Гела Чарквиани в своем вступлении к мемуарам охарактеризовал своего отца как «настоящего гуманиста», который в рамках имевшихся у него возможностей всегда пытался делать только хорошее, и в его беседах с отцом доминирует главным образом точка зрения партийной иерархии, которая после смещения Чарквиани испытывала опасения за свою жизнь. В результате хрущевская концепция «культы личности Сталина» приветствуется здесь как долгожданная стратегия, снявшая груз тревог с плеч партийной номенклатуры. Особенно подчеркиваются в беседах усилия Чарквиани, направленные на сохранение культурного своеобразия и территориальной целостности Грузии. Когда же речь заходит об отношении Чарквиани к Сталину, то описываются их чисто рабочие встречи, которые характеризуются в беседах отца и сына Чарквиани как формальные связи руководителя одной из республиканских партийных организаций с московским центром. В целом воспоминания Чарквиани воспро-

изводят типичный для периода перестройки в Грузии нарратив «сохранения и защиты грузинского духа, грузинства» (*kartveloba*). Но здесь же, на одном дыхании, Чарквиани категорически отрицает «огрузинивание» Абхазии в 1930–1940-е годы, резко критиковавшееся абхазами в конце 1980-х годов²⁶. Ошибку, по его мнению, совершил только Сталин и его ближайшее окружение, осуществив депортацию целых народов, например, турок-месхетинцев. Но и здесь речь не идет о какой-либо личной ответственности первого лица Грузии за преступления.

Южнокавказское бюро фонда Генриха Бёлля и международный отдел Союза народных университетов Германии (DVV International) начиная с середины 2000-х годов способствуют деятельности, направленной на изучение и осмысление советского прошлого Грузии. Они вместе приняли участие в создании грузинской организации-партнера Soviet Research Laboratory (SovLab), которая призвана стать главной движущей силой гражданского общества в области обращения с новейшим историческим прошлым.

Из многочисленных проектов SovLab и DVV–International стоит выделить книгу, посвященную историям судеб 13 репрессированных женщин, преимущественно рассказанных ими самими²⁷. Четверо из них стали жертвами Большой чистки 1936–1938 гг. Так, Миндора Торшелидзе, жена бывшего председателя ВСНХ Грузии и потом народного комиссара образования Малакия Торшелидзе, в 1936 г. была решением *Особого совещания при НКВД СССР* отправлена в ссылку в Казахстан сроком на 5 лет. В целом она отсидела 14 лет, потому что ее снова арестовали. Приговор *Особого совещания* также тяжело отразился на жизни скульптора Раисы Абрамия-Микадзе. Она получила восемь лет ИТЛ и вернулась в Тбилиси только в 1947 г. Лариса Христовская в 1937 г. была осуждена «*кулацкой*» *тройкой* к 10 годам лагерей и полностью отбыла наказание²⁸. Эта же *тройка* отправила Агати Какахия-Месхия в 1938 г. на восемь лет в ИТЛ, где она, как сообщает ее дочь, умерла уже спустя два месяца²⁹. Торшелидзе, Микадзе и Месхия были заклеены как «жены изменников родины». Женщины до сих пор не могут понять, за что же они были в свое время осуждены. Объяснением им служит расхожий штамп о царившем в те времена произволе.

В целом, по словам издателя, было очень тяжело уговорить женщин вообще что-либо сказать публично. Женщины до сих пор испытывают страх перед проблемами, которые могут у них

возникнуть, если они открыто начнут говорить о прошлом и перенесенных ими страданиях³⁰.

Недостатком этой – во всех остальных отношениях важной и заслуживающей внимания – книги, как часто случается с подобного рода изданиями, является то, что в первую очередь на ее страницах получили слово женщины, представлявшие «высшие» круги городской элиты Грузии. Основная масса репрессированного сельского населения и городского пролетариата по-прежнему остается «немой» и, по причине все увеличивающейся дистанции во времени, такой и останется навсегда.

Еще одним совместным проектом DVV и SovLab является поиск и тематизация массовых захоронений жертв сталинских репрессий в Грузии. Грузия остается одной из немногих бывших советских республик, которая до сего времени еще не выявила массовые захоронения советского периода. Проект, стартовавший в 2012 г., осуществляется под названием Soviet Era Mass Graves in Georgia (1921–1952).

Южнокавказское бюро фонда Генриха Бёлля вместе с международным фондом «Мемориал» также способствовало сбору и публикации воспоминаний 18 человек, детей репрессированных жителей Грузии, чьи матери между 1937 и 1946 гг. отбывали наказание в лагере для жен изменников родины «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). В этих «детских» воспоминаниях речь идет в первую очередь об аресте отцов, разлуке с матерями, полной лишений лагерной жизни их матерей, а также о собственном опыте длившейся годами дискриминации со стороны государства и общества как «родственников врагов народа». Эти 18 примеров, составляющие мизерную часть от примерно 18 000 аналогичных случаев во всем СССР, демонстрируют весь спектр механизмов того, как дети «врагов народа» справлялись с ситуацией, в особенности – с вопросом вины и виновности. Некоторые из них отделились от своих матерей или возложили всю вину за «вражескую деятельность» на своих отцов. Однако все пострадавшие дети смогли сделать во второй половине XX века профессиональную карьеру. Некоторые из них стали членами ВЛКСМ или КПСС, чтобы за счет сверхлояльности режиму стереть свое общественное клеймо. Хотя эти воспоминания были записаны только в 2005 г., а опубликованы в 2008 г., читатель напрасно будет искать их структурно-критический анализ³¹. В самой Грузии до сих пор нет работ, в которых эти воспоминания о репрессиях анализировались бы с научно-исторической

точки зрения. Таким образом, наряду с расширением источниковой базы, необходимо также более интенсивное включение в интернациональный исследовательский дискурс, ведь для того чтобы иметь возможность на должном уровне анализировать такой специфический источник, как воспоминания, требуется современный теоретический и методический инструментарий³².

Все упомянутые опрошенные лица тоже происходили из образованных, отчасти буржуазных семейств и позднее преимущественно стали представителями технической интеллигенции. Однако в течение десяти последних лет предпринимались также попытки записать воспоминания простого населения – к примеру, в рамках публикационного проекта «Память женщин»³³. Речь в этом случае идет об интервью, в центре которых чаще всего оказывается история собственной (большой) семьи или даже отдельного этноса. В свою очередь, интервью показывают, «что» и «как» вспоминается из событий XX века в интересах сохранения собственных традиций в современном переходном обществе. В особенности обращает на себя внимание фиксация на собственных (в том числе «выдуманных») традициях, соблюдавшихся вопреки всем повседневным проблемам – без ясной цели и с большой неуверенностью. Эти воспоминания весьма содержательны в том, что касается вида и способа того, «как» и «что» вспоминается, в особенности следует выделить здесь *code switching*, кодовую коммутацию между официальной версией истории и ее частными личными версиями³⁴.

В записанных личных воспоминаниях особенно четко доминирует травматический опыт несправедливости. Опрошенные, как правило, вспоминают (что едва ли должно вызывать удивление) о моменте ареста родителей, свиданиях с матерью, а также о последствиях ареста родителей для их собственной жизни³⁵. Ответы на вопросы о причине репрессий, их логическое объяснение даются особенно тяжело. Возможно, это объясняется тем, что, несмотря на смену поколений, продолжает действовать многолетнее табу на поиск ответов. Иногда опрошенные более или менее открыто задаются вопросом о тех, кто несет ответственность за их несчастья. Так, 44-летняя абхазка заявила: «Старики говорили, что в нашем переселении [из Абхазии в Среднюю Азию, последовавшем лишь по причине того, что у них были родственники в соседней Турции] виноват не столько Сталин, сколько Берия»³⁶. Особенно экстремальный опыт описывает одна осетинка: могилу ее отца сравнивали с землей, потому что он, будучи одним

из соратников руководителя Абхазии Нестора Лакобы, посмертно был объявлен в 1937 г. «врагом народа». Ее мать была отправлена в ссылку и вернулась домой только для того чтобы умереть. «Вы даже не можете себе представить, что мы были вынуждены перенести в детстве»³⁷, – заявила она.

Хотя большинство жертв Большого террора в Грузинской ССР однозначно были грузинского происхождения, эта цитата наглядно показывает, что национальные меньшинства также не были защищены от репрессий, а политическая лояльность, адресованная попавшему в немилость государственному деятелю, зачастую приобретала в глазах пострадавших этнические черты, и, соответственно, такого рода репрессии могли быть истолкованы ими как «этнические чистки»³⁸.

Наряду с репрессиями члены семей и выжившие репрессированные подвергались общественному клеймению, поэтому даже сегодня пострадавшим все еще тяжело говорить о пережитом.

Тем не менее сегодня доминируют воспоминания о новейшем периоде современной истории, о кризисах 1990-х годов, последовавших после объявления независимости Грузии. Возникает впечатление, что недавние трагические события способствуют дальнейшему вытеснению травматического опыта репрессий и Второй мировой войны. Кроме того, жертвы сталинских репрессий были десятилетиями предоставлены сами себе, поскольку вплоть до политики гласности конца 1980-х годов общественное обсуждение этой темы было невозможно, и в Грузии оно постепенно начинается только сегодня³⁹.

К сожалению, практически отсутствуют научные исследования, посвященные местной специфике репрессивных акций в разных областях Грузии, хотя существуют отдельные работы, предметом которых являются репрессии в регионах. Опубликованная еще в 1959 г. статья одного из эмигрантов посвящена террору в отношении партийного руководства Аджарии⁴⁰. В самой Аджарии предпринимаются лишь отдельные попытки обращения к теме репрессий 1937 г. Так, Осико Гваришвили опубликовал книгу в память о своем отце, расстрелянном в 1937 г. В ней названы также имена других репрессированных⁴¹.

Врач Автандил Курхули опубликовал в своей книге воспоминаний «...Сим вспоминаю» статью, основывающуюся на документах бывшего архива КГБ, который сегодня находится в подчинении Архивного управления Министерства внутренних дел Грузии. Книга посвящена политически мотивированным репрес-

сиям периода 1921–1953 гг. в отношении врачей и медицинского персонала; носит биографический характер и построена по лексикографическому принципу. В предисловии автор подчеркивает, что в любом диктаторском режиме, какую бы идеологию он не проповедовал, ни один из членов общества не застрахован от произвола. Опираясь на перечень медицинского персонала, павшего в Грузии жертвой репрессий, Курхули на примере отдельных случаев показывает функционирование механизмов власти. При этом он широко использует следственные дела из Архива МВД, а также собранные им письменные воспоминания пострадавших⁴².

Внимание бывшего премьер-министра самопровозглашенной Абхазии историка Сергея Шамбы адресуется главным образом Абхазии, при этом Шамба подчеркивает особые жертвы, которые понесла эта кавказская республика. Однако центр тяжести его исследований, в отличие от коллеги по историческому цеху Анчабадзе, лежит в области репрессий против партийных элит, а не интеллигенции⁴³. При этом Шамба не принимает во внимание клановую систему патронажа советских элит. Эта социоструктурная особенность элит сталинской эры, в том числе на Кавказе, служит предметом изучения лишь западных историков⁴⁴. Шамба, следуя советской традиции, трактует историю Абазии исключительно как политическую историю, которую он инструментализирует для решения злободневных политических задач.

2. Источниковая база: состояние и проблемы

Практически нетронутая целина в области исследований Большого террора в Грузии объясняется прежде всего неготовностью общества. Однако даже при наличии мотивации к серьезному противостоянию со сталинизмом и его массовыми репрессиями существенным препятствием выступает проблема источниковой базы. Не только представленная выше мемуарная литература и интервью, но и государственная политика в области памяти, вплоть до трудов историков, испытывают острую и трудновосполнимую нужду в архивных документах времен Большого террора, которые могли бы существенно расширить и дополнить уже имеющиеся сведения. Большой частью эти документы были уничтожены во время гражданской войны 1991 г. Речь в данном

случае идет о документах органов ОГПУ-НКВД 1920–1930-х годов в целом и всех следственных делах советского периода в истории Грузии в отношении осужденных и позднее реабилитированных лиц. Здание комитета государственной безопасности, в котором хранились архивно-следственные дела реабилитированных, было полностью сожжено во время беспорядков гражданской войны в Грузии. Точно такая же печальная судьба постигла в Тбилиси архив милиции; в результате безвозвратно утрачена важнейшая информация о методах и механизмах реализации в Грузии социально-политических задач, поставленных руководством ВКП(б) в 1930-е годы.

И все же достаточно большое число документальных материалов, в том числе касающихся «Большой чистки», удалось спасти. Наиболее важные из них сконцентрированы в двух отделах Архива Министерства внутренних дел Грузии⁴⁵. Ниже приводится их короткое описание.

В первом отделе Архива МВД Грузии хранятся следственные дела на нереабилитированных лиц за весь период советской истории⁴⁶. Речь идет преимущественно о делах, заведенных органами милиции, то есть о делах уголовников и т. н. деклассированных элементов (маргиналов). Этот комплекс дел сохранился полностью. На их основе могут быть реконструированы социально мотивированные репрессии.

Что же касается следственных дел по «политическим» статьям, то они сохранились лишь в крайне незначительном объеме, поскольку подавляющее большинство «политических» осужденных было реабилитировано, а архив с этими делами уничтожен. Таким образом, сложилась необычная ситуация: в распоряжении историков практически не осталось дел представителей партийных и советских функциональных элит, равно как и элит царской империи. Однако также утрачены следственные дела в отношении большого количества представителей простого или непривилегированного населения: крестьян, деревенских священников, монахов, мулл и рабочих, которые осуждались в массовом порядке и процесс реабилитации которых начался еще в середине 1950-х годов.

Еще один важный документальный комплекс в первом отделе Архива МВД Грузии образуют так называемые расстрельные списки. В этот комплекс входят не только формальные акты о приведении приговора в исполнение и соответствующие перечни казненных, но также сопроводительные документы, которые дают

возможность анализировать механизмы выявления «врагов народа», передачу жертв от одних карательных инстанций другим, и, не в последнюю очередь, содержат подробности самой процедуры, причем даже указывается, каким образом должны были быть казнены жертвы – «выстрелом в правый висок»⁴⁷.

Поскольку первому отделу Архива МВД был также передан комплекс дел из «милицейского» архива, то здесь в том числе находится собрание нормативных актов и приказов, адресованных органам милиции в 1936–1938 гг.⁴⁸. Эти источники директивного характера позволяют делать выводы о том, в какой мере московское, но также и грузинское руководство непосредственно реагировало на определенные экономические и общественные проблемы, такие как спекуляция, воровство, проституция, хулиганство и т. п. В то же время материалы милиции показывают, что стремление режима увеличить степень своего воздействия на общество порождало серьезные проблемы, которые власть в свою очередь считала себя обязанной устранять, в том числе и с помощью массовых репрессий.

Но самым важным из документов карательных органов, содержащих сведения о репрессиях 1930-х годов, является сохранившийся комплекс документальных материалов массовых операций Большого террора 1937–1938 гг. В первую очередь речь идет о протоколах заседаний *особой тройки НКВД Грузинской ССР*, так называемой «*кулацкой*» *тройки* – внесудебного чрезвычайного органа, действовавшего с августа 1937 г. по октябрь 1938 г. и осудившего в Грузии по оперативному приказу НКВД СССР № 00447 в отношении «кулаков, уголовников и других контрреволюционных элементов» более 20 000 человек. Сохранились также документы НКВД, содержащие сведения о так называемых *национальных операциях*, в ходе которых в Грузии в массовом порядке преследовались немцы, поляки, турки, иранцы и т. д., в частности – протоколы так называемой *особой («национальной») тройки*, в которых приведены данные почти 500 осужденных. Так называемые «альбомы»⁴⁹, результат осуждения жертв национальных операций *двойками* в «альбомном» порядке, практиковавшемся до сентября 1938 г., в Грузии утрачены. Зато сохранились протоколы, содержащие приговоры *двойки* в отношении каждого отдельного осужденного⁵⁰. Всего *двойкой* было репрессировано около 1 600 человек. Не в последнюю очередь также доступны протоколы заседаний «*милицейской*» *тройки* за 1934–1938 гг.⁵¹ Жертвами этой *тройки* стали более 2 200 человек.

Однако этот источник имеет существенную лакуну – утрачены 42 важных протокола, а именно с апреля 1937 г. по июнь 1938 г. (протоколы от № 54/11 до № 96/53). Но поскольку в наличии имеются соответствующие следственные дела, то утраченные протоколы «милицейской» тройки в целом могут быть реконструированы, хотя и с большими усилиями⁵².

Именно «грузинские» протоколы этих трех *троек* – «кулацкой», *особой* («национальной») и «милицейской» – обладают огромной ценностью, поскольку содержат краткое изложение архивно-следственных дел, большей частью безвозвратно уничтоженных огнем⁵³.

Во втором отделе Архива МВД хранятся документы бывшего Архива ЦК Коммунистической партии (большевиков) Грузии. Важнейшим источником для исследования репрессий из документов этого отдела являются «совершенно секретные» «Особые папки» бюро ЦК КП(б) Грузии. В них сведения о репрессиях присутствуют в сжатом виде в форме прямых директив республиканского ЦК, адресованных НКВД и содержащих указания о проведении массовых карательных акций, а также показательных судебных процессов против председателей колхозов, директоров фабрик, партийных секретарей и чиновников СНК Грузии⁵⁴. Однако большим недостатком «Особых папок» является то, что из них систематически изъяты дополнительные материалы, обычно прилагавшиеся к протоколам заседаний ЦК. В других многочисленных документах, помимо «Особых папок», информация о репрессиях является абсолютным исключением или о них упоминается лишь в косвенной форме. В первую очередь эти документы содержат сведения о социально-экономической политике грузинского руководства. Это важно постольку, поскольку в историографии присутствует подход, согласно которому существовала непосредственная связь между социальными и хозяйственными проблемами на местах и выбором определенных целевых групп репрессий.

Следующий тип источников – протоколы заседаний первичных партийных ячеек НКВД, милиции и прокуратуры – содержится в фонде № 1075. Однако и здесь, что удивительно, речь о репрессиях идет лишь мимоходом, дискуссии касаются массовых операций только краем⁵⁵. В любом случае эти дела мало что дают.

Что касается биографических данных о самих карателях, то они присутствуют в бывшем архиве ЦК, хотя и носят отрывочный характер. Многие сотрудники тайной полиции регулярно

проверялись партийными органами⁵⁶. Так, сохранились материалы партийной чистки сотрудников НКВД за 1929 год⁵⁷. Обращают на себя внимание автобиографии сотрудников НКВД, дающие возможность судить об их социальном происхождении, социальном статусе, а также содержащие самооценку их действий. Представляют также интерес документы партийного следствия в отношении сотрудников карательных органов после отстранения Берия от власти и его расстрела в 1953 году⁵⁸.

Государственный архив новейшей истории Грузии не пострадал в годы гражданской войны⁵⁹. Что же касается репрессивной тематики, то ценность здесь представляют документы Первого спецотдела государственной прокуратуры, которая с конца 1938 г. была обязана заниматься пересмотром следственных дел после получения соответствующих жалоб от осужденных или их родственников⁶⁰. Дополнительно здесь также хранятся дела «грузинской» комиссии по реабилитации жертв сталинских репрессий, созданной в 1954 году⁶¹.

3. Массовые операции НКВД 1937–1938 гг.

Описанная выше ситуация, сложившаяся с документальной базой периода репрессий 1937–1938 гг. в Грузии, наглядно показывает, что центральным комплексным источником для изучения этого периода истории республики являются протоколы трех различных троек: «кулацкой», особой («национальной») и милицетской. Именно эти документы находятся в центре внимания настоящего исследования. В отличие от всех остальных регионов бывшего Советского Союза эти протоколы троек впервые дают возможность комплексно изучить ядро Большого террора, которое в совокупности образовывали три наиболее массовые карательные акции:

«Кулацкая» операция

«Национальные» операции

Социально мотивированные репрессии «милицетской» тройки.

Кроме того, имеется возможность анализировать специфику этих массовых акций в сравнении с репрессиями против советских элит, а также их взаимную связь⁶².

При этом данные о репрессиях на основании «сталинских списков»⁶³ играют роль контрольного материала. Речь идет о спи-

сках жертв, подготовленных народным комиссаром внутренних дел СССР, где подлежащие репрессиям лица были упорядочены по республикам, краям и областям СССР. Как правило, в списки вносились имена представителей средних и высших партийно-советских элит, а также «бывших», членов «старых» элит (прежде всего деятелей культуры). Эти списки, в которых свыше 90 % лиц рекомендовалось осудить к расстрелу, визировались Сталиным и членами Политбюро.

Методологический анализ документов определяется главным образом спецификой архивного материала, а именно его характером массового источника. Таким образом, большей частью нами применяется просопографический метод: на основании трех отдельных банков данных, характеризующих три массовых операции («кулацкую», «национальную» и «милицейскую»), систематически учитываются и анализируются такие данные, как возраст, пол, место жительства и т. д., а также социальное происхождение и актуальный социальный статус жертв⁶⁴. Точно такая же информация, полученная в рамках составления аналогичного банка данных, привлекается для характеристики репрессий на основании «сталинских списков»⁶⁵. Даже те главы и разделы книги, которые тематически выходят за рамки количественного и качественного описания массовых репрессий, основываются на данных, полученных в результате широкой обработки настоящих массовых источников. Наша цель – с помощью соответствующих статистических данных дистанцироваться от стереотипных образцов осмысления и интерпретаций Большого террора, чтобы в свою очередь иметь возможность непредвзято оценить также всю совокупность других, зачастую разрозненных архивных материалов, таких как приказы, директивы, отчеты и политические постановления.

Проект концентрируется на Грузии. При этом авторы действуют в рамках уже давно наметившегося в историографии тренда – исследовать реализацию и последствия репрессий времен Большого террора с региональной точки зрения. Имеющиеся в нашем распоряжении документы карательных органов Грузии анализируются на предмет того, каким образом массовые операции, запланированные и управлявшиеся из центра (Политбюро ЦК ВКП(б) и Народным комиссариатом внутренних дел СССР), реализовывались местными органами на среднем и низшем уровнях. Главным при этом является вопрос, располагали ли сотрудники карательных органов на местах свободой действий, и если да, то

как они ее использовали и какими критериями руководствовались при аресте, допросе и осуждении. В общем и целом рассмотрение массовых операций НКВД с кавказской «периферии» может способствовать появлению более дифференцированных оценок в отношении всего Советского Союза, так как по меньшей мере самая массовая операция НКВД – по приказу № 00447 – отличалась тем, что московский центр в значительной степени передал свои карательные полномочия региональным элитам. «Обратное» включение Грузии в общесоюзный контекст происходит благодаря сравнению массовых репрессий в Грузии с репрессиями в других республиках, краях и областях СССР.

Факт уступки центром своих карательных компетенций периферии, в свою очередь, обещает послужить источником новых сведений об особенностях массовых репрессий в этой специфической советской республике. Не секрет, что Грузия была регионом, который характеризовался значительными межэтническими проблемами. Исходя из этого, в ходе исследования будут выявлены отклонения от общего образца массовых репрессий в исконно «славянских» областях Советского Союза.

Кроме того, Грузия имела прочные социал-демократические меньшевистские традиции: она была единственным регионом Российской империи, в котором меньшевики в ходе выборов Учредительного собрания в 1917 г. получили значительное количество голосов и сумели в 1918 г. образовать самостоятельное правительство под председательством Ноя Жордания, управлявшее независимой республикой вплоть до ее присоединения к СССР в 1921 г. Поэтому вопрос заключается в том, как эти особенности Грузии отразились в ходе массовых репрессий. Прежде всего подлежит проверке предположение, согласно которому местные властные элиты в случае необходимости использовали жупел «меньшевистского» прошлого, чтобы расправиться с критиками внутри коммунистической партии или другими «неудобными» лицами.

Часто встречающийся термин «элиты» здесь подразумевает три различных вида элит. Во-первых, это традиционные элиты, такие как религиозные вожди, бывшие «кулаки», купцы, дворяне, священники, буржуазия, а также функциональные элиты царской России. Во-вторых, это функциональные советские элиты – партийные, государственные и хозяйственные. В-третьих, это лица, имевшие как минимум среднее и высшее образование. Однако следует учитывать, что в советских условиях связь между высо-

ким постом и сравнительно хорошим образованием зачастую отсутствовала. Лица, занимавшие руководящие должности, нередко были малообразованными, либо не имели образования вообще, либо обладали явно недостаточной квалификацией. И, тем не менее, они также могут рассматриваться как элиты. Наоборот, к «простому» населению следует причислить тех лиц, которые имели хорошее образование и высокую профессиональную квалификацию, но по политическим и идеологическим причинам практически не пользовались привилегиями и ресурсами, распределявшимися исключительно государством.

Публикация состоит из двух томов. В первом томе производится анализ массовых операций НКВД, во втором томе представлены архивные документы, характеризующие репрессии Большого террора в Грузии.

В первом разделе первого тома («Статистика») сначала будут реконструированы такие базисные характеристики, как *количественные* и *качественные* параметры репрессий в рамках трех массовых операций Большого террора. Основой для этого являются три вышеупомянутых банка данных, с опорой на которые можно получить соответствующие сведения отдельно по каждой из трех операций. База данных репрессий на основании «сталинских списков» играет роль точки отсчета.

При исследовании *количественных* параметров репрессий будет установлено, какое число жертв было осуждено в рамках каждой из операций и насколько высока была мера наказания. После этого на основании полученных данных будет проведено сравнение массовых операций как между собой, так и – чтобы избежать изолированного рассмотрения Грузии – с рядом других регионов Советского Союза. Что же касается *качественного* анализа данных, то в центре исследования окажутся уже социальное происхождение и социальный статус жертв. Кроме этого, будут представлены и другие дифференцированные статистические данные, такие как уровень образования жертв.

Во втором разделе («Специфика») на первом месте находится тематически упорядоченный анализ, направленный на выявление характерных особенностей осуществления массовых операций НКВД в Грузии. Сначала будет доказано сравнительно меньшее значение национальных операций в Грузии в отличие от Советского Союза в целом. Подчеркивается относительная «мягкость» репрессий, то есть подчиненная роль смертной казни.

Одной специфической особенностью Грузии является широкое осуждение элит *«кулацкой» тройкой*, целевой группой кото-

рой традиционно выступала так называемая «низовка» массовых операций – простое население. Глава «Регионализация карательных полномочий» посвящена смешению элит и простого населения в качестве контингента «кулацкой» тройки, и исследование этого феномена сочетается со структурным анализом места и роли региональных и центральных органов НКВД в составе всей карательной бюрократии СССР. В этой связи особый интерес авторов вызывает степень иерархизации и бюрократизации репрессий, в особенности феномен «разделения труда» между отдельными карательными структурами. При этом специфические особенности Грузии вновь рассматриваются в соотношении с общесоюзными структурными трансформациями в рамках осуществления репрессий.

В заключение авторы еще раз обращаются к рассмотрению темы преследования диаспор. Вопрос заключается в том, имел ли Большой террор, осуществлявшийся в такой полиэтничной республике, как Грузия, этнические тенденции или даже черты геноцида. Новым в таком подходе является в особенности метод исследования. Репрессии в отношении отдельных диаспор больше не рассматриваются изолированно, они изучаются вместе с репрессиями против всех других этносов, представленных в Грузии, таких как абхазы, осетины, езиды, курды, вплоть до титульной нации республики – грузин. Кроме того, национальная политика руководства Грузии будет рассмотрена в контексте общесоюзной национальной политики Москвы.

Третий раздел («Дискуссия») посвящен вопросу, который вызвал в Грузии острую полемику: обладал ли террор, наряду с социальными, политическими и территориальными аспектами, также и этнической составляющей? Этот вопрос был поставлен авторами в главе «Специфика».

В четвертом разделе («Интервью») слово предоставляется близким жертв массовых операций, которые в ходе «тематически ориентированных» интервью вспоминают о годах Большого террора. Эта часть – новая, хотя и ограниченная попытка продемонстрировать потенциал такого рода опросов. Фокус сконцентрирован на «простом» населении из сельской среды⁶⁶.

Во втором томе настоящего издания публикуются документы, упорядоченные по определенным темам. Они служат цели помещения массовых репрессий в общеисторический контекст. Таким образом, будут использованы не только документы по массовым операциям НКВД, но и привлечены документальные источники,

отражающие предысторию террора, экономическую ситуацию в деревне, выборы в Верховный Совет СССР, преследования элит и, в конечном итоге, политику реабилитации.

Во втором томе также компактно представлены и прокомментированы таблицы, которые образуют основу для аналитических частей первого тома настоящего издания.

Название книги отсылает к заявлению Л.П. Берии, сделанному на собрании актива партийной организации Тбилисского горкома КП(б) Грузии, состоявшемся 10 июля 1937 г. На этом собрании обсуждались решения июньского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б). В частности, Берия потребовал: «Необходимо сейчас навести большевистский порядок в деле правильного использования колхозной земли»⁶⁷.

В основе графического оформления обложки – работа художника Конрада Клапека «Воля к власти» (Konrad Klapheck. «Der Wille zur Macht». 1959).

Настоящее издание является результатом научно-исследовательского проекта «Сталинские массовые репрессии в Грузии в 1937–1938 гг. Перспектива кавказской периферии», осуществлявшегося в 2009–2014 гг. Финансовая поддержка проекту была предоставлена Фондом Фольксвагена. Руководство проектом осуществлялось Германским историческим институтом в Москве и Рурским университетом в Бохуме. Наряду с главным исполнителем проекта Марком Юнге в его реализации приняли участие немецкие и грузинские ученые. Кроме участников, персонально отмеченных в оглавлении тома, сотрудники Архива МВД Грузии во главе с его директором Омаром Тушурашвили составили несколько баз данных массовых операций НКВД, неоднократно использовавшихся при написании книги. Руководителем проекта являлся Бернд Бонвеч, отвечавший также за содержательное и стилистическое редактирование рукописи. Перевел книгу с немецкого языка на русский кандидат исторических наук Андрей Савин (Новосибирск).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Baberowski J. Zivilisation der Gewalt. Die kulturellen Ursprünge des Stalinismus.* – Berlin, 2005. С. 62; *Он же: Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus.* – München, 2004. С. 204–208; *Suny R. Beyond Psychohistory.*

Young Stalin in Georgia // *Slavic Review*. 50. 1991. С. 48–58. Эта характеристика опирается главным образом на описание друга юности Сталина, меньшевика Иосеба Иремашвили. См.: *Iremaschwili J. Stalin und die Tragödie Georgiens*. – Berlin, 1932 (в Грузии книга опубликована в 2006 г. с предисловием Шота Бадридзе). <http://www.dobrudscha.de/stalirema1.htm> (31.01.2011). См. также: *Trotzky L. Stalin. An Appraisal of the Man and his Influence*. – London, 1940 // <http://www.marxists.org/archive/trotsky/1940/xx/stalin/ch01.htm> (31.01.2013); *Montefiore S. Young Stalin*. – London, 2007; *Service R. Stalin. A Biography*. – London, 2004; *Smith E.E. The Young Stalin. The Early Years of an Elusive Revolutionary*. – London, 1968. Анализ историографии по этому поводу см.: *Galy A. Adapting to Russia's changing approaches to its past: the Western historiography of Stalin and Stalinism*: http://academia.edu.documents.s3.amazonaws.com/1757304/Newcastle2010.Final_version_article.pdf (31.01.2013).

² *Baberowski*. Der rote Terror. С. 16, 73, 140, 205.

³ Der Fall Berija. Protokoll einer Abrechnung. Das Plenum des ZK der KPdSU, Juli 1953. Stenographischer Bericht / Сост. V. Knoll, L. Kölm. – Köln–Berlin, 1993; *Knight Amy W. Beria. Stalin's first lieutenant*. – Princeton, 1993; *Beria S.L. Beria, my father. Inside Stalin's Kremlin*. – London, 2001.

⁴ О восхождении Берии к власти и его характере см. воспоминания литератора и бывшего депутата от национальных демократов в грузинском парламенте с 1918 по 1921 гг., которые он отважился записать в 1954 г.: *Kikodze G. Tanamedrovis čanac'erebi – Notes of a Contemporary Man*. – Tbilisi, 2003. С. 82–84. Согласно этим воспоминаниям, Серго Орджоникидзе характеризовал Берию как «маленького Азефа» и глубоко не доверял ему. Единственное в своем роде структурно-историческое исследование аграрной специфики Грузии предлагает географ Реваз Гахехиладзе. См.: *Gachechiladze R. New Georgia. Space, society, politics*. – London, 1995 (Changing Eastern Europe Series). Интерес также представляет его попытка, поместить историю Грузии 20 века в широкий исторический контекст за счет сочетания геополитики, структурной истории и микроистории. См.: *Gačėčiladze R. Čemi XX sauk'une. c'ina sauk'unis sakartvelo msoplio geop'olitik'isa da ist'oriiis k'ont'ekst'si. I t'omi* [Мой 20 век. Грузия прошлого столетия в геополитическом и историческом мировых контекстах. Том 1]. – Tbilisi, 2008. С. 273–291. По этому поводу см. также: *Daušvili A. socialuri brdzolis pornebi XX sauk'unis 20-iani c'lebis sakartveloši (mušata garpicvebi)* [Формы социальной борьбы 20-х годов в Грузии – протесты рабочих] // *K'lio (saist'orio almanachi)* 2000. № 8. С. 184–206; *Кочламашвили П.Г. Социально-экономические отношения в грузинской деревне (1917–1937 гг.)* (Автореферат). – Тбилиси, 1983.

⁵ См., например: *Cornell S.E. Autonomy as a source of conflict: Caucasian conflicts in theoretical perspective* // *World Politics*. 2002. № 2. 54. С. 245–276; Турки и месхетинцы. Турки-месхетинцы: Интеграция? Репатриация? Эмиграция? / Под ред. Т. Триера и А. Ханжина. – СПб., 2007.

⁶ *Анинский Л.* Покаяние // Киноглобус. Двадцать фильмов 1987 года [Текст]: сборник / Сост.: О.М. Сулькин, П.Г. Шепотинник. – М.: Киноцентр, 1989. С. 64–69. Фильм снимался в 1984 г. не для киностудии «Грузия-

фильм», находившейся под жестким контролем московской цензуры, а для государственного телевидения Грузии. См.: *Christensen J.* Tengiz Abuladze's Repentance and the Georgian Nationalist Cause // *Slavic Review*. 50. 1991. С. 163–175; *Blunk H.* Die Geburt eines Spielfilms aus dem Geist einer postmodernen Ästhetik. Tengiz Abuladzes «Die Reue» (Georgien/UdSSR 1984) // *Deutsche Studien*. Vierteljahreshefte. 30. 1993. № 119. С. 219–239.

⁷ Формулировка принадлежит руководству музея и была высказана во время экскурсии в 2009 г., в которой авторы принимали участие. Детальный анализ исторического нарратива этой выставки, как это в свое время было сделано для экспозиций музеев оккупации прибалтийских республик, все еще отсутствует. См.: *Aro V.* Occupied Identities: National Narratives in the Baltic Museums of Occupation // *Journal of Baltic Studies*. 42. 2011. Nr. 2. С. 189–211.

⁸ См.: по этому поводу в особенности главу «Этнос и террор».

⁹ К вопросу о терминологии см.: *Kershaw I.* Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. – Hamburg, 1999. С. 67; *Kershaw I.* Popular Opinion and Political Dissens in the Third Reich. Bavaria 1933–1945. – Oxford 1983. С. 374–376; *Beyrau D.* Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. – Göttingen, 2000. С. 10. Критические размышления по поводу адекватности термина «сопротивление» см.: *Plum G.* Widerstand und Resistenz // *Das Dritte Reich*. Herrschaftsstruktur und Geschichte / Hrsg. von M. Broszat, H. Möller. – München, 1983. С. 263–264.

¹⁰ *Andronikashvili Z.* Denkmalkultur in Georgien / Geisteswissenschaftliche Zentren Berlin. Bericht über das Forschungsjahr 2008. – Berlin, 2009. С. 73–83.

¹¹ Culture Ministry: Stalin Statue, Removed Three Years Ago, Planned to Be Put in His Museum // *Civil Georgia*. Tbilisi / 30 July 2013 (<http://civil.ge/eng/article.php?id=26319&search=>) (20.11.2013); Stalins Heimatstadt Gori erhält dessen Denkmal wieder // <http://de.ria.ru/society/20130730/266580114.html> (16.10.2013).

¹² http://www.parliament.ge/pages/archive_en/history/ (12.10.2013). Комиссия по вопросам территориальной целостности Грузии следует этому предположению, согласно которому репрессии в отношении абхазской интеллигенции в 1937 г. якобы являются исключением в истории грузино-абхазских отношений, которые во всем остальном были свободны от какой-либо дискриминации. См: http://www.parliament.ge/files/613_8103_569858_recomendat_7_06_2006.pdf (07.01.2013). И все же в другом месте Анчабадзе поведал о судьбе своей семьи. См.: *Anchabadze G.* Mass Terror in the USSR: The Story of One Family // *Caucasus Analytical Digest*. 01.12.2010. № 22 <http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/CAD-22-13-16.pdf> (11.01.2014).

¹³ *Götz R., Halbach U.* Politisches Lexikon GUS. – München, 1992. С. 90. Энциклопедия излагает здесь точку зрения Р. Суни. См.: *Suny R.* The Making of the Georgian Nation. – Indiana, 1994. С. 272. См. также: *Sonyulašvili A.* Int'eligencia da p'olit'ik'a XX sauk'unis 20–30-iani c'lebis sakartveloši [Интеллигенция и политика в 1920-х и 1930-х годах в Грузии] // *K'lio* (saist'orio almanachi). 2000. № 8. С. 158–183.

¹⁴ *Suny.* The Making. С. 280.

¹⁵ *Vachnadze M., Guruli V., Baxmadze M.* История Грузии. Часть 2 (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/33.php) (16.10.2013).

¹⁶ *Daušvili A.* T'bilisi 1937. Masobrivi represiebi t'bilisis samrecvelo šromit' kolek'tivebši [Тбилиси-1937. Массовые репрессии в промышленных рабочих коллективах в Тбилиси]. – Tbilisi, 1997. Обобщенно см.: *Даушвили А., Наммеладзе М.* Новейшая история Грузии. – Тбилиси, 2010. С. 130–137.

¹⁷ В отношении других регионов Кавказа также отсутствуют исследования, посвященные массовым репрессиям. Сравнительно хорошо изучены репрессии в отношении элит, в рамках которых массовые операции НКВД упоминаются лишь попутно. В случае с Азербайджаном в этом контексте необходимо упомянуть монографию Й. Баберовски Й. См.: *Baberowski J.* «Der Feind ist überall». Stalinismus im Kaukasus. – Berlin, 2003. В случае с Арменией в аналогичном ключе написаны следующие работы: *Melkonian E.* Repressions in 1930s Soviet Armenia // *Caucasus Analytical Digest.* 22. 2010. С. 6–8; *Manukian A.* [Political repressions in Armenia in 1920–1953]. – Yerevan, 1999 (на армянском языке). Репрессии в отношении простого населения в Азербайджане упоминаются в: *Ismailov E.* 1937. «Great Terror» in Azerbaijan // *Caucasus Analytical Digest.* 22. 2010. С. 9–12.

¹⁸ На этом фоне существенно выделяется написанная в ревизионистской традиции монография Венди Голдман, посвященная изучению коллективов трудящихся и профессиональных союзов, в которой автор пытается выявить социальную динамику репрессий. См.: *Goldman W.Z.* Terror and Democracy in the Age of Stalin. The Social Dynamics of Repression. – Cambridge, 2007.

¹⁹ *Asatiani N., Janelidze O.* History of Georgia. From Ancient Times to the Present Day. – Tbilisi, 2009. С. 387. Публикация А. Сонгулашвили представляет собой рассуждения в моральном духе с опорой на историографию периода перестройки. См.: *Sonyulašvili A.* Sakartvelos «sabčota p'erioidis» ist'oriis p'roblemebi [Проблемы истории «советского периода» Грузии] // *K'lio (saist'orio almanaxi).* 2000. № 9. С. 109–136. Единственное на сегодня общее изложение всего советского периода Грузии с 1921 по 1990 гг. присутствует в: *Даушвили А., Наммеладзе М.* Новейшая история Грузии.

²⁰ *Gačėcilaze R.* Čemi XX saukune. S'ina saukunis sak'art'velo msop'lio geopolitikisa da istoriis kontek'stši. I tomi [Мой 20 век. Грузия прошлого века в мировом геополитическом и историческом контексте. I Том]. – Tbilisi, 2008. О массовых репрессиях в СССР см. С. 292–300, в Грузии – С. 298–299.

²¹ Определение Кикодзе.

²² *Kikodze.* Notes of a Contemporary Man. С. 89.

²³ Автор от руки записал свои воспоминания в 1972 г. на 107 страницах, однако из страха никому об этом не рассказывал. Лишь 16 лет спустя первые выдержки из них были опубликованы в газете «lit'eraturuli sakartvelo» (4, 11, 18.03.1988). См.: *Mgaloblišvili M.* 1937 – rep'resirebulis mogonebebi [1937 – воспоминания репрессированного] [С предисловием М. Антадзе о жизни автора]. – Tbilisi, 1990.

²⁴ *Grigol Vašadzes p'iradi arkivi* [Частный архив Г. Вашадзе] / *Sakartvelos p'arlament'is ilia č'avč'avazes saxelobis erovnuli bibliotek'a.* – Tbilisi, 2009. (<http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/collect/0001/000562/New%20Microsoft%20Word%20Document.pdf> – 15.07.2013) Описание периода 1937–1941 гг. См. 127–

133. (<http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/collect/0001/000562/New%20Microsoft%20Word%20Document.pdf> – 15.07.2013).

²⁵ *Čark'viani K.* Gancdili da naazrevi. c'igni p'irveli [Пережитое и передуманное. Первый том]. – Tbilisi, 1985; Репринт «gancdili da naazrevi, 1906–1994. Mogonebebi [Пережитое и передуманное. Воспоминания, 1906–1994]. / Сост. Z. Žibladze. – Tbilisi, 2004; Čark'viani G. Int'erviu mamastan. k'andid čark'viani st'alinis, berias da gviandel st'alinuri ep'ok'is sakartvelos šesaxeb [Беседы с отцом. Кандид Чарквиани о Сталине, Берии и эпохе позднего сталинизма в Грузии]. – Tbilisi, 2013.

²⁶ После своего назначения на пост первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Акакий Мгеладзе обосновывал свое видение проблемы Абхазии в совершенно секретном письме Сталину от 4 декабря 1952 г. Он оправдывал огрузинивание абхазских школ плохими показателями их работы. См.: <http://www.pseudology.org/Menshevik/MgeladzeAI.htm> (03.01.2014). Грузин Мгеладзе возглавлял партийную организацию Абхазской АССР с 1943 г. по 1952 г. См.: Абхазия в Советскую эпоху. С. 66, 81–87 (первое «абхазское» письмо от 25.02.1947 г.).

²⁷ См.: Dak'arguli ist'oria. Mexsireba rep'resirebuli kalebis šesacheb [Потерянная история: воспоминания о репрессированных женщинах] / A. Margvelašvili, Irakli Chvadagiani, Giorgi Šaišmelašvili, David Gogišvili. – Tbilisi, 2012. По книге снят документальный фильм, ей же посвящена передвижная выставка, которая, в том числе, экспонировалась в музее Сталина в Гори. См.: фильм с английскими субтитрами: <http://www.youtube.com/watch?v=WfkrfKY-3E8>.

²⁸ Протокол № 34 заседания тройки при НКВД по Грузинской ССР [«кулацкая» тройка] от 15.10.37 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37394. Том 1. Л. 23.

²⁹ Протокол № 62 заседания тройки при НКВД по Грузинской ССР [«кулацкая» тройка] от 22.02.38 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Том 2. Д. 38446. Л. 39.

³⁰ Авторы благодарят Матиаса Клингенберга за обзор книги.

³¹ «Alžiris» pat'imarta port'ret'ebi – st'alinizmis ist'oriidan – Portraits of the prisoners of ALZHIR: History of Stalinism / Сост. N. Ležava, N. Bekišvili, Tbilisi: Heinrich Böll Stiftung South Caucasus Regional Office, 2008 (опубликовано только на грузинском языке с предисловием Арсения Рогинского, которое посвящено истории лагеря для жен «изменников Родины» (S. 9–23)). См. также отличающиеся высокой степенью рефлексии воспоминания образованной женщины, не входившей в число советской элиты: *Kavtaraže L.* 28 c'eli gulagši [28 лет в ГУЛАГе]. – Tbilisi, 2008. С. 59. Недавно Нино Цихистави опубликовала письма из ГУЛАГа Луки Цихистави. См.: C'erilebi ožaxs [Письма семье] (1937–1957) / Сост. N. Cixistavi. – Tbilisi, 2011.

³² Только лишь историк Гиоргий Майсурадзе, будучи сотрудником берлинского «Центра исследований литературы и культуры» (Zentrum für Literatur- und Kulturforschung), в рамках проекта «Апории форсированной модернизации: фигурации национального в советской империи» (Aporien forciertes Modernisierung: Figurationen des Nationalen im Sowjetimperium),

руководитель проекта Франсиска Тун-Хоенштайн) изучает взаимозависимость национальных грузинских форм репрезентации в мультинациональном советском государстве. Описание проекта см.: <http://www.zfl.gwz-berlin.de/forschung/europaeische-kulturgeschichte/aporien/> (31.01.2013). Его журнальные статьи, отличающиеся критической рефлексией, выделяются также своей аналитической насыщенностью в публичных дебатах о советском прошлом Грузии и представляют преимущественно молодое, прозападное и либерально настроенное меньшинство в составе грузинского общества. См.: Die geschlossene Gesellschaft und ihre Hüter // *Cxeli ok'oladi* [Горячий шоколад]. 46. 2009. С. 84–92; Die Rückkehr des Mittelalters // *Cxeli ok'oladi*. 47. 2009. С. 90–104; Der Akzent Stalins und die Apokalypse der georgischen Sprache // *Cxeli ok'oladi*. 48. 2009. С. 94–104; Patriotismus als Religion // *Cxeli ok'oladi*. 49. 2009. С. 86–96; Gemeinschaft und Gesellschaft // *Cxeli ok'oladi*. 50. 2009. С. 90–98; Vom Pantheon zum Pantheon // *Cxeli ok'oladi*. 53. 2009. С. 88–96. Недавно эти статьи были опубликованы в книжном формате: maisradze g. čak'et'ili sazogadoeba da misi daražebi [Закрытое общество и его охранители]. – Tbilisi, 2011.

³³ См.: *C'oc'anize G. Tušuri kronik'ebi. menševik'uri p'eriodi – samanlebi* [Хроники Тушети. Меншевицкий период. Саманы]. – T'bilisi, 2004. В этой книге описывается история горного региона Грузии – Тушети и его вайнахского населения, кистинцев, относящихся к чеченцам, которые участвовали в 1924 г. в антибольшевистском восстании, а во время Второй мировой войны образовали воинственную группу антисоветского сопротивления. См. также: *Berize M. pirdapiri reportazhebi carsulidan. mesxet'i da mesxebi, 1918–1944* [Прямой доклад из прошлого. Месхетия и месхетинцы, 1918–1944]. – Tbilisi, 2004. Марина Табукашвили выступает координатором этого проекта при Open Society Georgia Foundation и возглавляет TASO Foundation для женщин, а также примыкающий к фонду Центр по исследованию воспоминаний. См.: <http://taso.org.ge/cgi-bin/index.pl?l=2> (только на грузинском, 07.01.2013). На английском: *Georgian Narratives. A Century and Beyond / Tabukashvili (Comp.-ed.)*. – M.–Tbilisi, 2013.

³⁴ Что касается этой разницы для Грузии в позднее советское время, см. в особенности: *Jones St. Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and Memory in the Georgian Republic // Memory, History, and Opposition under State Socialism / Ed. by R.S. Watson*. – Santa Fe, 1994. С. 149–165.

³⁵ Полиэтническая Грузия. XX век / Сост. Б. Царахова. – Тбилиси, 2004. См.: воспоминания осетинки Ирины Газавой (С. 57–58); немки Майи Гресель (С. 75), армянки Марго Камендзян-Сасунян (С. 120), грузинки Джульетты Парулава (С. 208).

³⁶ Полиэтническая Грузия. XX век. С. 13

³⁷ Там же. С. 57.

³⁸ *Blauvelt T.K. Abkhazia. Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers*. 35. 2007. № 2. С. 203–232.

³⁹ Психолог-клиницист Яна Явакхивили (*Javakhishvili*) уже несколько лет проводит интервью с членами семей жертв репрессий 1937–1938 гг., чтобы изучить формы и способы трансляции травматического опыта. К сожалению, она еще не опубликовала результаты своих исследований, как

это уже было сделано, например, в Прибалтике. См.: The Psychology of Extreme Traumatization. The Aftermath of Political Repression (Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania) / Gailienė Danutė (Ed.). – Vilnius, 2005.

⁴⁰ *Hadjibeyli D.* The 1937 Trials of Adzharian Leaders // *Caucasian Review*. 1959. № 8. С. 21–26.

⁴¹ *Гваршивили О.М.* Сталин и злопамятный 1937 г. – Батуми, 2000.

⁴² *Kurchuli A.* da rom gachsovdes [...сим вспоминаю]. – Tbilisi, 2004 – http://87.253.48.48/arch/avtandil_qurxuli.php (07.01.2013).

⁴³ <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1200511.html> (15.10.2013). Более подробно позиция С. Шамбы изложена в главе «Регионализация карательных полномочий» настоящей книги.

⁴⁴ *Blauvelt.* Abkhazia. С. 203–232. Согласно данным, приведенным Игорем Марыхубой, в течение 16 месяцев в Абхазии были арестованы 2186 человек, из них 794 – расстреляны. См.: Абхазия в Советскую эпоху. Абхазские письма. 1947–1989. Сборник документов. Том 1 / Сост. И.С. Марыхуба. – Сухуми, 1994. С. 66.

⁴⁵ Архив Министерства внутренних дел Грузии (АУ МВД). 1-й отдел архива находится по адресу: 72 Vazha-Pshavela Avenue, Tbilisi, Georgia. E-mail: archive@mia.gov.ge. Web. site: http://archive.security.gov.ge/contact_eng.html. По этому адресу можно также связаться со всеми другими отделами архива.

⁴⁶ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. В первом отделе хранятся дела в следующем соотношении: 75% – архив Комитета Государственной Безопасности и 25% – милицейские дела.

⁴⁷ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12.

⁴⁸ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 98, 99, 112, 113. В архиве также хранятся материалы за 1920–1990 гг.

⁴⁹ В ходе операций по «национальным линиям» применялся особый (впервые вводимый в практику НКВД) порядок осуждения – «альбомный»: работники управлений НКВД на местах по окончании следствия составляли справки на каждого арестованного с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на 5–10 лет), справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), подписывали, поддерживая или корректируя предложенные меры, начальник УНКВД и местный прокурор, затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел и прокурор СССР. Приговоры исполнялись по возвращении альбомов в местные УНКВД. Альбомный порядок осуждения практиковался до сентября 1938 г. См.: *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // *Репрессии против российских немцев. Наказанный народ.* – М., 1999. С. 39.

⁵⁰ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.

⁵¹ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 9. До мая 1935 г. речь идет о протоколах *милицейской тройки* Закавказской Социалистической Федеративной Советской республики. Потом в каждой кавказской советской федеративной республике была образована собственная *милицейская тройка*.

⁵² В каждом архивно-следственном деле присутствует дубликат протокола приговора тройки в отношении данного осужденного лица.

⁵³ Протоколы «кулацкой» тройки и «особой тройки» (национальные операции) хранятся в Ф. 9.

⁵⁴ Архив МВД Грузии. 2-й отдел. Ф. 14. Особая папка.

⁵⁵ Архив МВД Грузии. 2-й отдел. Ф. 1075.

⁵⁶ Архив МВД Грузии. 2-й отдел. Ф. 16. Оп. 18. Д. 27.

⁵⁷ Партийная чистка работников НКВД Грузии в 1929 г. // Архив МВД Грузии. 2-й отдел. Ф. 16. Оп. 18. Д. 27.

⁵⁸ Архив МВД Грузии. 2-й отдел. Ф. 14. Оп. 3. Д. 124. Л. 22–23.

⁵⁹ Сотрудники архива, рискуя собственной жизнью, воспрепятствовали тому, чтобы архив был захвачен вооруженными группами.

⁶⁰ Государственный архив новейшей истории Грузии. Ф. 498.

⁶¹ Государственный архив новейшей истории Грузии. Ф. 633; Ф. 1275.

⁶² Обзорное описание трех массовых операций НКВД см. в настоящем издании – в главе «Массовые операции НКВД».

⁶³ См. также главу «Регионализация карательных полномочий» в настоящей публикации.

⁶⁴ Базы данных деятельности троек были заложены Архивным управлением МВД Грузии. См. также главу «Базы данных: «кулацкая», «национальная» и «милицейская» тройки» в настоящей публикации.

⁶⁵ Банк данных по «сталинским» спискам был подготовлен Институтом развития свободы информации (Грузия) (Institute for Development of Freedom of Information). http://www.idfi.ge/archive/?cat=show_db&db_id=22&lang=en (13.01.2014) в рамках проекта «Сталинские списки в Грузии» (Stalin's Lists on Georgia). Под таким же названием скоро будет издана соответствующая книга.

⁶⁶ См. главу «Свидетельства родственников жертв массовых репрессий».

⁶⁷ См. документ № 9 «Стенографический отчет о выступлении первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Л.П. Берии на собрании актива Тбилисской организации КП(б) Грузии по вопросу «Об итогах июньского Пленума ЦК ВКП(б) от 10 июля 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

Марк Юнге

МАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ НКВД

В случае с массовыми операциями НКВД (термин конца 1930-х годов) речь идет о карательных акциях, проводившихся в масштабах всего Советского Союза в 1937–1938 гг. Вплоть до развала СССР сведения о них оставались государственной тайной, практически никому неизвестной, поскольку операции осуществлялись в обстановке полной секретности, а после их завершения царил тотальный запрет на доступ к информации и архивным источникам. Жертвы этих операций либо погибли, либо не относились к «пищушей» части советского общества, которая оставила после себя воспоминания. До начала 1990-х годов массовых операций НКВД просто не существовало, так как некому было о них рассказать¹. Ниже приводится их короткое описание.

1. «Кулацкая» операция

Самой масштабной из всех массовых операций являлась так называемая *«кулацкая» операция*, осуществлявшаяся на основании оперативного приказа НКВД СССР № 00447. Этот приказ, подписанный 30 июля 1937 г. народным комиссаром внутренних дел СССР Н.И. Ежовым, лег в основу репрессивной акции против бывших «кулаков», уголовников и других «антисоветских элементов», которая проводилась в авральном стиле, присущем всем кампаниям советской эпохи. Большую роль в разработке приказа № 00447 сыграл первый заместитель народного комиссара внутренних дел НКВД М.П. Фриновский. План операции был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г., и в тот же день приказ № 00447 был направлен к исполнению народным комиссарам

внутренних дел союзных и автономных республик, а также начальникам краевых и областных управлений НКВД.

Под термином «другие антисоветские элементы» подразумевались, во-первых, бывшие политические противники большевиков, такие как меньшевики, социалисты-революционеры, анархисты и т. п., во-вторых – священнослужители, офицеры и солдаты белых армий, служащие царской администрации. На жаргоне сотрудников НКВД и во внутренней переписке карательного ведомства время от времени акция именовалась в соответствии с ее главной целевой группой как «*кулацкая*» операция. Последовательное обозначение операции по приказу № 00447 как «кулацкой» операции и, соответственно, *троек*, сформированных во исполнение приказа № 00447, как «*кулацких*» *троек*, служит в настоящем издании для того, чтобы, во-первых, отличать их от массовых операций против немцев, поляков и т. д. (так называемые операции по «национальным» линиям против национальных диаспор) и, соответственно, от «национальных» *троек*, во-вторых – от «милицейских» *троек*.

Согласно нашим сегодняшним знаниям, в ходе «кулацкой» операции, проводившейся с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г., в рамках всего Советского Союза было осуждено около 800 000 человек, из них примерно половина – к смертной казни, остальные – к длительным срокам заключения². Приговоры осужденным выносились ускоренным способом внесудебными органами, состоявшими из трех человек – пресловутыми *тройками*, которые были образованы на областном, краевом³ и республиканском уровнях. В состав *тройки*, как правило, входили начальник соответствующего управления НКВД, первый секретарь областного, краевого или республиканского комитета ВКП(б), а также местный прокурор. Однако в Грузии вплоть до октября 1938 г. в состав *тройки* вместо секретаря ЦК КП(б) Грузии входил начальник республиканской милиции Шалва Церетели.

В настоящее время исследователями преимущественно введены в научный оборот документы из центральных архивов, в том числе содержащие сведения о руководстве «*кулацкой*» операцией со стороны московского центра⁴. Что же касается реализации этой самой масштабной внесудебной карательной акции на местах, то соответствующие исследования были проведены в отношении Украины, Алтайского края и Кунцевского района Московской области⁵.

2. «Национальные» операции

Наряду с *«кулацкой» операцией* органами НКВД в масштабах всего Советского Союза осуществлялась еще одна массовая карательная операция в отношении иностранцев – граждан соседних государств, проживавших в СССР, а также представителей национальных меньшинств, страна происхождения которых входила в число этих государств. В ходе так называемых *«национальных» операций* (операций по национальным линиям) было осуждено около 350 000 человек или даже 365 000, из них около 80 % – к смертной казни. Внесудебным органом, выносившим приговоры, сначала являлась так называемая *двойка*, а с 17 сентября 1938 г. – *«национальные» тройки*. Операции по национальным линиям были направлены против немцев, поляков, латышей, греков, турок, иранцев, японцев и т. д.⁶

В состав *двойки* входили прокурор республики, края или области и, соответственно, народный комиссар внутренних дел республики, начальник краевого или областного управления НКВД. Триумвират *«национальной» тройки* формировался на местах, как и в случае с *«кулацкой» операцией*, из народного комиссара внутренних дел республики, начальника краевого или областного управления НКВД, прокурора и секретаря республиканского ЦК, краевого или областного комитета ВКП(б). Важнейшее формальное отличие *двоек* от *троек* на местах заключалось в том, что *двойки* не могли приводить в исполнение свои приговоры без предварительной санкции со стороны так называемой *Высшей двойки* в Москве, действовавшей в составе председателя – народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова и члена – прокурора СССР А.Я. Вышинского. С этой целью составлялись так называемые *«альбомы»*, включавшие в себя по аналогии с протоколами *«кулацкой» тройки* короткие справки на каждого арестованного с предложением о приговоре. Эти *«альбомы»* отправлялись вместе со следственными делами в Москву, где должны были получить санкцию *Высшей двойки*.

Замена *двоек «национальными» тройками* была произведена согласно оперативного приказа НКВД СССР № 00606 «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и других» за подписью Н.И. Ежова от 17 сентября 1938 г.⁷ В пункте 10 приказа, проект которого был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1938 г.,

предписывалось организовать в республиках, краях и областях так называемые «*особые тройки*», которые мы во избежание путаницы именуем здесь «*национальными тройками*». Заявленной целью приказа № 00606 было создание *троек* в интересах «быстрейшего рассмотрения следственных дел на лиц, арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 22485, 00439 и 00593–1937 г. и № 302 и 326–1938 г.». Таким образом, приказ затрагивал все приказы и директивы, изданные в рамках *национальных операций*, и должен был в первую очередь послужить, как следовало из его третьего пункта, для оперативного рассмотрения скопившихся в Москве в большом количестве следственных дел лиц, арестованных в ходе операций по национальным линиям. В этом приказе, изданном лишь в середине сентября 1938 г., категорически подчеркивалось, что вновь создаваемые *тройки* должны рассматривать дела только тех лиц, которые уже были арестованы до 1 августа 1938 г. Дела всех остальных лиц, арестованных позже, подлежали передаче на рассмотрение *военных трибуналов, линейных и областных судов*, а также *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. Также в принципе запрещалось посылать на осуждение «*национальных*» *троек* дела иностранных граждан. Проверка подобных случаев поручалась 3-му отделу НКВД СССР, который после обработки был обязан передавать дела такого рода на рассмотрение соответствующих судебных инстанций.

Пусть четыре дня после отдачи приказа № 00606 Л.П. Берия, который к тому времени был назначен на пост заместителя народного комиссара внутренних дел СССР, разослал на места дополнительный циркуляр № 189, содержащий дополнительные ограничения компетенции *национальных троек*⁸. Из сферы их подсудности выводились еще три категории лиц, даже если они уже были арестованы по состоянию на 1 августа 1938 г.: а) инженеры, преподаватели вузов, врачи и т. п., то есть специалисты высокой квалификации, б) бывшие сотрудники НКВД и в) бывшие военнослужащие Красной армии, имевшие воинские звания. Теперь их дела должны были в обязательном порядке рассматриваться *военными трибуналами, Военной коллегией Верховного Суда СССР* или *Особым совещанием при НКВД СССР*.

Упразднение республиканских, краевых и областных *двоек*, равно как и *Высшей двойки* в Москве, произошло по той простой причине, что эти карательные инстанции оказались малоэффективными, создавая множество «узких мест» в ходе обработки дел, переданных на их рассмотрение. Особенно громоздкой оказалась

процедура контроля, требовавшая чрезвычайно много времени, поскольку дела, «подготовленные» на местах, подлежали повторной проверке центрального аппарата НКВД в Москве, результаты которой визировали своими подписями народный комиссар внутренних дел и прокурор СССР. Так, число лиц, дела которых поступили только из Украины на проверку московского центра в период с июля 1937 г. до сентября 1938 г., составило 61 683 человека. В случае с учреждением *«национальных» троек* речь шла об использовании преимуществ этой формы оперативного внесудебного осуждения не только в интересах реализации приказа № 00447 в отношении «кулаков, уголовников и других контрреволюционных элементов» (*«кулацкие» тройки*) или карательной акции в отношении «социально опасных элементов» (*«милиейские тройки»*), но теперь и для скорейшего завершения *национальных операций*. Главное преимущество «троечного» судилища заключалось в том, что приговоры выносились и исполнялись непосредственно на местах. Именно «отложенная» во времени процедура контроля – следственные дела отсылались в Москву только после их рассмотрения и приведения приговора в исполнение – сэкономила много времени и сил, в первую очередь – центральному аппарату НКВД. Одновременно создание *«национальных» троек* означало также ослабление контроля со стороны Москвы. Как и в случае с *«кулацкими»* и *«милиейскими» тройками*, Москва тем самым передавала местным органам НКВД, прокуратуре и республиканскому, краевому и областному партийному руководству полные полномочия принимать решения о жизни и смерти людей. «Злоупотреблениям» властью в смысле действий, противоречащих интересам центра, Москва надеялась воспрепятствовать в результате введенных ограничений, в первую очередь за счет того, что на осуждение *национальных троек* передавались дела людей, арестованных ранее. Исключение квалифицированных специалистов, сотрудников НКВД и военнослужащих из сферы карательной компетенции *национальных троек* должно было гарантировать контроль репрессирования этих персональных групп (как и в случае с *двойкой*) в результате их осуждения органами «нормального» советского судопроизводства.

Требования приказа № 00606 от 17 сентября 1938 г. были приняты к исполнению также и в Грузии. Как и приказывалось, была сформирована *«национальная» тройка* в составе первого секретаря ЦК КП(б) Грузии, народного комиссара внутренних

дел и прокурора республики. Председателем *«национальной» тройки* стал нарком внутренних дел Грузии Серго Гоглидзе, членами *тройки* – первый секретарь компартии Грузии Кандид Чарквиани и прокурор республики Илларион Талахадзе. В результате грузинская *«национальная» тройка* первоначально отличалась по своему персональному составу от *«кулацкой» тройки* при НКВД Грузинской ССР, что было не свойственно для остальных республик, краев и областей Советского Союза. Традиционный порядок был восстановлен в Грузии только 9 октября 1938 г., когда начальник республиканской милиции Шалва Церетели был заменен в качестве постоянного члена *«кулацкой» тройки* первым секретарем ЦК КП(б) Грузии Кандидом Чарквиани.

Тем не менее, здесь следует отметить, что нам неизвестен как персональный состав двойки Грузинской ССР, так и режим ее работы. Даже ее существование в Грузии не может быть подтверждено документами, хотя имеются соответствующие косвенные доказательства⁹.

Медленно, но неуклонно историки дополняют и совершенствуют наши представления о национальных операциях¹⁰. Уже опубликованы первые региональные исследования, а также исследования, посвященные отдельным национальным группам, но не в отношении Грузии¹¹.

3. «Милицейская» тройка

Еще одну составляющую широкомасштабных репрессий, осуществлявшихся с помощью внесудебных карательных инстанций, составляла третья и последняя массовая операция НКВД, в которой главную роль играли так называемые *«милицейские» тройки*. Повсеместно в СССР *«милицейские» тройки* были созданы в мае 1935 г. «по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах». Однако на Украине *«милицейская» тройка* функционировала на республиканском уровне уже самое раннее с 1931 г. В Грузии *«милицейская» тройка* также действовала еще до 1935 г. Данные о количестве лиц, осужденных *«милицейскими» тройками*, ненадежны и весьма противоречивы. По некоторым оценкам, «за период 1937–1938 гг. эти *тройки* осудили, по-видимому, не менее 420–450 тыс. человек», отнесенных к категории так называемых

«социально враждебных элементов», то есть бродяг, попрошаек, нищих, воров, проституток, нарушителей паспортного режима и т. д. Максимальный срок заключения, к которому могли приговаривать «милицейские» тройки, составлял пять лет лагерей. Именно с августа 1937 г. «милицейские» тройки интенсифицировали свою репрессивную деятельность¹².

Как правило, председателем тройки являлся начальник управления НКВД или его заместитель, членами – областной (краевой) прокурор и начальник управления рабоче-крестьянской милиции либо начальник соответствующего отдела милиции, готовившего следственные дела, подлежащие рассмотрению на заседании «милицейской» тройки. Секретарь тройки, также присутствовавший на заседаниях, был либо сотрудником управления государственной безопасности (УГБ), либо милиции¹³.

В Грузии «милицейская» тройка функционировала бесперебойно начиная с 1934 г. Ее первое заседание состоялось в Тбилиси 27 августа 1934 г. Эта тройка была учреждена для всех трех кавказских республик вместе, то есть для Грузии, Азербайджана и Армении – неизвестно, на каком основании. После того, как 5 декабря 1936 г. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская республика была ликвидирована, в 1937 г. в каждой советской кавказской республике была учреждена собственная «милицейская» тройка. В Грузии она начала свою деятельность 3 января 1937 г., в последний раз заседала – 22 ноября 1938 г.¹⁴ В целом же наши знания о деятельности «милицейских троек» до сего дня остаются минимальными¹⁵.

Вместе с приказом № 00447, выполнение которого следует отнести к числу самых массовых бюрократически организованных преступлений XX в., террор в Советском Союзе приобрел новое качество. В сочетании с «национальными» операциями и социальной чисткой «милицейских» троек, проводившимися отдельно, но одновременно, он стал Большим террором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О тех минимальных сведениях в отношении массовых операций НКВД, которые имелись до начала перестройки, см. подробнее: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». – М., 2003. С. 10–12.

² Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. С. 598.

³ Область, включавшая в себя национальные административно-территориальные единицы, называлась в СССР «краем».

⁴ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора; *Gregory P.R. Terror by Quota. State security from Lenin to Stalin. An archival study.* – New Haven–London, 2009.

⁵ Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004; Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. / Сост. Г.Д. Жданова, В. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2010; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. / Сост. М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер. В двух томах. – М., 2010.

⁶ Савин А. Национальные операции НКВД 1937/1938 // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / Редкол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Трёбст. – М., 2013. С. 317–320. Цифру 365 тыс. автор привел, основываясь на справке 1-го спецотдела НКВД СССР о количестве арестованных с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г., где говорилось: «Арестовано в порядке приказов НКВД № 00485, 00593 и других – 365 805 человек». (Трагедия советской деревни. Том 5. Кн. 2. С. 304). На соседней странице приведено количество осужденных на 1 ноября 1938 г.: «...по приказам НКВД № 00485, 00593–235 122; по приказу № 00606–93 137» (С. 305). Совокупная цифра осужденных составляет здесь 328 259, что меньше вышеуказанного количества арестованных почти на 40 тыс., что вполне логично – *особые тройки* «работали» еще до 17 ноября 1938 г.

⁷ См.: документ № 46 «Приказ № 00606 Народного комиссара внутренних дел СССР «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др[угих]» от 17 сентября 1938 г.» во втором томе настоящего издания.

⁸ См.: документ № 47 «Циркуляр Народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии «О разъяснении применения приказа НКВД СССР № 00606» от 21 сентября 1938 г.» во втором томе настоящего издания.

⁹ О деятельности *двойки* и «*национальной*» *тройки* см. главу ««Национальные» операции в Грузии».

¹⁰ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / Сост. И.Л. Щербатова. – М., 1999. С. 35–74; Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под редакцией А.Е. Гурьянова. – М., 1997. С. 22–43; Джуха И. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. – СПб, 2006; *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* – Ithaca, 2001; *Dönninghaus V. Minderheiten in Bedrängnis. Sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938.* – München, 2009; Савин А.И. Меннониты как целевая группа репрессий конца 1920-х – 1930-х годов // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии / Сост. А.И. Савин. – Новосибирск, 2009. С. 7–55; *Naimark N. Stalin's Genocides.* – Princeton–Oxford, 2010; Польша та Україна у тридцятих –

сороковых роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб // Великий терор. Польська операція 1937–1938 / Редкол. Е. Беднарек, В. В'ятрович, С. Кокін. Т. 8. Ч. 2. – Варшава–Київ, 2010; *Савин А.* Этнизация сталинизма. «Национальные» и «кулацкая» операции. Сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 40–61. *Ватлин А.* «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и московской области 1936–1941 гг. – М., 2012.

¹¹ См.: *Савин.* Меннониты как целевая группа. С. 7–55; *Ватлин.* «Ну и нечисть».

¹² О количестве осужденных «милицейской» тройкой см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939 / Сост. В. Данилов, М. Кудюкина, Р. Маннинг и др. Том 5. Книга 2. 1938–1939. – М., 2006. С. 556–557. В целом о «милицейской» тройке: *Rittersporn G.T.* Extra-Judicial Repression and the Courts: Their Relationship in the 1930s // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996. Power, Culture, and the Limits of Legal Order* / P.H. Solomon (Ed.). – New York, 1997. С. 207–227; История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Массовые репрессии в СССР / Сост. Н. Верг, С.В. Мироненко. Том 1. – М., 2004. С. 259–260.

¹³ Протокол одной из «милицейских» троек опубликован в: Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 394–417. Из него следует, что председателем тройки мог выступать также начальник краевого или областного управления рабоче-крестьянской милиции.

¹⁴ Протокол № 44/1 заседания тройки при НКВД ГССР от 3 января 1937 // Архив МГБ Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Оп. 37. Д. 344–06. Ящик 117; Протокол № 113/70 заседания тройки при НКВД ГССР от 22 ноября 1938 // Архив МГБ Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Оп. 37. Д. 360–06. О «милицейских» тройках см. также главы «Массовые операции: количественные показатели» и «Массовые операции: качественные показатели».

¹⁵ *Куденко Н., Разгон В., Юнге М.* Милицейская тройка // Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 300–340; *Юнге М.* Социально-технологический аспект приказа № 00447 // «Через трупы врага». Том 2. С. 209–244. См. также: *Юнге М., Биннер Р.* От «социально близкого» до «социально опасного» элемента. Преступники и социальная чистка советского общества 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Б. Бонвеч, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2009. С. 489–490.

СТАТИСТИКА

Копай там, где стоишь.

Свен Линдквист. 1978.

Марк Юнге

БАЗЫ ДАННЫХ: «КУЛАЦКАЯ», «НАЦИОНАЛЬНАЯ» И «МИЛИЦЕЙСКАЯ» ТРОЙКИ

Центральное место в настоящем исследовании занимает статистический анализ проведения массовых операций НКВД периода Большого террора на территории Грузии¹. Во-первых, речь идет о *«кулацкой» операции* «против бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», во-вторых – о *«национальных» операциях* против немцев, поляков, японцев и т. д., и, в-третьих, об операции против «социально вредных элементов» в рамках карательной деятельности *«милицейской» тройки*. В основу дальнейшего изучения операций НКВД в Грузии должны быть положены статистические данные, наиболее значимые с точки зрения количественной и качественной оценки массовых репрессий.

Что касается *«кулацкой» операции*, то сотрудники Архива МВД Грузии в ходе многолетней работы составили объемную базу данных. В отношении *«национальных» операций* была создана еще одна база данных, однако в нее входили только сведения о лицах, осужденных *«национальной» тройкой* при НКВД Грузинской ССР, действовавшей в Грузии в период с 25 сентября по 23 октября 1938 г. Данные о лицах, осужденных *двойкой* в «альбомном» порядке, в эту базу данных не вошли. С помощью Архива МВД Грузии сведения о репрессивной деятельности *двоек* в ходе *«национальных» операций* удалось реконструировать Левану Авалишвили². Сотрудникам архива также удалось создать отдельную базу данных жертв *«милицейской» тройки*.

В базу данных *«кулацкой» тройки* включены сведения из 122 протоколов заседаний *тройки* в период с 11 августа 1937 г. по 11 октября 1938 г.³ Эти протоколы содержат информацию в отношении более чем 21 000 человек. Основой для базы данных жертв *«национальной» тройки* послужили 52 протокола, в которых при-

ведены сведения почти о 500 человек⁴. База данных жертв «милицейской» тройки, которая начала «работать» в Грузии 14 августа 1934 г. и завершила свою деятельность 22 ноября 1938 г., была сформирована на основе протоколов этой тройки и соответствующих архивно-следственных дел осужденных лиц⁵. Всего сохранилось 113 протоколов «милицейской» тройки. Отсутствующие протоколы с апреля 1937 г. по июнь 1938 г., а именно протоколы с № 54/11 до № 96/53 были большей частью реконструированы на основании полностью сохранившихся следственных дел, в которых содержатся выдержки из протоколов. В целом были обработаны данные на 2200 человек. Соответственно в статистических данных о деятельности «милицейской» тройки указывается, когда/на каком заседании изменилось название тройки, то есть тройка перестала именоваться «закавказской» и стала официально называться «тройкой при НКВД Грузии».

Чрезвычайно затратные по времени процедуры статистической обработки данных массовых операций были необходимы также потому, что внутренняя статистика НКВД Грузинской ССР не хранится в Архиве МВД Грузии⁶.

База данных лиц, осужденных по «сталинским спискам», включает в себя информацию о всех 3671 лицах, включенных в списки под реквизитом «Грузинская ССР». Скудные персональные данные из списков дополняются сведениями из материалов судебных заседаний и «пересечениями» с протоколами «кулацкой» тройки. Эту базу данных составил архив МВД Грузии с помощью «Института развития свободы информации» (Тбилиси). База данных доступна для пользователей.

1. Выборки данных по маске

Маски (шаблоны), по которым осуществлялась выборка информации из протоколов «кулацкой» и «национальной» троек, полностью идентичны. Что касается масок, по которым осуществлялась выборка информации из протоколов «милицейской» тройки, то они отличаются незначительно, лишь по ряду пунктов. Маски выборки, с помощью которых формировалась база данных по «сталинским спискам», следуют образцу масок трех других баз данных.

Все шаблоны (выборки по маске) содержат:

Архивную «легенду» протокола заседания *тройки*.

Аутентичное обозначение соответствующей *тройки*, причем «*кулацкая*» *тройка* и «*национальная*» *тройка* обозначаются в протоколах одинаково: «*тройка при НКВД ГССР*». Различить протоколы заседаний «*кулацкой*» *тройки* и «*национальной*» *тройки* можно лишь с помощью дат и номеров протоколов. Так, сплошная нумерация протоколов заседаний «*кулацкой*» *тройки* начинается в 1937 г., протоколов «*национальной*» *тройки* – в 1938 г. Пересечений здесь не наблюдается, поскольку протоколы № 1–52 «*кулацкой*» *тройки* (из общего количества 122 протокола за 1937–1938 гг.) датированы 1937 г., в то время как протоколы № 1–52 «*национальной*» *тройки* (то есть полностью протоколы всех ее заседаний) датированы 1938 г. Что же касается «*милицейской*» *тройки*, то до конца 1936 г. она заседала под именем «*тройка НКВД Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР)*», которое указывало на то, что вплоть до этого момента для всех трех кавказских республик – Грузии, Армении и Азербайджана – функционировала одна общая «*милицейская*» *тройка*. Начиная с 1937 г., после организации отдельной «*милицейской*» *тройки* в каждой из трех республик, «*милицейская*» *тройка* Грузии официально стала именоваться так же, как и «*кулацкая*» *тройка* и «*национальная*» *тройка* – «*тройка при НКВД ГССР*». Протоколы «*милицейской*» *тройки* Грузии отличаются специфическим способом их нумерации: сначала указывался общий текущий номер всех состоявшихся заседаний *тройки* начиная с 1934 г., потом через косую черту приводится текущий номер заседания *тройки*, учрежденной специально для Грузинской ССР, начиная с января 1937 г. Так, например, запись «протокол № 98/55 от 5 сентября 1938 г.» означает, что речь идет о 98-м протоколе из всех протоколов заседания *тройки* начиная с 1934 г. и о 55-м текущем протоколе отдельной *милицейской* *тройки* при НКВД Грузинской ССР начиная с января 1937 г.

Имена членов соответствующей *тройки* («председатель заседания», «члены *тройки*», «секретарь»). В Грузии председатели всех трех *троек* всегда были представителями республиканского руководства НКВД. В случае с членами «*кулацкой*» и «*национальной*» *троек* речь, как правило, идет о секретаре республиканского ЦК и прокуроре республики. Однако в Грузии, как уже упоминалось, постоянным членом обеих *троек* продолжительное время был начальник республиканской милиции Грузии. Лишь на

последних трех заседаниях «кулацкой» *тройки* поздней осенью 1938 г. неожиданно появляется новый первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Кандид Чарквиани. Что же касается «милицейской» *тройки*, то в ее состав нигде не входил секретарь обкома/крайкома или ЦК КП(б). Вместо него членом *тройки* был высокопоставленный сотрудник милиции. Кроме того, в базах данных приводятся имена секретарей *троек*.

Имена так называемых «докладчиков», которые на основании следственного дела составляли для протокола заседания *тройки* короткую справку на обвиняемого. Эта справка включала в себя биографические данные и краткое резюме материалов следствия. Официально задача «докладчиков» – как правило, сотрудников отделов НКВД, которые вели следствие по делам, заслушивавшимся на данном заседании *тройки*, – заключалась в устном представлении дела. Однако до сих не установлено, принимали ли вообще «докладчики» личное участие в заседаниях *тройки*. Возможно, один «главный докладчик» заменял отдельных «докладчиков» с мест, или на большинстве заседаний *троек* вообще не было никаких «докладчиков». В этом случае члены *тройки* лишь визировали своими подписями приговоры, предварительно «предложенные» секретарем *тройки*. Очевидно, они не заслушивали отдельные дела, поскольку зачастую на одном заседании *тройки* осуждались несколько сотен человек⁷.

Также приводится название соответствующего отдела УГБ НКВД или милиции, ответственного за ведение следствия по соответствующему делу.

Тщательно и педантично в банках были собраны и обработаны основные персональные данные осужденных, к которым относятся: фамилия, имя, отчество, место и дата рождения, место проживания, пол, национальность, семейное положение и образование. Далее следуют сведения о партийной принадлежности, месте работы, должности и профессии. В реквизите «место работы» также учитываются такие данные о роде деятельности осужденных, как «без определенного занятия» («БОЗ»), «проститутки», «уголовники», «рецидивисты».

Особый пункт образует реквизит «социальное положение», в котором указывается одна из трех классических социальных категорий: рабочий, крестьянин или служащий. Помимо этого, учитываются такие данные, как «без определенного места жительства» («БОМЖ»), «священнослужитель», «сектант».

Кроме того, в случае с каждым осужденным выявлялось его социальное происхождение и политическое прошлое, например: «кулак», «торговец», «дворянин», солдаты и офицеры белых армий, «меньшевик», «анархист» и члены других политических группировок.

В отдельном реквизите учитывается «дата ареста».

Предыдущие судимости», включая задержания/аресты.

Пункты обвинения.

Приговор *тройки* и, соответственно, мера наказания.

Статья УК, на основании которой был вынесен приговор.

Последний реквизит – «Примечания». Здесь указывается специфическая информация об осужденном.

Выборка по маске сведений о лицах, осужденных «*милицейской*» *тройкой*, включает сверх этого реквизита «состояние здоровья» и «местонахождение заключенного» (т. е. место, где он отбывал наказание).

Однако самая большая особенность этих баз данных заключается в том, что в отношении каждого осужденного имеется не только заполненный шаблон, но при запросе сведений пользователь базы напрямую получает также доступ к соответствующей выписке из протокола заседания *тройки*. Таким образом, моментально могут быть перепроверены не только сведения, собранные в базе данных, но и оперативно получена дополнительная информация, не учтенная ранее⁸.

2. Критерии изучения

Основополагающей целью работы с базами данных стало исследование следующих ключевых вопросов:

- кто (какие группы населения) стал (стали) жертвами массовых операций НКВД в Грузии;
- какие акценты делались при выборе (селекции), аресте и осуждении жертв;
- соотношение смертных приговоров и приговоров к лишению свободы в разные периоды проведения массовых операций и в разных группах репрессированных;
- каковы были наиболее значимые периоды и циклы репрессий;

– какие группы (социальные, возрастные, национальные и т. д.) подвергались особенно суровым преследованиям и наиболее жестоко осуждались;

– каким был социальный состав репрессированных в целом и в различные периоды реализации оперативных приказов;

– каким было значение и роль предыдущих судимостей репрессированных, лишения избирательных прав, а также политического прошлого (членство в контрреволюционных партиях, участие в Белом движении, местных крестьянских восстаниях);

– в чем заключались особенности проведения массовых операций НКВД в Грузии.

В ходе настоящего исследования были отобраны, обобщены и проанализированы сведения на лиц, осужденных разными *тройками* в Грузинской ССР по следующим параметрам:

– пол;

– возраст;

– место рождения;

– национальность;

– образование;

– социальное происхождение;

– социальное положение на момент ареста;

– судимости, имевшие место ранее;

– политическое прошлое (членство в политических партиях, служба в царской или Белой армии, служба в карательных органах, участие в восстаниях);

– мера наказания.

Базы данных являются основой для последующего изучения количественных и качественных параметров *«кулацкой» операции*, *«национальных» операций*, а также социальных чисток силами *«милицейских» троек*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы благодарят Галину Жданову за разрешение частично использовать здесь схемы и формулировки ее статьи, посвященной статистической обработке базы данных репрессированных Алтайского края. См.: *Жданова Г.Д.* Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции. 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009. С. 718–745.

² См.: главу ««Национальные» операции в Грузии» в настоящем издании.

³ Протоколы заседаний тройки при НКВД по Грузинской ССР [«кулацкая» тройка] // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37362–38446.

⁴ Протоколы заседаний тройки при НКВД по Грузинской ССР [«национальная» тройка] // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38467- 38471.

⁵ Протоколы заседаний тройки при НКВД по Грузинской ССР [«милицейская» тройка] // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Оп. 34–38. Д. 291–360. Протоколы «милицейской» тройки были систематически обработаны в ходе совместного грузино-немецкого проекта по составлению базы данных. Проект был поддержан Фондом Фольксвагена.

⁶ См.: по этому поводу предисловие «Под снегом» к настоящему изданию.

⁷ О роли секретаря тройки см.: *Junge M. Der Trojkasekretär im Regions- und Gebietszentrum // Massenmord und Lagerhaft. Die andere Geschichte des Großen Terrors / R. Binner, V. Bonwetsch, M. Junge. – Berlin, 2009. С. 413–417.*

⁸ Техническая возможность получить прямой доступ к выдержкам из протоколов тройки появилась благодаря инициативе хранителя баз данных Еке Кухалашвили.

Марк Юнге

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ МАССОВЫХ ОПЕРАЦИЙ НКВД

Количественный анализ проведения *«кулацкой» операции* в Грузии основывался ранее на недостаточно полной информации. Последние известные исследователям статистические данные были подготовлены центральным аппаратом НКВД СССР и датировались мартом 1938 г. По меньшей мере в них приводилось количество арестованных и осужденных лиц, разбитых на три главные группы – кулаки, уголовники и «другие контрреволюционные элементы», а также количество лиц, осужденных по 1-й категории (смертная казнь) и по 2-й категории (лагерное заключение). В статистической сводке, содержащей данные в отношении всех республик, краев и областей СССР, приводилась также общая цифра – 11 204 человека – осужденных в Грузии¹. То, что именно в случае с Грузией речь шла о полностью устаревших данных, показывает их сравнение с данными, приведенными в январе 1938 г. в сводке 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В отличие от других республик, краев и областей СССР цифры по Грузии в марте 1938 г. остались без изменений².

Однако далеко не полными оказались также цифры репрессированных, которые были сообщены МВД Грузии московским коллегам в ходе процесса над Л.П. Берией (18–23 декабря 1953 г.). Так, в материалах обвинения доверенного лица и приспешника Берии С.А. Гоглидзе, занимавшего в 1937–1938 гг. пост наркома внутренних дел Грузии и являвшегося с 11 ноября 1937 г. председателем *«кулацкой» тройки при НКВД Грузии*, приводятся более высокие цифры, чем те, которые содержатся в мартовской 1938 г. сводке ГУГБ НКВД СССР. Начальник 1-го (учетно-регистрационного) спецотдела МВД Грузинской ССР Н. Копалейшвили указал в своей справке в качестве общего числа лиц, осужденных за 1937–1938 гг. *«особой»* (т. е. *«кулацкой»*) *тройкой при НКВД Грузии* цифру 12 382 человек, из них 6 767 – к

ВМН и 5590 – к лагерному заключению. 25 человек, по этим данным, были освобождены из под стражи³. Однако остается совершенно неясно, из каких составляющих складывалась эта цифра. Даже если учитывать только те заседания «кулацкой» тройки, на которых председательствовал лично Гоглидзе, а не заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР А.Н. Рапава, т. е. заседания начиная с 11 ноября 1937 г., данные, приведенные Копалейшвили, очевидно сильно занижены. Точное количество лиц, осужденных *тройкой* под председательством Гоглидзе, подсчитанное на основе 48 протоколов ее заседаний, составляет 13 326 человек, в том числе 7 035 – к смертной казни⁴. Таким образом, общая разница составляет почти 1 000 человек, в случае с приговоренными к ВМН – 268 человек. Цифры, приведенные во второй справке Копалейшвили от 18 декабря 1953 г., называвшейся «Справка на осужденных к ВМН Особой тройкой за 1937–1938 гг., где в качестве члена тройки был Гоглидзе», не поддаются интерпретации. Возможно, речь здесь идет о статистике деятельности под председательством Гоглидзе «национальной», а не «кулацкой» тройки, поскольку цифры примерно совпадают⁵.

Очевидно, в 1953 г., в связи с процессом над Берией, руководство грузинского МВД получило указание предоставить в Москву данные о количестве лиц, осужденных *тройкой* при участии Гоглидзе, также проходившего на процессе в качестве обвиняемого. Гораздо менее правдоподобным выглядит предположение, согласно которому грузинское МВД, сообщая в Москву неполные данные, преследовало стратегию защитить бывшего члена *тройки* А.Н. Рапаву. Он находился под стражей с 1951 г., будучи арестованным в рамках так называемого «Мингрельского дела» (дела «мингрельской националистической группы»), но после смерти Сталина и прекращения дела Рапава был реабилитирован и 10 апреля 1953 г. освобожден из-под стражи. Однако 17 июля 1953 г. он был вновь арестован, на этот раз в ходе акции по удалению всех (потенциальных) сторонников Берии. Рапава проходил по делу «лубянского маршала» в качестве обвиняемого и в конечном итоге был осужден *Военной коллегией Верховного Суда СССР* в 1955 г. как активный участник «антиправительственного заговора, возглавляемого Берией» к ВМН и расстрелян⁶.

На настоящее время так и не удалось выяснить, почему данные, фигурировавшие на процессе против Берия (арестован 26 июня 1953 г.) оказались ошибочными, и не содержат как корректного общего числа лиц, осужденных «кулацкой» *тройкой*, ни

точного количества лиц, осужденных *тройкой* под личным председательством Гоглидзе, тем более что МВД Грузии располагало полным комплектом протоколов *тройки*. В сведениях, переданных в Москву, вызывает также удивление одинаковое обозначение «*кулацкой*» и «*национальной*» *троек*. Прояснить ситуацию, к сожалению, не могут и материалы судебного процесса против Рапавы, состоявшегося в Тбилиси в сентябре 1955 г. Они были либо уничтожены, либо в настоящее время хранятся в Смоленске или Москве.

Удостовериться в том, какое же количество лиц в действительности было осуждено «*кулацкой*» *тройкой* при НКВД Грузинской ССР, можно было только в результате детальной обработки всех протоколов *тройки*, что и осуществили сотрудники Архива МВД Грузии. С помощью созданной базы данных Архив МВД выявил точное количество репрессированных, которое существенно превышает все до сих пор известные данные. В результате оказалось, что устаревшие статистические данные, базировавшиеся на выкладках учетно-регистрационного спецотдела НКВД СССР образца марта 1938 г., почти вдвое ниже, чем новые цифры. Как уже упоминалось, общая цифра осужденных, приведенная в справке ГУГБ НКВД СССР по состоянию на март 1938 г., составляла «лишь» 11 204 человек, в том числе 4 975 – осужденных к ВМН и 6 229 – к лагерям⁷. Зато, согласно данным протоколов заседаний «*кулацкой*» *тройки* при НКВД Грузии, всего были привлечены к ответственности 21 107 человек, включая тех, кто был освобожден, чьи дела были направлены на доследование или переданы во внесудебные и судебные органы, всего 989 человек. Отсюда следует, что «*кулацкая*» *тройка* осудила в Грузии к различным наказаниям за период с 11 августа 1937 г. по 11 октября 1938 г. 20 118 (21 107 – 989) человек, в том числе 10 563 человека – к смертной казни и 9 555 человек – к заключению в лагерь на срок 8 или 10 лет. Что касается лагерного заключения, то максимальный срок в размере 10 лет получили 9 237 человек, или 97 %. К сроку в размере 8 лет было осуждено 3,3 %, или, соответственно, 318 человек⁸. Соотношение между смертными приговорами и приговорами к лагерному заключению составляет примерно один к одному, и все же приговоров к ВМН было на 5 % больше (точное соотношение 1,1: 0,9 (53 %: 48 %)). При этих подсчетах мы все время оперировали совокупным числом 21 107 человек, в отношении которых «*кулацкой*» *тройкой* был вынесен тот или иной приговор/решение.

Эти данные – лишь в отношении численности лиц, осужденных по 2-й категории – могут быть перепроверены с помощью уникальной статистической справки, сохранившейся в Архиве МВД Грузии. Сразу же по завершении массовых операций А.К. Морозов, бывший секретарь «*кулацкой*» *тройки*, он же начальник 8-го учетно-регистрационного отдела УГБ НКВД Грузинской ССР (весной 1938 г. переименованного в 1-й спецотдел), составил справку о том, какое количество лиц было осуждено в рамках 2-й категории в зависимости от тяжести приговора. Однако в справке Морозова, в отличие от данных, полученных на основании обработки протоколов «*кулацкой*» *тройки*, численность лиц, осужденных по 2-й категории, составила не 9555, а 10369 человек. Таким образом, разница составляет 814 человек⁹. Предположительно, Морозов в своей справке сложил вместе численность лиц, осужденных по 2-й категории как «*кулацкой*», так и «*национальной*» *тройками*, тем более что в Грузии обе *тройки* именовались одинаково – «*особая тройка*». Если это предположение правильно, то расхождение между данными подсчетов на основании протоколов *тройки* и данными Морозова сократится до 434 человек, поскольку мы вычтем 380 человек, осужденных «*национальной*» *тройкой* по 2-й категории согласно ее протоколам¹⁰. Однако в результате несоответствия существенно не уменьшились. Так, в справке Морозова указывается, что к сроку 10 лет лагерного заключения было осуждено 8766 человек. Однако в результате подсчетов на основании протоколов заседаний *троек* мы получаем следующие цифры: 9237 человек были осуждены к 10 годам ИТЛ «*кулацкой*» *тройкой*, а вместе с осужденными к 10 годам «*национальной*» *тройкой* это число вырастает до 9420 человек. Теперь речь идет уже о существенном превышении данных Морозова на 654 человека. Количество освобожденных составляет в справке Морозова 56 человек, что в два раза больше, чем в данных, полученных на основании протоколов. Согласно этим подсчетам, обеими *тройками* было освобождено только 25 человек. Не совпадают также и другие статистические данные.

Что же касается «*национальных*» операций в Грузии, то, согласно приговорам *двойки*, утвержденным *Высшей двойкой* в Москве, в республике с конца декабря 1937 г. до 17 сентября 1938 г. было осуждено 1624 человек, из них 317 человек (19,5 %) – к смертной казни¹¹. До декабря 1937 г. *двойка* в Грузии не действовала¹².

Начиная с 25 сентября 1938 г., когда в Грузии функции *двойки* стала выполнять «*национальная*» *тройка*, и вплоть до 23 октября

1938 г. в рамках *«национальных» операций* было осуждено еще 495 человек, в том числе 119 (24 %) – к смертной казни¹³. 380 человек были осуждены по 2-й категории, из них 300 – к 5–10 годам лагерного заключения. Дела еще 80 человек были либо направлены на доследование (13 человек), либо переданы на рассмотрение другим судам (19 человек), *Военной коллегии Верховного Суда СССР* (два человека) и *Особому совещанию* (один человек). Семь обвиняемых были освобождены, еще 38 – высланы за пределы СССР. Таким образом, *двойка* и *«национальная» тройка* вместе осудили в Грузии 2 119 человек, из них 367 человек (17 %) были приговорены к смертной казни.

Проблема точного подсчета лиц, осужденных в рамках *«национальных» операций*, заключается в том, что, начиная с 17 сентября 1938 г., с учреждением *«национальных» троек*, была ликвидирована жесткая «привязка» оперативных приказов НКВД против немцев, японцев, поляков, «харбинцев» и т. д. к определенной внесудебной карательной инстанции, а именно к *двойке*. По этой причине количество жертв, осужденных в Грузии *двойкой* и *«национальной» тройкой*, не совпадает с числом жертв, арестованных и осужденных в рамках операций по *«национальным линиям»*. В качестве жертв *«национальных» операций* должны рассматриваться не только те лица, которые были осуждены *двойкой* и, начиная с 17 сентября 1938 г., *«национальной» тройкой*, но также и те, которые с 17 сентября 1938 г. согласно приказу № 00606 и циркуляру № 189, осуждались «нормальными» судами СССР, то есть люди, которые были арестованы во исполнение *«национальных» приказов НКВД* уже после 1 августа 1938 г. и/или имели иностранное подданство. Кроме того, после 17 сентября 1938 г. вне подсудности *«национальных» троек* оказались высококвалифицированные специалисты, бывшие сотрудники НКВД и бывшие военнослужащие Красной армии, имевшие воинские звания (см. циркуляр № 189)¹⁴. Однако какие-либо данные о количестве приговоров, вынесенных в отношении этих категорий лиц, отсутствуют, а следственные дела, на основании которых можно было бы осуществить реконструкцию, сожжены. Таким образом, цифра 2 119 лиц, осужденных в ходе *«национальных» операций* (*двойка* – 1 624; *«национальная» тройка* – 495), образует лишь нижнюю границу. Однако следует признать, что число тех, кто был осужден в Грузии после 17 сентября 1938 г. помимо *«национальной» тройки*, будет, скорее всего, невысоким.

Количественный анализ деятельности в Грузии «милицейской» тройки в период Большого террора, то есть с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г., неизбежно страдает лакунами. Эти пробелы возникают, в первую очередь, в результате того, что мы можем полностью реконструировать отдельные данные целого ряда заседаний тройки. Как уже упоминалось, отсутствуют протоколы заседаний «милицейской» тройки более чем за год ее функционирования, с августа 1937 г. по сентябрь 1938 г., т. е. фактически за весь период Большого террора. Попытка реконструкции с опорой на систематический просмотр следственных дел, в которых содержатся выписки из протоколов заседаний «милицейской» тройки, также не была успешной в полной мере. Для ряда заседаний не удалось установить ни точную дату, ни полное количество осужденных. Так, неизвестна точная датировка шести заседаний: № 66/23 (август 1937 г.), 69/26 (сентябрь 1937 г.), 74/31 (октябрь 1937 г.), 77/34 (декабрь 1937 г.) и 86/43, 87/44 (март 1938 г.). Еще одна проблема заключается в несовпадении даты и нумерации двух предпоследних заседаний тройки за 1938 г. Протокол № 112/69 от 3 ноября 1938 г. предшествует протоколу № 111/68 от 21 ноября 1938 г.

В результате общее число лиц, осужденных «милицейской» тройкой, с большой вероятностью должно быть (гораздо) выше полученных данных, поскольку остается неясным, какое максимальное количество жертв было осуждено на отдельных заседаниях, протоколы которых отсутствуют: № 65/22 (08.08.1937) – 80/37 (15.01.1938) и 82/39 (21.02.1938) – 96/53 (20.06.1938). То есть мы только знаем, что на этих заседаниях тройки было осуждено по меньшей мере то количество лиц, которое указано в таблице¹⁵. Согласно нашим сегодняшним данным, «милицейская» тройка при НКВД Грузинской ССР осудила с начала Большого террора 2204 человека, все по 2-й категории.

Не стоит также забывать, что «милицейская» тройка Грузии нарушала приказы из Москвы: 21 и 22 ноября 1938 г. она провела два заседания, на которых осудила 106 человек, хотя согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «милицейские» тройки уже были повсеместно упразднены¹⁶. Возможно, упомянутая выше «ошибочная» датировка и/или нумерация последних двух протоколов заседания тройки (112/69, 111/68) является следствием лихорадочной деятельности по осуждению арестованных, «скопившихся» в тюрьмах на конечной фазе репрессий. Имели ли грузинские милиционеры санкцию на

это явное превышение своей компетенции, остается пока неизвестным.

Всего внесудебными инстанциями («кулацкая» тройка, двойка, «национальная» тройка и «милицейская» тройка) в ходе массовых операций в Грузии было осуждено самое меньшее 25 430 человек, из них 43 % (10 930 человек) – к смертной казни и 52 % (13 263) – к лагерному заключению. Еще 1 237 человек (5 %) получили менее суровые наказания. Доля репрессированных в соотношении с общей численностью населения Грузинской ССР составляла 0,75 %.

Таблица 1

Количество лиц, осужденных в Грузинской ССР «кулацкой» тройкой, двойкой, «национальной» и «милицейской» тройками

Внесудебная инстанция	Всего	По 1-й кат.	По 2-й кат. ¹⁷	%
«Кулацкая» тройка	21 107	10 563	9 555 + 989	83
Двойка	1 624	248	1 376	6,4
«Национальная» тройка	495	119	296 + 80	1,9
«Милицейская» тройка	2 204	0	2 036 + 168	8,7
Итого	25 430	10 930	13 263 + 1 237	100

1. Лимиты

Лимиты репрессий распределялись только для «кулацких» троек. Еще до того, как с помощью обработки протоколов заседаний тройки при НКВД Грузинской ССР удалось реконструировать реальную общую численность ее жертв, имелось подозрение, что они будут существенно выше, чем цифры, приведенные в статистике центрального аппарата НКВД СССР. Основывалось это подозрение на размерах так называемых лимитов по первой и второй категории, которые были одобрены Москвой для «кулацкой» тройки при НКВД Грузинской ССР. Эти лимиты также были приведены в упоминавшихся выше статистических сводках ГУГБ НКВД СССР за январь и за март 1938 г.¹⁸ Кроме того, были известны два постановления Политбюро ЦК ВКП(б), повышавшие

размеры лимитов, установленных для Грузии¹⁹. Общая сумма постоянно увеличивавшихся лимитов была для Грузии почти вдвое выше числа осужденных лиц, приведенного в статистике ГУГБ НКВД СССР (11 204 человека), итого совокупные лимиты составляли 21 030 человек (первая категория – 10 000; вторая категория – 11 030 человек)²⁰.

Данные об увеличении лимитов для НКВД Грузинской ССР, приведенные в статистике ГУГБ НКВД СССР, тем не менее далеко не полные. Во многих случаях по-прежнему неизвестны ни точный размер, ни конкретная дата решения о выделении дополнительного лимита. В особенности это касается 1937 г. В отношении 1937 г. нам известны только лимиты, зафиксированные в приказе № 00447 от 30 июля 1937 г.: 2 000 – по первой и 3 000 – по второй категории, всего 5 000 человек. Таким образом, только исходя из январской 1938 г. сводки ГУГБ НКВД СССР, в том числе содержавшей данные об общем числе выделенных лимитов, можно с уверенностью сделать вывод, что в течение второй половины 1937 г. лимиты для Грузии повышались несколько раз. Общая численность лимита была увеличена за август – декабрь 1937 г. с 5 000 до 17 500 тысяч человек, в том числе лимита по первой категории – с 2 000 до 7 500 человек и по второй категории – с 3 000 до 10 000 человек²¹. В 1938 г. постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) документально подтверждены два случая повышения лимитов: 31 января 1938 г. Грузии был предоставлен дополнительный лимит по первой категории в размере 1 500 человек; 2 апреля 1938 г. – дополнительный общий лимит в размере 1 500 (первая категория – 1 000, вторая категория – 500). За 1938 г. отсутствует лишь документальное подтверждение предоставления очередного лимита по второй категории в феврале в размере 530 человек. В мартовской 1938 г. сводке ГУГБ НКВД СССР приведен совокупный лимит для Грузии за 1937–1938 гг. в размере 19 530 человек. Если к этому числу добавить упоминавшееся выше повышение лимита от 2 апреля 1938 г., то общая сумма лимитов составляет 21 030 человек²².

Лимиты, выделенные Москвой, если судить на основании грузинских документов, были абсолютно обязательными для исполнения, их верхняя граница не подлежала превышению. В составе лимита, по всей видимости, учитывались все лица, чьи дела рассматривались *тройкой*, т. е. в том числе те арестованные, дела которых были отправлены *тройкой* на доследование или на рассмотрение другими судебными и внесудебными карательными

органами. Единственное исключение составляли арестованные, освобожденные из-под стражи, или те, чьи дела были сняты с учета или отправлены в архив, а также те, кто умер под следствием ($60 + 6 + 1 + 2 = 77$ человек)²³. Если это число учитывать при подсчетах, то численность выделенных лимитов и количество лиц, осужденных «*кулацкой*» *тройкой* при НКВД Грузинской ССР, совпадает почти на 100 %: разница составляет 29 человек²⁴.

Что же касается соотношения между 1-й и 2-й категориями, то возникает впечатление, что предусмотренное приказом № 00447 «смещение» между категориями выдерживалось лишь в незначительной степени. Так, разница между лимитом по первой категории и количеством лиц, действительно приговоренных к смертной казни, составила в Грузии лишь 6 %²⁵. Это объясняется собственно механизмами запроса и предоставления лимитов. Как правило, просьбы о выделении лимитов по первой и второй категориям подавались отдельно, или в Москву направлялся запрос о повышении лимита только для одной из категорий. Структурно это вело к одинаковому результату. Таким образом, для обеих категорий устанавливались жесткие верхние границы репрессий, превышение которых отслеживалось и наказывалось московским руководством²⁶.

Центральный вопрос в отношении участия коммунистической партии в массовых репрессиях заключается в том, от кого исходили запросы на повышение лимитов: от ЦК КП(б) Грузинской ССР, от первого секретаря ЦК Л.П. Берии лично, от НКВД Грузинской ССР или от обеих структур совместно или параллельно? Имея в своем распоряжении далеко не полную информацию, частичный ответ на этот вопрос об иерархии властных структур Грузии в период Большого террора можно дать, основываясь только на одном примере. В случае с очередным лимитом от 2 апреля 1938 г. нет никаких сомнений в том, что Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило его в ответ на запрос ЦК КП(б) Грузинской ССР, при этом, очевидно, оставив лимит без каких-либо изменений. Однако отследить предварительную историю этого запроса не представляется возможным: ни в сохранившихся материалах различных партийных органов, ни в переписке ЦК КП(б) Грузии с Москвой не была найдена какая-либо информация ни об этом запросе, ни о других запросах, направленных из Грузии в Москву в разное время. И все же с большой долей вероятности, граничащей с уверенностью, можно утверждать, что НКВД Грузинской ССР, предлагая очередное число лиц, подлежащих суду *тройки*,

действовал в теснейшем контакте и по договоренности с руководством компартии Грузии. Этот вывод основывается не только на истории с лимитом от 2 апреля 1938 г., но и на том обстоятельстве, что чекисты весьма подробно сообщили Берии 8 июля 1937 г. о том, какое количество лиц и по какой «линии» (по «линии» госбезопасности или милиции) должно было подвергнуться массовым репрессиям²⁷. Можно даже предположить, учитывая сильную позицию Берии в Грузии, что партийная верхушка прочно удерживала за собой окончательное решение о направлении запросов на повышение лимитов. Помимо этого, из исследований, посвященных другим регионам Советского Союза, известно, что запросы о повышении лимитов подавались партийными органами и НКВД параллельно или иногда даже совместно²⁸. Миф о том, что в годы Большого террора НКВД был поставлен над партией, сформулированный Н.С. Хрущевым в его тайной речи на XX съезде КПСС в 1956 г., также не выдерживает критики на фоне грузинских реалий²⁹.

2. Степень интенсивности репрессий

Такой показатель, как степень интенсивности репрессий, рассчитывается нами как соотношение численности репрессированных к общей численности населения. В свою очередь, он дает возможность оценить, какой урон нанесли Грузии массовые операции. Вновь начнем анализ с рассмотрения самой масштабной из массовых операций – «*кулацкой*». При общей численности населения Грузинской ССР 3 376 946 человек, т. е. более трех миллионов жителей, 21 107 человек, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*, составит 0,6 %³⁰. При этом 0,31 % составляет доля лиц, осужденных к ВМН, и 0,29 % – к лагерному заключению, то есть примерно 50 на 50³¹. Эти цифры, если рассматривать их чисто в количественном отношении, кажутся весьма низкими, но при проведении дифференцированного анализа они уже не выглядят такими незначительными. Так, есть все основания соотнести количество жертв операции по приказу № 00447 не с общим количеством населения, а почти исключительно с мужским населением Грузии, поскольку в ходе «*кулацкой*» операции было репрессировано со статистической точки зрения «лишь» незначительное число женщин – 559 человек (3 % от общего числа репрессированных)³².

Таким образом, при соотношении числа репрессированных с общей численностью мужского населения Грузии, которое согласно переписи 1937 г. составляла 1 682 592 человек³³, степень интенсивности репрессий вырастает вдвое, подскочив до 1,2 % (смертная казнь: 0,63 %, лагерное заключение: 0,60 %). Дальнейшее повышение степени интенсивности репрессий происходит в результате соотношения численности репрессированных с численностью определенных возрастных групп населения, преимущественно пострадавших в результате «кулацкой» операции³⁴. Наши подсчеты показывают, что 97 % репрессированных тройкой составляли люди в возрасте между 20 и 69 годами³⁵. Если же привлечь теперь данные о среднестатистическом возрасте советского населения в 1937 г. и при этом исходить из того, что во всех возрастных группах количество мужчин и женщин было примерно одинаковым, то получится, что 47 % населения Грузии было младше 20 лет и старше 69 лет³⁶. В результате степень интенсивности репрессий, подсчитанная в отношении определенной возрастной группы населения, а именно группы в возрасте между 20 и 69 годами (53 %), увеличится еще почти вдвое³⁷, составляя теперь уже 2,3 %³⁸. Кроме того, в этих подсчетах фигурируют данные о жертвах только лишь одной из массовых операций, хотя и самой масштабной – по приказу № 00447, без учета численности жертв двух других массовых операций НКВД (операция по «национальным линиям» и социальная чистка милицейской тройки), а также численности представителей партийно-советских элит, репрессированных по решению Военной коллегии Верховного Суда СССР, военных трибуналов и Особого совещания при НКВД СССР.

Что касается численности лиц, осужденных двойкой, «национальной» тройкой и «милицейской» тройкой, то она составляет «только» 13 % от общей численности жертв массовых операций, а значит, статистически не имеет такого большого значения, как численность жертв «кулацкой» операции. В соотношении с общей численностью населения доля лиц, осужденных в рамках «национальных» операций, равняется 0,06 %³⁹. Тем не менее и здесь, по аналогии с «кулацкой» тройкой, степень интенсивности репрессий также существенно увеличивается, если принять во внимание, что женщины образовывали «лишь» 5 % от общего числа жертв «национальной» тройки при НКВД Грузинской ССР⁴⁰. В результате показатель степени интенсивности репрессий в рамках «национальных» операций может быть увеличен до 0,12 %.

Доля мужчин в возрасте между 20 и 69 годами, осужденных в ходе «национальных» операций, составляет, как и в случае с жертвами «кулацкой» тройки, целых 96 %, что дает разумное основание для еще одного удвоения показателя – с 0,12 % до 0,24 %.

Что же касается третьей массовой операции, то имеющиеся у нас данные в целом не располагают к увеличению изначального показателя степени интенсивности репрессий. Доля женщин среди осужденных «милицейской» тройкой – 11,2 % – является слишком высокой, чтобы учитывать при подсчетах только численность мужского населения⁴¹. Кроме того, среди осужденных доля подростков и юношей в возрасте 14–19 лет составляла целых 23 %. Таким образом, доля жертв в возрасте между 20 и 69 годами равнялась «только» 76,8 % («кулацкая» тройка – 95 %; «национальная» тройка – 96 %) ⁴². По самым осторожным оценкам, показатель степени интенсивности репрессий «милицейской» тройки, составляющий 0,07 %, может быть увеличен максимум до 0,2 % (то есть число 0,07 нельзя здесь просто дважды удвоить, как это делалось выше, в результате чего получился бы показатель в размере 0,28 %) ⁴³. В результате совокупный показатель степени интенсивности репрессий составляет для «национальных» операций и социальной чистки «милицейской» тройки 0,44 % ⁴⁴.

Таким образом, показатель степени интенсивности репрессий всех трех массовых операций НКВД («кулацкая тройка», двойка, «национальная» тройка и «милицейская тройка») 1937–1938 гг. в Грузии может быть определен в размере 2,74 % ⁴⁵. Следует отметить, что большая часть репрессированных относилась к определенному сегменту населения, а именно к мужчинам работоспособного возраста. Если же к этому показателю добавить показатель степени интенсивности репрессий в отношении элит, осужденных Военной коллегией Верховного Суда СССР – 0,12 % ⁴⁶ (910 человек), а также учесть жертв военных трибуналов, Специальной коллегии Верховного Суда и Особого совещания, а также лиц, неправоммерно осужденных «нормальными» судами (их точное количество нам не известно, примерную степень интенсивности репрессий мы в целом можем определить на уровне 0,14 %), то тогда получится совокупный катастрофический показатель в размере не менее 3 %, причем большинство жертв (более 90 %) составляли мужчины в возрасте между 20 и 69 годами ⁴⁷. Поскольку речь в данном случае идет об экономически активном населении, то эти потери можно охарактеризовать не только как человеческую трагедию, но и как хозяйственную утрату.

3. 1937 и 1938 гг. в сравнении

Короткий период времени с августа по декабрь 1937 г. является одним из наиболее кровавых в новейшей истории Грузии. В невоенное мирное время за короткий промежуток, а именно в течение примерно пяти с половиной месяцев, начиная с 11 августа 1937 г., в отношении около семи тысяч, а если быть точным – 6 738 человек – был вынесен приговор к смертной казни. Они были осуждены и казнены в ходе операции НКВД по приказу № 00447 в отношении «кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Кроме этого, еще около 8 000 человек (7 943) были отправлены отбывать наказание в исправительно-трудовые лагеря, отличавшиеся высокой смертностью. Всего за 1937 г. «кулацкая» тройка в Грузии вынесла свои решения в отношении 15 413 человек. Дела почти 600 человек (587) были переданы тройкой на рассмотрение особых (Военная коллегия Верховного Суда СССР, военные трибуналы, Специальная коллегия Верховного Суда СССР и Особое совещание) или «нормальных» судов, деятельность которых еще не изучена. Только 143 человека, т. е. 0,7 % из общего числа 15 413 дел, рассмотренных в 1937 г. «кулацкой» тройкой при НКВД Грузинской ССР, были освобождены или их дела направлены на дополнительное расследование. Два человека умерли во время следствия.

Что же касается «прироста» числа репрессированных по сравнению с лимитами приказа № 00447, то он составил в 1937 г. три и более раза. В начале операции Грузии был выделен лимит по первой и второй категориям в размере 5 000 человек. К концу года в результате предоставления дополнительных лимитов было репрессировано 15 413 человек. Доля осужденных в соотношении с общей численностью населения Грузии составила за август – декабрь 1937 г. 0,46 % (1-я категория: 0,2 %, 2-я категория – 2,6 %). Таким образом, соотношение приговоров к ВМН и к ИТЛ равнялось 0,85:1.

В 1938 г. интенсивность репрессий по приказу № 00447 в СССР в целом пошла на убыль. В Грузии происходило то же самое. За 1938 г. «кулацкая» тройка осудила только треть от числа осужденных в 1937 г.: 5 665 человек (1-я категория: 3 796, 2-я категория: 1 869). В соотношении с общей численностью населения доля осужденных составила 0,16 % (1-я категория: 0,1 %, 2-я категория: 0,06 %). Однако следует отметить, что среди осужден-

ных *тройкой* в 1938 г. выросло число тех, кто был приговорен к смертной казни. Здесь произошел не просто поворот в соотношении приговоров, речь идет об удвоении приговоров по первой категории (1938–1: 0,4; 1937–0,85: 1). Таким образом, 1938 г. стал для Грузии годом смертельных приговоров. Однако и здесь Грузия воспроизводила общесоюзную тенденцию, особенно четко выразившуюся на Украине. На западной окраине советской империи, в отличие от Грузии, 98 % всех приговоров *троек* в 1938 г. составляли приговоры к смертной казни (в Грузии – лишь 68 %) ⁴⁸.

В количественном отношении особо выделялся в 1938 г. в Грузии март, в течение которого тройка вынесла 1811 приговоров. Но если рассматривать месяцы с точки зрения количества приговоров к ВМН, то самыми кровавыми были сентябрь и октябрь 1938 г.: из 262 человек 243 (92,7 %) были осуждены по первой категории. В марте 1938 г. доля смертных приговоров составила 62 % (1 124 чел.), за январь – июль 1938 г. – 65,6 % (3 519 человек) ⁴⁹. В августе 1938 г. «*кулацкая*» *тройка* в Грузии не функционировала.

Центр тяжести карательных мер в рамках операций по «*национальным линиям*» пришелся в Грузии на 1938 г. Это было обусловлено тем, что *двойка* начала здесь функционировать только в последние дни декабря 1937 г., осудив «лишь» 37 человек по «польской линии» ⁵⁰. Остальные 2 082 человека были осуждены уже в 1938 году ⁵¹.

«*Милицейская*» *тройка* в Грузии в период Большого террора также особенно активно функционировала прежде всего в 1938 г., даже с учетом того, что данные о ее деятельности неполны. Если в 1937 г. эта *тройка* осудила 443 человека, то в 1938 г. – уже 1 761 чел., то есть почти в 4 раза больше ⁵².

4. Грузия в сравнении с другими регионами СССР

Может ли Грузия претендовать на статус региона, наиболее пострадавшего от репрессий в рамках операции по приказу № 00447? Сравнительный статистический анализ репрессивной политики в Грузии и в шести других республиках, краях и облас-

тях СССР (Украинская ССР, Западно-Сибирский край, с октября 1937 г. разделившийся на Алтайский край и Новосибирскую область, Калининская и Омская области, а также Татарская и Карельская АССР) дает следующую картину.

Общее число жертв «кулацкой» тройки в Грузии по сравнению с лимитом, первоначально выделенным согласно приказу № 00447, выросло в 4,2 раза, что лишь незначительно превосходит аналогичный средний показатель, равнявшийся 3,5⁵³. Что же касается увеличения количества жертв, осужденных по первой категории к ВМН, в сравнении с первоначальным лимитом для Грузии по первой категории, то со своим ростом в 5,3 раза Грузия даже несколько уступает среднему показателю в 5,7 раза (Украинская ССР – рост общего числа осужденных в 4,3 раза, рост числа лиц, осужденных по первой категории, в 8,5 раза; Западно-Сибирский край – соответственно в 3,3 и в 6,6 раза; Калининская область – в 2,5 и 4,6 раза, Татарская АССР – в 2,5 и 2,4 раза и Карельская АССР – в 5,1 и 6,4 раза)⁵⁴.

Что же касается Омской области, в которой общее число жертв выросло по сравнению с цифрами, зафиксированными в тексте приказа № 00447, в 6,7 раза, а по вынесенным приговорам к высшей мере наказания даже в 15,4 раза, то в Грузии соответствующие показатели репрессий оказались гораздо *ниже*, составив 63 % ($4,2 : 6,7 \times 100$) и соответственно «лишь» 34 % ($5,3 : 15,4 \times 100$) от омских показателей⁵⁵.

В случае с ростом общего числа репрессированных в сравнении с лимитами ситуация в Грузии была похожа на Украину (4,2: 4,3). Однако в случае с ростом численности лиц, осужденных по первой категории к ВМН, Грузия значительно уступает Украине (5,3: 8,5). Если принять в данном случае уровень репрессий на Украине за 100 %, то показатель Грузии будет составлять 62,4 %, т. е. меньше на 37,6 %.

Если же оценивать соотношение совокупного числа репрессированных в ходе «кулацкой» операции к общему количеству населения, то Грузия с ее 0,6 % незначительно превышает средний показатель, который составляет по шести анализируемым регионам 0,47 %. Зато в сравнении с двумя среднерусскими регионами – Татарской АССР и Калининской областью, а также Украиной с ее 12 областями Грузия представляет собой ужасающую картину. По показателям как совокупного числа жертв, так и количества лиц, приговоренных к расстрелу, в соотношении с общей численностью населения, Грузия в три раза превосходит Татарскую

АССР (0,6 % : 0,20 % и 0,31 % : 0,09 %) и примерно вдвое – Калининскую область (0,6 % : 0,32 % и 0,31 % : 0,14 %) ⁵⁶. По этому же показателю Грузия почти на треть превосходит Украину (0,6 % : 0,43 %) ⁵⁷. Следует упомянуть, что в Грузии, как и в Татарской АССР, Калининской, Донецкой, Харьковской и Полтавской областях, имело место относительно «сбалансированное» соотношение приговоров к ВМН и к лагерному заключению ⁵⁸. Однако это утверждение верно с одной существенной оговоркой: в отличие от Украины в целом в Грузии с самого начала массовых операций смертная казнь применялась чаще, в то время как на Украине в 1937 г. *тройки* лишь «умеренно» прибегали к вынесению приговоров по первой категории. Зато в 1938 г. *тройки* осуждали на Украине практически только к смертной казни, в то время как в Грузии это изменение курса не было таким экстремальным.

Если же сравнивать Грузию только с Западно-Сибирским краем, Омской областью и Карелией, то вновь четко выявится вся относительность чисел. Грузия существенно, почти на треть (0,6 % : 0,94 %) уступает по аналогичному показателю (соотношение количества осужденных с общей численностью населения) Омской области, Западно-Сибирскому краю и Карельской АССР ⁵⁹. В случае с количеством жертв, осужденных к смертной казни, эта тенденция существенно усиливается и здесь Грузия уже «отстает» почти вдвое (0,31 % : 0,65 %) ⁶⁰.

Главная специфика Грузии заключается в том, что эта республика по *всем* статистическим показателям без исключения не опускается ниже средних величин, характеризующих массовые операции в СССР, а отчасти даже превышает их. Так, по показателю степени приращения количества репрессированных в сравнении с первоначальными лимитами, зафиксированными в приказе № 00447, Грузия находится в самом центре. Что же касается соотношения общего числа репрессированных к численности населения, то Грузия превышает средний показатель шести выбранных здесь для сравнения республик, краев и областей СССР на 0,13 % – зримо, но не чрезмерно.

И, тем не менее, полученными цифрами следует оперировать с осторожностью. Этот в целом ярко выраженный стабильный уровень репрессий в Грузии с его очевидной тенденцией к повышению следует оценивать, исходя из того, что репрессивные показатели Грузии оказались выше, чем они должны были быть. Ведь в сравнении с Карелией и Западной Сибирью в Грузии отсутствовали два фактора, которые, как правило, способствовали усилению

репрессий. Во-первых, Грузия, в отличие от Карелии и Западной Сибири, не была классическим местом ссылки и лагерей. Те области и края, где ссыльные и заключенные составляли значительную группу населения, лидируют по показателям прироста репрессий и количества осужденных с большим отрывом. Во-вторых, персональный состав руководства карательных органов Грузинской ССР (УГБ НКВД, милиция и прокуратура) и КП(б) Грузии характеризовался, в отличие от других республик, краев и областей, в том числе Украины и Сибири, высокой стабильностью. Здесь не было «варягов» в лице присланных со стороны начальников НКВД, которые после своего прибытия на новое место стремились исправить «ошибки» своих предшественников, требуя все новых и новых лимитов и казней, вовлекая в жернова репрессии очередные группы населения. В качестве примера здесь можно назвать Г.Ф. Горбача (начальника управления НКВД Омской области, Западно-Сибирского края, Новосибирской области и Дальневосточного края) или А.И. Успенского (начальника УНКВД Оренбургской области и, наконец, народного комиссара внутренних дел Украинской ССР). Как правило, их назначение на новую должность приводило к тому, что цифры репрессий в подведомственных им регионам тут же резко подскакивали вверх. Кроме того, оба этих чекиста отличались особой беспощадностью на службе у советского государства⁶¹. Именно во время пребывания Успенского на должности наркома внутренних дел Украины были запрошены чудовищные дополнительные лимиты: сначала в размере 6000 человек от 31 января 1938 г., а затем – еще на 30000 человек от 17 февраля 1938 г.⁶² Когда Горбач, один из наиболее безжалостных чекистов эпохи Большого террора, был 23 июля 1937 г. назначен новым начальником УНКВД по Омской области и председателем «*кулацкой*» *тройки*, то сразу же доказал свою «большевистскую бдительность», проведя массовые аресты: «по состоянию на 1 августа с. г. арестовано по первой категории всего 3008 человек». Действия Горбача получили прямую поддержку Москвы⁶³. И это при том, что в приказе № 00447 лимит по первой категории был утвержден для Омской области в размере «лишь» одной тысячи человек⁶⁴. Следовательно, этот лимит был исчерпан еще до начала «*кулацкой*» операции, во время так называемого предоперационного периода. Оперсекретарь сделал на шифротелеграмме председателя тройки при УНКВД Омской области следующую пометку: «Нарком одобряет действия Горбача»⁶⁵. 15 августа 1937 г. Горбач направил еще одну

телеграмму на имя Ежова, содержащую просьбу об очередном увеличении лимита⁶⁶. На левом поле оригинала этого письма имеется рукописная пометка: «т. Ежову, за увеличение лимита до 9 тысяч. И. Сталин»⁶⁷.

В пользу динамичного взаимодействия между спецификой определенных регионов и личными качествами некоторых руководителей НКВД, как это было в случае с Сибирью (место ссылки) и Украиной (перенесение центра тяжести репрессий в 1938 г. на «националистов») свидетельствует также то, что в других регионах, привлекаемых здесь для сравнения, таких как Татарская АССР, персональная смена руководства НКВД протекала без «сенсаций». Ни назначение 26 июля 1937 г. А.М. Алемасова на пост наркома внутренних дел Татарии, а 26 августа 1937 г. – на должность первого секретаря Татарского обкома ВКП(б), ни появление в Казани В.И. Михайлова, повышенного с должности начальника Тульского горотдела НКВД до наркома внутренних дел Татарской ССР, не привело в автономной республике к таким всплескам репрессий⁶⁸.

В Грузии же персональная преемственность и стабильность определяли ситуацию в гораздо большей степени, чем в регионах, привлекаемых здесь для сравнения. Это справедливо также для времени до 1937 г. Органы государственной безопасности, милиция и суд находились здесь под жестким контролем Л.П. Берии и его клана. Персональные изменения в составе «*кулацкой*» *тройки* происходили только в кругу его доверенных лиц. После того, как Рапаву на посту председателя *тройки* сменил Гоглидзе, цифры осужденных сначала выросли незначительно, в дальнейшем же они лишь последовательно увеличивались⁶⁹. «*Кулацкая*» *тройка* под председательством Рапавы осудила с 25 сентября по 10 ноября 1937 г. включительно (с 11 ноября 1937 г. председателем *тройки* был Гоглидзе) 2917 человек (2660 + 153 + 104), под председательством Гоглидзе в ноябре 1937 г. – 3103 человека (3362 – 153 – 104). Доля приговоров к смертной казни оставалась в течение этих двух осенних месяцев примерно одинаковой, в районе 40 %.

Несомненный пик репрессий пришелся в Грузии на следующий месяц, декабрь 1937 г. *Тройку* по-прежнему возглавлял Гоглидзе. Общая цифра осужденных в этом месяце внезапно выросла почти вдвое, составив 6083 человек – правда, большая часть из них (58,4 %) приходилась на вторую категорию. В сравнении с Новосибирской областью, Алтайским краем и Донецкой обла-

стью, по которым мы также располагаем помесечными данными, это перенесение в Грузии центра тяжести на вторую категорию выглядит необычным. В вышеупомянутых регионах в декабре 1937 г. наоборот превалировали приговоры к ВМН. Так, в Новосибирской области *тройка* осудила к смертной казни 86 %, в Алтайском крае этот показатель составил 57 %, в Донецкой области – 52,9 %, в то время как в Грузии – «только» 38 %⁷⁰. Однако сравнение с Татарской АССР показывает, что имелись регионы, в которых в декабре (а также в ноябре) 1937 г. *тройки* выносили приговоры преимущественно по второй категории. Общий прирост количества осужденных в Татарии в декабре 1937 г. составил 45 %, а прирост количества осужденных по первой категории – соответственно 52 % (общая численность осужденных: ноябрь – 1401, декабрь – 2561; ВМН: ноябрь – 490, декабрь – 1022). Таким образом, количество приговоров по 2-й категории в декабре 1937 г. составило в Татарской АССР 60 % – так же, как и в Грузии⁷¹.

Радикальный прирост общей численности осужденных в рамках «*кулацкой*» операции именно в ноябре – декабре 1937 г., свойственный многим республикам, краям и областям СССР, нельзя ни в Грузии, ни в Западной Сибири объяснить только лишь изменениями в составе *троек* или, как это было в Грузии, рвением Гоглидзе на новой должности. На деле этот прирост был следствием директивы народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 49721 от 3 ноября 1937 г., в которой он требовал от руководителей республиканских, краевых и областных управлений НКВД ускорить проведение массовых операций и завершить их к 15 декабря 1937 года⁷². Эта директива оказала свое непосредственное воздействие на ход операции по приказу № 00447 практически во всех регионах СССР, в том числе и тех, которые привлекаются здесь для сравнения, хотя в Грузии реакция на директиву последовала с запозданием. Исключение составляет только Омская область. Данные декабря 1937 г. в сравнении с предыдущими месяцами выглядят здесь особенно низкими. Очевидно, учитывая ту динамику, которую развил Горбач уже в августе 1937 г., с ее головокружительными числами репрессированных в сентябре, октябре и ноябре, омские чекисты в декабре 1937 г. просто исчерпали все возможные контингенты. В последний месяц года *тройка УНКВД по Омской области* осудила еще «только» 1226 человек (сентябрь – 4628, октябрь – 5812, ноябрь – 3923), из них около половины (51 %) – к ВМН⁷³.

Подводя первые итоги, можно сделать вывод о том, что Грузия пострадала в результате «кулацкой» операции не в большей и не в меньшей степени. Гораздо более удивительно, насколько явно персональная и политическая преемственность в Грузии отразилась на результатах деятельности «кулацкой» тройки.

Если же попытаться сравнить другие массовые операции, т. е. «национальные» операции и социальную чистку «милицейской» тройки, в Грузии с другими регионами Советского Союза, то такого рода сравнение возможно лишь отчасти, поскольку относительно полные данные для сравнения мы имеем лишь в отношении Украины («национальные» операции) и Алтайского края («милицейская» тройка).

На Украине жертвами двоек и «национальных» троек стало 89 683 человек⁷⁴. Это составило 0,32 % от общей численности населения Украины. В Грузии в результате «национальных» операций были осуждены 2 119 человек, что составляло «лишь» 0,06 % от общей численности населения республики. Таким образом, в Грузии в отношении общей численности населения было репрессировано в 5,3 раза меньше людей, чем на Украине⁷⁵. Вероятно, «национальные» операции играли в Грузии подчиненную роль⁷⁶.

Результат сравнения данных о количестве жертв «милицейской» тройки при НКВД Грузинской ССР с аналогичными данными по Алтайскому краю и Украине гласит: в Грузии тройкой были осуждены 2 204 человека, в Алтайском крае – 5 054. Таким образом, в абсолютных числах в Грузии было осуждено в два раза меньше «социальных» уклонистов и маргиналов⁷⁷. Также и интенсивность преследований, т. е. соотношение количества осужденных к общей численности населения, была в Грузии существенно ниже, чем в Алтайском крае. В Алтайском крае этот показатель равнялся 0,20 %, в Грузии – только 0,07 %, почти в три раза меньше⁷⁸. Однако к показателям по Алтайскому краю следует относиться с определенной осторожностью, поскольку здесь сведения об общей численности населения – 2 498 597 – известны лишь по данным Всесоюзной переписи 1939 г. К этому числу следует, по меньшей мере, добавить число лиц, осужденных «кулацкой» тройкой при НКВД Алтайского края, чтобы получить более реальную цифру по состоянию на 1937 г. – 2 505 363 человек⁷⁹. Что же касается Украины, включая Молдавию, то у нас имеются соответствующие данные лишь за 1937 г. Здесь «милицейская» тройка осудила в течение первой фазы террора, начиная с августа 1937 г., 57 264 человек, т. е. 0,20 % от общей численности населения республики⁸⁰.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что социально мотивированные репрессии играли в Грузии меньшую роль, чем в регионах, привлеченных нами для сравнения. Этот вывод находит свое подтверждение также в том, что в Грузии, по сравнению с Алтайским краем и Украиной, также и среди жертв «кулацкой» тройки оказалось относительно «немного» уголовников, а именно 436 из 21078 человек (2,1 %; интенсивность репрессий – 0,01 %), в Алтайском крае – уже 567 из 14876 человек (3,8 %; интенсивность репрессий – 0,02 %, т. е. приблизительно вдвое выше)⁸¹. На Украине же за 1937 г. из 83 122 человек, осужденных «кулацкими» тройками, уголовники составляли 9495 человек, т. е. их доля – 11,4 % – была весьма велика, что было больше показателей Грузии в 5,4 раза. Что же касается интенсивности этого вида репрессий на Украине, то его показатель составлял 0,03 %, что было больше в три раза в сравнении с Грузией⁸².

5. Политическая «стабильность»

Массовые операции Большого террора в Грузинской ССР должны рассматриваться в первую очередь в сравнении с центральными областями РСФСР и Украинской ССР, поскольку в Грузии отсутствовали два фактора, являвшиеся причиной высоких цифр жертв репрессий. Во-первых, Грузия не относилась к традиционным регионам ссылки и заключения, во-вторых – в 1937–1938 гг. в Грузии не наблюдалась ротация руководящих кадров⁸³. В то же время репрессивные показатели Грузии немногим выше, чем центральных областей РСФСР, а по степени интенсивности репрессий в рамках операции по приказу № 00447 Грузия на треть превышает Украину (Грузия – 0,6 %, Украина – 0,42 %)⁸⁴. Однако при этом надо учитывать, что по этому же показателю «национальные» операции в Грузии едва ли могут выдержать сравнение с Украиной (Грузия – 0,06 %, Украина – 0,32 %). То же самое утверждение справедливо в отношении социальной чистки органами милиции. Здесь показатель Грузии на две трети (на 66 %) ниже, чем в Алтайском крае и на Украине.

Если же на основании этих результатов вернуться к оценке общей ситуации в Грузии, то причины абсолютного доминирования здесь «кулацкой» операции объясняются, очевидно, относи-

тельной политической и социальной стабильностью, царившей в республике. В Грузии, находившейся в крепкой руке клана Берии, располагавшего хорошими связями с Москвой, репрессии приобрели последовательную и весьма продолжительную цикличность. В этом контексте стало даже возможным использование «кулацкой» тройки также в качестве внесудебной инстанции для осуждения партийно-советских элит⁸⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. таблицу 1 во втором томе настоящего издания. Там же см. в графе «Арестовано/осуждено»: «Не ранее 1.3.1938».

² Там же. См.: в графе «Арестовано/осуждено»: «Не ранее 1.1.1938».

³ См.: документ № 174 «Справка нач. 1 спецотдела МВД Грузинской ССР Н. Копалейшвили о количестве осужденных Особой тройкой под председательством С.А. Гоглидзе за 1937–1938 гг. от 18 декабря 1953 г.» во втором томе настоящего издания.

⁴ См. таблицу 63 во втором томе настоящего издания.

⁵ См.: документ № 174 «Справка нач. 1 спецотдела МВД Грузинской ССР Н. Копалейшвили о количестве осужденных Особой тройкой под председательством С.А. Гоглидзе за 1937–1938 гг. от 18 декабря 1953 г.» во втором томе настоящего издания; таблица 5.

⁶ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. – М., 1999. С. 354–355.

⁷ Там же.

⁸ См. таблицу 2 во втором томе настоящего издания.

⁹ «Сводка об осужденных по 2-й категории бывшей особой тройкой НКВД ГССР за период 1937–1938 гг. [Не позже конца 1938 г.]»; см. также таблицу 2 во втором томе настоящего издания.

¹⁰ 9555 (2-я категория, «кулацкая» тройка) + 380 (2-я категория, «национальная» тройка) = 9935 (подсчеты на основании протоколов заседаний троек). См.: таблицы 2, 5.

¹¹ 2119 – 272 – 223 = 1624 (1-я категория: 432 – 47 – 68 = 317). См. таблицу «Статистические итоги “национальных операций” в Грузии 1937–1938 гг.» в главе «Национальные операции в Грузии».

¹² См. главу «Национальные операции».

¹³ См. таблицу 5 во втором томе настоящего издания.

¹⁴ См.: документ № 46 «Приказ № 00606 Народного комиссара внутренних дел СССР «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др[угих]»» от 17 сентября 1938 г. во втором томе настоящего издания; см. документ № 47 «Циркуляр Народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии «О разъяснении применения приказа НКВД СССР № 00606» от 21 сентября 1938 г. во втором томе настоящего издания.

¹⁵ См. таблицу 7 во втором томе настоящего издания.

¹⁶ См.: Постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 426–429.

¹⁷ Здесь все время учитывается также численность тех, кто не был осужден тройкой к заключению в лагерь или тюрьму, но в отношении которых были приняты решения об освобождении, передаче дела на рассмотрение другой судебной инстанции, запрете проживания в определенной местности и т. д.

¹⁸ См. таблицу 1 во втором томе настоящего издания. См.: в графе «Арестовано/осуждено»: «Не ранее 1.3.1938»; «Не ранее 1.3.1938».

¹⁹ Там же. См.: в графе «Лимиты»: «31.01.1938 плюс» и «02.04.1938 плюс».

²⁰ Там же. См.: в графе «Итого 1937–1938»: «Лимиты».

²¹ Там же. См.: в графе «Лимиты»: «01.01.1938 г.».

²² Там же.

²³ См. таблицу 2 во втором томе настоящего издания.

²⁴ 21078 человек, осужденных «кулацкой» тройкой, минус 77 освобожденных, умерших под следствием и т. п. = 21001. В сравнении с общим лимитом в размере 21030 человек отклонение составляет 29 человек (21030 – 21001 = 29). См. таблицу 1 во втором томе настоящего издания.

²⁵ Там же.

²⁶ Более подробно о процедуре повышения лимитов см.: Юнге М. Механизм увеличения лимитов // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 / Сост. М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер и др. Том 1. – М., 2010. С. 137–152.

²⁷ Документ № 12 «Справка № 110410 Наркома внутренних дел С.А. Гоглидзе и [?] Юрьева – первому секретарю ЦК КП(б) Грузии Л.П. Берии о взятых на учет кулаках и уголовниках от 8 июля 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

²⁸ Юнге М. Механизм увеличения лимитов // Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль Большого Террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. С. 141–150.

²⁹ Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 94.

³⁰ Статистические данные о количестве населения в Грузинской ССР приводятся в: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М., 1996. С. 41; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Общие итоги. Сборник документов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М., 2007. С. 41.

³¹ См. также таблицу 1 во втором томе настоящего издания.

³² Там же. См. таблицу 24 во втором томе настоящего издания.

³³ Жиромская. Полвека под грифом «секретно». С. 53.

³⁴ См.: таблицы 30 и 33 во втором томе настоящего издания.

³⁵ $2035000/21078 = 96,5\%$

³⁶ Жиромская. Полвека под грифом «секретно». С. 65. Здесь мы исходим из того, что то обстоятельство, что доля возрастной группы от 20 до 69 лет

все же не составляет в Грузии 100% репрессированных, компенсируется в подсчетах за счет превышения численности женского населения над мужским в структуре населения СССР по данным переписи 1937 г. Однако фактор неопределенности налицо, поскольку данные о половозрастной структуре населения по Грузии отсутствуют.

³⁷ Общая численность мужского населения 1682592 минус 47,24% = 887735,5 человека – численность взрослого мужского населения между 20 и 69 годами.

³⁸ $20118 \times 100/887735,5 = 2,3\%$.

³⁹ 1624 (двойка) + 495 (национальная тройка) = $2119 \times 100/3376946 = 0,06\%$. См. также таблицу «Количество лиц, осужденных в Грузинской ССР «кулацкой» тройкой, двойкой, «национальной» и «милицейской» тройками» в настоящей главе.

⁴⁰ См. таблицу 28 во втором томе настоящего издания. При этом мы исходим из того, что группа лиц, осужденных двойкой, существенно не отличается по показателям пола и возраста от жертв «национальной» тройки.

⁴¹ См. таблицу 29 во втором томе настоящего издания.

⁴² См. таблицу 32 во втором томе настоящего издания.

⁴³ 2204 (милицейская тройка) $\times 100/3376946 = 0,07\%$.

⁴⁴ $0,24 + 0,23 = 0,47\%$

⁴⁵ $2,3\%$ («кулацкая» операция) + $0,44\%$ (национальные операции, милицейская тройка) = $2,74\%$

⁴⁶ Также и в данном случае есть все основания произвести повторное удвоение изначального показателя в размере $0,03\%$ до $0,12\%$.

⁴⁷ Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила в Грузии в 1937 г. в ходе ускоренных заседаний 910 человек. Количество лиц, осужденных Особым совещанием, еще не установлено. Также неизвестно, какое количество лиц было неправомерно осуждено в Грузии в 1937–1938 гг. «нормальными» судами.

⁴⁸ См.: Сводная таблица о проведении приказа № 00447 в Украине // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 / Сост. М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер и др. Том 2. – М., 2010. С. 365–366; $(379600 : 1612 = 42,5\%)$.

⁴⁹ См. таблицу 2 во втором томе настоящего издания.

⁵⁰ См. таблицу «Статистика грузинских «альбомных» списков по приказу № 00485 («польская операция»)» в главе «Национальные операции».

⁵¹ 1624 (двойка) + 495 («национальная» тройка) – 37 (двойка) = 2082 .

⁵² См. таблицу 8 во втором томе настоящего издания.

⁵³ Первый лимит в соответствии с приказом № 00447 от 30 июля 1937 г. составлял 5000 человек (1-я категория 2000; 2-я категория 3000). См. таблицу 1 во втором томе настоящего издания.

⁵⁴ См.: Сводная таблица о проведении приказа № 00447 в Украине // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 355–392. См. также таблицу о проведении приказа № 00447 в СССР: «Сводная таблица о проведении приказа № 00447 и его исполнении» // Вертикаль большого террора. С. 519–623; См. таблицу 1 во втором томе настоящего издания.

⁵⁵ Подсчитано по: там же.

⁵⁶ Подсчитано по: там же.

⁵⁷ Подсчитано по: там же.

⁵⁸ *Никольский В.Н.* «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Б. Бонвеч, М. Юнге, Р. Биннер. – М., 2009. С. 800; см. «Сводная таблица о проведении приказа № 00447 в Украине» // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 366–370.

⁵⁹ Там же. С. 355–392; см. также «Сводная таблица о проведении приказа № 00447 и его исполнении» // *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. С. 519–623. См. также таблицу 1 во втором томе настоящего издания.

⁶⁰ Подсчитано по: там же.

⁶¹ См.: *Юнге М., Биннер Р.* От «социально близкого» до «социально опасного» элемента. Преступники и социальная чистка советского общества 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Б. Бонвеч, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2009. С. 489–490; *Юнге М., Биннер Р.* Выполнение приказа № 00447. Первая Фаза // Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Сост. *Юнге М., Биннер Р., Бордюгов Г.М.* 2008. С. 143–144.

⁶² См.: *Юнге М., Биннер Р.* водная таблица о проведении приказа № 00447 в Украине // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. – М., 2010. С. 360–361.

⁶³ См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под редакцией А.Н. Яковлева. – М., 2004. С. 644. Горбач был назначен начальником УНКВ по Омской области 23 июля 1937 г., 19 августа 1937 г. стал начальником УНКВД Западно-Сибирского края. С 1 октября 1937 г. по 13 июня 1938 г. – начальник УНКВД по Новосибирской области. С 13 июня 1938 г. и до своего ареста 28 ноября 1938 г. – начальник УНКВД Дальневосточного – Хабаровского края. См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. – М., 1999. С. 151–152.

⁶⁴ См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». Том 1. – М., 2010. С. 99–115.

⁶⁵ *Петрушин А.А.* «Мы не знаем пощады...» Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – Тюмень, 1999. С. 137.

⁶⁶ *Феофанов Ю.* Расстрел по 1-й категории // Известия. 1996. 3 апреля.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Степанов А.* Проведение «кулацкой» операции в Татарии // *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». – М., 2003. С. 306–313.

⁶⁹ См. таблицу 2 во втором томе настоящего издания.

⁷⁰ *Жданова Г.Д.* Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской

провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Б. Бонвеч, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2009. С. 723–724; Папков С.А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Б. Бонвеч, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2009. С. 749; Никольский В.Н. «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Б. Бонвеч, М. Юнге, Р. Биннер. – М., 2009. С. 800.

⁷¹ Степанов А. Расстрел по лимиту. Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». – Казань, 1999. С. 93.

⁷² Директива № 49721 наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова всем начальникам УНКВД, НКВД краев и областей «Об усилении репрессий» от 3 ноября 1937 г., переданная начальникам облуправлений НКВД УССР наркомом внутренних дел УССР И.М. Леплевским 4 ноября 1937 г. // «Через трупы врага на благо народа». Том 1. С. 177–178.

⁷³ Самосудов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье, 1937–1938. – Омск, 1998. С. 161.

⁷⁴ Если исходить из среднего количества жертв операций по «национальным линиям» – 2 тыс. чел. в каждой из областей УССР, включая Молдавскую АССР, то, следовательно, начиная с 17 сентября 1938 г. «национальные тройки» осудили здесь около 28 тыс. чел. Если эти 28 тыс. суммировать с известным числом жертв *двоек* за период с августа 1937 г. по 31 августа 1938 г. – 61 683 чел., то получается 89 683 чел. Жертвами операции согласно приказу № 00447 стали 121 994 чел. Сводные данные об арестованных и осужденных органами НКВД УССР за период с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. 31 августа 1938 г. // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 149–154.

⁷⁵ 1624 (*двойка*) + 495 («национальная» *тройка*) = $2119 \times 100 / 3376946 = 0,06\%$.

⁷⁶ См. главу «Национальные операции».

⁷⁷ См.: Куденко Н., Разгон В., Юнге М. Милицейская тройка // Массовые репрессии в Алтайском крае / Сост. Г.Д. Жданова, В. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М., 2010. С. 393.

⁷⁸ Алтайский край: $5054 \times 100 / 2505363 = 0,20\%$. Грузия: $2204 \times 100 / 3376946 = 0,07\%$.

⁷⁹ 2498597 (перепись 1939 г.) + 6766 (осужденные к ВМН «кулацкой» *тройкой*) = 2505363 . См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, И.Н. Киселев. – М., 1992. С. 23.

⁸⁰ 57264 («милицейская» *тройка*) $\times 100 / 28387609$ (население Украины) = $0,20\%$. См.: Юнге М. Социально-технологический аспект приказа № 00447 // «Через трупы врага». Том 2. С. 218.

⁸¹ См. таблицу 9 во втором томе настоящего издания. Количество уголовников, осужденных в Алтайском крае «кулацкой» *тройкой*, подсчитано на основании таблицы «Статистика протоколов *троек*», а именно – на основании всех протоколов, помеченных буквой «У». При этом речь идет о де-

лах, переданных на тройку милицией. Те немногие уголовники, дела которых были переданы на тройку непосредственно управлением госбезопасности, в этой статистике не учтены. См.: *Жданова Г.Д.* Реализация приказа НКВД СССР № 00447 // *Массовые репрессии в Алтайском крае* / Сост. Г.Д. Жданова, В. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2010. С. 12–28.

⁸² *Юнге М.* Социально-технологический аспект приказа № 00447. С. 218.

⁸³ См.: «Сводная таблица о проведении приказа № 00447 в Украине» // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 366–370.

⁸⁴ В случае с Донецкой и Харьковской/Полтавской областями речь не идет о пограничных областях Украины.

⁸⁵ Об использовании «*кулацкой*» *тройки* в качестве суда для партийно-советских элит см. главу «Регионализация карательных полномочий».

Марк Юнге

КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ МАССОВЫХ ОПЕРАЦИЙ

Качественный анализ репрессий 1937–1938 гг. в Грузии подразумевает изучение и интерпретацию статистических данных жертв трех массовых операций НКВД (операция по приказу № 00447, операция по «национальным линиям» и социальная чистка). Эти данные упорядочены по полу, возрасту, уровню образования, социальному положению и социальному происхождению, религиозной принадлежности, сведениям о политическом прошлом, а также членстве (в том числе бывшем) в ВКП(б) или ВЛКСМ. Основой для анализа выступают соответствующие базы данных. За всем этим скрывается наше намерение попытаться еще лучше, чем в результате уже проделанного количественного анализа, выявить возможные мотивы, побуждавшие карательные органы Грузии репрессировать тех или других людей либо определенные группы населения. С этой же целью особое внимание будет нами уделено сравнению массовых операций между собой, что также позволит еще более четко выяснить специфику отдельных карательных акций НКВД. Сравнение Грузии с другими регионами Советского Союза в интересах уточнения особенностей террора в кавказской республике возможно лишь в случае с Алтайским краем, и то лишь по ряду пунктов и только в отношении жертв «кулацкой» тройки, поскольку мы располагаем соответствующими данными только об операции по приказу № 00447.

1. Пол

При распределении жертв массовых операций по полу мы можем оперировать следующими полными данными, полученными при обработке баз данных Архива МВД Грузии.

Так, из 21 107 лиц, осужденных «кулацкой» тройкой за 1937–1938 гг., мужчин было 20 548 человек (97 %), из них к смертной казни было приговорено 10 407 (51 %). Число женщин составляло 559 (3 %), из них были расстреляны 156 человек (30 %)¹. Возраст осужденных мужчин колебался в промежутке от 14 до 96 лет, женщин – от 17 до 75 лет².

Из 494 человек, осужденных «национальной» тройкой, мужчины составляли 470 человек (95 %), из них 112 были казнены (24 %); женщины – 25 (5 %), из них к смертной казни были приговорены трое 3 (12 %)³. Возраст мужчин составлял от 20 до 84 лет; женщин – от 17 лет до 71 года⁴.

Жертвами «милицейской» тройки стали 2 205 человек, в том числе 1 956 (89 %) мужчин, которые все, за единственным исключением, были осуждены по 2-й категории, а также 249 (11 %) женщин, также поголовно приговоренных к лагерному заключению⁵. При этом возраст мужчин составлял от 13 до 78 лет, женщин – от 14 до 58 лет⁶.

Можно исходить из того, что чрезвычайно низкая доля женщин среди осужденных, которая в Грузии была налицо, являлась выражением общесоюзной тенденции. Так, в Алтайском крае, как и в Грузии, доля мужчин, осужденных в ходе «кулацкой» операции, равнялась 97 %, доля женщин – 3 %⁷. Авторы «Ленинградского мартиролога» в свое время опубликовали данные о жителях Ленинграда, осужденных к ВМН в 1937–1938 гг., не делая различий между массовыми операциями НКВД и репрессиями в отношении партийно-советских элит. Доля мужчин составляла здесь около 95 %, женщин – около 5 %⁸. Подобные статистические данные по г. Москве выглядят следующим образом: мужчины – 19 903 (96 %), женщины – 858 (4 %)⁹. Кроме того, повсеместно, как и в Грузии, женщин гораздо реже приговаривали к смертной казни. Так, в Алтайском крае «кулацкая» тройка осудила к ВМН «лишь» 25 % женщин (среди мужчин доля казненных составила 44 %), т. е. примерно столько же, как и на Кавказе, где доля расстрелянных женщин составила около 30 %¹⁰.

Мужчины и женщины, осужденные в ходе массовых операций, как правило, различаются также и по возрасту. В Грузии «кулацкая» тройка осудила гораздо больше юношей, чем девушек. Если среди представителей мужского пола было осуждено 211 юношей в возрасте от 14 до 19 лет, то возраст самых молодых девушек начинался «только» с 17 лет. В Алтайском крае тройка осудила 217 юношей в возрасте от 16 до 20 лет, в то время как

возраст самой молодой из осужденных женщин составлял 21 год¹¹.

Галина Жданова (Архивное управление Алтайского края) предполагает, что причины этого были «[...] прежде всего социального характера (из-за низкого социального статуса женщин в России они не принимались в политическом смысле всерьез), затем чисто прагматические (на предприятия ГУЛАГа требовалась в основном мужская рабочая сила, а в стране разворачивалась борьба с беспризорностью)»¹². Таким образом, если карательные органы спокойно арестовывали и осуждали мужчину – зачастую кормильца многодетной семьи, то они не могли себе позволить ликвидировать вторую опору семьи, не нанеся финансового ущерба государству. Действительно, в Грузии по приказу № 00447 были осуждены лишь 60 женщин, мужа которых также были репрессированы в 1937–1938 гг. Однако такое «щадящее» отношение к женщинам проявлялось лишь в отношении широких масс репрессированных. В случае же с репрессиями партийно-советских элит карательные органы не делали для женщин особых скидок¹³. Жены «изменников родины» арестовывались очень часто, а их дети при благоприятном стечении обстоятельств оказывались у родственников или в детском доме, как это было в случае с Юрием Лариным, сыном Николая Бухарина, и его матерью Анной Лариной¹⁴. Женщины, не имевшие политических и социальных привилегий, должны были оставаться на воле и возместить государству не только социальный, но и экономический ущерб, нанесенный террором. Именно они для того, чтобы выжить, должны были работать на износ в колхозе, на фабрике, или пытались обеспечить себя и детей подсобной работой, или трудились в домашнем хозяйстве. Однако такое исследование специфических «гендерных» последствий Большого террора еще только предстоит провести. Зато судьбы детей репрессированных, которые были лишены отца, в то время как о них заботилась оставшаяся на свободе мать, уже стали предметом различных исследований, однако такого рода публикации посвящены преимущественно детям из семей высшей советской элиты¹⁵.

Печальная ирония заключается в том, что коммунистическое общество, начертавшее на своих знаменах лозунг равноправия мужчины и женщины, в ходе репрессий неуклонно выступало как общество патриархальное. Смесь патриархального мышления, низкого социального статуса и незначительной политической роли женщин особенно четко отражается в ходе анализа приговоров

«милицейских» троек. В Грузии среди жертв этого внесудебного карательного органа, отвечавшего за массовую социальную чистку общества, оказалось в сравнении с другими внесудебными инстанциями достаточно много женщин, а именно 11 % (*«кулацкая» тройка* – 3 %; *«национальная» тройка* – 5 %). *«Милицейская» тройка*, в отличие от *«кулацкой»* и *«национальной» троек*, которые осуждали свои жертвы минимум на пять лет и выше, имела возможность выносить женщинам относительно мягкие приговоры с коротким сроком заключения не более пяти лет. Так, из мужчин, которые были осуждены *«милицейской» тройкой* в Грузии, 60 % составляли лица, приговоренные к пяти годам лишения свободы, т. е. они получили максимально допустимый срок. Среди женщин доля лиц, осужденных к пяти годам, составила 35 %, т. е. в относительных цифрах примерно половину по сравнению с мужчинами. Зато в случае с «мягким» трехлетним сроком доля женщин существенно выросла: к этому сроку наказания были приговорены 33 % женщин и «только» 24 % мужчин. Что же касается двухлетнего срока, то доля осужденных мужчин составила всего лишь половину от доли женщин (15 % женщины, 8 % мужчины). Также в отношении к общему числу репрессированных женщин было освобождено вдвое больше, чем мужчин (женщин – 0,8 %, мужчин – 0,4 %). Стоит также отметить, что в отношении женщин дела прекращались в 4,6 раза чаще, чем в отношении мужчин (женщины – 3,2 % от общей численности жертв, мужчины – 0,7 %) ¹⁶.

2. Возраст

Большинство лиц, осужденных в Грузии в ходе *«кулацкой»* операции – 75 % – находились в самом трудоспособном возрасте от 20 до 50 лет. В Алтайском крае этот показатель равнялся 76 %. Такая же тенденция прослеживается в Грузии в случае с жертвами *«национальной тройки»*, среди которых осужденные в возрасте 20–50 лет составили 77 %. Несмотря на свою очевидную утилитарную ценность в качестве рабочей силы, около половины из них были расстреляны. Таким образом аргумент, согласно которому в результате репрессий власть стремилась аккумулировать дешевую молодую рабочую силу, ставится под сомнение также и в свете грузинских материалов.

Особенно в этой связи поражают два следующих обстоятельства. Во-первых, в жерновах «кулацкой» тройки при НКВД Грузинской ССР оказалось 211 представителей молодежи в возрасте между 14 и 19 годами (один процент от общего числа осужденных), что на фоне вынесенных им приговоров отнюдь не кажется незначительным числом. 13 % из них были даже расстреляны. Во-вторых, доля лиц, осужденных «кулацкой» тройкой к расстрелу, составляет среди представителей возрастной группы старше 69 лет 69 %, что почти на 30 % выше, чем общий средний показатель приговоров к ВМН, равный 42 %. Для большинства пожилых людей как в Грузии, так и в Алтайском крае, арест оборачивался неизбежной смертной казнью. Это обстоятельство нельзя объяснить только критерием предпочтительной селекции, согласно которому чекисты арестовывали и сурово осуждали «особенно опасных» стариков, реакционеров и консерваторов, в силу своего возраста враждебно настроенных к советской власти¹⁷.

Что же касается «национальной тройки» при НКВД Грузинской ССР, то доля осужденных пожилых лиц составила здесь около 22 %, что не является чем-то особым в сравнении с другими возрастными группами населения. Г.Д. Жданова полагает, что «чем старше был осужденный, тем меньше он мог принести пользы на “великих стройках коммунизма”, и системе было выгоднее избавиться от него». Тем самым она подчеркивает чудовищный прагматический мотив, очевидно, действительно имевший место, по меньшей мере в случае с операцией по приказу № 00447¹⁸.

Сравнение ноября и декабря 1937 г., а также марта и июня 1938 г. дает возможность констатировать еще ряд тенденций в деятельности «кулацкой» тройки. Что касается степени репрессий в отношении молодежи, то ноябрь, декабрь и март практически не отличаются друг от друга. Только ближе к концу операции по приказу № 00447, то есть в июне 1938 г., тройка прекратила осуждать подростков. Количество осужденных пожилых людей в возрасте между 61 и 69 годами и старше 69 также сократилось только в июне 1938 г., причем среди жертв тройки в этом месяце полностью отсутствовали люди старше 69 лет. Между тем в ноябре, декабре 1937 г. и марте 1938 г. доля осужденных лиц старше 61 года оставалась в среднем примерно одинаковой.

Очевидно, что на первом плане для «кулацкой» тройки стояла задача социального дисциплинирования молодого поколения –

возрастной группы, политически весьма активной в СССР. Так, среди жертв «кулацкой» *тройки* лица в возрасте от 31 года до 40 лет составляли почти треть (32 %), из них больше половины (54 %) были приговорены к смертной казни. Группа жертв в возрасте 20–30 лет составила 16 %, из них *тройка* осудила к ВМН 38 %. Доля группы лиц в возрасте от 31 года до 40 лет среди жертв «национальной» *тройки* составила все те же 32 %. Однако следует отметить, что процент приговоров к ВМН был в этом случае значительно ниже – 20 %. Не стоит также забывать о репрессиях в ходе «кулацкой» и «национальной» операций в отношении представителей такой возрастной группы, как 41–50-летние. Хотя их доля среди осужденных была меньше, составив менее трети от общего числа жертв (соответственно 26 % и 28 %), процент осужденных к ВМН по сравнению с 31–40-летними был среди них также высоким (соответственно 52 % и 20 %).

«*Милицейская*» *тройка* заслуживает особого рассмотрения, потому что она полностью выпадает из общих рамок интерпретации по ряду параметров. Доля молодежи до 19 лет включительно – почти четверть (23 %) от общего числа осужденных – была головокругительно высока («кулацкая» *тройка* – 1 %). Тем самым в Грузии особенно четко отразилось опасное следствие экстремального социального бедствия «библейского масштаба» (Дэвид Ширер), обрушившегося на советское общество в результате насильственной коллективизации и индустриализации. Речь идет о детях и подростках, оставшихся без должного попечения со стороны родителей или ставших беспризорниками. Теперь они обратили на себя внимание карательных органов своей мелкой преступностью, хулиганством и другой маргинальной деятельностью. Как доказывает применение в отношении 90 % представителей этой возрастной группы полностью неадекватного наказания в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет, государство стремилось отправить их в лагерь в массовом порядке, решив тем самым еще одну из своих социальных проблем.

Статистически выделяется также группа 20–30-летних. Именно они составили почти половину (48 %) жертв, осужденных «*милицейской*» *тройкой* (в случае с «кулацкой» *тройкой* – 16 %). В отношении их большей части (около 70 %) *милицейская тройка* выносила как правило максимально допустимый приговор – 5 лет лишения свободы. Еще 18 % из них были осуждены на три года. Здесь, как и в случае с подростками, отразилась тенденция изоляции от общества чрезвычайно социально активной в негативном

смысле и весьма заметной возрастной группы¹⁹. Советское государство не сумело предложить им достойное будущее или систематически разрушало все их перспективы²⁰.

Если рассматривать массовые операции НКВД в Грузии с точки зрения возрастной структуры репрессированных, то они представляли собой попытку кратковременного достижения социальной и политической стабильности, при этом совершенно не принимались во внимание вредные экономические последствия. Так, приоритетной целью операции по приказу № 00447 и «национальных» операций было создание политической стабильности, *«милицейская» тройка* отвечала за социальную стабильность, причем компетенции карательных инстанций весьма заметно пересекались друг с другом, как это видно уже на примере упоминания уголовников в заголовке оперативного приказа НКВД № 00447. Обозначение операции по приказу № 00447 как *«кулацкой»* в принципе не совсем отражает ее суть. Было бы гораздо уместнее называть и операцию, и *тройку* *«кулацко-уголовной»*. Этим подчеркивалось бы социальная направленность этой массовой карательной акции НКВД.

3. Образование

Более двух третей, а точнее – 68 % осужденных *«кулацкой» тройкой при НКВД Грузинской ССР*, были либо малограмотными, либо имели только низшее образование. Доля этой категории среди жертв *«кулацкой» тройки* Грузии превосходит даже соответствующую категорию среди жертв *«кулацкой» тройки при УНКВД по Алтайскому краю* (62 %). Если же учесть также долю неграмотных осужденных – 7 % (910 человек), то процент неграмотных и малограмотных среди жертв *тройки* увеличится в Грузии до 75 (8 100 человек). Таким образом, и в отношении Закавказья подтверждается универсальное для всего Советского Союза правило, согласно которому *«кулацкая» операция* была направлена главным образом против непривилегированного рядового населения.

Однако доля осужденных с высшим образованием среди жертв *«кулацкой» тройки* превышает в Грузии аналогичный показатель по Алтайскому краю в 11 раз. В то время как доля этих

лиц составила среди жертв «кулацкой» тройки при УНКВД по Алтайскому краю «только» один процент, в Грузии этот показатель равняется 11 % (от 11 690 человек, в отношении которых мы имеем данные об образовании). Важнейшая причина осуждения «кулацкой» тройкой необычайно большого количества лиц с высшим образованием заключается в том, что тройка в Тбилиси получила особое разрешение выносить приговоры также в отношении арестованных представителей партийно-советских элит, дела которых до этого традиционно рассматривались Военной коллегией Верховного Суда СССР²¹. Тем не менее это обстоятельство не может полностью объяснить причину необычайно большого расхождения между группами репрессированных с высшим и низшим образованием. Так, среди жертв «кулацкой» тройки в Грузии доля лиц со средним образованием составила «только» 20 %, в то время как в Алтайском крае доля таких осужденных была почти в два раза выше (37 %)²². Очевидно, свою дополнительную роль сыграла здесь региональная специфика Грузии, заключавшаяся в серьезных колебаниях уровня образования грузинского общества в 1937–1938 гг. Точно так же, как и в Алтайском крае, уровень образования и суровость приговора коррелировали друг с другом: чем ниже был уровень образования подсудимого, тем реже тройка выносила приговор к ВМН. В Грузии эта стойкая тенденция понижения доли смертных приговоров в зависимости от уровня образования была налицо: среди лиц с высшим образованием доля осужденных к смертной казни составила заметно более 2/3 (75 %), среди неграмотных, напротив, «лишь» близко к одной третьей (39 %).

В результате сравнения данных за 1937 и 1938 гг. выяснилось, кроме того, что в 1938 г. доля осужденных представителей элит почти вдвое превышает соответствующий показатель 1937 г. (1937–9 %; 1938–17 %), и это учитывая то обстоятельство, что абсолютные цифры репрессированных в Грузии в ходе «кулацкой» операции в 1938 г. были почти на две трети ниже, чем в 1937 г. (1937 г. – 15 413; 1938 г. – 5 665). Доля неграмотных и лиц с начальным образованием сократилась с весьма высоких 75 % в 1937 г. до 59 % в 1938 г. Соответственно, среди осужденных тройкой в 1937 г. среднее образование имела еще меньшая доля лиц (18 %), чем в среднем за 1937–1938 гг. (20 %). В 1938 г. доля этой группы осужденных составила 23 %, немного превысив средний показатель. Необходимо также помнить, что 1938 г. стал для Грузии годом смертных казней. По сравнению с 1937 г. доля

лиц, осужденных к ВМН, выросла более чем на 20 %, с 45 % в 1937 г. до 67 % в 1938 г. Т. е. эта кавказская республика находилась в русле общесоюзной тенденции доминирования смертных приговоров, хотя Грузии было далеко до Украины, где доля смертных приговоров достигла в 1938 г. почти 100 % (98 %) ²³. Существенным отличием Грузии от других республик, краев и областей СССР является то, что в 1938 г. высшая мера наказания применялась здесь в больших масштабах против лиц с высшим образованием.

Объяснением разницы между 1937 и 1938 гг. служит не только общесоюзная тенденция перенесения центра тяжести карательных мер в 1938 г. на такой контингент, как «другие контрреволюционные элементы», но и специфика Грузии, заключавшаяся в интенсивном осуждении «кулацкой» тройкой контингентов *Военной коллегии Верховного Суда СССР* и представителей партийной элиты (доля членов партии среди жертв *тройки* составила в 1937 г. около 20 %, в 1938 г. – около 30 %). Доля репрессированных членов ВКП(б) со средним и низшим образованием увеличилась в 1938 г. на 10 % по сравнению с 1937 г. (1937 г. – 43 %; 1938 г. – 53 %). Такой большой эта группа стала за счет сокращения числа неграмотных партийцев, при этом доля членов партии с высшим образованием осталась примерно одинаковой ²⁴.

«Национальная» тройка по сравнению с «кулацкой» тройкой демонстрирует ряд отклонений и особенностей. Из 386 человек, в отношении которых мы имеем сведения об их образовании, 333 человека (87 %) не имели никакого образования или имели низшее образование. Это было на 19 % больше, чем у жертв «кулацкой» тройки. Если же рассматривать только долю безграмотных, то этот показатель у «национальной» тройки будет выше более чем в три раза («национальная» тройка – около 23 %; «кулацкая» тройка – около 7 %). Соответственно, только 3 % (13 человек) среди жертв «национальной» тройки имели высшее образование, что в относительных числах составляло примерно четвертую часть от доли этой группы среди лиц, осужденных «кулацкой» тройкой (11 %). И даже процент осужденных со средним образованием среди жертв «национальной» тройки (10 %) составляет лишь половину от аналогичной группы среди жертв «кулацкой» тройки (20 %). Таким образом, основное ядро контингента «национальной» тройки в Грузии составляли в еще большей степени люди с низшим образованием и неграмотные. Эту тенденцию подтверждает гораздо более редкое применение ВМН в отноше-

нии всего контингента *«национальной» тройки*. Так, в отличие от *«кулацкой» тройки* доля лиц с высшим образованием, приговоренных к смертной казни, составила здесь «только» 54 % (7 человек из 13). Что же касается *«кулацкой» тройки*, то аналогичный показатель составил 75 %, т. е. более чем на 20 %. В случае с неграмотными доля расстрелянных среди жертв *«национальной тройки»* понижается до 13 %, что ниже на 26 %, или на две трети, чем в случае с *«кулацкой» тройкой*.

Полученные данные свидетельствуют о том, что национальные диаспоры Грузии, являвшиеся главной целью операций НКВД по «национальным» линиям, обладали чрезвычайно низким социальным статусом. По этой причине репрессии в их отношении не отличались жестокостью, свойственной *«кулацкой» операции*. Невысокий общий уровень образования диаспор в комбинации с относительно «мягкими» наказаниями косвенным образом говорит о том, что органы НКВД Грузии не придавали большого значения военной опасности и, соответственно, шпионской деятельности в пользу иностранных держав, поскольку подобные обвинения всегда оказывали фатальное действие на тяжесть приговора²⁵.

Что же касается *«милицейской» тройки*, то мы располагаем данными об уровне образования в отношении более половины (55 %, 1216 человек) от общего числа – 2205 человек, осужденных этой *тройкой*. Подавляющее большинство её жертв однозначно относилось к социальным низам общества. 73 % из них были малограмотными или полностью неграмотными. Только 21 % имели низшее образование или, по меньшей мере, умели неплохо читать и писать. В отношении 80 % представителей группы неграмотных и малограмотных *«милицейской» тройкой* был вынесен максимально допустимый приговор в размере 5 лет лишения свободы²⁶. Социальным маргиналам и отщепенцам, лишенным всех привилегий, не стоило надеяться на снисхождение, что служит несомненным свидетельством того, что Большой террор имел авторитарную социальную составляющую.

В общем и целом, несмотря на все выявленные различия между массовыми операциями НКВД в Грузии, подтверждается вывод о том, что главной целью всех трех операций являлось простое непривилегированное население, хотя оно и было здесь значительно подразделено вследствие общественно-политических особенностей республики.

4. Социальное положение

Результаты анализа репрессивной статистики по такому параметру, как «уровень образования», соотносятся с выводами, полученными нами в ходе рассмотрения такого показателя, как актуальный социальный статус осужденных. Основную группу лиц, «изъятых» из грузинского общества органами НКВД в ходе «*кулацкой*» операции, составили служащие. Среди жертв «*кулацкой*» тройки их доля за 1937–1938 гг. достигает почти 70 %. В советских условиях служащий всегда являлся «слугой государства». Не являлись исключением также служащие давно уже национализированных предприятий и заводов или работники сельских советов. Доля рабочих среди жертв «*кулацкой*» тройки составила 5 % (532 человека), крестьян – 27 % (3031).

Доля расстрелянных среди служащих равнялась 61 %, что было почти вдвое выше доли казненных крестьян и на 15 % выше доли рабочих, приговоренных к ВМН. При этом необходимо отметить, что и в случае с «социально близкими» рабочими смертная казнь применялась весьма интенсивно (47 %). Доля членов ВКП(б) среди репрессированных служащих была особенно высока – 38 %.

При сравнении 1937 и 1938 гг. подтверждается тенденция усиленной селекции и изъятия образованных лиц и лиц с высоким социальным статусом, уже выявленная нами в ходе анализа уровня образованности жертв массовых операций. Так, доля осужденных служащих увеличивается с 56 % в 1937 г. до 87 % в 1938 г., т. е. на целых 30 %. В 1938 г. «*кулацкая*» тройка практически не карала рабочих (3 %) и осудила также гораздо меньше крестьян (9,5 %). Зато квота осужденных ею членов партии выросла с 27 % в 1937 г. до 34 % в 1938 г. – почти на 8 %²⁷.

На основании данных об актуальном социальном статусе жертв еще более явной становится специфика направленности деятельности «*национальной*» тройки в сравнении с «*кулацкой*», что уже отмечалось нами в ходе анализа уровня образования жертв «*национальных*» операций. Доля служащих среди ее жертв составила менее половины – 43 % (130 человек). Зато доля репрессированных крестьян – 42 % (127 человек) – почти сравнялась с долей служащих и была почти на треть выше, чем доля крестьян среди жертв «*кулацкой*» тройки (27 %). Что же касается

рабочих, то их доля (14 %, 43 человека) была почти в три раза выше доли рабочих, репрессированных в рамках операции по приказу № 00447.

В случае с долей приговоров к ВМН, вынесенных «национальной» тройкой, крестьяне и служащие пострадали одинаково (в обеих группах доля расстрелянных составила около 25 %), что в свою очередь было гораздо ниже доли служащих, осужденных к ВМН «кулацкой» тройкой (60 %), и заметно меньше доли крестьян, расстрелянных этой же тройкой в рамках операции по приказу № 00447 (32 %).

Сравнительно низкая доля служащих среди жертв «национальной» тройки и «небольшой» процент расстрелянных среди них позволяют сделать вывод, что представители национальных диаспор, ставшие главным объектом репрессий в рамках операций по «национальным линиям», были в среднем гораздо слабее представлены в аппарате советского государства, чем контингенты «кулацкой» тройки, и их, очевидно, в гораздо меньшей степени расценивали как источник серьезной опасности. В результате удар был нанесен не только по служащим, но и в равной мере по крестьянам. Высокое число репрессированных рабочих указывает, с одной стороны, на то, что даже такой «благоприятный» социальный статус не гарантировал нацменам защиту в случае с «национальными» операциями; с другой стороны, этот факт создает впечатление, что одной из приоритетных целей репрессий были рабочие из числа эмигрантов²⁸.

Главный удар «милицейской» тройки был направлен не против мелких уголовников, как этого можно было бы ожидать, а против «деклассированных элементов», таких как бездомные, нищие и т. п. Их доля составила 75 % от 1382 человек. Совершенно очевидно, что милиция использовала ситуацию правового беспредела для того, чтобы отправить в лагеря представителей маргинальных групп, невзирая на отсутствие конкретных преступлений или их незначительность. Крестьяне, рабочие, служащие и студенты, доля которых составила 6 % от лиц, репрессированных «милицейской» тройкой, играли здесь подчиненную роль²⁹. Таким образом, мы можем наглядно убедиться в том, что массовые операции имели не только четкие политические цели. Посредством их государство осуществляло также ярко выраженные социально-политические манипуляции над обществом.

5. Социальное происхождение

Одним из самых спорных в историографии Большого террора является вопрос о том, являлось ли социальное прошлое потенциальных жертв решающей причиной их ареста. Если это так, то в годы Большого террора главным критерием занесения человека в проскрипционные списки «врагов народа» было не столько индивидуальное поведение или степень лояльности по отношению к сталинскому режиму, сколько его социальное происхождение.

Против этого тезиса свидетельствует тот факт, что в Грузии более половины жертв *«кулацкой» тройки* (54 %) по социальному происхождению были крестьянами, то есть лицами, имевшими социальные корни, скорее не вызывавшие подозрения. Сомнения возникают также при рассмотрении второй половины ее жертв (46 %), хотя здесь собрались все социальные враги большевиков: от бывших кулаков (25 %), дворян (8,1 %), ходжей, беков (1,6 %) и даже князей (1,5 %) вплоть до бывших купцов (1,7 %), мещан (1,3 %), офицеров (5,2 %), а также чиновников царских карательных органов, полицейских и жандармов (1,3 %). Если бы режим намеревался покарать всех бывших *«кулаков»*, то количество арестованных должно было быть несомненно выше. Это же можно утверждать с большой долей уверенности и в отношении других категорий *«бывших»*.

Имеющиеся данные в большей степени указывают на то, что социальное происхождение не являлось, как правило, главной причиной ареста, но *«клеймо»* неблагоприятного социального прошлого в ходе следствия всегда негативно влияло на тяжесть меры наказания. В отношении лиц *«запятнанных»* в прошлом, выносились более жесткие приговоры, как того требовала идеологизированная логика выявления и уничтожения врага. Среди бывших купцов и торговцев доля приговоренных *«кулацкой» тройкой* к смертной казни составила в Грузии *«умеренные»* 45 % – как и среди крестьян. Даже *«бывшие кулаки»*, доля расстрелянных среди которых равнялась 55 %, были наказаны не так жестоко, как этого можно было бы ожидать. Однако среди других групп *«бывших»* доля приговоров к ВМН резко увеличилась. Так, среди лиц дворянского происхождения она составила уже 60 %, причем высокое число репрессированных дворян – 828 человек (8,1 %) от 10 182 осужденных лиц, в отношении которых имеются

сведения об их социальном происхождении, представляет нам грузинское общество как социум с высокой долей мелкого дворянства. Что же касается мусульманских элит – ходжей и беков – то среди них было расстреляно 66 %. Далее по восходящей следуют группы чиновников бывшей Российской империи (70 %), мещан и офицеров (по 73 %). На самой вершине этой смертной пирамиды находятся князья, процент расстрелянных среди которых (76 %) превышает соответствующий показатель у «кулаков» на 20 %.

Что же касается контингентов *«национальной» тройки*, то здесь неблагоприятное социальное происхождение, очевидно, не играло такой негативной роли, как для жертв *«кулацкой» тройки*. Мы располагаем соответствующими сведениями только в отношении 38 % (192 человек). Напомним, что в протоколах *«кулацкой» тройки* социальное происхождение зафиксировано почти в половине случаев (в отношении 10 182 человек из 21 078). В результате доля лиц с «подозрительным» социальным прошлым составила среди жертв *«национальной» тройки* «только» 11 % (*«кулацкая» тройка* – 46 %). Подавляющее большинство её жертв – 89 % – имели крестьянское, отнюдь не «кулацкое» происхождение³⁰.

Данные о социальном происхождении контингентов *«милицейской» тройки* весьма неполные. Соответствующая информация приведена в протоколах ее заседаний только в отношении 11 % (266 человек) осужденных. Из этого можно сделать вывод, что социальное происхождение не играло существенной роли в случае с осуждением *«милицейской» тройкой*. Необходимо также отметить, что из этих 266 человек подавляющее большинство (80 %) имело крестьянское происхождение³¹.

Г.Д. Жданова на основании своих статистических выкладок, полученных в ходе анализа массовых операций в Алтайском крае, высказывает следующую оценку: лица, «имеющие “темное” социальное прошлое, сразу попадали в категорию неблагонадежных и были виновны, что называется, «по определению»». Однако данные по Грузии скорее свидетельствуют в пользу того, что «неблагоприятное» социальное происхождение не было доминантным мотивом ареста. Но мы согласны со Ждановой в том, «что социальное происхождение при вынесении приговора тройкой имело очень важное [...] значение». Грузия не является здесь исключением: социальное прошлое, по меньшей мере в случае с *«кулацкой» тройкой*, являлось существенным мерилом тяжести

наказания. Само собой разумеется, что «подозрительное» социальное происхождение также играло свою роль в принятии решения об аресте того или иного человека, особенно в том случае, если он явно демонстрировал власти свою нелояльность. «Пятно» на социальном прошлом могло быть использовано также как повод для доноса, но далеко не всегда такой донос достигал своей цели, особенно если у потенциальной жертвы не имелось свежих прегрешений в глазах режима. Таким образом, мы бы не заходили в своих оценках роли социального происхождения так далеко, как Г.Д. Жданова, которая приписывает ему в случае с арестом и осуждением жертв «кулацкой» операции даже «определяющее значение»³².

6. Политическое прошлое

«Кулацкая» тройка осудила в Грузии 21078 человек за 1937–1938 гг. Только в отношении 17 % из них в протоколах заседаний тройки указано их политическое прошлое³³. Поэтому речь не идет здесь об абсолютной репрезентативности. Однако можно исходить из того, что эта важная характеристика жертвы, там, где она была налицо, обязательно отмечалась в протоколе. Таким образом, мы можем надеяться получить до некоторой степени достоверные статистические выкладки. На первом месте среди лиц с «политическим прошлым» бесспорно лидируют бывшие меньшевики – 83,7 % (2991 человек). Что же касается приверженцев других партий, если исходить из абсолютных чисел, то они были репрессированы лишь в незначительном масштабе. И все же имеет смысл обратить более точный взгляд на цифры. Обращает на себя внимание то, что меньшевики были осуждены существенно мягче, чем все бывшие члены других политических партий. Разница с эсерами составляет 28,1 % (доля расстрелянных среди меньшевиков равнялась 45,7 %, среди эсеров – 73,8 %), с социал-федералистами, членами маленькой грузинской партии, основанной в 1903 г. и добивавшейся национальной автономии, – 16,3. В качественном плане эти данные свидетельствуют об изменении карательных приоритетов репрессивных органов от меньшевиков в «пользу» бывших сторонников небольших партий. Возможно, в прошлом им уделялось гораздо меньше внимания, чем меньше-

викам, столь типичным для Грузии³⁴. Следует также исходить из того, что приверженцы этих партий осуждались крайне жестоко в соотношении к их общей численности.

Большое значение имеет также факт репрессий в отношении бывших членов политических партий, типичных для национальных меньшинств Грузии. Так, в количественном и качественном отношении «*кулацкой*» *тройкой* было осуждено довольно много предполагаемых дашнаков – 6,8 % (244 человека). Дашнакцутюн была армянской националистической партией, основанной в 1890 г. и добивавшейся насильственным путем объединения и независимости всех территорий, населенных армянами и входивших в состав Османской империи, Ирана и российского Закавказья. В 1908 г. партия приняла эсеровскую программу и вступила во II Интернационал. После Февральской революции она стала одним из важнейших политических противников большевиков в Армении. С 15 ноября 1917 г. по 26 мая 1918 г. дашнаки входили вместе с грузинскими меньшевиками (грузмеками) и мусаватистами в образованный ими «Закавказский комиссариат», а также в правительство «Закавказской демократической федеративной республики». 28 мая 1918 г. последовало отделение от РСФСР и образование республики Армения во главе с правительством, сформированным дашнаками. После взятия Армении частями Красной армии и установления власти большевиков в Закавказье партия Дашнакцутюн была запрещена, а ее сторонники преследовались.

Доля мусаватистов среди жертв операции по приказу № 00447 в Грузии была сравнительно мала – 0,8 %. В случае с мусаватистами речь идет о членах азербайджанской буржуазно-националистической партии, образованной в 1911 г. под названием «Мусульманская демократическая партия Мусават» («Равенство»). После объединения в 1917 г. с «Тюркской партией федералистов» партия стала называться «Тюркская демократическая партия федералистов-мусаватистов». Она основывалась на идеях панисламизма, пантюркизма и модернизации и стремилась к созданию национально-территориальной автономии в составе Российской империи. В марте 1918 г. мусаватисты организовали антибольшевистское восстание, потерпевшее неудачу. 27 мая 1918 г. Временный национальный совет в Тбилиси провозгласил Азербайджанскую республику. Реальную власть в Азербайджане мусаватисты смогли получить только после поражения Бакинской коммуны в сентябре 1918 г. с помощью турецких и британ-

ских вооруженных сил. 27–28 апреля 1920 г. войска Красной армии вошли в Баку, Азербайджанская демократическая республика прекратила свое существование³⁵. Если делать выводы, опираясь лишь на репрессивную статистику, то возникает впечатление, что органы НКВД Грузии не придавали большого значения делу преследования мусаватистов. В целом это соответствует низкому социальному и политическому статусу азербайджанцев в Грузии³⁶.

Несколько больше внимания карательные органы уделили группе под названием «Седай Миллет». Речь здесь идет о националистической аджарской политической организации, весьма популярной среди мусульманского населения региона, выступавшей, в том числе на страницах своей одноименной газеты «Седай Миллет», за протурецкую ориентацию Аджарии. За 1937–1938 гг. было осуждено 76 бывших членов «Седай Миллет». Таким образом, интенсивность репрессий при численности аджарского населения примерно 95 000 человек составила 0,08 %. В отношении других партий в Грузии интенсивность репрессий равнялась 2,1 %. Необходимо отметить, что из этих 76 человек более половины (53 %, 40 человек) были приговорены к смертной казни³⁷. Учитывая низкую степень политической организации населения Аджарии, эти невысокие абсолютные цифры служат важным показателем направления репрессивных ударов.

В свою очередь, как в протоколах «национальной» тройки, так и в записях «милицейской» тройки полностью отсутствуют данные о контактах их жертв с антибольшевистскими политическими партиями. Зато членство в ВКП(б) было не таким уж редким явлением среди контингентов «национальной» тройки (8,5 %), хотя она и уступает по этому показателю «кулацкой» тройке вдвое (17 %), что в очередной раз отражает более низкий социальный статус «нацменов». Среди жертв «милицейской» тройки, как и ожидалось, члены ВКП(б) отсутствовали полностью, и только 8 человек из 2.205 (0,4 %) были комсомольцами или кандидатами в члены ВКП(б)³⁸.

Подводя итоги, в первую очередь следует указать на то обстоятельство, что в Грузии в случае с таким «репрессивным» критерием, как членство в антисоветских политических партиях, «меньшевистское» прошлое либо вовсе не упоминается в отношении подавляющей массы осужденных, либо оно играло подчиненную роль. В любом случае членство в Социал-демократической партии Грузии (меньшевики) не было использовано в массовом

порядке как причина арестов. Даже в роли отягчающего обстоятельства при вынесении приговора причастность к меньшевикам играла меньшее значение, чем причастность к другим, не таким влиятельным, антибольшевистским партиям³⁹.

Доля членов ВКП(б) среди жертв массовых операций НКВД закономерным образом была значительно ниже, чем в случае с «адресными» репрессиями против советских элит. Она составляла в среднем 4 % («кулацкая» тройка – 17 %, «национальная» тройка – 9 %, «милицейская» тройка – 0,4 %) ⁴⁰. Однако если сравнивать с Алтайским краем, то доля членов коммунистической партии, осужденных *«кулацкой» тройкой НКВД Грузинской ССР* – 17 % – будет более чем в четыре раза выше соответствующего «алтайского» показателя (4 %). Такую существенную разницу нельзя объяснить только спецификой массовых репрессий в Грузии, заключавшейся в осуждении большого количества партийно-государственных элит *«кулацкой» тройкой*, она также свидетельствует о более высокой в целом степени политической организованности населения Грузии в сравнении с Алтайским краем, являвшимся сельскохозяйственным регионом в еще большей мере, чем Закавказье⁴¹.

Играло ли членство в коммунистической партии (в том числе бывшее) роль смягчающего фактора при вынесении приговора, также и потому, что в этом случае следователи и судьи более внимательно разбирались в обстоятельствах дела? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Именно в случае с членами ВКП(б), а также с кандидатами в члены коммунистической партии и комсомольцами, находившимися в тесном контакте с партийными организациями, органы НКВД уделяли особое внимание сбору доказательств сомнительного социального и политического прошлого потенциальной жертвы в целях легитимации ареста и осуждения, что, в свою очередь, вело к вынесению более сурового приговора. Компрометирующие связи с антибольшевистскими политическими партиями, в любом случае являвшиеся отягчающим фактором, играли в случае с партийно-комсомольскими элитами роль важного элемента механизма градации тяжести прегрешений перед режимом. В заключение следует подчеркнуть, что в протоколах тройки в качестве обвинения, как правило, фигурирует комбинация сомнительного прошлого и актуальных преступлений и проступков, таких как коррупция, саботаж, равнодушное отношение к работе и т. д.

7. Религиозные группы

В отношении Грузии мы не располагаем сведениями о том, какое количество священников Грузинской православной церкви еще официально служило к началу Большого террора. Отсутствуют статистические данные о численности мулл, а также пресвитеров и проповедников так называемых христианских сект. Тем не менее априори можно предположить, принимая во внимание антирелигиозную пропаганду, повсеместно обострившуюся в ходе коллективизации, а также массовое закрытие культовых зданий в 1930-е годы, что и в Грузии численность священнослужителей всех конфессий была крайне незначительной. Уже по этой причине стоит обратить внимание на количество осужденных членов религиозных общин – 525 человек – хотя доля «церковников» от общего числа жертв «кулацкой» операции в Грузии (21 078) скорее покажется незначительной, составив лишь 2,5 %⁴².

В результате сравнения данных о репрессиях в отношении разных групп верующих становится очевидным: члены христианских религиозных общин, священнослужители христианских церквей и представители так называемых сект репрессировались в соотношении к общей численности их приверженцев среди населения Грузии (доля христиан согласно переписи 1926 г. – около 90 %; число репрессированных: 131 священник и 101 сектант), относительно слабее, чем муллы (90 человек, доля мусульман согласно переписи 1926 г. – только около 8,8 %). Таким образом, если использовать для подсчетов данные переписи 1926 г., то интенсивность репрессий против христианских «церковников» и «религиозников» составила 0,01 %, против мусульман – в четыре раза выше – 0,04 %.

При соотношении здесь этнических групп или национальностей с соответствующими вероисповеданиями речь не идет об индивидуальной религиозности. Персональная принадлежность к тому или иному вероисповеданию в Российской империи была зафиксирована в материалах Всероссийской переписи 1897 г., однако данные, приведенные в переписи, имеют три существенных недостатка: 1. Опрашиваемые не имели возможности дистанцироваться от религии и объявить себя атеистами; 2. Очевидное предпочтение, оказываемое православной церкви за счет других христианских конфессий, в первую очередь «отпавших от

православия» старообрядцев и «сектантов»; и 3. Чрезмерно обобщенный учет нерусских групп, в результате чего отсутствует даже такая важная информация, как деление мусульман на суннитов и шиитов. Тем не менее, эти данные полезны в той степени, в которой они, как и посемейные списки 1886 г., отражают высокую степень корреляции этничности и определенной религии. Так, в 1897 г. около 100 % мингрелов и сванов относились к православной церкви⁴³.

В Советском Союзе вопрос о религиозной принадлежности был включен в вопросник переписи единственный раз – в 1937 г. Как известно, материалы этой переписи были признаны «вредительскими» и аннулированы. Данные переписи 1937 г. гораздо больше говорят об индивидуальной религиозности, но, принимая во внимание условия, в которых проходила перепись, этим статистическим данным неизбежно свойственны два существенных недостатка: многие люди страшились возможных последствий в случае признания своей религиозности; и, наоборот, открытое заявление о вере в Бога могло играть роль свидетельства принадлежности к той или иной нации или даже использоваться как некая форма антисоветского протеста.

Таким образом, соотнесение той или иной национальности с соответствующей религией осуществлено здесь в соответствии с логикой, согласно которой национальность в традиционном обществе де факто, пусть в большей или меньшей степени, жестко связана с религией, хотя и с некоторыми исключениями. Само собой разумеется, речь не идет об индивидуальной религиозности. Тем не менее турок, не исповедующий ислам, турок-христианин, показался бы современникам необычным явлением, поскольку «христианский турок» или «турецкий христианин» был бы воспринят окружающими как оксюморон. В результате такие персоны описывались как турецкоговорящие греки или турецкоязычные армяне, и в этом качестве они фигурируют в этнографической, в том числе и в советской, литературе⁴⁴.

Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. во многих отношениях подтверждают эту точку зрения, поскольку разница в вероисповедании служила здесь основанием для выделения ряда субэтносов (народностей). Так, в материалах переписи фигурируют «хемшины», то есть армяне, исповедующие ислам; «езиды» – в отличие от курдов-мусульман; «сарт-калмыки», то есть калмыки-мусульмане, в отличие от «калмыков», традиционно исповедующих буддизм и т. д.

Таким образом, примененный нами метод базируется на том, чтобы перенести эту взаимозависимость между этничностью и религией (но не индивидуальной религиозностью), известную из посемейных списков 1886 г. и Всероссийской переписи 1897 г., на данные переписи 1926 г. В случае с абхазами возникают определенные сложности, как, впрочем, и в случае с другими очень маленькими этническими группами. В 1886 и 1897 гг. большинство абхазов были учтены как православные христиане, однако уже упоминавшиеся недостатки переписи 1897 г. в сочетании с этнографической литературой, в которой абхазы описываются как религиозно индифферентный этнос, включающий в себя скорее лишь поверхностно христианизированные и исламизированные группы, дают повод не характеризовать абхазов как «христианский» или «мусульманский» этнос. Имеет смысл вынести здесь эту проблему за скобки. Таким образом, оценочная численность различных конфессий в Грузии по материалам Всесоюзной переписи 1926 г. представлена в табл. 2.

Таблица 2

Оценочная численность различных конфессий в Грузии по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.

Кол-во жителей: 2644207 советских граждан + 22287 иностранцев	2666494	100,0 %
Православные христиане	2007147	75,3 %
Армяно-апостольские христиане	310895	11,7 %
Протестанты	14213	0,5 %
Католики	4273	0,2 %
Восточные сирийцы	3220	0,1 %
Итого: Христиане	2339748	87,756 %
Мусульмане	234984	8,8 %
Евреи (в узком смысле)	30838	1,2 %
Караимы	248	0,0 %
Езиды	2301	0,1 %
Буддисты	5	0,0 %
Индусы	3	0,0 %
Абхазы (конфессиональная принадлежность не указана)	56851	1,9 %
Вероисповедание неизвестно	1562	0,1 %

Однако в отношении священнослужителей христианских церквей приговор к ВМН выносился гораздо чаще, чем в отношении мулл: доля расстрелянных среди священников составляла 71 %, что было на 15 % больше, чем доля казненных мулл (56 %). Очевидно, священников-христиан расценивали как более опасный элемент, чем мусульманских священнослужителей. Влияние христианских церквей на грузинское общество должно было быть безусловно элиминировано, а окончательная зачистка священников, начатая уже задолго до Большого террора – завершена. В результате в случае с православным клиром репрессии обрушились на последних священнослужителей, все еще остававшихся на свободе, и эти гонения были призваны изменить ситуацию качественно. Что касается мулл, то репрессии очевидно ставили своей задачей их изъятие из общества в количественном смысле. Однако и здесь мы можем исходить из того, что наиболее видные представители ислама уже были к тому времени репрессированы. Напротив, «сектанты» преследовались в Грузии сравнительно «мягче», чем другие группы верующих: доля расстрелянных среди них составляла 41 %.

Содержательным является также рассмотрение такой категории осужденных, как лица «из духовного сословия». Это означает, что они либо сами были в прошлом священнослужителями, либо выходцами из семей священников. Доля смертных приговоров в их отношении была весьма высокой – 64 %. Таким образом, удар также наносился непосредственно по самим основам религиозной жизни. Интересно, что среди представителей этой категории насчитывалось целых 13 % членов ВКП(б) (22 из 173 человек), в то время как из 131 осужденных христианских священников бывшим членом партии был только один, среди 90 мулл – двое. В годы Большого террора членство в партии и контакты в прошлом с религиозными организациями были немислимой комбинацией⁴⁵.

Что же касается контингента «национальной» тройки, то среди ее жертв насчитывается «только» три муллы. Складывается впечатление, что в случае с операциями по национальным линиям в Грузии чекисты не ставили перед собой задачу гонениями на священников, церковный «актив» и сектантов ослабить религиозные организации. В свою очередь, «милицейская» тройка не осудила в Грузии ни одного явного члена религиозных общин⁴⁶.

В общем и целом результаты, полученные нами как в отношении «национальной» тройки, так и в отношении преследования

членов религиозных организаций в рамках «кулацкой» операции должны быть дополнительно перепроверены в ходе всесторонних (не только статистических и просопографических) исследований, которые еще только предстоит осуществить. Пока же можно лишь оценочно исходить из того, что интенсивность репрессий против православных священников была ниже, чем в отношении мулл (в соотношении к общей численности приверженцев ортодоксии и ислама среди населения Грузии), однако священники-христиане гораздо чаще приговаривались к смертной казни, чем представители мусульманского духовенства.

8. «Кладбищенский» покой

Каждая из трех массовых операций НКВД преследовала свою четкую цель. «Кулацкая» операция была среди них наиболее гибким инструментом. В свою очередь, «кулацкая» тройка в Грузии являлась внесудебным карательным органом, который в ускоренном порядке выносил суровые приговоры преимущественно в отношении молодых социальных «отщепенцев» со стажем, а также молодых представителей групп населения с низким и средним социальным статусом, поскольку их поведение было интерпретировано как политически нелояльное. Специфика Грузии также заключалась в том, что на осуждение республиканской «кулацкой» тройки была передана значительная часть представителей партийно-государственных и прочих элит, внесенных в «сталинские списки» и предназначенных для осуждения Военной коллегией Верховного Суда СССР⁴⁷. «Национальная» тройка, напротив, сосредоточилась преимущественно на репрессиях в отношении представителей средних и низших слоев национальных диаспор, при этом в ее действиях не наблюдаются явные мотивы социальной чистки. Что же касается «милицейской» тройки, то ее задача в конечном итоге заключалась в дисциплинировании низших слоев грузинского общества, в особенности молодежи и молодых мужчин.

Ущерб, нанесенный Грузии систематическими репрессиями, вынесенными на периферию советской империи, был огромен. Использование возросших бюрократических и технических возможностей для выявления лиц и групп, заподозренных в политической и социальной нелояльности, обернулось для кавказской

республики экономическим абсурдом. Главный удар пришелся на возрастные группы населения, необходимые для нормального функционирования государства и его экономики. Близорукая политика партийного руководства Грузии исключала любую конкуренцию в политической, духовной, национальной и экономической сферах. Социальные проблемы «решались» насилием или отодвигались на будущее посредством вынесения суровых приговоров, полностью не соответствовавших вине. Результатом стал социальный и политический «кладбищенский покой», воцарившийся в Грузии. Однако этот период в ее истории оказался чрезвычайно коротким, как показали репрессии, возобновившиеся после окончания «малой бериевской оттепели» 1939–1941 гг. На этот раз они были более избирательными, не такими систематическими и вновь управлялись и контролировались Москвой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. таблицу 26 во втором томе настоящего издания.

² Соответствующие данные были получены нами на основании базы данных жертв «кулацкой» тройки.

³ См. таблицу 28 во втором томе настоящего издания.

⁴ Соответствующие данные были получены нами на основании базы данных жертв «национальной» тройки.

⁵ См. таблицу 29 во втором томе настоящего издания.

⁶ Соответствующие данные были получены нами на основании базы данных жертв «милицейской» тройки.

⁷ *Жданова Г.Д.* Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции. провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Б. Бонвеч, М. Юнге, Р. Биннер. М., 2009. С. 727.

⁸ Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 3–5. – СПб., 1998. С. 587; 1999. С. 686; 2002. С. 639; См. также: *Жданова Г.Д.* Статистический анализ. С. 727.

⁹ Бутовский полигон 1937–1938 гг. Выпуск 7. – М., 2003. С. 302–311; *Жданова Г.Д.* Статистический анализ. С. 727.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Жданова Г.Д.* Статистический анализ. С. 727. Однако необходимо упомянуть, что в случае с Алтайским краем речь идет не об абсолютных числах, а о статистической выборке.

¹² Там же.

¹³ См. таблицу 27 во втором томе настоящего издания.

¹⁴ *Юнге М.* Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. – М., 2003.

¹⁵ Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation / Hg. von C. Kuhr-Korolev, St. Plaggenborg, M. Wellmann. – Essen, 2001; *Kuhr C.* Kinder von »Volksfeinden« als Opfer des stalinistischen Terrors 1936–1938 // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Hg. von St. Plaggenborg. – Berlin, 1998. С. 391–418; *Hedeler W.* Sippenhaft im »Großen Terror« 1937/38. Das Akmolinsker Lager für Ehefrauen von Vaterlandsverrätern» (ALZIR) und seine deutschen Häftlinge // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung 2005. С. 81–101

¹⁶ См. таблицу 26 во втором томе настоящего издания.

¹⁷ Необходимо специальное исследование, посвященное молодежи и пожилым людям (старше 69 лет).

¹⁸ См. таблицу 30 во втором томе настоящего издания.

¹⁹ См. таблицу 32 во втором томе настоящего издания.

²⁰ О тяжелой ситуации, в которой находилась молодежь в СССР в 1920-е – начале 1930-х годов, см.: *Wellmann M.* Zwischen Militanz, Verzweiflung und Disziplinierung. Jugendliche Lebenswelten in Moskau, 1920–1930. – Basel, 2005; *Gorsuch A.E.* Youth in revolutionary Russia. Enthusiasts, bohemians, delinquents. – Bloomington, 2000.

²¹ См.: главу «Регионализация карательных полномочий».

²² *Жданова Г.* Статистический анализ. С. 730–731.

²³ Что касается Украины, то в отношении 1938 г. у нас имеются статистические данные только по 1 августа 1938 г. Так как в некоторых областях Украины «кулацкая» операция продолжалась вплоть до глубокой осени 1938 г., то эти числа соответственно неполные. См.: Сводная таблица о проведении приказа № 00447 в Украине // «Через трупы врага на благо народа» / Сост. М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер. Том 2. – М., 2010. С. 365.

²⁴ К вопросу об общих оценках уровня образования жертв «кулацкой» операции в Грузинской ССР см. в первую очередь таблицу 9 во втором томе настоящего издания, в которой приведены совокупные данные за 1937–1938 гг., а потом таблицы 10 и 11 во втором томе настоящего издания, в которых приведены статистические данные соответственно за 1937 и 1938 гг.

²⁵ См. таблицу 24а во втором томе настоящего издания. См. также главу «Этнос и террор».

²⁶ См. таблицу 25 во втором томе настоящего издания.

²⁷ См.: таблицы 10–11, графы «Социальное положение».

²⁸ См. таблицу 24а во втором томе настоящего издания. См. также главу «Этнос и террор».

²⁹ См. таблицу 25 во втором томе настоящего издания.

³⁰ См. таблицу 24а во втором томе настоящего издания.

³¹ См. таблицу 25 во втором томе настоящего издания.

³² См. также: *Жданова Г.* Статистический анализ. С. 731.

³³ См. таблицу 9 во втором томе настоящего издания.

³⁴ О специфике репрессий в отношении меньшевиков см. главу «Регионализация карательных полномочий», часть 9 («Осуждение меньшевиков»).

³⁵ О репрессиях в Грузии в отношении дашнаков см. также главу «Этнос и террор», раздел 6: ««Советские» национальности: армяне, азербайджанцы».

³⁶ К вопросу о низком социальном статусе азербайджанцев в Грузии см. также главу «Этнос и террор», раздел 6: ««Советские» национальности: армяне, азербайджанцы».

³⁷ Аджарская автономная советская социалистическая республика // Большая советская энциклопедия. Том 1. – М., 1949. С. 397–406, здесь С. 401.

³⁸ См. таблицу 24а во втором томе настоящего издания; а также таблицу 25 во втором томе настоящего издания.

³⁹ См.: главу «Регионализация карательных полномочий», часть 9 («Осуждение меньшевиков»).

⁴⁰ См.: таблицы 9, 24а и 25 во втором томе настоящего издания.

⁴¹ *Жданова Г.* Статистический анализ. С. 736–737.

⁴² См. таблицу 9 во втором томе настоящего издания.

⁴³ Таблица такого рода корреляций приведена в монографии Д. Мюллера, посвященной советской национальной политике на Кавказе. См.: *Müller D.* Sowjetische Nationalitätenpolitik in Transkaukasien 1920–1953. – Berlin, 2008. С. 81–82.

⁴⁴ См.: например: *Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф.* География Закавказья. Очерки по физической географии и этнографии ЗСФСР. – Тифлис, 1929; *Зарубин И.И.* Список народностей Союза Советских Социалистических республик. – М.–Л., 1927 (книга вышла в серии трудов комиссии Н.Я. Марра).

⁴⁵ См.: таблицы 10 и 11.

⁴⁶ См. таблицу 25 во втором томе настоящего издания.

⁴⁷ См.: главу «Регионализация карательных полномочий».

СПЕЦИФИКА

Суть нравственности составляет безнравственность.

Курт Флаш

Высшая нравственность требует некоторой свободы и для безнравственности.

Владимир Соловьев. Оправдание добра

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАРАТЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Важным результатом исследований операций НКВД в масштабах всего Советского Союза является вывод о том, что массовый внесудебный террор был направлен преимущественно против «простого» населения или, соответственно, против социально и политически непривилегированных групп, в то время как преследования элит относились к компетенции традиционного судопроизводства, узаконенного советской конституцией, включая его особые органы, такие как *Военная коллегия Верховного Суда СССР, спецколлегии Верховного Суда СССР*, а также республиканских, краевых и областных судов, *Особое совещание при НКВД СССР и военные трибуналы*¹. Российский историк Владимир Хаустов (Академия ФСБ) констатирует: «Во время массовых репрессий 1937–1938 гг. советская номенклатура не могла быть репрессирована на основе упрощенных процедур введенными в республиках и областях тройками»².

Два примера того, как эта «иерархия» карательных институтов выглядела на практике. Так, в Калининской области по сфабрикованному НКВД делу мнимой троцкистско-террористической «рабоче-крестьянской партии России» руководство организации было осуждено военным трибуналом в начале 1938 г., а «низовой» состав – *тройкой*³. В свою очередь 21 сентября 1938 г. в пояснительной записке к приказу НКВД СССР № 00606 (об учреждении особых *троек*⁴, которым передавались функции упраздненных т. н. *двоек*) Лаврентий Берия указывал на то, что дела высококвалифицированных специалистов (профессоров, врачей и т. п.), сотрудников НКВД и командного состава не входят в сферу компетенции *особых троек*⁵.

Однако тезис о четком разделении между селективным осуждением элит и массовым осуждением «низовки» следует рассматривать с существенной оговоркой, поскольку пока не существует исследований, посвященных взаимодействию в ходе массовых

репрессий между внесудебными органами (*тройки, двойки*) и органами «нормального» судопроизводства (*Военная коллегия Верховного Суда СССР, гражданские суды, военные трибуналы, спецколлегии судов*).

Целью настоящего исследования в целом и данной главы в частности является устранение этой исследовательской лакуны и выявление механизмов функционирования различных карательных органов, а также изучение пересечения их компетенций и параллельности структур. Вопрос также заключается в том, шла ли в Советском Союзе речь о «коллективных» действиях, свойственных национал-социализму, в рамках которых каждый из органов власти действовал в опережающем рвении в уничтожении «врагов рейха»⁶ или, напротив, в СССР можно выделить лишь одно учреждение, выступавшее организатором и «мотором» репрессий?

В конечном итоге авторы рассчитывают получить новые выводы, позволяющие адекватно объяснить причины ужасающе высокого потенциала уничтожения, присущего Большому террору 1937–1938 гг. При этом они дистанцируются здесь от теорий, содержащих объяснение террора, исходя из предполагаемой психической патологии, свойственной И.В. Сталину, или стиля руководства отдельных большевистских лидеров, таких как Л.П. Берия во время его нахождения в Грузии. Обратная связь с «личностной» историей существует здесь постольку, поскольку возникает закономерный вопрос: что могут поведать об исторических персонажах, их намерениях и образе мышления созданные ими структуры.

1. Дихотомия

Когда речь заходит о действиях, направленных советским государством на борьбу с социальным и политическим девиантным поведением его граждан, в историографии, наблюдается противопоставление органов юстиции и политической полиции. Исследователи исходят из того, как это четко сформулировал Юрген Заруски из Института современной истории в Мюнхене, что аппараты юстиции и тайной полиции сосуществовали в советское время, в том числе и в период Большого террора, при этом между ними сохранялся определенный баланс сил. В результате струк-

турирование карательных действий государственной власти приобретало все больше и больше характер политически контролируемого, инструментализированного и подверженного манипуляциям «права как государственной системы регулирования»⁷. Тем не менее вопрос о том, определяло ли это масштаб и динамику террора, и если да, то каким образом, не является предметом дискуссии.

В рамках специального изучения компетенции и направления деятельности отдельных советских карательных органов и институтов Дэвид Ширер из университета Делавэр (США) развивает тезис о дихотомии террора. Он прежде всего подчеркивает четкое качественное различие между селективным осуждением элит, осуществлявшимся законными судебными инстанциями, и массовым осуждением социальных низов, так называемой «низовки», с помощью внесудебных органов. По сути, этот тезис схож с моделью «двойного национал-социалистического государства», предложенной Френкелем⁸. Согласно этой интерпретации, многие жертвы массовых репрессий были арестованы и осуждены не из-за специфических проступков и преступлений, а лишь потому, что они принадлежали к «сомнительным» социальным категориям⁹.

Юрген Заруски также подчеркивает качественное отличие в деле осуждения элит. В частности, он пишет: «Санкцию на вынесение приговора в отношении лиц, принадлежавших к советской элите, Сталин сохранял за собой и своим ближайшим окружением»¹⁰.

На основании архивных материалов, впервые введенных в научный оборот в рамках настоящего грузино-немецкого исследовательского проекта, посвященного изучению массовых репрессий в Грузинской ССР, сегодня появилась возможность непосредственно связать деятельность внесудебного, внеконституционного, чтобы не сказать, нелегального карательного органа с деятельностью судебной инстанции, узаконенной конституцией СССР. Речь идет о *тройке НКВД Грузинской ССР* и о *Военной коллегии Верховного Суда СССР*¹¹.

Через судилище *троек* или, соответственно, «*кулацких*» *троек* прошли, как уже было упомянуто выше, все жертвы самой массовой операции НКВД по приказу № 00447 в отношении «кулаков, уголовников и других контрреволюционных элементов». С их помощью осуждались главным образом крестьяне, мелкие служащие, мнимые и реальные политические и социальные враги Советской власти, к примеру, зажиточные крестьяне, уголовники,

нищие, священники, сектанты, бывшие социал-революционеры, меньшевики, анархисты, служащие дореволюционного государственного аппарата. Лишь рабочие составляли сравнительно небольшую группу среди жертв массовой операции.

В свою очередь, *Военная коллегия Верховного Суда СССР*, как правило, рассматривала дела «руководящих деятелей партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов, народных комиссаров и их заместителей, крупных хозяйственных руководителей, известных военных, писателей, деятелей культуры и искусства», обыкновенных служащих, как и сотрудников прокуратуры, судебных органов и самого НКВД¹². Рассмотрение дела проводилось в присутствии обвиняемого, но без защитника. Почти 85 % приговоров Военной коллегии были приговорами к смертной казни. Для сравнения: доля смертных приговоров, вынесенных в ходе национальных операций так называемой *Высшей двойкой* – Комиссией народного комиссара внутренних дел СССР и прокурора СССР – составляла приблизительно 73 %, «*кулацкими*» *тройками* – около 50 %. «Чем ближе кверху, тем больше жестокости, тем больше крови, тем больше ответственности»¹³.

2. Смещение элит и «низовки»

Специфическим отличием Большой чистки 1937–1938 гг. в Грузии от остальных республик, краев и областей Советского Союза, бросающимся в глаза, является экстремально высокое количество жертв со средним и высшим образованием, осужденных здесь «*кулацкой*» *тройкой*¹⁴. Также весьма необычно наблюдать среди ее жертв большое число членов ВКП(б) и представителей интеллигенции¹⁵. В результате возникает вопрос о том, не была ли *тройка НКВД* в Грузии, вопреки всесоюзной практике осуждения с ее помощью преимущественно так называемой «низовки», т. е. рядового советского населения или людей, далеких от власти и связанных с ней привилегий, также ускоренным судом для попавших в немилость элит?

Возникает закономерный вопрос, как соотносится этот феномен смещения элит и «низовки» с пропагандируемым Дэвидом Ширером тезисом о дихотомии террора, согласно которому во время Большого террора имело место четкое деление на селектив-

ную и индивидуальную стратегию преследования в отношении элит, и на кампанейский стиль массовых операций в отношении «низовки»? Возможно, эта дихотомия не имела силы только в Грузии и она действительно отвечала генеральной линии развития Большого террора? При этом стоит обязательно помнить о том, что *тройки* представляли собой региональный карательный орган, состав которого формировался из представителей местного управления НКВД, партийной организации и прокуратуры, в то время как в случае с *Военной коллегией Верховного Суда СССР* речь шла о центральной, «столичной» судебной инстанции, которая время от времени отправляла в провинцию свои выездные сессии. Предположение, согласно которому региональные аспекты могли играть большую роль в случае осуждения региональных элит «местным» карательным органом, чем в случае осуждения их центральной инстанцией, должно быть, по меньшей мере, проверено.

Обнаруженные в грузинских архивах документы дают повод для нового осмысления устоявшихся в историографии представлений, причем двояким образом. Во-первых, они доказывают, что в этой советской республике в рамках «кулацкой операции», т. е. классической массовой операции Большого террора, в большом количестве осуждались лица, которые изначально предназначались в качестве контингента для осуждения центральной и «элитарной» *Военной коллегией Верховного Суда СССР*¹⁶. Вторая особенность, которая подтверждается грузинскими архивными источниками, касается *структуры* осуждения элит и «низовки» с помощью «кулацкой» *тройки*, это означает, что многочисленные документы указывают на поразительную схожесть между механизмами осуждения жертв «кулацкой» *тройкой* и *Военной коллегией*.

Нижеследующий материал организован следующим образом: сначала мы продемонстрируем, каким образом функционировала передача дел от *Военной коллегии* на рассмотрение «кулацкой» *тройки*. При этом будут рассмотрены различные этапы: сначала период до того момента, как передача контингента *Военной коллегии* на *тройку НКВД Грузинской ССР* стала обычной процедурой, а вслед за этим – фаза, когда «кулацкая» *тройка* полностью взяла на себя в Грузии функции *Военной коллегии*. При этом мы попытаемся в первую очередь установить, существуют ли доказательства того, что специфика Грузии, которая прежде всего

заклучалась в возможности передавать элиты на суд *тройки*, вытекала из особых взаимоотношений местных властей и Москвы, или в Грузии просто были найдены «правильные» аргументы для «включения» попавших в немилость элит в массовую операцию? Какие аспекты здесь можно считать общими, а что справедливо только для Грузии? В этом контексте интерес представляет также вопрос, какими мотивами руководствовалась политическая верхушка Грузии, лишая *Военную коллегию Верховного Суда СССР* ее работы?

Рассматривая практиковавшуюся передачу на суд «*кулацкой*» *тройки* контингентов, изначально предназначенных для осуждения *Военной коллегией*, мы также попытаемся установить, располагал ли московский центр контрольными механизмами, отличными от обычного контроля за «*кулацкой*» *тройкой*, чтобы наблюдать за осуждением *тройкой* контингентов *Военной коллегии*? Можно ли характеризовать «*кулацкую*» *тройку* только как послушного исполнителя решений *Военной коллегии*?

Только после выяснения этих принципиальных вопросов следует оценка социального состава лиц, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*, основывающаяся на статистических данных. Будут реконструированы социальное происхождение, партийная принадлежность и образовательный уровень контингента *Военной коллегии*, чтобы потом сравнить полученные данные с «обычным» контингентом «*кулацкой*» *тройки*. При этом необходимо ответить на следующие вопросы: можно ли четко разграничить контингенты обоих карательных органов? Затрагивала ли передача дел от *Военной коллегии Верховного Суда СССР* на *тройку* «только» средний слой грузинской элиты, или также высокопоставленные кадры и интеллигенцию Грузинской ССР? Имеются ли указания на то, что специфика Грузии, т. е. ее мультиэтничность и меньшевистское прошлое грузинской интеллигенции, сыграла решающую роль в том, что здесь осуществлялось систематическое осуждение части элит «*кулацкой*» *тройкой*?

После этого промежуточного этапа мы уделим специальное внимание сравнению механизмов вынесения приговоров *Военной коллегией Верховного Суда СССР* и «*кулацкой*» *тройкой*, чтобы и здесь выявить аналогию действий. В заключение мы попытаемся использовать полученные результаты в интересах рассуждений о типично сталинском режиме функционирования репрессий в рамках Большого террора.

3. Предварительный отбор

13 августа 1937 г. заместитель наркома внутренних дел Аджарской АССР С.И. Кугель¹⁷ должен был уладить дело, не терпящее отлагательств. В своем письме к заместителю народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР А.Н. Рапаве он просил забронировать место в «очереди ожидания» в республиканской столице, Тбилиси, для уже законченных следственных дел в отношении 315 человек, чтобы «пропустить их через тройку». Речь шла о быстром рассмотрении этих дел «*кулацкой*» *тройкой* НКВД Грузинской ССР с тем, как он выразился, «[...] чтобы немного высвободившись, и в части помещения и в части следователей, приняться за новую партию»¹⁸. К этому времени у Кугеля уже скопилось в общей сложности около 700 следственных дел, в ближайшем времени предстоял арест еще около 200 лиц, а также имелись подготовленные проскрипционные списки, на основе которых должен был быть арестован «свежий» контингент для «*кулацкой*» *тройки*. До сих пор, руководствуясь совершенно прагматическими соображениями, как это также следует из слов Кугеля, органы госбезопасности автономной республики занимались главным образом пересмотром дел лиц, уже давно находившихся в тюрьмах, большая часть из которых уже была осуждена к различным срокам заключения.

На пороге большой чистки заместитель наркома внутренних дел Аджарии хотел также договориться о ключевых критериях, согласно которым необходимо было производить распределение арестованных между различными судебными и внесудебными органами и инстанциями («*кулацкая*» *тройка*, «*милицейская*» *тройка*, *двойка*, *Особое совещание*, *военный трибунал*, *Военная коллегия Верховного Суда СССР*) и выяснить, не допустима ли здесь определенная гибкость, позволяющая производить перемещение контингента между вышеназванными карательными органами. Для этого он изложил, из каких контингентов была составлена группа численностью в 315 человек, предназначенная к осуждению *тройкой*: почти половину, а именно 154 человека, он выбрал из контингента, изначально предусмотренного к осуждению *Военной коллегией Верховного Суда СССР*. Соответственно, 76 лиц были включены в первый список, составленный для *Военной коллегии* 31 мая 1937 г., и 79 – во второй список от 26 июня 1937 г.¹⁹. Во избежание нареканий Кугель упомянул, что разреше-

ние «отсортировать» часть обвиняемых он получил от народного комиссара Грузинской ССР С.А. Гоглидзе, после того как пожаловался ему на чрезмерную «загрузку следствием и арестованными»²⁰. В заключение Кугель просил Рапаву дать ему разрешение в будущем при формировании контингентов для осуждения *тройкой* передавать на ее рассмотрение также некоторые групповые дела, которые по своему профилю скорее соответствовали уровню и профилю дел, рассматриваемых *Военной коллегией*. В качестве обоснования своего ходатайства он снова приводил аргумент настоятельной необходимости «разгрузки» своего ведомства. Впрочем, для осуждения *Военной коллегией* было оставлено, согласно Кугелю, еще около 110–120 человек, которых он характеризовал как «самый руководящий актив»²¹.

Это отклонение от нормальной процедуры ставит вопрос о так называемой «окраске» дел 315 лиц, переданных на осуждение *тройкой* в ускоренном порядке. Стандартный контингент *тройки* представлял собой «меньшевиков» и «социалистов-федералистов» (60–65 человек), а также «участников Аджарской повстанческой организации» (105–110 человек), причем за последними, очевидно, скрывались «кулаки», уголовники, бывшие белогвардейцы, чиновники царской полиции и т. д. Из традиционных «троечных» рамок выпадали «троцкисты» (95 человек), а также «фашисты и диверсанты» (40–50 человек), которые, как правило, не подлежали осуждению «*кулацкой*» *тройкой*.

В конце письма сообщалось, за счет какого контингента чекисты Аджарии намеревались расширить уже имевшиеся «троечные» списки, а именно за счет «участников контрреволюционной повстанческой организации», «кадровых меков»²², «офицерства» и т. п. Кроме того, планировалось перепроверить на предмет дополнительных арестов имевшиеся списки кулаков. В качестве еще одной возможности Кугель предлагал включить в «троечные» списки по меньшей мере 200 человек, чьи следственные дела еще не были закончены, что означало не что иное, как намерение наркомата внутренних дел Аджарии использовать благоприятную возможность и пропустить через *тройку* те дела, с которыми раньше, в условиях надзора со стороны государственной прокуратуры, НКВД испытывал трудности с доказательной базой.

То обстоятельство, что непосредственный начальник С.И. Кугеля, нарком внутренних дел Аджарской АССР Г.Н. Джинджолия²³ отказался 19 августа 1937 г., т. е. спустя всего несколько дней после письма Кугеля, санкционировать расстрел девяти

жителей Аджарии, осужденных 15 августа 1938 г. *тройкой* в Тбилиси, лишь кажется контрапунктом позиции Кугеля. В обоснование своего решения Джинджолия сослался на то, что следственные дела этих лиц были предназначены для рассмотрения *Военной коллегией Верховного Суда СССР*, что было в свое время подтверждено Москвой. Для Джинджолия было важно показать, что он расценивает недопустимой без согласования с ним любую переквалификацию дел, осуществлявшуюся 8-м (учетно-регистрационным) отделом НКВД Грузинской ССР²⁴.

Действия НКВД Аджарии не были для Грузии чем-то необычным. Судя по всему, в Абхазской АССР на осуждение *тройки* также были переданы значительные контингенты жертв, которые подлежали осуждению *Военной коллегией Верховного Суда СССР*. За весь 1937 г. в этой автономной республике *Военной коллегией* было осуждено в общей сложности всего лишь 68 человек²⁵.

Как свидетельствует пример Украины, практика перемещения контингентов от одного карательного органа к другому не была специфической особенностью Грузии²⁶. Здесь мы находим еще одно подтверждение тому, что *тройка* была ускоренным судом, который «снабжался» «человеческим материалом» также другими судебными и внесудебными органами.

И все же письмо Кугеля дает дополнительную возможность более глубоко ознакомиться с практикой производства арестов в ходе массовых операций. Очевидно, уже при отдании приказа произвести арест определенного лица принималось также предварительное решение о том, каким органом он должен быть впоследствии осужден. Т. е. органы НКВД или милиции на местах не только должны были получить санкцию на арест согласно представленным спискам от своего республиканского, краевого или областного управления, но и должны были упорядочить эти списки по принадлежности к определенному судебному/внесудебному органу. Таким образом, если репрессируемый был изначально предназначен для осуждения определенной карательной инстанцией, то *после* ареста было уже не так-то просто переместить его в другой список, для осуждения другим карательным органом. Как свидетельствует письмо Кугеля Рапаве, для этого было необходимо обязательное разрешение вышестоящего начальства, причем в крайнем случае это разрешение могло последовать в устной форме (как это было в случае с Гоглидзе), а еще лучше – в письменном виде. Таким образом, вышестоящее начальство также несло в этом случае солидарную ответственность за принятое

решение, кроме того, сохранялась видимость того, что передача дел на *тройку* осуществлялась отнюдь не произвольно в случайном порядке, поскольку на ее рассмотрение отбирали из числа особенно опасных дела «только» наименее опасных элементов.

Правда, анализируемый документ показывает, что карательное «сито» предварительной селекции было весьма грубым инструментом. Оба вышеупомянутых списка лиц, изначально предназначенных для осуждения *Военной коллегией*, в процессе оформления следственных дел или принятия решения, какой инстанцией арестованные теперь действительно должны быть фактически осуждены, сократились более чем наполовину (от 110 до 120 vs 154) в пользу «*кулацкой*» *тройки*²⁷. В Украине же доля тех, кто изначально при аресте был предназначен для осуждения «элитными» судами (*Военной коллегией Верховного Суда СССР, военными трибуналами, специальной коллегией Верховного суда, Особым совещание при НКВД*, а также в ходе показательных процессов), сократилась к моменту фактической передачи дел на рассмотрение суда почти на две трети, с 24,4 до 8,4 %. Что касается Грузии, то, к сожалению, нам не известно, были ли все те лица, которые в данном случае изначально предусматривались для осуждения *Военной коллегией*, автоматически приговорены *тройкой* к смертной казни. Поскольку отсутствуют дела большинства осужденных, историческая реконструкция на их основе весьма проблематична²⁸.

Органы НКВД совершенно недвусмысленно стремились передать на осуждение *тройкой* как можно больше лиц, так как такой порядок содержал в себе для чекистов только преимущества: отсутствовала обстоятельная проверка и санкционирование обвинительного заключения прокуратурой; на обвинительном заключении было достаточно подписи только начальника оперативного сектора НКВД, в случае Аджарии – все того же Кугеля. После этого, без чрезмерных потерь времени и бюрократических усилий, неизменных атрибутов процедуры осуждения через *Военную коллегию Верховного Суда СССР*, приговор выносился непосредственно в столице Грузии. Заключение в этом случае не надо было этапировать в Тбилиси, поскольку *тройка* выносила свои приговоры, в отличие от *Военной коллегии*, в отсутствие обвиняемых. Также становились ненужными трудоемкие очные ставки между свидетелями и обвиняемыми. *Тройка* функционировала чрезвычайно эффективно, в один день она могла вынести несколько сотен приговоров, в то время как *Военная коллегия*,

несмотря на крайнюю непродолжительность процедуры, тем не менее тратила 10–15 минут, а иногда даже до 30 минут на осуждение каждого из обвиняемых²⁹. Процедура, следовавшая после вынесения приговора *тройкой*, также была существенно короче. Из Тбилиси в Батуми, столицу Аджарии, отправлялись только списки тех, кто был осужден по первой категории к расстрелу и по второй – к лагерному заключению. Вслед за этим можно было сразу же приступить к казням и отправке оставшихся осужденных на этап.

4. «Сбор колосьев после жатвы»

После первичного отбора, в результате которого на суд *тройки НКВД Грузинской ССР* была передана значительная часть лиц, уже при аресте предназначавшихся для осуждения на выездных заседаниях *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, была проведена дополнительная селекция контингента *Военной коллегии* в пользу «*кулацкой*» *тройки*. Так, из списка лиц от 10 августа 1937 г., в котором приведены имена жертв, предназначавшихся исключительно для *Военной коллегии*, 37 человек были осуждены на заседаниях *тройки*, состоявшихся между 11 августа и 8 сентября 1937 г. Это обстоятельство вызывает удивление еще и потому, что в Тбилиси в августе 1937 г. не проходило заседаний *Военной коллегии*, таким образом она не могла принять решение о передаче дел этих лиц на рассмотрение «*кулацкой*» *тройки*, что формально было возможным³⁰.

Например, 10 человек из списка *Военной коллегии* от 10 августа 1937 г. появляются в протоколах первого заседания «*кулацкой*» *тройки* НКВД Грузии от 11 августа 1937 г., а еще 15 человек обнаруживаются в протоколе *тройки* номер 2 от 15 августа 1937 г. В целом из 1129 человек из списков лиц, предназначавшихся для осуждения *Военной коллегией*, датированных не позднее 21 октября 1937 г., на заседаниях *тройки* с 11 августа по 27 октября 1937 г. были осуждены 88 человек, или, соответственно, 8 %.

Какое количество из них были переданы на суд «*кулацкой*» *тройки* непосредственно решением *Военной коллегии*, нам установить не удалось³¹. Выездные заседания *Военной коллегии Верховного Суда СССР* проводились в Тбилиси в августе–октябре

1937 г. только в период с 11 по 19 сентября, с 28 по 30 сентября и с 1 по 4 октября 1937 г. Это позволяет высказать предположение, что, возможно, НКВД Грузии в лице своего 8-го (учетно-регистрационного) отдела своевременно проинформировал судей *Военной коллегии* о том, что эти лица передаются на осуждение «*кулацкой*» *тройки*, т. е. их имена уже были внесены в протоколы, подготовленные секретарем «*кулацкой*» *тройки*.

5. Прекращение работы Военной коллегии

Специфическим отличием Грузии от остальных республик, краев и областей Советского Союза было то, что в ходе массовых операций здесь осуществлялась не только масштабная передача на осуждение «*кулацкой*» *тройки* части жертв, которых чекисты первоначально предназначали для осуждения *Военной коллегией Верховного Суда СССР* в ходе *ареста*. Более того, начиная с 21 октября 1937 г. в этой республике стала практиковаться обширная передача на «*кулацкую*» *тройку* также контингента, который формально считался уже *окончательно* предназначенным для осуждения *Военной коллегией Верховного Суда СССР*. Для этого был выработан специальный механизм передачи дел и контроля за их рассмотрением, в результате чего *Военная коллегия* фактически прекратила свою работу в Грузии.

НКВД Грузии изначально имел регулярную возможность, как уже указывалось выше, передавать на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР* дела лиц, арестованных на территории Грузинской ССР. Этой возможностью, как наглядно следует из письма заместителя наркома внутренних дел Аджарской АССР С.И. Кугеля, чекисты активно пользовались. Для этого сначала было необходимо завести следственное дело в отношении арестованного лица, намеченного к осуждению. Потом составлялся список соответствующих дел, в котором приводились имена обвиняемых. Список, помимо имен, также содержал после каждой фамилии обвиняемого название подразделения НКВД (или определенного сотрудника), отвечавших за подготовку данного конкретного следственного дела. НКВД Аджарии и Абхазии также фигурируют в этих списках в качестве «обработывающих» инстанций, хотя и без указания фамилий сотрудников³².

Далее списки отправлялись в Москву, в 8-й (учетно-регистрационный) отдел ГУГБ НКВД СССР. Документально напрямую не доказано, прилагались ли к спискам следственные дела жертв. Если этого на самом деле *не происходило*, то возникает вопрос, какого рода содержательные проверки и контроль того, что происходило на периферии, вообще могли быть предприняты в Москве, тем более что в случае со списками жертв в данном случае речь шла исключительно о представителях элиты. Неужели сотрудники 8-го отдела только на основании имен устанавливали, какое социальное и политическое положение занимали в Грузии перечисленные в списках люди?

Пересылка следственных дел означала колоссальные бюрократическо-логистический издержки, от чего отказались в ходе массовых операций (*двойка* и *тройка*). Что же касается осуждения элит, то речь также шла о делах сотен персон, хотя такие объемы и были несравнимы с масштабами массовых операций. В результате отправка только списков жертв без следственных дел в адрес 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР была бы менее «затратным» мероприятием. Поэтому можно с большим основанием предполагать, что обязательная процедура предоставления списков жертв, без приложения следственных дел давала возможность 8-му отделу воссоздавать общую картину хода репрессий в масштабах всего Советского Союза, что включало в себя также более или менее существенную корректуру списков. 8-й отдел ГУГБ НКВД действительно предпринимал техническую правку списков, к примеру, заключающуюся в устранении повторов имен, что следует из сравнения списков, посланных из Грузии в Москву, со списками, которые потом были отправлены из Москвы в Грузию. Кроме того, Москва могла обеспечивать свой контроль посредством проходивших в Тбилиси выездных заседаний *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. Ведь в случае собственно судебного разбирательства дела жертв в любом случае были налицо³³.

И все же ряд признаков дает нам основание предполагать, что Москва считала недостаточным контроль, осуществлявшийся непосредственно только лишь судьями *Военной коллегии* относительно поздно в ходе ее заседаний, и следственные дела все же высылались вместе со списками в Москву, хотя это и означало огромные бюрократические издержки. Следственные дела были неотъемлемым источником более точной информации о лицах, приведенных в списках и о вменявшихся им обвинениях именно

в случае осуждения представителей элит. Так, 8-й отдел не только осуществлял техническую правку списков, но и устанавливал, без предварительных предложений из Тбилиси, меру наказания, не располагая сжатым изложением обвинительного заключения и версией приговора, как это было в случае с «альбомами» национальных операций, предоставлявшихся в распоряжение двойки в Москве. Без следственных дел было бы невозможно, и вычеркивать ряд фамилий из списков, что также практиковалось 8-м отделом.

Предположение о том, что следственные дела высылались в Москву вместе со списками, опирается на формулировку заголовка списка, выявленного нами в архиве, который дословно звучит следующим образом «Список *след[ственных] дел*, подлежащих рассмотрению на В[оенной] К[оллегии] Верх[овного] Суда СССР» (курсив авторов). Эта формулировка может расцениваться как документально подтвержденное свидетельство того, что списки всегда прилагались в качестве сопроводительных документов к следственным делам, отправлявшимся в Москву³⁴.

И все же в конечном итоге совершенно четко установлено только то, что в ходе этой бюрократической процедуры присланные из Грузии списки проверялись 8-м отделом ГУГБ НКВД СССР, который производил из них более или менее масштабные изъятия, после чего отредактированные списки отправлялись обратно в Грузию, но теперь их предворяла «справка», содержащая указания о тяжести подлежащего вынесению приговора³⁵. Эти окончательные варианты списков больше не включали в себя сведений о подразделениях или сотрудниках грузинского НКВД, занимавшихся подготовкой дел, что означает, что даже если в ходе проверки списков в Москве сотрудники 8-го отдела и не предполагали следственными делами, тем не менее в списках принимались существенные изменения и устанавливалась мера уголовного наказания. Таким образом, было бы ошибкой представлять 8-й отдел ГУГБ НКВД только как рядовую инстанцию, занимающуюся статистикой и учетом. Название отдела – учетно-регистрационный – способствует этому заблуждению.

21 октября 1937 г. 8-й отдел ГУГБ НКВД СССР подготовил к обратной отправке в Грузию такой список, содержащий 330 фамилий. Первоначальный список, присланный из Грузии в Москву, включал в себя 346 имен. В прилагавшемся сопроводительном письме, датированном 27 октября 1937 г., начальник 8-го отдела ГУГБ СССР В.Е. Цесарский ставил в известность наркома

внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о том, что список утвержден и приведенные в нем 330 лиц подлежат осуждению по 1-й категории, т. е. приговорены к смертной казни. Однако заседание суда, сообщал начальник 8-го отдела, состоится не в Москве, а будет организована выездная сессия *Военной коллегии Верховного Суда СССР* в Тбилиси. «О времени выезда к Вам Сессии будет сообщено дополнительно», – писал Цесарский³⁶. Документ умалчивает о том, что случилось с 16 лицами, чьи фамилии были изъяты из списка, равно как и о причинах изъятия.

Однако еще более поразительным, чем это безмолвное, хотя и общепринятое изъятие из списков ряда потенциальных жертв, является факт того, что фамилии 299 из 330 лиц, перечисленных в вышеназванном списке и предназначенных Москвой к осуждению выездной сессией *Военной коллегии Верховного Суда СССР* в Тбилиси, внезапно появляются в протоколах «кулацкой» *тройки НКВД Грузинской ССР*, а именно в протоколах № 43–45, заседания от 9, 10 и 11 ноября 1937 г.³⁷ Фамилии еще 10 человек из этого списка оказались приведены в приговорах, вынесенных на позднейших заседаниях *тройки*³⁸. Это означает, что, за минимальным исключением все лица, предназначенные в Москве для осуждения *Военной коллегией*, были бесспорно осуждены «кулацкой» *тройкой* в Тбилиси. Таким образом, можно говорить о полном делегировании карательной компетенции от центрального органа в руки региональной инстанции, предназначенной собственно для осуждения других категорий преступлений и преступников. По чьей инициативе это произошло, пока остается без ответа. Этой картине сознательно предпринятого делегирования полномочий также отвечает тот факт, что приговоры, вынесенные *тройкой*, почти на 100 % соответствуют рекомендациям Москвы³⁹.

На этих же заседаниях *тройки* № 43–45 от 9–13 ноября 1937 г. были осуждены не только 311 человек из списка *Военной коллегии Верховного Суда СССР* от 21 октября 1937 г., но и 23 человека из предыдущих списков: четыре человека от списка 10 августа 1937 г. и 19 человек – от 15 сентября 1937 г. Таким образом, из 342 лиц, в отношении которых на этих заседаниях *тройки* был вынесен приговор, 334 человека были из списков *Военной коллегии*.

По протоколам заседания *тройки* можно установить, что на заседании *тройки* от 13 ноября 1937 г. (протокол № 45) проходят 14 человек, в отношении которых приговор *тройки* гласил: «дело снять и доследовать». Из этих 14 человек двое входили в списки

Военной коллегии и их повторно осудили в тот же день по тому же протоколу № 45 от 13 ноября 1937 к ВМН. Учитывая этот двойной счет, количество лиц, фактически приговоренных на заседаниях *тройки* № 43–45, составляет не 344, а 342 человека. Дела еще четырех человек, которые проходили по спискам *Военной коллегии* от 21 октября 1937 г., *тройка* действительно вернула на этом заседании (протокол № 45) на доследование. Эти четыре человека вновь появятся в списке *Военной коллегии* от 3 января 1938 г., и *тройка* осудила их уже на своем заседании от 21 января 1938 г. (протокол № 84). Остальные восемь человек, дела которых также были направлены на доследование, не входили в списки *Военной коллегии*, т. е. их «отфильтровали» из состава обычного контингента *тройки*. Они были осуждены позднее к ВМН на заседании «*кулацкой*» *тройки* от 13 марта 1938 г. (протокол № 100).

В целом, из 334 человек, проходивших по спискам *Военной коллегии*, «*кулацкая*» *тройка* на заседаниях № 43–45 осудила на смертную казнь 327 человек. Из них одна женщина, осужденная на смертную казнь, скончалась в тюремной больнице. Так как она была на позднем сроке беременности, органы решили привести приговор в исполнение после родов. Еще один человек был осужден на 10 лет лишения свободы. Дело на одного из осужденных было *тройкой* сперва возвращено на доследование (протокол № 43 от 9 ноября 1937 резолюция: «дело снять доследовать»), а на заседании *тройки* от 3 декабря 1937 г. (протокол № 58) решено было передать его дело на Особое совещание, которое и присудило ему пять лет лишения свободы. Дело на еще одного из осужденных *тройкой* было передано на суд *Военной коллегии* (протокол № 43 от 9 ноября 1937 г., резолюция: «дело снять передать на военную коллегия»), которая в итоге вынесла приговор – 7 лет лишения свободы. Таким образом, можно утверждать, что на начальном этапе «трансфера» контингентов от *Военной коллегии* к «*кулацкой*» *тройке* грузинская карательная бюрократия буквально придерживалась указаний Москвы и судила контингент *Военной коллегии* отдельно, на специальных заседаниях «*кулацкой*» *тройки* (см. протоколы № 43–45)⁴⁰.

В результате передачи контингента из списка *Военной коллегии* от 21 октября 1937 г. на *тройку* произошло еще одно знаменательное событие: именно с заседания *тройки*, на котором началось осуждение жертв из этого списка, т. е. с заседания № 43 от 9 ноября 1937 г., Гоглидзе перенял у Рапавы председательство «*кулацкой*» *тройкой*. 11 ноября 1937 г. эта замена была офици-

ально утверждена постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), что было правилом в случае перемены председателя *тройки*⁴¹.

Очевидно, в конце октября 1937 г. в Москве было принято решение существенно сократить «затратную» процедуру командировки из Москвы в Тбилиси судей выездной сессии *Военной коллегии*, принимая во внимание, что приговоры по делам в основном уже были вынесены.

На каком основании стало возможным такого рода перемещение контингента от *Военной коллегии* на «кулацкую» *тройку*, следует из письма первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Л.П. Берии от 30 октября 1937 г., адресованном И.В. Сталину. С той же интонацией, как и заместитель наркома внутренних дел Аджарии Кугель в августе 1937 г., Берия в этом письме жаловался на переполненность грузинских тюрем. В таких условиях, согласно подробному описанию Берии, больше не было никакой возможности вести следствие в «нормальном» порядке. Заключение могли общаться друг с другом и уже заранее знали, что их ожидает, что позволяло им вырабатывать различные тактики поведения во время следствия. В качестве причины сложившейся неблагоприятной ситуации Берия назвал «перегруженность» выездной сессии *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, которая осудила в 1937 г. к моменту написания письма «только» 910 человек. В качестве решения проблемы Берия предлагал судить контингент *Военной коллегии* через «кулацкую» *тройку* или разрешить грузинским властям образовать специальную коллегия из состава *Верховного Суда Грузинской ССР*⁴².

Для Берии, точно так же как и для Кугеля, неоспоримое преимущество *тройки* заключалось в краткой и быстрой процедуре осуждения жертв непосредственно на месте. Но письмо Берии свидетельствует не только о том, что летом 1937 г. в Грузии под руководством коммунистической партии был дан мощный импульс массовым арестам так называемой «низовки», «кулаков», уголовников и других менее опасных «контрреволюционных элементов», но также и о том, что сложившаяся ситуация была одновременно использована республиканской «верхушкой» для развязывания масштабного террора в отношении внутрипартийных конкурентов⁴³. Для этого Берия уже с июля 1937 г. систематически разрабатывал сценарий широко разветвленной, простирающейся до Украины и за границы заговорщицкой организации правых уклонистов, якобы действовавшей по крайней мере с конца 1920-х годов и готовой немедленно нанести свой удар

в случае войны⁴⁴. При этом Берия выдвигал аргументы весьма практического свойства, чтобы на фоне всеобщей охоты за мнимыми врагами оставить за собой последнее слово в деле их отбора и уничтожения.

Начиная с ноября 1937 г. лица, вынесение приговора в отношении которых относилось к компетенции *Военной коллегии Верховного Суда*, окончательно стали осуждаться «кулацкой» тройкой НКВД Грузинской ССР, это стало бюрократически одобренной рутинной⁴⁵. И хотя соответствующие списки продолжали поступать из Грузии на обработку в 8-й отдел ГУГБ НКВД СССР, их потом в соответствии с указаниями народного комиссара НКВД СССР Н.И. Ежова или его заместителя М.П. Фриновского отправляли назад (в исправленном виде или без изменения), сопроводив письменным требованием осудить приведенные в списке лица через местную *тройку* согласно приговорам, приведенным в прилагаемой «справке». В самой республике списки еще раз подвергались незначительному исправлению начальником 8-го отдела УГБ НКВД Грузинской ССР А.К. Морозовым, что, как правило, означало передачу нескольких дел на рассмотрение *Особого совещания при НКВД СССР* или причисление их к контингенту, подлежащему осуждению в рамках национальных операций, что означало обработку этих дел *грузинской двойкой* и подтверждение приговора *Высшей двойкой* в Москве в составе Ежова и Вышинского. Иногда такие дела также отправлялись на дополнительное расследование⁴⁶.

Механизм официальной передачи жертв на осуждение *тройки* вместо *Военной коллегии Верховного Суда СССР* более точно документально подтвержден для «трансфера» списка от 22 ноября 1937 г., последовавшего 26 ноября 1937 г. В этот день Цесарский дал Гоглидзе четкое указание, осудить *тройкой* 439 человек согласно описанной выше процедуре. Далее он приказывал: «Рассмотрение этих дел проведите отдельным заседанием, не смешивая их с делами по кулацкой операции и другими»⁴⁷. После заседания *тройки* следственные дела бывшего контингента *Военной коллегии*, точно так же как и в случае с приговорами *тройки* в отношении других категорий жертв, подлежали отправке в Москву вместе с выписками из протокола *тройки*⁴⁸. В письменной форме было также приказано, чтобы заседания *тройки*, на которых выносились приговоры партийно-советским элитам взамен *Военной коллегии*, проводились под председательством Гоглидзе. К письму от 26 ноября 1937 г. был приложен список лиц, заверенный на

каждой странице сотрудником для особых поручений 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР [?] Кремневым⁴⁹, а в конце документ был подписан лично Цесарским⁵⁰.

Второго декабря 1937 г. на своем заседании № 57 *тройка НКВД Грузинской ССР* приступила на основании директивы Цесарского от 26 ноября 1937 г. к «обработке» списка. Протоколы заседаний *тройки* № 57, 58, 59, 60, 62 и 64 свидетельствуют, что всего были осуждены 398 человек, из них 370 человек – из списка от 22 ноября⁵¹. 49 человек из списка от 22 ноября 1937 г. были осуждены, вопреки указанию Цесарского, вместе с обычным контингентом *тройки* на других заседаниях⁵². Приговоры в отношении еще четырех человек из этого же списка уже были вынесены *тройкой* до декабря 1937 г.⁵³ Из оставшихся 16 человек из общего числа 439 человек списка *Военной коллегии Верховного Суда СССР* от 22 ноября 1937 г. пятеро были осуждены другими карательными органами, такими как *военные трибуналы* и *Особое совещание*, или их дело было прекращено, так как они умерли под следствием⁵⁴. Последние 11 человек из списка *Военной коллегии Верховного Суда СССР* от 22 ноября 1937 г. были, очевидно, включены в другие, более поздние списки *Военной коллегии*.

Эти случаи передачи контингента *Военной коллегии* на осуждение «*кулацкой*» *тройки* ни в коем случае не были исключением. 3 января 1938 г. в Москве снова были утверждены два списка, включавшие в себя в общей сложности 616 человек (316 + 300)⁵⁵. 14 февраля 1938 г. последовало утверждение следующего списка из 408 человек, на этот раз за подписью заместителя наркома внутренних дел М.П. Фриновского без ссылки на Н.И. Ежова⁵⁶. 19 апреля 1938 г. последовал список на 252 человека, 10 июня 1938 г. – на 174 человека и 12 сентября 1938 г. – на 271 человека⁵⁷. В общей сложности НКВД СССР передал, начиная с 21 октября 1937 г., на рассмотрение местной *тройки* дела на 2491 человека из контингента *Военной коллегии*⁵⁸.

Приговор им всем был вынесен фактически заранее. Только в редких случаях 8-й отдел НКВД Грузии корректировал списки, поступавшие из центра. *Тройка* главным образом выносила приговоры к ВМН, и только в исключительных случаях жертвы осуждались к лагерному заключению или их дела передавались на рассмотрение других инстанций⁵⁹.

Так, например, из первых десяти лиц, приведенных в списке *Военной коллегии* от 12 сентября 1938 г., два человека были осуждены *тройкой* к 10 годам ИТЛ, а еще один вообще не фигури-

рует в протоколах *тройки*. Оставшиеся были, как и приказано, осуждены *тройкой* к расстрелу⁶⁰. Таким образом, цифра 2491 человек может с большой степенью приближения указывать на количество контингента *Военной коллегии*, пропущенного через «кулацкую» *тройку*.

Согласно указаниям центра, «кулацкая» *тройка* должна была осуждать переданный ей контингент *Военной коллегии* на специальных отдельных заседаниях. Действительно, в 1937–1938 гг. состоялось 28 заседаний «кулацкой» *тройки*, на которых почти исключительно осуждались лица из числа контингента *Военной коллегии*. Так, на заседаниях *тройки* № 43–45, 57–60, 62, 64, 74, 76, 80, 82–85, 87, 94, 95, 104, 110, 115, 117–122 были осуждены 2229 лиц. Из них 1811, или 81,2 %, проходили по спискам *Военной коллегии*. Тем не менее существенная часть контингента *Военной коллегии*, вопреки указаниям Москвы, была осуждена на других заседаниях *тройки* вместе с ее «обычным» контингентом. Речь шла о 673 лицах из 2476, или более 27 %, контингента *Военной коллегии*, проходившего по «кулацкой» *тройке*.

Кроме того, «кулацкая» *тройка НКВД Грузии* функционировала значительно дольше, чем большинство «кулацких» *троек*, которые в основном прекратили свою деятельность уже весной 1938 г. Причиной этого была перегрузка *тройки* контингентом *Военной коллегии*. С конца июня 1938 г. по октябрь 1938 г. *тройка* в Тбилиси осуждала исключительно контингенты *Военной коллегии*⁶¹.

В октябре 1937 – ноябре 1938 гг. грузинская «кулацкая» *тройка* заменила собой *Военную коллегия Верховного Суда СССР* как судебную инстанцию, в результате до 17 ноября 1938 г., т. е. до конца Большого террора, в Тбилиси больше не проводились выездные заседания коллегии⁶². Последние заседания *Военной коллегии* в Тбилиси состоялись 1–4 октября 1937 г.

6. Дело Нестора Арчвадзе

Мы можем представить здесь короткую реконструкцию бюрократической процедуры осуждения в отношении одной конкретной жертвы Большого террора, дело которой было передано с *Военной коллегии* на *тройку*. Первого февраля 1938 г. начальник 4-го отдела УГБ НКВД ГССР Б. Кобулов передал через 8-й (учетно-

регистрационный) отдел УГБ НКВД ГССР в Москву дело Нестора Павловича Арчвадзе, чтобы осудить его приговором *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. Во исполнение распоряжения Фриновского от 14 февраля 1938 г. Арчвадзе был включен в список лиц, «подлежащих суду Военной Коллегии Верховсуда Союза ССР», который был послан обратно в Грузию с тем, чтобы упомянутые в нем лица были осуждены *тройкой*. В результате начальник Цулукидзеовского районного отделения УГБ НКВД ГССР Парцхаладзе, ответственный за арест и следствие в отношении Арчвадзе, представил 27 февраля 1938 г. дело на рассмотрение *тройки НКВД ГССР*. *Тройка* вынесла ожидаемый приговор – высшая мера наказания. 10 марта 1938 г. РО НКВД этапировал заключенного в центральную тюрьму Тбилиси⁶³.

7. «Разгрузка» Военной коллегии за счет «кулацкой» тройки

В каком масштабе такая судебная инстанция, как *Военная коллегия Верховного Суда СССР*, выполнявшая в иерархии карательных органов роль суда для осуждения «элит», была «разгружена» за счет «кулацкой» *тройки*, можно попытаться реконструировать с помощью так называемых «сталинских списков». В этих многочисленных списках приведены имена людей, разделенных на две категории – 1-ю и 2-ю, которые были предназначены к осуждению *Военной коллегией Верховного Суда СССР*. Как известно, 1-я категория означала смертную казнь, 2-я – лагерное заключение. В рамках всего Советского Союза в «сталинские списки» в 1936–1938 гг. были включены около 45 000 имен⁶⁴. Списки, как правило, упорядочены по республикам, краям и областям или управлениям железной дороги, и только в некоторых случаях речь идет о списках без специфического распределения – так называемых списках «Москва-Центр». В отношении Грузии «сталинские списки» стали составляться начиная с мая 1937 г.

В качестве сравнительного материала эти списки могут быть привлечены для Грузии потому, что они являются идентичными с рассматриваемыми выше списками, которые отправлялись ГУГБ НКВД СССР в Грузию с тем, чтобы перечисленные в них лица были осуждены взамен *Военной коллегии Верховного Суда СССР*

«замещающей» ее республиканской «кулацкой» тройкой⁶⁵. Единственное, что отличает эти списки друг от друга, так это то, что «сталинские списки» дополнительно коллективно утверждались членами Политбюро ЦК ВКП(б), причем подписи под списками могли отличаться как по составу, так и по количеству визировавших документы членов Политбюро. На первом месте стояли подписи Сталина и Молотова, причем не обязательно всегда присутствовали оба автографа. Списки на подпись члены Политбюро получали от народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова. Контроль со стороны Политбюро выступает еще одним весомым аргументом в пользу предположения, что в случае с контингентом *Военной коллегии* в Москву, в 8-й отдел НКВД СССР, отправлялись не только списки лиц, подлежащих осуждению, но и их следственные дела. Если исходить исключительно из «сталинских списков», чтобы определить масштаб «разгрузки» *Военной коллегии* за счет передачи ее контингентов на осуждение «кулацкой» тройки, то получается следующий результат. В «сталинских списках» за 1937–1938 гг., относящихся к Грузии, приведены имена 3671 лица. После вступления в силу директив НКВД СССР о передаче контингента *Военной коллегии* «кулацкой» тройке, т. е. с 21 октября 1937 г. по 12 сентября 1938 г., из этого числа были предназначены для осуждения «кулацкой» тройкой 2542 человека⁶⁶. Следовательно, *Военная коллегия Верховного Суда СССР* должна была в 1937–1938 гг. с помощью «кулацкой» тройки освободиться примерно от 2/3 (69,2 %) объема своей работы в Грузии.

В каком объеме разгрузка *Военной коллегии* была не формальной, а фактической, раскрывает следующий подсчет. Однозначно осужденными «кулацкой» тройкой из числа лиц, внесенных в «сталинские списки», мы можем считать 2489 или 2484 человека⁶⁷. В ходе подсчета нами были учтены случаи «двойного счета», т. е. когда одни и те же фамилии лиц, осужденных к ВМН или к лагерному заключению, встречаются в нескольких протоколах заседаний *тройки*. Следует также учитывать, что «кулацкая» тройка приговаривала не только лиц из «сталинских списков», начиная со списка от 21 октября 1937 г., но и лиц, числившихся в более ранних «сталинских списках». В целом из числа таких лиц *тройкой* были осуждены 164 или 161 человек⁶⁸, которые также включены в нашу статистику.

Из этого следует, что *Военная коллегия* реально была «разгружена» в 1937–1938 гг. в Грузии на 68,8 %⁶⁹, или почти на 2/3 от

числа элит, подлежащих осуждению⁷⁰. Напротив, контингент *Военной коллегии* составил 11,8 % от общего числа лиц, осужденных «кулацкой» тройкой – 21.078 человек⁷¹.

Если в интересах проверки полноты подсчетов дополнительно сравнить эти численные показатели с численными показателями из других источников, то для фазы до начала работы в Грузии «кулацкой» тройки и периода параллельной работы «кулацкой» тройки и *Военной коллегии*, т. е. с мая 1937 г. по 5 октября 1937 г., можно использовать три или соответственно четыре различных показателя. Так, «сталинские списки» этого периода времени изначально содержат имена 1130 лиц, которые должны были быть осуждены *Военной коллегией Верховного Суда СССР*. Берия в октябре 1937 г. приводит данные о 910 жертвах, действительно осужденных *Военной коллегией*. Со своей стороны, начальник 1-го спецотдела (оперативного учета, регистрации и статистики) ГУГБ НКВД СССР Л.Ф. Баштаков в мае 1939 г. по запросу из Грузии сообщал о «всего лишь» 809 лицах⁷². Согласно Баштакову, из 809 человек *Военной коллегией* было приговорено к ВМН – 710, к 10 годам – 97 и к 15 годам – два человека. В том числе были расстреляны 11 женщин и 6 женщин приговорены к 10 годам заключения.

Самая убедительная цифра содержится в письме Берии, поскольку она ближе всего к тем данным, которые мы смогли установить на основании расстрельных списков. Соответствующая статистика содержит данные о 882 лицах, осужденных *Военной коллегией*⁷³. Разница в 28 человек предположительно объясняется наличием в статистике 131 персоны, в отношении которых нет сведений об осудившей их инстанции⁷⁴. Таких до октября 1937 г. насчитывается 32 человека, т. е. приблизительно именно то число, которое требуется, чтобы заполнить возникший зазор. Неясно, почему Баштаков дает в 1939 г. сведения на 101 человека меньше. Возможно, как сотрудник НКВД СССР он располагал устаревшими цифрами.

Имеющее место отклонение числа элит, осужденных *Военной коллегией* в Грузии до начала работы «кулацкой» тройки⁷⁵, от числа лиц, приведенных в «сталинских списках», во-первых, можно объяснить тем, что далеко не все проходившие по «сталинским спискам» должны были быть неминуемо осуждены исключительно *Военной коллегией*. Однако таких было совсем немного⁷⁶. Еще одним объяснением служит то обстоятельство, что к моменту прекращения 5 октября 1937 г. работы *Военной коллегии*

Верховного Суда СССР в Тбилиси и последовавшего затем вступления в силу механизма передачи контингента *Военной коллегии «кулацкой» тройке* некоторые лица из октябрьских списков все еще не были осуждены. Так, из 1130 лиц, числившихся в «сталинских списках» за май – октябрь 1937 г., 164 (по другим данным – 161) были осуждены *«кулацкой» тройкой*, в том числе 106 – по первой и 55 – по второй категории⁷⁷.

Неясным остается, по какой статистической «статье» потом учитывались жертвы, осужденные *«кулацкой» тройкой* взамен *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. Отнесли ли их начальники учетно-регистрационных отделов (8-е отделы) в центре и на местах на счет *«кулацкой» тройки*, или они были зарегистрированы только в статистических отчетах *Военной коллегии*? Не исключено, что имел место двойной счет, и эти цифры учтены в обеих статистиках.

Материалы архивно-следственного дела начальника 4-го отдела УГБ НКВД Абхазии В.И. Григориади, осужденного в 1939 г. за «нарушения социалистической законности», дают нам сведения о специфике учета контингента *Военной коллегии*. В составленных в конце 1938 – начале 1939 г. списках жертв, дела которых «обрабатывались» в отделе Григориади в 1938 г., приведены многочисленные имена лиц, про которых сказано, что они были осуждены *Военной коллегией*, хотя последняя в это время не функционировала в Грузии. В действительности же эти люди были осуждены *тройкой*, их имена приведены в ее протоколах⁷⁸. Конечно же, эти «списки Григориади» могут быть только отражением уже упомянутой дилеммы бюрократического учета. С одной стороны, эти люди были предназначены для осуждения *Военной коллегией*, с другой – были осуждены *«кулацкой» тройкой*, хотя и в качестве группы, более или менее обособленной от «обычного» контингента.

Наконец, открытым остается вопрос, была ли выявленная нами в отношении Грузии масштабная передача контингента *Военной коллегии* на *тройку* исключением из общесоюзной практики. На основании выборочного сравнения «сталинских списков» с Книгами памяти жертв политических репрессий Алтайского края, Ленинградской, Томской и Новосибирской областей можно утверждать, что *Военная коллегия*, как правило, сама осуществляла процедуру осуждения в ходе выездных сессий⁷⁹. Но по-прежнему неясно, насколько в картотеках НКВД, на основании которых и составлялись Книги памяти, корректно проводилось различие

между теми, кто был осужден «кулацкой» тройкой только в качестве «эрзаца» *Военной коллегии*, и теми, кого на самом деле судила *Военная коллегия Верховного Суда СССР*⁸⁰.

8. Социальный состав осужденных

Индикаторами специфической социальной структуры жертв «кулацкой» тройки *НКВД Грузии*, резко выделяющейся на общесоюзном фоне, является существенно «завышенная» доля лиц со средним и высшим образованием и бросающийся в глаза высокий процент служащих⁸¹. Еще одним специфическим отличием выступает очень большое количество осужденных членов *ВКП(б)*.

Из 11048 жертв *тройки*, о которых имеются данные о социальном положении (рабочие, крестьяне, служащие), 7485, или 68 %, были служащими. Эта группа пострадала особенно тяжело. 61 % (4589 человек) из числа служащих были приговорены к смертной казни. Доля членов партии среди служащих также была высока – 38 % (2817 человек). Картина станет еще более полной, если учесть также данные об уровне образования. Из 11690 человек, об образовании которых есть сведения, 3583 (31 %) имели среднее и высшее образование, что очень много для контингента *тройки*⁸². 35 % (1267 человек) из этого числа были членами *ВКП(б)*.

Это статистическая девиация, без сомнения, объясняется обнаруженным нами феноменом осуждения элит, т. е. контингента *Военной коллегии*, «кулацкой» тройкой *НКВД Грузинской ССР*. В результате анализа протоколов заседаний *тройки*, на которых осуждались практически только представители элит из «сталинских списков», мы получили следующие данные. Из 1890 человек, о которых имеются необходимые сведения, 97 % (1835 человек) были служащими. Из них *тройка* приговорила к *ВМН* 96 % (1756 человек). 64 % (1173 человека) из этой группы были членами *ВКП(б)*. Среднее и высшее образование имели 76 % (1003 человека из 1328)⁸³. Таким образом, этот контингент *Военной коллегии*, осуждавшийся в Грузии с октября 1937 г. *тройкой*, ничем не отличался от типичного контингента, который была призвана «обслуживать» *Военная коллегия*⁸⁴.

Если для сравнения привлечь данные о месяцах, в течение которых *тройка* почти не осуждала контингенты *Военной коллегии*,

и рассмотреть социальный состав ее жертв за это время, то результат будет однозначным⁸⁵. Доля служащих понизилась на 35 % – до 62 % (из 2 549 человек служащими были 1 583), в случае с контингентом *Военной коллегии* она составляла 97 %. К смертной казни из них было приговорено «только» 58 % (для контингента *Военной коллегии* этот показатель равнялся 96 %). Процент служащих, бывших членами ВКП(б), составлял теперь 20 % вместо 64 %. В случае с важнейшим показателем – уровнем образования – разница между обоими контингентами также была весьма существенной. В случае со специфическим контингентом *тройки* среднее и высшее образование имели 25 %, в случае с контингентом *Военной коллегии* – 76 %.

Приведем конкретные примеры представителей типичного контингента *Военной коллегии*. Так, 2 марта 1938 г. *тройка НКВД Грузинской ССР* осудила на своем заседании, протокол № 94, к ВМН И.Ф. Хускивадзе. Беспартийному учителю, получившему образование на физико-математическом факультете одного из вузов Ленинграда, инкриминировались участие в контрреволюционной организации, имевшей своей целью ликвидацию советской власти и вредительство в сфере образования. По своему социальному происхождению он был крестьянином, хотя его отец уже работал нотариусом. В прошлом он симпатизировал социал-революционерам⁸⁶.

Из двух членов ВКП(б), осужденных к смерти, Г.Н. Топурия и А.И. Яшвили, первый был директором совхоза, а второй возглавлял железнодорожный комитет Красного креста Закавказской железной дороги. Топурии инкриминировались членство в террористической организации правых уклонистов, а также участие в ограблении и убийстве семьи руководителя станции ремонта автотранспорта. Яшвили, в свою очередь, вменялся в вину грузинский национальный уклон и членство в контрреволюционной организации с правым уклоном, по поручению которой он вел подрывную деятельность в железнодорожном комитете Красного креста с намерением подорвать оборонную мощь СССР⁸⁷.

Содержание следственных дел и обвинительного заключения воспроизведено в протоколе заседания *тройки* по причине краткости протокольных записей в форме расхожих в то время клише, за которыми окончательно скрываются причины ареста и осуждения. Поэтому осознание того, что от такого рода протоколов зависела жизнь сотен тысяч людей, действует ошеломляюще.

9. Осуждение меньшевиков

Если же принять во внимание специфическое меньшевистское прошлое Грузии и сопоставить с этой точки зрения как заседания *тройки*, на которых осуждался почти только контингент *Военной коллегии*, так и данные об осуждении меньшевиков *тройкой* в целом (за вычетом контингента *Военной коллегии*), то получается весьма любопытный результат.

Что касается заседаний «*кулацкой*» *тройки*, на которых преимущественно осуждался контингент *Военной коллегии*, то доля меньшевиков составляла всего лишь три процента (69 человек из 2254)⁸⁸. В целом же в «сталинских списках» по Грузии упомянуты только 112 «меньшевиков», или 5 %⁸⁹. Что касается заседаний «*кулацкой*» *тройки*, на которых осуждался преимущественно типичный троечный контингент, то, за вычетом 69 «меньшевиков» из контингента *Военной коллегии* доля «меньшевиков» среди жертв составляла 16,8 %, т. е. больше чем в три раза⁹⁰. Наоборот, доля членов ВКП(б) среди бывших меньшевиков, относившихся к контингенту *Военной коллегии* и осужденных *тройкой*, составила всего 3,5 % (4 человека), а среди типичного контингента *тройки* – в три раза ниже – один процент (28 человек)⁹¹. Из числа контингента *Военной коллегии* было расстреляно почти 94 % «меньшевиков» (65 человек из 69), из числа типичного контингента *тройки* – менее половины, а именно 45 % (1 366 человек).

Каким образом могут быть интерпретированы эти цифры? Очевидно, что при осуждении элит в ходе Большого террора меньшевистское прошлое Грузии практически уже не играло существенной роли. Серьезные, «меньшевистски» настроенные политические конкуренты большевиков были давно уже либо высланы из Грузии, либо устранены. Однако примечательна высокая доля (16,8 %) бывших меньшевиков, осужденных в составе типичного контингента «*кулацкой операции*». Если продолжать использовать статистику в качестве основы для интерпретаций, то можно предположить, что массовая операция по приказу № 00447 использовалась также для того, чтобы уничтожить или осудить на длительные сроки заключения в том числе тех, кто в прошлом и настоящем демонстрировал свои симпатии в отношении меньшевистской партии. Если в дополнение к статистическим данным привлечь короткие биографические справки, содержащиеся в протоколах троек, то обращает внимание то обстоятельство

ство, что в основном речь идет о людях, которые никогда не играли более или менее значительную теоретическую или организаторскую роль в меньшевистской партии. Это еще одно подтверждение того, что для чекистов речь шла не о том, чтобы в ходе «кулацкой операции» ликвидировать некий реальный базис меньшевизма или провести профилактическую зачистку, а о том, чтобы использовать стигму принадлежности к меньшевистской партии для быстрого осуждения людей, выделявшихся своим вызывающим или девиантным поведением. Это логично, поскольку эра меньшевизма для грузинского общества к тому времени уже давно закончилась при активном воздействии коммунистической партии и государства.

Куда более необычным в сравнении с преследованием «меньшевиков» является уникальный в сравнении со всеми остальными республиками Советского Союза факт массового осуждения членов ВКП(б) «кулацкой» тройкой НКВД Грузинской ССР. Их доля среди осужденных составляет 19 % (3347 человек) и превышает все до сего времени известные показатели⁹². Эти цифры позволяют высказать предположение, что бериевский клан использовал массовую операцию НКВД по приказу № 00447 еще и для того, чтобы полностью подчинить себе партийную организацию Грузии и/или избавиться от конкурирующих и критических течений на более низких этажах власти.

10. Взаимозаменяемость судебных и внесудебных органов

Переадресация контингентов *Военной коллегии* на осуждение «кулацкой» тройки, особенно бросающаяся в глаза в случае с Грузией, дает возможность представить дискутируемый в историографии тезис о дихотомии между преследованием элит и репрессиями в отношении простого советского населения в новом свете, а именно на двух уровнях: на уровне взаимозаменяемости судебных и внесудебных карательных органов и на уровне механизма вынесения приговоров.

Что касается краеугольного камня тезиса о дихотомии, согласно которому репрессивную стратегию в отношении элит можно охарактеризовать как избирательную и индивидуальную, а преследования «низовки» – как обезличенные, проводившиеся

в кампанейском стиле против «целых социальных групп населения», то можно принципиально возразить следующее: почему же тогда это якобы строгое разделение было нарушено в случае с Грузией, где в больших масштабах практиковалась передача «элит» на осуждение *тройки*?

Можно установить три главных пути перенаправления дел элит от *Военной коллегии* – «*кулацкой*» *тройке*. Первый путь – обычная не только для Грузии переадресация контингентов *Военной коллегии*, осуществлявшаяся непосредственно после ареста. Ведь, как правило, первичная селекция жертв и отбор потенциальных кандидатов для осуждения *Военной коллегией Верховного Суда СССР* производились органами НКВД уже до ареста. Вторая возможность сводилась к повторной селекции с помощью еще не известной нам процедуры, возможно, в результате инициативы 8-го отдела УГБ НКВД Грузии. Третья возможность возникала в случае, если «*кулацкая*» *тройка* оказывала помощь в осуждении контингентов *Военной коллегии*, выступая в качестве ее «эрзаца». В конце концов, именно это и является главной причиной специфической статистики массовых операций в Грузии, демонстрирующей, в сравнении с общесоюзным уровнем, высокую долю лиц со средним и высшим образованием, бывших членов коммунистической партии, служащих и представителей интеллигенции. Передача контингентов *Военной коллегии Верховного Суда СССР* на осуждение «*кулацкой*» *тройки* является статистически значимой, поскольку в случае с однозначно подтвержденными цифрами речь идет как минимум о 11,8 % от общего числа осужденных «*кулацкой*» *тройкой*⁹³. Также можно предположить, что эта цифра на деле была более высокой, исходя из уже упомянутой выше расхожей практики повторной селекции и передачи на *тройку* контингентов, первоначально предназначенных местными органами НКВД для осуждения *Военной коллегией* (см. в приложении письмо С.И. Кугеля). Переданный контингент сильно отличался от обычной «клиентуры» «*кулацкой*» *тройки*.

Была ли «дарованная» Грузии специфическая привилегия комплексного перенаправления элит на осуждение *тройки* связана с «особыми» отношениями партийно-советского руководства Грузии и Москвы, остается неясным. Но такую возможность нельзя исключать. В любом случае эта практика служила свидетельством особого доверия Москвы к Берии. Однако более важная причина, как нам кажется, заключается в том, что Берия

очень рано, возможно раньше, чем все остальные, подхватил инициативу заместителя начальника НКВД Аджарии Кугеля, в результате чего обращение к руководству страны с просьбой разрешить трансферт контингентов между судебными и внесудебными органами стало своеобразной грузинской «новацией». В Москве же инициатива Грузии могла быть встречена благосклонно потому, что *Военная коллегия Верховного Суда СССР* была перегружена лавиной дел, поступающих из всех областей, краев и республик Советского Союза, и не успевала выносить приговоры. Согласие Москвы было также облегчено стремлением хотя бы частично освободить *Военную коллегия* от необходимости осуждать советские элиты в ходе выездных сессий на местах.

Но строгого разделения процедур осуждения элит и «низовки» не было не только в Грузии, но и в СССР в целом. Так, на Украине также практиковалась передача контингента *Военной коллегии «кулацкой» тройке* непосредственно сразу же после ареста жертв. И даже в Грузии не всегда последовательно соблюдалось требование центра, согласно которому элиты подлежали осуждению на отдельных заседаниях *тройки*. Но если в масштабах всего СССР для Большого террора осуждение части элит внесудебной «троечной» юстицией было типичным явлением, существенное отличие Грузии от остального Советского Союза заключается в том, что в этой республике произошла полная подмена *Военной коллегии Верховного Суда СССР «кулацкой» тройкой*.

Наш вывод по проблеме взаимозаменяемости судебных и внесудебных органов гласит: фактически «кулацкая» *тройка* служила в Грузии не только как внесудебная инстанция для быстрого осуждения простых советских граждан, так называемой «низовки» массовых операций, но и как охотно используемая возможность основательно и без лишнего шума очистить общество от «неудобных» элит.

11. Предварительное осуждение и «кабинетное убийство»

Что касается процедуры вынесения приговоров, еще одного направления дискуссии вокруг тезиса о дихотомии, то ключевое утверждение его сторонников можно сформулировать следующим образом: индивидуальная вина жертвы в ходе массовых операций

НКВД не играла никакой роли. На основании следственных дел жертв, выявленных нами не только в Грузии, но и на Украине, в центральной России и Сибири, можно принципиально возразить следующее: не только в случае с осуждением элит, но и «низовки», уголовников и социальных «уклонистов», внесудебными органами массовых операций («кулацкие» тройки, «милицейские» тройки, двойки, «особые» тройки) оценка лояльности каждого отдельного подсудимого была обязательной составной частью формального обоснования приговора, что зачастую подкреплялось актуальными проступками жертв⁹⁴. Таким образом, мы можем говорить о преимущественно социальной мотивации репрессий.

В случае с контингентом *Военной коллегии Верховного Суда СССР* приговоры заранее «подготавливались» секретарем 8-го (учетно-регистрационного) отдела ГУГБ НКВД СССР после ознакомления с делами жертв. Таким образом, им составлялись оба списка – и к ВМН, и к ИТЛ – которые потом Н.И. Ежов представлял на одобрение членам Политбюро. В результате введения такой практики, носившей сначала эпизодический, а с 1937 г. – систематический характер, сотрудники НКВД, подменяя собой *Военную коллегию*, по сути дела сами выносили приговоры за письменным столом, а НКВД возвысился *de facto* до уровня *Верховного Суда*.

Члены Политбюро, в первую очередь Сталин, визируя своей подписью списки приговоренных партийно-государственных работников, сохранили за собой «право последнего контроля» (Юрген Заруски), которое должно быть воспринято совершенно серьезно, как недвусмысленно показывают изменения в расстрельных списках, сделанные сталинской рукой⁹⁵. И все же в этой системе грань между осуществлением права контроля и механическим подтверждением предложенных НКВД приговоров была на деле крайне тонка. В визировании нуждались многостраничные перечни сотен имен, а члены Политбюро не располагали ни достаточным временем, ни бездонной памятью или обширными личными знакомствами, благодаря которым они могли бы знать что-то конкретное в отношении каждого отдельного человека из проскрипционных списков. Поэтому исправления и корректуры должны были ограничиться абсолютным минимумом⁹⁶. Несанкционированный бюрократический «ляп», в результате которого 191 из 316 человек, чьи имена содержатся в первом из двух «сталинском списке» по Грузии от 3 января 1938 г., уже были осуждены на

декабрьских заседаниях грузинской *тройки* и большей частью расстреляны к тому времени, когда списки были предоставлены для визирования членам Политбюро, дает дополнительную пищу для интерпретации высшего контроля за репрессиями в отношении элит как контроля чисто символического. В конце концов, члены Политбюро играли в этой системе роль «только» утверждающей инстанции, хотя самой высшей и наиболее ответственной⁹⁷.

Эта аргументация несколько ослабляется предположением, высказанным Олегом Хлевнюком, согласно которому «сталинские списки», возможно, представлялись на утверждение Политбюро Комиссией Политбюро по судебным (политическим) делам, действовавшей с 1924 года⁹⁸. Таким образом, «право последнего контроля» со стороны ВКП(б) могло осуществляться с опорой на более широкий базис в лице специальной партийной комиссии, предопределявшей приговоры⁹⁹. Однако, согласно новым данным, эта комиссия в составе члена Политбюро М.И. Калинина, секретаря партколлегии Комиссии партийного контроля М.Ф. Шкирятова, наркома внутренних дел Н.И. Ежова и прокурора СССР А.Я. Вышинского в 1937–1938 гг. не занималась «сталинскими списками». Поскольку с конца февраля 1937 г. по октябрь 1938 г. практически все дела *Военной коллегии Верховного Суда СССР* рассматривались только в порядке пресловутого «закона» от 1 декабря 1934 г.¹⁰⁰, то в соответствии с заведенным порядком они формально не подлежали рассмотрению Комиссии Политбюро по судебным делам¹⁰¹.

Таким образом, в масштабах Советского Союза статус *Военной коллегии*, по причине предварительно сформулированных НКВД приговоров, дополнительно утвержденных авторитетом подписей членов Политбюро, был понижен до уровня «подтверждающего» и «исполнительного» органа, что особенно четко прослеживается в случае с продолжительностью судебных заседаний коллегии, сократившихся до 10–15 минут на одного подсудимого¹⁰². По сути дела, роль *Военной коллегии* была сведена только к тому, чтобы бюрократически «аккуратно» оформить и завершить процедуру осуждения.

При вынесении приговоров в 1937 г. в рамках описанной вертикальной иерархии можно констатировать лишь небольшие отклонения и нерегулярности в отношении *Военной коллегии*. Так, в «сталинских списках» по Грузии за май – октябрь 1937 г. 950 человек из 1 129, т. е. 84 %, были отнесены к первой категории. Но

Военная коллегия использовала свою эфемерную свободу рук и действовала строже, чем от нее требовали. В результате к смертной казни ею были осуждены 87,3 % (770 из 882 человек)¹⁰³. Привилегия проявить «мягкость» в ходе первой фазы параллельной деятельности *Военной коллегии* и «кулацкой» тройки принадлежала последней. Из числа лиц, переданных от *Военной коллегии* на расправу тройке до октября 1937 г., к смерти были осуждены «только» 2/3 (65,9 %) жертв вопреки плановым заданиям Москвы¹⁰⁴.

Осудив за май – октябрь 1937 г. «всего» 882 человека (согласно Берии – 910 человек) из 1 129 человек, включенных в «сталинские списки», *Военная коллегия* «сработала» явно ниже уровня своих возможностей¹⁰⁵. Это объясняется, во-первых, тем, что 164 человека из числа контингента *Военной коллегии* в составе 1 129 человек были осуждены «кулацкой» тройкой еще в ходе функционирования в Грузии *Военной коллегии* или после остановки ее деятельности. Таким образом, пробел сокращается до 55 персон¹⁰⁶. Дополнительно из числа контингента *Военной коллегии* следственные дела 28 человек были переданы другим судебным органам Грузии: *Особому совещанию и военному трибуналу Закавказского военного округа*. В итоге цифра контингента, о котором отсутствуют сведения, сократилась до 27 человек, что можно объяснить двойным счетом¹⁰⁷.

Что, в свою очередь, означало для «кулацкой» тройки НКВД *Грузинской ССР* то обстоятельство, что приговоры в отношении переданного ей на осуждение контингента *Военной коллегии* в общем и целом уже были вынесены в Москве, особенно в период после октября 1937 г.? Показательно, что предварительно, т. е. при составлении списков лиц для осуждения *Военной коллегией*, органы НКВД не были обязаны и не имели права – как, к примеру, в случае с так называемым «альбомным» порядком осуждения двойкой¹⁰⁸ жертв «национальных» операций – давать свои рекомендации о размере наказания. Помимо этого, осуждение контингента *Военной коллегии Верховного Суда СССР* на отдельных заседаниях тройки создавало впечатление о наличии определенной дистанции между ним и «обычными» контингентами. Грузинские чекисты также прекрасно осознавали в 1937–1938 гг., что лиц, включенных в списки для осуждения *Военной коллегией*, в подавляющем большинстве ожидает смертная казнь. Это предварительное знание о том, какой приговор должен быть вынесен, приобретает дополнительное значение, если учитывать, что пере-

дача контингента *Военной коллегии* на осуждение *тройкой* имела здесь не единичный характер, а сделалась планируемой рутинной. С *формальной* точки зрения, *тройка* выступала, таким образом, только проводником воли центра, исполнительным органом, который хотя и выносил приговоры, но во всем остальном был лишен права принятия решения.

Однако *фактически* «кулацкая» *тройка*, этот карательный орган, специально адаптированный к нуждам НКВД, опираясь на чекистский аппарат Грузии, имела больше возможностей влиять на судьбы жертв, чем *Военная коллегия*. Так, до октября 1937 г., когда *Военная коллегия* и «кулацкая» *тройка* еще функционировали параллельно, приговоры, заранее вынесенные в Москве в отношении контингента *Военной коллегии*, впоследствии переданного *тройке*, существенно корректировались *тройкой* в сторону смягчения меры наказания.

Сравнение поступивших из Москвы «сталинских списков», которые сплошь и рядом содержали приговоры к ВМН, с приговорами, на деле вынесенными *тройкой НКВД Грузии* с начала октября 1937 г., показывает, что «грузинская» *тройка* не всегда следовала указаниям Москвы или, соответственно, имела собственную, относительно небольшую свободу действий, позволявшую задним числом изменять приговоры, указанные в «сталинских списках». Незначительный процент жертв, 3,4 % (79 человек из 2328) были вместо смерти приговорены к длительным срокам лагерного заключения или их дела были переданы другим судебным инстанциям¹⁰⁹.

Если же принять во внимание все карательные органы, «обработывавшие» «сталинские списки», то они в минимальной степени проигнорировали приговоры, «предложенные» 8-м отделом ГУГБ НКВД. К смерти были осуждены вместо 97 % (3453 чел.), как это было указано в «сталинских списках», «только» 95 % (3181 человек). Что касается лиц, отнесенных ко второй категории (3–20 лет лагерей), то их доля увеличилась с 5 % (179 человек) до 8,4 % (304 человека). Тем не менее 45 человек, т. е. 1,3 % от общего числа обвиняемых, были освобождены из под стражи. Еще 25 человек из «сталинских списков» тем временем умерли в заключении во время следствия. О 57 лицах сведения отсутствуют¹¹⁰. Таким образом, карательные органы, проводя процедуру следствия и осуждения и сохраняя флер законности, предпочитали оставаться в рамках, заданных НКВД и санкционированных Политбюро.

Следует также добавить, что центральная роль 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР в качестве главной инстанции, отвечавшей за определение меры наказания в отношении лиц, обладавших в советской системе высоким статусом, подчеркивалась еще и тем, что он педантично проверял и корректировал списки, в обязательном порядке поступающие из регионов в Москву в адрес так называемой *Высшей двойки* и содержавшие, скорее всего, также предложения о тяжести приговоров в отношении жертв национальных операций¹¹¹. Очевидно, что 8-й отдел (в июне 1938 г. переименован в 1-й спецотдел) имел возможность влиять также на решения *Особого совещания*, поскольку начальник отдела И.И. Шапиро являлся также начальником секретариата *Особого совещания* при наркоме внутренних дел СССР с конца марта по середину ноября 1938 года¹¹².

Еще одним важным структурно-формальным аргументом в опровержение тезиса о наличии дихотомии между осуждением элит и «низовки» является то, что бюрократическая процедура определения меры наказания в отношении контингентов *Военной коллегии* поразительным образом напоминает процедуру «троечного» судилища.

Так, что касается *тройки НКВД Грузинской ССР*, то перед ее заседаниями приговоры в протоколы вносил секретарь *тройки* А.К. Морозов, действуя, само собой разумеется, согласованно со своим начальством. В отдельных случаях эти приговоры могли корректироваться уже непосредственно на заседании *тройки*. Протоколы троек подписывали хотя и не члены Политбюро, но, тем не менее, высшие должностные и руководящие лица соответствующих республик, краев и областей, т. е. начальник УНКВД, прокурор и партийный секретарь. В Грузии эти лица были обязаны подписывать не весь протокол на сотни осужденных разом, как это было заведено во всех других регионах СССР, но ставить свои подписи в отношении каждого отдельного приговора, зафиксированного в протоколе. Тем самым они заверяли подпись секретаря *тройки*, уже стоявшую под протоколом.

Что же касается контингента *Военной коллегии*, переданного с октября 1937 г. на *тройку*, то Морозов мог позволить себе здесь немного отдохнуть: он не должен был в этом случае формулировать приговоры, как это делал в отношении обычного контингента *тройки*, а лишь наскоро перепроверить поступившие из Москвы списки и перенести уже зафиксированные приговоры в протоколы *тройки*. Только время от времени он позволял себе корректировать вынесенные в Москве приговоры.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что именно секретарь республиканской *тройки*, одновременно являвшийся начальником 8-го отдела УГБ НКВД Грузинской ССР, был изначально причастен к процедуре отбора тех, кто вообще будет включен в списки жертв *Военной коллегии*, отсылаемые в Москву. Именно его отдел исполнял ключевую функцию обработки предложений, поступавших из районных отделов и отделов центрального аппарата НКВД Грузии, т. е. к его компетенции относилось составление списков для Москвы. Таким образом, секретаря *тройки* и саму *тройку* нельзя охарактеризовать исключительно как подручных исполнителей воли центра, хотя приговоры определялись Москвой, а иерархический контроль Москвы образовывал несущую конструкцию всего процесса. Бюрократические процедуры такого рода все время подразумевают соучастие в преступлении, поскольку вышестоящая сторона не может справиться со своей задачей без наличия предварительной информации, которая одновременно играет здесь роль интенции. Стирание вины между карателями на местах и карателями в Москве в результате такой бюрократической формы их сотрудничества было запрограммировано. Секретарь *тройки* был не только колесиком системы, но и соучастником убийства, несшим за него совокупную ответственность. Таким образом, отпадает возможность переложить всю вину и ответственность на более высокую инстанцию. Исходя из этого, можно снять вопрос о том, не было ли скрытым лейтмотивом Берии получить для НКВД Грузии права подсудности *Военной коллегии Верховного суда*, чтобы иметь возможность осудить здесь людей по особым, «грузинским», преференциям. Скорее, речь может идти о процессе, основанном на взаимном интересе: в случае с Грузией предоставить местному республиканскому НКВД еще большую свободу рук, чем другим республикам, краям и областям СССР, одновременно несколько «разгрузив» *Военную коллегия Верховного Суда СССР*. Отсюда, тем не менее, может быть сделан принципиальный вывод о том, что массовые систематические репрессии, управляемые государством с опорой на бюрократию, неизбежно влекут за собой более или менее явный отказ центра от части своего репрессивного суверенитета в пользу периферии, что в конечном итоге приводит к регионализации власти. Для Грузии это значило, среди прочего, что клика Берии устранила любую региональную конкуренцию в государственном аппарате и партии¹¹³.

Существующее, без всякого сомнения, различие между массовыми операциями и осуществлявшимися параллельно публичными (центральные и местные показательные процессы) и тайными (*Военная коллегия*) преследованиями партийно-советских элит и интеллигенции (писатели, деятели искусства и т. д.), заключается в двух пунктах: во-первых, налицо в высшей степени различные затраты усилий, которые режим и его органы политической полиции употребляли на то, чтобы в каждом конкретном случае добиться доказательств совершения контрреволюционных или «социальных» преступлений. Следственные дела элит гораздо объемней, не редкостью является и многотомное делопроизводство. Процедура следствия повсеместно была одинаковой, но в случае с элитами опрашивалось больше свидетелей, систематически привлекались агентурные материалы, проводились очные ставки, а обвиняемые выступали перед судом. Во-вторых, чем дальше «преступники» находились от власти и связанных с ней привилегий, тем меньше были затраты на сбор улик, тем безжалостней с ними обходились, тщательнейшим образом избегая любой публичности. Эта иерархия также определяла, на каком карательном уровне жертва подлежала осуждению: единичный случай или массовая операция.

12. Контроль «сверху»

Принципиальный иерархический подход к осуждению жертв в зависимости от их социального положения, органически свойственный советской правовой системе, испытал сильную деформацию, когда главную скрипку в карательной политике стали играть внесудебные органы: «кулацкие» тройки, «милицейские» тройки, двойки и «особые» тройки («национальные» тройки). Эта «деформация» стала одним из отличительных явлений Большого террора. Взаимозаменяемость карательных органов в направлении сверху вниз, когда функции *Военной коллегии* или двойки брала на себя «кулацкая» тройка, была в результате значительно расширена, что придало гибкость карательной системе. В этом отношении Грузия представляет собой особый случай, поскольку передача контингентов *Военной коллегии Верховного Суда СССР* на осуждение «кулацкой» тройки приобрела здесь экстремальный характер. Однако Большой террор характеризуется

не только повышенной «замещаемостью» карательных инстанций сверху вниз, но и снизу вверх, т. е. когда низшие карательные инстанции, не имевшие права осуждать жертвы к большим срокам и ВМН, частично «замещались» высшими, имевшими такие права. Так, летом 1937 г. «милицейские» тройки передали на осуждение стоявших иерархически выше «кулацких» троек значительные контингенты «социально-опасных элементов» с целью осудить их к более высоким срокам лагерного заключения или к смертной казни¹¹⁴.

Новаторской, исходя из грузинских материалов, является констатация масштабной передачи бюрократической машине НКВД компетенции определения приговора не только в случае с «кулацкой операцией» и «национальными операциями», но и в случае с *Военной коллегией Верховного Суда СССР* и другими судебными органами республиканского, краевого и областного уровня. Следует также помнить о том, что в 1937–1938 гг. НКВД продолжал «вырабатывать» свои приговоры – как в случае с *Особым совещанием при НКВД СССР*. В отношении «кулацкой» тройки можно утверждать, что в масштабах всего Советского Союза произошло полное устранение влияния прокуратуры и, соответственно, юридически компетентного персонала; осталось только беззубое участие прокуратуры в заседаниях тройки. В отношении контингентов *Военной коллегии Верховного Суда СССР* прокурор по крайней мере должен был предварительно санкционировать арест соответствующей персоны. В духе права «последнего контроля» прокурор СССР также утверждал приговоры двойки. Что же касается процедуры в целом, то *Военная коллегия*, а вместе с ней и все судопроизводство, занимали место только лишь в самом конце цепи приговоров, предварительно вынесенных органами НКВД и «заверенных» рядом членов Политбюро ЦК, как это можно продемонстрировать, в частности, на примере Грузии, а в обобщенном виде – и для всего Советского Союза¹¹⁵. То же самое справедливо для т. н. *Высшей двойки* в Москве: рекомендации местных органов НКВД, приведенные в «альбомах», за редким исключением подтверждались Москвой, а исправления, предпринятые 8-м отделом ГУГБ НКВД, без дальнейшего обсуждения утверждались подписями А.Я. Вышинского и Н.И. Ежова. У нас нет документов, которые говорили бы о том, что прокурор Грузии Талахадзе или Вышинский лично или с помощью подчиненного им аппарата пытались оказывать влияние на приговоры двойки.

Из этого можно сделать вывод, что в 1937–1938 гг. для подавляющего большинства граждан СССР на полтора года фактически было ликвидировано судопроизводство, узаконенное конституцией. Системность, масштабы и последовательность террора достигли нового качества, даже при всем том, что до, во время и после Большого террора была широко распространена практика, согласно которой партийные органы в особо важных случаях принимали решение о подлежащих вынесению приговорах. После этого суды либо механически дублировали приговоры, либо их приговоры еще раз перепроверялись уже упоминавшейся выше Комиссией Политбюро по судебным делам и предлагались перед их исполнением на утверждение Политбюро ЦК¹¹⁶. В этот период не могло идти и речи о конкурентных отношениях или балансе сил между НКВД и органами юстиции. Некоторым исключением выступали лишь большие и малые показательные судебные процессы. Напротив, в невиданном ранее масштабе произошел перенос полномочий в пользу НКВД, и, таким образом, было значительно облегчено систематическое вмешательство партийного руководства в сферу судопроизводства в центре и на местах. Место «нормального» суда заняла иерархически-бюрократическая система подтверждения и отчетности в целях контроля за процессом вынесения приговоров. Несущей опорой этой системы выступал бюрократический аппарат НКВД. Внутри самого комиссариата внутренних дел контроль осуществлялся в иерархической форме, причем возможности внутреннего контроля существенно осложнялись спецификой процедуры расследования каждого конкретного дела, заключавшейся в разделении труда в ходе процедуры между подразделениями НКВД. В результате, если использовать абстрактные формулировки, типичная для советского государства эксплуатация «права как государственной системы регулирования» была аннулирована и отчасти заменена новой бюрократически-авторитарной регулирующей системой. Однако это ни в коем случае не значит, что была установлена деспотия¹¹⁷.

Эта форма бюрократизации и правовой профанации как процесса формирования приговоров, так и непосредственно самого осуждения означала в конечном итоге как для элит, так и для «низовки» значительную деперсонализацию судебной процедуры. Таким образом, формула «Обезличивание за счет категоризации», сформулированная в исследованиях в отношении массовых операций, легко может быть перефразирована и удлинена сле-

дующим образом: «Обезличивание и категоризация за счет бюрократизации». Она является верной как для элит, так и для «низовки», хотя и в разной степени¹¹⁸.

«Гвоздем» всей системы было то, что каждый отдельный сотрудник НКВД – субъект решения, исполняя свою работу, всегда должен был помнить о том, что его решения неизменно должны расцениваться вышестоящей инстанцией как обоснованные, шла ли речь о селекции лиц, подлежащих аресту, их окончательном распределении между судебными и внесудебными карательными органами, составлении резюме обвинительного заключения для протокола *тройки* или т. н. «альбома» *двойки*, или о приговорах, предложенных 8-ми отделами управлений НКВД.

Явным преступным местом системы было то, что НКВД по большей части контролировал сам себя, а подтверждение или контроль со стороны власти осуществлялся не в форме (интенсивной) встречной проверки следственных дел, а в форме подписи контролирующих лиц, которые тем самым лишь абстрактно применяли авторитет своей должности и своего руководящего политического положения. Только в случае с вынесением приговора части элит «сталинских списков» можно формально охарактеризовать действия *Военной коллегии Верховного Суда СССР* не как чисто «подтверждающей» инстанции или, соответственно, юстиции. Но в силу давления авторитета подписей членов Политбюро под квазиприговорами «сталинских списков» и это утверждение вызывает сомнения. Таким образом, употреблявшееся в начале статьи обозначение советского судопроизводства как «нормального» в противоположность к внесудебным карательным органам не вполне уместно. В общем и целом власть, очевидно, полагала, что в чрезвычайной ситуации юридическая компетентность является излишней, а потенциальный произвол юридических профанов можно предотвратить за счет бюрократически контролируемого сбора информации и наблюдения за процессом делопроизводства, а также за счет заверения проскрипционных списков подписями высшего руководства страны. При этом и далее сохранялась правовая видимость всей процедуры осуждения.

Эффект синергии и ускорения в работе НКВД достигался за счет разделения труда, берегающего время механизма контроля и быстрого приведения в исполнение приказов и приговоров. Огромные цифры осужденных говорят сами за себя. Не в последнюю очередь именно потому, что процедура Большой чистки была

оформлена таким образом, власть оставляла за собой возможность, по завершении Большой чистки и после возвращения к использованию права как государственной системы регулирования, наказать чекистов за ошибки и превышение компетенции, что и было сделано после ноября 1938 г. Сотрудники карательных органов, которых побудили осознанно нарушить действующие законы, внезапно оказались в ситуации, когда их действия снова оценивались, исходя все из тех же законов.

В отличие от национал-социализма, главная работа по уничтожению целых групп населения не распределялась в Советском Союзе между широко разветвленной и эффективной бюрократией. Во время Большого террора она однозначно находилась в руках одного единственного учреждения, а именно персонально и финансово хорошо оснащенной тайной полиции Советского Союза и находившейся у нее в подчинении милиции. В особенности стоит выделить ключевую позицию 8-го (учетно-регистрационного) отдела ГУГБ НКВД СССР, а также соответствующих отделов региональных управлений НКВД. Другие карательные органы, органы юстиции и сама партия, за исключением ее самого высшего эшелона, играли роль соучастников преступления под жестким контролем со стороны НКВД. Тайная полиция являла собой созданный политическим руководством страны клапан для радикальной разгрузки «нормальной бюрократии», которая была совершенно не в состоянии справиться с валом социальных и экономических проблем, порожденных большевистским правлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы благодарят Андрея Савина, Бернда Бонвеча и Юргена Заруски за замечания методологического и содержательного характера.

² Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов. – М., 2011. С. 5.

³ От ЧК до ФСБ. 1918–1998. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверской области / Сост. В.Л. Смирнов, Л.В. Борисов, М.В. Цветкова. – Тверь, 1998. С. 153.

⁴ Под *особыми тройками*, как правило, подразумевались *тройки*, учрежденные согласно приказу № 00606 в сентябре 1938 г. в рамках «национальных» операций. В Грузии же, напротив, «*особой тройкой*» последовательно именовалась «*кулацкая*» *тройка*. Во избежание терминологической путаницы мы будем применять здесь для обозначения *тройки НКВД Грузинской СССР*, созданной по приказу № 00447, термин «*кулацкая*» *тройка*.

⁵ От ЧК до ФСБ. 1918–1998. С. 168–170.

⁶ Hilberg R. Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933–1945. – Frankfurt a. Main, 1997. С. 9, 25, 27.

⁷ Zarusky J. Politische Justiz unter Stalin im Umbruchjahrzehnt 1928–1938 // Totalitarismus und Demokratie. 2011. № 1. С. 53–76; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М., 2008; Arch J., Naumov Oleg V. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven, 1999. С. 221.

⁸ Fraenkel E. The Dual State. A Contribution to the Theory of Dictatorship. – New York–London–Toronto, 1941.

⁹ Shearer D. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. – New Haven–London, 2009. С. 286–287, 290, 296, 365; Юнге М., Бонвеч Б. Украина как Советский Союз в миниатюре // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 593–604.

¹⁰ Zarusky. Politische Justiz unter Stalin. С. 71.

¹¹ Формально *тройки ОГПУ* периода коллективизации были узаконены секретным постановлением ЦИК СССР от 4 февраля 1930 г., то есть решением высшего законодательного органа государства, согласно которому ОГПУ разрешалось «[...] на время проведения кампании по ликвидации кулачества как класса передоверить свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ (полномочным представителям ОГПУ) краев и областей с тем, чтобы внесудебное рассмотрение дел производилось с участием представителей крайисполкомов (облсполкомов) и прокуратуры». См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939 / Сост. Н. Ивницкий, М. Кудюкина, Е. Хандурина и др. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М., 2000. С. 174. Аналогичное решение в отношении троек Большого террора до сего времени неизвестно. Очевидно, внесудебный инструмент *троек* был официально ликвидирован только спустя восемь лет совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. // Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. С. 426–428. Таким образом, *тройки* были легальными, но отнюдь не легитимными карательными органами, даже в советских условиях. По выражению Б. Бонвеча, речь шла об «иллегальной легальности». Авторы благодарят Бернда Бонвеча, Андрея Савина и Геннадия Бордюгова за помощь в рассмотрении вопроса.

¹² См.: «Решения Особых Троек приводить в исполнение немедленно» // Источник. 1999. № 5. С. 81–84. Военной коллегией во время Большого террора (июль 1937–12 ноября 1938 гг.) были приговорены к смерти 36 190 человек. См. также: Сувениров О. Ф. Военная коллегия Верховного Суда СССР (1937–1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 137–146.

¹³ Охотин Н. [без заголовка] // 30 октября. 2002. № 21. С. 5.

¹⁴ Таблица 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ К компетенции *Военной коллегии Верховного Суда СССР* относилось не только осуждение военнослужащих, но и в важнейших случаях – разби-

рательство в отношении преступлений, совершенных гражданскими лицами. В первую очередь речь здесь шла о т. н. «политической юстиции». См.: *Zarusky. Politische Justiz unter Stalin*. С. 53–76.

¹⁷ Кугель Сергей Исаакович (1904–1938), родился в Санкт-Петербурге. Еврей. Служащий. Член ВКП(б) с 1931 г. Арестован 28.02.1938 г. по ст. 58-1а, 58-8, 58-11. Арест проводил сотрудник 4 отдела НКВД Грузии Кримиан с санкции начальника отдела С.С. Давлианидзе. Осужден *тройкой* при НКВД ГССР 3–5 марта 1938 г. к расстрелу. Расстрелян 7 марта 1938 г. Следственное дело Кугеля № 14916 было уничтожено по акту в 1948 г.

¹⁸ См.: документ № 15 «Заместитель начальника НКВД Аджарской автономной республики С.И. Кугель заместителю начальника народного комиссара внутренних дел ГССР А.Н. Рапаве о механизме подбора контингента для «кулацкой» тройки» от 13 августа 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Из оставшихся 100 человек 10 были переданы для осуждения на открытом процессе, но Кугель планировал увеличить группу для осуждения *Военной коллегией* еще на 30 человек.

²² То есть меньшевиков.

²³ Джинджолия Герман Николаевич (1896), член ВКП(б) с 1919 г., исключен за к-р деятельность. Осужден *тройкой* при НКВД ГССР. Дата заседания: 08.03.1938. Расстрелян 14.03.1938.

²⁴ Нарком внутренних дел Аджарской АССР Г.Н. Джинджолия председателю особой тройки НКВД ГССР А.Н. Рапаве от 19.08.1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 56. Л. 4, 9.

²⁵ См.: документ № 29 «Справка временно исполняющей должность инспектора 8-го отдела УГБ Грузинской ССР Шиловской о количестве осужденных в Абхазской АССР за 1937 г. от 9 января 1938 г.» во втором томе настоящего издания.

²⁶ «Через трупы врага на благо народа». Т. 1. С. 278; О передаче контингента *Особого совещания «кулацкой» тройке*, см.: Протокол допиту Матвія Леснова-Израїлева. 16 січня 1939, б. м. в. // Польща та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Том 8. Частина друга: Великий терор. Польська операція 1937–1938 / Редакційна колегія Є. Беднарк, В. В'ятрович, С. Кокін. – Варшава–Київ, 2010. С. 1810–1814.

²⁷ Там же.

²⁸ Имеющиеся в наличии дела должны быть систематически просмотрены. Но количество таких архивно-следственных дел крайне невелико, поскольку большинство дел реабилитированных «элит» было уничтожено в начале 1990-х годов во время гражданской войны в Грузии.

²⁹ <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> (01.09.2013); В других публикациях речь идет о 10–30 минутах. См.: *Охотин Н.* [без заголовка] //30 октября. 2002. № 21. С. 5. Так, в Грузии Военной коллегии ВС СССР потребовалось в случае П.М. Мхеидзе 20 минут для его осуждения. См.: документ № 137 «Протокол выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР о

рассмотрении дела по обвинению П.М. Мхеидзе от 4 сентября 1937 г.» во втором томе настоящего издания. В № 21 газеты «30 октября» опубликован материал «Бесспорные свидетельства», посвященный выпуску диска «Сталинские расстрельные списки». Материал этот помещен на страницах 1 и 5 (без указания автора). На стр. 5 под этим материалом помещен материал «Из выступлений на презентации компакт-диска «Сталинские расстрельные списки»», где в том числе приводится выступление Н. Охотина, которое, как и другие выступления, не имеет специального заголовка. Авторы благодарят Бориса Беленкина за помощь.

³⁰ См. таблицу 58 во втором томе настоящего издания. Военная коллегия заседала в следующем составе: председатель – корвоенюрист И.О. Матулевич. Члены: бригвоенюристы И.М. Зарянов и бригвоенюрист Я.К. Жигур (председатель Военного трибунала Северо-Кавказского ВО). Секретарь: военный юрист 1-го ранга А.Ф. Костюшко. В августе 1937 г. в Грузии заседания коллегии не проводилось.

³¹ Там же.

³² Оригинал подобного списка из 318 человек. См.: документ № 140 «Список следственных дел из Грузии, подлежащих рассмотрению на Военной Коллегии Верховного Суда СССР, подготовленный 8-м отделом УГБ НКВД ГССР. Между 22 ноября 1937 г. и 16 декабря 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

³³ И все же остается не совсем ясным, как выглядела процедура после передачи контингента *Военной коллегии* на осуждение «кулацкой» *тройкой* (см. по этому вопросу ниже). Здесь у нас также нет также прямых документальных подтверждений того, что следственные дела посылались в Москву вместе с «первичными» грузинскими списками.

³⁴ Авторы благодарят Левана Авалишвили за указание на эту проблему. Документ № 140 «Список следственных дел из Грузии, подлежащих рассмотрению на Военной Коллегии Верховного Суда СССР, подготовленный 8-м отделом УГБ НКВД ГССР. Между 22 ноября 1937 г. и 16 декабря 1937 г.» во втором томе настоящего издания. Кажется, что и Цулукидзецкий РО НКВД исходил из того, что 8-й отдел НКВД Грузинской ССР отправлял в Москву дела вместе со списками. Документ № 143 «Сообщение начальника Цулукидзецкого РО НКВД ГССР [?] Парцхаладзе начальнику 8-го отдела УГБ НКВД ГССР А.К. Морозову о деле Н.П. Арчвадзе» от 14 июня 1938 г.» во втором томе настоящего издания.

³⁵ Мы располагаем оригиналом подобного списка из 316 человек. См.: документ № 140 «Список следственных дел из Грузии, подлежащих рассмотрению на Военной Коллегии Верховного Суда СССР, подготовленный 8-м отделом УГБ НКВД ГССР. Между 22 ноября 1937 г. и 16 декабря 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

³⁶ См.: документ № 141 «Сопроводительное письмо начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД В.Е. Цесарского Наркому Внутренних дел ГССР С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховного Суда СССР на кулацкую тройку от 26 ноября 1937 г.» во втором томе настоящего издания. Сам список см.: Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда СССР от 21 октября 1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. 12. Д. 88. Л. 5–18.

³⁷ См., к примеру, следующие имена списка: Андрус Владимир Евгеньевич (протокол тройки № 44. Л. 5), Арешидзе Василий Иосифович (№ 43. Л. 48). Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 21 октября 1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 5–18; Протокол № 43 заседания тройки при НКВД ГССР от 9 ноября 1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 403. Л. 48; Протокол № 44 заседания тройки при НКВД ГССР от 10 ноября 1937 г. // А МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 404. Л. 5. См.: таблицы 55 и 58.

³⁸ Там же.

³⁹ Из таблицы 57 следует, что «кулацкая» тройка осудила тогда в целом 312 человек, из них двух – к 10 годам лагерей.

⁴⁰ См. таблицу 58 во втором томе настоящего издания.

⁴¹ Бордюгов Г.А. Состав троек и их изменения // Вертикаль большого террора. С. 624–637.

⁴² См.: документ № 18 «Записка Л.П. Берии И.В. Сталину о мерах по ускорению рассмотрения дел антисоветских элементов от 30 октября 1937 г.». во втором томе настоящего издания.

⁴³ См. таблицу 9 во втором томе настоящего издания.

⁴⁴ См.: документ № 135 «Записка первого секретаря КП(б) Грузии Л.П. Берии И.В. Сталину о «контрреволюционных» группах и количестве расстрелянных в Грузии от 20 июля 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

⁴⁵ Гоглидзе тоже упоминает, что Берии удалось получить согласие Сталина осуждать контингенты, не предназначенные для «кулацкой» тройки, по её линии. См.: Берия. Конец карьеры / Сост. В.Ф. Некрасов. – М., 1991. С. 316.

⁴⁶ См., например, пометку «греческий подданный» возле фамилии «Махериди Константин Федорович» или пометку «на доследование (освободить?)» у фамилии «Хачатуров Сет Павлович». Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 3 января 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 66–77. Список с рукописными пометками, идентифицированный как обработанный Морозовым (например: «Кучуберия Кремей Максимович, снять») представляет из себя список, поступивший в Грузию между 22 ноября и 16 декабря 1937 г. Документ № 140 «Список следственных дел из Грузии, подлежащих рассмотрению на Военной Коллегии Верховного Суда СССР, подготовленный 8-м отделом УГБ НКВД ГССР. Между 22 ноября 1937 г. и 16 декабря 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

⁴⁷ См.: документ № 141 «Сопроводительное письмо начальника 8 отдела ГУГБ НКВД В.Е. Цесарского Наркому Внутренних дел ГССР С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховного Суда СССР на кулацкую тройку от 26 ноября 1937 г.» во втором томе настоящего издания. Подтверждение того, что список должен быть рассмотрен не *Военной коллегией Верховного Суда СССР*, а *тройкой*, последовало 25 ноября 1937 г., как это ясно из письма.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ В 1938 г. старший лейтенант ГБ Кремнев был начальником 5-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР.

⁵⁰ См.: Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 22 ноября 1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 20–37. См. также документ № 141 «Сопроводительное письмо начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД В.Е. Цесарского Наркому Внутренних дел ГССР С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховного Суда СССР на кулацкую тройку от 26 ноября 1937 г.» во втором томе настоящего издания.

⁵¹ Нет данных по двум оставшимся лицам. См.: таблицы 55 и 56.

⁵² См., к примеру, данные о следующих лицах из списка от 22 января 1938 г.: Яшвили Константин Джибраелович (Протокол № 63. Л. 5), Яковлев Борис Павлович (№ 76. Л. 82), Эристави Георгии Ревазович (№ 74. Л. 20). Однако некоторые лица из списка не упоминаются в протоколах тройки, например: Чхеидзе Георгий Иванович. См.: таблицы 57, 58 и 9.

⁵³ См. таблицу 58 во втором томе настоящего издания.

⁵⁴ См. таблицу 57 во втором томе настоящего издания.

⁵⁵ Начальник 8-го отдела ГУГБ СССР В.Е. Цесарский наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховсуда СССР на «кулацкую» тройку от 6 января 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 62. См. также: <http://stalin.memo.ru/spiski/tomi06.htm> (06.09.2013).

⁵⁶ Зам. наркома внутренних дел М.П. Фриновский наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховсуда СССР на «кулацкую» тройку от 16 февраля 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 75.

⁵⁷ Начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР И.И. Шапиро наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховсуда СССР на кулацкую тройку от 21 апреля 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 96; Зам. наркома внутренних дел М.П. Фриновский наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховсуда СССР на «кулацкую» тройку от 16 февраля 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 109. 28 марта 1938 г. Шапиро сменил Цесарского на посту начальника отдела, который стал называться 1-м спецотделом НКВД СССР. То, что список от 19 сентября 1938 г. также должен был быть переслан НКВД Грузинской ССР, может быть установлено только в результате сравнения соответствующего «сталинского списка» с базой данных осужденных архива МВД Грузии. Дубликат списка в архиве МВД Грузии не найден. См. также: И.И. Шапиро – С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховсуда СССР на «кулацкую» тройку от 21 апреля 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 96.

⁵⁸ См. таблицу 55 во втором томе настоящего издания.

⁵⁹ И.И. Шапиро – С.А. Гоглидзе о перенесении лиц с Военной Коллегии Верховсуда СССР на «кулацкую» тройку от 21 апреля 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12. Д. 88. Л. 96.

⁶⁰ 1. Абакелия Иосиф Константинович, протокол тройки № 121 от 10 октября 1938. Расстрел; 2. Абдаладзе Варлам Трифонович, протокол тройки № 120 от 9 октября 1938. 10 лет, дата ареста 1 мая 1938; 3. Абрамов Александр

Петрович, протокол тройки № 120 от 9 октября 1938. Расстрел; 4. Авалишвили Шалва Георгиевич, протокол тройки № 120 от 9 октября 1938. Расстрел; 5. Азаров Даниил Емельянович, протокол тройки № 120 от 9 октября 1938. Расстрел; 6. Алания Шота Караманович, протокол тройки № 121 от 10 октября 1938. Расстрел; 7. Алексанян Яков Мкртычевич, протокол тройки № 121 от 10 октября 1938. Расстрел; 8. Алексеев Николай Давидович, протокол тройки № 120 от 9 октября 1938. Расстрел; 9. Алиханов Харлампий Константинович, протокол тройки № 122 от 11 октября 1938. 10 лет, дата ареста 20 декабря 1937; 10. Амашукели Александр Джавахович, по кулацкой тройке не проходит. <http://stalin.memo.ru/names/index.htm> (06.09.2013) (Сведения Е. Кухалашвили).

⁶¹ См. таблицу 58 во втором томе настоящего издания.

⁶² См.: документ № 172 «Письмо зам. нач. 1-го спецотдела НКВД СССР Л.Ф. Баштакова начальнику 1-го спецотдела НКВД ГССР А.К. Морозову с информацией о присылке списка на лиц, осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР в 1937–1938 гг. от 31 мая 1939 г.» во втором томе настоящего издания.

⁶³ Документ № 143 «Сообщение начальника Цулукидзевого РО НКВД ГССР [?] Парцхаладзе начальнику 8-го отдела УГБ НКВД ГССР А.К. Морозову о деле Н.П. Арчвадзе от 14 июня 1938 г.» во втором томе настоящего издания.

⁶⁴ По более точным подсчетам: 43 768 человек. См.: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm> (07.09.2013)

⁶⁵ См. таблицу 56 во втором томе настоящего издания.

⁶⁶ См. таблицу 57 во втором томе настоящего издания.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См.: таблицы 58 и 57 во втором томе настоящего издания.

⁶⁹ $2489 : 3616 \times 100 = 68,8\%$. (В «сталинских списках» по Грузии указаны имена 3671 человека. После удаления повторно встречающихся имен эта цифра составила 3616).

⁷⁰ $882 + 2489 = 3371$. В случае с цифрой 882 речь идет о количестве лиц из «сталинских списков», реально осужденных Военной коллегией Верховного Суда СССР до конца октября 1937 г. (см. ниже). См. таблицу 57 во втором томе настоящего издания.

⁷¹ $2489 : 21078 \times 100 = 11,8\%$. Там же.

⁷² См.: документ № 18 «Записка Л.П. Берии И.В. Сталину о мерах по ускорению рассмотрения дел антисоветских элементов от 30 октября 1930 г.» во втором томе настоящего издания; См.: документ № 172 «Письмо зам. нач. 1-го спецотдела НКВД СССР Л.Ф. Баштакова начальнику 1-го спецотдела НКВД ГССР А.К. Морозову с информацией о присылке списка на лиц, осужденных Военной Коллегией Верховного Суда СССР в 1937–1938 гг., от 31 мая 1939 г.» во втором томе настоящего издания.

⁷³ См. таблицу 57 во втором томе настоящего издания.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Разница данных «сталинских списков» по отношению к показателям Л.П. Берии и Л.Ф. Баштакова составляет в первом случае 220 лиц (1130 – 910) и во втором – 321 лицо (1130 – 809).

⁷⁶ Там же. Это еще раз подтверждает ключевую позицию 8-го отдела ГУГБ НКВД Грузинской ССР. «Сталинские списки» после повторного отправления в Грузию подвергались начальником отдела А.К. Морозовым повторной корректировке. Республиканский учетно-регистрационный отдел имел возможность передать дела определенного числа лиц в другие судебные инстанции, такие как *Верховный суд Грузинской ССР, военный трибунал, Особое совещание, «кулацкая тройка»* и двойка.

⁷⁷ Там же. Данные об отнесении к 1-й или 2-й категории имеются только в отношении 161 человека.

⁷⁸ Список арестованных, числящихся в течении 1938 г. за бывшим сотрудником 4-го отдела УГБ НКВД Абхазии Григориади Виктором Ивановичем (Без даты) // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. Д. 5520. Том 1. Л. 361–363. См.: например: Волковская Вера Ал-ндр. (...) Осужд. ВК по 2 к.; Гвазав Семен Платонович. (...) Осужд. ВК по 1 к. Действительно осуждены тройкой на заседании № 94 от 02.03.1938.

⁷⁹ В отношении Украины см. также: Сведения начальника 8 отдела УГБ НКВД УССР Л.Г. Мунвеза об осужденных выездными сессиями Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по Украине за время с 1 июля 1937 г. по 4 января 1938 г. // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 568.

⁸⁰ Так, например, кажется, что на Украине при учете осужденных, которые должны были быть осуждены *двойкой*, но на основании особого разрешения заместителя наркома внутренних дел СССР Л.Н. Бельского были «пропущены» через *«кулацкую» тройку*, царил неясность, а именно по поводу того, должны ли эти жертвы учитываться в рамках статистики осужденных по «национальным» приказам или по приказу № 00447. См.: Докладная записка начальника УНКВД по Киевской области М. Шарова наркому внутренних дел УССР И. Леплевскому «О ходе и результатах операции по польско-шпионскому диверсионному подполью в Киевской области по состоянию на 5 сентября 1937 года» // Польша та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Великий терор: польська операція 1937–1938. Том 8. Частина перша. – Варшава–Київ, 2010. С. 398–499, здесь С. 402.

⁸¹ Для сравнения см. результаты исследований, проведенных в Алтайском крае и Тверской (Калининской) области: *Разгон В.* Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М. 2010. С. 82–103; *Юсупова Е.С.* Преследование участников Сорокинского восстания 1921 г. в Алтайском крае // Сталинизм в советской провинции. С. 116–131; *Жданова Г.Д.* Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции. С. 718–745; *Леонтьева Т.Г.* Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. С. 216–243; *Савин А.И.* Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции. С. 303–342.

⁸² См. таблицу 9 во втором томе настоящего издания.

⁸³ См. Таблицу 61 во втором томе настоящего издания.

⁸⁴ См. таблицу 60 во втором томе настоящего издания.

⁸⁵ См. таблицу 62 во втором томе настоящего издания.

⁸⁶ См.: Протокол № 94 заседания тройки при Комиссариате Внутренних Дел Грузинской ССР от 2 марта 1938 г. по обвинению И.Ф. Хускивадзе // Архив МВД Грузии. 1-е отделение. Ф. 8. Дело 38448. Л. 17.

⁸⁷ См.: «Протокол № 59 заседания тройки при НКВД ГССР по обвинению Г.Н. Тапурия. 4 декабря 1937 г.»; «Протокол № 59 заседания тройки при НКВД ГССР по обвинению А.И. Яшвили. 4 декабря 1937 г.».

⁸⁸ Мы здесь исходим из того, что в случае как с контингентом Военной коллегии, так и с типичным контингентом «кулацкой» тройки, применительно к количеству меньшевиков среди осужденных речь идет об абсолютных цифрах. С высокой долей вероятности сотрудники НКВД всегда приводили информацию о меньшевистском прошлом жертв в делах и протоколах *тройки*, поскольку речь шла о компрометирующих сведениях, которые играли существенную роль в обосновании вынесенного приговора. См. таблицу 61 во втором томе настоящего издания. Здесь не учтены меньшевики из числа контингента *Военной коллегии*, которые были осуждены на других заседаниях «кулацкой» *тройки* «дисперсно». Однако их количество было все же незначительным и не могло серьезно повлиять на статистику в целом.

⁸⁹ См. таблицу 60 во втором томе настоящего издания.

⁹⁰ «Кулацкая» *тройка*: 2991 – 69 = 2922 меньшевика, осужденных «кулацкой» *тройкой* помимо контингента *Военной коллегии*. В следующем уравнении из общего числа осужденных «кулацкой» *тройкой* вычитается контингент *Военной коллегии*, также «пропущенный» через *тройку*: 21078 – 3616 = 17462. В результате доля меньшевиков среди «типичного» контингента *тройки* составила 16,8% ($2922 : 17462 \times 100 = 16,8\%$) См. таблицу 9 во втором томе настоящего издания.

⁹¹ Количество членов ВКП(б) среди бывших меньшевиков, осужденных «кулацкой» *тройкой*: 32 – 4 = 28.

⁹² 21078 (общее количество осужденных «кулацкой» *тройкой*) минус 3616 (контингент *Военной коллегии*) = 17462 человека. 4761 (общее число членов ВКП(б), осужденных *тройкой*), минус 1414 (число членов ВКП(б) среди контингента *Военной коллегии*) = 3347 человек. $3347 : 17462 \times 100\% = 19\%$

⁹³ $2484 : 21078 \times 100\% = 11,8\%$

⁹⁴ *Junge M. Massenverfolgungen und dogmatischer Import // Totalitarismus und Demokratie. 2011. № 1. С. 77–98; «Через трупы врага на благо народа». Том 1. С. 530–614. Ряд характерных дел воспроизведен в: Binner, Bonwetsch, Junge. Massenmord. С. 357–404; «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 245–354; Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 53–326; Протокол заседания тройки Управления НКВД по Алтайскому краю (милицейская) № 7/2 от 10 декабря 1937 г. // Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 394–417; Протокол заседания тройки Управления НКВД по Алтайскому краю (милицейская) № 1/3 от 9 января 1938 г. // Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 418–428.*

⁹⁵ *Zarusky. Politische Justiz unter Stalin. С. 53–76.*

⁹⁶ Авторы благодарны Юргену Заруски за многочисленные критические замечания, особенно в отношении данного раздела работы. Выписки из протоколов допросов высокопоставленных советских и партийных функционеров, содержавшие компрометирующие показания, подготовленные начальником Секретариата НКВД СССР И.И. Шапиро, которые в свою очередь Ежов посылал Сталину, не могли на самом деле компенсировать дефицит информации у Сталина. Эти выписки неизбежно содержали в сокращенной форме только важнейшие «признания» арестованных. См., например: Сводка важнейших показаний арестованных по ГУГБ НКВД СССР за 7–8 февраля 1938 // Лубянка. 2011. С. 57–69. Показательно, что Грузия также не упоминается в сводках отчетов местных управлений НКВД. (см. там же. С. 334–393).

⁹⁷ В целом обстоятельства этого инцидента остаются неясными. Дата списков, поступивших в Грузию обратно из Москвы, была от руки исправлена с 3 декабря 1937 г. на 3 января 1938 г. В свою очередь, 4 человека из «сталинского списка» от 15 сентября 1937 г. были уже в августе 1937 также осуждены «*кулацкой*» *тройкой*. См. таблицу 58 во втором томе настоящего издания; Документ № 142 «Список лиц для Грузии, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, исправленный 8-м отделом УГБ НКВД СССР, от 3 января 1938 г.» во втором томе настоящего издания.

⁹⁸ Датировано на основе: <http://www.memo.ru/memory/communarka/index.htm> (24.02.2013).

⁹⁹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996. С. 191. Авторы благодарят Андрея Савина за дискуссию по этому вопросу и ссылки на литературу.

¹⁰⁰ См.: Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов от 1 декабря 1934 г.» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. Под редакцией А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. – М., 2002. С. 95. Суть постановления заключалась в том, что обвиняемый мог быть осужден без адвоката, заслушивания свидетелей и лишен права на обжалование приговора.

¹⁰¹ См.: <http://www.memo.ru/memory/communarka/index.htm> (24.02.2013).

¹⁰² Это справедливо, само собой разумеется, в тех случаях, когда *Военная коллегия* не была уже лишена, как это было в Грузии начиная с октября 1937 г., права отправления судопроизводства.

¹⁰³ В отношении 139 человек из «сталинских списков» за 1937–1938 гг. отсутствуют данные об осудившем их органе. Относительно списков за май – октябрь 1937 г. это касается 30 чел. Повторяем, что у авторов есть данные только в отношении 882 человек, осужденных непосредственно *Военной коллегией*. См. таблицу 57 во втором томе настоящего издания.

¹⁰⁴ $106 : 161 (164) \times 100\% = 65,9\%$.

¹⁰⁵ См. таблицу 57 во втором томе настоящего издания.

¹⁰⁶ Там же (161 человек); См. таблицу 58 во втором томе настоящего издания. $(910 + 164 (161)) = 1074$.

¹⁰⁷ $910 + 164 + 28 + 27 = 1129$.

¹⁰⁸ В приказе НКВД СССР № 00485 «предписывался и особый (впервые вводимый в практику НКВД) порядок осуждения – «альбомный». В соответ-

ствии с ним работники управлений НКВД на местах по окончании следствия составляли справки на каждого арестованного, включавшие короткое резюме обвинительного заключения. Эти справки, занимавшие на одного обвиняемого около половины страницы, комплектовались в 8-м отделе местного УГБ в специальный список («альбом»), здесь же формулировались предложения о тяжести приговора (расстрел или заключение в лагерь на 5–10 лет). Эти альбомы подписывали, поддерживая или в отдельных случаях корректируя предложенные меры, начальник областного, краевого УНКВД или республиканского НКВД и местный прокурор, затем «альбомы» направлялись в Москву, в 8-й отдел ГУГБ НКВД. В 8-м отделе списки перепроверялись и на основе предложенных приговоров формулировались окончательные приговоры, которые, в свою очередь, подлежали утверждению наркомом внутренних дел и прокурором СССР (Ежовым и Вышинским). Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в местные УНКВД. См.: *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М., 1999. С. 39. (Благодарим А.И. Савина за указание на цитату).

¹⁰⁹ См. таблицу 57 во втором томе настоящего издания.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ См.: главу «Национальные операции в Грузии»; *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Редкол. *Гурьянов А.Е.* – М., 1997. С. 22–43.

¹¹² Протокол № 54 заседания Особого совещания при НКВД СССР от 02.07.1938 г. (дополнение 2-е) // Центральный архив ФСБ РФ. Ф. [?]. Оп. 1. Д. 61. Л. 18–195.

¹¹³ Следовательно, утверждение Г. Симона о том, что «В годы Большого террора были физически уничтожены властные политические элиты всех национальных территорий» следует исправить следующим образом: «Часть национальных элит использовала Большой террор для того, чтобы устранить своих конкурентов». См.: *Simmon G.* Der Kommunismus und die nationale Frage // *Osteuropa*. 2013. 63. № 5–6. С. 108–124, здесь S. 113.

¹¹⁴ *Юнге М.* Социально-технологический аспект приказа № 00447 // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 214–220.

¹¹⁵ Так, в отношении Алтайского края приговоры *Военной коллегии* в 1938 г. подтверждались членами Политбюро в «сталинских списках» зачастую уже после их вынесения, но перед приведением в исполнение. При сравнении списков с Книгами памяти установлено, что в отношении многих жертв дата осуждения является более ранней, чем датировка соответствующего «сталинского списка», в который они включены. Но казнь все время следовала только после подтверждения приговора подписями членов Политбюро под списком. Таким образом, следует исходить из того, что и в этих случаях механизмы предварительного осуждения жертв органами НКВД оставались в силе.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. – М., 2008. С. 78–147. О концепции автора свидетельствуют уже названия глав, посвященных роли юстиции в годы коллективизации (1929–1934): «Кампанейское правосудие» (глава 3) и «Упадок законности» (глава 4). Что же ка-

сается деятельности в эти годы Комиссии Политбюро по судебным делам, то Питер Соломон пишет следующее: «Особую проблему представляло осуждение к высшей мере наказания, т. е. к смертной казни [...] Начиная с декабря 1929 г. по принятому секретному решению прокуроры республиканского уровня должны были докладывать Комиссии Политбюро по судебным делам о всех приговорах к смертной казни. Комиссия Политбюро проверяла и подтверждала эти приговоры» (Там же. С. 94). К вопиющим фактам вмешательства партии в «нормальное» судопроизводство также относится решение Политбюро ЦК ВКП(б), наделявшее Р.И. Эйхе правом лично выносить приговоры к смертной казни в отношении крестьян, «саботировавших» в Сибири хлебозаготовительную кампанию 1934 г. См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Протокол 14 / Пункт 51 «Телеграмма Молотова от 19 ноября 1934 г. [о предоставлении Эйхе права на высшую меру наказания по Западной Сибири]. ОП.» 23 сентября 1934 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. В трех томах. Том 2: 1930–1939. – М., 2001. С. 586. Авторы благодарят Андрея Савина за соответствующие сведения.

¹¹⁷ Иная точка зрения представлена в: *Zarusky. Politische Justiz unter Stalin*. С. 68.

¹¹⁸ *Shearer. Policing Stalin's Socialism*. С. 14.

Леван Авалишвили

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ» ОПЕРАЦИИ В ГРУЗИИ

Начиная с августа 1937 г., во всех республиках, краях и областях Советского Союза органы НКВД начали проводить так называемые «национальные» операции, т. е. массовые карательные акции против поляков, немцев, иранцев, греков и других «подозрительных» национальных диаспор. Грузия не была исключением. Однако главный вопрос состоит в том, были ли какие-либо особенности в проведении «национальных» операций в этой социалистической кавказской республике.

1. Источники

Главным источником для изучения «национальных» операций в Грузии в период Большого террора 1937–1938 гг. стало архивное дело под заголовком «Копии протоколов – решения НКВД и прокурора СССР (по альбомам)»¹. Речь в данном случае идет о протоколах заседаний, в которых зафиксированы приговоры в отношении жертв «национальных» операций Грузии, вынесенные так называемой *Большой двойкой*², то есть комиссией в составе народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова и прокурора СССР А.Я. Вышинского или, соответственно, их заместителей. Эти приговоры выносились на основании кратко изложенной биографии каждого обвиняемого, сведений о его ранних судимостях и пунктов обвинения. Общее описание дела одного обвиняемого – справка – занимало около половины страницы. В Грузии, как и в других республиках, краях и областях Советского Союза, эти справки объединялись в так называемые «альбомы», которые в трех экземплярах направлялись в Москву, в адрес центрального аппарата НКВД. После перепроверки «альбомов» сотрудниками ГУГБ НКВД СССР они передавались на рассмотрение

Большой двойки. К каждому «альбому», также в трех экземплярах, прилагались списки обвиняемых. Из-за отсутствия в архивах Грузии копий списков и сопроводительных писем, которые были отправлены в НКВД СССР, открытым остается вопрос о том, были ли обвиняемые уже разделены на первую и вторую категории, и, соответственно, выносили ли предварительный приговор в отношении каждого обвиняемого местные органы НКВД, который впоследствии должен был быть утвержден Москвой³. Справки, включенные в «альбом», как и прилагавшиеся к нему списки, подписывались в Грузии так называемой *малой двойкой*, состоявшей из местного начальника НКВД и прокурора. Точно так же дело обстояло во всех остальных республиках, краях и областях СССР. В Грузии имелось несколько «малых двоек», одна – непосредственно для Грузинской ССР, по одной – для каждой из автономных республик, еще одна – для Закавказской железной дороги, объединявшей железнодорожный транспорт Армении, Азербайджана и Грузии. В случае с железной дорогой *малая двойка* состояла из начальника ДТО ГУГБ Закавказской железной дороги А.С. Зоделава и прокурора Закавказской железной дороги И.П. Вацека, в Аджарии – из наркома внутренних дел Аджарской АССР Г.Н. Джинджолии и прокурора Аджарской АССР Капанадзе, в Абхазии – из наркома внутренних дел Абхазской АССР Г.А. Пачулия и прокурора Абхазской АССР В.Я. Шония⁴. В настоящее время в грузинских архивах не сохранилось целых «альбомов», лишь отдельные листы-справки, которые потом объединялись в «альбом».

С помощью вышеупомянутого архивного дела – «Копии протоколов – решения НКВД и прокурора СССР (по альбомам)» – можно реконструировать как хронологическую последовательность, так и историю развития первого этапа «национальных» операций в социалистической Грузии, то есть до сентября 1938 г., когда *особая («национальная») тройка* при НКВД Грузинской ССР взяла на себя функции «Большой двойки».

То, что это дело включает в себя все без исключения приговоры «*Большой двойки*», вынесенные на основании «альбомов», посланных из Грузии в Москву, подтверждается одним из документов из фондов бывшего архива КГБ Грузии. Он датирован 10 мая 1941 г. и представляет собой перечень протоколов заседаний всех внесудебных органов в отношении Грузии. В перечень включены с указанием даты и номера протоколы заседаний всех типов троек (как «*кулацкая*» *тройка*, так и «*национальная*» *тройка* в

этом перечне назывались «особой» тройкой, а «милицейская» тройка – тройкой НКВД по делам милиции), а также Большой двойки, которая фигурировала под названием «Комиссия НКВД СССР по альбомным делам». Перечень был составлен и подписан бывшим начальником 8-го отдела УГБ НКВД Грузии (на 1941 г. – начальником 2-го отдела НКВД Грузинской ССР) А.К. Морозовым по заданию 1-го спецотдела НКВД СССР (до весны 1938 г. – 8-го учетно-регистрационного отдела ГУГБ НКВД СССР). В отношении протоколов заседаний Большой двойки по «альбомным» делам в документе упоминается «одна папка /дело/ на 285 п/листах», что полностью совпадает с объемом дела, включающего в себя копии протоколов заседаний Большой двойки, и доказывает, что, скорее всего, по Грузии больше не было составлено других протоколов Большой двойки⁵.

Интересна также нумерация самих протоколов. Так как протоколы заседаний Большой двойки по разным «национальным» линиям составлялись в Москве, их нумерация была связана со всесоюзным масштабом проведения каждой конкретной «национальной» операции и датой заседания. Так, например, протоколы, в которых речь идет о лицах, осужденных Большой двойкой в рамках «греческой» операции на основании «альбомов», присланных НКВД Грузинской ССР, имеют нумерацию 95, 104, 112, 120, 121 и 123. Все протоколы, имеющие нумерацию между 95 и 123, относятся не к Грузии, а к другим республикам, краям и областям СССР. Например, протокол № 95 по Грузии был подписан 26 марта 1938 г. на заседании комиссии Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР. На том же заседании от 26 марта 1938 г. был завизирован протокол № 94 по Одесской области. 9 апреля 1938 г. комиссия рассмотрела на своих заседаниях списки по «альбомным» делам из Грузии (протокол № 104) и из Воронежской обл. (протокол № 105) и т. д. По нумерации протоколов можно также судить как о масштабах конкретной «национальной» операции, так и о темпах рассмотрения «альбомов». Так, протокол № 637 по «польской» операции в Грузии датирован 26 декабря 1937 г., а следующий протокол № 696 датирован 3 января 1938 г. Это значит, что за данный промежуток времени между двух заседаний по Грузинской ССР, комиссией НКВД и прокурора СССР, то есть Большой двойкой, было рассмотрено в порядке приказа НКВД № 00485 пятьдесят восемь списков из других республик, краев и областей СССР⁶.

В папке «Копии протоколов – решения НКВД и прокурора СССР (по альбомам)» собраны копии протоколов, высланных из Москвы в Тбилиси за период с конца 1937 г. по сентябрь 1938 г. В каждом из протоколов за подписями наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова и прокурора СССР А.Я. Вышинского (встречаются также протоколы, подписанные их заместителями – соответственно М.П. Фриновским и Г.К. Рогинским) указано, по какой операции проходило заседание (например, по приказу № 00593 – «харбинская» операция) и какое решение было вынесено в отношении обвиняемых. В протоколах напротив каждой фамилии указана мера наказания: расстрел, заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от трех до десяти лет, высылка, или же указано, что необходимо доследовать дело, переадресовать его на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР* или в другие суды. В протоколах также встречаются рукописные примечания и дополнительная информация об арестованных – например, дата их расстрела, случай смерти в тюрьме, дата освобождения и высылки, место заключения (например, Батуми, Баку, Кировабад) или «операция», по которой проходил конкретный репрессированный. Время от времени указывается также национальность осужденных.

Протоколы дополняют сопроводительные письма центра, адресованные наркому внутренних дел ГССР С.А. Гоглидзе или начальнику ДТО ГУГБ НКВД ЗакЖД А.С. Зоделава. В этих письмах, подписанных начальником 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР В.Е. Цесарским (с марта 1938 г. И.И. Шапиро), изложено, по какому списку, направленному из Тбилиси (включая дату и номер списка), было принято соответствующее постановление. Тут же указывалось, что после исполнения приговоров дела репрессированных и справки об исполнении приговоров должны быть высланы в Москву. В письмах также отмечалось, что выписки постановления Особого совещания при НКВД СССР в отношении осужденных к заключению будут высланы из центра в Тбилиси дополнительно. Это означает, что наряду с «*Большой двойкой*» в осуждении жертв «национальных» операций принимал участие еще один карательный орган, который своим решением легитимировал приговор к заключению в исправительно-трудовые лагерь лиц, осужденных *Большой двойкой* по 2-й категории.

В сопроводительных письмах также встречаются конкретные указания в отношении отдельных лиц (например: «По делу Товстоногова А.А. решения не принято. По этому делу вам дано от-

дельное указание 6-го отдела ГУГБ НКВД за № 333406 от 09.12.1937»⁷. В протоколах по «альбомным делам» также встречаются указания, чтобы дело того или иного заключенного, проходящего по списку одной из «национальных» операций, было переадресовано на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР* (например, дело Попова Сергея Дмитриевича, начальника Планового отдела управления ДТО КВЖД, проходящего по «греческой операции», было переадресовано на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР* – по первой категории)⁸. На копиях протоколов также зафиксированы приписки об исполнении приговоров (напр.: «т. Морозову – Дайте задание т. Надарая остальное доложить»)⁹. Надарая Сардион Николаевич с 1937 года являлся начальником внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД ГССР и был тем, кто отвечал за приведение приговоров к ВМН в исполнение.

Документы *Большой двойки* по Грузии включают в себя не только протоколы решений о вынесении меры наказания, но и различные распоряжения, направленные на устранение нарушений и ошибок, затрагивавших осужденных или арестованных лиц. Адресатами такого рода распоряжений выступали Гоглидзе или Зоделава. К сфере компетенции Зоделавы относились следственные дела, оформленные в ДТО ГУГБ НКВД Закавказской ж. д., а также «альбомные» списки, в которые его отдел включал контингент, состоявший из арестованных граждан всех закавказских республик (Грузии, Армении и Азербайджана).

С сентября 1938 г., когда «альбомный порядок» рассмотрения дел повсеместно был заменен «национальными» *тройками*, «альбомы» больше уже не посылались в Москву. Окончательные приговоры теперь выносились на местах. По этой причине в архиве бывшего КГБ Грузинской ССР сохранились протоколы заседаний *тройки*, которые велись во время «второй фазы» национальных операций. Данные протоколы по своему содержанию фактически не отличаются от протоколов «*кулацкой*» *тройки*. И все же следует отметить, что в протоколах «национальной» *тройки* также присутствуют пометки об отношении дела осужденного к той или иной операции (например, «по румынам», «по немцам», «по иранцам», «по итальянцам» и т. д.).

Серьезной проблемой для исследователей «национальных операций» в Грузии остается получение доступа непосредственно к самим следственным делам арестованных, которые, к сожалению, сохранились лишь частично. Вследствие этого трудно уста-

новить все детали обвинения и остальные важные факты «национальных» операций. Например, в протоколах по «альбомам», присланных из Москвы в Грузию до конца марта 1938 г., не указывалось гражданство обвиняемых, только место их рождения, что, конечно, затрудняет полную идентификацию национальной принадлежности жертв.

2. «Национальные» операции и «Высшая двойка»

Так как у всех «национальных» операций были свой конкретные этапы развития и особенности механизма проведения, необходимо сделать краткий анализ «альбомного» периода их реализации в Грузии, а также привести статистические данные итогов репрессий по «национальным линиям». Самой масштабной операцией, ставшей образцом для других карательных акций в отношении национальных диаспор, стала операция по «польской линии». Грузинские «альбомные» дела также открываются решением Комиссии НКВД СССР и прокуратуры СССР в порядке приказа № 00485. Телеграмма центра от 30 декабря 1937 г., к которой прилагалась копия протокола № 637 заседания *Большой двойки*, содержит обильный фактический материал для изучения механизма проведения «национальных операций». В этой телеграмме за подписью начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД майора ГБ Цесарского, с грифом «совершенно секретно», адресованной Зоделаве, указано, что «для срочного реагирования» посылаются копии протокола от 26 декабря 1937 г. с решениями наркома внутренних дел СССР Ежова и прокурора СССР Вышинского по двум спискам на 37 человек, представленных ДТО ЗакЖД 28 ноября 1937 г., согласно приказу НКВД СССР № 00485.

Здесь же содержатся четкие указания центра: «Немедленно привести в исполнение приговор по первой категории на 15 человек, а дела расстрелянных со справками об исполнении приговора срочно выслать в Москву». Отмечено, что выписка постановления Особого совещания при НКВД СССР на 21 человека, осужденных к заключению в исправительно-трудовые лагеря, будет выслана отдельно. В телеграмме также указано, что по делу одного из обвиняемых (Товстоногова А.А.) решения не было выне-

сено и что на этот счет в Тбилиси 9 декабря 1937 г. было выслано отдельное указание 6-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Сама копия протокола содержит список лиц с указанием фамилии, имени и отчества, даты и места рождения, позже в аналогичных списках также указывалось гражданство обвиняемых¹⁰. Также приведены дата заседания *двойки*, кто присутствовал (Ежов и Вышинский или их заместители), по какому приказу проходило слушание дел, кто представлял материалы на обвиняемых, мера наказания. На копиях отсутствуют подписи Ежова и Вышинского, но они скреплены печатью НКВД, а верность документа подтверждена подписью сотрудника 8-го учетно-регистрационного отдела НКВД СССР Кремнева. Данная конструкция телеграмм НКВД, присланных из центра в Тбилиси, была стандартной для всех «национальных» операций.

Архивное дело «Копии протоколов – решения НКВД и прокурора СССР (по альбому)» содержит и другие интересные детали: например, рукой начальника 8-го отдела НКВД Грузинской ССР А.К. Морозова вписаны даты расстрела осужденных. Вместе с телеграммой от 30 декабря 1937 г. сохранилось сопроводительное письмо начальника ДТО ГУГБ ЗакЖД Зоделавы от 28 ноября 1937 г. к «альбомным спискам», которые были отправлены на рассмотрение комиссии в Москву. Письмо было адресовано начальнику 6-го отдела ГУГБ НКВД СССР М.А. Волкову¹¹. Зоделава докладывал в письме о направлении в Москву в трех экземплярах самого «альбома», а также списков арестованных (в трех экземплярах), разделенных на первую и вторую категорию. Можно предположить, что несколько экземпляров альбома и списков предназначались разным структурам в вертикали НКВД.

Анализ сопроводительного письма Зоделавы и телеграммы Цесарского еще раз подтверждает, что посланные с мест списки осужденных, составленные на основании «альбомов», предварительно разбитые на первую и вторую категорию и заверенные подписью народного комиссара внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе, подвергались процедуре перепроверки со стороны сотрудников центрального аппарата НКВД СССР. Только потом их представляли на утверждение *Большой двойки*. Однако по-прежнему не совсем ясно, какое подразделение в системе центрального аппарата НКВД отвечало за проверку «альбомов». Возможно, речь идет о 8-м отделе ГУГБ НКВД СССР¹². Однако в случае со списками, утвержденными Зоделава, можно с большой долей уверенности утверждать, что «альбомы» были подвергнуты про-

верке в 6-м отделе ГУГБ НКВД СССР, так как ДТО ГУГБ НКВД Закавказской железной дороги находился в непосредственном подчинении у этого центрального органа госбезопасности на транспорте¹³.

Интересно, что два человека (Богуславский С.И. и Роговский И.И. (он же Гаевский Ричард Леопольдович)), осужденные по первому «польскому» списку (протокол *Большой двойки* № 637 по «польской» операции в Грузии) к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет, через два месяца повторно были включены в списки (список № 70820 от 11 февраля 1938 г. на 23 чел.) и на этот раз согласно протоколу № 1024 от 5 марта 1938 г. приговорены к расстрелу. За отсутствием личных дел осужденных трудно судить о причинах изменения первоначального приговора. Следует также отметить, что в «грузинских» протоколах *Большой двойки* зафиксировано много случаев, когда именно центр на основании «альбомных» справок требовал отправки дел на доследование или их переадресацию на рассмотрение других карательных инстанций.

На основании вышеизложенного выскажем предположение относительно функционирования механизма репрессий и разделения компетенции между центром и периферией.

Высшая двойка только визировала, т. е. легитимировала, протоколы, не вдаваясь в подробности дел. Это логично, так как два человека не были в состоянии ознакомиться с делами тысяч арестованных. Однако это совсем не означает, что решение о вынесении той или иной меры наказания было полностью отдано на откуп органам НКВД на местах, которые готовили для комиссии списки осужденных, уже разбитые на первую и вторую категорию. Очевидно, что центральный аппарат НКВД с самого начала достаточно жестко контролировал ход «национальных» операций, корректируя присланные с мест списки, опираясь на сведения, содержащиеся в «альбомах». В тоже самое время руководство НКВД на местах иногда могло повлиять на решения комиссии НКВД и Прокурора СССР путем повторного включения осужденных лиц в списки репрессируемых, что, однако, было скорее исключением из правил.

Интересны также статистические итоги «альбомного этапа» «польской» операции в Грузии. Общее число репрессированных по «польской» линии без учета дел, отправленных на доследование, а также дел, по которым не было вынесено решения, составило 145 человек. По первой категории было расстреляно 66 че-

людей, по второй категории было осуждено 79 человек (в том числе семь человек на 8 лет и шесть человек – на 5 лет лагерей). Процентное соотношение осужденных по 1-й категории к общему числу репрессированных составило 46 %. Не было вынесено окончательного решения по одному делу, и шесть дел было возвращено на доследование. В списках не указана национальность репрессируемых, однако там встречаются польские фамилии. Среди людей, подвергшихся репрессиям, много уроженцев Польши, Грузии, Украины, Литвы, Азербайджана. С майских 1938 г. протоколов, когда в обязательном порядке стали указывать гражданство обвиняемых, можно констатировать, что все репрессированные по «польской» линии были гражданами СССР.

Таблица 3

Статистика «грузинских» альбомных списков по приказу № 00485 («польская» операция)

Дата протокола	Номер протокола	Всего рассмотрено дел	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория				Дело направлено на доследование	Не вынесено решения
					10 лет	8 лет	5 лет	3 года		
26.12.37	637	37	36	15	21					1
03.01.38	696	17	17	16	1					
14.01.38	782	3	3	3						
24.01.38	842	2	2	2						
17.02.38	962	7	7	4	3					
05.03.38	1024	23	23	11	11	1				
31.05.38	1173	19	19	3	11	3	2			
15.07.38	1201	44	38	12	19	3	4		6	
Итого 26.12.37– 15.07.38		152	145	66	66	7	6		6	1

3. Следственное дело Ю.М. Сологубова-Скобелева

В данном контексте особый интерес представляет анализ следственного дела Юлиана Марковича Сологубова-Скобелева, одного из немногих сохранившихся дел жертв, осужденных «*Большой двойкой*» в ходе «польской» операции¹⁴. Юлиан Сологубов (он же Скобелев), по национальности русский, был арестован Джугельским (Зестафонским) РО НКВД Грузии в январе 1937 г. Вместе с Ю.М. Сологубовым был также арестован житель Тбилиси Лапоян Мосес Аршакович, турецкий армянин. Ему было предъявлено обвинение в том, что он, зная о нелегальном статусе Сологубова, изготовил для него поддельные документы (военный билет) на имя Скобелева и таким образом помог последнему легализоваться в СССР.

Дело по обвинению Сологубова в нелегальном переходе в 1922 г. польско-советской границы, использовании вымышленной фамилии и порче агрегатов завода было направлено 9 июня 1937 г. на рассмотрение *ОСО НКВД СССР*. Однако ввиду того, что в августе 1937 г. начались массовые операции НКВД, в центре решили переквалифицировать вменяемые ему статьи 71, 78–2 и 84 УК ГССР и провести дело Сологубова, как нелегально перешедшего государственную границу, по «польской» линии. Вероятнее всего, решение было принято 4 октября 1937 г., когда *Особое совещание при НКВД СССР* рассматривало дела Сологубова-Скобелева и Мосеса Аршаковича Лапояна¹⁵. 29 октября 1937 г. 3-й отдел ГУГБ НКВД СССР постановил возвратить дело в НКВД Грузии для рассмотрения его в соответствии с приказом № 00485.

Интересно, что, аргументируя такое решение, 3-й отдел акцентировал внимание на нелегальном переходе границы, ни словом не упомянув «вредительскую» деятельность обвиняемого на заводе. Дело было вновь возвращено следователю 6-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД ГССР Русскову. Однако согласно новому обвинительному заключению было решено направить дело Сологубова-Скобелева на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. Возможно, в Тбилиси посчитали, что дело обвиняемого лучше подвести под диверсионно-вредительскую деятельность, хотя в конечном итоге Сологубов-Скобелев все же был ре-

прессирован по «польской» линии и приговорен к расстрелу решением комиссии НКВД и Прокуратуры от 3 января 1938 г.

В данном случае именно центр (3-й отдел ГУГБ НКВД СССР) дважды переqualificировал дело арестованного по «польской» линии, несмотря на то, что в Тбилиси сначала направили дело Сологубова-Скобелева на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР, а позднее включили обвиняемого в т. н. «сталинские списки». Таким образом, 3-й отдел ГУГБ НКВД СССР дважды указал Тбилиси на то, что Ю.М. Сологубова нужно представить для осуждения по «польской» линии. В первый раз это было сделано 29 октября 1937 г., то есть в период, когда в Грузии еще только начинали разворачиваться «национальные» операции (первые списки по «польской» операции были отправлены в Москву 28 ноября 1937 г.). Второй раз решение о включении Сологубова в «альбомные» списки «польской» операции было принято в Москве уже в декабре 1937 г.

Скрупулезное ознакомление ответственных работников центрального аппарата НКВД с «альбомами» подтверждается и другими телеграммами. В целом в большинстве протоколов просматривается тенденция центра корректировать предложения грузинских коллег о мере наказания для подсудимых. Так, ответственные лица в центральном аппарате НКВД СССР могли, например, исключить заключенного из первой категории, переадресовать его дело на рассмотрение *Военной Коллегии Верховного Суда СССР* или *местного суда*, послать дело на исследование и т. д. Не имея на руках соответствующих следственных дел, нам трудно судить о реальных мотивах пересмотра предложений грузинских органов НКВД центром. Исходя из материалов архивно-следственного дела Сологубова-Скобелева, сохранившегося в отличие от большинства следственных дел жертв массовых операций НКВД в Грузии, можно сделать вывод, что у московского центра были вполне четкие представления о «сфере компетенции» той или иной операции НКВД. Так, нарушение границы в сочетании с польской национальностью предопределило осуждение Сологубова-Скобелева в рамках «польской» операции. Кроме того, возникает впечатление, что высокая «планка» такого элитарного суда, как *Военная коллегия Верховного Суда СССР*, была в этот период понижена.

Сами справки на обвиняемых, приведенные в «альбоме», содержали минимальную информации о делах подсудимых и включали в себя только краткое изложение следственных и аген-

турных материалов, характеризующих степень виновности арестованного. На практике «альбомные» справки представляли то же самое, что и протоколы заседания троек. И все же грузинские «альбомы» изучались сотрудниками центрального аппарата НКВД достаточно детально. Соответственно, трудно согласится с тезисом, что центр только механически одобрял пришедшие с мест предложения и лишь изредка, по каким-то причинам, принимал решение об изменении меры наказания, передаче дела на рассмотрение либо направлении его в другой судебный орган¹⁶.

4. «Харбинская» операция

Согласно оперативному приказу НКВД № 00593 от 20 сентября 1937 г., органами НКВД было «учтено до 25 000 человек так называемых “харбинцев” (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза»¹⁷. В проведении «харбинской операции» использовались те же механизмы, что и при проведении «польской» и других национальных операций. Однако данную «линию» массовых репрессий только косвенно можно отнести к «национальным» операциям, так как она была направлена преимущественно против граждан СССР, которые работали на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) и после продажи дороги правительству Маньчжоу-Го вернулись в Советский Союз. В ходе этой операции в Грузии, как правило, арестовывали людей, которые хоть каким-то образом были связаны с КВЖД и с Дальним Востоком. Например, основанием ареста К.О. Геловани послужила справка от 15 октября 1937 г. за подписью заместителя начальника 3-го отдела НКВД ГССР Винера, в которой утверждалось, что Геловани прибыл в 1933 г. из Харбина по заданию одного из иностранных государств для шпионских целей и что он подлежал аресту по статье 58–1 «а» УК ГССР¹⁸. Геловани и другие 16 «харбинцев» обвинялись в связях с японской разведкой и в шпионской деятельности. Все дело Геловани, который сам действительно до 1933 г. проживал в Харбине, основано на версии создания им шпионского центра в Тбилиси, который при помощи «агентов» якобы собирал информацию о Грузинской ССР для японской разведки. Соответственно и подвергшиеся репрессиям по делу Геловани граждане

никак не были связаны с Дальневосточным краем и не были ре-
эмигрантами из Маньчжоу-Го.

Примечательна также еще одна деталь: на копии протокола № 522 от 15 июля 1938 г. по «харбинской» операции напротив фамилий репрессированных от руки сделаны пометки об их осуждении в рамках данной операции. В данном списке впервые встречаются не только грузинские и русские фамилии, но также фамилии китайцев и корейцев. Напротив грузинских фамилий обозначено, что они проходят по «харбинской» и «германо-японской» линии, напротив же фамилий китайцев впервые появляется обозначение национальной принадлежности – китаец или кореец¹⁹. Это значит, что в рамках «национальных» операций репрессировали также людей других национальностей – например, русских или украинцев в ходе «немецкой» операции. В данном случае органы безопасности, скорее всего, использовали «харбинскую линию», чтобы репрессировать нежелательных китайцев и корейцев²⁰.

Таблица 4

Статистика «грузинских» «альбомных» списков по приказу № 00593 («харбинская операция»)

Дата протокола	Номер протокола	Всего рассмотрено дел	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория				Дело направить на рассмотрение
					10 лет	8 лет	5 лет	3 года	
03.01.38	249	11	10	1	9				
04.01.38	256	48	44	29	14		1		4
17.02.38	393	27	25	13	12				2
02.03.38	434	3	3	2	1				
11.03.38	440	7	6	4	2				1
15.07.38	522	25	25	11	14				
Итого 03.01.38– 15.07.38		121	113	60	52		1		7

Общее число арестованных в Грузии по «харбинской» операции с учетом дел, отправленных на следствие, составило 120 человек. Из них было расстреляно 60 человек, осуждено по второй категории 53 человека, в том числе один человек на пять лет лагерей. Процентное соотношение осужденных по 1-й категории к общему числу репрессированных составило 53 %, то есть больше, чем по всем другим «национальным» операциям в Грузии. Так же, как и в ходе «польской» операции, были зафиксированы возвращенные на следствие дела на семь человек. Одно из следственных дел (на Сурмава И.М., уроженца Грузии) через два месяца было вновь отправлено на рассмотрение *«Большой двойки»*. Основная часть репрессированных – по национальности грузины и граждане СССР, но в последнем «альбомном» протоколе от 15 июля 1938 г., как мы уже отмечали, были репрессированы также китайцы и корейцы, в том числе были расстреляны два гражданина Китая.

5. «Немецкая» операция

Интересные тенденции просматриваются при изучении телеграмм, связанных с «немецкой» операцией. Первый протокол по «немецкой» операции датирован 14 января 1938 г., но сами справки в порядке приказа НКВД № 00439²¹ были посланы еще 5 ноября 1937 года²². Решением Комиссии по первому протоколу 16 человек были высланы за пределы СССР. В документе не указано гражданство репрессированных, но среди 16 человек 10 были уроженцами Грузии. Вероятно, все они имели немецкое гражданство. Всего в Грузинской ССР по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. проживал 781 германский гражданин²³. Симптоматично, что в последующих протоколах фиксируется высылка лишь одного германского подданного, что, возможно, подтверждает версию о немецком подданстве 16 осужденных по первому списку. На это в первую очередь указывает мера наказания – высылка за пределы СССР. В отношении советских граждан высылка за пределы СССР практически не применялась.

«Особое» отношение центра к германским подданным видно и из других телеграмм НКВД. В данном контексте показательным может считаться распоряжение, приведенное в сопроводительном

письме к протоколу № 389 от 15 июля 1938 г. В нем было написано: «В отношении Киснер Флоры Генриховны, приговоренной к расстрелу, надо проверить подданство. Если окажется, что Киснер Ф.Г. является иноподданной (курсив документа. – Л.А.) приговор о расстреле в исполнение не приводить и сообщить нам». В самом списке напротив фамилии Киснер не было указано подданство и гражданство, что, как видно, было решающим фактором для вынесения в ее отношении приговора по 1-й категории.

Центральный аппарат НКВД тщательно контролировал «альбомные» справки подданных Германии. Так, дело в отношении шестерых обвиняемых – И.С. Пивоварова, Г.М. Чхиквидзе, Г.Г. Воннебергера, А.А. Еробека, Ф.Ф. Христова и Г.П. Трансфельда – было переадресовано на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, то есть фамилии этих лиц были включены в «сталинские списки» от 12 сентября 1938 г. Это, очевидно, произошло потому, что трое из обвиняемых, кроме Чхиквидзе и Пивоварова, а также гражданина Австрии Еробека, были подданными Германии. Впоследствии, в октябре 1938 г., они были осуждены «кулацкой» *тройкой* при НКВД ГССР к 10 годам тюремного заключения.

Иная судьба ждала граждан СССР немецкого происхождения. Сравнение двух «альбомных» справок наглядно иллюстрирует дифференцированный подход репрессивных органов к гражданам СССР и подданным Германии. Так, подданный Германии Ф.Ф. Христов был арестован 7 января 1938 г. как германский шпион и резидент германской разведки на территории Абхазии. Несмотря на тяжесть обвинения, центр изъял его фамилию из расстрельного списка, а *тройка* НКВД ГССР приговорила его к 10 годам тюремного заключения. В то же самое время гражданин СССР Эрнст Христианович Грецингер, тоже немец по происхождению, был приговорен к расстрелу за «срыв ремонта паровозов на депо Кировабад». В заключении альбомной справки Грецингера лаконично сформулированы основные постулаты обвинения: «Немец – троцкист – вредитель»²⁴. Из дела Грецингера видно, что он, вместе с другими обвиняемыми, был арестован по обвинению в участии контрреволюционной троцкистской организации, но впоследствии дело в отношении остальных лиц было выделено в отдельное производство. То есть в данном случае главным фактором включения Грецингера в списки по «немецкой» операции стало его происхождение, хотя, если бы не было отдельной операции в отношении этнических немцев, Грецингера, скорее всего,

все равно бы репрессировали в рамках одной из массовых операций.

Таблица 5

Статистика «грузинских» «альбомных» списков по «немецкой операции»

Дата протокола	Номер протокола	Всего рассмотрено дел	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория				Дело направить на дальнейшее	Дело передать на Военную коллегию	Выслать из СССР
					10 лет	8 лет	5 лет	3 года			
14.01.38	169	16	16							16	
31.05.38	367	21	19	7	12				2		
10.07.38	396	26	19	4	9	3	2		7	1	
15.07.38	389	47	47	8	36	2	1			6	
20.06.38 Греческая	120	1	1		1						
31.08.38 Смешанная	227	2	2			1	1				
Итого 14.01.38– 15.07.38		113	104	19	58	6	4		9	6	17

Общее число репрессированных в Грузии по «немецкой» линии составило 120 человек. По делу одной из обвиняемых – Киснер Ф.Г. – не было вынесено окончательного решения, дела еще шести человек, как уже отмечалось выше, были переданы по предложению Москвы на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, дела еще на 9 человек было приказано дос-

ледовать²⁵. По первой категории было осуждено 19 человек, по второй категории 68 человек, 17 человек выслали за пределы СССР. Процентное соотношение осужденных по 1-й категории к общему числу репрессированных составило 18 %. Учитывая тот факт, что в статистические показатели включены и данные ДТО ГУГБ ЗакЖД, общие цифры с небольшим отклонением сходятся со статистикой немецкой операции по Грузии, опубликованной Н.В. Охотиным и А.Б. Рогинским²⁶. Кроме того, мы также добавили в статистические данные приговоры по «германским шпионам» (всего три человека: Стартев Дмитрий осужден к 10 годам по протоколу № 120 от 20.06.1938, Цимер Ф.А. и Кугел П.Р. к 8 и 5 годам исправительных лагерей соответственно по протоколу № 227 от 31.08.1938 г.), которые были включены в так называемые «смешанные» протоколы.

6. «Греческая» операция

Операция в порядке директивы НКВД № 50215 от 11 декабря 1937 г. («греческая» операция) была самой масштабной среди проводимых НКВД «национальных» операций в Грузии. Объяснение этого, напрашивающееся само собой, заключается в том, что греки были одним из самих крупных этносов среди национальностей, подвергшихся преследованиям в Грузии в рамках массовых карательных акций НКВД 1937–1938 гг. По данным переписи 1926 г., в Грузии проживало 59218 греков, в том числе 12 184 гражданина Греции²⁷. В период с 26 марта 1938 г. по 5 июля 1938 г. в рамках «греческой» линии было репрессировано 570 человек, в том числе 91 – по первой категории и 410 – по второй. Процентное соотношение осужденных по 1-й категории к общему числу репрессированных составило 18 %. За пределы СССР было выслано восемь греческих подданных, 34 дела были переданы в суды, четыре дела было решено рассмотреть по линии *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, 20 дел отправили на следствие, а следствие по делу Н.А. Политова было прекращено, так как обвиняемый скончался в тюрьме²⁸. Еще по двум делам (Челикопуло М.П. и Челикопуло Х.П.) решение так и не было вынесено. Анализируя архивные материалы по «греческой» операции, можно сделать вывод о том, что, в отличие от «немецкой» линии, центр обходился более жестко с подданными грече-

ского государства. В общей сложности к расстрелу было осуждено 59 граждан Греции, большинство приговоренных к прочим мерам наказания тоже были греческими подданными более жестко. Симптоматична и сама динамика решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Так, первые списки по директиве № 50215 были посланы из Грузии в Москву в начале февраля 1938 г., решения по первым трем протоколам, где рассматривались дела 33 человек (март – май 1938 г.) были достаточно «мягкими» для «национальных» операций. Не было вынесено ни одного приговора по первой категории, один гражданин Греции был выслан из СССР, а дело С.И. Елениди, тоже греческого подданного, было переадресовано в суд. Еще три дела были направлены на исследование. Исключением стало только дело Сергея Дмитриевича Попова, который, как начальник планового отдела управления ЗакЖД, был расстрелян по приговору *Военной коллегии Верховного Суда СССР* от 11.10.1938. В данном случае, как и в деле Сологубова-Скобелева, решение об изъятии дела из «греческой» операции и включении С.Д. Попова в «сталинские списки» было принято в Москве. Видимо, это было связано с тем, что Попов занимал достаточно высокую административную должность и его дело больше подходило для рассмотрения *Военной коллегией Верховного Суда СССР*, а фамилия была включена в списки, которые визировали члены Политбюро и сам Сталин. Однако последующие решения «*Большой двойки*» по «альбомным» спискам разительно отличались от первых протоколов максимальными приговорами. Видимо, «греческая» операция постепенно набирала в Грузии свой ход.

Отличительной чертой протоколов по «греческой» операции является то, что последние два «альбомных» списка были смешанного характера и включали лиц, репрессированных по другим «национальным» линиям. В сопроводительном письме к копии протокола № 120 от 20 июня 1938 г. указано, что решения Комиссии были приняты на основе восьми списков (№ 80905 от 5 марта 1938 г.; № 96727 от 1 апреля 1938 г.; № 31359 от 1 апреля 1938 г.; № 931360 от 2 апреля 1938 г.; № 96765 от 3 апреля 1938 г.; № 96772 от 3 апреля 1938 г. и № 31429 от 5 апреля 1938 г.) на 253 человека, согласно директиве № 50215. Однако анализ списков свидетельствует, что центр объединил в одном протоколе людей, арестованных по разным национальным линиям. Среди осужденных было пятеро эстонцев, подданный Ирана, три латыша, пять болгар, немец и венгр (фигурировавший как «румынский шпион»).

Судя по пометкам, сделанным рукой начальника 8-го отдела УГБ НКВД ГССР Морозова, указанные лица были осуждены как «шпионы» иностранных государств – Эстонии, Латвии, Болгарии, Германии и Румынии, т. е. по тем линиям массовых национальных операций, которые были санкционированы решением Политбюро от 1 февраля 1938 года²⁹. Главная задача операций «по национальным линиям» состояла в выявлении и нейтрализации «опасных элементов» по национальному признаку, принадлежавших к традиционным группам риска. Всю тяжесть радикализации сталинской национальной политики греки ощутили только после начала депортации.

Таблица 6

Статистика «грузинских» «альбомных» списков по приказу НКВД СССР № 50215 («греческая операция»)

Дата протокола	Номер протокола	Всего рассмотрено дел	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория				Дело направить на исследование	Дело направить в суд	Дело снять	Дело передать на Военную Коллегию	Выслать из СССР	Не вынесено решения
					10 лет	8 лет	5 лет	3 года						
26.03.38	95	18	18		18									
09.04.38	104	1	1									1		
09.05.38	112	14	10		9			3	1		1			
20.06.38	120	237	212	45	109	17	36	8	14	1	2	5		
20.06.38	121	52	52	6	30	10	5					1		
05.07.38	123	247	217	40	115	49	11	1	9	19		1	1	2
Итого 26.03.38– 05.07.38		570	509	91	281	76	52	1	20	34	1	4	8	2

7. «Иранская» операция

«Иранская» операция началась согласно директиве НКВД СССР № 202 от 29 января 1938 г. По числу репрессированных «иранская» линия, как и «греческая» операция, была одной из самых масштабных в Грузии. Общее число репрессированных по директиве № 202, без учета дел, отправленных на доследование, по которым решение не было вынесено, а также дел, которые были отправлены на рассмотрения *ВК ВС СССР*, составило 435 человек. Число приговоренных к расстрелу равнялось 38, по второй категории был осужден 361 человек. Процентное соотношение осужденных по 1-й категории к общему числу репрессированных составило 9 %. 26 дел было возвращено на доследование, к высылке за пределы СССР было приговорено 36 человек, четыре дела было переадресовано на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР. Так же, как и в случае с «немецкой» операцией, мы добавили в статистические данные приговоры по иранцам (всего 8 человек), которые были включены в так называемые «смешанные» протоколы *«Большой двойки»*.

Основной контингент репрессируемых составляли подданные Ирана, но в трех случаях были осуждены также подданные Турции. Как и в других «национальных» операциях, окончательные решения Комиссии во многом зависели от гражданства подсудимых. Так, в сопроводительном письме к протоколу от 4 июля 1938 г. указано: «Решение не вынесено по делу Гусейн Алякпер Оглы. Срочно сообщить, является ли он гражданином СССР или иноподданным»³⁰. Интересно также то обстоятельство, что три человека, дела которых были переадресованы на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, были затем приговорены к 10 годам тюремного заключения *«кулацкой» тройкой* НКВД ГССР, а четвертый, Мержан Оганесович Караманянц, был освобожден. Дело в том, что в утвержденные центром «сталинские списки» по Грузии от 12 сентября 1938 г. был отдельно включен список на 12 иностранных граждан, дела которых были перенаправлены из разных «национальных» операций («немецкой», «греческой», «иранской») на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, а в самом сопроводительном письме было указано, что эти 12 человек подлежали суду по второй категории³¹. Отсутствие архивно-следственных дел по так называемой «иранской» операции затрудняет для исследователей возмож-

ность делать обоснованные обобщения, в том числе по поводу структуры операции. Можно лишь сказать, что «иранская» операция была одной из самых крупных в Грузии по числу репрессированных лиц, и это несмотря на то, что иранцы не имели в Грузии компактных районов поселения (как немцы или греки).

Таблица 7

Статистика «грузинских» «альбомных» списков по директиве НКВД СССР № 202 («иранская операция»)

Дата протокола	Номер протокола	Всего рассмотрено дел	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория				Дело направить на следствие	Дело передать на Военную Коллегию	Выслать из СССР	Не вынесено решения
					10 лет	8 лет	5 лет	3 года				
09.05.38	27	8	6	3					2		3	
28.06.38	37	72	68	8	36	3	21		4			
04.07.38	44	85	67	9	40		9		17		9	1
05.07.38	45	90	88	4	46	29	9		1	1		
15.07.38	40	181	175	13	119	27	9	7	2	3	23	1
20.06.38 Греческая	120	1	1		1							
05.07.38 Смешанная	№ 188	2	1								1	1
31.08.38 Смешанная	№ 177	2	2	1	1							
31.08.38 Смешанная	№ 227	4	4		1			3				
Итого 09.05.38– 31.08.38		468	435	38	244	59	48	10	26	4	36	3

8. Другие «национальные» линии

Как мы уже отмечали, параллельно основным «национальным» операциям («польской», «немецкой», «харбинской», «греческой», «иранской») НКВД также проводил массовые репрессии по другим национальным линиям – «румынской», «латышской», «эстонской», «финской», «болгарской» и т. д. Данные операции в Грузии характеризовались относительно малыми масштабами, так как национальности, против которых проводились карательные акции, были представлены на этнической карте республики незначительно. Соответственно, *Комиссия НКВД и Прокурора СССР* рассматривала дела лиц, арестованных по этим линиям, составляя смешанные протоколы. Для этого «альбомные» справки по разным операциям объединялись под заголовком «Материалы по “шпионской и диверсионной деятельности в пользу иностранных государств”».

Стоит отметить, что в архивном деле тем не менее хранится один отдельный протокол на двух человек (№ 171 от 2 февраля 1938 г.), осужденных по «латышской» линии³², хотя в последующем дела лиц, арестованных по различным линиям, начали рассматривать в смешанном порядке. Нужно также отметить, что иногда в списках также попадали обвиняемые по основным «национальным» операциям НКВД («немецкой», «иранской», «греческой»).

Мы уже рассматривали выше протокол № 120 по «греческой» операции, в который были включены репрессированные в рамках других национальных операций. Хотя наиболее показательным в контексте смешивания разных линий репрессий может считаться протокол № 188 от 5 июля 1938 года³³. Согласно этому протоколу, по первой категории было осуждено 15 болгар, два литовца, четыре латыша и эстонец. По второй категории, кроме лиц указанных национальностей, были также подвергнуты репрессиям финны, иранцы, австрийцы, венгры, румыны.

Сопроводительное письмо к протоколу № 188 привлекает к себе внимание разъяснением начальника 1-го спецотдела ГУГБ НКВД СССР Шапиро. Перечисляя номера и даты справок (на 173 человека), отправленных из Тбилиси в Москву в разные периоды времени, Шапиро пишет: «на 169 человек *решения вынесены и включены в следующие протоколы*: (курсив документа. – Л.А.).

а) на 71 чел. – латышей, болгар и др. – в протокол № 188 (смешанный)

б) на 73 чел. – в протокол № 1201 по польской операции и
в) на 25 чел. – в протокол № 390 по немецкой операции.

На 4-х человек решения не вынесены: Позов Владимир Георгиевич и Эрентраут Александр Филиппович подлежат суду Военной Коллегии Верховсуда, и, согласно установленного порядка, включены в список лиц, подлежащих суду ВК. По утверждению этот список будет Вам направлен. По делам Горнеско Константина Васильевича и Кемень Адельберта Яковлевича – решение будет принято дополнительно»³⁴.

В данном случае особенно явно проявляется механизм вынесения приговоров *Большой двойкой* по национальным операциям. Как видно из текста, окончательное решение о мере наказания на основании «альбомных» справок принималось сотрудниками центрального аппарата НКВД СССР до заседания *двойки*, где нарком внутренних дел СССР и Прокурор СССР только формально подписывали протоколы. Лица, принимавшие решения, также, вероятно, определяли операции, по которым должны были быть осуждены лица, намеченные на местах для репрессий. Например, латвийский подданный Михаил Станиславович Глаудан был осужден *Большой двойкой* к расстрелу по «латышской» операции и включен в смешанный протокол № 188. При этом в сохранившейся в грузинском архиве справке-альбоме М.С. Глаудан был обозначен как «латвийско-германский шпион», а на справке рукой приписано «Герм.»³⁵, что, вероятно, означало, что НКВД Аджарии решило включить Глаудана в «немецкую» операцию. Однако центр решил все же репрессировать Глаудана по линии «латышской» операции. Как и дело Глаудана, в смешанный протокол оказались также включены лица, которые должны были оказаться в протоколах по «иранской» операции (С.Н. Чочоян и Алиморданов Севиль Али Заде). Таким образом, становится очевидным, что, просматривая «альбомы», ответственные сотрудники аппарата НКВД СССР могли менять меру наказания, линию национальной операции, а также передать дело на рассмотрение *Военной коллегии Верховного Суда СССР* или другого судебного органа.

Существенный интерес представляют два последних «смешанных» протокола. В исследованиях по национальным операциям нам не встречались упоминания о «турецкой» линии массовых репрессий. Однако в Грузии, в силу ее географического

положения, вырисовывается, возможно, самопроизвольное решение о проведении операции против подданных Турции. Как отмечают Н. Охотин и А. Рогинский в своей работе по «немецкой» операции НКВД, «распространение “польских” стереотипов на другие национальные группы часто происходило автоматически, а соответствующее распоряжение центра санкционировало в таких случаях уже сложившуюся практику на местах. Так, например, произошло с румынской операцией, которая началась на Украине в августе 1937 г., с финнами, “чистить” которых начали самостоятельно в Ленинградской области и Карелии в *сентябре – октябре 1937 г.* (курсив документа. – Л.А.). Для обоснования операций против этих национальных контингентов так и не было издано специальных директив: с какого-то момента они просто включались в общие директивы по продлению и активизации операций, в указания по отчетности и т. п. Возможно, впрочем, что соответствующие иницилирующие директивы, если они были изначально адресованы только в определенный регион, до нас не дошли»³⁶.

Мы полагаем, что нечто схожее могло произойти и в Грузии, где с марта 1938 г. началась отдельная операция против этнических турок и подданных Турции. Важно также отметить, что большинство осужденных грузинской *особой («национальной») тройкой* также проходили по «турецкой» линии, а на самих протоколах заседания *особой тройки* по делам турок сделана пометка: «По операции по туркам», что косвенно подтверждает факт наличия отдельной «турецкой» операции НКВД Грузии.

По «альбомному» списку на 136 человек по Абхазской АССР от 31 августа 1938 г., который был отправлен НКВД Грузинской ССР в Москву еще 26 апреля 1938 г., по обвинению в шпионской и диверсионной деятельности в пользу иностранных государств (Турции) было приговорено к расстрелу 13 подданных Турции, три гражданина СССР турецкого происхождения, два подданных Ирана и один гражданин СССР, уроженец города Владикавказ Сергей Алексеевич Городенский, который, по-видимому, был репрессирован не по национальному признаку. Большинство осужденных по второй категории (63 человека) также были турецкими подданными. Примечательно, что ровно через два месяца, 31 октября 1938 г., *Комиссия НКВД и Прокурора СССР* изменила свое решение в отношении 54 лиц, осужденных к 10 годам заключения в ИТЛ. Этим турецких подданных выдворили за границу, как указано в документе, «как ранее осужденных ОСО НКВД СССР от 02.07.1938 г. к высылке за пределы СССР».

Таким образом, в рамках «латышской», «литовской», «эстонской», «турецкой», «болгарской», «румынской», «финской» и «австрийской» операций в Грузии в общей сложности были репрессированы 223 человека: соответственно, 43 человека по первой категории и 126 человек – по второй категории, 54 человека было выдворено за пределы СССР, не было вынесено решения по делу двух обвиняемых, и одно дело было отправлено на следствие.

Таблица 8

Статистика «грузинских» «альбомных» списков: «шпионская и диверсионная деятельность в пользу иностранного государства» (смешанные операции: «латышская», «литовская», «эстонская», «болгарская», «австрийская», «румынская», «финская», «турецкая» и т. д.)

Дата протокола	Номер протокола	Всего рассмотрено дел	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория				Дело направить на следствие	Выслать из СССР	Не вынесено решения
					10 лет	8 лет	5 лет	3 года			
02.03.38	171	2	1	1					1		
20.06.38 Греческая	120	16	16	1	13	1	1				
05.07.38 Греческая	123	2	2		2						
05.07.38	188	70	68	22	40	5	1				2
31.08.38	177	82	82	19	63						
31.10.38	177/a	54	54							54	
Итого 02.03.38– 31.08.38		226	223	43	118	6	2		1	54	2

9. «Национальные» операции и «национальная» тройка

Особые (здесь – «национальные») *тройки НКВД* создавались в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 сентября 1938 г. и приказом НКВД № 00606 от 17 сентября 1938 г. В Грузии *особая тройка* функционировала в период с 25 сентября 1938 г. по 23 октября 1938 г. В нее входили первый секретарь компартии Грузии Кандид Чарквиани, народный комиссар внутренних дел Грузинской ССР Сергей Гоглидзе и прокурор республики Илларион Талахадзе.

В общей сложности *особая тройка* рассмотрела 494 дела, вынесла 113 приговоров по 1-й категории и осудила 381 человека по 2-й категории. При сравнении статистики решений *особой тройки* по Грузии с общими показателями деятельности «национальных» *троек* по СССР сразу бросается в глаза относительно небольшое число приговоренных к расстрелу в сравнении с общим числом осужденных³⁷. Данная динамика соотношения приговоров по 1-й и 2-й категориям была характерна и для «альбомного» этапа «национальных» операций в Грузии.

Анализируя протоколы заседаний *особой тройки* по Грузии, можно выделить несколько тенденций. Так, например, больше всего смертных приговоров, в соотношении с приговорами по 2-й категории, было вынесено по «немецкой» и «эстонской» линиям. Также можно утверждать, что с апреля 1938 г. основным направлением «национальных операций» в Грузии стала «турецкая» линия. В шпионаже в пользу Турции, в диверсиях и в нелегальном переходе границы обвинялись не только этнические турки, но и грузины из Аджарии, азербайджанцы, хемшилы и лазы. Важно также отметить, что в рамках «национальных» операций создавались новые «линии» и направления по отношению к этническим группам, ранее не проходившим по намеченным НКВД операциям. Так, например, были репрессированы ассирийцы, которые обвинялись в создании «контрреволюционной националистической организации айсоров», а также в шпионаже в пользу Франции и Ирана и т. д. Отдельным протоколом были рассмотрены дела обвиняемых по «чешской» линии, в результате были репрессированы два человека.

Таблица 9

Статистика приговоров особой тройки НКВД ГССР
(25 сентября 1938 г. – 23 октября 1938 г.)

Дата протокола	Номер протокола	Операция или «линия»	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория			Дело направить на следствие	Дело направить в суд	Освободить	Дело передать на Военную Коллегию	Выслать из СССР	На Особое совещание
					10 лет	8 лет	5 лет						
25.09.38	1	Турецкая	67	20	35	12		1		1			
25.09.38	2	Польская	7	3	3	1		2					
25.09.38	3	Немецкая	7	6	1			2					
25.09.38	4	Чешская	2		1		1						
25.09.38	5	Иранская	3		1	2							
25.09.38	6	Японская	6	1	2	1	2	1					
25.09.38	7	Французская	1	1									
25.09.38	8	Литовская	0					1		1			
25.09.38	9	Англо-американская и польская	1	1				2					
25.09.38	10	Румынская	1		1								
25.09.38	11	Греческая	4	1	3			7					
25.09.38	12	Болгарская	1		1								
25.09.38	13	Финская	1		1								
25.09.38	14	Неизвестно	1			1							
29.09.38	15	Турецкая	33	4	24		5						
29.09.38	16	Польская	4	3			1				1		
29.09.38	17	Немецкая	25	9	14	2					1		

Дата протокола	Номер протокола	Операция или «линия»	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория			Дело направить на следствие	Дело направить в суд	Освободить	Дело передать на Военную Коллегию	Выслать из СССР	На Особое совещание
					10 лет	8 лет	5 лет						
29.09.38	18	Эстонская	13	11	2			2					
29.09.38	19	Иранская	5	5									
29.09.38	20	Бессарабская	2		2								
29.09.38	21	Болгарская	4	2	2								
29.09.38	22	Японская	3		3				1				
29.09.38	23	Латышская	3	1	2								
29.09.38	24	Греческая	4		2	2			2				
Всего: 25.09.38– 29.09.38			198	68	100	21	9	11	7	5	2		
01.10.38	25	Турецкая	38						11			38	
01.10.38	26	Турецкая	78	5	28	29	16		1				
01.10.38	27	Греческая	8	1	5	2							
01.10.38	28	Немецкая	3	2		1							
01.10.38	29	Болгарская	2		1	1							
01.10.38	30	Польская	2	1	1								
01.10.38	31	Иранская	1				1						
01.10.38	32	Японская	1	1									
01.10.38	33	Латышская	1		1				1				
09.10.38	34	Турецкая	10	4	1	4	1						
09.10.38	35	Греческая	10	3		4	3						
09.10.38	36	Немецкая	17	6	8	2	1						

Дата протокола	Номер протокола	Операция или «линия»	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория			Дело направить на дознание	Дело направить в суд	Освободить	Дело передать на Военную Коллегию	Выслать из СССР	На Особое совещание
					10 лет	8 лет	5 лет						
09.10.38	37	Иранская	16	3	6	6	1						
09.10.38	38	Польская	3	2			1						
09.10.38	39	Японская	2		2								
09.10.38	40	Румынская	1			1							
09.10.38	41	Латышская	1	1									
09.10.38	42	Французская	1	1									
23.10.38	43	Турецкая	25	6	15	3	1						
23.10.38	44	Немецкая	15	5	4	6		1					
23.10.38	45	Иранская	5	1	3	1							
23.10.38	46	Польская	6	1	3	2		1					1
23.10.38	47	Греческая	2	1	1				1				
23.10.38	48	Иранская	2	2									
23.10.38	49	Эстонская	2	1	1								
23.10.38	50	Латышская	1		1								
23.10.38	51	Японская	1		1								
23.10.38	52	Итальянская	1		1								
Всего: 01.10.38– 23.10.38			255	47	83	62	25	2	12	2		38	1
Итого: 25.09.38– 23.10.38			453	115	183	83	34	13	19	7	2	38	1

Таблица 10

Статистические итоги «национальных» операций
в Грузии 1937–1938 гг.

Дата протокола	Операция	Всего осуждено	1-я категория	2-я категория				Дело направить на исследование	Дело направить в суд	Освободить	Дело передать на ВК ВС	Выслать из СССР	Не вынесено решения	На Особое совещание
				10 лет	8 лет	5 лет	3 года							
Всего: 26.12.37– 15.07.38	Польская	145	66	66	7	6		6					1	
Всего: 03.01.38– 15.07.38	Харбин- ская	113	60	52				8				1		
Всего: 14.01.38– 15.07.38	Немецкая	104	19	58	6	4		9			6	17	1	
Всего: 26.03.38– 05.07.38	Греческая	509	91	281	76	52	1	20	34	1	4	8	2	
Всего: 09.05.38– 31.08.38	Иранская	435	38	244	59	48	10	20			4	36	3	
Всего: 02.03.38– 31.08.38	Смешан- ная	226	43	118	6	2		1				54	2	
Всего: 25.09.38– 29.09.38	Нац. тройка	198	68	100	21	9		11	7	5	2			
Всего: 01.10.38– 23.10.38	Нац. тройка	255	47	83	62	25		2	12	2		38		1
Итого: 12.1937– 23.10.38		1982	432	1002	237	146	11	83	53	8	16	154	9	1

Наконец, как справедливо отмечено в ряде исследований³⁸, статистические данные по *особым тройкам* нельзя механически экстраполировать на общие итоговые цифры национальных операций, потому что доля указанных в названии операций представителей «подозрительных» наций, репрессированных на «альбомном» этапе, была гораздо большей. Схожая ситуация сложилась и в Грузии. Изучая национальный состав репрессированных на основе протоколов *особой тройки*, можно сделать вывод, что на втором этапе национальных операций вырос процент жертв, напрямую не подпадавших диаспоры. В результате в Грузии по «польской», «немецкой», «иранской» и другим линиям были также репрессированы грузины, армяне, азербайджанцы, русские, украинцы, сербы, евреи и граждане других национальностей.

10. Особенности «национальных» операций в Грузии

В результате сравнения и анализа архивных материалов по массовым операциям НКВД 1937–1938 гг. вырисовывается картина особенностей национальных операций периода Большого террора в Грузии. Специфика их проведения в этой кавказской республике заключается в том, что национальные операции не были здесь масштабным явлением в отличие от большинства прочих регионов Советского Союза. Если в РСФСР, Украине и Белоруссии национальные операции стали главным направлением в деятельности НКВД с января–февраля 1938 г., то в Грузии они не приняли такого характера и протекали в основном вяло, хотя здесь компактно проживал ряд диаспор, напрямую подпадавших под репрессивный удар. В результате большая часть потенциальных жертв национальных операций была репрессирована в рамках других операций НКВД. По итоговым статистическим данным, по всем линиям национальных операций были арестованы «только» 2 152 человека, из которых по первой категории осудили 432 человека, по второй – 1 396 человек, за пределы СССР были высланы 154 человека, на доследование было отправлено 83 дел, в суды разных инстанций передано 53 дела, не было вынесено решения по 9 делам, на рассмотрение *Военной коллегии Верховного*

Суда СССР было передано 16 дел, восемь человек были освобождены, и одно дело было передано на рассмотрение *Особого совещания при НКВД СССР*. Сравнивая данные показатели с цифрами репрессированных по линии *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, где было осуждено 3615 человек, а также с цифрами жертв «кулацкой» тройки (21 078 человек), можно сделать вывод, что в Грузии национальные операции не являлись приоритетным направлением Большого террора.

Статистические данные национальных операций показывают также, что процент репрессируемых по первой категории был здесь заметно ниже в соотношении с осужденными по второй категории. Если в других республиках, краях и областях СССР число осужденных к расстрелу по национальным операциям превалирует над репрессированными по другим категориям, то в Грузии в большинстве случаев выносились сравнительно мягкие приговоры. Это относится как «альбомному» этапу операции до сентября 1938 г., так и к периоду функционирования «национальной» тройки с сентября по конец октября 1938 г.

На основании того результата, что в Грузии национальные операции в целом имели меньшее значение, можно прийти к заключению, что количество осужденных в их рамках было также относительно низким в сравнении с долей данных диаспор от общей численности населения Грузии. Однако не следует рассматривать национальные операции вне общего контекста. Так, в рамках других массовых карательных акций НКВД в Грузии было осуждено большое число этнических греков, немцев, турок, латышей, эстонцев и представителей других национальных групп, полностью отвечавших критериям национальных операций. Только в сталинских списках содержатся имена 82 немцев, 52 поляков, 14 латышей, шести эстонцев и т. д.

Впоследствии, во время депортации кавказских народов, эти этнические группы в полной мере ощутили на себе тяжесть советского карательного аппарата и были отчасти даже полностью высланы в центрально-азиатские регионы СССР. Но во время массовых репрессий 1930-х гг. гонения по национальному признаку так и не приобрели в Грузии масштабов, соразмерных с полноценной этнической чисткой.

Важным выводом, который можно перенести на весь Советский Союз, является наше заключение о том, что проведение «национальных операций» находилось под жестким контролем

московского центра. Возможно, из-за скапливания в центре в большом объеме «альбомных» дел, формальное отношение к «альбомам» было нормой для списков, поступавших в Москву из крупных регионов и республик СССР. Однако грузинские «альбомные» справки детально изучались и активно корректировались центральным аппаратом НКВД СССР. Так, из 1 657 дел, рассмотренных в «альбомном» порядке, решением Москвы, 70 дел было направлено на доследование органов НКВД, 34 дела были переданы на рассмотрение судов другой инстанции, один человек – освобожден, дела на 14 человек переданы *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. В отношении девяти человек не было вынесено окончательного решения.

То же самое касается меры наказания. Если приведенная в «альбоме» аргументация не представлялась обоснованной и убедительной, центр корректировал меру наказания, предложенную грузинскими управлениями НКВД. Однако начиная с сентября 1938 г., когда в дело в Грузии вступила *«национальная» тройка*, пространство свободы действий карательной бюрократии в лице НКВД Грузинской ССР существенно увеличилось. В первую очередь это касалось окончательных приговоров, которые теперь выносились непосредственно на месте.

Тезис об этнизации карательной политики сталинизма в годы Большого террора, который активно дискутируется в настоящее время в историографии, скорее вызывает сомнения с точки зрения анализа архивных документов по национальным операциям в Грузии в 1937–1938 гг. Изученные архивно-следственные дела доказывают, что речь шла в первую очередь не об этнической принадлежности арестованного, а о его социальном статусе и «антисоветском» поведении, которые и выступали решающими факторами для включения потенциальной жертвы в списки «национальных» операций. Так, дело Сологубова-Скобелева свидетельствует, что «польские» списки формировались не только по национальному признаку, а в первую очередь учитывался такой фактор, как связь обвиняемого с Польшей. В данном случае Сологубов-Скобелев не был этническим поляком, но был расстрелян как лицо, нелегально перешедшее польско-советскую границу. И это не единичный случай. Так, например, решением *«национальной» тройки* был осужден к 8 годам исправительно-трудовых лагерей по «иранской» линии за нелегальный переход в 1925 г. ирано-советской границы Илья Иосифович Романашвили,

грузин по национальности³⁹. Александр Степанович Пурцхванидзе, тоже грузин, был осужден к 10 годам исправительно-трудовых лагерей в рамках «немецкой» операции за работу в 1925 г. в немецком акционерном обществе «Гельзенкинхер»⁴⁰. Карп Григорьевич Стадник, украинец по национальности, был приговорен к расстрелу по «греческой» линии за то, что был реэмигрантом из Америки, а также бывшим членом компартии США⁴¹. Климентий Григорьевич Бобуля, русский по национальности, был осужден к 10 годам ИТЛ за связь с итальянскими моряками⁴², и, соответственно, линия его осуждения была идентифицирована как «итальянская». В данном контексте интересно дело Ивана Адамовича Керженевского, поляка по национальности, которого приговорили к 10 годам ИТЛ по «иранской» линии. В то время как его отца, Адама Керженевского, арестовали и традиционно осудили как «польского шпиона», И.А. Керженевского обвинили в связях с секретарем иранского консульства в Батуми Рагим Апа и, соответственно, репрессировали по линии директивы НКВД № 202⁴³. Данный перечень можно продолжать: так, по «немецкой» операции в Грузии репрессировали поляков, латышей, чехов, по «турецкой» линии – грузин и греков, по «румынской» – болгар и т. д. Конструкция обвинения Э.Х. Грецингера – «Немец-троцкист-вредитель» – показывает, что немецкое происхождение осужденного было всего лишь одним из критериев его включения в репрессивные списки, в то время как формулировка его обвинения («срыв ремонта паровозов на депо Кировобад») могла лечь в основу его осуждения как «вредителя» и по другим линиям массовых репрессий. Из протокола заседания по делу Александра Юрьевича Кобы («эстонская» операция) следует, что, хотя он был арестован как член контрреволюционной эстонской организации, его осудили в первую очередь за социальное происхождение («из крестьян-кулаков») и за дискредитацию идей коллективного хозяйства. Это не единичный случай, а характерная тенденция национальных операций в Грузии⁴⁴. Анализ дел и протоколов по «харбинской» операции, где большинство репрессированных были этническими грузинами, еще раз подтверждает тезис о том, что данную карательную акцию нецелесообразно рассматривать в контексте национальных операций. Наконец, важно отметить, что в Грузии в рамках других массовых операций НКВД было осуждено большое количество этнических греков, немцев, турок, латышей, эстонцев и других национально-

стей, которые подпадали под критерии национальных операций. Так, например, по сталинским спискам были репрессированы 82 немца, 52 поляка, 14 латышей, шесть эстонцев и т. д.

В итоге можно сделать вывод о том, что для НКВД Грузии социальный статус лиц, осужденных в рамках национальных операций в республике, а также их актуальное антисоветское поведение были такими же весомыми причинами ареста, как и принадлежность к «подозрительным» национальным меньшинствам. В результате подавляющее большинство жертв национальных операций с той же вероятностью могло бы быть репрессировано в рамках «кулацкой» и «милицейской» операций, а также по линии *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. Конечно же, этническая принадлежность имела определенное значение для органов НКВД Грузии, зачастую именно она играла роль катализатора ареста, но решающим фактором для решения об аресте тех или иных лиц, не говоря уже об осуждении, все же являлись связи с зарубежьем, «антисоветское» поведение и «подозрительный» социальный статус.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Копии протоколов – решения НКВД и прокурора СССР (по альбомам) 1937–1938 гг. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.

² В литературе встречаются также такие обозначения этой внесудебной инстанции, как «особая двойка», «верховная двойка», «высшая двойка».

³ Сопроводительное письмо начальника ДТО ГУГБ Закавказской железной дороги А.С. Зоделава начальнику 6-го отдела ГУГБ НКВД СССР М.А. Волкову об отправке альбомов в НКВД СССР от 29 ноября 1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Дело 92. Л. 244.

⁴ Справка Наркома внутренних дел Аджарии Г.Н. Джинджоли и прокурора Аджарской АССР [?] Капанадзе на обвиняемого М.С. Глаудана. Январь 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. Д. 16720–60. Л. 35; Справка начальника ДТО ГУГБ Закавказской железной дороги А.С. Зоделава и прокурора Закавказской железной дороги И.П. Вацка на обвиняемого Э.Х. Грецигер от апреля 1938 года // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. Д. 16557–60. Л. 20.

⁵ Дело со списками следственных дел, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда СССР 1937–1938 гг. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Дело 88. Л. 148.

⁶ Протоколы Комиссии НКВД СССР и Прокурора Союза ССР по греческой линии – проект Ассоциации греческих общественных объединений России (АГООР) ГРЕЧЕСКИЙ МАТИРОЛОГ – http://www.greek-martirolog.ru/f_protocols/f_protocol_000.php

⁷ Начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР В.Е. Цесарский начальнику ДТО ГУГБ НКВД ЗакЖД капитану государственной безопасности А.С. Зоделава о направлении копии протокола в порядке приказа № 00485, 30 декабря 1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протокол № 637. Ф. 12. Дело 92. Л. 267.

⁸ Начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР И.И. Шапиро начальнику ДТО ГУГБ НКВД ЗакЖД капитану государственной безопасности А.С. Зоделава о направлении копии протокола в порядке приказа № 202, 25 мая 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протокол № 27. Ф. 12. Дело 92. Л. 243

⁹ Начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР В.Е. Цесарский наркому внутренних дел *Грузии С.А. Гоглидзе* о направлении копии протокола в порядке приказа № 00485, 22 февраля 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протокол № 962. Ф. 12. Д. 92. Л. 229.

¹⁰ В списках не указана национальность осужденных. Как отмечают Н.В. Петров, А.Б. Рогинский, «...в течение всего 1937 г. и первых четырех месяцев 1938 г. Центральный аппарат НКВД не требовал с мест сведений о национальности арестованных». См.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997.*

¹¹ Волков (Вайнер) Михаил Александрович – начальник 6 отд. ГУГБ НКВД СССР 07.04.37–25.01.38 // *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. М., 1999. С. 133–134.*

¹² Петров и Рогинский так описывают механизм разбора «альбомных» списков в центре: «Рассмотрение альбомов было поручено нескольким начальникам отделов Центрального аппарата, вначале начальнику учетно-статистического отдела В.Е. Цесарскому и контрразведывательного А.М. Минаеву-Цикановскому, которым помогал начальник секретариата Ежова И.И. Шапиро (отсюда слухи о *специальной «тройке»* при Ежове), затем, когда альбомов стало больше, к работе были привлечены другие начальники отделов, их заместители и помощники, даже начальники отделений. В различных документах мы встречали упоминания, по крайней мере, полутора десятков человек, в разное время занимавшихся рассмотрением альбомов». *Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция.*

¹³ Организация и структура органов госбезопасности 1921–1941 гг. // <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/orgstru.htm> (08.12.2013)

¹⁴ Следственное дело Солоубова-Скобелева Ю.М. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. Д. 37989–07.

¹⁵ Примечательно, что самого Лапояна из-под стражи освободили, засчитав в наказание срок предварительного заключения.

¹⁶ *Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция.*

¹⁷ «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев» // <http://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/390920.htm>

¹⁸ Следственное дело *Геловани К.О.* // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. Д. 37988–07.

¹⁹ Начальник 1-го специального отдела НКВД СССР Шапиро наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о направлении копии протокола в по-

рядке приказа № 00593. 16 июля 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92. Л. 211.

²⁰ См. другие примеры: *Тепляков А.* Машина террора. С. 377–379.

²¹ Приказ № 00439 от 25 июля 1937 г., который иногда ошибочно считают приказом на проведение «немецкой» операции, на самом деле не был непосредственно связан с последующей массовой «немецкой» операцией и был направлен лишь на очистку советских оборонных заводов от немецких подданных. Традиция репрессий в отношении «советских» немцев была к 1937 г. уже настолько сложившейся, что для проведения «немецкой операции» в 1937–1938 годах не потребовалось издания специального приказа руководства НКВД СССР. В отчетах областных управлений НКВД, как правило, указывалось, что репрессии в рамках «немецкой» операции проводились «в порядке приказа № 00485», т. е. приказа о проведении репрессий в отношении поляков. Подробнее см.: *Савин А.И.* Этноцизия сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI век. 2012. № 3. С. 40–61.

²² В деле имеются четыре протокола по «немецкой» операции: № 169 от 14.01.1938 г.; № 367 от 31.05.1938 г.; № 396 от 10.07.1938 г.; № 389 от 15.07.1938 г. Во всех этих протоколах написано, что арестованные были осуждены «в порядке приказа НКВД № 00439». Таким образом, хотя операция по приказу № 00439 была локальной и к тому времени она уже давно закончилась, очевидно, что немецких граждан могли и в 1938 г. все еще репрессировать в порядке приказа № 00439.

²³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. СССР. Грузия. Издание центрального статистического управления Зак. СФСР. – Тбилиси, 1929.

²⁴ Дело по обвинению гр-на *Грецингер Э.Х.* в преступлениях, квалифицируемых по ст. 17–70, 72 и 73 УК Азерб. АССР // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. Д. 16557–60.

²⁵ Шмидт Ф.Г., Штоль А.А. по протоколу № 367 от 31 мая 1938 г., а также Апельт Ю.Х., Бемльер Р.А., Винкель А.В., он же Ребе А.В., Данушевская Э.Ю., Кусмирский А.С., Чаккерт Э.Г., Чхиквадзе Г.М. по протоколу № 396 от 10 июля 1938 г.

²⁶ Число осужденных в «альбомном порядке» с начала операции по 15 сентября 1938 г. по Грузинской ССР составляет, согласно Охотину и Рогинскому, 102 человека (83 человека – осуждено в «альбомном» порядке по линии НКВД, 19 человек – по линии ДТО НКВД Закавказской ж. д.). См.: *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М., 1999. С. 64–66.

²⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. СССР. Грузия. Издание центрального статистического управления Зак. СФСР. – Тбилиси, 1929.

²⁸ В протоколе напротив имени Политова Н.В. рукой приписано: «Умер». См.: Начальник 1-го специального отдела НКВД СССР Шапиро наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о направлении копии протокола в порядке приказа № 50215. 20 июня 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92. Л. 69.

²⁹ Детально о смешивании в протоколах разных линий операций смотрите раздел: «Другие «национальные» линии».

³⁰ Начальник 1 специального отдела НКВД СССР Шапиро наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о направлении копии протокола в порядке приказа № 202, 16 июля 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92. Л. 32.

³¹ Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда СССР от 12 сентября 1938 года // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 88. Л. 141.

³² Начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР В.Е. Цесарский начальнику ДТО ГУГБ НКВД ЗакЖД капитану государственной безопасности А.С. Зодладе о направлении копии протокола на 2 чел., обвиняемых в шпионской и диверсионной деятельности в пользу Латвии, 15 марта 1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Дело 92. Л. 227.

³³ Начальник 1-го специального отдела НКВД СССР Шапиро наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о направлении копии протокола на 71 человека, обвиняемого в шпионской и диверсионной деятельности в пользу иностранных государств, 16 июля 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92. Л. 157.

³⁴ Начальник 1-го специального отдела НКВД СССР Шапиро наркому внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе о направлении копии протокола на 71 человека, обвиняемого в шпионской и диверсионной деятельности в пользу иностранных государств, 16 июля 1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92. Л. 158.

³⁵ Дело по обвинению Глаудана Михаила Станиславовича // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 6. Д. 16720–60.

³⁶ *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М., 1999. С. 42–43.

³⁷ Это противоречит общесоюзной тенденции. Согласно справке НКВД СССР о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г., по приказу № 00606 всего было репрессировано 93 137 чел., в том числе по первой категории 63 921 чел. и по второй категории 26 248 чел. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 томах. – М., 2006. Т. 5. Кн. 2. С. 305.

³⁸ *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М., 1999. С. 70–71.

³⁹ Дело по обвинению Романашвили И.И., рассмотренное на заседании особой тройки НКВД СССР от 23.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протоколы национальной тройки. Протокол № 45. Ф. 8. Д. 38471. Л. 49.

⁴⁰ Дело по обвинению Пурцхванидзе А.С., рассмотренное на заседании особой тройки НКВД СССР от 23.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протоколы национальной тройки. Протокол № 44. Ф. 8. Д. 38471. Л. 37.

⁴¹ Дело по обвинению Стадника К.Г., рассмотренное на заседании особой тройки НКВД СССР от 23.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протоколы национальной тройки. Протокол № 47. Ф. 8. Д. 38471. Л. 58.

⁴² Дело по обвинению Бобульи К.Г., рассмотренное на заседании особой тройки НКВД СССР от 23.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протоколы национальной тройки. Протокол № 52. Ф. 8. Д. 38471. Л. 68.

⁴³ Дело по обвинению Керженевского И.А., рассмотренное на заседании особой тройки НКВД ГССР от 23.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протоколы национальной тройки. Протокол № 45. Ф. 8. Д. 38471. Л. 48.

⁴⁴ Дело по обвинению Кобы А.Ю., рассмотренное на заседании особой тройки НКВД ГССР от 23.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Протоколы национальной тройки. Протокол № 49. Ф. 8. Д. 38471. Л. 64.

*Марк Юнге, Даниель Мюллер, Вольфганг Фойерштайн,
Иван Джуха*

ЭТНОС И ТЕРРОР

Грузинское общество в годы Большого террора имело ярко выраженный мультиэтничный характер. Закономерным образом возникает вопрос: имели ли массовые операции НКВД, помимо политической и социальной, также этническую или расистскую компоненту? Возможно, в них даже можно различить структуры геноцида?¹ В пользу таких предположений свидетельствует, например, то, что цифра жителей Абхазии, репрессированных во время Большого террора, была особенно высокой, и среди них именно абхазы репрессировались в большом количестве. Это обстоятельство по-прежнему обладает брэнтантностью на фоне актуальных и весьма острых межэтнических проблем кавказского региона. Абхазия отделилась от Грузии де факто в 1993 г., де юре – в 2008 г., хотя она по-прежнему рассматривается на международной арене – за исключением России и ряда экзотических государств – как неотъемлемая часть Грузии. Отделение от Грузии легитимируется в сегодняшней Абхазии в том числе за счет апелляции к истории Большого террора. Так, Сергей Шамба, премьер-министр Абхазии в 2010–2011 гг., подчеркивает, что Абхазия больше всех пострадала в 1937–1938-гг.²

Скорее против тезиса об этнической составляющей террора выступает то обстоятельство, что на территории Южной Осетии, сегодня также де факто отколовшейся от Грузии – отделение сопровождалось жестокими вооруженными конфликтами в 1991 и 2008 гг. – было репрессировано относительно немного осетин в сравнении с этническими грузинами.

Необходимо также помнить, что недоверие и вражда между различными этническими группами населения Кавказа имеют гораздо более старинные причины, а их корни прослеживаются как минимум до времени господства меньшевиков в Грузии в 1918–1921 гг. Именно в это время в Абхазии, а также в населенной осетинами области вокруг Цхинвала шли бои, которые приобрели этнический характер, поскольку грузинские войска, восприни-

мавшиеся как оккупанты, сражались с абхазами и осетинами, которые, в свою очередь, выступали союзниками северокавказских частей Белой или Красной армий.

И все же, по меньшей мере в отношении Абхазии, можно доказать, что именно в этой автономной республике в 1937–1938 гг. руководство Грузинской ССР за счет *систематических* репрессий подлило масло в огонь этнических противоречий³. Взаимосвязь между репрессиями и сосуществованием разных этнических групп в Грузии затрагивает не только титульную нацию республики, т. е. грузин, «полутитульных»⁴ осетин, абхазов и аджарцев, имевших свои «собственные» автономные социалистические республики или области в составе Грузии, но также и лазов, мингрелов, сванов и бацбийцев с их амбивалентной идентичностью и особым культурным самопониманием. Помимо этого, в Грузии жили турки и курды – преимущественно в компактных поселениях на юго-западе, прежде всего в османском пашалыке Ахалцихе, существовавшем до 1829 г., но также небольшое количество в дисперсном виде в Аджарии. Восточнее Ахалцихе также компактно селились армяне, а еще восточнее, на юго-востоке Грузии, – азербайджанцы, которых в начале XX века все еще чаще всего называли «татарами», а начиная с 1920-х годов – «тюрками». На северо-востоке Грузии проживали небольшие восточно-кавказские меньшинства: на границе с Чечней – кистинцы, мусульманский субэтнос чеченцев и ингушей; на границе с Дагестаном – аварцы, а также члены более мелких групп дагестанского происхождения. С начала XIX века в Грузии также существовали компактные моноэтнические поселения греков, немцев, евреев, арамейцев (ассирийцев, айсоров), а также русских и украинцев, многие из которых относились к религиозным общинам молокан и духоборов (духоборцев). На рубеже XIX–XX веков и вплоть до 1924 г. население Грузии также пополнялось за счет мигрантов, в первую очередь из Османской империи/Турции. Необходимо отметить, что значительная часть этих мигрантов не стремилась или не могла приобрести советское гражданство, так и пребывая в статусе иностранцев. Это касается прежде всего многих греков, но также и часть турок, армян и лазов. «Иранцами» в советских документах, как правило, именовали мигрантов из Персии (Ирана). Речь в данном случае идет преимущественно об азербайджанцах.

Теоретически существует два похода к интерпретации репрессий в отношении национальностей в годы Большого террора.

Первый характеризуется полной индивидуализацией причин репрессий: здесь все возможные объяснения сводятся к личности арестованного, к его индивидуальным качествам, или к мотивам карателей – сотрудников тайной полиции, милиции или членов партийного аппарата. В таком случае «этническую» компоненту следовало бы искать только на уровне личной враждебности и предрассудков, предполагая, например, что первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Лаврентий Берия, выходец из аппарата тайной полиции, испытывал глубокую вражду в отношении армян или, что еще более правдоподобно, ненавидел председателя ЦИК Абхазской АССР Нестора Лакобу как этнического абхаза. Эта логика индивидуализации преследований едва ли явно представлена в историографии, но она все же оказывает свое подспудное действие в качестве апологетической компоненты.

В гораздо большей степени в историографии доминирует другая теория, которая, напротив, именно в национальности видит ключевой критерий репрессий. Эта теория подкрепляется еще и тем, что так называемые «*национальные*» операции Большого террора, т. е. немецкая, польская, иранская и т. д., ставятся в один ряд с депортациями, которые, по меньшей мере номинально, были осуществлены по национальному признаку. Начало этих депортаций пришлось на 1932 г., эскалация – на 1937 г., а в годы Второй мировой войны, в 1941–1944 гг., они достигли своего апогея в результате высылки целых народов и этнических групп, продолжаясь примерно до 1952 г.⁵

С этой точки зрения, главными причинами репрессий в отношении национальных меньшинств в рамках массовых операций Большого террора называются военная опасность, борьба со шпионажем и внешнеполитические резоны советского руководства. Таким образом, эти репрессии были направлены против «враждебных наций», т. е. национальных диаспор, имевших устойчивые связи с их «родными» странами, которые в 1937–1938 гг. относились, за исключением Монголии, к странам «капиталистического лагеря». В рамках этой интерпретации этничность соотносится с военной опасностью, а репрессии под воздействием ксенофобии выглядят направленными против всех групп, которые, выражаясь высокопарно, воспринимаются «чужими». Таким образом, речь идет не столько о враждебной этничности, сколько о связях с заграницей; не об «инородцах», т. е. представителях национальных меньшинств в собственной стране, компактно проживающих в Поволжье или Сибири, а об «иностранцах» или,

соответственно, «иноподданных», т. е. гражданах других государств или лицах, имеющих связи с границей. Национальность в этом случае становится объективным признаком, позволяющим выявить в обществе целые коллективы, подлежащие массовым репрессиям, а «враждебные нации» 1932–1937 гг. и следующих лет идентичны «наказанным народам», фигурирующим в литературе о депортациях 1941–1952 гг.⁶

Эта аргументация достаточна убедительна, но в то же время ей свойственен некий тавтологический привкус в смысле пророчества, исполнившего самого себя. Именно такой регион, как Грузия, где имелись еще и другие «этнические» конфликтные линии, кроме «советской родины» и «капиталистической заграницы», дает возможность проверить ее состоятельность. В первую очередь сделать это позволяет расширенный корпус архивных источников. Ниже речь пойдет не только о «национальных» операциях, как это присуще большинству исследований, но и о других массовых операциях НКВД, таких, как операция по приказу № 00447 («кулацкая» операция) и операция в рамках деятельности «милицейских» троек. Кроме этого, помимо названных выше «враждебных национальностей», мы обратим внимание также на другие этносы, не соответствующие шаблонной схеме, т. е. на автохтонные нации Советского Союза: самих русских, грузин в качестве титульной нации Кавказа, титульные нации соседних республик (армяне, азербайджанцы), «полутитульные» нации абхазов и осетин, а также на «нетитульные» нации.

Наш подход, согласно которому репрессии, предпринятые в ходе массовых операций Большого террора в отношении «антисоветских» диаспор, т. е. немцев, поляков, турок, греков или иранцев, должны рассматриваться в контексте репрессий в отношении возможно большего числа других национальностей и этнических групп, представленных в Грузии, должен позволить выявить масштабы и основные линии преследований в отношении отдельных групп населения СССР в 1937–1938 гг. Это, в свою очередь, дает возможность использовать компаративистский подход, чтобы найти убедительные документальные доказательства, и, насколько это возможно, также объяснения тех весьма специфических мотивов, которые стали причиной этих репрессий. И лишь в заключение будет подвергнут обсуждению вопрос, в какой степени переселение целых народов, начавшееся в Грузии с 1941 г., было последовательным продолжением предшествующей репрессивной политики. Еще одним новым методо-

логическим приемом является рассмотрение массовых операций Большого террора в контексте общей национальной политики советского государства.

Таким образом, фокус предшествующих исследований, который мы считаем слишком узким и одномерным, существенно сдвигается в направлении от рассмотрения «этнических чисток» только с имперской, т. е. «московской» точки зрения, где определение враждебной нации диктовалось внешнеполитическим фоном и, соответственно, военной опасностью, к взгляду на потенциально разнообразные интересы центра, с одной стороны, и исполнителей, обладавших властью на кавказской периферии советской империи – с другой. Авторы стремятся к тому, чтобы точка зрения, сконцентрированная исключительно на Москве, была бы дополнена взглядом, благодаря которому на первом плане оказывается периферия, в результате чего перспектива Москвы будет дополнена перспективой Тбилиси. Кроме этого, ключевые интересы безопасности внешней границы СССР, представленные центром, будут рассматриваться в корреляции с очевидными коренными интересами Грузии. Также темой исследования является взаимодействие Тбилиси и ряда провинций Грузии.

1. Этнизация врага

Как и прежде, в центре дискуссий о взаимосвязи между репрессиями и этничностью (национальностью)⁷ находится тезис Йорга Баберовски об этнизации представлений большевиков о своих внутренних врагах, который он сформулировал, опираясь на свое изучение политики сталинского режима в Азербайджане. Согласно Баберовски, «большевистское руководство воспринимало окружающую действительность как арену межэтнических конфликтов»⁸. В результате этнические категории расцениваются Баберовски как важнейшие компоненты тех образов врага, которые были присущи сталинской власти⁹. Он объясняет это сменой парадигмы, а именно в том смысле, что, начиная с лета 1937 г., враги выявлялись режимом только по объективным критериям¹⁰. Что же касается времени Большого террора, то Баберовски констатирует: «этническая чистка занимала центральное место в системе сталинского террора»¹¹. Позднее, под воздействием исследований массовой операции НКВД по приказу № 00447 («кулацкая» опе-

рация) он смягчил категоричность своего тезиса о доминировании этнических чисток, ограничив его только 1938 г.:

«Можно также утверждать, что 1937 был годом социальной чистки, а 1938 – годом чистки этнической»¹².

Большое влияние на историографию проблемы оказали также публикации Терри Мартина, в которых Советский Союз представляется, начиная с 1923–1924 гг., как государство, осуществлявшее политику поддержки национальностей и их культур. В качестве аналога Мартин приводит так называемую политику «позитивной дискриминации» (affirmative action), осуществлявшуюся в США в отношении ранее угнетавшихся национальных меньшинств. «Центр тяжести» этой политики в СССР составляло предоставление национальностям своих автономных «квартир» в виде национальных республик, областей, районов, сельсоветов и т. п. Начиная с 1929–1932 гг. (в зависимости от региона) эта политика претерпела существенное сокращение. В случае с отдельными группами, стигматизированными по внешнеполитическим соображениям, – енему nations (немцами, корейцами, поляками, финнами, курдами, иранцами) – политика «позитивной дискриминации» превратилась в политику коллективного наказания путем депортаций. При этом массовые репрессии Большого террора практически не играют никакой роли в теоретической конструкции Терри Мартина. Лишь в одном из предложений Мартин пишет о том, что «Большой террор превратился в террор этнический»¹³. В свою очередь Баберовски лишь подхватил этот тезис, превратив его в шаблонное объяснение.

Дополнительную точку зрения по поводу классификации советских национальностей предлагает Фрэнсин Хирш. Она, как и Мартин, фокусируется главным образом на центральном, «московском» уровне. В результате действующие лица, представляющие национальные республики, предстают у нее заговорщиками или, если они отстаивают собственные национальные интересы, – как украинец Николай Скрипник – жертвами национальной политики, осуществлявшейся центром. Связь между национальной политикой и Большим террором у Хирш не наблюдается. Важнейшими событиями 1930-х годов, к которым она апеллирует, являются не депортации и «национальные» операции НКВД, а законодательство о паспортах, официальные высказывания советских вождей по поводу национальной политики и всесоюзные переписи 1937 и 1939 гг.¹⁴

Похожую позицию, основывающуюся, однако, только на специфике личности Сталина, но при этом обогащенную такими по-

нениями как «ксенофобия» и «геноцид», представляет Норманн Наймарк:

«Аресты и массовые убийства во время чисток были обусловлены не столько реальными угрозами безопасности Советского Союза, сколько ксенофобией и паранойей Сталина. Без Сталина, главного организатора геноцида, трудно представить себе Большой террор»¹⁵.

Американский историк Эрик Вайтц уже в 2002 г. на основании последовательной интерпретации работ американских историков советского общества, таких, как Терри Мартин, Фрэнсин Хирш, Амир Вайнер, Юрий Слезкин и Питер Холквист, сформулировал тезис, согласно которому сталинское руководство временами фактически осуществляло расистскую политику. Однако он лишь мимоходом затрагивает Большой террор, уделяя в своей аргументации основное внимание, как и Терри Мартин, депортации целых народов¹⁶.

Аргументация Баберовски в пользу этнизации представлений сталинского руководства прежде всего подкупает потому, что она тесно связана с реальными ожиданиями роста военной опасности. На этом фоне преследования немецкого или польского населения, равно как лиц японского и турецкого происхождения, становится логически неизбежными. В свою очередь Хироаки Куромия также подчеркивает:

«Из-за угрозы с запада нерусские этнические группы, проживавшие как на западных окраинах СССР, так и на Дальнем Востоке, стали политически неблагонадежными. [...] Этнические немцы оказались самой опасной группой населения по причине их этнической принадлежности и их подозрительных связей с нацистской Германией»¹⁷.

В том же духе рассуждает и Пол Грегори, однако при этом исключает явные расистские мотивы:

«Сталинские репрессии в отношении этнических меньшинств задавались не столько национальной враждой или предубеждениями, сколько более практическими соображениями. [...] В стране, находившейся в окружении капиталистических врагов, гражданам легко могли быть заражены антибольшевистских идеями. Партийная монополия над органами печати и пропаганды могла оградить советских граждан от антисоветских идей внутри границ Советского Союза, но те, кто имел родственников за границей, не говоря уже об этническом населении приграничных районов, были наиболее подвержены иностранному влиянию»¹⁸.

В результате то обстоятельство, что ряд авторов ставят операции в отношении национальных диаспор на одну ступень с насильственными переселениями целых народов до, во время и, прежде всего, после Большого террора, выглядит последовательным и логичным¹⁹.

Однако Баберовски идет еще на шаг дальше. То, что у Куромия и Грегори лишь пока витает в воздухе, он высказывает с неумолимой последовательностью. Он утверждает, что в 1937–1938 гг. имело место систематическое преследование этнических групп, которое не ограничивалось только приграничными регионами:

«[...] в 1937 г. уже было не важно, проживало то или иное этническое меньшинство в приграничном регионе или в центральной области Советского Союза»²⁰.

Как уже упоминалось, все это выводится из смены парадигмы, в результате которой «враги режима стали определяться объективными характеристиками»²¹. Виктор Деннингхаус еще более расширяет эту позицию в направлении тезиса о фактическом расизме, который принадлежит Эрику Вайтцу. В частности, Деннингхаус пишет:

«Партийная верхушка, и особенно Сталин, все сильнее прониклись идеей наличия у каждой нации своих *генетических корней* [курсив наш. – Авт.], и это в немалой степени способствовало возникновению у них представления, будто существуют “вражеские нации” с априори заданным негативными свойствами»²².

Российский историк Андрей Савин со скепсисом относится к изложенным позициям. На основании анализа архивно-следственных дел жертв массовых операций НКВД в Алтайском крае и Омской области (операция по приказу № 00447 и «национальные» операции) он приходит к выводу, что деление Большого террора на год социальной (1937) и год этнической чистки (1938) является «умозрительной логической конструкцией», которая «не находит своего однозначного подтверждения в источниках». В лучшем случае, пишет Андрей Савин, речь может идти «о тенденции этнизации карательной политики сталинизма, которая была крайне непоследовательной, неустойчивой по времени и переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным, классовым и политическим мотивам репрессий»²³. Исследователь не усматривает здесь геноцида или расистского аспекта.

Также необходимо отметить, что в грузинской историографии полностью отсутствует дискуссия о возможной связи между тер-

рором и этничностью. Напрашивается предположение, что такая постановка вопроса, не говоря уже об исследованиях возможной взаимосвязи, противоречила установкам постсоветской, как, впрочем, и советской грузинской историографии, из-за опасения снабдить аргументами конкурирующую историографию национальных меньшинств.

В своей критике «мейнстрима» мы солидарны с точкой зрения Андрея Савина: кажущееся неразделимым соединение факторов военной опасности и этничности в один объективный критерий приводит к маргинализации любого другого параметра сталинских репрессий. Кроме того, тезис об этнизации карательной политики сталинизма не подтвержден документально. Отдельные сферы, для которых эта интерпретация «работает», недопустимым образом обобщаются, превращаясь в один всеобъемлющий нарратив. У нас есть подозрение, что в случае с тезисом о трансформации этничности (национальной принадлежности) в объективный критерий, речь идет о прямом перенесении на СССР выводов историографии, посвященной национал-социалистической Германии, которые в, свою очередь, основываются на преследованиях еврейского населения, рома и синти.

Так, Й. Баберовски в своей новейшей публикации подчеркивает, что национальные меньшинства при большевиках всегда подвергались более жестоким преследованиям, когда появлялись подозрения в их нелояльности, чтобы потом, повествуя о проведении операций НКВД против национальных диаспор в ходе Большого террора, с полным основанием вставить предложение о том, что чекисты пользовались данными адресных бюро, т. е. искали людей с польскими, немецкими или иранскими именами и фамилиями, чтобы потом арестовать всех «подходящих». Не говоря уже о том, что эта информация основывается на показаниях лишь одного сотрудника НКВД, арестованного после ноября 1938 г. по обвинению в «нарушении социалистической законности», автор поддается здесь искушению, придать критерию выявления «вражеских» этносов структурно похожий (биологически заданный) абсолютный характер, такой же, который стал олицетворением национал-социалистической расовой политики²⁴. Кроме того, следует отметить сильную фиксацию Баберовски на московском центре в ущерб периферии.

Наш встречный тезис гласит: критерий этничности в его оценке сталинским руководством – в отношении тех национальных групп, которые режим в той или иной степени расценивал как

враждебные и опасные во главе с немцами как само олицетворение опасности – был лишь одним критерием из многих. В принятии решения об аресте и осуждении тех или иных лиц свою важную роль, наряду с внешнеполитическими аспектами, играли, когда в большей, когда в меньшей степени, равноценные или ранжированные в зависимости от ситуации и места, периода времени и конкретного момента, социальные, политические, культурные, исторические, экономические, индивидуальные и групповые факторы. Ни в коем случае здесь не стоит также забывать о специфических политических и материальных интересах властных инстанций на периферии.

2. Контекстуализация этнической компоненты

Тезис Й. Баберовски, согласно которому во время Большого террора этнические чистки составляли ядро сталинского террора, а критерий этничности превратился для карательных органов в объективный критерий виновности, очень трудно перепроверить эмпирически. Ведь именно о механизмах непосредственного «выявления врага» мы знаем крайне мало. Что касается документальных источников, то до сего времени в историографии апробировались два подхода. Так, Баберовски и Деннингхаус привлекали свидетельства и показания партийно-советского руководства и сотрудников карательных органов. Однако у этих источников есть большой недостаток: они чрезвычайно редки и, кроме того, могут быть нейтрализованы заявлениями, в которых утверждается обратное. В свою очередь, Евгений Кодин приводит в отношении западных областей Советского Союза статистические данные, которые доказывают, что национальные диаспоры, страна происхождения которых находилась вне границ СССР, т. е. немцы, поляки, финны и т. п., подвергались более жестоким репрессиям в сравнении с титульной нацией. Однако его результаты можно признать банальными: национальные диаспоры в течение всего периода 1917–1953 гг. больше всех страдали от жестоких репрессий, как это демонстрируют подсчеты самого Кодина, хотя в 1937–1938 гг. эти репрессии действительно отличались особой интенсивностью²⁵. Свидетельствует ли этот скачок кривой репрессий об изменении парадигмы и, соответственно, об этнизации представлений сталинского руководства? Этот тезис нуждается

в серьезной проверке, поскольку после 1938 г. репрессивная кривая снова существенно пошла вниз.

Чтобы достичь нашей цели, но при этом все же выйти за рамки перспективы исследований, искусственно ограниченной терминами «этническая чистка» и «растущая военная опасность», и направить свой взгляд на *различные* интересы московского центра, с одной стороны, и грузинской периферии, с другой, мы предлагаем более широкий подход к изучению роли этнического фактора в преследованиях 1937–1938 гг. Этот подход заключается в пяти главных составляющих:

в рассмотрении репрессий не только в отношении национальных диаспор, но и в отношении возможно *большого* числа этносов, включая титульную нацию – грузин;

в расширении источниковой базы, включающей в себя документы всех без исключения массовых операциях Большого террора;

в рассмотрении статистических данных о репрессиях в отношении отдельных национальных групп в соответствующих этнокультурных, политических, географических, экономических и социальных контекстах;

в перепроверке материалов, свидетельствующих об этнической компоненте репрессий и базирующихся в основном на статистических данных, с помощью коротких обвинительных резюме из протоколов заседания троек, где в отношении каждой отдельной жертвы указывались причина ареста и приводилось обоснование приговора;

и, в заключение, в изучении преследований национальных диаспор в контексте советской национальной политики как в ее общесоюзном, так и региональном измерениях.

Грузинская Советская Социалистическая республика является в высшей степени репрезентативным объектом исследования, принимая во внимание многообразие ее этнических структур и свободный доступ к архивным источникам.

Анализ материала будет осуществляться в ходе пяти этапов, которые накладываются друг на друга. На первом этапе на основании имеющихся баз данных МВД Грузии, в которых собраны и обработаны статистические сведения о проведении «кулацкой» операции («кулацкая» *тройка*), «национальных» операций («двойка» и «национальная» *тройка*) и социальной чистки («милицейская» *тройка*) будет проведена классификация жертв в зависимости от национальной принадлежности²⁶. Предусмотрены следующие категории:

- титульная нация Грузинской ССР (грузины);
- титульные нации «второго ранга» («полутитульные» нации), имевшие на территории Грузинской ССР свои автономно-территориальные образования (абхазы и осетины). Здесь не выделяется третья титульная нация – аджарцы, поскольку как в архивно-следственных делах, так и в базах данных, аджарцы, в отличие от абхазов и осетин, не упоминались отдельно. Как правило, их причисляли к грузинам, даже если в отдельных случаях в следственных делах непосредственно указывалось – «аджарец»;
- национальности, не имевшие собственной государственности за пределами Грузинской ССР;
- национальности других союзных (автономных) республик и областей в составе СССР;
- национальности, родина которых находилась за пределами СССР, вне зависимости от того, являлись ли они там «государствообразующими» народами (турки, немцы) или нет (курды, ассирийцы)²⁷.

Для того, чтобы гарантировать здесь как можно более полную картину, потребовалось привлечение дополнительных материалов в отношении национальных диаспор, чьи государственные образования располагались вне границ СССР, или, если выразиться точнее, в отношении проживавших в СССР иностранных подданных и национальных меньшинств, страна происхождения которых не входила в состав СССР. В данном случае речь идет о результатах исследования Левана Авалишвили о репрессиях против национальных диаспор в Грузии. В ходе этого исследования он обработал второй по величине банк данных МВД Грузии о проведении «национальных» операций в сентябре – ноябре 1938 г. («национальная» тройка), а также использовал данные внутренней статистики НКВД о деятельности *Высшей двойки*²⁸.

Национальность жертв массовых операций НКВД в Грузии указывается в архивных источниках в среднем в 94 % случаев (за исключением данных о национальности жертв «двойки»), а именно – в 98 % случаев жертв «кулацкой» операции, 94 % – «национальных» операций (сентябрь – ноябрь 1938 г.), 81 % – жертв «сталинских списков» и 98 % – социальной чистки («милицеская» тройка). В случае с «двойкой» нет возможности выявить национальность конкретных жертв, между собой можно различать лишь жертв операций против отдельных национальных диаспор. Так, например, количество этнических греков, репрессированных в ходе «греческой» операции, было ниже, чем общее

количество жертв «греческой» операции, так как осуждались не только греки, но и представители других национальностей. В результате из общего количества лиц, осужденных в Грузии *Высшей двойкой* в рамках «альбомного» этапа «греческой» операции (569 человек), 548 были этническими греками, 21 (около 4 %) – представителями других наций²⁹. Такая же тенденция была характерна для «троечного» этапа «национальных» операций. В случае с операцией по «турецкой» линии «национальная тройка» осудила чрезвычайно высокую долю лиц других национальностей – около 50 %, что особенно явно указывает на то, что в ходе этой операций карательные органы ориентировались не столько на этническую принадлежность жертв, сколько на их географическое происхождение из Турции³⁰.

Однако при обращении к приведенной здесь статистике следует также учитывать, что данные о национальности жертв были получены не только на основании соответствующих сведений, указанных в документах, но зачастую также национальность устанавливалась сотрудниками архива МВД Грузии, работавшими над составлением баз данных. Делалось это на основании имен жертв и других критериев, причем в картотеку вносилась соответствующая пометка³¹. В результате лица с грузинскими именами, относившиеся к другим национальностям, учитывались в базах данных как «грузины». Таким образом, доля грузин среди репрессированных очевидно является завышенной, а доля национальных меньшинств – соответственно заниженной. Размер этой погрешности установить невозможно, однако по меньшей мере это означает, что те статистические сведения о репрессиях в отношении национальных меньшинств, которые приведены в базах данных, представляют собой нижнюю границу. Эта граница предположительно может быть сдвинута вверх, для каждой отдельной национальности по-разному, лишь в результате более тщательного изучения следственных дел около 25 000 жертв массовых репрессий в Грузии³².

На втором этапе должна быть выяснена роль этнической компоненты в репрессиях. Это делается на основании абсолютных данных о количестве репрессированных, а также относительных показателей, характеризующих жесткость (интенсивность) осуждения членов той или иной этнической группы. Для этого необходимо установить, каково было процентное соотношение численности репрессированных представителей данной национальности к общей численности этой национальности в составе трехмилли-

онного населения Грузии (степень репрессий). Кроме этого, устанавливается процентное соотношение количества приговоров к ВМН к общему количеству осужденных этой национальности. Необходимо также учитывать следующие моменты: в случае с очень небольшими национальными группами, состоявшими преимущественно из переселенцев-эмигрантов, наблюдалось серьезное превышение взрослых мужчин над женщинами и детьми, притом, что взрослые мужчины традиционно являлись главной целью репрессий. Однако в случае с более крупными группами это правило уже не действует. Стоит также учитывать, что заключение в лагерь на длительный срок очень часто означало завуалированный смертный приговор. Тем не менее существует качественная разница между непосредственной казнью и осуждением к лишению свободы, хотя отбывать срок заключенным предстояло в тяжелейших, порой варварских условиях.

В качестве некоего репера (контрольной точки) привлекаются результаты репрессий национальных элит в рамках приговоров *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. В тоже время отдельные массовые операции НКВД сравнивают друг с другом по таким параметрам, как численность жертв и степень репрессий, чтобы установить разницу в методах «выявления» врага и критериях осуждения. Такого рода вычисление «репрессивных коэффициентов» в отношении целых коллективов подчас может выглядеть весьма мрачным, но оно отнюдь не исключает того, что свою роль также играли личные аспекты, такие как персональные предпочтения сотрудников карательных органов или индивидуальные характеристики жертв. Мы можем делать такие предположения в отдельных случаях, но что касается всей массы осужденных, то эти «индивидуальные» моменты, как правило, не поддаются реконструкции – по причине физического уничтожения в Грузии большинства архивно-следственных дел. В любом случае весьма существенные различия данных между отдельными этносами, касающиеся количества осужденных и степени репрессий, нуждаются в убедительном объяснении, ссылок на индивидуальные факторы здесь явно недостаточно. Таким образом, в дальнейшем будет производиться толкование и сравнение различных «коллективных» образчиков интерпретации случившегося, но не объяснений, базирующихся на индивидуальных характеристиках. При этом «аномалии» репрессивной статистики выражены настолько ярко, что свидетельствуют в пользу интерпретаций, придающих большой вес фактору этнической принадлежности жертв.

На третьем этапе относительные показатели степени репрессий для различных национальностей будут рассмотрены в комбинации с общими данными о преследованиях и прочими сведениями, что дает возможность лучше понять то место, которое отдельные национальности занимали в этнокультурной, политической, географической, экономической и социальной жизни Грузии 1930-х годов. При этом необходимо помнить, что база данных по массовым репрессиям в Грузии, за исключением греков и турок, основывается «только» на материалах «кулацкой» операции, поскольку такого рода сведения не сохранились как в отношении большинства «национальных» линий, так и социальной зачистки «милицейской» тройки.

На четвертом этапе, в интересах проверки результатов, полученных благодаря применению статистического подхода, мы вновь вернемся к конкретным людям и отдельным группам жертв массовых операций. Упорядоченные по признаку национальности жертв, изучению на предмет выявления индивидуальных или специфических групповых признаков репрессий подвергнутся архивно-следственные дела: для небольших групп – каждое отдельное дело, а в случае с большими группами – каждое пятое, десятое или даже, для очень больших групп, каждое двадцатое дело³³. Это, главным образом, должно послужить цели еще больше приблизиться к выявлению мотивов арестов и осуждения как отдельных лиц, так и целых групп.

Новая оценка всего разнообразия интересов и контекстов, особенно их региональных, специфических грузинских компонентов, будет осуществлена на заключительном, пятом этапе исследования, в результате рассмотрения репрессий через призму как общесоветской национальной политики, так и ее грузинского варианта. Под национальной политикой здесь подразумевается политика в сфере национально-культурной идентичности, языка, образования и миграций. Мероприятия в сфере идентичности касаются в первую очередь изменений в области классификации и названия национальностей. В 1930-е годы старые этнографические и описательные подходы были заменены «национальным инжинирингом» (ethnic engineering) и «формированием наций» (nation-building), что имело своим следствием сокращение перечня национальностей, в том числе и в следственных делах НКВД. Языковая и образовательная политика, диктовавшая решения о том, в какой степени те или иные языки должны быть представлены на страницах газет, на радио и в школах, и на основе какого

алфавита – латинского, кириллического или грузинского – эти языки получают свою письменность, также является важнейшим признаком того, в каком направлении развивалась национальная политика. В конечном итоге национальная политика также находила свое отображение в мерах властей, регулирующих миграционные процессы, которые были направлены не столько наружу («выталкивающий» характер массовых операций и депортаций), но скорее вовнутрь, как в случае с заселением малонаселенных территорий Абхазии. После вынужденных массовых волн эмиграции в Турцию абхазов-мухаджиров в 1864, 1866–1867 и 1877–1878 гг. грузинские власти целенаправленно организовали в 1937 г. массовое переселение колонистов в малонаселенную Абхазию из бедных земель районов Западной Грузии, особенно мингрелов. В XIX и начале XX столетия здесь уже селились мингрелы, грузины и сваны, хотя и в меньшем объеме, а также представители других национальных групп – греки, армяне, немцы и даже молдаване с эстонцами. Во время Большого террора последовала новая большая волна переселения, состоявшая в подавляющем большинстве из мингрелов. Таким образом, в 1937–1938 гг. тенденции общей национальной политики продолжали реализовываться, но приоритет теперь оставался за средствами террора.

3. Административное сращивание: мингрелы, сваны, бацбийцы

Самую большую этническую группу среди репрессированных составляют грузины. Их осуждала главным образом «кулацкая» тройка, которая вынесла свои приговоры в отношении 12460 грузин из общего числа 21078 человек, осужденных в ходе «кулацкой» операции в Грузии. «Национальная» тройка, напротив, осудила за сентябрь – ноябрь 1938 г. лишь 24 грузина, в то время как общее число ее жертв составило 495 человек. Доля грузин среди жертв «кулацкой» операции равняется 59%. Если же рассматривать отдельно 1937 и 1938 годы, то в 1937 г. она достигла даже 61%. В 1938 г. доля грузин сократилась почти на 10 пунктов – до 52%³⁴. Такое сокращение может свидетельствовать об усилении преследований других национальностей, что может расцениваться как свидетельство в пользу тезиса Йорга Баберовского об

этнизации сталинизма, если предположить, что речь здесь действительно идет об устойчивой тенденции.

Если же для «кулацкой» операции вычислить такой показатель, как степень репрессий (соотношение численности репрессированных грузин к их общей численности в Грузии), то он составит 0,63 %³⁵. Этот показатель практически равен среднему показателю степени репрессий всех остальных этнических групп Грузии, пострадавших в ходе «кулацкой» операции, который составляет 0,60 %³⁶.

Что же касается соотношения численности грузин, приговоренных «кулацкой» тройкой к ВМН, с общей численностью грузинского населения в республике, то этот показатель составляет 0,30 %, что также практически равняется общему среднему показателю для других национальных групп Грузии – 0,31 %³⁷. Гораздо большее отличие демонстрируют цифры, характеризующие соотношение между общим числом осужденных и числом лиц, приговоренных к смертной казни. Для грузин он составляет 47 %. Что же касается других наций, то смертная казнь в отношении их представителей применялась «кулацкой» тройкой гораздо чаще: в среднем было казнено около 56 % осужденных³⁸. Однако имело бы смысл в свою очередь также разделить репрессированных грузин на подгруппы, поскольку закономерным образом возникает следующий вопрос: преследовались ли мингрелы (мегрелы), к которым относился народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия, в такой же степени, как и другие субэтноты грузинского народа? Ясность здесь, в том числе в отношении сванов и других групп, может внести систематическое исследование порайонных статистических данных.

Оценивая репрессивную статистику в отношении грузин, необходимо обратить внимание на то, что само обозначение «грузины» требует пояснений. Бюрократия карательных органов объединяла под рубрикой «грузины» не только этнографические или, соответственно, племенные подгруппы (субэтноты) грузин, такие как картлийцы, кахетинцы, тушинцы, пшавы, хевсуры, ингилойцы, месхетинцы, имеретинцы, гурийцы, рачинцы и лечхумцы, но и мингрелов, сванов и бацбийцев (цова-тушинов).

В случае с грузинами в узком смысле слова различные региональные группы говорят на соответствующих многочисленных диалектах, образующих в своей совокупности грузинский язык. Однако различия между ними в современных условиях не играют большого значения, если только исповедание разных религий

(ислам, иудаизм) не воздвигло в свое время между группами более серьезные барьеры. Ядром грузинского этноса выступают картлийцы, к которым примыкают кахетинцы. Имеются также более мелкие восточно-грузинские группы, такие как горные племена пшавов, хевсуров и тушинцев, сумевших в результате длительной изоляции сохранить многие самобытные черты. Аналогичным образом в состав «западных» грузин-христиан наряду с имеретинцами с центром в Кутаиси входят такие группы, как гурийцы на западном побережье Черного моря между Мингрелией и Аджарией. Различия между этими группами не являются столь уж значительными. Совсем другая ситуация сложилась с тремя районами Грузии, в которых грузины в значительном объеме подверглись исламизации. Так, была исламизирована часть грузин, в результате чего образовались аджарцы. Степень исламизации и «отуречивания» проживавших по соседству месхетинцев (месхов) была еще более высокой. Исламизации также подверглась часть кахетинцев (ингилойцы), проживавшая на крайнем юго-востоке зоны расселения грузин, сегодня этот район входит в состав современного Азербайджана. В то время как в ходе модернизации в конце XIX – начале XX века христианские группы сблизилась между собой и фактически объединились вокруг картлийско-кахетинского ядра грузинской нации, то с исламизированными группами этого не произошло, несмотря на все попытки царской власти, направленные на их рехристианизацию. Эти группы, напротив, двигались от грузинского ядра в направлении турецкой (аджарцы, месхетинцы) или азербайджанской (ингилойцы) идентичности³⁹.

Из четырех картвельских языков сванский наиболее далеко отстоит от трех прочих (грузинский, мингрельский, лазский). Зато мингрельский и лазский особенно близки друг к другу – настолько, что их носители могут общаться между собой на бытовом уровне, в связи с чем исходят из наличия занского языка, где мингрельский и лазский рассматриваются как его диалекты. Этим подходом злоупотребляют в грузинской лингвистике, когда также трактуют оба языка в качестве «диалектов», но уже грузинского (sic!) языка⁴⁰.

Историческое название бацбийцев звучит как цова-тушины. Исторически речь идет о чеченцах, которые селились на южной стороне Кавказского хребта и были христианизированы (в отличие от кистинцев, с которыми их не стоит путать). Их язык – бацбийский – существенно отличается от чеченского. Бацбийцев от-

личают тесные связи с горным грузинским племенем тушинцев и их рассматривают как клановую составляющую этого племени, несмотря на отличающийся родной язык. Благодаря взаимодействию с тушинцами и другими грузинами, мужчины-бацбийцы, как правильно, были билингвальны, владели бацбийским и тушинским диалектом грузинского языка.

Какие аргументы привела грузинская карательная бюрократия, чтобы обосновать включение в состав грузин мингрелов, сванов и бацбийцев, имеющиеся в нашем распоряжении источники не сообщают. Как бы то ни было, такой образ действий безукоризненно укладывался в общую государственную политику этого времени, направленную на резкое сокращение национального многообразия и, соответственно, количества национальностей. При этом родственные языки сводились воедино, в Грузии такая судьба постигла языки мингрелов, сванов и лазов, а также культурно ассимилированных групп, таких как бацбийцы. Фактически тем самым была продолжена политика конца XIX в., когда в 1880-е годы мингрельский язык был объявлен диалектом грузинского и был поставлен заслон на пути попыток со стороны России ввести мингрельский в качестве языка преподавания в школе⁴¹.

Уже сам факт «включения» этих народов в состав грузинской нации в материалах карательных органов в 1937 г. говорит о многом. Репрессивная бюрократия, не без содействия Берии, проигнорировала в том числе даже Комиссию Академии Наук по изучению племенного состава населения СССР, которая рекомендовала классифицировать этнические группы с амбивалентной культурной идентичностью по меньшей мере как отдельные подгруппы. В результате из перечня национальностей, проживавших в Грузинской ССР, насчитывавшей лишь немногим более трех миллионов жителей, исчезли несколько значительных национальных меньшинств, как, например, около 300 000 мингрелов. Это обстоятельство не было напрямую связано с массовыми репрессиями 1937–1938 гг., но его необходимо учитывать в ходе анализа репрессивной статистики.

4. Административное «исключение»: лазы

То обстоятельство, что четвертая (наряду с аджарцами, мингрелами и сванами) этническая группа, относящаяся к категории грузин с амбивалентной культурной идентичностью, по-прежнему

учитывалась в протоколах *троек* отдельно, на первый взгляд сбивает с толку. Речь здесь идет о лазах. Лазы не случайно были самой проблемной среди всех южно-кавказских или, соответственно, картвельских групп, поскольку разделительные линии между ними и грузинами пролегли очень глубоко. Так, аджарцы были мусульманами, но их язык был грузинским. Мингрелы и сваны не говорили на грузинском, но они были православными христианами, а тем самым были более открыты влиянию грузинского языка (как языка богослужения, так и языка школьного образования). Зато лазы объединяли в своем лице оба разделительных элемента: они не говорили на грузинском языке и в то же время были мусульманами. К этим двум элементам добавлялась также другая территория проживания: согласно советско-турецким пограничным договоренностям 1922 г. граница между СССР и Турцией походила так, что Лазистан, страна лазов, располагался, за исключением восточной половины единственной деревни, полностью на территории Турции, где тогда проживало около 150 000 лазов. Таким образом, лазы являлись в Грузии, если не считать деревню Сарпи, через которую проходила граница, диаспоральной группой, и в этом отличаясь от других картвельских групп.

Выделение лазов в качестве отдельного этноса в протоколах *троек* может также объясняться той энергичной борьбой за отстаивание культурного своеобразия лазов, которую вела небольшая группа единомышленников. Главным рупором этой группы стал поэт и публицист, член Азербайджанской Академии наук и бывший комсомолец Искандер Теймуразович Циташи. Протестное письмо, написанное им в преддверии Большого террора, дает возможность сформировать представление, какими аргументами интеллигент, тесно связанный с лазами, пытался подкрепить свою попытку воспрепятствовать грузинским претензиям на гегемонию. Точно так же из письма следует, с какого рода обвинений должны были считаться Берия и грузинская элита, защищая свою национальную политику, и к каким средствам должно было прибегать грузинское руководство, чтобы создать препоны на пути автономистского движения.

Речь идет о письме, которое Искандер Циташи отправил не позднее 25 июля 1937 г.⁴² в адрес генерального секретаря исполкома Коминтерна Г.М. Димитрова, обрушившись с жалобами на проявления грузинского национализма в отношении лазов. Автор письма, по его собственному свидетельству, начиная с 1928 г.

был одним из руководителей национально-революционного движения лазов, участвовал в создании лазского литературного языка, написал первые книги на лазском. Он же участвовал в подготовке первых кадров лазского «народно-освободительного фронта»⁴³.

Актуальное положение лазов в Грузии Циташи описывал крайне негативно. Согласно Циташи, «грузинский националистический мир начал всячески тормозить наше дело»⁴⁴. Грузинские «националисты ученые» – в другом месте письма Циташи называет их позицию «шовинистической и буржуазной» – утверждают, что лазы являются грузинским племенем, а лазский язык – диалект занского языка, который в свою очередь относится к картвельскому, т. е. к грузинскому праязыку⁴⁵. Свою встречную позицию Циташи поясняет тем, что характеризует обозначение лазского как диалекта занского языка «гипотетическим», а картвельский праязык называет «мифическим». Для подкрепления своей аргументации Циташи прилагает письмо научного эксперта, очевидно – справку Института языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии наук СССР, располагавшегося в Ленинграде. Здесь, в отличие от иерархической концепции грузинских «националистических ученых», была представлена точка зрения о равноценности и оригинальности лазского языка, а грузинский язык не использовался в качестве синонима для обозначения южнокавказской (картвельской) языковой семьи⁴⁶.

Еще один упрек, адресованный Циташи грузинским историкам, заключается в том, что те, вопреки историческим фактам, пытаются представить историю лазов как часть грузинской истории. Циташи оспорил эту точку зрения, сославшись на справку, приложенную к его письму, в которой история лазов как отдельного народа прослеживалась вплоть до четвертого века нашей эры⁴⁷.

Взрывоопасный момент в письме Циташи заключался в том, что он увязывал языковую и историческую нивелировку лазов с повсеместно развязанной охотой на разного рода внутривнутрипартийных «уклонистов». Он даже перешел в открытую атаку против нынешней и прошлой национальной политики руководства КП(б) Грузии и государственных республиканских структур, которую автор письма охарактеризовал как «грузинизацию». Грузинские националистические историки, и в особенности лингвисты, писал Циташи, используют то, «что в партии (в Грузии) еще существует националистический душок (разные нацуклонисты, тайные меньшевики, троцкисты), [которые] начали кампанию против лазской письменности и лазской школы». Согласно Циташи, уполномо-

ченная грузинская комиссия, без всякого участия лазов и вопреки сопротивлению лазского населения, приняла решение о замене латинского алфавита грузинским, в то время как школьные занятия на лазском языке проводились только как временная мера, пока ученики не овладеют грузинским языком. Это решение подверглось корректировке со стороны ЦИК Грузинской ССР, но лишь в том отношении, что обучение детей на лазском языке проводилось не в четырех, а лишь в первых двух классах начальной школы, после чего дети продолжали учиться либо на грузинском, либо на русском или турецком языке⁴⁸.

Предысторию национальной и демографической политики грузинского руководства в отношении лазов Циташи описывает, хотя по преимуществу косвенно, как смесь из всеобщей некомпетентности и умышленной стратегии проволок, осуществляемой руками государственных органов среднего и низшего звена, скрытно затруднявших советизацию лазов и их интеграцию в советское общество⁴⁹. Если следовать за изложением автора, то многообещающее развитие революционного движения среди лазов было заблокировано именно в результате политики руководства Грузии. Исходным пунктом Циташи называет демографическую политику. По его словам, начиная с 1928 г. в Абхазии шла подготовка кадров юных коммунистических кадров из числа лазов, активность которых, направленная на поддержку «национального и социального освобождения», простирается, благодаря «дырявой» границе, вплоть до области поселений лазов в Турции. Этим борцам помогает то, что уже начиная с 1926 г. революционно-национальное движение добилось первых успехов во всем Лазистане, а коммунистическое влияние со стороны Советского Союза выросло.

В конце 1929 г. в Сухуми (Абхазия)⁵⁰ началось издание на лазском языке газеты «Красная звезда» («Mčita Murguxi»). Газета издавалась латинским шрифтом, таким образом, её в том числе могли читать лазы, проживавшие в Турции, где также был введен латинский шрифт – хотя и с большим трудом из-за использования в газете новых литер. Ответственным редактором газеты был 25-летний Циташи. Газета, имевшая всего 4 страницы формата ин-фолио и мизерный тираж 100 экз., печаталась лишь до декабря 1929 г., так как после выхода в свет всего двух номеров ее издание, как утверждал Циташи, было прекращено в ответ на протест президента Турции Мустафы Кемаль-паши, а сам Циташи был вынужден покинуть Грузию⁵¹.

Особенной критике со стороны Циташи подверглась грузинская партийная организация за ее соглашательскую позицию, занятую в 1928 г. в отношении массовой эмиграции лазов в Турцию. По данным Циташи, к 1937 г. из Грузии выехало около шести-семи тысяч лазов. Он считал, что партийному руководству Грузии необходимо было организованно отреагировать на давление со стороны Турции и воспрепятствовать эмиграции⁵².

Циташи полагал, что неудачей завершилась не только политика в отношении лазов, проживавших за границей Грузии, но и концентрированная политика советизации в отношении лазов внутри самой Грузии, начатая в 1931 г. На этот раз исходным пунктом для критики Циташи выступала языковая политика. Хотя в 1932 г. удалось опубликовать в Грузии, а если точнее, в Абхазии, первый школьный учебник (букварь) на лазском языке, а в лазских школах преподавание «стихийно» перешло с турецкого на лазский, но потом эта тенденция, несмотря на официальную поддержку ЦК КП(б) Грузии, была заторможена Народным комиссариатом просвещения Грузинской ССР⁵³. Новые учебники утверждались с бесконечными проволочками, а их печать задерживалась якобы по причине нехватки денег. Когда в 1936 г. был подготовлен очередной учебник, также написанный латинским шрифтом, он не был допущен в школы, поскольку внезапно Наркомпрос затребовал учебники для лазов на грузинском языке. Кроме того, культурно-пропагандистский отдел ЦК КП(б) Грузии запретил даже требовать обсуждения этого вопроса. Циташи полагал, что несмотря на всю малочисленность лазов, задачей руководства Грузинской ССР было создать «все условия для расцвета их культуры, языка, литературы и их экономического процветания» и не помогать Кемаль-Паше, то бишь Турции, ликвидировать лазов как самобытную народность⁵⁴. В целом Циташи характеризовал политику Грузии в отношении лазов как «безобразную». ЦК КП(б) Грузии в свое время оставил без ответа четыре его жалобы⁵⁵. Не помогло, по словам Циташи, также его письмо Сталину, поскольку в комиссии, которую в итоге назначил ЦК КП(б) Грузии, доминировал уже разоблаченный «враг народа» – меньшевик, перекусившийся потом в троцкиста⁵⁶.

Для того, чтобы разнообразить свое описание общих процессов, Циташи рисует картину массовых преследований его лично со стороны органов НКВД Грузии, где в том числе его допрашивали на предмет социального и национального происхождения. Циташи жаловался, что в результате он был «убит нравственно»,

причем в такой мере, что был вынужден все бросить и уехать из Грузии.

В качестве выхода из сложившейся ситуации Циташи предлагал двойную стратегию: 1. С помощью Коминтерна возвратиться к политике, нацеленной на лазов по обе стороны грузино-турецкой границы, используя для этого контакты с коммунистической партией Турции и 2. Воздействовать через центральные московские структуры, в первую очередь через ЦК ВКП(б), на ЦК КП(б) Грузии, чтобы грузинские власти урегулировали «лазский вопрос».

Для письма Циташи характерна полная утрата иллюзий. В качестве последнего спасительного средства он пытался с помощью Коминтерна, международной организации, объединявшей коммунистические партии различных стран, воздействовать на московское руководство, чтобы оно уделило внимание проблеме лазов в Грузии и Турции. В этом духе Циташи сознательно стремится освободить Москву от какой-либо критики. Таким образом, он концентрирует все свои упреки и обвинения на Грузии, описывая роль Москвы как партнера, которого постоянно обманывают и вводят в заблуждение. Такой подход был вполне оправдан, поскольку местные органы партии и государственные учреждения нередко мешали и даже противодействовали политике центра⁵⁷. Это также справедливо в отношении Грузии. Партийное и советское руководство Грузии в меру своих сил пыталось внешне демонстрировать, что в республике претворяется в жизнь официальный курс национальной политики, направленной на защиту и поддержку национальных диаспор. Без сомнения, власти Грузии могли доказать Москве, что проблемы лазов все время стоят на повестке дня партийных и государственных организаций и различных комиссий⁵⁸. Поэтому их особое недовольство должно было вызывать то обстоятельство, что какой-то местный активист годами не только не дает им спокойно жить, но все снова и снова обращает внимание Москвы на то, что в случае с национальной политикой в Грузии, с его точки зрения, речь идет о неформальной националистической политике ЦК КП(б) Грузии и других грузинских государственных органов, направленной на «грузинизацию» республики.

Так, например, еще в письме Сталину, написанном в начале 1935 г., Циташи описывал обращение с лазами в Грузии как перманентную катастрофу. Наделение лазов землей, которые с началом коллективизации утратили возможность, арендовать наделы

для выращивания табака, было фактически торпедировано республиканским правительством, хотя Абхазский обком КП(б) Грузии и ЦИК Абхазии уже в 1930 г. высказались за выделение соответствующих площадей. В конечном итоге грузинские власти выделили лазам слишком маленькую и болотистую полосу побережья, практически не предоставив в их распоряжение технику и денежные средства для осушения болот, а также медикаменты для лечения малярии. Кроме того, не принимая во внимание культурные особенности лазов, в их деревни селили представителей других национальностей, создавая смешанные рыболовецкие бригады. Также и включение лазов-ремесленников в состав производственной кооперации протекало полностью неудовлетворительно и без какого-либо учета их национальной специфики⁵⁹.

Однако в аргументации Циташи есть одна нестыковка: в контексте своих обвинений в адрес партийно-советского руководства Грузии он в своем письме Димитрову характеризует закрытие лазской газеты не как дело рук грузинских органов власти, а как результат вмешательства со стороны Турции, хотя все свидетельствует против этой версии. Так, газета издавалась в Сухуми в Абхазии, а не в Батуми в Аджарии, расположенной вблизи от Лазистана. Очевидно, власти Абхазии – так же, как и в случае с наделением лазов землей – поддерживали издание газеты против воли Тбилиси, пытаясь таким образом найти союзников в деле борьбы за сохранение собственной автономии. И, в действительности, в протоколах заседания *тройки* есть указания на то, что лазские и турецкие активисты кооперировались с абхазским руководством во главе с Нестором Лакобой. В свою очередь, органы ОГПУ Грузии стали преследовать Циташи, который после закрытия газеты был вынужден спасаться бегством из Абхазии и, соответственно, Грузии в направлении Москвы⁶⁰. Возможное объяснение такой переоценки влияния Турции со стороны Циташи заключается в его стремлении в любом случае защитить Москву от критики. Очевидно, Циташи не располагал достаточной информацией, чтобы с уверенностью исключить внешнеполитические – т. е. все же «московские» – интересы из числа причин, приведших к закрытию газеты.

Стремление выставить Москву в роли обманутой «жертвы» вполне понятно с точки зрения Циташи, поскольку он остро нуждался в поддержке центра, однако такая позиция была близорукой и малоперспективной в том отношении, что политика Москвы несомненно стала одной из причин массовой добровольной

эмиграции лазов в Турцию. Так, в письмах Циташи полностью отсутствует критика политики борьбы с исламом, которая резко обострилась в 1927 г. в результате кампании «Худжум» («Наступление»), направленной на прекращение ношения паранджи⁶¹. Здесь стоит упомянуть то обстоятельство, что отец Мухаммеда Ванилиши, «правой руки» Циташи, был ходжой турецко-грузинского приграничного местечка Мараиди (Марадит).

Турция, сплошь и рядом выступающая у Циташи как враждебная сторона, выигрывавшая в результате неудачной национальной политики Грузии, очевидно, все же была для лазов-мусульман более привлекательной, чем СССР, несмотря на политику секуляризации, которую осуществлял Мустафа Кемаль. Точно также в «длинном» XIX веке, вплоть до 1914–1918 гг., в Турцию мигрировали мухаджиры – мусульмане-беженцы, стремившиеся избежать хватки Российской империи на Кавказе, а также балканских христиан-славян и греков. Циташи также ничего не пишет об односторонней политике Советского Союза, направленной на обеспечение закрытости границы, что существенно осложняло общение между лазами, поскольку традиционные переходы границы, практиковавшиеся ими, теперь квалифицировались как преступление. Только в завуалированном виде Циташи упоминает в своем письме Сталину в 1935 г., что лазы на своем горьком опыте испытали последствия насильственной коллективизации, осуществлявшейся Москвой. Вместе с ликвидацией частновладельческого хозяйства и созданием колхозов они утратили возможность арендовать землю. После этого потребность лазов в земле учитывалась в ходе землеустройства частично или полностью неудовлетворительно, а их самих неохотно принимали в колхозы и на государственные предприятия.

Однако настоящая причина верности Москве со стороны Циташи, с большой степенью вероятности, заключалась не только в том, что он не хотел критиковать своих потенциальных союзников в противостоянии с грузинскими властями, но и в его собственной роли в качестве «ангела-хранителя» лазов. Вероятно, эту роль Циташи взял на себя по договоренности и при поддержке, если не по прямому поручению Москвы. Подозрение, что Циташи изначально было дано специальное задание заняться проблемой такого национального меньшинства, как лазы, почти в полном составе проживавшего в Турции в непосредственной близости к советской границе, что, в свою очередь, давало возможность реа-

лизывавать определенные внешнеполитические интересы Москвы, возникает уже при знакомстве с его «мутной» биографией. Так, с большой долей уверенности можно исключить вероятность того, что Циташи был по происхождению этническим лазом. В сохранившемся протоколе заседания *тройки* национальность Циташи не указывается, приводится только место его рождения – названный на лазский манер город «Вице» – т. е. город Финдикли на самом востоке сегодняшней турецкой провинции (ила) Ризе. В лазском происхождении Циташи сомневались не только органы госбезопасности Грузии, которые допрашивали его в 1930-е годы на предмет установления национальности, а в 1938 г. вообще не указали ее в протоколе *тройки*. Его современники практически все в один голос утверждали, что Циташи не особо хорошо владел лазским языком и практически не говорил по-турецки, что было несвойственно представителю лазской интеллигенции. Другие лазы неоднократно воспринимали Циташи как русского, еврея или даже немца, пока в конечном итоге «второй человек» в автономистском движении лазов, Мухаммед Ванилиши, а также ряд других лиц не объявили, что настоящее имя Искандера Циташи звучит как Александр Цветков⁶². В пользу версии о русском происхождении Циташи говорит тот факт, что уже будучи писателем, он занимался переводами Гоголя – что не кажется обычным делом для лазского интеллигента того времени. Следует также добавить те прямые контакты, которые Циташи уже в столь молодом возрасте имел с высокопоставленными научными заведениями, которые открывали ему двери в Академии наук СССР, в Московском и Тифлисском университетах, в Ленинградском Восточном институте им. А.С. Енукидзе, при котором работали курсы нацменьшинств Советского Востока; в Азербайджанской академии наук в Баку. Против лазского происхождения Циташи говорит косвенный донос в отношении ряда лазов, содержащийся в письме Циташи Сталину 1935 г., который мог иметь неприятные последствия для этих лазских семей. Так, некоторые лазы поименно охарактеризованы как агенты Турции, «одетые в советский костюм». Такого рода нелицеприятное доношение, адресованное Берии, ЦК КП(б) Грузии и, в конечном итоге, Сталину, стань о нем известно в лазской среде, существенно осложнило бы Циташи жизнь, вплоть до актов мести. Во время своих продолжительных отлучек в Ленинград, Москву, Тифлис или Баку Циташи сам нуждался в доверенных лицах среди

лазов, которые могли бы снабжать его информацией. Раннее вступление Циташи в комсомол в возрасте 19 лет в 1923 г., в котором он оставался вплоть до 1934 г., а также его успешная карьера в научных сферах, связанных с этнографией и языками, также свидетельствует в пользу того, что биография Циташи определялась его тесными отношениями с коммунистической властью. Он сотрудничал с Академией наук в Ленинграде, часто ездил в Москву, работал в Тифлисском университете на кафедре кавказских языков. В Баку он возглавил, очевидно с осени 1937 г., отделение одной из секций Азербайджанской академии наук, с которой он предположительно и ранее поддерживал отношения. За такой впечатляющей научной карьерой безусловно скрывалось политическое одобрение Москвы, а также поддержка со стороны Николая Марра, которую ведущий деятель советского языкознания оказывал Циташи вплоть до своей смерти (1934)⁶³.

Таким образом, столь сильная «склонность» Циташи к лазам возникла в результате его очевидного интереса к языкам и национальным меньшинствам в комбинации с революционной политической волей нести советскую идею, а вместе с ней и советскую национальную политику, народам сопредельных государств.

В целом же Циташи переоценил свои реальные возможности оказывать влияние как на органы власти Грузии, так и на Москву, не говоря уже о Турции. Это проявилось в первую очередь в сильном преувеличении своих успехов. После того, как в 1926 г. по распоряжению Ататюрка была упразднена провинция (санжак) Лазистан, уже не приходилось, вопреки утверждениям Циташи, говорить об усилении коммунистического влияния на лазов, проживавших в Турции. Даже издание газеты «Красная звезда» в 1929 г. с ее мизерным тиражом стоит скорее охарактеризовать лишь как пробную попытку, поскольку она лишь в малой степени могла оказывать какое-то влияние на лазов в Грузии, не говоря уже о лазах в Турции. Кроме того, первый латинский алфавит лазской письменности был малопонятен «турецким» лазам. Его модернизировали лишь на следующий, 1930 год, после проведения экспертизы. Однако также бесспорно, что «Красная звезда» привлекла к себе определенное внимание в Турции. В феврале 1930 г. распространение газеты было запрещено на турецкой территории. Ататюрк лично был одним из политиков, санкционировавшим наложение запрета. Уже упоминавшийся Мухаммед Ванилиши, лаз из деревни Сарпи, в обязанность которого входило распространение тиража «Красной звезды», он же

являлся одним авторов газеты и действовал в качестве связного с Турцией, был даже позднее, в 1937 г., заочно приговорен в Турции к смертной казни за ведение пропаганды среди лазов⁶⁴. В самой Грузии газета не запрещалась.

Такой же ограниченной оставалась сфера воздействия первого учебника на лазском языке, изданного в 1932 г. В отличие от «Красной звезды», учебник вышел в свет более солидным тиражом 675 экземпляров и искусно связывал на своих страницах лазские национальные элементы с политической и идеологической пропагандой, но он никогда не распространялся в Турции, только лишь в Грузии. Соответствующим образом все тексты учебника были посвящены исключительно жизни лазов в Грузии, турецкий Лазистан не упоминался в нем ни единым словом⁶⁵. Внешнеполитическая линия СССР в отношении лазов в Турции, которую Циташи продолжал отстаивать в 1937 г., уже по меньшей мере с начала 1930-х годов больше не отвечала неофициальной договоренности между двумя государствами, согласно которой они отказывались от вмешательства во внутренние дела друг друга. Что же касается влияния Циташи в Грузии, то он сам с сожалением писал о том, что четыре его жалобы, адресованные партийному и советскому руководству Грузинской ССР, остались без ответа.

Циташи также преувеличивает степень бойкота со стороны грузинского руководства в отношении конкретных мер, направленных на достижение лазской культурной автономии. На самом деле с 1932 по 1937 г. были подготовлены шесть учебников на лазском языке, из которых минимум пять были опубликованы. Так, учебник математики на лазском языке вышел в свет в конце 1933 г. тиражом 1575 экземпляров, причем запрос на подпись к печати последовал 16 сентября 1933 г., а разрешение было получено спустя всего лишь два месяца ровно – 16 ноября 1933 г. Букварь Alboni также был опубликован значительным тиражом – 1600 экземпляров. Заявка на подпись к печати последнего лазского учебника – книги для чтения (Okitxuṣeni Supara), часть II (тираж 1000 экз.) – была подана 25 февраля 1937 г., а разрешение на печать последовало спустя пять месяцев – 31 июля 1937 г. Таким образом, все свидетельствует в пользу того, что в случае с выходом в свет учебников на лазском языке, печатавшихся типографией Абхазской АССР в Сухуми, какие-либо значительные препоны не имели места. Несмотря на якобы имевшийся дефицит денежных средств, тираж учебников был настолько высок, что лазские школы были обеспечены ими на годы вперед. Вплоть до

сегодняшнего дня отсутствуют лишь следы первой части книги для чтения «Okitxuşeni Supara», которая, очевидно, так и не вышла из печати в 1936 году⁶⁶.

Сильные стороны писем Циташи заключаются в том, что на их страницах предстает образ интеллектуала, который идентифицирует себя как борца за права лазов и в состоянии четко и внятно назвать проблемы обхождения с лазами и, соответственно, адекватно охарактеризовать национальную политику, которая реализовывалась в Грузии. Слабые стороны писем все время проявляются, когда верх берут идеологические штампы автора, что особенно четко выражается в объявлении националистических течений в Грузии делом меньшевиков и троцкистов, а также в поименном доношении на ряд лазов как на саботажников, уголовников и агентов Турции. В конечном итоге практически слепое доверие Циташи к Москве привело его к защите уже давно устаревших идей.

Насколько обманчивы были надежды Циташи, стремившегося в 1937 г. через Москву оказать воздействие на национальную политику в Грузии, показывают смертельные последствия его протестного письма главе Коминтерна. Димитров не ответил на письмо, зато перенаправил его 8 августа 1937 г. секретарю ЦК ВКП(б) и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданову, предоставив тому принять решение о дальнейшей судьбе письма и его автора⁶⁷. Далее последовала почти полугодовая пауза, пока в конце декабря 1937 г. Жданов не дал указание поставить в известность Берия⁶⁸. Секретарь ЦК КП(б) Грузии отреагировал на «происки лазов» с большей жесткостью, чем это сделал в XIX веке османский султан Абдул Гамид II, узнав о первых шагах автономистского национального движения лазской интеллигенции. Султан лишь приказал арестовать главу движения Фаик-Эфендиши, которого, если следовать Циташи, привязали на площади к столбу на несколько дней под дождем и солнцем. Перед ним также были сожжены на костре все его книги, рукописи и другие материалы⁶⁹. Берия же отдал своему заместителю, третьему секретарю ЦК КП(б)У К. Чарквиани, и наркому внутренних дел Грузии С. Гоглидзе приказ в виде резолюции, собственноручно наложенной на письмо Циташи: «Автор – арестовать как шпиона»⁷⁰. Фактически это был смертный приговор⁷¹. 21 июня 1938 г. Циташи был осужден *тройкой НКВД Грузинской ССР* к ВМН. Приговор, как всегда, был вынесен тайне, в коротком изложении обвинения в протоколе заседания

тройки Циташи вменялась в вину шпионская и повстанческая деятельность в пользу Турции, которую он якобы проводил среди лазского населения. Конкретно обвинение гласило: «Материалами следствия изобличается в том, что является активным участником контрреволюционной шпионско-повстанческой, террористическо-диверсионной организации среди лазского населения Абхазии. Будучи членом этой организации, проводил диверсионно-вредительскую работу и шпионскую деятельность в пользу турецкой разведки. Виновным себя признал»⁷². Как следует из обвинительного заключения в отношении одного из лазов, также осужденного *тройкой*, Циташи фигурировал в делах НКВД как «турецко-буржуазный националист, член к[онтр]-р[еволюционной] “лакобовской” организации»⁷³.

Вместе с этим внесудебным приговором Циташи советские лазы, сторонники национально-культурной автономии, потеряли свой самый влиятельный голос. Но одновременно приговор является циничным доказательством того, что оценки Циташи, которые тот давал мотивам дискриминации лазов, а также их массовой эмиграции, соответствовали действительности. Для грузинского партийно-государственного руководства выгода здесь заключалась в ослаблении позиций одной из национальностей в абхазском регионе, где грузины были представлены слабо. В результате образовалась – и была также интенсивно использована – возможность для поселения здесь групп, более лояльно относившихся к включению в состав грузинского государства, таких как мингрелы⁷⁴. Кроме того, тем самым подрывалась собственная переселенческая политика абхазской автономии, нацеленная на поддержку лазов и других этносов, таких как греки и армяне (см. ниже), которая в свою очередь была призвана выступить противовесом влияния партийно-советского руководства Грузии.

На данный момент не существует однозначных доказательств в пользу предположения, что устранение такого активиста, как Циташи, являлось выражением отработанного метода, заключавшегося в намеренной физической ликвидации лиц, выступавших за какую-либо форму национальной автономии, против слияния их этноса с грузинской нацией. Так, хорошо известно, что человек, являвшийся символом мингрельской культурной автономии, Исаак Ефтимович Жвания, был арестован 21 октября 1937 г., 28 декабря 1937 г. приговорен к ВМН и расстрелян спустя два дня⁷⁵. Однако на основании только лишь короткой обвинительной справки, сохранившейся в протоколе заседания *тройки*, невоз-

можно установить ни прямую, ни косвенную связь приговора с его специфической «мингрельской» деятельностью. Напротив, обоснование его ареста и казни ограничивается указанием на принадлежность к троцкистской организации под руководством бывшего председателя СНК Грузии Германа Мгалоблишвили⁷⁶. Такое стандартное обвинение допускает множество толкований.

Если же провести сравнение между репрессиями в отношении грузин и лазов в ходе операции № 00447, то выясняется, что жестокий приговор в отношении Циташи не являлся, по крайней мере в случае с лазами, исключением из правил. Так, доля репрессированных лазов в соотношении с их общей численностью в составе населения Грузии совпадала с соответствующим показателем у грузин (0,68 % и 0,63 %). Однако если обратиться к другому показателю – соотношению приговоров к ВМН к общей численности приговоров, то выясняется, что частота вынесения смертных приговоров в отношении лазов была экстремально высокой. 85 % всех репрессированных лазов были осуждены «*кулацкой*» *тройкой* к ВМН, в то время как у грузин этот показатель составил около половины – «только» 45 %⁷⁷. Наиболее жестокие репрессии обрушились на лазов в 1938 г. – за этот год было осуждено 81 % от общей численности лазов, репрессированных по приговору «*кулацкой тройки*» (в 1937 г. – соответственно 19 %). Зато в 1937 г. были расстреляны все без исключения лазы – жертвы «*кулацкой*» *тройки* (пять человек, 100 %), а в 1938 г. – «только» 82 % (18 человек из 22). Очевидно, в 1938 г. были ликвидированы все ограничения, установленные Москвой.

Это подтверждают дополнительные репрессии в отношении лазов по национальной «линии» в 1938 г. В сентябре – ноябре 1938 г. «*национальная*» *тройка* осудила еще 25 лазов (в данном случае степень репрессий составила 0,63 %), при этом «только» одного человека (4 %) приговорили к ВМН. К этим 25 жертвам следует также добавить еще около 40 % (71 человек) от 178 турок, осужденных «*национальной*» *тройкой*, которые по-своему происхождению или соответственно именам могут быть идентифицированы как лазы. В результате общее количество лазов, осужденных «*национальной*» *тройкой*, составит 96 человек⁷⁸. Если суммировать вместе результаты «*кулацкой*» и «*национальной*» *троек* только за 1938 г., то степень репрессий (количество жертв в соотношении с общей численностью данной группы населения) составит головокружительно высокие 3 %, если же не учитывать 71 предполагаемого лаза – все еще очень высокие 1,3 %⁷⁹. Доля

общего количества приговоров к ВМН к общей численности лазского населения составит за 1938 г. минимум 0,45 %, а процент казненных лазов к общей численности репрессированных – около 45 % (общий итог для 1937–1938 гг.: степень репрессий – 1,3 %, ВМН – 0,45 % и, соответственно, 45 %).

Хотя абсолютные цифры – было расстреляно и отправлено в лагеря «всего» 123 лаза⁸⁰ – выглядят менее впечатляющими, чем относительные, тем не менее они отображают определенную тенденцию и являются еще одной причиной по меньшей мере задуматься над оценками Циташи и поразмышлять на тему возможной этнической компоненты репрессий.

Как пример того, что в Грузии в 1937 г. уничтожались не только неудобные персоны, но и был нанесен удар по структурам лазской культурной автономии, может расцениваться изоляция двух учителей и активных участников движения за лазскую культурную автономию, получивших специальное педагогическое образование в Ленинграде. Хазан Хелимиши был осужден тройкой на 10 лет лагерей, хотя и потерял в результате несчастного случая одну ногу. Шевкет Чапаниши, еще один учитель с «ленинградским» образованием, также был приговорен к 10 годам лишения свободы. По истечении десятилетнего срока заключения Чапаниши, как и многие другие, продолжал содержаться в местах лишения без объяснения причин. Он вышел на свободу только после смерти Сталина⁸¹. Из числа ближайших единомышленников Циташи в ходе Большого террора были казнены еще два человека. 28 апреля 1938 г. к ВМН был осужден Акиф Шерифович Танта оглы, к компетенции которого относилось положение лазов в Аджарии. Его судьба является примером того, что репрессии против лазов не ограничивались только Абхазией. Второй жертвой стал Али Аббас оглы Байрамов (Байрами), осужденный к ВМН «*кулацкой*» тройкой еще 3 декабря 1937 г.

В свою очередь турецкий гражданин и учитель лазской школы в городе Очамчира Мустафа-оглы Хусейн Омерович Кар обвинялся в 1938 г. «*национальной*» тройкой в том, что «в 1930 г. посетил турецкого консула в Батуми, которому передал фотоснимок лазской конференции и также коллективное заявление лазов Очамчир[ского] р[айо]на о принятии мер со стороны консульства против организации среди лазов колхоза»⁸².

Несмотря на всю убедительность гипотезы, согласно которой причиной сверхпропорциональных репрессий в отношении лазов являлось хорошо организованное и оформленное – в сравнении с

аджарцами, мингрелами, сванами и бацбийцами – сопротивление лавов политике ассимиляции со стороны Грузии, имеются весьма серьезные контраргументы. Так, например, если сопоставить с делом Циташи судьбу второго по значимости борца за лазскую культурную автономию Мухаммеда Ванилиши, то становится очевидной неоднозначность и многоплановость возможных причин репрессий. Роль Ванилиши в деле лазской автономии имела другой характер, чем у Циташи. Ванилиши, также как и Циташи, принимал участие в издании «Красной звезды» и подготовке лазских учебников, а в 1928 г. занимался постановкой театральных пьес на лазском языке на школьном дворе в своей родной деревне. Он входил в состав группы лазских деятелей, которые, очевидно, вплоть до 1937 г. регулярно встречались в Сухуми с членами Абхазского обкома КП(б) Грузии, чтобы обсудить положение, в котором оказались лазы. Кроме того, он работал в Батуми в качестве заместителя уполномоченного по делам культуры СНК Аджарской АССР начиная примерно с 1930 г. и вплоть до выхода на пенсию. В конечном итоге Ванилиши даже отважился на то, чтобы после массовой депортации в Среднюю Азию в ноябре 1944 г. около 100 000 мусульман из юго-западной Грузии (Аджарии и Месхетии, входивших соответственно до 1878 и 1829 г. в состав Османской Турции) написать 25 марта 1945 г. письмо Берии, в котором ходатайствовал о депортированных лазах. В отличие от манеры выражения Циташи, которая сама по себе провоцировала на репрессии в отношении автора, Ванилиши обращался к Берии, который был мингрелом по происхождению, как к «выдающемуся представителю грузинского, а в особенности лазского народа». Вслед за этим Ванилиши утверждал, что депортация лавов была проведена «ошибочно». Ванилиши действительно удалось добиться возвращения из ссылки ряда семей и возврата им конфискованного имущества⁸³. По некоторым сведениям, он также выступал в защиту лавов из числа советских граждан, депортированных в 1949 и 1951 годах⁸⁴.

Очевидно, дружеское отношение Берии к Ванилиши сложилось в то время, когда тот выступал для Берии переводчиком в крепости Гонио. Берия предостерегал Ванилиши по поводу лавов в Абхазии, занимавшихся незаконной деятельностью, в первую очередь контрабандой. В знак своего персонального расположения Берия где-то после 1930 г. подарил Ванилиши револьвер.

У Ванилиши мы не найдем принципиальной критики национальной политики или депортаций, лишь корректный метод из-

ложения просьбы языком дипломатии – явная противоположность открыто критической и, возможно, поэтому смертельной для автора манере Циташи. Очевидно, Ванилиши вовремя осознал, что будущее для лазов под эгидой Берии может состояться только в случае их активного стремления к слиянию с грузинской нацией⁸⁵.

Сомнение в том, идет ли в случае с репрессиями Большого террора в первую очередь речь о мерах, направленных на подрыв лазского национально-культурного движения, усиливается еще в большей степени при более близком рассмотрении обвинительных заключений в отношении упомянутых членов кружка лазских «автономистов» – Акифа Тант оглы и оглы Байрамова. В протоколе заседания «*кулацкой*» *тройки* Тант оглы фигурирует не как лаз, а как абхазец, а причины, приведшие к его осуждению к ВМН, остаются неясными. Какое-либо прямое указание на связь с «лазской проблемой» отсутствует. Конкретно в обвинении указано: «1) Являлся членом к[онтр]-р[еволюционной] троцкистско-шпионской организации Батумского порта, 2) Будучи антисоветской личностью – занимался а[нти]/с[оветской] агитацией»⁸⁶. Байрамов в протоколе *тройки* назван турком, а не лазом⁸⁷. Ему вменялось в вину участие в «правом уклоне» и подготовка террористического покушения на Бериио⁸⁸.

Эти сомнения в правильности гипотезы о «национально» обусловленных репрессиях в отношении лазов питаются также сведениями, полученными нами при рассмотрении конкретных дел «*кулацкой*» и «*национальной*» троек. Совершенно очевидно, что главная цель преследований лазов этими внесудебными карательными органами заключалась в том, чтобы ликвидировать любые нелегальные переходы границы, а также контакты между лазами, проживавшими в Турции и в СССР, тем самым завершив мероприятия по зачистке приграничных территорий, осуществлявшиеся с начала 1930-х годов. Из 27 лазов, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*, 17 человек, т. е. 63 %, обвинялись в активном шпионаже в пользу Турции, неоднократных переходах границы и контактах с турецким консульством. Большинство из них были приговорены к смертной казни, так как была «вскрыта» комбинация этих «преступлений».

Уроженец и житель села Гонио близ Батуми, крестьянин-колхозник Али Мухамедович Демурал оглы был лазом и гражданином СССР, беспартийным, с низшим образованием. Он уже был ранее судим по обвинению в контрабанде. В протоколе засе-

дания «кулацкой» тройки от 14 апреля 1938 г. он обвинялся в том, что «пользуясь пропуском на упрощенный переход, систематически ходил в Турцию и предавал сведения шпионского характера для иностранной разведки»⁸⁹. Приговор гласил – ВМН.

Через «национальную» тройку прошли аналогичные, хотя и не такие «тяжелые» случаи, о чем свидетельствуют существенно более мягкие приговоры⁹⁰. Кроме того, 28 % жертв (семеро из 25 лазов) имели турецкое гражданство, что, как правило, играло решающую роль в смягчении меры наказания⁹¹. Пункты обвинения в случае с жертвами «национальной» тройки практически на 100 % сводились к нелегальному переходу границы, пособничеству в шпионаже и «консульским» контактам. Лишь временами (в отношении пяти из 25 осужденных) подпунктами приводились также внутривластные обвинения. Зато в случае с «кулацкой» тройкой такого рода обвинения звучали чаще: 28 % жертв среди лазов были осуждены исключительно по внутривластным причинам, таким как контакты с «троцкистом Лакобой», агитация против коллективизации и лазско-турецкие националистические происки.

Но в первую очередь недоверие к гипотезе об особо «строптивом» поведении лазов основывается на том, что документальная база, свидетельствующая о сопротивлении и диссидентстве всех национальных меньшинств Грузии, чрезвычайно скудна, и требуется интенсивная обработка имеющихся и дополнительных источников, чтобы получить хоть сколько-нибудь значимые результаты.

Однако, несмотря на все сомнения, дело Циташи позволяет выделить одну важную особенность лазов по сравнению с аджарцами, мингрелами, сванами и бацбийцами. Для объяснения очень высокой доли приговоров лазов к смертной казни в ходе «кулацкой» операции и большого количества лазов, осужденных «национальной» тройкой, можно привести два взаимно дополняющих фактора. Во-первых, лазы расценивались как союзники Нестора Лакобы, который стремился заручиться их поддержкой в борьбе против выхолащивания абхазской автономии. Во-вторых, что не менее важно, лазы проживали не столько в Грузии или в других соседних советских республиках, сколько в Турции, где жило большинство лазов, причем в непосредственной близости от турецко-грузинской границы, а именно в Лазистане⁹². Так же, как и турки, в отношении которых степень репрессий была высокой, но так и не достигла «лазского» уровня по причине отсутст-

вия первого фактора (см. выше), лазы воспринимались властями – особенно начиная с 1938 г. – как диаспоральная национальность, что доказывается необычно высокой долей лазов, осужденных «национальной» тройкой⁹³.

Кроме того, письмо Циташи 1937 г. в комбинации с политикой, направленной на формирование административными методами гомогенной грузинской титульной нации, как это было показано на примере аджарцев, мингрелов, сванов и бацбийцев, дает возможность сформулировать следующее первичное предположение: власти Грузии в ходе Большого террора не только стремились обеспечить безопасность границы, как это «внушают» нам конкретные дела жертв. Помимо этого, также существовала тесная связь между репрессиями и процессами формирования титульной грузинской нации. Чтобы подкрепить это предположение, мы обратимся далее к репрессиям в отношении трех «полутитульных» национальностей Грузии – абхазов, аджарцев и осетин. Их самое важное отличие от лазов состояло в том, что для этих трех групп Советский Союз был страной происхождения⁹⁴. Таким образом, обеспечение безопасности границы или фактор военной опасности должен был играть для репрессий в их отношении минимальную роль, хотя среди абхазов и аджарцев и были распространены определенные симпатии к Турции, так как османские и турецкие войска дважды – в 1877 и 1918 гг. – оказывали поддержку восстаниям в Абхазии и Аджарии, а множество абхазов эмигрировало в Османскую империю в 1810–1864 гг. Еще в 1937 г. в Турции существовала большая, сегодня преимущественно ассимилированная, абхазская диаспора.

5. Социальный статус и репрессии: абхазы, аджарцы, осетины

В конце XVI столетия Абхазия попала в зону влияния империи Османов и абхазы подверглись широкой исламизации, пока в 1810–1864 гг. Абхазия не была поэтапно аннексирована Россией, что вызвало ожесточенное сопротивление абхазов. В ходе присоединения к России и в результате восстаний 1866–1867 и 1877–1878 годов большое количество абхазов – мухаджиров были изгнаны русскими властями и эмигрировали в Османскую империю –

еще и сегодня в Турции и Сирии существуют абхазские диаспоры⁹⁵. Многие тысячи абхазов погибли во время бегства, а также вследствие плохого снабжения и эпидемий, свирепствовавших в османских портах высадки. Некоторые абхазы в 16–17-м столетиях, еще до османского завоевания, переселились на северную сторону Кавказских гор, где их потомки до сего дня живут в России, образуя этническую группу абазин⁹⁶. Группы населения, оставшиеся в Абхазии после выезда элит, как правило, были социально ослаблены. В результате они попали под сильное русское и грузинское влияние и были частично крещены в православную веру, если только они и без этого уже не были христианами, так как Абхазия была христианской страной задолго до исламизации. Поскольку население Абхазии было весьма малочисленным, сюда переселилось значительное количество мигрантов из Мингрелии, Западной Грузии⁹⁷, Свании, но также Армении, Греции, России и Украины. В районе Сухуми возникли даже эстонские, немецкие и молдавские деревни. Абхазский язык принадлежит к северо-западной или западной кавказской языковой группе, вместе с еще двумя языками – черкесским и убызским (последний относится к мертвым языкам)⁹⁸.

В результате гражданской войны абхазы⁹⁹, часть которых сражалась против грузинских меньшевиков, заручились после советизации Грузии 1921 г. сильной поддержкой Москвы, в особенности благодаря хорошим связям Нестора Лакобы, председателя СНК Абхазской ССР. Хотя в 1920-е годы абхазы составляли только половину населения Абхазии, и их численность продолжала уменьшаться в результате процесса «мингрелизации», затронувшего православных абхазов в районах, граничащих с Мингрелией, большинство руководящих постов в органах власти автономной республики было занято абхазами¹⁰⁰. Таким образом, очень скоро абхазы стали располагать относительно большой группой партийных кадров. Республика получила особый статус после того, как в 1921 г. она официально была объявлена Советской Социалистической республикой Абхазия, хотя фактически она не соответствовала этому статусу, являясь частью Закавказской Социалистической Федеративной Советской республики постольку, поскольку входила в состав Грузинской ССР. Вследствие этого в Конституции СССР 1924 г. Абхазия, наряду с Аджарией, фигурировала в качестве «автономной» республики. Эта аномалия или амбивалентность – Советская Социалистическая республика как государство, входящее в состав другой Советской

Социалистической республики – была частично скорректирована уже в 1925 г., когда произошло первое понижение «союзного» статуса Абхазии – до уровня Договорной ССР, что и было зафиксировано в первой конституции республики. Статус ДССР означал, что речь идет о советской республике, имеющей особые отношения с Грузией, причем сохранял свое действие договор 1921 г., согласно которому Абхазия опосредованно, через Грузию, была частью ЗСФСР. Но и этот статус, как и предыдущий, был уникальным в своем роде, Абхазия была единственной «договорной» республикой в составе Советского Союза. Только в 1931 г. ее статус был понижен до уровня автономной республики (АССР).

Такой высокий специфический статус Абхазии в 1921–1931 гг. был не только символическим, он на самом деле таил в себе лучшие формальные возможности, позволявшие руководству Абхазии напрямую апеллировать к Москве и вести политическую линию, независимую или, по меньшей мере, отклонявшуюся от линии центральных властей в Тбилиси. Советская, а также постсоветская грузинская историография, равно как работы, находящиеся под ее влиянием, часто и наверняка не без задней мысли стремились минимизировать эту историю особого статуса Абхазии, в том числе за счет того, что обозначали ее как Абхазскую АССР уже с 1921 г. Советская историография принципиально не желала признавать, что в 1931 г. имело место понижение статуса союзного национального административного образования, поскольку требовалось изображать только повышение (в результате аналогичным образом искаженно изображалась история Карело-Финской ССР 1940–1955 гг.). Что же касается историографии в Грузии, то она поддалась искушению национализма и не стремилась предоставлять абхазам какие-либо аргументы в пользу независимости Абхазии¹⁰¹.

Абхазы, как и турки, греки, лазы, немцы и т. д., являлись на 1937 г. национальной диаспорой в том смысле, что большинство абхазов проживало за границами СССР, преимущественно в Турции и небольшая группа – в подмандатной Франции области Сирии. Тем не менее, они отличались от всех вышеназванных национальных групп тем, что их родина находилась на территории Советского Союза, в то время как абхазское большинство за границей сформировалось в результате эмиграции из Абхазии, преимущественно в XIX веке, а не наоборот.

Несколько иная ситуация сложилась с осетинами. Главные районы расселения осетин лежат севернее Кавказского хребта

(Северная Осетия). На самом северо-западе этой области живут осетины-мусульмане (дигорцы), в то время как большинство осетин традиционно относится к православным христианам. Это в первую очередь характерно для осетин, проживающих в Грузии, среди которых практически нет мусульман. На территориях, на которые притязает Грузия, осетины не проживают компактными группами: в Юго-Осетинской автономной области, созданной в 1921 г., осетины составляли две трети населения (около 70 000 из 100 000), однако еще примерно столько же осетин проживало вокруг автономной области, среди грузинского населения в Картли-Кахетии. Осетинский язык является индоевропейским языком, его иранской ветвью, осетины – потомками ираноязычного народа аланов, игравшего значительную роль в средневековье.

Осетины в Грузии традиционно были крестьянами, места их жительства – особо отсталыми районами без больших городов. Цхинвали до 1921 г. даже не был уездным центром. Малочисленные интеллигенты в маленьких осетинских городках были по национальности грузинами, армянами и евреями, церковным языком служил грузинский. Осетинское население имело низкий уровень образования, практически не располагало собственной элитой и было сначала слабо представлено в коммунистической партии. Так же как и абхазы, осетины принимали участие в борьбе против грузинских меньшевиков в 1918–1921 гг. на стороне Красной армии.

В центре рассмотрения истории репрессий в отношении абхазов и осетин находится вышеупомянутый тезис бывшего премьер-министра Абхазии Сергея Шамбы, согласно которому Абхазия больше всех пострадала в Грузии в «период сталинско-бериевских репрессий». Как особо вопиющие он рассматривает следующие акции власти: отравление председателя СНК Абхазской АССР Нестора Лакобы в декабре 1936 г., грузинизацию абхазского латинского алфавита в мае 1937 г. и сверхпропорциональную чистку государственных руководящих органов от этнических абхазов в ноябре 1937 г.¹⁰².

Однако тезис Шамбы будет здесь подвергнут проверке не столько на основе изучения репрессий в отношении элит, которые так выделяет бывший премьер-министр Абхазии, а, как это было в случае с лазами, на основании баз данных жертв «*кулацкой*» и «*милицейской*» *троек*. «*Национальная*» *тройка* выпадает, поскольку среди ее жертв в сентябре – ноябре 1938 г. не было абхазов. Это в принципе понятно, поскольку абхазы в Турции про-

живали не на востоке страны, вблизи грузинской границы, а на западе, в районе Истанбула. Таким образом, грузинским властям не приходилось заботиться в отношении абхазов о том, чтобы ликвидировать возможность перемещения через границу, как это было в случае с лазами¹⁰³. В качестве сравнительных данных используются соответствующая статистика по Юго-Осетинской автономной области. Дополнительно также используются сведения о репрессиях в отношении грузин – титульной нации Грузии. И лишь в самом конце анализа речь пойдет о преследованиях элит. Однако, в отличие от Сергея Шамбы, мы будем здесь опираться в первую очередь на результаты изучения репрессий в Грузии на основании «сталинских списков», подкрепленные данными о деятельности *Военной коллегии Верховного Суда СССР* и *Верховного Суда Грузинской ССР*.

Наибольшее количество представителей «полутитульных» наций абхазов и осетин было осуждено в 1937–1938 гг. «*кулацкой*» *тройкой при НКВД Грузинской ССР*. Общее число жертв «кулацкой» операции по приказу № 00447 составило среди абхазов и осетин 895 человек, причем существенно больше половины репрессированных, около 62 % (554 человека), относилось к этническим абхазам. Совокупная доля осетин и абхазов от общего количества репрессированных «*кулацкой*» *тройкой* в Грузии составила в 1937–1938 гг. 4,2 % (абхазы – 2,6 %, осетины – 1,8 %), в 1937 г. – 3,8 % (абхазы – 2,4 %, осетины – 1,4 %). Что же касается 1938 г., то, как и в случае с лазами (однако в отличие от грузин), численность жертв за этот год увеличивается, и показатель доли от общего числа репрессированных вырос в 1938 г. почти на треть, до 5,5 % (абхазы – 3,2 %, осетины – 2,3 %), причем следует обратить внимание на то, что доля осетин также увеличилась.

Если же рассматривать репрессии в отношении абхазов отдельно, то тотчас же бросается в глаза, что абхазы – в соотношении к численности абхазского населения в составе Грузии в количестве 55 409 человек – подверглись непропорционально жестоким репрессиям¹⁰⁴. Показатель степени репрессий составил здесь 1 %, что на треть выше, чем аналогичный показатель для грузин (0,63 %) (соотношение 1 : 0,6). Также в случае с применением ВМН речь идет об очень высоком показателе степени репрессий. Доля смертных приговоров в соотношении к общей численности абхазского населения составляет 0,57 %. Если сравнивать этот показатель с аналогичным показателем у грузин, то он у абха-

зов также окажется выше почти в два раза (0,30 % : 0,57 %). К смертной казни были приговорены существенно более половины всех абхазов, осужденных в рамках «кулацкой» операции¹⁰⁵.

При сравнении репрессий 1937 и 1938 гг. можно констатировать, что абхазы в сравнении с грузинами уже в 1937 г. подвергались гораздо более массовым преследованиям, при этом в их отношении выносились особенно жестокие приговоры. В 1938 г. тенденция непропорционально высоких репрессий в отношении абхазов сохранилась, однако в этом году применение смертной казни в отношении грузин догнало аналогичный показатель в отношении абхазов, применение ВМН в отношении титульной нации также подскочило вверх¹⁰⁶.

Однако смущает то обстоятельство, что степень репрессий в отношении абхазов существенно отличается от соответствующего показателя для осетин, хотя в обоих случаях речь идет о «полутитульных» нациях, имевших свои автономные республики или области в составе Грузии. Как уже указывалось выше, абсолютное число репрессированных осетин было меньше, чем число жертв среди абхазов. Если же посчитать степень репрессий в отношении осетин, т. е. вычислить соотношение числа жертв к численности осетин в Грузии, то разница будет особенно очевидной. Согласно переписи населения 1937 г., в этой кавказской республике насчитывалось 143 604 осетина¹⁰⁷. Таким образом, степень репрессий в отношении осетин в рамках «кулацкой» операции составила «только» 0,24 %. Это почти четвертая часть от аналогичного показателя у абхазов (0,24 % : 1 % = 0,2 : 1). Поразительным образом осетин репрессировали менее интенсивно не только в сравнении с абхазами, но и в сравнении с титульной нацией – грузинами, а именно в соотношении 0,4: 1 (0,24 % : 0,63 %). Что же касается доли применения высшей меры наказания, то в случае с осетинами она не отличалась существенно от абхазов и грузин: смертный приговор был вынесен в отношении более половины осужденных осетин (0,24 % – общая степень репрессий, 0,13 % – степень репрессий применительно к ВМН, т. е. соотношение осетин, осужденных к ВМН, к общей численности осетин в Грузии)¹⁰⁸.

В чем же заключаются причины такого различного отношения к этим двум «полутитульным» нациям? Может быть, в случае с православными осетинами речь шла о некоем «религиозном бонусе»? Наш рабочий тезис гласит, что наряду с этнической принадлежностью решающую роль в случае с репрессиями в первую

очередь играл различный политический и социальный статус определенных этнических групп. Если перефразировать: национальности с низким социальным статусом преследовались в меньшей степени, с высоким – гораздо сильнее. Этот тезис следует рассматривать как в отношении прошлого (социальное происхождение), так и актуального статуса (социальное положение на момент ареста). Для проверки этого тезиса в отношении «кулацкой» операции у нас имеются данные о социальном происхождении жертв (например: кулак, офицер царской или белой армии, служащий царских карательных органов, дворянин), сведения о социальном положении на момент ареста (такие как рабочий, служащий, крестьянин), а также об уровне образования (высшее, среднее, начальное, неграмотный). Однако эти данные далеко не полны. Что касается абхазов, то соответствующая информация о социальном происхождении приведена в отношении 68 % (371 человек) от общего количества осужденных *тройкой* (548 человек). В случае с социальным положением этот показатель еще ниже – 50 % (274 человека). Уровень образования указан в 62 % случаев (339 человек). В случае с осетинами сведения о социальном происхождении еще менее полные, и все же их можно считать репрезентативными: социальное происхождение приведено в протоколах *тройки* в отношении 27 % осужденных (148 человек), социальное положение – 51 % (195 человек), уровень образования – 57 % (219 человек)¹⁰⁹.

Уже сам факт скудных данных о социальном происхождении осужденных осетин в протоколах заседаний *тройки* можно интерпретировать в том смысле, что социальное положение осетин до революции было невысоким, таким образом, в их отношении в 1937 г. могло быть наклеено гораздо меньше негативных ярлыков («кулак», «офицер», «дворянин», «жандарм», «полицейский»), чем абхазам. Дополнительно можно исходить из того, что сотрудники НКВД, готовившие протоколы *тройки*, были в принципе не заинтересованы в том, чтобы использовать нейтральную, никоим образом не порочащую обвиняемых информацию об их «крестьянском происхождении», чтобы переносить ее из следственного дела в протоколы *тройки*. Очевидно, именно по этой причине база данных МВД Грузии по «кулацкой» операции, которая фактически полностью основывается на информации из протоколов *тройки*, страдает неполнотой в этом пункте¹¹⁰. И наоборот, явно «негативные» сведения о социальном происхождении, такие, как «кулак», «офицер», «дворянин», «полицейский»

и т. п., следует рассматривать как полные, поскольку чекисты в любом случае переносили их в протокол *тройки* для подкрепления обвинения.

Если исходить из последнего предположения и рассматривать данные о негативном социальном происхождении как абсолютные (достоверные), то получается, что сотрудники НКВД выявили компрометирующие социальные корни у 27 % (132 человек) осужденных абхазов и только в 11 % случаев (43 человека) – у осетин, т. е. в два раза меньше в относительных величинах. Сведения о тяжести вынесенных приговоров в отношении групп осетин и абхазов с «темным» социальным прошлым дополнительно демонстрируют, что даже таких «скомпрометированных» осетин чекисты воспринимали менее опасными, чем абхазов. В результате из 132 абхазов к ВМН были осуждены 90 человек (68 %), из 43 осетин – 24 человека (56 %), т. е. на 12 % меньше. То, что среди осетин были арестованы скорее лица с низким статусом, которые, несмотря на свое «негативное» социально прошлое, явно «недоотягивали» в качестве кандидатов на применение ВМН, также доказывает распределение этой категории жертв на различные подкатегории. Так, среди осетин доля «кулаков», осужденных к ВМН, составила около половины от совокупной численности казненных из числа бывших дворян, мещан, офицеров, купцов и сотрудников царских карательных органов (0,5 : 1). При этом надо учесть, что лицам, отнесенным к «кулакам», смертная казнь, как правило, грозила меньше, чем другим группам «бывших». Что же касается абхазов, то это соотношение составило 0,3 : 1. Таким образом, среди осужденных к ВМН абхазов доля тех, кто при царизме имел более высокий статус, была существенно выше, чем среди осетин.

При этом, сравнивая все параметры репрессий, необходимо всегда учитывать, что все обвиняемые, как правило, осуждались одним и тем же составом *тройки*, то есть разницу в приговорах нельзя объяснить сменой «судей».

Серьезное сомнение по поводу сформулированного рабочего тезиса (более низкий социальный статус означает менее жестокие репрессии, более высокий социальный статус – ужесточение репрессий) возникает, тем не менее, в результате обращения к следующей группе статистических данных, а именно к сведениям об актуальном социальном статусе жертв на момент ареста и об уровне их образования. На первый взгляд, эти данные не могут быть использованы здесь для подтверждения предыдущих выводов,

сделанных на основании сведений о социальном происхождении жертв. Даже наоборот, статистика свидетельствует, что актуальный социальный статус репрессированных осетин был выше, чем у абхазов, при этом осетины оказались затронуты репрессиями в меньшей мере. Так, из 195 осетин, о которых имеются соответствующие данные, 80 % были на момент ареста рабочими и служащими (соответственно два и 154 человека) и «только» 20 % (39 человек) – крестьянами, чей социальный статус должен быть квалифицирован как низкий по причине ограниченного доступа к политическим, социальным и экономическим ресурсам. Среди осужденных абхазов, несмотря на высокий показатель степени репрессий, «только» 55 % (соответственно 6 + 146 человек) были отнесены к категориям «рабочие» и «служащие». Зато категория «крестьяне», составлявшая 45 % жертв (122 человека), представляет в сравнении с аналогичной категорией среди осетин весьма значительную группу. Похожая картина возникает при ознакомлении с уровнем образования жертв. Среди осужденных осетин 31 % составляли лица с высшим и средним образованием (соответственно 29 и 40 человек), 69 % (соответственно 134 и 16 человек) – с низшим образованием и неграмотные. Напротив, среди абхазов доля лиц с высшим и средним образованием равнялась 16 % (соответственно 22 и 34 человека), что составляло только около половины от аналогичного показателя у осетин. Большинство осужденных среди абхазов – 84 % (228 и 55 человек) – составляли лица с низшим образованием или неграмотные, т. е. на 15 % больше, чем у осетин.

Но при более внимательном рассмотрении и расширении исследовательской перспективы можно все же попытаться устранить противоречие, согласно которому в случае с абхазами как с национальной группой, подвергшейся непропорционально высоким репрессиям, а в случае с осетинами – как с этнической группой, репрессированной «ниже среднего», эмпирическая модель «низкий социальный статус – менее жестокие репрессии, высокий социальный статус – более жестокие репрессии» функционирует здесь только в отношении прошлого, т. е. с точки зрения «социального происхождения», а в случае с актуальным социальным положением – обращается в свою противоположность.

Для этого надо сначала напомнить о главном «ударном» направлении «кулацкой» операции, хотя сначала это позволит уменьшить противоречие односторонне, только в отношении осетин. Основной задачей «кулацкой» операции в масштабах всего

Советского Союза была чистка (потенциально) нелояльных крестьян, а также рядового, социально и политически непривилегированного населения. Из числа жертв «кулацкой» операции в Грузии, в отношении которых мы располагаем соответствующими данными о социальном положении на момент ареста – 11 048 человек – крестьянами были 27 % (3031 человек), рабочими – 5 % (532 человека) и служащими 68 % (7485)¹¹¹. В случае с осетинами было осуждено «лишь» 20 % крестьян (39 человек), что было существенно ниже среднестатистического «общегрузинского» показателя, даже если учесть, что реальное количество крестьян, как это уже объяснялось, было среди жертв из числа осетин очевидно несколько выше. При этом доля осужденных служащих составляла у осетин высокие 79 %, т. е. на 11 % выше среднего показателя. Доля жертв среди рабочих равнялась одному проценту, т. е. в пять раз меньше, чем среднестатистический показатель по Грузии.

Другими, с точностью до наоборот, являются показатели репрессий в отношении абхазского сельского населения. Здесь, в отличие от осетин, средний показатель по Грузии был серьезно превышен. На момент ареста к категории «крестьяне» относилось 45 % репрессированных абхазов (122 человека), что на 18 % превышало средний показатель по Грузии. В сравнении с осетинами это означает экстремальное превышение на целых 25 %. Если же перейти к «высокостатусной» группе рабочих и служащих, то здесь картина меняется, хотя, как это уже неоднократно подчеркивалось, в случае с абсолютными цифрами абхазы «демонстрируют» очень высокую степень репрессии. Так, если сравнивать со средним показателем по Грузии, то доля служащих от общего количества репрессированных абхазов (53 %) была меньше на 15 %, а в сравнении с осетинами – даже на 26 %.

Еще больше противоречивость ситуации подчеркивает разница «градуса» репрессий применительно к актуальному социальному положению жертв «кулацкой» операции среди абхазов и осетин. Так, осетинские крестьяне не только пострадали в меньшей степени, но их еще и осудили не так жестоко, как крестьян-абхазов. Смертный приговор был вынесен «только» в отношении 28 % (11 крестьян-осетин), в то время как доля абхазских крестьян, осужденных к ВМН, «лидировала» с существенным превышением в 17 % (45 %, 55 человек), хотя крестьяне-абхазы также относились к группе лиц с низким социальным статусом. Средняя цифра приговоров к ВМН в отношении осужденных крестьян

составляла в Грузии «только» 33 %. Соответствующие данные о применении ВМН в отношении служащих также остаются в рамках противоречий. Так, служащие-осетины были осуждены гораздо более жестоко, чем служащие-абхазы: если среди осетин доля смертных приговоров составила 67 % (103 человека), то среди абхазов – 57 % (83 человека), на 10 % меньше. При этом сравнение этих процентных данных со средним показателем по Грузии дает уже не такой однозначный результат. Доля абхазских служащих, приговоренных к смертной казни, «лишь» на 4 % отстает от соответствующего среднего показателя по Грузии в размере 61 % (4589 человек).

В ходе нижеследующей попытки устранения установленного нами противоречия главное место отводится специфике Грузии. В отношении этой кавказской республики мы уже диагностировали важное специфическое отличие в сравнении с другими исследованными республиками, краями и областями Советского Союза, а именно высокую долю репрессированных элит в рамках «кулацкой» операции¹¹². Эта специфическая особенность служит в качестве непосредственного объяснения высокой доли репрессированных служащих в случае с обеими «полутитульными» нациями. Однако против сформулированного рабочего тезиса свидетельствует разница в 10 % и соответственно в 11 % между расстрелянными служащими – членами абхазских и соответственно, осетинских и грузинских «элит»¹¹³. Причина этого заключается в том, что абхазские элиты, в особенности их высший эшелон, уже были «прорежены» до «кулацкой» операции, т. е. начиная с 1936 г. они уже страдали от усиленных репрессий, как это несомненно следует из «сталинских списков». Относительно небольшое число абхазов – членов ВКП(б), репрессированных в рамках «кулацкой» операции (62 человека, 11 % от общего количества жертв) является прямым доказательством этой взаимосвязи. Сравнительно низкая доля расстрелянных служащих – абхазов еще раз подтверждает, что первая волна репрессий катком прокатилась по абхазской элите еще до «кулацкой» операции, в результате чего оставшиеся на свободе служащие были не такими видными личностями, а значит, могли быть осуждены менее жестоко. Зато менее «статусные» осетинские элиты, включая самый верхний эшелон, очевидно, «по-настоящему» попали в жернова террора только лишь в рамках «кулацкой» операции. Это подтверждает более чем трехкратное превышение доли репрессированных членов ВКП(б) из числа осетин (132 человека, 35 %)

над соответствующей долей «партийцев» – абхазов. Теоретически осетинские элиты должны были подвергнуться, начиная с лета 1937 г., особенно жестоким репрессиям, поскольку с точки зрения карательной бюрократии в случае с элитами высшего эшелона существовала некоторая потребность «компенсировать отставание». И все же цифры смертных приговоров в отношении осетин не выходят здесь за рамки «центра поля», еще одно доказательство того, что в глазах государственных карательных органов даже высший эшелон осетинских элит в Грузии расценивался как второстепенный по опасности фактор, который мог бы помешать национальной гомогенизации республики или оказать сопротивление другим государственным мероприятиям, таким, как коллективизация или индустриализация.

Еще один эмпирически подтвержденный довод в пользу того, что абхазские элиты серьезно пострадали еще до начала «кулацкой» операции, т. е. до лета 1937 г., даже в сравнении с грузинскими элитами, в то время как осетинские элиты на тот момент остались почти незатронутыми, заключается в исследовании «сталинских списков». С мая 1937 г. по 6 октября 1937 г., как следует из этих списков, *Военная коллегия Верховного Суда СССР* осудила в Грузинской ССР 28 абхазов, представителей советских партийно-государственных элит, в то время как за 1937–1938 гг. всего было репрессировано 76 абхазов из числа элиты, включенных в «сталинские списки». У осетин число осужденных *Военной коллегией Верховного Суда СССР* составило «только» пять человек из 54¹¹⁴.

Противоречивую картину косвенно дополняют данные «*милицейской*» тройки. Здесь полученные результаты резко отличаются от данных «*кулацкой*» тройки: в случае с абхазами степень репрессий составляет 0,03 %, что равно степени репрессий в отношении грузин, которая играет здесь роль средней величины¹¹⁵. Из этого можно сделать вывод, что социально мотивированные репрессии играли в случае с абхазами (и грузинами) подчиненную роль. В случае с осетинами, учитывая их показатель степени репрессий в размере 0,02 %, этот вывод также кажется оправданным¹¹⁶. И все же, на фоне весьма скромных показателей преследования осетин в ходе «кулацкой» операции, эти данные выдерживают сравнение (0,02 % и 0,03 %) и не кажутся уже такими незначительными. С этой точки зрения, социально мотивированные репрессии в отношении осетин кажутся гораздо более важными, чем в случае с абхазами, что выглядит логичным,

учитывая в целом более низкий социальный статус осетин в Грузии. Можно даже вывести следующую эмпирическую формулу: в случае с осетинами, на фоне в общем невысоких репрессий, разделение труда между карательными органами было следующим: «милицейская» тройка традиционно осуществляла репрессии против лиц с низким социальным статусом, в то время как «кулацкая» тройка судила лиц со средним и высоким политическим и социальным статусом.

В статистическом выражении в случае с осетинами «милицейская» тройка осуждала на 100 % лиц с низшим образованием или неграмотных, «социально-опасные элементы», не занимавшиеся «общественно-полезным трудом», попрошаек, безработных, мелких уголовников и коно-, скотокрадов. Что же касается «кулацкой» тройки, то здесь, напротив, 64 % осетин (25 из статистической выборки в количестве 39 человек) имели то или иное образование, причем только один из них был уголовником, все остальные были осуждены по «политическим» статьям. Но и среди необразованных жертв «кулацкой» тройки только 50 % осетин (7 из 14 человек) можно отнести к уголовно-бандитской среде. Таким образом, среди осетин, осужденных в ходе «кулацкой» операции, 82 % (32 лицам) вменялись исключительно политические преступления¹¹⁷. Если же речь заходила о социально мотивированных репрессиях, то в поле зрения обеих карательных инстанций оказывались преимущественно сельскохозяйственные районы и их жители. На первом месте среди уголовных правонарушений находилось коно-, скотокрадство. Только «кулацкая» тройка осудила шестерых коно- и скотокрадов.

В качестве типичного случая социально мотивированных репрессий в отношении осетин может рассматриваться дело Алексея Георгиевича Гогичашвили, осужденного в январе 1938 г. «милицейской» тройкой к пяти годам лагерей. Он был малограмотным жителем села Мгебриани Горийского района. Согласно обвинительному заключению, речь в его случае шла о «ворерацидивисте» и «уголовном деклассированном элементе», который имел «судимости и несколько приводов за скотокрадство и хулиганство». Его арестовали и осудили как социально-вредный элемент (СВЭ)¹¹⁸.

Курьез состоит в том, что в случае с осетинами, осужденными «милицейской тройкой», 10 % получили свои сроки как бывшие меньшевики. Очевидно, со стороны Москвы последовало какое-то напоминание о том, что осетины не всегда последовательно

сражались на стороне большевиков против «меньшевицкой Грузии»¹¹⁹.

Загадкой в случае с абхазами служит то, что количество лиц, осужденных «милицейской тройкой», не является таким же высоким, как в случае с «кулацкой» тройкой, которая целенаправленно репрессировала в первую очередь простых абхазов. Таким образом, на первом плане в случае с абхазами должны были находиться социально мотивированные репрессии.

Чтобы все же объяснить феномен особо высокой степени репрессий в отношении именно абхазских крестьян в ходе «кулацкой» операции и поразительно низких показателей осуждения абхазов «милицейской» тройкой, ответственной за репрессии в отношении «социальных» низов, мы должны обратиться к теориям образования нации и национализма, что позволит рассмотреть всю картину репрессий в отношении абхазов в соответствующем контексте. Высокая степень репрессий в отношении абхазов в категории «крестьяне» может трактоваться как индикатор процесса образования нации, который у абхазов к концу 1930-х годов продвинулся значительно дальше, чем у осетин. Если привлечь трехступенчатую модель формирования национальной идентичности, предложенную Мирославом Хрохом для малых народов, то абхазы уже находились на третьей ступени, т. е. этот процесс уже захватил широкие массы абхазского населения автономной республики, т. е. крестьян¹²⁰. Катализатором этого процесса формирования национального сознания послужили решающие социальные и экономические изменения, равно как и изменения в политике в сфере образования в Абхазии. Именно в 1937 г. началась массированная колонизация территории Абхазии, отличавшейся хорошим климатом, выгодным транспортно-техническим положением (морские гавани) и плодородными почвами. Грузинское централизованное государство организовало в этом же году массовое переселение в Абхазию мингрелов¹²¹. В Осетии, не имевшей таких плодородных почв, зато значительно перенаселенной и менее освоенной, в конце 1930-х годов не проводилась колонизационная политика, хоть в какой-то мере сравнимая с Абхазией.

К этому добавилось еще то, что в мае 1937 г. был отменен переход всех кавказских языков с кириллицы на латинский алфавит. Этот переход, как и в случае с лазами, в свое время расценивался лингвистами как рациональный и был принят абхазами. Теперь вместо латинского шрифта вводился грузинский алфавит; это политическое решение затрагивало также и осетин. Однако,

по законам абсурда, грузинский алфавит был введен только в Южной Осетии. Осетины, проживавшие в Северной Осетии, т. е. вне «грузинской» территории, должны были снова вернуться к кириллице. С введением грузинского алфавита грузинский язык получил усиление за счет «родных языков» в школах Южной Осетии и Абхазии¹²². Таким образом, конфликты на этой почве были запрограммированы и находили, хотя и редко, свое отражение на страницах протоколов заседаний «*кулацкой тройки*». Так, заведующему коммунального отделения горсовета г. Гори Николай Ивановичу Сиукаеву вменялось, что он, будучи в свое время учителем в селе Ахалсопели Горийского района, «разжигал национализм среди грузин и осетин, говоря крестьянам-осетинам: “Почему мы, осетины, должны писать и говорить на грузинском языке, когда они, грузины, являются нашими врагами”». Сиукаев запретил всему населению говорить и писать на грузинском языке. Также предложил всем преподавателям школы вести преподавание исключительно на осетинском языке. Запретил осетинам носить фамилию в грузинском выражении и переделывал фамилии в осетинском выражении». 21 апреля 1938 г. дело было передано на рассмотрение *Специальной коллегии Верховного Суда Грузинской ССР*, что, возможно, спасло обвиняемому жизнь¹²³.

Языковая политика проливает ясный свет на направление главного удара, призванного помешать процессу формирования абхазской нации, так как другой этнос – осетины – в итоге получил два алфавита, один – в рамках общей национальной политики в СССР – кириллический, а другой – в рамках грузинского национализма – грузинский.

Стратегия грузинского центрального руководства затормозить процесс образования нации именно у абхазов становится зримой в результате рассмотрения отдельных приговоров¹²⁴. В случае с «*кулацкой*» *тройкой* 13 % (10 человек из статистической выборки в количестве 76 человек) непосредственно обвинялись в проведении националистической деятельности¹²⁵. Особенное значение имело осуждение участников Гудаутского восстания 1931 г., поскольку борьба с абхазской автономией оказывается здесь помещенной в более широкий и пролонгированный контекст. Как уже упоминалось, 11 февраля 1931 г. произошло официальное понижение статуса Абхазии: из Договорной ССР она превратилась в Автономную ССР. Параллельно в Абхазии началась интенсивно осуществляться коллективизация, которая до того времени проводилась в вялотекущем режиме¹²⁶. В ответ на мероприятия Тиф-

лиса, встретившие крайне негативную реакцию абхазского населения – как по экономическим причинам, так и по национальным мотивам (сохранение абхазского образа жизни), разразилось восстание в Гудауте, где до сего дня находится центр абхазского национального движения. Уже на тот момент времени грузинские власти продемонстрировали свою острую заинтересованность в том, чтобы затушевать национальные причины восстания, т. е. абхазо-грузинские противоречия, выдвинув на первое место социально-экономические причины, представив события в Гудауте исключительно как антиколхозные¹²⁷. С точки зрения грузинского центра это было важно еще и потому, что в 1921 г. абхазы в результате восстания, имевшего схожий характер и направленного против меньшевистской Грузии, оказали помощь войскам Красной армии. Теперь этот «шаблон» событий надлежало предать забвению: место «абхазов, которые сражаются против Тифлиса и Грузии», должны были занять «абхазы, которые борются против Москвы и русских»¹²⁸. Документы карательных органов 1937–1938 гг. содержат доказательства этой скрытой тактики. В протоколах «кулацкой» тройки Грузинской ССР за счет воспроизведения антирусских высказываний и разного рода намеков была предпринята попытка выставить абхазов как меньшинство, бунтующее не против Тифлиса, а против Москвы, а именно в 10,5 % случаев (8 из 76 дел). Из этих восьми человек четверо абхазов были осуждены как бывшие меньшевики¹²⁹. В случае с другими четырьмя абхазами обвиняемым вменялись «антирусские» настроения. Так, в протоколе тройки цитируется высказывание обвиняемого Шмата Каблуховича Лейбы: «Эй ты, русский, чего ты у нас в Абхазии хочешь?» Кроме того, он якобы заявлял, что 1 января 1938 г. колхозы будут распущены в любом случае¹³⁰. Только один абхаз из 76 (1,3 %) обвинялся в «антигрузинских» высказываниях. Кроме того, во всех этих случаях прослеживался сильный классовый контекст.

Более подробного описания заслуживает дело Езета Семеновича Габдии¹³¹. О нем из материалов следствия известно следующее: родился в 1905 г. в деревне Лыхны недалеко от г. Гудаута, абхаз, без определенной профессии, служащий, на момент ареста беспартийный, женат, имел низшее образование, бывший кандидат ВКП(б), исключен за «связь с врагами народа». В обвинении подчеркивалось, что обвиняемый является шовинистом. Так, «например, в отношении русских» он якобы заявлял: «Какие скверные все русские люди». Это «например», как можно пред-

положить, призвано завуалировать то, что Габдия, возможно, особенно резко был настроен против грузин, однако антирусская цитата лучше укладывалась в концепт обвинения.

Обвиняемый Джигус Мектодович Ашуба в 1934 г. отправился на учебу в Москву, однако продолжал поддерживать связь с «правыми контрреволюционерами» в Абхазии. После своего возвращения в 1937 г. он якобы организовал абхазское бюро контрреволюционной организации и выработал программу подрывной деятельности против советской власти. На момент своего ареста Ашуба работал ассистентом на кафедре математики педагогического института в Сухуми¹³².

Аслан Решитович Квачал-ипа, выдвиженец Лакобы в ЦИКЕ Абхазии, «контрреволюционер», связанный с Г.Л. Пятаковым, Лакобой и другими, в конечном итоге обвинялся в том (здесь мы вплотную приближаемся к страшным «сказкам» показательных процессов), что «при посылке мандарин в Москву в 1936 г., предназначенных для Кремля, пытался начинить мандарины сильно действующим ядом»¹³³. Характерно, что «отравленные мандарины» были отправлены в Москву, в Кремль, а не в Тифлис. То, что обвинение вымышлено, не вызывает сомнений: в случае настоящей террористической попытки с помощью отравленных фруктов едва ли время до ареста обвиняемого составило бы целый год. Меджит Реджебович Багапш обвинялся, напротив, в антигрузинских высказываниях: «Эх, умер Лакоба, пропало все, Грузия все взяла в свои руки, а ведь грузин народ [плохой]». Далее он якобы «рассказал одну абхазскую поговорку шовинистического характера»¹³⁴. Однако эти антигрузинские высказывания были «увязаны» с выступлением в защиту «врага народа Лакобы» и «протроцкистскими» заявлениями.

Таким образом, абхазо-грузинское противостояние присутствует, но только в форме, рисующей для Москвы абхазское сопротивление в наиболее невыгодном свете. Поскольку материалы внесудебных карательных органов посылались в Москву для проверки центральным аппаратом НКВД, то в 17 % случаев (13 из 76 дел) дополнительно, как заклинание, подчеркивалось, что смерть Лакобы, бывшего доверенного лица Москвы, ни в коем случае не является потерей, напротив, он находился в тесной связи с троцкистами и правыми, и даже с уголовными элементами, проводя антисоветскую и антигрузинскую политику. В протоколах *тройки* также находятся косвенные указания на стремление абхазов и Лакобы к заключению антигрузинского блока, по-

сколько сообщается об осуждении абхазских связников и посредников с турками и лазами, в результате чего были оборваны «турецкие» и «лазские» связи абхазских «заговорщиков» (3 % или 2 из 76 случаев)¹³⁵.

Еще одна стратегия, призванная компрометировать абхазов, заключалась в том, чтобы чрезвычайно часто, в сравнении с другими этническими группами, связывать их с уголовным миром, а также обвинять в объединении уголовной и антисоветской политической деятельности. В результате уголовники составили необычайно высокую долю среди абхазов, осужденных «*кулацкой*» *тройкой* (14 %, или 11 из 76 случаев). С учетом инкриминируемых им преступлений они были осуждены неоправданно жестоко: из 11 человек девять были мелкими ворами-рецидивистами или «социально-вредными элементами» (СВЭ), занимавшимися в прошлом и настоящем ското- и конокрадством, кражами со взломом и хищением денег. Кроме этого, они поддерживали связи с «уголовными» элементами. Четверо из них получили 10 лет лагерей, один – 8 лет лагерей и трое были даже приговорены к ВМН. На самом деле лишь трое из 11 человек, из которых один совершил убийство с целью ограбления, а двое других пытались совершить нападение на автобус, а также ограбили аэродром и колхоз, – если только внесудебное разбирательство дела *тройкой* вообще может быть признано законным – могут быть охарактеризованы как опасные преступники. Двое из них были в итоге приговорены к смертной казни, один – к 10 годам лагерей.

Если исходить из формальных установок, то большинство такого рода дел в случае с другими национальностями, как правило, разбиралось «*милицейской*», а не «*кулацкой*» *тройкой*. Так, ското- и конокрады из числа азербайджанцев (тюрки) традиционно осуждались «*милицейской*» *тройкой*.

Еще 25 % абхазов (19 человек из 76) были репрессированы по обвинениям в ограблениях и ското- и конокрадстве в комбинации с расхищением колхозного имущества, а также антисоветской и антиколхозной агитацией¹³⁶.

Даже в случае с «*милицейской*» *тройкой*», через которую были осуждены «только» 18 абхазов, политические обвинения играли здесь определенную роль, а именно в 11 % случаев (2 человека из 18). Ничего подобного в случае с другими этносами не наблюдалось (за исключением осетин, где «*милицейская*» *тройка* осудила «меньшевиков»). Так, в случае с Палач Хдждживичем Смуром, 1888 года рождения, сначала обычными канцелярскими штампами

сообщалось, что он единоличник, абхаз, имел две судимости за кражу скота в 1934 г., потом в 1938 г. был осужден за проживание (в Абхазии) без разрешения властей. После освобождения из лагеря в 1937 г. не занимался общественно-полезным трудом, вместо этого вновь воровал скот. Вслед за этим внезапно следует обвинение в том, что он также поддерживал отношения с врагами народа. В данном случае эта характеристика является политической и совершенно явно указывает на группу, сложившуюся в Абхазии вокруг Нестора Лакобы¹³⁷. Еще один вид социальной девиации (87,5 %, 16 человек из 18) был напрямую обусловлен законом о паспортах и его толкованием, согласно которому ранее осужденным абхазам запрещалось возвращаться на родину: после освобождения из заключения или ссылки им отказывалось в выдаче бумаг, необходимых для проживания в Абхазии. Но поскольку они все равно возвращались в Абхазию – у абхазов было не так много альтернатив – их снова высылали из республики, теперь уже с помощью «милицейской» тройки¹³⁸.

Итак, на фоне соответствующей языковой политики и мер по колонизации Абхазии, репрессии в отношении обеих «полугитутульных» наций, хотя и в весьма разной форме, использовались для того, чтобы «выхолостить» их автономию, переводя ее все более и более в символическую сферу, что способствовало гомогенизации Грузии под эгидой грузинской нации. Эти интересы грузинского центра особенно четко, в том числе статистически, отразились на результатах «кулацкой» операции, поскольку уже в из самой сущности приказа № 00447 от 30 июля 1937 г. следовало то, что московский центр в значительной степени уступал часть своих карательных компетенций периферии, что, в свою очередь, существенно упрощало на местах возможность наказания «нелояльных» национальных меньшинств.

Таким образом, оценки бывшего премьер-министра Абхазии Сергея Шамбы страдают лакунами и находятся, по меньшей мере в отношении фиксации только на партийных элитах, на уровне антисталинской пропаганды хрущевского периода. В действительности в период Большого террора, т. е. с лета 1937 г., пострадала больше всего не абхазская партийно-советская элита, а простое абхазское население. Оно также сильнее всего было затронуто репрессиями в сравнении с аналогичными группами других национальностей Грузинской ССР. Эта специфика объясняется нами динамикой процесса формирования наций, который у абхазов на тот момент продвинулся значительно дальше, чем у

других этносов на территории Грузии, захватив также широкие круги простого крестьянского населения.

Карательные органы Грузии, как гласит наш вывод, сознательно или бессознательно, именно в ходе «кулацкой» операции отреагировали на этот феномен. Усилившийся процесс формирования абхазской нации был воспринят как попытка противостояния давлению на Абхазию со стороны центральных государственных и партийных органов Грузии, ведь Абхазия более чем какой-либо другой регион республики разжигала аппетиты республиканских властей по причине своих благоприятных экономических, демографических, географических и климатических условий. После массового исхода абхазов-мусульман в XIX веке Абхазия оставалась преимущественно малонаселенной страной с плодородными почвами, поэтому в качестве объекта колонизации она выглядела гораздо более привлекательной, чем отсталые горные районы Осетии. Несмотря на то, что и абхазы, и осетины сражались в 1918–1920 гг. против гегемонии грузинских меньшевиков, противоречия между осетинами и грузинами были слабее, а тенденция к территориальному обособлению среди осетин только намечалась. Большая часть осетин проживала не в Южной Осетии, автономной области без исторической традиции, свежеепеченной в 1920–1921 гг., а вокруг Южной Осетии, вперемешку с грузинами. В самой же Южной Осетии осетины составляли бесспорное большинство – 70 % населения, поэтому какая-либо непосредственная защитная реакция на майоризацию со стороны Грузии не казалась им остро необходимой. Кроме этого, осетины принадлежали к грузинской православной церкви, в то время как абхазы преимущественно исповедовали ислам или были индифферентны в религиозном отношении.

Высокие цифры жертв среди простого абхазского населения и интенсивность репрессий в их отношении объясняются еще одним фактором. Так как абхазы при царском режиме в общем и целом имели более высокий социальный статус, чем осетины, карательные органы склонялись к тому, чтобы «приписать» негативное социальное прошлое даже «среднестатистическому» абхазскому населению.

Если же обратиться к преследованию абхазских элит, то во время Большого террора, т. е. начиная с лета 1937 г., они уже находились на спаде. Своего пика, как это показывают «сталинские списки», а также другие документы и свидетельства очевидцев, репрессии в отношении руководящих элит Абхазии достигли в

1936 – первой половине 1937 г. Зато осетинские элиты, обладавшие более низким социальным статусом в прошлом и настоящем, в своей массе попали под прицел НКВД только в ходе «кулацкой» операции.

Итак, для анализа такого аспекта массовых репрессий в Грузии, как преследования абхазов и осетин, важную роль играет не только взгляд на ту или иную карательную инстанцию, социальное происхождение и актуальный социальный статус жертв, но и момент или соответственно промежуток времени, когда осуществлялись репрессии в отношении определенного этноса или группы населения. Не стоит также забывать об политико-историческом контексте репрессий. Наш вводный тезис, согласно которому менее статусные в социальном плане нации подвергались меньшим преследованиям, а более статусные – более жестким репрессиям, должен быть скорректирован и расширен, по меньшей мере с учетом этих факторов.

На еще один важный вопрос о том, имела ли в случае с абхазами жесткая взаимосвязь между высокими абсолютными цифрами репрессий и их интенсивностью, с одной стороны, и внешнеполитическим фактором, т. е. стратегическим положением Абхазии с ее выходом к морю, важными гаванями и долгой историей морских вторжений, с другой стороны, должен быть однозначно дан отрицательный ответ. Абхазов репрессировали не из-за их близости к внешней границе, но по внутривнутриполитическим причинам. Обвинения в шпионаже и отношениях с Турцией практически не играли здесь никакой роли.

Третьей и последней «полутитульной» национальностью в Грузии были аджарцы. Эта национальная группа располагала собственной автономной советской социалистической республикой. Особое положение аджарцев объяснялось во многом мирными договорами РСФСР с Турцией, согласно которым Нахичевань и область вокруг Батуми были переданы советской стороне только при условии создания автономных республик с преимущественно мусульманским населением. В Нахичевани для этих целей было достаточно азербайджанцев, составивших большинство населения автономии, в Батуми/Аджаристане, населенном преимущественно грузинами-христианами, в качестве «государствообразующего» народа выступил мусульманский субэтнос аджарцев. Еще в ходе Всесоюзной переписи 1937 г. аджарцы учитывались отдельно¹³⁹. В целом по результатам переписи 1937 г. в Грузии проживало 88 217 аджарцев¹⁴⁰. Согласно переписным

материалам, почти все без исключения аджарцы жили на территории Аджарской АССР. Точно такую же ситуацию зафиксировала перепись 1926 г., согласно которой в Аджарии насчитывалось 71 390 аджарцев, и только 562 – за ее пределами. При этом можно предположить, что в результате переписи 1926 г. произошел существенный недоучет аджарцев в пользу «собственно» грузин в Батуми¹⁴¹: здесь насчитали 15 414 грузин и только 2 046 аджарцев. На самом деле соотношение должно было быть скорее обратным, по меньшей мере, число грузин было явно завышено, а аджарцев – занижено¹⁴². Учитывая общую тенденцию прироста населения, можно исходить из того, что в 1937 г. в Аджарии проживало, по меньшей мере, около 90 000–100 000 аджарцев, что составляло приблизительно около 75 % от общей численности населения Аджарской АССР (128 839 человек)¹⁴³.

В случае с аджарцами можно утверждать, что речь шла о кампании, персонально руководившейся первым секретарем ЦК КП(б) Грузинской ССР Л.П. Берией. Кампания осуществлялась в связи с проведением переписи в январе 1937 г., ее целью было добиться включения аджарцев в состав грузин. Позиция Берии была следующей: «Аджарцев объединяет с грузинской нацией общность языка, территории, экономической жизни и культуры. Аджарцы – те же грузины, с той лишь разницей, что они были омусульманены в прошлом»¹⁴⁴. Тем самым Берия искусно перефразировал и конкретизировал определение нации, данное Сталиным в 1913 г.: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры»¹⁴⁵.

Для Берии первоочередной задачей было подкрепление близкой к нему позиции, занятой Комиссией Академии наук по изучению племенного состава населения СССР. Эта Комиссия, впервые собравшаяся в 1920 г. в Петрограде, непосредственно занималась национальными вопросами и имела в своем активе весьма серьезные научные публикации¹⁴⁶. В 1937 г. в рамках Всесоюзной переписи населения ее деятельности был придан дополнительный импульс. Как и все другие научные учреждения СССР, Комиссия руководствовалась в своей работе сталинскими установками, но отличалась тем, что она особенно подчеркивала их «объединительные» аспекты в области национального строительства¹⁴⁷. Встречную позицию в этом вопросе представляли Институт языка и мышления и Институт Антропологии, также входившие в

состав Академии наук СССР. Они выделяли аджарцев как отдельный народ, существенно отличавшийся от грузин, что Берия в своем письме Сталину характеризовал как выражение «великодержавнического духа», т. е. как образчик устаревшего царистского имперского мышления в стиле «разделяй и властвуй», направленного в первую очередь против грузинской нации.

То, что сигналы из Тбилиси, а также сопровождавшая их репрессивная политика в Аджарии в оказывали свое воздействие, подтверждается следующим письмом из Дома партпросвещения Аджарского обкома и горкома КП(б) Грузии в Президиум Верховного Совета СССР от 26 сентября 1938 г.:

«Прошу ответить на вопрос, является ли отдельной национальностью аджарский народ, имеющий АССР? У нас в Аджарии руководящие работники считают аджарцев не отдельной национальностью, а грузинами. Аджарец при вступлении в партию и вообще обязательно должен заполнить в анкете пункт о национальности “грузин”, а не «аджарец», и местная печать и литература дает установку, что аджарцы они же грузины. Нас интересует, если аджарцы не отдельная национальность, а грузины, то по какому же признаку аджарцы имеют автономию в государственном управлении и почему по документам Верховного Совета СССР среди национальностей СССР фигурируют аджарцы, которые имеют своих представителей избранными в Совете национальностей. Правильно ли будет отрицать аджарцев как отдельную национальность и считать их грузинами? По моему нет...»¹⁴⁸.

31 октября 1938 г. секретариат Президиума Верховного Совета СССР ответил авторам: «Ваш запрос направлен в ЦК КП(б) Грузии»¹⁴⁹. Дальнейшая судьба авторов на сегодняшний день неизвестна.

Причисление аджарцев к грузинам, сторонником которого здесь выступает Берия, имеет свою долгую традицию, корни которой, по крайней мере, простираются до времени принца Вахушти (XVII столетие). И наоборот, в 1877–1878 гг. многие аджарцы эмигрировали в Османскую империю, когда Батуми и его окрестности отошли к России. Еще в конце 1914 – начале 1915 г. османы, как конкурируя, так и сотрудничая с немцами, формировавшими «Грузинский легион», успешно мобилизовывали аджарцев и лазов, проживавших на русской стороне границы, против России¹⁵⁰.

Берия, в том числе его попытка административным путем включить аджарцев в состав грузинской нации, все еще отбрасы-

вает свою «длинную тень» на современность. В ходе анализа преследований аджарцев в годы Большого террора 1937–1938 гг. выяснилось, что в базах данных жертв «кулацкой» операции МВД Грузии аджарцы зачастую только сейчас начали учитывать отдельно. Их включили в число 13 102 репрессированных грузин, хотя в документах в графе национальность указано – «аджарец». Поскольку ревизия национальности всех персоналий, которые отнесены к репрессированным грузинам, потребовала бы большого количества времени, в рамках настоящего исследования была проведена лишь выборочная проверка. Речь шла о том, чтобы по меньшей мере установить определенную тенденцию. В результате были проверены дела первых 451 репрессированных, учтенных в базе данных как «грузины» и среди них выявлены 22 аджарца. Это количество, хотя и большой оговоркой, было экстраполировано, исходя из общего количества репрессированных «грузин», в результате мы пришли к цифре 750 репрессированных аджарцев (600 человек по 1-й категории; 150 человек – по 2-й категории).¹⁵¹ Таким образом, степень репрессий в отношении аджарцев (процентное соотношение численности репрессированных представителей данной национальности к общей численности этой национальности) составляет сверхпропорциональные 1,87% (грузины – 0,63%); что же касается приговоров к смертной казни, то степень репрессий составит в случае с аджарцами весьма высокие 1,2% (грузины – 0,45%). С определенной осторожностью можно исходить из того, что репрессии ударили по аджарцам с большей силой, чем по грузинам.

6. «Советские» национальности: армяне, азербайджанцы

До этого момента здесь рассматривались репрессии в отношении грузин – титульной нации Грузинской ССР, двух «полутитульных» наций – абхазов и осетин, а также лазов. Между обеими «полутитульными» нациями и лазами был ряд важных различий: осетины в подавляющем большинстве проживали на грузинской, т. е. советской территории, и также, как и абхазы, формально имели «автономные права». Территория расселения лазов, напротив, находилась преимущественно за границами СССР, в Турции,

и лишь незначительная часть лазов жила в Грузии. Ни в Советском Союзе, ни в Турции лазы не имели какой-либо автономии. Обширная абхазская диаспора проживала за границами СССР (за исключением абазин на Северном Кавказе и небольшой группы абхазов в Аджарии), в то время как с осетинами ситуация была диаметрально противоположной. Большинство осетин проживало в Северной Осетии и по всему Северному Кавказу, в то время как в Турции и на Ближнем Востоке имелись лишь сравнительно небольшие группы осетин.

Но, несмотря на эти различия, осетины, абхазы и лазы рассматривались нами вместе, поскольку в их случае речь шла о кавказских народах, хотя и различавшихся по языку, культуре и религии. Все эти три этноса потенциально являлись объектом притязаний титульной нации Грузии на гегемонию и ассимиляцию, направленных на постепенное разрушение или «перекодировку» их особой, как коллективной, так и индивидуальной, идентичности.

Теперь пришло время обратить внимание на те группы населения Грузии, в случае с которыми речь идет о национальных меньшинствах, страна происхождения которых находилась *внутри* границ Советского Союза, но которые не подходили в качестве кандидатов для этнически мотивированного «включения» в состав грузинской нации. Исходным пунктом исследования в данном случае является стремление выяснить, что происходило с национальным меньшинством в период Большого террора, если отпадал такой репрессивный фактор, как пресечение автономистских устремлений той или иной национальности, а вопросы обеспечения охраны границы и военная опасность играли лишь подчиненную роль¹⁵². Однако компонент обеспечения «безопасности границы» все же присутствует здесь, хотя и в латентной форме: речь идет о внутренней советской границе между Грузией, с одной стороны, и Арменией и Азербайджаном – с другой. Независимая Грузия притязала в 1918 г. на всю территорию Тифлисской губернии, а также Закатальского округа, но в конечном итоге уже Грузинская ССР была вынуждена в 1922 г. уступить значительные территории на юго-востоке Азербайджану, в том числе весь Закатальский округ, в котором проживала многочисленная этнографическая группа омусульманеных грузин (ингилойцы). В состав Грузии вошли пограничные области с преимущественно азербайджанским населением, что являлось потенциальным яблоком раздора между двумя советскими республиками. Еще бо-

лее резким был пограничный конфликт с Арменией. В конце 1918 г. обе стороны даже вели быстротечную войну за южную часть Тифлисской губернии. В декабре 1918 г. армянская армия атаковала грузинские войска, дислоцированные на юге губернии, населенном преимущественно армянами. Сначала армянам удалось добиться успеха и завоевать значительную территорию, однако вскоре их наступление было остановлено и под давлением британцев заключено перемирие¹⁵³.

Различия между армянами, с одной стороны, и осетинами, абхазами и лазами, с другой стороны, кажутся, несмотря на все оговорки, настолько важными, что в результате можно рассчитывать установить также другие весомые причины преследований, в первую очередь – воздействие социального статуса на интенсивность репрессий. Вновь будет подвергнут проверке на прочность наш исходный тезис, согласно которому этносы, лишенные политических, социальных и «географических»¹⁵⁴ привилегий, как правило, подвергались в Грузии менее интенсивным репрессиям. Сначала мы будем рассматривать «советские» национальные группы с низким социальным статусом, потом – более статусные национальности. В случае с предположительно «малостатусными» этносами в центре нашего внимания находятся армяне и азербайджанцы, причем в качестве азербайджанцев здесь рассматриваются жертвы репрессий, непосредственно охарактеризованные в документах НКВД как азербайджанцы, а также как «тюрки». В случае с армянами источниковую базу образуют протоколы «кулацкой», «национальной» и «милицейской» троек, а также «сталинские списки». *Двойка* в Грузии армян не осуждала.

Исторически сложилось так, что обширные территории в центре южной Грузии находились под доминированием армян, зато в юго-восточной Грузии преобладали азербайджанцы (тюрки). Ряд областей на юге бывшей Тифлисской губернии был завоеван армянскими войсками в декабре 1918 г. в ходе вышеупомянутой войны и присоединен к Армении. Но и в приграничных областях, оставшихся в составе Грузии, население было почти полностью армянским. Вторая по величине группа армян, составлявшая в целом около трети всего армянского населения Грузии, проживала непосредственно в Тифлисе. Еще в XIX веке население города было преимущественно армянским. Так, в 1801 г. армяне составляли 74,3 % жителей Тифлиса. Такое доминирующее положение армян сохранялось в течение всего девятнадцатого столетия: в 1865 г. численность армян в Тифлисе составляла 28488 чел., гру-

зин – 14848, в 1876 г. соответственно 37610 и 22156, в 1897 г. – 47133 и 41151 чел. При этом важно учитывать не только данные о родном языке, поскольку многие армяне были грузиноязычными, но и принадлежность к Армянской апостольской церкви. Только в 1920-е годы доля грузин в составе жителей Тифлиса превысила долю армян, и грузины стали самой большой национальной группой в Тифлисе. Городская торговля в грузинской столице также традиционно была сосредоточена преимущественно в руках армян. Это доминирование армянской буржуазии отразилось в том числе на составе городской администрации. Так, в 1893 г. среди 77 кандидатов из числа буржуазии на выборы в городской магистрат 58 человек были армянами, 10 – русскими, семеро – грузинами и двое – немцами¹⁵⁵. Поэтому именно армяне особенно пострадали от военной смуты 1918–1921 гг. и советизации Грузии, поскольку установление советской власти означало огосударствление сферы торговли. Практически во всех грузинских городах имелись аналогичные группы урбанизированных армян. Хотя именно Тифлис, несмотря на все значение Еревана и Баку, являлся культурным центром для армян (как и для Закавказья в целом), уровень образования армян в других городах Грузии также был достаточно высоким. Поэтому именно «городские» армяне были хорошо представлены в ВКП(б) и в административном аппарате, хотя и в меньшей степени на руководящих позициях. В любом случае еще в 1929 г. доля армян среди членов ВКП(б) в Грузии составляла 12,8 %, что было несколько выше, чем их доля в составе населения Грузинской ССР, в то время как у всех остальных многочисленных национальных меньшинств, за исключением русских, процент членства в партии был гораздо ниже их доли населения в составе Грузии, т. е. политически они проявляли тенденцию к маргинализации¹⁵⁶. В заключение следует также упомянуть, наряду с армянскими крестьянами – жителями Южной Грузии, также армянских беженцев из Османской империи, большинство из которых переправились в Грузию морем и проживали в изолированных от внешнего мира армянских деревнях в Абхазии.

Социальный и политический статус армян, учитывая их весьма значительную долю от населения Грузии – 11,7 % (395 796 человек), был в этой кавказской республике в целом существенно выше, чем у осетин, но не превышал статуса грузин, прежде всего потому, что армян серьезно потеснили из сферы экономики. В географическом или социологическом отношении армяне, бла-

годаря высокой доле городского армянского населения, также были более привилегированными в сравнении с осетинами.

Не стоит также недооценивать религиозный антагонизм между армянами – приверженцами армяно-апостольской церкви и православными грузинами. Этот антагонизм был в некотором отношении даже более сильным, чем между христианами и мусульманами. Объясняется это тем, что мусульмане – азербайджанцы не представляли серьезной конкуренции ни количественно, ни в отношении претензий на статус и власть в городах (Тифлисе) или в деревне. Но и в религиозном плане они, со своей «инаковостью», не воздействовали на грузин так раздражающе, как родственные, но «схизматические» армяне, предъявляющие претензии на свои преимущественные права (Армения как первое государство, в котором христианство официально было признано государственной религией, спор о «первородстве» в отношении армянского и грузинского алфавитов)¹⁵⁷.

Относительно низкий – в сравнении с грузинами – социальный и политический статус армян (несмотря на бывшее доминирование в экономической сфере), ставший результатом дискриминации армян как «чужих», отразился напрямую в «репрессивных» показателях. В случае с армянами степень репрессий в рамках «кулацкой» тройки составляет 0,44 % при численности 1722 осужденных. Таким образом, армяне занимают промежуточное положение между осетинами (степень репрессий 0,24 %) и грузинами (0,63 %). Что же касается показателя степени репрессий в отношении высшей меры наказания, т. е. соотношения числа лиц, осужденных к смертной казни, к общей численности осужденных, то армяне удивительным образом превосходят здесь грузин на 12 % (армяне – 57 %, грузины – 45 %)¹⁵⁸.

Из 1722 армян, осужденных тройкой при НКВД Грузинской СССР в рамках «кулацкой» операции, только 13 % по своему актуальному социальному статусу относились к крестьянам, что было в два раза меньше среднего показателя по Грузии (26 %). Более 3/4 (78 %) осужденных армян были служащими. Высокая доля осужденных членов ВКП(б) в размере 26 % (463 армянина) также служит пищей для размышлений. Еще одним важным направлением репрессий в отношении армян было преследование дашнаков – 230 человек (13 %)¹⁵⁹. Не в последнюю очередь также стоит указать на непропорционально высокое число осужденных армянских священников и выходцев «из религиозного сословия»: всего 17 священнослужителей и 11 человек с «религиозным» социальным прошлым¹⁶⁰.

Все эти сведения не должны, тем не менее, привести нас к выводу, что якобы преимущественно пострадали традиционно сильные армянские элиты, проживавшие в Тифлисе. Напротив, при рассмотрении конкретных приговоров выяснилось, что армяне, выросшие в Тифлисе, чьи семьи проживали в грузинской столице несколько поколений, составляли среди общей массы репрессированных незначительную долю¹⁶¹. Только 10,5 % (10 человек из статистической выборки в размере 95 человек) относились к армянам, проживавшим в Тифлисе дольше, чем одно поколение. Около 18 % (17 человек из 95) составили армяне, недавно перебравшиеся в Тифлис из маленьких грузинских городков и деревень или из других мест Советского Союза. В случае с 71,5 % (68 человек из 95) речь идет об армянах, проживавших в Абхазии (15 человек), жителях диаспоральных групп других малых городов и деревень Грузии (15 человек), представителей группы армян, компактно проживавшей в Южной Грузии (регион Ахалцихе-Ахалкалаки) (22 человека), а также об армянах, недавно мигрировавших из Армении, Азербайджана, Ирана, Турции или место происхождения которых было неясно (16 человек).

Если все же вернуться к армянам – уроженцам и жителям Тифлиса, то можно утверждать, что репрессии парадоксальным образом нацелено затронули низы, а не верхний «элитарный» слой. Из десяти «коренных» тифлисцев-армян, репрессированных «*кулацкой*» *тройкой* (10,5 % от выборки в 95 человек), 20 % (двое из десяти) были уголовниками, как, например, уроженец Тифлиса и вор-рецидивист Абрам Хачатурович Микелян¹⁶². Этот подход подтверждается при анализе сведений об армянах, осужденных «*милицейской*» *тройкой*, которая, как правило, карала социальных маргиналов без каких-либо политических «оттенков». При этом уголовники-армяне, осужденные «*милицейской*» *тройкой*, практически ничем не отличались от уголовников-армян – жертв «*кулацкой*» *тройки*. Почти все они были жителями Тифлиса, только 9,7 % (трое из 31 человека) – происходили из других мест – Зугдиди (Мингрелия), а также из г. Очамчира (Абхазия). В ряде случаев место жительства не было ясно указано¹⁶³.

Что же касается основной массы армян, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*, то речь идет о жителях небольших городов и даже деревень, расположенных вдалеке от Тифлиса. Эти люди проживали как в «армянской зоне» на юге Грузии, так и, сверхпропорционально, в Абхазии.

На этом фоне становится ясно, почему уровень образования армян – жертв *«кулацкой» тройки*, был в целом ниже среднего. Из 1016 армян, в отношении которых имеются соответствующие данные, около 70 % (714 человек) имели лишь низшее образование, еще 5 % были неграмотными. Доля армян со средним и высшим образованием составляла 25 %¹⁶⁴.

При анализе обвинений четко выделяется следующий типичный шаблон жертвы: армянин, деревенский житель, входил в *«дашнакскую»* организацию и занимался *«антиколхозной агитацией»*. Остается неясным, какая из двух причин выступала основанием для ареста (обычно приводилась эта комбинация, но зачастую к ней добавлялось еще и обвинение в *«антисоветской»* агитации), а какая добавлялась для укрепления обвинения. Следует также упомянуть ряд случаев, представлявших из себя расплату с *«бывшими»*, т. е. лицами, являвшимися при царизме членами функциональной элиты. Но и здесь зачастую негативное прошлое увязывалось чекистами с актуальными преступлениями. Так, Эрванд Степанович Торосян, уроженец села Хандо Ахалкалакского района, обвинялся как *«дашнак»* и *«мошенник»* (он был колхозным бухгалтером), однако он пострадал также из-за своего прошлого – в 1917 г. Торосян учился в юнкерском училище в Ташкенте¹⁶⁵.

Если же через *«кулацкую» тройку* осуждались представители армянской элиты, то, как правило, дополнительно также выдвигалось обвинение в *«шпионаже»*. Так, Акоп Арутюнович Кюркчибашев, уроженец Ахалцихе, главный техник грузинского нефтяного товарищества *«Грузнефть»*, обвинялся в контактах с *«немецким шпионом Лоренцом Куном»*, к чему добавлялось еще одно стереотипное обвинение – *«вредительство»* на рабочем месте¹⁶⁶.

«Национальная» тройка не играла сколько-нибудь значительной роли в преследовании армян, однако при этом следует помнить, что армяне также осуждались в рамках операций по другим *«национальным линиям»* (операции *«по туркам»*, *«по иранцам»*). В ходе операции *«по армянам»* в Грузии было осуждено только семь человек, из которых один был идентифицирован как эстонец. Остальные шестеро были осуждены за переходы границы (Иран, Харбин), за контакты с иранским консульством или по обвинению в шпионаже в пользу Германии. В случае с одним из обвиняемых речь идет об армянине, родившемся в *«немецком»* Люксембургском районе. Показательно, что ни один из этих шестерых армян не был расстрелян – таким образом, речь скорее

идет о преследовании из-за зарубежных контактов, а не о настоящей борьбе со шпионажем.

Если дополнительно рассматривать репрессии в отношении армян в рамках «сталинских списков» (преследование элит), то результат не отличается какой-либо спецификой. Степень репрессий, т. е. соотношение количества жертв с общей численностью данной группы населения, составила здесь у армян величину, лишь немного уступающую грузинам (грузины – 0,05 %; армяне – 0,04 %) ¹⁶⁷. Таким образом, в случае с репрессиями в отношении элит статусные различия между грузинами и армянами играли незначительную роль ¹⁶⁸.

Предпочтительные преследования армян – жителей небольших городов и деревень – могут с полным правом рассматриваться как пример нацеленных тенденций национальной гомогенизации на периферии. Ослабление, а тем самым и социальная деградация армян как национального меньшинства достигалась за счет их удаления из местных партийных и советских организаций, а также уничтожения их религиозных (духовных) элит. Индикатором здесь является высокая степень репрессий применительно к ВМН в отношении армян. Относительно небольшое – в сравнении с грузинами – общее количество армян, осужденных в ходе «кулацкой» операции, можно объяснить серьезной разницей в политическом и социальном статусе между армянским населением крупных городов с одной стороны, и мелких городов и деревень – с другой.

«Пренебрежение», выказанное в адрес армянских жителей Тифлиса, очевидно, объясняется тем, что к этому моменту власти в Тифлисе уже не испытывали необходимости в широких преследованиях армян, которые уже давно относились к маргинальным слоям населения грузинской «метрополии», включая церковь, а также действительных либо мнимых дашнаков. В результате в случае с репрессированными армянами – жителями Тифлиса речь шла преимущественно о лицах, родившихся не в Тифлисе, не имевших здесь семейных корней, недавно перебравшихся в столицу самостоятельно или переведенных сюда по службе уже советской властью, а также об уголовниках. В любом случае, это не были остатки традиционной армянской буржуазии.

Среди всех этих цифр стоит обратить внимание на репрессии в ходе «кулацкой» операции в отношении армян, проживавших на территории Абхазии. Речь идет о 16 % (15 из статистической выборки в 95 человек), в то время как «абхазские» армяне со-

ставляли только десятую часть от всего армянского населения Грузии. Таким образом, здесь наблюдается тенденция к более жестким репрессиям в отношении армян, чем в остальных районах Грузии. В обвинительных материалах этих армян, как правило бежавших из Османской Турции от преследований, речь понятным образом не идет о шпионаже или связях с Турцией. Напротив, можно скорее исходить из того, что для карательной бюрократии, управлявшейся из Тифлиса, цель заключалась в том, чтобы наказать армян, проживавших в Абхазии, как *потенциальных* союзников абхазов в борьбе против доминирования грузин и мингрелов. Стоит отметить, что тенденции сотрудничества между абхазами и армянами прослеживаются вплоть до сегодняшнего дня, однако это сегодняшнее сотрудничество не следует без оговорок проецировать на прошлое. Как бы то ни было, добровольные армянские соединения принимали участие в войне 1992–1993 гг. на абхазской стороне¹⁶⁹, сегодня армяне с большим отрывом образуют самое многочисленное меньшинство в Абхазии. В отличие от грузин им не пришлось покинуть Абхазию¹⁷⁰.

Не менее значительные цифры репрессированных среди армян – жителей южной Грузии говорят о территориальном конфликте другого вида. Среди всех репрессированных «грузинских» армян жители юга Грузии, проживавшие вблизи грузино-армянской границы, составили почти 25 % (22 из 95 человек). Именно в случае с ними очень часто – в 4/5 случаев (18 из 22 человек) в протоколах *тройки* присутствует обвинение в поддержке армянской националистической организации дашнаков. Напротив, в случае с «абхазскими» армянами тема борьбы с армянским национализмом была не такой важной. Здесь обвинение в «дашначестве» присутствует «только» в случае с одной третью обвиняемых (5 из 15 человек).

Итак, главной целью репрессий в отношении армян было нанесение удара по их укорененной позиции в грузинском обществе. Подчиненную роль при этом играли также внутренние и, только в отношении соседних советских республик, внешние территориальные и пограничные конфликты. В первую очередь речь здесь идет об Абхазии и о районах компактного проживания армян на юге Грузии, в приграничных районах с Арменией.

Для того чтобы оценить репрессии в отношении азербайджанцев в период Большого террора в Грузии и установить «градус» преследований, необходимо преодолеть ряд трудностей. Мусульманское и тюркоязычное население, проживавшее на терри-

тории будущей Грузинской ССР, называлось в дореволюционный период, как правило, «татарами», а с 1918 г. – чаще всего «тюрками». Только ряд малочисленных групп обозначался как «турки». К 1937 г. вся эта группа населения постепенно превратилась в «азербайджанцев», но употребление термина «азербайджанец» некоторое время было неустоявшимся. В результате в протоколах *тройки* 1937–1938 гг. жертвы частично называются «азербайджанцами», частично – «тюрками». Зато в 1944 г., в ходе массовой депортации из Грузии, соответствующая группа депортируемых целиком обозначалась как «турки».

На самом деле азербайджанцы и турки отличались друг от друга во многих отношениях. Турки главным образом проживали на юго-западе Грузии в областях, входивших до 1829 г. или, соответственно, до 1878 г. в состав Османской империи. Они были мусульманами-суннитами, говорили на турецком языке и были связаны тесными родственными связями с приграничным населением Турции. В 1944 г. эта группа населения практически полностью была депортирована в Среднюю Азию.

Напротив, проживавшие восточнее азербайджанцы населяли области, которые уже в 1801–1813 гг. отошли от Персии к России. По своему вероисповеданию они были преимущественно мусульманами-шиитами, говорили на азербайджанском языке и не ориентировались на Османскую империю (Турцию). Депортация 1944 г. их не затронула.

Поэтому необходимо, поскольку существует такая возможность, «отфильтровать» турок и азербайджанцев как из народонаселенческой, так и из репрессивной статистики, чтобы иметь возможность вычислить соответствующие «коэффициенты репрессий».

Согласно результатам всесоюзной переписи населения, состоявшейся 6 января 1937 г., т. е. за полгода до начала Большого террора, численность «тюрков» в Грузии составляла 178 038 человек, в то время как турок – 9 387 человек. Сумма обоих чисел, 187 425 человек, может рассматриваться как общее число для подсчета цифр репрессий. Но для того, чтобы иметь возможность провести реальное разделение между турками и азербайджанцами, необходимо обратиться к результатам всесоюзной переписи населения 1926 г., так как в переписи 1937 г. отсутствует ряд важных показателей, или же приведенные в ее материалах цифры не являются убедительными.

Итак, согласно данным переписи, в 1926 г. в Ахалцихском уезде проживало 49 170 «тюрок», в Ахалкалакском уезде – еще 6 940 «тюрок». Оба эти уезда ко времени Большого террора были преобразованы в Ахалцихский, Ахалкалакский, Адигенский, Аспиндзский и Богдановский районы. На самом деле в этой зоне жили практически исключительно турки – сунниты, а не шииты – азербайджанцы.

Восточнее к этой области примыкал Борчалинский уезд со смешанным мусульманским населением. Согласно данным 1886 г. (в этом году здесь в последний раз проводился отдельный подсчет шиитов и суннитов), в Борчалинском уезде проживало 16 640 шиитов и 16 551 суннит, т. е. практически поровну¹⁷¹. Без сомнения, в случае со значительной частью суннитского населения Борчалинского уезда можно утверждать, что она испытывала симпатии к Турции. И все же имеет смысл исключить это население из числа турок: рассматриваемая территория никогда не входила в состав Османской империи, ее мусульманские жители были отделены широкой полосой немусульманского, в первую очередь армянского, населения от турок Ахалцихского и Ахалкалакского уездов. Это мусульманское население, как уже упоминалось, также не было депортировано в 1944 г.

Отсюда следует: лиц среди «тюрок» и «азербайджанцев», место рождения или проживания которых относилось к Ахалцихскому, Ахалкалакскому, Адигенскому, Аспиндзскому и Богдановскому районам, входившим до 1829 г. в состав Османской империи, равно как и Аджарии (часть Османской империи до 1878 г.), а также уроженцев и жителей самой Турции следует учитывать как турок, а всех остальных – как азербайджанцев.

В 1926 г. в Грузии были зарегистрированы целых четыре категории «тюрок»: 137 921 «тюрок» и 3 810 «османских тюрок» – советских граждан, а также 531 «тюрок» и 1 463 «османских тюрка» – иностранных гражданина, итого 143 725 человек¹⁷². Таким образом, к туркам следует отнести всех 5 273 «османских тюрок», а также 56 110 (49 170 + 6 940) «тюрок» – жителей Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, итого 63 383 человек из 143 725 (= 44 %). Оставшиеся 80 342 «тюрка» (56 %) следует рассматривать как азербайджанцев, однако с большим «содержанием» суннитов, вычислить численность которых здесь не представляется возможным. Если мы перенесем процентное соотношение, полученное нами на основании данных переписи 1926 г. (44 % на 56 %), на данные переписи 1937 г., (187 425 «тюрок» и турок), то полу-

чится, что приблизительная численность турок равнялась 82 500 человек, в то время как численность азербайджанцев составила около 105 000 человек.

Есть еще ряд неопределенностей, которые, однако, перестают играть роль после просмотра протоколов *тройки*. Так, в 1926 г. в Грузии было переписано 12 768 грузин, назвавших турецкий своим родным языком, а также 1 154 картвела, большей частью грузины и лазы, с родным «турецко-османским» языком¹⁷³. Также следует обратить внимание, что большинство лиц, осужденных как «иранцы», были на деле этническими азербайджанцами. Однако при просмотре документов карательных органов выясняется, что вышеупомянутые грузины и иранцы также и в протоколах *тройки* чаще всего (полная проверка из-за многочисленности дел была невозможной) так и проходят как осужденные грузины и иранцы, а не как «турки» или «азербайджанцы», поэтому эту «неопределенность» следует здесь игнорировать.

Тем фактором, что роднил азербайджанцев с турками, несмотря на все их различия, была низкая степень их интеграции в современное советское общество, их невысокий социальный статус. Так, из всех 137 921 лица, учтенного в 1926 г. как «тюрки» – советские граждане, только 6,7 % (9 285 человека) умели читать (были грамотными), из них 1953 – лишь на своем родном языке. Таким образом, спустя пять лет после установления советской власти, даже с учетом количества детей, не достигших школьного возраста, уровень неграмотности составлял все еще более 90 %. В случае и с азербайджанцами, и с турками речь шла о преимущественно сельском населении, обделенном вниманием властей, крестьянах и пастухах, которые вели натуральное хозяйство на клочке земли. Вплоть до коллективизации азербайджанцы были зачастую батраками на дворах и хуторах, принадлежавших немцам или грузинам. Незначительная доля городского населения имела лишь в Тифлисе, около 5 000 человек, преимущественно азербайджанцев, а также в Батуми, в большинстве своем турок. Но и в городах и те, и другие относились, как правило, также к низшим слоям, к чернорабочим, выполнявшим преимущественно неквалифицированную работу. Буржуазная прослойка среди турок и азербайджанцев была очень тонкой. В этом отношении они походили на тамошних курдов и езидов¹⁷⁴. Таким образом, их доля среди служащих и партийно-советских кадров были минимальной.

На следующем этапе – попытке выяснить степень репрессий в отношении азербайджанцев¹⁷⁵ и установить, в какой мере на репрессиях отразился их социальный статус, значительно более низкий, чем у армян, – при изучении протоколов заседаний *троек* исследование столкнулось с той же проблемой, как и в случае с переписями населения. Во-первых, хотя в результате вступления в жизнь сталинской конституции, принятой 5 декабря 1936 г., обозначение национальности как «тюрки» было официально заменено на «азербайджанцы», прошел довольно большой промежуток времени, прежде чем новый термин стал общеупотребительным. В делах репрессированных за 1937–1938 гг. присутствовали оба термина, как «тюрки», так и азербайджанцы, вместе 1 250 человек¹⁷⁶.

В случае с «национальной» *тройкой* надо обратить внимание на «ошибочную» квоту: 18 из 29 «азербайджанцев» (66 %) были турками¹⁷⁷. Среди осужденных «милицейской» *тройкой* не было жителей этих районов.

Таким образом, численность азербайджанцев – жертв «*кулацкой*» *тройки* – составляет приблизительно 1 250 человек, а турок – приблизительно 367 человек. Следовательно, азербайджанцы или соответственно «тюрки», в соотношении к их доле среди населения Грузии, репрессировались почти три раза сильнее, чем турки (около 1,19 % : около 0,44 %). Что же касается жестокости приговоров, то при показателях осужденных к ВМН 0,67 % : 0,27 % различие выглядит также очевидным. Разница в общем количестве осужденных и «качестве» репрессий между азербайджанцами и турками заслуживает особого внимания в первую очередь потому, что у этих этнических групп был в советском обществе примерно равный социальный статус, и карательные органы должны были иметь другие причины для «больших» репрессий в отношении азербайджанцев.

Особенно интересным в случае с азербайджанцами и турками является то обстоятельство, что, несмотря на такую (возможно, намеренно) запутанную ситуацию с переписями, в конкретных случаях карательные органы весьма четко различали и «турок», и «тюрок» в общей группе людей, которая обозначалась как «тюрки». В особенности конфессиональные различия (сунниты – шииты) соответствовали определенным шаблонам, которые в свою очередь предопределяли соответствующую реакцию со стороны НКВД. Так, сунниты имели тесные связи с Турцией и сильнее остальных идентифицировали себя с этой страной, вплоть до

эмиграции. Протоколы *«кулацкой» тройки* свидетельствуют, что суннитов преследовали главным образом по обвинениям в бандитизме, нелегальном переходе границы, эмиграции и организации нелегальной переправки людей в Турцию. Все это не касалось шиитов, их «преступления», такие как антиколхозная пропаганда, кража скота и «вредительство», были скорее направлены внутрь страны, а не вовне. Тем не менее, поразительным образом шиитов репрессировали в гораздо большем объеме и более жестко, чем суннитов, при примерно одинаковой численности этих групп. Если, например, посмотреть на Борчалинский район, то станет ясно, что террор особенно интенсивно практиковался применительно к ряду шиитских деревень.

Преступления, в которых обвинялись сунниты, были такие же, которые традиционно инкриминировались туркам. Так, в рамках двух групповых дел был осужден ряд жителей суннитской деревни Арухло Люксембургского района. Им вменялась в вину организация «банды», которая среди прочего «переправила» через границу в Турцию невесту разыскиваемого и сбежавшего в Турцию «бандита» Аджи Карима Курбан оглы, а также турецкую винтовку с патронами¹⁷⁸. Совершенно иначе выглядят обвинения в отношении шиитов – жителей деревни Фахрало, располагавшейся не так далеко от Арухло. Здесь тоже было много жертв, но на первом плане в обвинительных заключениях фигурирует антиколхозная агитация, а не заграничные контакты.

Зато шаблон действий *«милицейской» тройки* в этом случае диаметрально отличался от шаблона *«кулацкой» тройки*. В то время как *«кулацкая» тройка*, которая в целом играла более значимую роль в репрессиях, осуждала преимущественно турок – жителей юго-западной Грузии, обвиняя их в первую очередь в нелегальном и часто вооруженном переходе границы, *«милицейская» тройка* судила главным образом азербайджанцев, а именно уголовников и бездомных из Тифлиса, а также ското- и конокрадов из сельских районов юго-восточной Грузии. Через *«милицейскую» тройку* «прошло» 105 азербайджанцев (степень репрессий 0,1 %) и только один турок (0,001 %). Таким образом, если исходить из статистики *«милицейской» тройки*, то социальный статус азербайджанцев был все же гораздо ниже, чем статус турок.

Таким образом, шаблоны репрессий в отношении этих двух этнических групп серьезно отличаются друг от друга, а значит, несмотря на все методологические и технические трудности, различие турок и азербайджанцев оправдано.

Если же в заключение провести сравнение только между «советскими» национальностями и лишь на основании протоколов заседаний «кулацкой» тройки, то обращает на себя внимание тот факт, что азербайджанцы репрессировались гораздо в большей степени и более жестоко, чем армяне. Степень репрессий в отношении азербайджанцев составляет весьма высокие 1,19 %, в то время как у армян – «только» 0,44 %. В случае со смертной казнью аналогичный показатель у азербайджанцев равняется 0,67 %, у армян – 0,25 %. Таким образом, соотношение между азербайджанцами и армянами по общему показателю степени репрессий составляет 1 : 0,4 и 1 : 0,4 – по применению ВМН¹⁷⁹.

Здесь свое отражение нашло то обстоятельство, что в случае с армянами репрессиям подвергся лишь определенный сегмент населения (армяне, проживавшие в грузинской провинции, а также армяне – жители Абхазии и региона, приграничного к Армении), в то время как азербайджанцы, по причине их весьма низкого, в отличие от армян, социального статуса, впервые оказались объектом массовых репрессий только в ходе Большого террора. Те немногие представители элит среднего и низшего партийно-советского звена, которыми вообще располагали азербайджанцы, были теперь осуждены «кулацкой» тройкой. Разница в статусе между армянами и азербайджанцами особенно очевидна в случае обращения к «сталинским спискам». Азербайджанцы в них вообще отсутствуют, в отличие от армян, хотя имена последних также встречаются не так часто. Количественная (0,08 %) и качественная (ВМН, 0,07 %) степень репрессий в отношении армян была примерно равна аналогичным показателям у грузин, которые выступают нашей «реперной» точкой отсчета.

Также имеет смысл провести сравнение такого «малостатусного» этноса, как азербайджанцы, с другим таким же «малостатусным» этносом, а именно – с осетинами. Оказывается, что азербайджанцы как количественно, так и качественно пострадали от репрессий сильнее, чем осетины: в количественном отношении – в четыре раза (1,29 %: 0,24 %), в качественном (соотношение количества смертных приговоров к общей численности населения данной этнической группы) – более чем в пять раз (0,67 %: 0,14 %)¹⁸⁰.

Заметную роль здесь сыграли несколько факторов. Основное различие между осетинами и азербайджанцами состояло в том, что осетины не подвергались столь масштабному и жесткому социальному преследованию, как азербайджанцы. В случае с азер-

байджанцами это означало преследование «бандитских элементов» и их мнимых симпатизантов, а также репрессии в отношении «социально опасных элементов», бездомных и безработных. Чтобы гарантировать массовое осуждение этих «контингентов» «кулацкой» *тройкой*, им почти всегда наряду с уголовными преступлениями приписывались политические преступления, как правило – антисоветская пропаганда.

Наряду с репрессиями в отношении социальных маргиналов также заметно выделяется высокий коэффициент преследования крестьян-единоличников. Очевидно, таким образом в этой сельской местности власти стремились сломить их влияние. Что «роднит» азербайджанцев с осетинами, так это то, что репрессии серьезно «проредили» их немногочисленные элиты. Интенсивные репрессии были направлены на тех немногих «тюрок», преимущественно из низшего звена выдвиненцев, которые сумели хоть немного забраться вверх по советской социальной лестнице. Из 1250 осужденных лиц 111 (9 %) были кандидатами и членами партии. Из них 74, т. е. 67 %, были расстреляны. Если же рассмотреть отдельно только служащих, то из 154 осужденных чиновников 66 % (97 человек) были приговорены к ВМН (у крестьян – «только» 3 %, четверо из 142 человек). Кроме того, среди осужденных служащих многие были членами ВКП(б) (41 %; 63 человека). Всего же было осуждено 124 «партийца», которых ожидала суровая расправа: 79 из них, т. е. 64 %, были расстреляны.

В дополнение к государственным и партийным элитам серьезным преследованиям подверглись азербайджанские религиозные элиты, хотя и менее систематично по сравнению с турками. В жернова репрессивной машины попало 18 мулл, из них 11, т. е. 61 %, были приговорены к расстрелу, что для духовных лиц было прямо-таки «мягким» наказанием.

При рассмотрении конкретных приговоров *тройки* дополнительно выяснилось, что в случае с азербайджанцами (так же, как и в случае с армянами), имел место скрытно тлеющий территориальный конфликт между ними и грузинами. Осужденные мусаватисты и сторонники партии «Таджи» (всего 31 человек), в случае с которыми речь шла о членах националистических азербайджанских групп, были практически все без исключения жителями азербайджанских поселений, располагавшихся близ границы Грузии с Азербайджаном¹⁸¹. Что же касается осетин, то этот фактор внутренней «кавказской конкуренции» и боязни исправления границ не в пользу Грузии либо отсутствовал полностью, либо не нашел своего отражения в протоколах *тройки*.

Намерение властей, подвергших азербайджанцев сверхпропорциональным преследованиям, которые по своим масштабам и жестокости были сравнимы с репрессиями в отношении абхазов, могло в данном случае заключаться в том, чтобы воспрепятствовать артикуляции интересов данной этнической группы, будь это религиозные, культурные, социальные или политические интересы. Желательным побочным эффектом репрессий было вытеснение «тюрок» с политической и общественной арены Грузии. Выиграть от всего этого могли, хотя и не по своей воле, этнические грузины.

7. Высокостатусные «советские» национальности: русские, украинцы, евреи

Национальными меньшинствами, которые располагали в Грузии таким же или сравнимым социальным и политическим статусом, как грузины, являлись только русские и украинцы. В случае с украинцами речь шла преимущественно о заводских рабочих, а также о военнослужащих и сотрудниках органов государственной безопасности. Перепись населения 1926 г. учла в Грузии 10 747 украинцев-мужчин и только 3 609 украинок, причем в ряде уездов соотношение полов было еще менее сбалансированным¹⁸². Отсюда можно сделать вывод о высокой доле среди украинцев одиноких мужчин, что характерно для армии, органов безопасности и промышленных предприятий. Учитывая форсированную индустриализацию и рост армии, ситуация не могла существенно измениться к 1937 г.

В случае с русскими наблюдалась похожая картина, из которой, тем не менее, «выпадали» верующие – члены сект молокан и духоборов, поселившихся в Грузии в XIX веке. В царское время сектанты не обладали высоким социальным статусом, в лучшем случае их лишь терпели. Однако, учитывая их трудолюбие и хозяйственные способности, сектантов часто привлекали к сооружению и обслуживанию больших сельскохозяйственных предприятий, имевших тенденцию к промышленному производству (молочные фермы, сыроварни и т. п.). В советское время они снова подверглись маргинализации как по причине своих религиозных

убеждений и религиозного пацифизма, так и из-за их хозяйственных успехов – как «классовые враги». Остальная часть (городского) русского населения была представлена в государственном аппарате Грузии немного выше среднего уровня (доля русских среди членов ВКП(б) уже в 1929 г. составляла 9 %).

Степень репрессий (украинцы 0,73 %, русские 0,69 %) и интенсивность применения ВМН (украинцы 0,35 %, русские 0,36 %) в отношении украинцев и русских лишь немного превышают аналогичные показатели у грузин¹⁸³. Однако следует подчеркнуть, что русские и украинцы как доминирующие этносы советского государства (как количественно, так и с исторической точки зрения) не имели, очевидно, в Грузии какого-либо особого статуса, который наверняка отразился бы здесь в более низких показателях репрессий. И все же здесь также необходимо учитывать сравнительно высокую долю т. н. сектантов (духоборцев, молокан) среди восточнославянского населения Грузии. Возможно, в данном случае имела место взаимная компенсация различных аспектов: высокостатусные русские элиты, проживавшие в городах, преследовались слабо, в то время как «сектанты», преимущественно проживавшие в сельской местности, были подвержены гораздо более интенсивным репрессиям. Здесь для получения ясной картины необходимо провести дополнительное изучение протоколов *тройки* в отношении русских и украинцев.

Весьма специфичными представляются репрессии в отношении еврейского населения Грузии. Евреи компактно проживали в грузинских городах, и не только в Тифлисе, но и в средних и мелких городских поселениях. Они делились на грузинских евреев, которые обосновались в Грузии за столетия до вхождения Грузии в состав Российской империи, и на европейских евреев (ашкенази), говоривших на русском языке и отчасти также на идише. В небольших городах доминировали грузинские евреи, ашкенази были сильнее представлены в Тифлисе. Согласно данным переписи 1926 г., к группе грузинских евреев относилось 20 897 человек, в то время как 9 262 человек были учтены исключительно как «евреи», т. е. в их случае речь шла об ашкенази¹⁸⁴. Кроме того, имелась еще небольшая группа горских евреев, говоривших на татском языке, группа среднеазиатских евреев, говоривших на таджикском, и т. п. В 1937 г. все эти различия игнорировались: такая промежуточная категория, как «грузинский еврей», была больше нежелательной. В рамках политики унификации, как, например, в случае с мусульманами – картвельцами,

теперь могли иметься либо грузины, либо евреи. В результате около 10 000 грузинских евреев были отнесены в ходе переписи к грузинам.

Грузино-еврейское население, в противоположность прочим группам, имело уровень образования, превышавший среднестатистический показатель, и проживало практически полностью в городах. Однако большинство грузинских евреев, как уже подчеркивалось, жило все же не в Тифлисе, а в средних и малых городах. Как и повсюду, эти евреи занимались главным образом мелкобуржуазными профессиями (ремесленники и торговцы) и отличались своей религиозностью. Ашкенази – жители больших городов – уже не были, как правило, верующими иудеями и были сверхпропорционально представлены среди членов коммунистической партии. Уровень их образования был еще выше, чем у грузинских евреев.

К сожалению, неясно, о каких евреях – грузинских или «прочих» – идет речь в статистических отчетах НКВД 1937–1938 гг. Степень репрессий в отношении евреев в рамках «кулацкой» операции составляет 0,58 %, что ниже соответствующего показателя у русских и украинцев, но почти не отличается от показателя в отношении грузин. Однако бросается в глаза частое применение смертной казни: соотношение количества казненных к общей численности этой группы населения составляет 0,41 %. Что же касается доли осужденных к ВМН от общего количества осужденных евреев, то она близится к 70 %, в то время как у грузин, русских, украинцев и осетин это соотношение составляет около 48 %.

«Национальная» тройка, осудившая пять евреев (0,007 %), не играла в репрессиях в их отношении какой-либо практической роли. Например, немцы с их степенью репрессий 0,1 % осуждались в 14,3 раза чаще, чем евреи. Тем не менее стоит указать, что так же, как и в случае с немцами, большой процент евреев был осужден к ВМН, а именно 40,0 % (немцы – 42 %) ¹⁸⁵. Что же касается *двойки*, то данные об осужденных ею евреях отсутствуют. Таким образом, очевидно евреи не воспринимались властями как «враждебная» нация.

В целом очень высокий социальный статус евреев, в том числе в Грузии, подтверждается выкладками на основании «сталинских списков». На основании этих проскрипционных списков в период с мая 1937 г. по ноябрь 1938 г. было осуждено 93 еврея, что при вычислении степени репрессий (общее количество жертв в соот-

ношении с общей численностью населения) дает здесь высокий показатель в размере 0,31 % (соответственно немцы 0,34 %, грузины – 0,08 %, абхазы – 0,14 %) ¹⁸⁶. При этом с мая 1937 г. по 4 октября 1937 г. *Военная коллегия Верховного Суда СССР* осудила в Грузии двадцать одного еврея (остальные 72 еврея из «сталинских списков» были осуждены «*кулацкой*» *тройкой*). Тем удивительней выглядит факт того, что «*милицейская*» *тройка* – карательная инстанция, предназначавшаяся для осуждения лиц, находившихся в самом низу социальной лестницы, осудила в Грузии очень много евреев, а именно 85 человек (в отличие от групп, похожих на них по социальному статусу, таких, как немцы). Степень репрессий в данном случае составила 0,29 %, что почти в 10 раз выше, чем у немцев (0,03 %) ¹⁸⁷.

При более пристальном рассмотрении социального происхождения и актуального социального статуса евреев, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*, выясняется, что из общего числа 173 репрессированных евреев практически не имелось крестьян или кулаков. Последних было «только» шесть человек. Это не должно вызывать удивления: среди евреев, также и в Грузии, были исторически непропорционально слабо представлены крестьяне. Поэтому репрессии в большей степени ударили по бывшим купцам, мещанам, а также сотрудникам царских карательных органов и органов юстиции (всего 32 человека). Уровень образования репрессированных евреев был очень высоким: свыше 50 % имели среднее и высшее образование ¹⁸⁸. Среди жертв был лишь один неграмотный. Фактор бывшего членства в антисоветских партиях не играл здесь какой-либо роли, однако почти 1/3 (52 человека из 173) были бывшими членами ВКП(б). Следует также подчеркнуть высокий процент применения смертной казни, во многом именно за счет казненных членов ВКП(б) (43 человека из 52, что составляет 83 %), а также концентрацию репрессий на служащих (95 % от общего количества 129 человек, в отношении которых есть соответствующие данные) и их истребление почти на три четверти (76 человек) ¹⁸⁹.

Высокий уровень образования евреев, осужденных в рамках «*кулацкой*» операции, а также их солидное представительство в государственном и партийном аппарате объясняется прежде всего тем, что 64 % лиц, изначально относившихся к еврейскому контингенту *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, были «пропущены» через жернова «*кулацкой*» *тройки* при НКВД ГССР. В результате доля этого «элитного контингента» составила

среди евреев – жертв «кулацкой» тройки – около 40 % (72 из 173 человек)¹⁹⁰. Это же обстоятельство объясняет высокий процент приговоров к ВМН. В то же время обращает на себя внимание то, что в 1938 г. тройка осудила больше евреев, чем в 1937 г. (1937 г. – 83 человека, 1938 г. – 95 человек), хотя в целом количество лиц, осужденных тройкой в 1938 г., резко сократилось по сравнению с предыдущим годом. И это также было связано с повышенной долей еврейского контингента Военной коллегии Верховного Суда СССР среди жертв «кулацкой» тройки¹⁹¹.

Типичным примером случая осуждения «кулацкой» тройкой человека из числа контингента Военной коллегии Верховного Суда СССР является дело начальника строительного треста, находившегося в подчинении у Тбилисского горсовета. Шендеров Исак Матвеевич, член ВКП(б) с 1931 г., имевший высшее образование, был осужден 9 ноября 1937 г. к ВМН по обвинению в участии в «контрреволюционной террористическо-диверсионно-шпионской организации правых в Грузии» и проведении «вредительской работы на крупных строительствах Тбилстроя»¹⁹².

Собственно контингент «кулацкой» тройки среди евреев, без дополнительного «вливания» жертв «сталинских списков», был в среднем менее образованным и большей частью беспартийным. В качестве репрезентативного примера можно привести дело выходца из мещан, беспартийного бухгалтера горжилотдела ж.-д. станции Сухуми Александра Николаевича Мекклера. Он обратил на себя внимание НКВД Абхазии тем, что, «работая в милиции г. Сухуми по снабжению, он тесно был связан с членом контрреволюционной троцкистско-шпионско-повстанческой организации В. Лакоба, по заданию которого выкрал из стола письмо для контрреволюционной организации, которое передал В. Лакоба». Кроме того, Мекклер обвинялся в том, что «работая в милиции... занимался злоупотреблением и присваивал деньги, а также было установлено, что Мекклер продал казенный “наган” за 250 руб., снабжал контрреволюционера В. Лакоба деньгами, добываемыми путем махинаций, и покрывал вредительство контрреволюционера В. Лакоба». Лапидарный приговор тройки, вынесенный 9 ноября 1937 г., гласил «расстрелять»¹⁹³.

Среди еврейского контингента «кулацкой» тройки можно даже встретить спекулянтов и других уголовников с обвинениями бытового характера. Такого рода лица, как правило, осуждались в случае с другими национальностями «милицейской» тройкой, здесь этого не случилось, возможно потому, что эти евреи были

жителями небольших городов, где борьбе с уголовной преступностью уделялось особое внимание.

Причины осуждения евреев, приведенные в протоколах заседаний «*кулацкой*» *тройки*, имели, как правило, внутривнутриполитическую подоплеку (82 %, 27 из 33 случаев)¹⁹⁴. Что же касается крайне малого количества случаев осуждения евреев «*национальной*» *тройкой*, то здесь центральное место играют обвинения в шпионаже в пользу Польши и Турции (3 из 5 случаев), однако ирония состоит в том, что в двух оставшихся делах фигурирует обвинение евреев в шпионаже в пользу Германии. Точно такая же картина наблюдается в случае с пятью делами «*кулацкой*» *тройки*, в которых присутствует внешнеполитическая подоплека: в двух из них речь идет о соотрудничестве обвиняемых евреев с Германией.

Тесная связь между социальным положением и интенсивностью репрессий видна на примере евреев уже небогатым взглядом, но эту взаимосвязь можно обосновать дополнительно, поскольку в случае с рядом отдельных дел авторам удалось разделить жертвы на грузинских евреев и других евреев, главным образом ашкенази. Восточноевропейские евреи, практически всегда имевшие среднее, а зачастую и высшее образование, определяли облик евреев, проходивших по «сталинским спискам» и протоколам «*кулацкой*» *тройки*, среди жертв которой доминировал, как уже было установлено, еврейский контингент *Военной коллегии Верховного суда*. Это же справедливо в отношении «*национальной*» *тройки*. Зато те немногие грузинские евреи, которых осудила «*кулацкая*» *тройка* и *Военная коллегия*, всегда были малообразованными и зачастую либо имели связи с уголовной средой, либо зарекомендовали себя закоренелыми попрошайками и безработными. Соответствующим образом они были сверхпропорционально представлены среди контингента «*милицейской*» *тройки*. Типичным представителем этого еврейского контингента «*милицейской*» *тройки* был малограмотный грузинский еврей Зебо Елоевич Косашвили из Кутаиси. Его «*послужной*» список, составленный сотрудниками отдела уголовного розыска (ОУР) УРКМ НКВД Грузинской ССР, был длинным: 1921 г. – задержан по обвинению в воровстве, 1935 г. – первая судимость, осужден *тройкой при НКВД* – т. е. «*милицейской*» *тройкой* – как «социально-вредный элемент» (СВЭ), потом снова кража, еще один арест за «азартную игру» и связь с «ворами-рецидивистами». Теперь же, в 1938 г., он получил от *тройки* пять лет лагерей,

несмотря на крайне скудную доказательную базу и давно отбытые наказания¹⁹⁵.

Что же касается статистики осуждения грузинских евреев, то среди 21 еврея, осужденного на выездных заседаниях *Военной коллегии Верховного Суда СССР* в Грузии с мая по 4 октября 1937 г. («сталинские списки», без участия «кулацкой» тройки), только двое были грузинскими евреями. Среди жертв «кулацкой» тройки их доля выросла уже до 15 % (27 из 173), а среди жертв «милицейской» тройки – даже до 62 % (53 из 85 человек). Среди жертв «национальной» тройки грузинских евреев не было вовсе. Таким образом, различные карательные органы осудили в годы Большого террора в Грузии 82 грузинских еврея¹⁹⁶. Количество остальных осужденных евреев было в 2,5 раза больше (207 человек), и это притом, что по своей совокупной численности они серьезно уступали грузинским евреям¹⁹⁷. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Грузии было учтено в два раза больше «евреев грузинских», чем остальных «евреев». Если учитывать последнее соотношение, то «просто» евреев преследовали даже не в два с половиной, а в пять раз чаще.

Таким образом, репрессивная статистика указывает нам на специфику карательной практики, которая главным образом ориентировалась на социальный статус двух разных групп евреев в грузинском обществе: грузинских евреев и евреев-иммигрантов. При этом в следственных делах и обвинительных актах явных следов этой дифференциации евреев на две группы не наблюдалось. В случае с евреями-переселенцами репрессии в первую очередь ударили по тем, кто занял высокое место на социальной и политической лестнице, в случае с грузинскими евреями – преимущественно по социальным маргиналам. Если перефразировать, то с одной стороны, речь шла, без всякого сомнения, о «чистке» партийных и государственных органов от евреев-ашкенази в духе формирования гомогенных политических и административных структур власти из представителей титульной нации. Эффект «беспримерной карьеры» этих еврейских выдвиженцев в партии и государстве был нивелирован в результате «декоренизации» (Г. Симон), поскольку центр тяжести репрессий обрушился именно на эту группу (207 человек, 2/3 или 72 % от общего количества репрессированных евреев)¹⁹⁸. С другой стороны, средние и малые города Грузии были сверхпропорционально зачищены от социальных маргиналов из числа грузинских евреев, располагавших низшим образованием или вовсе малограмотных.

Необходимо подчеркнуть, что «милицейская» тройка, если сравнивать показатели степени репрессий, осудила в девять раз больше евреев (главным образом грузинских), чем этнических грузин (0,26 % : 0,03 %) ¹⁹⁹. Очевидно, свою роль также сыграла их дурная слава игроков, спекулянтов и воров, что наглядно отражается в протоколах *тройки*, поскольку именно эти обвинения определяли причины осуждения.

Наряду с данными по езидам, которых «милицейская» тройка осуждала в десять раз интенсивнее, чем грузин (0,38 % : 0,04 %), этот результат имеет существенное влияние на наш исходный тезис, согласно которому социально менее статусные нации преследовались в меньшей степени, более социально значимые нации – в существенно большей степени. Напоминаем, что этот тезис уже был расширен нами с учетом воздействия таких факторов, как «момент времени» или «период времени» (смещенные по времени или отложенные репрессии в отношении абхазов и осетин) и «география» (спорные территории и «зачистка» городов). Теперь этот тезис не только должен быть расширен, но и изменен в том отношении, что социально менее значимые национальности или субэтноты какой-либо национальности также подвергались активным преследованиям в том случае, если имела место комбинация географических и этнокультурных, а также социальных факторов. В случае с грузинскими евреями и езидами (см. следующий раздел) фактор «географии» относился преимущественно к репрессиям с целью «зачистки» (небольших) городов, что в комбинации с результатами преследований в отношении осетин означает, что типичные социальные проблемы городов привлекали к себе гораздо больше внимания властей, чем проблемы села.

8. «Иностранные» национальности: курды, езиды, греки, иранцы

Что же касается преследований в годы Большого террора иностранных граждан, а также этносов, главный район расселения которых находился за пределами советских границ, то в случае с Грузией мы имеем возможность изучать и сравнивать пять национальностей: курдов, греков, турок, немцев и иранцев. Езиды образуют особую группу. Сначала мы оставим без внимания ка-

кие-либо сравнения и параллели внутри этой группы «чуждых» национальностей. В большей степени мы будем здесь сравнивать курдов, греков, турок, немцев и иранцев с армянами, осетинами и абхазами, но также с грузинами и лазами, хотя в случае с армянами речь идет о представителях нации, имевшей собственную федеративную советскую республику за пределами Грузии, с осетинами и абхазами – о «полутитульных» нациях Грузии, с грузинами – о титульной нации Грузинской ССР, а лазы являются представителями южно-кавказских народов. Это послужит тому, чтобы не упустить из виду потенциальные внутренние «грузинские» мотивы репрессий, а также аналогии в качественных и количественных параметрах преследований. Лишь под конец речь пойдет о сравнении репрессий в отношении «чуждых» диаспор между собой.

Начнем с курдов. Их район происхождения и основного расселения, так же как и у лазов, находился за пределами Грузии (и советских границ в целом). Однако, как и лазы, курды не имели собственной государственности. В любом случае основные районы их расселения географически располагались гораздо дальше от советских границ, чем это было в случае с лазами (и турками). С армянами курдов связывает то обстоятельство, что среди них также наблюдалась четкое разделение на сельское и городское население, однако линия раскола прошла не по социальному, как у армян, а по религиозно-культурному признаку. Как это было отражено в материалах переписи 1926 г., курды образовывали две группы: курды – мусульмане (в Грузии практически все они относились к суннитам) и езиды, исповедующие оригинальную религию²⁰⁰. По данным переписи 1926 г., в Грузии проживало 7955 курдов и 2262 езида – советские граждане, а также 141 курд и 39 езидов с заграничными паспортами. Итого – 10397 человек, из них 2301 (22 %) езиды, остальные (78 %) курды-сунниты²⁰¹.

Курды-сунниты в Грузии были частично отуречены, имели низкий уровень образования, высокая доля курдов была неграмотной. Те немногие, кто овладел грамотой, могли читать по-турецки, но не на курдском. В случае с курдами-суннитами речь шла о крестьянах (занимавшихся скотоводством, часто в форме кочевого пастбищного хозяйства, что воспринималось со стороны как «кочевничество») или о беженцах, одна часть которых жила в своих собственных небольших селениях, другая – в виде рассеянной диаспоры в турецких деревнях, которые до 1829 г. (Ахалцихе, Ахалкалаки) или соответственно до 1878 г. (Аджария) относились к Османской империи²⁰².

Напротив, езиды не были отуречены. Их религия, несмотря на поздние исламские влияния, однозначно является оригинальной. Из-за роли, которую в их религии играет Азазель, они традиционно рассматривались мусульманами как поклонники дьявола (турецк.: *şeytanperest*) и неоднократно подвергались кровавым преследованиям, в том числе и со стороны курдов (суннитов). В ходе жестоких боев в 1918 г. между армянами, с одной стороны, и турками и азербайджанцами, с другой, иррегулярная кавалерия езидов поддерживала армян, в то время как курды-сунниты сражались на другой стороне²⁰³.

Езиды проживали в Грузии преимущественно в Тифлисе и – в меньшей степени – в Батуми, в отличие от армян-горожан были необразованными бедняками, почти сплошь и рядом неграмотными, по профессии – грузчиками и водоносами, сторожами, уборщиками улиц, старьевщиками и т. п. Представители езидской элиты встречались в Грузии крайне редко – речь в этом случае шла о племенных вождях и религиозных лидерах²⁰⁴. По причине их длительной религиозной изоляции и гонений езиды представляли собой замкнутый социум, который, однако, из-за низкого социального «пролетарского» статуса езидов рассматривался большевиками как социум, способный усвоить новую революционную идеологию²⁰⁵. Но в то же время езидов отличала высокая религиозность и лояльность по отношению к клановым и племенным структурам. Несмотря на отношения, которые они поддерживали с армянами и грузинами, среди езидов царила строгая эндогамия, т. е. браки осуществлялись только внутри группы.

Мы располагаем отдельной статистикой о проведении репрессий в ходе Большого террора как в отношении курдов-суннитов, так и езидов²⁰⁶. Трудность заключается в отсутствии сведений об общей численности каждой из этих групп в отдельности. В материалах переписи 1937 г. приводится только общая цифра – 12 601 курд, без разделения на курдов-суннитов и езидов. Поэтому мы вынуждены использовать при вычислениях соотношение численности между этими двумя группами, имевшее место в 1926 г. Если предположить, что в 1937 г. сохранилось то же самое соотношение между курдами-суннитами и езидами, как и в 1926 г., т. е. примерно 3/4 к 1/4 (см. выше), то мы можем исходить из того, что в 1937 г. численность курдов-суннитов составляла около 9450 человек, а численность езидов – около 3 150 человек²⁰⁷. Эти приблизительные величины в отношении курдов-суннитов подкреп-

ляются тем, что в ходе депортации турок, курдов и хемшинов (амшенцев) из юго-западной Грузии в 1944 г. в документах НКВД число депортированных курдов составляет 8694 человека²⁰⁸. Поскольку незначительная часть курдов-суннитов в ходе коллективизации бежала в Турцию, часть перебралась в Тбилиси, а еще часть стала жертвой войны, то их предположительная численность на 1937 г. кажется вполне реалистичной.

Однозначно низкий социальный статус курдов-суннитов, как и в случае с осетинами, в полном соответствии с нашей исходной гипотезой означал также и менее интенсивные репрессии в их отношении. Степень репрессий (соотношение численности репрессированных к общей численности данной группы) составила у курдов-суннитов 0,32 % (осетины 0,24 %). Интенсивность применения смертной казни понизилась до 0,13 % (осетины 0,13 %), что означает, что «только» каждый третий осужденный курд приговаривался к ВМН, в то время как среди осетин доля казненных составила более половины²⁰⁹. Кроме того, в отличие от абхазов, совершенно ничего не известно о каких-либо значительных преследованиях до лета 1937 г. представителей элиты курдов-суннитов, и без того крайне малочисленных.

В ходе «кулацкой» операции *тройка при НКВД Грузинской ССР* осудила за 1937–1938 гг. 30 курдов. Девять из них были жителями деревни Накалакеви Аспиндзского района. Еще девять человек были жителями других деревень этого района, т. е. всего 18 человек из этого района (60 %). Пять человек (в том числе, что нехарактерно, три женщины²¹⁰), жили в Ахалцихском районе (17 %).

Типичным в отношении курдов было обвинение в связях с Турцией. Так, по материалам следствия, многие из обвиняемых поддерживали родственные связи с «закордонными бандитами» или сами якобы были «членами банд», неоднократно переходившими границу или задержанными при попытке сделать это вновь. Такого рода обвинение было выдвинуто в отношении 14 человек (54 %), в том числе в отношении трех женщин, которые также были расстреляны. Еще одна «антисоветская» группа в числе семи человек состояла из окружения муллы Бастанжиева. Согласно обвинению, мулла организовал в Накалакеви и окрестностях контрреволюционную организацию с целью антисоветского вооруженного восстания. Наряду с ним и его сыном²¹¹ в состав этой организации якобы входило еще несколько десятков человек, но в протоколах *тройки* поименно упоминаются только пятеро. Эти

пять человек еще в 1918 г. во время наступления турецких войск на Аспиндзу служили Османам в качестве солдат или жандармов, и поэтому они расценивались как особо опасные. Из семи человек, образовывавших группу Бастанжиева, четверо были расстреляны. Оставшиеся пять курдов из двадцати шести (за вычетом 14 «бандитов» – нарушителей границы и семи членов группы Бастанжиева) относились большей частью к руководящей верхушке курдской общин. Так, был осужден председатель колхоза в Накалакеви, который не только обвинялся в подрывной работе по заданию контрреволюционной организации, но и якобы поддерживал контакты с дашнаками. Вместе с ним был также осужден председатель Накалакевийского сельсовета, оба они получили по 10 лет лагерей²¹².

Еще два курда были осуждены по шаблонному обвинению в антисоветской агитации, а последний выпал из этого привычного ряда: ему инкриминировалось участие в убийствах, случившихся в 1925 и 1933 гг. вдалеке от турецкой границы, а также предводительство бандой грабителей.

«Национальная» тройка вынесла приговоры в отношении шести курдов, которым вменялись переходы границы и антисоветское поведение, заключавшееся в критике экономических мероприятий большевиков. Отдельной «курдской» линии или «курдской» операции не было, соответствующие протоколы «национальной» тройки имеют пометку «по туркам», т. е. курдов репрессировали в рамках «турецкой» линии. На самом деле все эти шесть человек нелегально переместились в Грузию из Турции, а некоторые переходили границу неоднократно, ходатайствовали о разрешении эмигрировать в Турцию, в то же время они агитировали против коллективизации и советской власти. В пяти случаях курды были осуждены к лагерному заключению, а еще в одном, где было выдвинуто обвинение в шпионаже – к ВМН²¹³.

В протоколах «милицейской» тройки как курды проходят четверо обвиняемых, однако в случае с тремя из них очевидно речь идет об езидах. Это предположение основывается на их именах, характерных для езидов, а также на том, что они родились в езидских деревнях Армении. В случае с четвертым обвиняемым, скорее всего, речь также идет о представителе езидской диаспоры. Поэтому целесообразно отнести этих четырех человек к езидам и рассматривать их в соответствующем контексте (см. ниже).

В целом можно констатировать, что шаблон репрессий в отношении курдов-суннитов почти точно соответствовал «турецкому»

шаблону. В приграничных курдских деревнях, как и в турецких селениях, жители зачастую были связаны с Турцией родственными связями. В ходе коллективизации многие из них нелегально переехали в Турцию, некоторые из них позднее вернулись обратно, многие поддерживали связи с родственниками, пытались эмигрировать или агитировали за эмиграцию. Кто-то служил в 1918 г. в вооруженных отрядах, сражавшихся на стороне Османской империи. Такой актуальный образ действий, равно как прошлые проступки, подвергались в 1937–1938 гг. систематическим преследованиям, при этом репрессии часто затрагивали представителей низшей партийно-государственной элиты, таких, как председатели колхозов и сельских советов.

Что же касается езидов, то гипотеза о прямой корреляции низкого социального статуса и низкого уровня репрессий здесь не «работает». Степень репрессий применительно к общей численности езидского населения составляет 0,73 %, т. е. в два раза больше, чем аналогичный показатель у курдов-суннитов (0,32 %) или у осетин (0,24 %), а также гораздо выше, чем у грузин (0,63 %). Эти цифры подкрепляются данными о применении смертной казни. В соотношении с общей численностью езидов степень репрессий составила 0,51 %, что лишь немногим меньше аналогичного показателя у абхазов (0,57 %). Пропорция между ВМН и лагерным заключением выглядит у езидов как 1 : 0,4, т. е. 70 % всех репрессированных езидов приговаривались к расстрелу (абхазы 1 : 0,8 или 57 %). Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что репрессии в отношении езидов во времени сконцентрированы на 1938 г. (общая степень репрессий за 1937–1938 гг. равняется 0,73 %, за 1938 г. – 0,67 %). Если в 1937 г. «кулацкая» тройка приговорила только двух езидов к лагерному заключению, то в следующем году был осужден уже 21 езид, причем большинство были приговорены к смертной казни. Что же касается курдов-суннитов, то в их отношении репрессии были равномерно распределены на оба года: в 1937 г. степень репрессий составила около 0,13 %; в 1938 г. – столько же, вместе около 0,26 %).

Говоря о репрессиях в отношении езидов, необходимо различать два аспекта, которые в конечном итоге имеют определенные точки соприкосновения, но на первый взгляд они существенно отличаются друг от друга. Езиды относились к нижним слоям городского населения Тбилиси и Батуми. Таким образом, логично

было бы ожидать заметных репрессий в их отношении со стороны «милицейской» тройки, что действительно имело место: «милицейская» тройка всего осудила 12 езидов (степень репрессий 0,38 %), все они были жителями Тбилиси. Речь в их случае шла о типичных представителях городской (мелкой) уголовщины – ворах, организаторов азартных игр, нарушителях режима прописки и паспортного режима, реже – о взломщиках и грабителях. Фактический уровень репрессий езидов в ходе социальной зачистки городов на самом деле был еще выше, поскольку четыре «курда», осужденные «милицейской» тройкой, на самом деле также были езидами. Этот учет езидов как курдов произошел в результате амбивалентности понятия «курд», поскольку езиды как категория населения время от времени все еще появлялись в делах, однако официально езиды как религиозная группа уже были ликвидированы. Таким образом, езиды могли упоминаться в протоколах тройки как курды или как собственно езиды, в то время как курды-сунниты – лишь как курды, но не как езиды. Итого «милицейская» тройка осудила фактически 16 езидов (0,51 %), причем 12 из них были указаны в делах как езиды и четверо – как курды.

В этот контекст преследования уголовных элементов хорошо вписываются оба «езидских» дела, рассмотренных «кулацкой» тройкой в 1937 г. Обвиняемые, Халилов и Дукаев, неоднократно были судимы ранее за воровство и уголовный рецидивизм. Их арестовали 28 сентября 1937 г. на перроне железнодорожного вокзала Тифлиса в ожидании прибытия поезда, причем у Дукаева при аресте был найден «браунинг» с семью патронами. Очевидно, из-за этого огнестрельного оружия, фигурировавшего в деле, дела езидов рассматривались «кулацкой» тройкой, которая имела право выносить более жестокие приговоры. Обвиняемые получили по 10 лет лагерей каждый²¹⁴. Собственно говоря, оба они по идее относились к контингенту «милицейской» тройки, занимавшейся борьбой с «обычной» преступностью, так как в их обвинениях полностью отсутствовал политический мотив.

Совершенно иначе выглядит ситуация в случае с езидами, осужденными в 1938 г. «кулацкой» тройкой. Центр тяжести здесь образует групповое дело 15 езидов, которое тройка рассматривала 14 марта 1938 г., в результате чего 14 человек были приговорены к расстрелу, один – к 10 годам лагерей²¹⁵. Здесь, согласно обвинению, речь шла об активных членах «контрреволюционной дашнакской террористической организации». Вожаком этой группы якобы являлся Сафо Амоев, 1866 года рождения, бывший

шейх, т. е. религиозный предводитель езидов. Как и остальные обвиняемые по этому делу, он не был уроженцем Грузии (восемь обвиняемых родились на территории Армении в границах 1937 г., семеро – соответственно на территории Турции). Очевидно, речь здесь шла о верхушке езидской группы: наряду с бывших шейхом были осуждены также два бывших бека – Рашид Измаилович и Саид Измаилович Тафурованы. Они оба находились в родственных отношениях со знаменитым вождем езидов Джахангир-беком (в протоколах *тройки* – Джаангир-бек) и сражались вместе с ним. Этот командир племенной конницы в битве с турецкими войсками под Сардарабатом в 1918 г. возглавлял отряд из 700 всадников-езидов на стороне армян. В лице Джалила Надоева был осужден еще один военнослужащий армянской армии образца 1918–1921 гг. Что же касается Кочаха Лазгиевича Сайядова, то он был тайным агентом НКВД, который обвинялся в том, что скрыл от «органов» существование в Тбилиси «езидской» организации и свою принадлежность к ней.

Еще один обвиняемый, Давриш Джафарович Мстоев, работал бригадиром грузчиков, в то время как Самед Броевич Разоев был бывшим заведующим отдела подочистки Кировского района г. Тбилиси. Следующий обвиняемый, сын бека, был кандидатом в члены ВКП(б), еще один происходил из семьи бека, еще двое также были членами коммунистической партии. Зато в случае с Гусни Слоевичем Шавешовым речь, возможно, вновь идет о связях с уголовным миром. Шавешов якобы входил во «вскрытую» организацию, тем не менее, в 1936 г. он уже был исключен из ВКП(б) по обвинению в неудавшейся попытке ограбления и соучастии в убийстве. Возможная политическая подоплека в его случае остается неясной. Обвинение в отношении Али Катаевича Усоева свидетельствует о шпионофобии. Они основывались на том, что, будучи грузчиком в Батуми, он поддерживал в 1925–1928 гг. контакты с итальянским консулом. Вряд ли речь действительно идет о шпионаже, скорее это обвинение было выдвинуто для подкрепления дела в целом.

К этим 15 езидам фактически относились еще двое, приговор в отношении которых *тройка* вынесла на следующий день, 15 марта 1938 г. Речь идет о езидах, которые якобы также входили в эту «контрреволюционную организацию». Кроме того, один из них обвинялся в соучастии в убийстве, другой якобы имел дела с контрабандой в 1924–1927 годах²¹⁶.

В целом здесь становится зримым, насколько систематически оказались втянуты в этот репрессивный круг элиты езидов г. Тби-

лиси. Для чекистов не стало проблемой объединить в одном деле представителей «старых» элит (шейхи и беки, участники армянских вооруженных формирований) и советских «выдвиженцев» (бригадир грузчиков и заведующий коммунальным отделом, члены коммунистической партии). Характерно, что единственный обвиняемый по этому «езидскому» делу, которого не расстреляли, не относился ни к одной из этих двух категорий. 27 апреля 1938 г. были осуждены еще два езида, жители Батуми, второго центра проживания езидов в Грузии²¹⁷. Обвиняемым, уроженцам г. Карса Усоеву и Амирову, органами НКВД Аджарии вменялось участие в нелегальной контрреволюционной организации «Хойбун» (по-курдски: Хоубûн), по заданию которой они якобы занимались добыванием оружия. Эта организация, руководство которой находилось на подмандатной французам территории Сирии и Ливана, охватывала широкие части Курдистана. В ее состав входил Ихсан Нури Паша, организатор Араратского восстания курдов 1927 г., подавленного турецкими войсками с иранской и советской поддержкой. В отношении этих езидов были выдвинуты еще такие обвинения, как агитация против колхозов и партийно-советского руководства. Оба езида, по профессии служащие, имели сравнительно неплохое образование. Усоев был выходцем из духовного сословия, Амиров – бывшим кандидатом в члены ВКП(б). Приговор в их отношении был относительно мягким – 10 лет лагерей, и это несмотря на их связи с Турцией и курдскими «реакционерами», участниками восстаний 1925 и 1931 гг., а также фигурирования в деле оружия. Такая градация наказаний свидетельствует, что, с точки зрения грузинского центра проармянский национализм езидской диаспоры Тбилиси расценивался как более опасный, чем прокурдская ориентация езидской группы в Батуми. 23 мая 1938 г. были осуждены к 10 годам лагерей – последний случай – еще два члена «Хойбуна», жители Тбилиси, из них один был бывшим членом ВКП(б)²¹⁸.

Статистика репрессий и тяжесть приговоров показывают, что речь в первую очередь шла о масштабной зачистке тех представителей езидской общины Грузии, которые в недавнем прошлом сумели трансформироваться из старых езидских элит непосредственно в новые «советские» элиты. Самоизолированные, ориентировавшиеся только на собственных племенных и религиозных лидеров, структуры езидов не «вписывались» в советский мир. Неслучайно тайный агент НКВД, «обслуживавший» группу, но при этом пытавшийся саботировать указания «органов», был

также расстрелян. То обстоятельство, что и после 1918 г. религиозные миссионеры езидов (qawwāl) совершали свои «рейды» по Закавказью, пересекая советскую границу и собирая пожертвования для езидских храмов в Ираке, выглядело в глазах властей по меньшей мере таким же подозрительным, как и зарубежные связи католических иерархов или акции помощи протестантов²¹⁹. Локализация этих закрытых езидских структур в низах городской среды больших городов также должна была усиливать подозрения со стороны советских властей.

Теперь пришло время перейти к грекам. Греческое население Грузии отличалось от курдского и от всех других национальных меньшинств, которые упоминались здесь до этого момента, поскольку в случае с греками речь идет о диаспоре, имевшей в лице Греции собственное государство за пределами СССР, которое к тому же не имело с Советским Союзом общих границ. Необходимо также отметить, что греки, проживавшие на территории Грузии, не были выходцами из Греции: в случае с ними речь идет о греках, мигрировавших в течение XIX столетия из османской Анатолии. Еще одна особенность греческой диаспоры в Грузии заключалась в том, что она была четвертой по численности (87385 человек, около 2,6 % от общей численности населения Грузии) после армян (395 796) и азербайджанцев (около 105 000). Вслед за греками в непосредственной близости следовали турки (около 82 500, см. ниже). Таким образом, по своей численности греки превосходили даже абхазов (55 409 человек, 1,6 %).

Греческие поселения в Грузии уходят своими корнями в античность, однако едва ли возможно установить неразрывность преемственности от античности до XX века, как, впрочем, и в случае с миграциями позднего Средневековья, в византийские и поствизантийские времена после падения Константинополя в 1453 г. Без сомнения, связи между византийскими греками, а позднее греческим населением османской Анатолии, с одной стороны, и христианской Грузией, с другой стороны, были и в Средневековье, и в раннее Новое время весьма интенсивными, равно как культурное греческое влияние на грузинскую церковь. И все же греческие поселения, существовавшие в Грузии в XX веке, были более молодого происхождения, они возникли в результате миграций греков из Османской империи в XIX – начале XX века. Так, в 1829 г., по результатам Адрианопольского мира, знаменовавшего собой завершение очередной русско-турецкой войны, большому количеству греков удалось перебраться в окре-

стности города Цалка, образовав греческие поселения на юге Грузии, в области Нижней Картвелии, между турками на западе и «татарами» (т. е. азербайджанцами) на востоке. Эти греки были православными христианами, поскольку принадлежность к православию вообще являлась главным определяющим критерием греческой культуры. Зато в языковом отношении, наряду с грекоговорящими группами, в первую очередь понтийскими греками, были представлены также группы, говорившие исключительно на турецком языке. Их называли «урум» (Urum, турецк. Rum = римляне, обозначение византийцев как наследников Восточной Римской империи).

В конце XIX века иммиграция греков в Грузию усилилась, ее основной поток шел через Черное море, начиная от отдельных лиц и семей и заканчивая целыми группами, которые стремились перебраться в Грузию, особенно в ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг., начавшейся с греческого вторжения в Малую Азию в 1919 г. и фактически закончившейся греко-турецким «обменом населения» 1923–1924 гг. Следствием поражения греков в войне стала большая волна переселения 1921–1924 гг., когда многочисленные корабли высадили православных греческих беженцев в портах Абхазии, Гурии и Аджарии²²⁰.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. обнаруживает два примечательных различия греческого населения Грузии. Во-первых, речь идет о делении на грекоговорящую и туркоговорящую группы. Так, перепись зафиксировала 54051 грека – советского гражданина, из которых 28061 человек (52 %) указали в качестве родного языка греческий, а 23005 человек (43 %) назвали родным тюркский. Кроме того, еще для 800 греков родным был армянский язык, для 700 – русский и еще для 500 – грузинский!²²¹ Без сомнения, в случае с «тюркским» языком речь здесь идет о турецком, а не об азербайджанском языке, т. е., собственно говоря, в переписных анкетах следовало бы указать в качестве языка «турецко-османский». Но в то время такой вариант не был приемлемым, как мы уже установили, когда в ходе переписи значительная часть турок была переписана как «тюрки», т. е. азербайджанцы.

Еще одно различие касалось гражданства греков, поскольку наряду с 54051 греком – советским подданным были учтены еще 12184 грека – иностранные подданные, составлявшие абсолютное большинство среди иностранных граждан, проживавших в Грузии (всего 22287 иностранцев)²²². Так, в Абхазии насчитывалось 14045 греков – советских граждан, но также и 10802 грека-

иностранца²²³. В Аджарии проживало 5547 греков – советских подданных и 1205 греков с иностранными паспортами²²⁴. Примечательно, что греки – иностранные подданные, как правило, называли своим родным языком греческий²²⁵. Таким образом, греческие беженцы имели иностранное гражданство, причем остается неясным, в какой степени это обстоятельство соответствовало их собственному желанию, а в какой было следствием общесоветской, грузинской или даже абхазской политики. В 1919 г. греки-понтийцы еще отчаянно требовали на Парижской мирной конференции создания собственного государства, поскольку реалистично понимали, что греческая оккупация Западной Анатолии не решит их проблем. Возможно, в 1926 г., проживая в Грузии, они все еще не расстались с этой надеждой. В результате, хотя понтийцы мигрировали с территории Османской империи, большинство из них указывало свое подданство как «греческое» («Греция»). В целом это отвечало основным принципам «трансфера населения», состоявшегося в 1923–1924 гг. под эгидой Лиги Наций.

Социальный статус греков-иммигрантов был крайне низким. Большинство они были крестьянами или, соответственно, сельскими жителями. Так, в Тифлисе в 1926 г. проживало только 1402 грека, и даже они были преимущественно беженцами без средств существования, находившимися на самом краю общества. Этот низкий социальный статус нашел свое ясное отражение в невысокой степени репрессий, причем применительно ко всем трем массовым операциям. Так, в случае с «*кулацкой*» операцией степень репрессий равнялась 0,18 % (157 осужденных), что было ниже, чем у курдов-суннитов (0,32 %) и осетин (0,24 %). Уровень применения смертной казни – 46 % (72 человека) от общего количества осужденных, был выше, чем у курдов (40 %), однако далеко отставал от осетин (55 %).

«*Милицейская*» тройка осудила еще меньшее количество греков – 17 человек. Степень репрессий в размере 0,02 % равняется такому же очень низкому показателю у осетин и уступает в два раза грузинам (0,04 %). Этот факт резко контрастирует с пиковыми показателями репрессивной активности «*милицейской*» тройки в отношении езидов и евреев, которые превышают «греческий» показатель соответственно в 25,5 раза (0,02 %: 0,51 %) и в 14,5 раза (0,02 %: 0,29 %).

Однако если обратиться к статистике репрессий в отношении греков в ходе национальных операций («*двойка*» и «*националь-*

ная» тройка), то обнаружатся существенные изменения. Так, в случае с «двойкой» количество осужденных греков составило 588 человек, что почти в четыре раза превышает количество греков, осужденных «кулацкой» тройкой. В этом случае степень репрессий (соотношение количества жертв к общей численности греческого населения в Грузии) равняется 0,67 %, что даже выше, чем аналогичный показатель у грузин в рамках «кулацкой операции» (0,63 %). Однако картина становится менее brutальной, если учесть, что степень репрессий применительно к грекам, осужденным «двойкой» к смертной казни, составит относительно невысокие 0,1 % (или 16 % от общего числа осужденных греков).

К этим данным следует добавить численность жертв, осужденных в сентябре – октябре 1938 г. «национальной тройкой». Она составила еще 38 греков²²⁶. Интересным здесь также является количество вынесенных смертных приговоров в сравнении с другими операциями. «Национальная» тройка приговорила к расстрелу «только» 5 человек из 38, или, соответственно, 13,1 % («двойка» – 16 %, «кулацкая» тройка – 46 %). В целом через «кулацкую» тройку прошло «лишь» 19 % греков, зато в ходе национальных операций было осуждено 76 % от общей численности греков, пострадавших в 1937–1938 гг. Соотношение количества греков – жертв «кулацкой», «национальной», «милицейской» троек и «двойки» с общей численностью греческого населения Грузинской ССР составило 0,91 %, однако степень репрессий применительно к грекам, осужденным к ВМН, была «лишь» 0,19 %. Если же посчитать долю расстрелянных греков от общей численности греков, осужденных в ходе всех массовых операций, то она составила 21 %. Общая численность осужденных греков однозначно является весьма высокой, степень репрессий здесь лишь немногим уступает абхазам (1 %). Что же касается применения высшей меры наказания, то она затронула «лишь» пятую часть осужденных, в то время как среди абхазов было расстреляно больше половины жертв (абхазы – 57 %, греки – 21 %).

Вопрос заключается в том, почему греки, которые в социальном, экономическом и религиозном плане не составляли в Грузии конкуренции, а также были слабо представлены в городах, пострадали весьма сильно количественно (800 осужденных)²²⁷ в ходе всех трех массовых операций Большого террора (хотя ВМН в их отношении применялась относительно слабо). Сам собой напрашивается ответ – объяснить высокую «норму» репрессий зарубежными связями греков. У «грузинских» греков имелось

«собственное» государство, хотя они были выходцами из Османской империи, из областей, которые относились не к Греции, а к Турции, и располагались не так далеко от Грузии, сразу же за Лазистаном, в приморской местности. Оба государства, Греция и Турция, были близкими союзниками Великобритании, которая активно действовала в Черноморском регионе, угрожая российским и, соответственно, советским интересам. Стоит только вспомнить Крымскую войну, латентную угрозу России со стороны Великобритании в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (угроза британского десанта), но прежде всего – британскую интервенцию в годы Гражданской войны 1918–1922 гг. В этих британских акциях постоянно были задействованы греческие корабли и моряки. Кроме того, греки демонстрировали «подозрительную» внешнеполитическую и социальную мобильность в качестве моряков, торговцев и купцов. В определенной степени эту «подозрительность» компенсировали традиционно сильные прорусские настроения, царившие среди османских греков, рассматривавших Российскую империю как своего патрона.

Массовые репрессии в отношении греков именно в рамках «национальных» операций («двойка» и «национальная тройка» вместе осудили 626 человек²²⁸), на первый взгляд, свидетельствуют в пользу этой версии. 11 декабря 1937 г. народный комиссар внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал специальную директиву № 50215 о преследовании греков²²⁹, написанную «под копирку» с главного репрессивного приказа по национальным меньшинствам – приказа № 00485 от 11 августа 1937 г. по «польской» линии. В «греческой» директиве доминировала внешнеполитическая мотивация репрессий, впрочем, как во всех остальных приказах, циркулярах и директивах, направленных против национальных диаспор. Греки характеризовались в директиве как агенты немецкой, японской и английской разведки. От всех местных органов Ежов требовал: «В целях пресечения деятельности греческой разведки на территории СССР приказываю: 1. 15 декабря [...] произвести аресты всех греков, подозреваемых в шпионской, диверсионной, повстанческой и националистической антисоветской работе»²³⁰.

В следующих шести подпунктах приказа конкретизировались отдельные группы греческого населения, подлежащие репрессиям, а также локализовались «места», где следовало произвести зачистку в первую очередь. Удар должен был быть нанесен как по грекам – гражданам СССР, так и по иностранным подданным,

которые в прошлом и настоящем привлекли к себе внимание властей и карательных органов. Речь шла о греках, находившихся на оперативном учете в НКВД, с подозрительным социальным прошлым, тех, кто вел «активную националистическую работу», особенно из среды раскулаченных или скрывшихся от раскулачивания. Особое внимание приказывалось обратить на объекты оборонного значения, в первую очередь, фабрики, гавани, электростанции, а также все виды транспорта, армию, флот и, в заключение, войска НКВД.

Основываясь на тезисе, выработанном нами в ходе исследовательского проекта о Большом терроре в Грузии в целом, согласно которому систематические массовые репрессии, осуществлявшиеся государством и управлявшиеся бюрократическим путем, неминуемо влекли за собой уступку центром части своих карательных полномочий периферии, необходимо также и в случае с репрессиями в отношении греков учесть региональные мотивы и местные интересы.

Как бы то ни было, но 19,4 %, т. е. почти пятая часть всех греков, пострадавших в ходе Большого террора, была репрессирована в Грузии в рамках «кулацкой» операции, хотя в этой операции внешнеполитические аспекты как правило играли подчиненную роль. В ходе «кулацкой» операции органы НКВД систематически зачищали малочисленные греческие элиты, элиминируя их участие в общественной жизни Грузии. Треть репрессированных являлась бывшими членами ВКП(б), около 60 % из них были приговорены к ВМН. Служащие, т. е. лица, работавшие в советском государственном аппарате, составляли 55 % репрессированных. 34 % жертв «кулацкой» тройки имели высшее и среднее образование. Это обстоятельство стоит выделить особо, поскольку среди греков по причине их образа жизни лишь немногие лица располагали хорошим образованием²³¹. Среди них к смертной казни тройка осудила 66 %²³².

Зато двойка и «национальная» тройка практически не использовали свои карательные полномочия для осуждения греческих элит. Первым указанием на внутривластные, специфические «грузинские» причины репрессий в ходе «национальных» операций является низкое число жертв, приговоренных двойкой и «национальной» тройкой к смертной казни. Если в масштабах всего Советского Союза доля смертных приговоров, вынесенных этими внесудебными органами, составляет не менее 70 %, а в рамках «греческой» операции двойки осудили к ВМН даже 95 %²³³, то в

Грузии, напротив, доля расстрелянных составляет в среднем «только» около 15 % (двойка – 16 %; «национальная» тройка – 13 %) ²³⁴. В Грузии в целом и в случае с греками – в особенности через двойку и «национальную» тройку было осуждено лишь незначительное количество мнимых шпионов и «особенно опасных элементов» или, если быть точнее, в случае с греками следователям НКВД было особенно трудно обосновывать смертные приговоры. Социальный статус и политическое положение греков были слишком низкими и незначительными, равно как им не хватало темных пятен на социальном прошлом. В итоге индивидуальных, личных проступков и прегрешений не было достаточно для того, чтобы отправить в расстрельный подвал значительный процент репрессированных греков. В конечном счете, между греками и грузинами также отсутствовал какой-либо – территориальный, религиозный или социальный – глубинный конфликт.

Только в случае с 29 % греков, осужденных «национальной» тройкой (4 из 14) ²³⁵ в обвинении упоминались шпионаж или «закордонные» контакты. В таких случаях всегда присутствовали мотивы связи греков с моряками и упоминалась их работа в портовых городах. Так, городской отдел НКВД г. Потти обвинял кассира «стр-ва Пот[ийского] водопровода Кефалиди Мильтиади Георгиевича [...] в том, что был завербован в к[онтр]-р[еволюционных] шпионских целях капитаном греческого п[аро]х[ода] “Дионис” Панагопуло Титосом, на что была им отобрана подписка, и передавал последнему сведения шпионского характера”. 29 сентября 1938 г. Кефалиди был приговорен «национальной» тройкой к ВМН ²³⁶. При этом все остальные «шпионы», попавшие в нашу выборку, получили «только» 10 лет лагерей. Один из них даже характеризовался как «греческий националист», который якобы «систематически вел среди греков контрреволюционную фашистскую националистическую агитацию, призывая их не вступать в гражданство СССР, восхваляя условия жизни в фашистских странах, клеветнически отзываясь о законах в СССР и Сов[етского] правительства». Речь шла о плотнике Фоме Христофоровиче Самвариди, который не был судим ранее и не имел какого-либо образования. В его случае особенно очевиден контраст между «тяжеловесным» обвинением в ведении контрреволюционной фашистской националистической агитации и содержанием конкретного «преступления», фигурировавшего в качестве доказательной базы, хотя речь здесь идет лишь о критической позиции ²³⁷.

В 21 % случаев (3 из 14 человек) свою роль, наряду с внутренними аспектами, сыграли, как и в случае с мнимыми шпионами, также внешние аспекты в самом широком смысле слова, т. е. обвинения, связанные с греческим происхождением жертв. Речь идет, например, о контактах и сотрудничестве с греческим консульством, о поддержании связи с гречанкой-сестрой, проживающей в Турции, а также о выдаче греком – председателем колхоза справок о греческом происхождении для посольства Греции в Москве.

Только с трудом, лишь в 14 % случаев (двое из 14 человек), были выявлены и арестованы лица с подозрительным социальным прошлым. Один из них был ремесленником, имевший свой собственный дом и мастерскую. Другой обвиняемый, некто Ксандополо, экспедитор «Союзпечати», был сыном крупного землевладельца и «кулака». Внимание органов НКВД он обратил на себя тем, «что [...] систематически проводил к/р агитацию [...]». В день опубликования в печати обвинительного заключения по делу к/р организации, возглавляемой Лакоба Н., Ксандополо распространял среди населения старые газеты с портретом врага народа Н. Лакоба»²³⁸. Оба обвиняемых получили «только» 8 лет лагерей.

Важнейшее «поле конфликта» в случае с греками формировали в 50 % случаев (7 из 14 человек) чисто внутренние политические и социальные проблемы, без какого-либо упоминания внешнеполитических мотивов. Так, 9 октября 1938 г. беспартийный рабочий и перронный контролер железнодорожной станции Тбилиси Александр Демьянович Константинов был приговорен к 8 годам заключения, поскольку он, являясь «враждебным настроенным к соввласти элементом, систематически вел контрреволюционную агитацию среди рабочих, служащих и колхозников, о тяжелом положении трудящихся в СССР и гнусно клеветал на партию и правительство»²³⁹. Главные обвинения против членов этой группы осужденных заключались в ведении «антиколхозной» агитации, хищении колхозного имущества и халатном исполнении административных обязанностей. Весомыми причинами осуждения являлись также протесты против ареста священников, а также связь «правыми» и «левыми» уклонами в ВКП(б).

«Кулацкая» тройка использовалась в случае с греками почти исключительно как инструмент наказания «антисоветского» девиантного поведения. Это имело место в 81 % случаев (26 человек из 32 попавших в выборку). В 16 % (5 человек из 32) обвине-

ние базировалось на связях жертв с греческими консульствами и контактами с родственниками за рубежом. Однако в трех из этих пяти случаев также фигурировали серьезные внутренние проступки, в двух из пяти – зарубежные связи были эпизодическими. Только в 3 % случаев ядро обвинения составляли внешнеполитические «проступки», но и здесь они пересекались с внутривнутриполитическими обвинениями²⁴⁰. Ни одного настоящего шпиона среди осужденных не было.

Это общее впечатление, согласно которому массовость репрессиям в отношении греков в Грузии в ходе операции по «греческой» линии (а также «кулацкой» операции) обусловили именно внутривнутриполитические причины, подтверждают данные о социальном происхождении и об актуальном социальном статусе жертв, осужденных «национальной» тройкой. «Только» 13 % из них были членами ВКП(б), 87 % составляли служащие, однако уровень образования более двух третей жертв тройки (68 %) был низким. Отсюда можно сделать вывод о том, что главной целевой группой «национальной» тройки в случае с греками были беспартийные служащие, имевшие преимущественно низшее образование. Их «отсеяли» из числа служащих государственного аппарата и отправили на 8–10 лет в лагеря. С большой долей вероятности этот результат можно перенести также на лиц, осужденных двойкой²⁴¹.

Не в последнюю очередь о низком социальном и политическом статусе греков свидетельствуют данные о преследованиях представителей греческих элит. Так, в «сталинских списках» оказалось «только» 32 грека. Степень репрессий в соотношении с численностью греков в Грузии равняется здесь 0,04 %. Следовательно, по данному показателю репрессии в отношении греческих элит примерно равны репрессиям в отношении осетинских элит, также обладавших низким статусом, в два уступают аналогичному показателю у армян (0,08 %) и более чем в три раза – абхазам (0,14 %)²⁴².

На фоне этой статистики можно сделать следующий вывод: то, что греки преимущественно «обезвреживались» в Грузии посредством двойки, уже не является аргументом против тезиса о преимущественно местных внутривнутриполитических мотивах их преследований. Нам кажется вполне возможным, что грузинская карательная бюрократия на основании директивы НКВД СССР № 50125 охотно использовала ярлык «грек» для того, чтобы без ограничения лимитов арестовать и осудить в массовом порядке

представителей этого этноса, который с формальной точки зрения действительно являлся «враждебной» диаспорой. И наоборот, все это отнюдь не исключает того, что свою дополнительную роль в репрессиях против греков сыграло прибрежное положение Абхазии и Аджарии, т. е. шпионская паранойя и боязнь иностранной интервенции, которые вытекали из событий Крымской войны и других попыток иностранного вторжения через Черное море в 1877–1878 гг., 1914–1915 гг. и, в первую очередь, в 1918–1921 гг., пусть это только создавало видимость легитимации репрессий²⁴³. В случае интервенции через морские проливы и Черное море, возглавляемой британцами, греки, с их дуальными зарубежными связями – с Грецией, гражданами которой в Грузии считались более 10 000 человек, а также с Турцией, с черноморского побережья которой они мигрировали в Грузию – выглядели безупречными кандидатами в ряды «пятой колонны». Однако сегодня трудно оценить, насколько эта угроза воспринималась тогда как реальная или она только послужила предлогом для репрессий²⁴⁴. Тем не менее, здесь еще раз необходимо подчеркнуть, что внешнеполитический аспект только спорадически фигурировал в протоколах троек в качестве причины осуждения.

Настоящая внутривнутриполитическая причина массовых репрессий в отношении греков могла быть связана с их сильным распространением в Абхазии и Аджарии. Без всякого сомнения, греки с их чужим языком или даже языками, да еще в таком большом количестве, выглядели отнюдь не лучшими кандидатами, несмотря на свое православное вероисповедание, для включения в грузинскую нацию, а вместе с абхазами, армянами и другими национальными группами они усложняли грузинизацию Абхазии. Для греческих беженцев из Османской империи, поселившихся преимущественно на территории Абхазии и Аджарии, был характерен вялотекущий процесс перехода в советское гражданство. В результате основная масса греков – иностранных граждан, концентрировалась именно здесь. За пределами границ этих автономных республик в 1926 г. проживало только 177 греков – иностранных подданных²⁴⁵. Линии конфликта по причине недостаточного желания греков принимать советское гражданство наглядно отразились уже в деятельности «национальной» и «кулацкой» троек. Дополнительный интерес представляет то обстоятельство, что в случае с греками более двух третей дел, «обработанных» как «национальной», так и «кулацкой» тройками, были представлены на рассмотрение троек органами НКВД Абхазской и Аджарской

автономных республик²⁴⁶. Такую концентрацию массовых репрессий на греках в Абхазии и Аджарии также подтверждают два протокола Особого совещания при НКВД СССР от 2 июля и 15 июля 1938 г., выявленные в ЦА ФСБ в Москве. Согласно этим протоколам, в июле 1938 г. Особое совещание приговорило к различным срокам заключения 390 греков, которые – что самое важное – не только практически все были жителями Абхазии и Аджарии, но и, за редким исключением, относились к группе греков, незадолго до этого осужденных *Большой двойкой* по 2-й категории²⁴⁷. Очевидно, что «повторное» рассмотрение их дел Особым совещанием служило цели легитимации и одновременно маскировке приговоров *Большой двойки*. Однако остается неясным, почему приговоры Особого совещания касались только лиц, осужденных по 2-й категории. По меньшей мере дело выглядит так, что Особое совещание должно было также отвечать за распределение осужденных по отдельным лагерям.

Трудность адекватной интерпретации репрессий заключается здесь в том, что греческие поселения в Абхазии и Аджарии с любой точки зрения представляли для грузинского центра гораздо больший интерес, в отличие от такой же многочисленной группы греков, проживавшей в сельской местности близ Тбилиси. Согласно результатам переписи населения 1926 г., в Тифлисском уезде, в сравнительно старом греческом районе компактного поселения близ селения Цалка, насчитывался 24601 грек²⁴⁸. Тот, кто придерживается внешнеполитической концепции обоснования репрессий («военная опасность», «пятая колонна»), тот может констатировать, что Цалка располагалась глубоко внутри советской территории, а тамошние греки, подобно поволжским немцам, уже жили в Грузии на протяжении трех – пяти поколений, т. е. персонально они едва ли располагали связями с границей, в то время как греки в Абхазии и Аджарии были людьми, преимущественно новоприбывшими из-за границы. Кроме того, они проживали в прибрежной полосе Черного моря, подпадавшей под удар в случае иностранного вторжения. Тот же, кто придерживается точки зрения внутривнутриполитической мотивации репрессий, может с полным правом заявить, что обе прибрежные территории, в первую очередь Абхазия, играли важную роль в деле этнического и территориального формирования единой грузинской нации, в то время как района Цалки это касалось в меньшей степени. На основании изученных нами протоколов *«кулацкой» тройки*, которые могут рассматриваться как индикатор воспри-

ятия на местах как внутри, так и внешнеполитической ситуации, последняя интерпретация кажется нам все же более убедительной.

Еще одной национальной группой Грузии, учет которой связан с серьезными трудностями, являются иранцы. Дело в том, что Восточная Грузия (Картли-Кахетинское царство) с короткими перерывами, равно как территории будущих советских республик Азербайджана и Армении, входила в XVIII веке в состав Персии. Еще в 1795 г. персидское войско полностью разрушило Тифлис, наказав тем самым царя Картли за его попытку, заручиться покровительством России (1783). В 1801 г. Грузия вошла в состав Российской империи, с чем Персия долго не могла смириться. Только после двух проигранных войн, в результате которых все восточное Закавказье оказалось потерянным для Персии (Гюлистанский мирный договор 1813 г. и Туркманчайский мирный договор 1828 г.), граница стабилизировалась на долгие годы.

В течение XIX века России удалось все больше расширить свое влияние в Персии, и это в условиях конкурентной борьбы с Великобританией (т. н. «Большая игра»), продвигавшейся со стороны Персидского залива. Северная Персия была оккупирована русскими войсками, которые время от времени предпринимали карательные экспедиции вглубь страны, превратив всю Персию в русскую полуколонию. В царской России был популярен насмешливый стишок, гласивший: «Курица не птица, Персия не за-граница». В ходе Первой мировой войны Персия стала полем столкновения интересов воюющих держав.

В 1921 г. на севере Персии возникла самопровозглашенная Социалистическая советская республика Иран, которую по месту расположения ее главного города нередко ошибочно называют Гилянской советской республикой. Чтобы оказать республике военную поддержку, из советизированного между тем Закавказья через советско-персидскую границу переправилось большое количество азербайджанцев, армян и грузин²⁴⁹. После поражения, нанесенного приверженцам советской республики войсками Пехлеви, основателя новой шахской династии, тысячи людей бежали в Советский Союз. В 1945–1946 гг. была предпринята еще одна попытка советизации северного Ирана²⁵⁰. В 1930-е гг. Персия/Иран стала важнейшим убежищем для людей, желавших бежать из СССР, поскольку общая и протяженная советско-иранская граница имела как на Кавказе (между Персией, Азербайджаном и Арменией), так и в Средней Азии (между Персией и Туркменией)²⁵¹.

В межвоенное время (1921/25–1941) Иран оказался подвержен сильному британскому влиянию, что было закономерно в условиях выхода из игры противной силы в лице России. В результате именно британские фирмы контролировали недавно открытые огромные нефтяные запасы, а попытка немцев и американцев выступить в Иране в качестве противовеса Великобритании увенчалась успехом лишь отчасти.

«Персия» и «Иран» являются синонимами. В 1937 г. шахский режим в Тегеране издал закон, согласно которому с этого времени официальное название страны должно было звучать только как Иран. Однако продолжала иметь место амбивалентность, в результате которой термины «персы», «персияне» и «иранцы» могли указывать как на национальную идентичность, так и на государственную принадлежность. Подавляющее большинство людей в Закавказье и Грузии, являвшихся выходцами из Персии/Ирана, как в XIX, так и в XX веке не относились к этническим персам и не говорили на персидском языке (фарси), но были азербайджанцами (татарами, тюрками), а также включали в себя значительные меньшинства в лице армян и ассирийцев (айсоров).

В 1926 г., согласно Всесоюзной переписи населения, в Грузии проживало 2220 «персов» – советских граждан. Из них 1476 мужчин и 744 женщины, т. е. налицо был излишек одиноких мужчин, типичный для группы иммигрантов, как мы уже видели это на примере украинцев. 1763 человека из них назвали персидский своим родным языком²⁵².

Еще 1635 человек были учтены как персы – иностранные граждане, причем и в этой группе вновь преобладали мужчины (1069 мужчин и 566 женщин). Всего же в качестве подданных Персии было зарегистрировано 3043 человека (в том числе 1978 мужчин и 1065 женщин). Таким образом, в число 5263 человек (3043 персидских подданных + 2220 персов – советских граждан) не вошли азербайджанцы, армяне, ассирийцы и курды, которые являлись эмигрантами из Ирана, принявшими советское гражданство. В первую очередь численность именно азербайджанцев (тюрков) должна была быть весьма значительной. Что же касается 1937 г. и 1939 г., то мы не располагаем соответствующими цифрами, однако можно предположить, основываясь на неблагоприятной ситуации, скорее побуждавшей к эмиграции из СССР (коллективизация), и незначительного количества семей и рождений (переизбыток одиноких мужчин), что числа, известные нам по

переписи 1926 г., скорее уменьшились к 1937–1938 годам²⁵³. В заключение имеет смысл обратить внимание на владение языком: персидский называли своим родным языком в 1926 г. в Грузии 3 129 человек (2 139 мужчин и 990 женщин)²⁵⁴. Следовательно, в качестве персов в 1926 г. были учтены почти без исключения лишь этнические персы, около 4 000 (2 220 + 1 635), а не азербайджанцы – выходцы из Ирана – число которых должно было быть гораздо большим.

Исходя из вышеизложенного, мы получаем головокружительно высокий показатель степени репрессий 1937–1938 гг. в отношении персов (иранцев), выходящий за все рамки: поскольку они осуждались преимущественно *двойкой*, то при количестве жертв *двойки* в размере 445 человек этот показатель составит 9,8 % при общей численности персов в Грузии около 4 500 человек (у немцев показатель степени репрессий в рамках *двойки* равняется 0,5 %). Напротив, через «*кулацкую*» и «*национальную*» *тройки* было осуждено «только» 11 и, соответственно, шесть персов/иранцев, еще четверых осудила «*милицейская*» *тройка*. Таким образом, степень репрессий в отношении персов/иранцев в ходе всех массовых операций поднимется лишь незначительно – с 9,8 % до 10,2 %. Основная масса осуждений пришлась на 1937 г. В общем и целом показатель степени репрессий, полученный нами в отношении персов/иранцев, существенно превосходит, почти в пять раз, «пиковый» показатель, посчитанный для трех массовых операций НКВД в отношении немцев – 2,1 % (греки – 0,91 %, абхазы – 1 %)²⁵⁵. Особенно поразительно, что в отличие от всех других национальностей «лишь» немногие из персов/иранцев были приговорены к смертной казни: 41 из 445 человек, осужденных *двойкой*, и трое из 11 человек, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*. Таким образом, доля расстрелянных составила «только» 9,5 % (степень репрессий применительно к ВМН – около 0,09 %), в то время как процент расстрелянных среди немцев равнялся 44 %. В соответствии с этой логикой, в «сталинских списках» почти не оказалось персов/иранцев – «только» три человека подлежали «элитарному» *суду Военной коллегии*²⁵⁶.

Возможное объяснение таких необыкновенно высоких показателей репрессий (соотношение репрессированных персов/иранцев с их общей численностью в Грузии) заключается в том, что цифры, использовавшиеся для подсчетов, не соответствуют действительности. На самом деле по-прежнему не ясно, насколько высока была доля персов/иранцев в составе населения Грузии,

или какие группы в ходе переписи 1937 г. были обозначены как иранцы.

Без сомнения, грузинская карательная бюрократия рассматривала в качестве иранцев/персов всех лиц – выходцев из Ирана, вне зависимости от их этничности. Так, при просмотре протоколов «*кулацкой*» *тройки* выяснилось, что из 11 осужденных «иранцев» девять были этническими азербайджанцами, один – родившимся в Иране армянином, национальная принадлежность еще одного мусульманина осталась неясной. В случае с «*национальной*» *тройкой* было то же самое: из шести осужденных «иранцев» четверо были азербайджанцами, национальность еще двух мусульман возможно была персидской. Из четырех «иранцев» – жертв «*милицейской*» *тройки* – все четверо были азербайджанцами. Кроме того, так директива НКВД № 202 от 29 января 1938 г. о проведении «иранской» операции (см. ниже) прямо требовала ареста «иранских армян»²⁵⁷.

Необычайно высокий показатель степени репрессий стал отчасти результатом, как кажется, разницы в «учете» персов/иранцев переписью 1937 г. и карательной бюрократией. К этому также добавляется то, что в случае с «иранцами», учтенными переписью, речь идет о группе населения с низкой численностью женщин и детей. Оба эти обстоятельства способствовали увеличению показателя репрессий, который исчисляется в отношении всего населения данной группы.

Тем не менее, даже с учетом не вполне надежной статистики, мы можем в целом исходить из того, что в реальности иранцы/персы подверглись в Грузии крайне жестоким репрессиям. Даже если предположить, что иранское население составляло в Грузии 10 000 человек, а также принимая во внимание низкую долю женщин и детей, то и в этом случае показатель репрессий был бы все еще очень высоким, хотя и не таким огромным. Органы НКВД Грузии, как и в случае с греками, получили специальные приказы и директивы из Москвы, побуждавшие их к репрессиям в отношении иранцев. Самым важным из них была вышеупомянутая директива НКВД № 202 на проведение «иранской» операции от 29 января 1938 года²⁵⁸. Главным требованием директивы было ликвидировать влияние британской, японской и немецкой разведок в результате арестов проживавших в СССР иранцев, как советских, так и иностранных граждан. В директиве также традиционно подчеркивалась необходимость обеспечения безопасности советских границ и очистка от подозрительных

элементов оборонных предприятий и советского административного аппарата. «Техническое» проведение «иранской» операции, как и в случае с «греческим» приказом, предписывалось организовать по схеме «польского» приказа № 00485.

Чтобы более четко очертить главное направление, а также мотивы как «иранского», так и «греческого» приказов НКВД СССР, имеет смысл вернуться к телеграмме народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова от 17 декабря 1937 г. Из нее следует, что в конце года ГУГБ НКВД СССР приступило к осуществлению двух репрессивных кампаний: в масштабах всего Советского Союза подлежали аресту все лица, проживавшие нелегально, т. е. не имевшие соответствующих документов, а также лица, которые «приобретали за деньги» иностранные паспорта, чтобы больше не считаться советскими гражданами²⁵⁹. Эти кампании органично «влились» в многочисленные операции не только против иранцев и греков, но и других национальных диаспор, таких, как финны, эстонцы, румыны, китайцы, болгары и македонцы, которые в свою очередь дополнили уже давно осуществлявшиеся операции против немцев, поляков и харбинцев²⁶⁰. Репрессивные категории и сферы репрессий, приведенные в «классических» национальных приказах, «перетекали» по принципу сообщающихся сосудов в новые приказы и директивы, расширяя первоначально предусмотренный в них состав целевых групп²⁶¹.

Следовательно, именно в случае с Грузией надо более внимательно отнестись к внешнеполитическому «измерению» репрессий в отношении персов/иранцев. Снова, как и в случае с греками, такие внешние причины репрессий, как подрыв влияния Англии и Турции на Советский Союз, якобы осуществлявшегося опосредованно через Иран, могли служить только лишь оправданием, прикрытием и легитимацией внутренних причин гонений на иранцев в Грузии. В пользу такой точки зрения свидетельствует очень низкий процент смертных приговоров, вынесенных персам/иранцам. Таким образом, на местах иранцы/персы не расценивались как особенно опасные «враги», тем более что Грузия не граничила с Ираном. На самом деле в переселении из Ирана в СССР принимали участие люди, стоявшие в самом низу социальной лестницы, их иммиграция была обусловлена экономическими причинами, главным образом стремлением избежать крайней бедности. Нищете существования в Северном Иране они предпочли долю чернорабочего закавказской промышленности, прежде

всего в Баку, или даже работу в качестве поденщиков и батраков в сельском хозяйстве. Небольшая часть этих иммигрантов перебралась в Грузию, выбрав своей целью в первую очередь Тифлис – в 1926 г. в республиканской столице насчитывалось 765 граждан Персии и 681 выходец из Персии, не имевший персидского гражданства. Еще одна большая группа обосновалась, как ни странно, в Батуми: 743 персидских гражданина и около 546 «персидских» иностранцев на 1926 г.²⁶² Таким образом, в 1937 г. даже только эти персы/иранцы могли образовывать две крупные группы в количестве около 1 500 человек в Тифлисе и около 1 300 человек в Батуми, где они, за редким исключением, относились к низшим городским слоям, социальное положение которых, очевидно, можно сравнить с положением езидов.

Рассмотрение отдельных дел жертв дает возможность констатировать, что для НКВД речь шла, в первую очередь, в рамках «кулацкой» операции, о том, чтобы наказать нарушителей границы и «дисциплинировать» жителей приграничных деревень, причем эта задача превалировала настолько, что иранские контингенты «кулацкой» тройки и «национальной» тройки отличались друг от друга незначительно. Так, за нелегальный переход границы в обоих направлениях «кулацкой» тройкой были осуждены трое из одиннадцати персов/иранцев, а «национальной» тройкой – уже четверо из шести. Например, Мамед Гасан Мамед оглы Мамедов и Али Гусейн оглы Аббас были репрессированы за нелегальный переход ирано-советской границы в 1934 г. Кроме того, в местечке Гарта близ Ахалкалаки на турецко-грузинской границе чекистами была «вскрыта» и ликвидирована группа противников колхозного строя из числа иранских азербайджанцев.

Бадут Багир оглы Гаджиев, уроженец Тифлиса, 1901 года рождения, иранец по национальности (на самом деле, скорее всего, азербайджанец), изначально был гражданином Персии. В 1933 г. он получил визу и выехал из СССР в Иран к родственникам, где был задержан иранской полицией, которая допрашивала его на предмет наличия контактов с агентами ОГПУ, однако вскоре при посредничестве брата Гаджиева отпустили. После этого он получил визу на въезд в Турцию транзитом через СССР, но предпочел остаться в Тифлисе, где и принял в 1935 г. советское гражданство. Также он по своей инициативе обратился в НКВД и заявил о своем желании сотрудничать с «органами». Согласно обвинению, Гаджиев был связан с «иранским агентом» по имени Измаил Али Заде, а также с различными «врагами народа». Таким образом,

здесь действительно присутствует подозрение в том, что обвиняемый каким-то образом был связан с деятельностью спецслужб. В результате Гаджиев был одним из немногих иранцев, расстрелянных в Грузии в период Большого террора по приговору *«кулацкой» тройки*²⁶³.

Такого рода дело с такой же вероятностью могло быть отнесено к компетенции *«национальной» тройки*. Так, Гаджи Мамед оглы Гаджиев получил по приговору *«национальной» тройки* 10 лет лагерей. Его преступление заключалось в том, что он в 1933 г. получил визу для выезда в Иран, но еще в том же году нелегально вернулся в СССР, где спустя несколько дней вступил в контакт с иранским консулом в Тифлисе. Согласно обвинению, он вел шпионскую деятельность по заданию иранской разведки²⁶⁴.

В протоколах как *«кулацкой»*, так и *«национальной» тройки* все время фигурируют настоящее или бывшее иранское гражданство, легальное, но зачастую также нелегальное пересечение границы в направлении СССР или, наоборот, поездки в Иран, контакты с иранскими консульствами (в СССР) или с полицией/разведкой (в Иране).

Одновременно были разгромлены существовавшие в СССР иранские сообщества: так, один из осужденных *«национальной» тройкой* был членом секты «Баб» (очевидно, речь идет о бахаи), который обвинялся в антиколхозной агитации. Также был репрессирован бывший фабрикант и руководитель персидской благотворительной организации в Тифлисе. Что касается четверых иранцев, осужденных *«милицейской» тройкой*, то они были «обыкновенными» уголовными преступниками.

Таким образом, репрессии в отношении иранцев означали реализацию региональных грузинских интересов, заключавшихся в проведении ряда мероприятий демографического и политического свойства, нацеленных на дисциплинирование групп населения, которых власть терпела до определенного времени, но которые все в большей степени оказывались «вне закона». Нельзя также исключить из карательных мотивов стремление профилактически пресечь любое возможное влияние Ирана на Грузию, столетиями входившую в состав Персии. В итоге власти Грузии использовали представившуюся им возможность – при малейшем подозрении в нарушении лояльности отправлять в лагеря выходцев из Ирана, при

этом зарабатывая «баллы» в глазах Москвы, якобы обеспечивая таким образом безопасность границ и потакая англофобии сталинского руководства.

9. Национальное меньшинство из приграничного государства: турки

Такая национальность, как турки, тесно связанные родственными и культурными связями с приграничным иностранным государством, являлась для органов НКВД Грузинской ССР специфическим объектом в деле обеспечения государственной безопасности. Турецкое население в количестве не менее 82 500 жителей представляло собой довольно крупную национальную группу, лишь немногим менее многочисленную, чем греки. Доля турок в составе населения Грузии равнялась 2,4 %, греков – 2,6 %. При этом турки компактно проживали главным образом в юго-западной Грузии, в регионе, граничившем непосредственно с Турцией. Так же как и в случае с греками, турки представляли в Грузии этнос, преимущественно проживавший за пределами СССР²⁶⁵.

Как уже описывалось выше, проблема «различия» турок и азербайджанцев, которых, как правило, учитывали вместе, решается за счет того, что ко времени Большого террора турки, как правило, проживали на территории западной Грузии, входившей до 1829–1878 гг. в состав Османской империи. Речь здесь идет об Аджарии, а также об Ахалцихском, Ахалкалакском, Адигенском, Аспиндзском и Богдановском районах. Население именно этой территории станет позднее, в 1944 г., объектом массовой депортации. Азербайджанцы селились на всей остальной территории Грузинской ССР. Это разделение справедливо как для определения общей численности турок и, соответственно, азербайджанцев, так и в отношении интерпретации документов карательных органов, в которых практически всегда указывались место рождения и проживания жертв.

Показатель степени репрессий в отношении турок в рамках «кулацкой» операции составляет 0,44 % (367 человека), что вдвое выше, чем аналогичный показатель у греков (0,18 %), однако он не достигает показателя грузин (0,63 %), не говоря уже о показателях абхазов (1 %) и немцев (1,4 %). Однако необходимо отметить интенсивное применение в отношении турок ВМН: было рас-

стреляно 60 % от общей численности осужденных (у грузин 45 % и греков – по 46 %). Поскольку турок в Грузии не судили в рамках «альбомного» этапа национальных операций (*двойка*), то остается привести лишь статистику их осуждений «*национальной тройкой* и по «*сталинским спискам*». В случае с «*национальной тройкой*», осудившей 196 турок, степень репрессий составила также очень высокие 0,24 %, что, в свою очередь, может служить объяснением низкого числа турок, осужденных «*кулацкой тройкой*» в 1938 г. Очевидно, карательная бюрократия Грузии только с лета 1938 г. стала широко использовать возможность осуждения турок этой карательной инстанцией, не ограниченной, в отличие от «*кулацкой тройки*», какими-либо лимитами. До сих пор неизвестно, была ли в 1938 г. разослана специальная директива НКВД СССР «по туркам», как это было в случае с греками и иранцами. Все выглядит так, будто бы специального приказа о проведении операции по «*турецкой линии*» действительно не отдавалось.

«*Милицейская тройка*» практически не занималась осуждением турок, среди них её жертвой стал «только» один человек. Репрессии с социальной подоплекой, которые в Грузии концентрировались главным образом на Тбилиси, скорее всего, играли в сельскохозяйственной местности на юго-западе Грузии, служившей районом компактного расселения турок, лишь маргинальную роль. Тяжкая уголовная преступность на селе, представленная вооруженными конными бандами, каралась «*кулацкой тройкой*», имевшей право, в отличие от «*милицейской тройки*», приговаривать к ВМН.

Что же касается качества репрессий (речь идет об интенсивности применения смертной казни), то «*кулацкая тройка*», очевидно, являлась самой «предпочтительной» карательной инстанцией для осуждения турок. Это наглядно демонстрирует низкий показатель уровня смертных приговоров, вынесенных «*национальной тройкой*», которая осудила к расстрелу «только» 30 турок, что составляет в соотношении с общей численностью турок в Грузии 0,036 %, или, соответственно, около 15 % от общего количества лиц, осужденных «*национальной тройкой*» в рамках «*турецкой*» линии (напомним, что «*кулацкая тройка*» приговорила к казни 60 % осужденных).

Через «*национальную тройку*» чекисты «пропустили» турок, обвинявшихся в переходах границы, нарушении паспортного режима и так называемых «консульских» контактах, а также лиц, не имевших определенного гражданства и турецких подданных.

Контингент «кулацкой» тройки состоял главным образом из членов вооруженных банд, занимавшихся контрабандой или нелегальной переправой людей через границу, которым подчас также предъявлялось обвинение в шпионаже. Так, Камо Мамед оглы обвинялся в том, что в 1933 г. вместе с еще 30 вооруженными крестьянами перешел советско-турецкую границу, где был завербован турецкой разведкой и переправлен обратно в Грузию²⁶⁶. Девриш Раджаб оглы, в свою очередь, покупал в Советском Союзе «дефицитные товары» и переправлял их «закордонной бандгруппе» под предводительством Дурсуна Узеира оглы²⁶⁷.

Среди турок – жертв «кулацкой» тройки, попавших в нашу статистическую выборку, практически не было ни одного, кто бы избежал обвинений в связях с Турцией, что, впрочем, неудивительно для приграничного региона. Снова и снова в обвинительных заключениях тройки речь шла о поддержке турецких «банд» путем предоставления укрытия, снабжения продовольствием или крадеными лошадьми. За исключением нескольких «попутчиков» почти все обвиняемые были расстреляны. Даже в тех случаях, где речь идет «только» об агитации, это была не просто «антисоветская» или «антиколхозная» агитация, но, если привести самый вопиющий пример, агитация в пользу аннексии Турцией советской территории вплоть до самого Баку, в которой обвинялся турок Нури Ахмед оглы из Ахалцихского района. Поразительно, что за это он был осужден сравнительно мягко, получив 10 лет лагерей²⁶⁸.

В случае с турками репрессии в отношении элит в классическом смысле (служащие, члены коммунистической партии, интеллигенция) практически не играли никакой роли. В Грузии просто не было турецких элит. Это доказывают редчайшие случаи, когда турки оказывались в «сталинских списках». На основе этих проскрипционных списков советских элит было осуждено «лишь» четыре турка – жителя Грузии, что составляет в соотношении с общей численностью турок «только» 0,004 % (греки – 0,04 %, т. е. в десять раз больше). Тем не менее следует упомянуть, что эти четыре турка без исключения были осуждены к расстрелу.

Если же посчитать общую численность турок, репрессированных в Грузии в ходе массовых операций, то она составит 541 человека²⁶⁹. Совокупный показатель степени репрессий равнялся 0,66 %, то есть был такой же, как и у грузин (0,67 %), и не превышал среднего уровня. К смертной казни всего было приговорено 250 турок, т. е. около 46 % осужденных. Соотношение лиц, приговоренных к смертной казни, к общей численности турок составило относительно невысокий показатель – 0,30 %.

Что же касается применения смертной казни, то турок, тем не менее, приговаривали к расстрелу в два с лишним раза чаще, чем греков (турки – 46 %; греки – 21 % от общего числа осужденных) – и это при том, что социальный и политический статус турок был таким же низким, как у греков, если даже не ниже, поскольку огромная доля турок была неграмотной, их подавляющее большинство относилось к крестьянам.

При детальном рассмотрении актуального социального статуса турок мы получаем картину, существенно отличающуюся от ситуации с греками. Итак, в рамках «кулацкой» операции в Грузии из 177 осужденных турок, в отношении которых имеются соответствующие сведения о социальном положении, 81 % (144 человека) были крестьянами. Среди греков крестьянами были только 42 % (46 человек). Бросается в глаза и существенная разница между высокими показателями приговоренных к ВМН крестьян-турок – 60 % (85 человек) – и греками, где аналогичный приговор был вынесен в отношении 24 % осужденных крестьян (11 человек). Среди репрессированных турок имелось мало служащих, всего 19 % (33 человека). Поскольку из них 79 % (26 человек) были приговорены к ВМН, то турки-служащие подверглись еще более суровому наказанию, чем турки-крестьяне. Зато среди греков преобладали служащие – 55 % (60 человек). При этом уровень приговоров к ВМН был здесь куда более низким, чем у турок (79 %) – «всего» 65 %.

Данные о социальном происхождении дают такую же картину. Из 181 турка, о которых есть соответствующие данные, почти 80 % (143 человека) имели крестьянские корни²⁷⁰. Напротив, среди греков только 64 % (55 из 86) имели крестьянское происхождение. Кулаки составляли среди турок всего лишь 15 % (27 из 181), у греков – 24 % (21 из 55). Таким образом, по сравнению с греками можно констатировать аномальную практику²⁷¹ осуждения, так как турки, несмотря на значительно более низкий социальный статус и социальное происхождение, по массовости и тяжести наказания подвергались более интенсивным репрессиям. Так как районы расселения турок не представляли экономического интереса, то в качестве важнейшей типичной причины таких масштабных и жестоких репрессий можно назвать расположение турецких деревень в непосредственной близости к границе с Турцией, как это уже было продемонстрировано на примере отдельных дел. Обеспечение безопасности границы без переселения означало в период Большого террора дисциплинирование подозрительных этносов, в результате которого радикально кара-

лось любое нарушение лояльности в отношении советской системы. Низкий социальный статус здесь уже не играл роли. Статистические данные и отдельные дела дают возможность высказать еще более смелую гипотезу: грузинская периферия воспользовалась политикой обеспечения безопасности границ, которая форсировалась московским центром, для того чтобы жестко дисциплинировать турецкое меньшинство, хотя это и не соответствовало его реальному социальному статусу, а турки даже приблизительно не были такими опасными «врагами», как это может показаться при чтении протоколов *тройки*. Очевидно, мотив военной опасности и формирования «пятой колонны» применительно к туркам также не воспринимался серьезно. Важнейшим признаком этого служат низкие, в сравнении с немцами, репрессивные показатели. В случае с турками Грузия в первую очередь отстаивала свои собственные национальные интересы: турецкое меньшинство, несмотря на то, что оно практически не выделялось как в социальном (низкий уровень преступности), так и в политическом плане (фактически отсутствовали члены бывших политических партий и группировок, а также «кулаки» и лица «сомнительного» происхождения), было ослаблено репрессиями, а граница «запечатана» с чрезмерным усердием – признак того, что многовековое военное противостояние с Османской империей, включая русско-турецкие войны, также могло определять действия карательных органов.

Однако не стоит при этом пренебрегать фактором, косвенно связанным с безопасностью границы: речь идет о борьбе против зарубежного религиозного и культурного влияния, поскольку суннитское духовенство в Грузии традиционно рекрутировалось из Турции. Систематическое истребление или заключение в лагерь религиозных элит являлось еще одним заметным центром тяжести репрессий в отношении турок. В жернова репрессивной машины попало 32 муллы, из них 25, т. е. почти четыре пятых (78 %), были приговорены к расстрелу. Среди греков было репрессировано «только» два священнослужителя, которые оба были расстреляны. Таким образом, наряду с этническим следует также указать на сильный идеологический аспект репрессий. Власти наглядно давали понять, что не заинтересованы в выражении этносами их религиозных и культурных интересов. Грузинское и армянское духовенство пострадало аналогичным образом.

Гонения в отношении турок в 1937–1938 гг. преследовали главным образом цели обеспечения безопасности советских границ и ослабления возможностей религиозного самовыражения

этноса. До поры до времени власти было достаточно применения этих «ординарных» репрессий. Однако уже в 1944 г. по инициативе Москвы было осуществлено насильственное изгнание турок из Грузии в форме депортации.

Кроме того, количественная и качественная разница между репрессиями в отношении турок и греков могла заключаться в «религиозном бонусе» (православных) греков, местоположении их поселений, располагавшихся далеко от границы, а также в слабых связях греков с Грецией. Напротив, турки имели настоящую альтернативу советской власти в лице соседней Турции.

10. «Враждебная» национальность: немцы

Немцы в Грузии представляли собой нечто особенное в категории национальностей с иностранными этническими корнями, поскольку в случае с Германией для СССР речь шла о самой главной враждебной стране, даже более враждебной, чем Япония²⁷². Военная опасность и формирование потенциальной немецкой «пятой колонны» в случае войны были очевидными проблемами, с которыми Россия уже сталкивалась в преддверии Первой мировой войны. Хотя Грузия и находилась очень далеко от западных границ советской империи, тем не менее незадолго до завершения Первой мировой войны здесь в 1918 г. высадилось почти 20000 немецких солдат²⁷³. Страх перед немецким вторжением вновь стал расти в результате агрессивной манеры поведения гитлеровского режима и, начиная с 1935 г., связи с открытым вооружением Германии. В ходе Большого террора Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало ряд специальных приказов и циркуляров НКВД, регулировавших вопросы организации и проведения репрессивных акций против немцев, так же как и против поляков, харбинцев, греков, иранцев и других национальных диаспор²⁷⁴.

Уже 25 июля 1937 г. последовал приказ НКВД СССР № 00439, в соответствии с которым подлежали аресту все немцы – граждане Германии, работавшие на советских оборонных заводах и железнодорожном транспорте. Кроме того, в ходе операции органам НКВД приказывалось взять на учет всех бывших германских подданных, принявших советское гражданство и работавших на этих предприятиях. Однако судить германских подданных должны были не *тройки*, а *Военная коллегия Верховного Суда СССР* и

*Особое Совецание при НКВД СССР*²⁷⁵. Немцев с немецким паспортом также затрагивал циркуляр НКВД № 68 «Об иностранцах», серьезно затруднявший продление визы, чтобы «административными мерами значительно ослабить действие этого шпионско-диверсионного очага»²⁷⁶.

Однако основная масса немцев, как с немецким паспортом, так и советских граждан, была репрессирована в ходе операции по «немецкой линии», осуществлявшейся по схеме приказа НКВД СССР № 00485 в отношении поляков, а также в рамках операции по приказу № 00447, т. е. в рамках массовых операций НКВД и посредством внесудебных карательных органов²⁷⁷. Во всех приказах, циркулярах и директивах, регулировавших проведение «национальных» операций, в качестве обоснования репрессий доминировала внешнеполитическая аргументация, в случае с приказом № 00447 аресты мотивировались внутривнутриполитическими причинами.

Большинство немецких колонистов переселилось в Грузию преимущественно по религиозным причинам в первой половине XIX века, причем основная волна переселения пришлась на 1817–1818 годы. В том числе переселенцы основали на довольно далеком расстоянии от Тифлиса четыре больших колонии – Александердорф, Катариненфельд, Мариенфельд и Петерсдорф, а в самом Тифлисе они построили целый немецкий квартал – Ной-Тифлис. Позднее в Абхазии были основаны такие немецкие поселения, как Линдау, Гнаденберг и Нойдорф. Своим возникновением они во многом обязаны русской переселенческой политике, осуществлявшейся здесь после присоединения Абхазии к России и бегства значительной части ее мусульманского населения в Османскую империю. В советское время на фабриках и в морских портах Грузии работали иностранные специалисты с немецким паспортом, а также советские немцы²⁷⁸. В царское время немецкие колонисты сумели достичь в Грузии значительного благосостояния, они нередко нанимали местное население в качестве батраков и поденщиков. В годы нэпа немцы возглавляли крупное кооперативное винодельческое предприятие «Конкордия», в состав которого также входили бывшие немецкие имения и винодельческие артели Азербайджана. В 1928 г. кооператив «Конкордия» насчитывал свыше 2000 членов. Предприятие процветало во многом благодаря сети продаж, хорошо налаженной и разветвленной по всей стране. С «Конкордией» также сотрудничало большое число все еще частных небольших немецких пред-

приятий. Конец процветанию «Конкордии» положили сначала ограничения свободной торговли 1928 г., а в завершение – коллективизация²⁷⁹. С этого времени единственной альтернативой для бывших немецких колонистов стали колхозы, которые особо не считались с этнической принадлежностью своих колхозников. В 1937 г. в Грузии были закрыты все немецкие церкви, в 1938 г. в немецких школах в качестве языка преподавания были введены русский и грузинский языки, в то время как немецкому языку пришлось довольствоваться статусом иностранного²⁸⁰.

К концу 1930-х годов численность советских немцев в Грузии составляла около 24000 человек. В рамках «кулацкой» операции в Грузии в 1937–1938 гг. были репрессированы 330 немцев, что в соотношении с общей численностью немцев в Грузии дает показатель степени репрессий в размере около 1,4 %²⁸¹. По этому показателю немцы являются абсолютными «лидерами», опережая даже абхазов (1 %). Что же касается процентного соотношения жертв, осужденных к расстрелу, к общему количеству репрессированных немцев, то оно составляет 57 %, что в сравнении с другими национальностями можно рассматривать как средний показатель. Так, у турок этот показатель равняется 60 %, у евреев и езидов – около 70 %, а у лазов даже около 85 %.

Уже в 1937 г. степень репрессий в ходе «кулацкой» операции составляла у немцев высокие 1,04 %. Как и абхазы, немцы в 1937 г. репрессировались в сравнении с грузинами сверхпропорционально. Лишь по доле смертных приговоров в 1937 г. немцы (53 %) немного превосходили абхазов (52 %). В 1938 г. показатель степени репрессий составлял у немцев существенно меньшую величину – 0,33 %, которая, однако, была примерно такой же, как у абхазов (0,32 %) и в два раза выше, чем у грузин (0,15%). Зато в русле общего тренда выросла доля казненных немцев – до 70 %.

Для того чтобы дать общую оценку репрессиям, необходимо, как и в случае с греками, но в отличие от абхазов и осетин, дополнительно учесть осуждение немцев в рамках «национальной» операции *Высшей двойкой* и «национальной» *тройкой*. Так, *двойка* осудила еще 119 немцев (степень репрессий составила 0,5 %), из них к смертной казни – 13 человек (11 % от общего числа осужденных, у греков – 16 %). Степень репрессий была при этом примерно на четверть ниже, чем у греков (0,67). Свой «вклад» в размере 57 жертв внесла также «национальная» *тройка* (степень репрессий составила 0,043 %, что примерно соответствует аналогичному показателю у греков). Однако, в нарушение общей тенден-

ции вынесения незначительного количества смертных приговоров «национальной» тройкой при НКВД Грузинской ССР, к смертной казни была приговорена почти половина (42 %) от общего числа осужденных немцев (24 человека из 57). Напротив, у поляков этот показатель составил 32 %, у русских – 22 %, у греков – 13 %. «Милицейская» тройка осудила всего восемь немцев, из них троих – к трем годам заключения, пятерых – к пяти годам. Степень репрессий составила здесь 0,03 %, что точно соответствует аналогичному показателю у грузин, которые играют для нас роль ориентира.

Если же мы посчитаем в завершение численность всех немцев – жертв массовых операций («кулацкая» тройка – 330 человек, из них приговорены к ВМН 188 человек; двойка – соответственно 119 и 13; «национальная» тройка – 57 и 24 и «милицейская» тройка – 8 и 0; итого 518 и 228), то мы получим чрезмерно высокие показатели степени репрессий – 2,1 % в отношении общего количества репрессированных и соответственно 0,93 % – в отношении количества немцев, приговоренных к смертной казни. Соотношение казненных к общему количеству осужденных немцев равняется 44 %.

Однако немцев также репрессировали посредством «сталинских списков». Как и в случае с массовыми операциями НКВД, показатель степени репрессий в отношении немцев – 0,34 % – был здесь очень высоким в сравнении почти со всеми национальностями. К нему был близок только аналогичный показатель у евреев – 0,31 %. У грузин он был в четыре раза меньше – 0,08 %. Показатели репрессий у абхазов (0,14 %), русских (0,13 %) и украинцев (0,1 %) уступали немецкому показателю более чем в два раза. Что же касается соотношения казненных немцев к общей массе осужденных, то этот показатель обладает гораздо меньшей информационной значимостью, так как он был весьма высоким у всех национальностей, проходивших по «сталинским спискам».

В случае с немцами все кажется довольно ясным и однозначным. Большое число репрессированных, высокий уровень смертных приговоров, значительные показатели степени репрессий, заметная роль, которую в преследованиях немцев сыграла «национальная» операция и, наоборот, мизерная роль «милицейской» тройки – все это свидетельствует в пользу исключительности внешнеполитической мотивации репрессий против самой «враждебной» из национальностей. Этот вывод подтверждается также высоким числом немцев, осужденных согласно «сталинским спискам».

И, тем не менее, здесь все же стоит приглядеться более внимательно. Репрессии в отношении немцев в «альбомный» период «национальных» операций не отличались особым количеством жертв или жестокостью приговоров. *Высшая двойка*, которая судила вплоть до сентября 1938 г. представителей национальных диаспор, вынесла немцам в Грузии гораздо меньше смертных приговоров, чем грекам. Если же рассматривать все массовые операции НКВД в целом, то 2/3 немцев (около 65 %) были осуждены «*кулацкой*» *тройкой*, внесудебным органом, в деятельности которого большую роль играли местные мотивы. Что же касается греков, то лишь 19 % от общего числа жертв были осуждены «*кулацкой*» *тройкой* (в относительных числах в три с лишним раза меньше, чем немцев). Напротив, у турок этот показатель составил около 79 %, т. е. еще на 14 % больше, чем у немцев. Возникает ощущение, что внешнеполитическая ситуация стала оказывать большое влияние на осуждение немцев только начиная с лета 1938 г., в условиях возникновения угрозы войны в ходе Судетского кризиса и в преддверии «Мюнхенского соглашения». Именно «*национальная*» *тройка* при НКВД ГССР, выступавшая согласно приказу НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г. преемником *двойки*, вынесла немцам экстремально высокое количество приговоров к смертной казни в сравнении со всеми другими национальными диаспорами²⁸². Одновременно число немцев, репрессированных посредством «*кулацкой*» *тройки*, сильно сократилось.

Также не выглядят однозначными результаты обработки данных о социальном происхождении и актуальном социальном положении немцев – жертв «*кулацкой*» операции. С одной стороны, данные о социальном происхождении указывают на большой потенциал «антисоветскости» и коллаборационизма среди немцев. Так, из 155 немцев, в отношении которых имеются соответствующие сведения, почти две трети (64 %, 99 человек) имели «*кулацкое* происхождение», т. е. они относились к той группе населения, которая больше всего проиграла в результате коллективизации. В глазах власти они выглядели не только социальными и политическими врагами, но еще и потенциальными союзниками Германии. С определенной долей вероятности это же можно предположить в отношении еще 45 человек, социальное происхождение которых указано как «из крестьян». Однако этой картине противоречат данные об актуальном социальном статусе жертв, среди которых оказалось поразительно много рабочих и

служащих. Из 195 немцев, в отношении которых имеются соответствующие данные, рабочими были 31 человек (16 %), что весьма много для «кулацкой» операции. Почти две трети – 127 человек (65 %) были служащими, 37 человек (19 %) – крестьянами. Таким образом, в случае с большинством жертв речь идет о людях с довольно высоким социальным статусом, успешно интегрировавшихся в советскую систему. Это подтверждается также значительной долей членов ВКП(б) среди репрессированных служащих немецкой национальности – 27,5 % (35 человек). Данные об уровне образования также подкрепляют наш тезис о том, что в случае с немецким населением в Грузии речь шла о социально и политически привилегированной группе населения. Так, из 329 немцев, осужденных в рамках «кулацкой» операции, по крайней мере 60 человек (18 %) были членами ВКП(б)²⁸³. Кроме того, среди осужденных в Грузии немцев только немногие имели иностранное подданство.

Высокие показатели репрессий в отношении немцев не являются прямым свидетельством в пользу тезиса об исключительной роли внешнеполитических мотивов. Подтверждение этому мы находим при непосредственном обращении к конкретным приговорам в отношении немцев, зафиксированным в протоколах заседаний *троек* всех трех типов («кулацкой», «национальной» и «милицейской»).

Так, районный отдел НКВД Люксембургского района Грузинской ССР вменял в вину экспедитору ОКП Люксембургского РИКа Отто Генриховичу Кечичу, из крестьян, беспартийному с низшим образованием, его прежние проступки: «Арестовывался органами б[ывшего] ГПУ за антисоветскую болтовню». Непосредственно же Кечик обвинялся в том, «что по заданию контрреволюционного троцкистско-фашистского подполья создал контрреволюционную фашистско-террористическо-повстанческую группу среди немцев и вел систематическую агитацию среди членов группы против советской власти. Подготавливал террор над ответ[ственными] работниками района». «Кулацкая» *тройка* приговорила О.Г. Кечика 16 сентября 1937 г. к расстрелу²⁸⁴.

В свою очередь, РО НКВД Ахалцихского района классифицировал Егора Христофоровича Гофмана, выходца «из зажиточных крестьян», кустаря и плотника, как спекулянта. К этому добавились следующие обвинения: «занимался хищением соц[иалистической] собственности», «участвовал в белых бандах» и, в заключение, «в гор. Ахалцихе среди военнослужащих вел контрреволюционную

фашистскую агитацию». 10 октября 1937 г. Е.Х. Гофман был осужден «кулацкой» *тройкой* по статье 58-0 УК Грузинской ССР к 10 годам лагерей²⁸⁵.

«Национальная» *тройка* осудила 9 октября 1938 г. к смертной казни жителя деревни Вальдгейм Башкического района Готлоба Давидович Реша, грамотного и не имевшего ранее судимостей крестьянина-единоличника, за то, что тот якобы «с 1935 г. являлся активным членом контрреволюционной фашистской организации, возглавляемой германским разведчиком Гербрандтом Морицем»²⁸⁶. Также к смертной казни был осужден беспартийный, грамотный Михаил Петрович Чалов, он же Федор Петрович Рауш. Обвинение гласило: занимался в прошлом и продолжает заниматься спекуляцией, бежал из лагеря, ведет «контрреволюционную агитацию»²⁸⁷.

Эльза Альбертовна Фекус была приговорена 22 августа 1938 г. «милицейской» *тройкой* к трем годам ИТЛ, при этом она не обвинялась в конкретных преступлениях. Отдел уголовного розыска Управления Рабоче-крестьянской милиции Грузинской ССР сумел предъявить ей только общие обвинения: социально-вредный элемент (СВЭ), без определенного места жительства и работы (БОМЖ, БОЗ), дважды арестовывалась, один раз «за связь с ворами» и второй раз – за нарушение собственноручно подписанного обязательства выехать за пределы Батуми. Начиная с 15 июля 1938 г. она проживала без паспорта и прописки в Батуми, «общественно полезным трудом не занималась». Согласно протоколу *тройки*, средства к существованию Фекус добывала за счет краж со взломом и контактов с ворами. Будучи арестована, «во время допроса стала хулиганить, нанесла оскорбление площадными словами по адресу органов РКМ»²⁸⁸.

Статистическая выборка в количестве 50 немцев из числа жертв «кулацкой» *тройки*, осуществленная на предмет выявления причин ареста и осуждения, показывает, что «только» в 38 % случаев (19 человек из 50) приговор однозначно определяли внешнеполитические причины, такие как обвинения в шпионаже, саботаже по заданию вражеской разведки или «восхвалении фашистской Германии и капиталистических стран». В 16 % случаев (8 из 50) важную роль уже играли внутривнутриполитические причины, еще в 16 % внешнеполитический аспект постепенно перемещался на вторую позицию, чтобы полностью исчезнуть в 30 % случаев (15 из 50), уступив место таким внутривнутриполитическим причинам, как троцкизм, спекуляция, денежная растрата, саботаж, контрре-

волюционная агитация и принадлежность к «правому уклону» в ВКП(б)²⁸⁹.

Что касается «национальной» тройки, то причины осуждения немцев, как и следовало ожидать, в значительной мере носили здесь внешнеполитический характер. В 46 % случаев (9 из 19 человек) в приговорах присутствовали обвинения в связях с «враждебной» границей. Еще в 32 % случаев (6 из 19) зарубежные контакты составляли ядро обвинения. В 11 % (2 из 19) на первом плане присутствовала внутривнутриполитическая проблематика и лишь еще в 11 % (2 из 19) фигурировали исключительно внутривнутриполитические мотивы репрессий²⁹⁰. Напротив, все без исключения приговоры «милицейской» тройки карали социальную девиацию²⁹¹.

Формулируя общий вывод, можно высказать следующее предположение: исключительно brutальная динамика репрессий в отношении немцев в Грузии задавалась в первую очередь взаимодействием внутри- и внешнеполитических мотивов, сочетанием интересов периферии и центра. Роковым для немцев стал, если смотреть из локальной перспективы, их относительно высокий социальный статус, «подозрительное» социальное происхождение, сравнительно высокий уровень образования в сочетании с участием в местных органах власти. Немцы, хорошо образованные и представленные в партийно-государственном аппарате, промышленности и кустарном производстве, составляли самую настоящую конкуренцию титульной нации Грузии. «Военная опасность» и ярлык «вражеской национальности» существенно облегчили местным карательным органам задачу поставить немцев на место. В свою очередь, московский центр помог им в этом идеологически и практически как изданием специальных приказов и директив НКВД, так и посредством широкой антинемецкой пропаганды. В результате этой комбинации внутренних и внешних факторов традиционное расположение, которым немцы пользовались в Грузии, сменилось дискриминацией и изоляцией.

11. Конец «национального цирка»

Истории Грузии присущи, вне всякого сомнения, разнообразные черты. Одной из них является, учитывая множество этносов, проживающих здесь, процесс перманентной национальной гомогенизации, или, если использовать эвфемизм, «процесс нацио-

нальной консолидации». Этот процесс активно осуществлялся в 1930-е гг., оказав свое влияние на проведение в Грузии массовых репрессий 1937–1938 гг., организованных московским центром. Для периода Большого террора грузинской истории можно выделить национальные группы, которые рассматривались в качестве потенциальных «кандидатов» для включения в состав грузинской нации, равно как и этносы, которые к таким группам не относились. Для определения потенциальной возможности «включения» национальных групп в грузинскую нацию целесообразно использовать критерии нации, названные И.В. Сталиным еще в 1913 г. в его работе «Марксизм и национальный вопрос»²⁹², среди которых главная роль отводилась общности языка, культуры, истории и территории. «Включение» и «исключение» выступают здесь оборотными сторонами одной медали, призванными сформировать грузинскую нацию – единую внутри и отделенную четкой границей от других этносов.

Одна из главных целей центральной власти Грузии заключалась в том, чтобы нивелировать все особые идентичности внутри картвельской группы или максимально низвести их до уровня «местных» идентичностей. Для достижения этой цели было необходимо административными методами систематически изгонять из общественной сферы негрузинские картвельские (мингрельский, сванский, лазский) и некартвельские (бацбийский, удинский) языки, чтобы потом способствовать их постепенному исчезновению из школ, средств массовой информации и – в результате утраты ими функциональности в ходе модернизации – в конечном итоге из повседневного употребления. Для этого также необходимо было придать забвению солидные научные исследования, которые недвусмысленно доказывали, что вышеназванные языки являются не «диалектами» грузинского, а оригинальными языками, носители которых зачастую не понимали друг друга²⁹³. Однако прямого запрета на устное употребление этих языков в Грузии не вводилось. Ислам – еще одна основа особой национальной идентичности аджарцев, лазов, месхетинцев – подвергся особо жестоким гонениям в ходе общей борьбы с религией, также использованной с целью включения этих этносов в грузинскую нацию. Что касается групп, которые расценивались как неспособные к «включению» в результате сильного отуречивания – как это было в случае с лазами, отуреченными аджарцами и месхетинцами, – то им угрожали «исключением». По этой же схеме как кандидаты на «включение» рассматривались осетины и абхазы,

не имевшие своей собственной традиционной высокоразвитой культуры, и в своей массе не относившиеся к мусульманам. В случае неудачи над ними постоянно висел дамоклов меч «исключения».

Политика в отношении национальных диаспор, не представлявших интереса для процесса национальной гомогенизации, была также нацелена на минимизацию их национально-культурной идентичности, однако уже не в духе политики «включения». Так, армяне и азербайджанцы не рассматривались в качестве кандидатов на «включение», в том числе в языковом отношении, поэтому в регионах их компактного поселения (на юго-западе и юго-востоке Грузии), а также в Тифлисе они частично сохранили свои национальные школы, если только к тому времени они уже не говорили на грузинском, как большинство армян в Тифлисе. Прочие национальные группы, не имевшие здесь значения, могли либо посещать русские школы (европейские национальные меньшинства), либо, в зависимости от географического положения, грузинские, армянские или азербайджанские школы.

Карательная бюрократия Грузии неуклонно следовала по вышеописанному пути гомогенизации, задействовав при этом те средства, которые предусматривались или, по меньшей мере, допускались «правилами» проведения массовых операций. Уже при механическом распределении жертв репрессий по национальной принадлежности становится очевидным принципиальный замысел: продолжить нивелировку этнического и культурного многообразия Грузии, чтобы быстрее покончить с «национальным цирком»²⁹⁴ прошлых лет. В результате определенные национальности даже уже не упоминались в документах внесудебных и судебных карательных органов. Тем самым игнорировались значительные языковые и культурные различия между этносами, которые были зафиксированы еще в материалах переписи 1926 г. При этом «включение» мингрелов и сванов в состав грузинской нации было осуществлено в ходе переписи 1937 г. За исключением лазов и аджарцев, из официальных документов к середине 1937 г. также «улетучились» все другие национальные группы, которые еще в 1926 г. были переписаны как субэтносы грузинской нации²⁹⁵. Что же касается аджарцев, то еще предстоит разбираться, в каком направлении нанесли здесь свой удар центральные власти Грузии. Возможно, речь шла о смеси из административных мер, направленных на включение аджарцев в состав грузин и нацеленной карательной политики с целью ослабления и подчинения этой «полутитульной» национальности. В целом же политику респуб-

ликанского центра можно трактовать как продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви, которые с 1880-х годов ожесточенно боролись против попыток со стороны России ввести письменность для мингрельского и абхазского языков на кириллической основе. Тем не менее, публикации на мингрельском языке появлялись в ограниченном масштабе вплоть до 1937 г.²⁹⁶

Вместе с административным «включением» целых этносов грузинская власть по собственной инициативе стремилась выполнить четвертое, последнее сталинское условие формирования нации: создать «общность культуры»²⁹⁷. Эта политика реализовывалась за счет долгосрочных мероприятий, направленных на то, чтобы соответствовать следующим понятиям, упомянутым Сталиным в этом контексте, таким как «общий духовный облик», «особенности национальной культуры», «национальный характер» и «общность психического склада», что нашло свое самое яркое выражение в унификации пестрого языкового пространства Грузии²⁹⁸.

В случае с национальными группами, шансы которых на «включение» в состав грузинской нации были неоднозначными, т. е. абхазами и осетинами, их латинский алфавит был повсеместно заменен на грузинский, при этом роль грузинского языка в школе резко выросла при одновременной деградации языков этих этносов. Таким образом, грузинская власть дополнительно воздала должное первому критерию сталинского определения нации – «общность языка». Согласно Сталину, «национальная общность» была «немыслима без общего языка»²⁹⁹. Очевидно, для грузинского центра совсем не было проблемой то, что официальным языком республиканской бюрократии являлся в 1937–1938 гг. русский язык с его кириллицей, что, в том числе, подтверждают документы карательных органов. Ведь Сталин подчеркивал, что в случае с «общим» языком нации речь идет не о языке бюрократии, а о языке, на котором говорит народ. В частности, Сталин писал: «...целости России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не о официально-канцелярских»³⁰⁰.

Репрессивная статистика, упорядоченная по национальному признаку, отображает не только административные аспекты политики «грузинской» периферии, но и ее неприглядную кровавую сторону, особенно в отношении этносов, которые сопротивлялись унификации, выступая против своего «включения» в грузинскую

нацию. Статистические и фактические данные о жертвах репрессий, относившихся к национальным группам, которые упоминаются в документах карательных органов наряду с «грузинами», свидетельствуют, что грузинский центр осуществлял политику гомогенизации также насильственно, посредством репрессий, вследствие чего эти национальные группы были лишены своего влияния и оказались в зависимом положении от титульной нации.

Важнейшим примером такого образа действий являются репрессии в отношении значительного количества абхазов. Абхазская элита была серьезно обескровлена начиная уже с 1936 г. Вслед за ней последовали широкие массы абхазов, подвергавшиеся репрессиям наряду с разного рода советскими «выдвиженцами». Среди абхазов – жертв массовых операций НКВД – оказалось множество крестьян, но также служащих и партийных кадров среднего звена. Главное место в действиях власти занимало стремление повернуть вспять процесс образования абхазской нации, к тому времени уже далеко продвинувшийся вперед. Фоном для этого процесса послужили военные действия 1918–1921 гг., а также стремление добиться для Абхазии статуса союзной республики в 1921–1931 гг., поддержанное хорошими связями абхазского руководства в Москве и на Северном Кавказе. Эти контакты необходимо было прервать, национальную и переселенческую политику автономной республики, направленную против гегемонии грузинского центра – прекратить. Карательная статистика в отношении абхазов является наглядным примером реализации путем насилия второго и третьего критериев сталинского определения нации, а именно достижения «общности территории» и установления «внутренней экономической связи»³⁰¹. В свою очередь, унификация жизненных условий и установление «общности экономической жизни» означали для грузинской власти культурное, политическое и физическое овладение абхазской территорией и ее колонизацию. Эта политика форсировалась в результате направляемых Тбилиси миграционных потоков, землеустройства и адресного распределения экономических и технических ресурсов³⁰².

То обстоятельство, что политика преследований национальных меньшинств совсем необязательно свидетельствует об этнизации взглядов грузинской карательной бюрократии, и речь зачастую идет о наказании недостатка лояльности и отсутствия рвения к адаптации или интеграции с грузинской нацией, продемонстрировала статистика репрессий в отношении лазов. Лазы, так же как и абхазы, проходили отдельной строкой в документах

карательных органов, хотя они были так же близки к грузинам, как и административно «поглощенные» мингрелы, сваны и бацбийцы, и, как и они, не были включены в качестве отдельного этноса в материалы переписи 1937 г. Еще одной специфической чертой репрессий в отношении лазов стал высокий процент смертных приговоров. В качестве общей причины такого особого «отношения» к лазам можно расценивать отсутствие «общности культуры» с грузинами: религией лазов был ислам суннитского толкования, а их язык, несмотря на общие корни, отличался от грузинского до степени полной «непонятности». Кроме того, лазов рассматривали как национальную диаспору, так как большинство лазов проживало в Турции.

Отягчающим обстоятельством в глазах Тбилиси стало то, что лазы действовали заодно с абхазами, или по меньшей мере стремились к этому. Партийные и государственные органы Абхазской АССР, в которых доминировали абхазы, пытались осуществлять собственную политику в сфере миграций и культуры, оказывая всяческую поддержку лазам. Все это происходило на скорее гротескном фоне, поскольку единственная чисто лазская деревня на советской (грузинской) территории находилась в Аджарии. Абхазской элите удалось добиться в Москве и Тбилиси выделения денег и помещений для издания лазской газеты, финансовой поддержки для подготовки и публикации школьных учебников на лазском, а также выделения в Абхазии участка побережья для создания лазского колхоза.

Кроме того, занозой в глазу для центральной власти Грузии было использование лазами прямых контактов, позволявших снова и снова путем жалоб дискредитировать Тбилиси в глазах Москвы, разоблачая заявления о том, что в Грузии проводится взвешенная национальная политика. Лазы также разоблачали то обстоятельство, что республиканские органы партии и государства уже с началом коллективизации успешно использовали предоставленную им свободу рук для того, чтобы с помощью экономических, технических (оборудование), административных (землеустройство) и политических рычагов затормозить, и в конечном итоге лишить лазов поддержки со стороны Абхазии. Тем самым якобы нейтральная в национальном отношении коллективизация также была использована как экономический инструмент в стремлении титульной нации Грузии намеренно замедлить и сорвать усилия властей Абхазской АССР, направленные на оказание содействия лазам³⁰³. В этот контекст хорошо укладывается терпимое отношение Тбилиси к эмиграции из Грузии в Турцию

значительных лазских контингентов, большей частью уезжавших в поисках работы. Тем самым фактически была похоронена советская имперская политика, все еще поддерживавшаяся Москвой в конце 1920-х годов и нацеленная на то, чтобы, используя фактор сравнительно «прозрачных» границ, с помощью «грузинских» лазов убедить лазов, проживающих в Турции, в преимуществах советской общественной модели и образцовой, по меньшей мере на бумаге, национальной политики.

Еще одно доказательство того, что для грузинской центральной власти речь шла о попытке подчинения себе территории Абхазии (и Аджарии) в интересах формирования грузинской нации, заключается в репрессиях в отношении греков. Так, невозможно объяснить жестокие репрессии в отношении греков только тем, что большинство из них проживало в деревнях вблизи морской границы Советского Союза. Социальные причины репрессий в их отношении также не были доминирующими, поскольку в случае с греками речь идет об этносе, лишенном социальных привилегий. Напротив, важнейшей причиной репрессий было то, что греки преимущественно селились на территории Абхазии, где в качестве группы, лишь условно поддающейся «включению», они препятствовали переходу территории автономной республики под власть Грузии. Тесная связь между территорией расселения и репрессиями была здесь особенно явной, поскольку греки, проживавшие вне Абхазии, подвергались репрессиям в гораздо меньшей степени.

Взаимозависимость между репрессиями и географией расселения, а также социальными, политическими и экономическими параметрами этноса может быть доказана также в негативном смысле, а именно на примере второй по численности «полутитульной» нации Грузии в лице осетин. Репрессии в их отношении отличались низким уровнем как в количественном, так и в качественном аспектах, поскольку их территория не вызывала интереса, а их социальный и политический статус был низким. Культурные различия также не могли играть здесь существенной роли, поскольку осетины почти поголовно были православными христианами. И все же в отношении осетин также проводилась политика национальной гомогенизации, как показывает специальное рассмотрение «качественных» параметров репрессий. Карательный аппарат целенаправленно истреблял малочисленную осетинскую элиту (служащих и членов ВКП(б)), тем самым цементируя низкий социальный статус этого этноса.

В отношении еще одной нации, проживавшей на территории Грузии, территориальные вопросы практически не имели значения, зато решающую роль играл ее высокий социальный и политический статус. Речь идет о евреях. Причиной жестоких репрессий в отношении еврейского населения стало стремление понизить его высокое социальное положение, особенно в городах, где евреи были представлены особенно значительно. Эти репрессии концентрировались преимущественно на евреях-ашкенази, эмигрировавших в Грузию относительно недавно, в то время как «грузинские» евреи преследовались в меньшей степени как более пригодные кандидаты на «включение». Этому также способствовал латентный антисемитизм. Напротив, репрессии в отношении русских и украинцев не отличались какой-либо спецификой.

Тезис о целенаправленном ослаблении обеих «полутитульных» наций и других «внутригрузинских» этносов в интересах достижения культурной, социальной, территориальной и экономической гегемонии титульной нации можно напрямую перенести на репрессии в отношении как «советских», так и «иностранных» диаспор. И хотя, как свидетельствует административная политика, им не предстояло «превратиться» в грузин, политическая и экономическая позиция этих диаспор должна была быть ослаблена. Что касается армян, которые и без того уже давно утратили свое традиционное доминирующее положение в больших грузинских городах, особенно в Тбилиси, то теперь они несли потери в провинции. Культурная и религиозная самоизоляция езидов, равно как и контроль, который они якобы осуществляли над определенными сегментами коммунального хозяйства и кустарного производства в Тбилиси и Батуми, также вызывали опасения у властей. В результате репрессии были направлены против курдов-езидов, хотя те имели низкий социальный статус, полностью порвали связи с Османской Турцией, из которой бежали в свое время, и не могли расцениваться как «враждебная нация». Азербайджанцы, курды-мусульмане и турки, и без того обделенные в социальном и политическом плане, были еще дальше сдвинуты вниз по социальной лестнице в результате того, что на прицеле у НКВД оказались их крайне малочисленные элиты. Хребет немецкой диаспоры, обладавшей ранее важными культурными, экономическими и политическими факторами влияния был окончательно сломлен не только за счет массовых репрессий, отличавшихся, как и в случае с евреями, крайней жесткостью, но и за счет целенаправленного осуждения «нелояльных» немецких элит к смерти или длительным срокам лишения свободы.

При этом центральные партийные и государственные органы Грузии ни в коем случае не стремились скрытно подорвать политику московского центра. Предпочтение титульных наций наряду с маргинализацией «полутитульных» наций и прочих этносов, находившихся на нижних ступенях иерархической лестницы советских национальностей, являлось ядром сталинской национальной политики в целом³⁰⁴. Основание Союза Советских Социалистических республик в декабре 1922 г. знаменовало собой выбор, сделанный большевиками, заключающийся в том, чтобы «[...] ликвидировать языки, культуры и отдельную этно-историческую идентичность сотен народов, кланов и племен, объединив их в новую нацию». Теперь же, чтобы существенно ускорить движение «в постнациональное советское целое»³⁰⁵, была оказана мощная административная поддержка процессу этнической гомогенизации уже существовавших крупных национальных единиц, а именно титульных наций советского государства. Эта политика набирала свои обороты с начала 1930-х годов, что особенно отчетливо видно на примере Украины. Так, в 1934 г. семнадцать польских сельсоветов были преобразованы в украинские, такая же судьба постигла целый ряд немецких сельсоветов. Округление, укрупнение и слияние национальных образований, в которых доля польского или немецкого населения опустилась ниже магической границы 50 %, напрямую вела к украинизации. В итоге в 1939 г. все польские районы получили украинские названия.

Уже 16 февраля 1938 г. было принято постановление Политбюро ЦК КП(б) Украины «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы». Окончательная ликвидация всех национальных административно-территориальных единиц последовала на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов» от 20 февраля 1939 г. Дублировавшее его постановление Политбюро ЦК КП(б) Украины было принято от 7 апреля 1939 года³⁰⁶. Школьная политика была на Украине такой же, как и в Грузии, с той лишь разницей, что наряду с украинским языком в бывших национальных школах теперь последовательно преподавался русский язык³⁰⁷. В целом, здесь наблюдалась определенная пластичность: ликвидированная национальная «территориальная» единица и верховенство в языковой сфере передавались очередному, все еще «терпимому» этносу, который в буквальном смысле был

следующим на иерархической лестнице «советских» национальностей. Если говорить о языке, то это мог быть либо русский язык, либо язык титульной нации соответствующей советской республики, в отдельных случаях – еще какой-то другой язык.

Важнейшим следствием этой политики стало – это также подтверждает судьба жалоб Искандера Циташи по поводу отношения к лазам – то, что Москва, начиная с 1937 г. и особенно в 1938 г., уже больше не выступала в качестве третьей стороны в конфликтах между титульными нациями и «второстепенными» национальными меньшинствами. Теперь эти споры относились к компетенции союзных республик. Сложный баланс сил был заменен иерархической системой компетенций, внутри которой предпочтение отдавалось титульным нациям. Письма Циташи и других «жалобщиков» теперь не рассматривались в Москве, их, следуя новой политике, отправляли на усмотрение «авторитетным» инстанциям на местах, в результате чего Циташи был осужден и казнен. Тбилиси теперь решал за Грузию, Баку – за Азербайджан, Ереван – за Армению. Новые правила игры гласили: вмешательства со стороны Москвы не последует, пока на местах выполняются ее директивы. Это также касалось истории и других научных дисциплин. Начиная с 1937–1938 гг. даже этнографические экспедиции из Москвы и Ленинграда могли работать только с разрешения властей союзных республик. Так, например, региональные ученые, такие как курдологи из Армении, намеревавшиеся изучать курдов Азербайджана, не могли больше вести исследования на «чужой» территории.

Новое толкование границ суверенитета республик над своими территориями означало, что, начиная с этого времени, было невозможно что-нибудь опубликовать в Армении об армянах Нагорного Карабаха, или в (русской) Северной Осетии – о (грузинской) Южной Осетии³⁰⁸. Власти больше не стремились к мирному сосуществованию и сотрудничеству разных культур внутри советских республик. Регионализация советской национальной политики достигла своего пика в 1938 г., одновременно с регионализацией «карательных» полномочий в ходе Большого террора. Только в результате этого развития, начавшегося вместе с коллективизацией, процесс формирования нации сталинского образца в Грузии стал ядром массовых репрессий. Таким образом, именно со времени Большого террора для Грузинской ССР стала справедливой формула – «социалистическая по форме, на-

циональная – по содержанию». Идея формирования наций на основе мультиэтничности в сочетании с советизацией была предана забвению как потерпевшая фиаско.

12. Смертельное взаимодействие

Специфические интересы грузинских властей в области национального строительства образуют важную составляющую для понимания массовых репрессий, однако они лишь частично объясняют их смертельную динамику, в особенности в отношении диаспор. В случае с «иностранными» диаспорами в Грузии в гораздо большей степени, чем в случае с абхазами и лазами, следует обратить внимание на взаимодействие между локальными стратегиями и взглядом на ситуацию со стороны Москвы. Только в этом случае появится возможность адекватно объяснить весьма заметные статистические различия в количестве и качестве репрессий в отношении отдельных диаспор – как между собой, так и в сравнении с другими национальностями.

Так, преследования турок, осуществлявшиеся, несмотря на их низкий социальный и политический статус, в экономически непривлекательных и перенаселенных областях проживания в Месхетии и Аджарии, необходимо рассматривать в контексте политики по укреплению границы, которой Москва начиная с 1929–1931 гг. придавала большое значение. Грузинские власти использовали это обстоятельство, чтобы репрессировать турок, живущих в опасной близости к турецко-советской границе. Таким образом, с одной стороны, «обслуживались» интересы Москвы, с другой – не привлекая к себе лишнего внимания, в жизнь претворялись местные интересы. Например, речь шла о том, чтобы повысить «градус» давления на месхетинцев, говоривших на диалекте грузинского языка, которые были поставлены перед выбором: или смириться с «включением» в грузинскую нацию, или разделить судьбу этносов-изгоев. То, что в случае с турками превалировали преимущественно местные интересы, показывает тот факт, что лишь немногие из турок были осуждены приговорами *двойки* и *«национальной» тройки*, которые ассоциируются скорее с «высокой» внешней политикой.

Если же такой «общесоюзный» мотив, как обеспечение безопасности границ, отпадал, как это было в случае с греками, рав-

ными туркам по социальному статусу, это обстоятельство отнюдь не давало автоматическую гарантию понижения уровня репрессий. Совсем наоборот, внутригрузинские интересы могли оказаться куда как более весомыми. В случае с греками республиканская карательная бюрократия интенсивно использовала «национальные» операции, чтобы усилить свое вмешательство в дела Аджарии и Абхазии за счет маргинализации греческой диаспоры.

Но поскольку греки в Грузии были выходцами из Османской империи (Турции), то в отношении обеих диаспор, как греческой, так и турецкой, было также необходимо учитывать общие интересы СССР, заключавшиеся в том, чтобы путем превентивных мер, таких как переселенческая политика и «чистки» всех типов, минимизировать возможность со стороны Турции оказывать воздействие на глубокий советский тыл. Здесь, без сомнения, власть учитывала, что разные части Грузии длительное время входили в состав Османской империи – одни, как Батуми, до 1878 г., другие до 1829 г., а в период Первой мировой войны были вновь оккупированы турками (в 1914–1915 гг. и еще раз – в 1918 г.). В 1945 г. Советский Союз в свою очередь выдвинул свои притязания на часть турецких территорий, мотивируя их историческими факторами, в первую очередь тем, что эти области были заселены грузинами и армянами³⁰⁹.

Несмотря на такие весомые внутривнутриполитические и относительно важные внешнеполитические факторы, цифры репрессивной статистики в отношении греков по многим причинам уступают данным по немцам. Греки, в отличие от немцев, обладали низким социальным статусом, и, проводя репрессии против них, грузинские власти лишь демонстрировали Москве свою международную бдительность, на деле же были заняты реализацией своих внутривнутриполитических интересов. В случае же с немцами и, вероятно, с поляками, имело место полное слияние равноценных по силе и значимости интересов Москвы и Тбилиси. Что же касается Германии и немцев, то речь однозначно и не без основания шла о враждебном государстве и нации (наряду с Японией и, ошибочно, Англией). Советская пропаганда прочно связала немецких колонистов в Грузии с немецким врагом и военной опасностью, особенно начиная с лета 1938 г., на фоне Судетского кризиса. Однако не стоит также забывать, что немцы на местах представляли собой отличную мишень для нападков по причине своего (некогда) высокого социального, политического и эконо-

мического положения. В этом смысле немцы стояли на пути грузинской власти в ее стремлении к формированию советской грузинской нации. Только за счет такого переплетения общесоюзных репрессивных факторов со специфическими грузинскими интересами немцы подверглись в Грузии экстремально жестоким репрессиям с высоким уровнем смертных приговоров.

13. Расизм или геноцид?

Представленный в историографии сталинизма тезис об «этнизации карательных представлений» режима, достигший своего наивысшего развития в утверждениях об «этнорежиме как объективном признаке репрессий» или даже о «геноциде» (структурном расизме), подлежит переосмыслению, принимая во внимание изложенные выше различные мотивы и формы этнической дискриминации в ходе массовых операций НКВД 1937–1938 гг. Тезис об «этнизации» имеет множество слабых мест применительно к Большому террору. Одно из них заключается в том, что по-прежнему остается неясным, относится ли этот тезис только к «национальным» операциям НКВД и, соответственно, деятельности *двоек* и «национальных» *троек*, или же он также справедлив для массовых преследований поляков, японцев, немцев, греков и т. д. в рамках «кулацкой» операции по приказу № 00447 и социальной зачистки «милицейских» *троек*. Возможно, он даже распространяется на весь массив репрессивных акций периода Большого террора, включая преследования элит. Или же, напротив, заявления такого рода, особенно о геноциде, являются лишь опрометчивым перенесением этого термина на Большой террор только лишь потому, что сталинской карательной политике был, несомненно, присущ определенный этнический аспект?

Но ограничение тезиса о геноциде только «национальными» операциями НКВД должно было бы означать, что в случае сравнения количественных результатов этих операций с другими карательными акциями НКВД они должны были занимать первое место, в то время как «кулацкая» операция и социальная зачистка «милицейских» *троек* должны были существенно уступать по численности жертв. Но этого не происходит. Как известно, в рамках «кулацкой» операции в масштабах всего Советского Союза за 1937–1938 гг. было репрессировано около 800 000 человек. На

втором месте находятся «милицейские» тройки, осудившие за 1935–1938 гг. около 450 000 человек. Операции по «национальным» линиям, стоившие жизни и свободы «только» 350 000 человек, занимают лишь третье место.

О том, что тезис об этнических чистках как главном направлении сталинского террора действительно относится преимущественно к «национальным операциям» и подразумевает их лидерство в количественном отношении, свидетельствует эволюция взглядов историков, защищающих этот тезис. С учетом последних исследований «кулацкой» операции они заявляют сегодня, что 1937 г. был годом социальной чистки, а 1938 г. – годом чистки этнической. Однако даже если мы будем рассматривать лишь «половину» Большого террора, т. е. только 1938 г., то и в этом случае тезис о геноциде «не работает». В отношении Грузии, а также и Украины мы действительно можем констатировать, что «национальные» операции действительно изгоняют в 1938 г. «кулацкую» операцию с ее ведущей позиции, но лишь начиная с сентября 1938 г., когда «альбомный» порядок осуждения двойками был заменен «национальными» тройками³¹⁰. В 1937 г. «кулацкая» тройка осудила в Грузии 15 413 человек, из них 6 738 человек к смертной казни, и безоговорочно занимала первое место по количеству жертв среди всех массовых операций. Такое положение сохранялось до сентября 1938 г. В Грузии к этому моменту «кулацкая» тройка репрессировала 20 816 человек, из них почти половину – 10 293 человек (49 %) – осудила к ВМН³¹¹. Жертвами «альбомного» этапа операций по «национальным линиям» с конца декабря 1937 г. по 17 сентября 1938 стала лишь незначительная доля от этого числа (7,8 %). Всего по приговору *Высшей двойки* в Грузии было осуждено «только» 1 624 человека, из них «лишь» 317 человек (19,5 %) – к смертной казни³¹². Начиная с 17 сентября 1938 г. численность жертв «национальной» тройки подскочила, составив к концу массовых операций НКВД 495 человек (из них 119 человек, 24 % – к ВМН) и превзойдя тем самым параллельно работающую «кулацкую» тройку, осудившую за этот промежуток времени 262 человека, почти в два раза. Зато «кулацкая» тройка осудила за этот период очень высокую долю жертв к смертной казни – 241 человек, т. е. около 92 %. Напротив, «национальная» тройка в Грузии осудила к смертной казни, в отличие от Украины и вопреки общесоюзной тенденции, лишь «незначительный» процент жертв. Всего в СССР в рамках «национальных» операций согласно неполной статистике ГУГБ НКВД

СССР, с 17 сентября по 1 ноября 1938 г. было осуждено 93 137 человек, из них 63 921 (69 %) – к смертной казни³¹⁵. В Грузии же «национальная» тройка осудила к смертной казни 24 %, т. е. в относительных цифрах почти в три раза меньше³¹⁴. Таким образом, как в Грузии, так и на Украине даже в 1938 г. в целом численность жертв «кулацкой» операции превзошла показатели «национальных» операций.

Для усиления аргументации в пользу тезиса об «этнизации врага», по крайней мере в отношении массовых репрессий 1937 г., можно упомянуть практику *арестов*, свойственную для Украины. На Украине в 1937 г. действительно в рамках операций по «национальным линиям» было арестовано больше людей, чем в рамках «кулацкой» операции, а именно 69 817 человек против 61 425. При этом, однако, стоит учитывать, что численность «бывшего кулачества» была на Украине существенно снижена в результате массовой высылки времен коллективизации. Сейчас трудно установить, почему *Высшая двойка* в Москве сократила почти в два раза контингент лиц, арестованных на Украине в рамках «национальных» операций, осудив в итоге «лишь» 38 632 человека. В результате численность жертв, осужденных «кулацкой» тройкой, существенно увеличилась, составив 83 122 человека³¹⁵. Здесь можно высказать предположение, что речь скорее идет об «этнизации» карательной политики украинской периферии, поскольку именно местные органы НКВД проводили нацеленные аресты «национальных» контингентов, в то время как московский центр не проявил особой заинтересованности в сверхпропорциональных «этнических» репрессиях. Или, возможно, такое количество арестов под этикеткой «национальных» операций объясняется тем, что в отличие от «кулацкой» операции органы НКВД не были связаны здесь лимитами и могли производить аресты, не задумываясь о количественных ограничениях?

Эти вопросы еще раз акцентируют внимание на важнейшем результате наших эмпирических исследований: главный дефицит тезиса об «этнизации сталинизма» заключается в узком ракурсе исследования, который ограничивается только Москвой и грубо игнорирует местную перспективу. Невозможно, исходя только из интересов центра, удовлетворительно выявить всю «этническую» релевантность репрессивной статистики, как это наглядно подтверждает изучение репрессий в Грузии. Привлечение периферии позволяет объяснить этническую компоненту репрессий передачей Москвой значительной части своей карательной компетенции

республиканским, краевым и областным властям в сочетании с ослаблением контроля со стороны центрального аппарата НКВД. В результате увеличения компетенции местного руководства произошло усиление различных, давно бытовавших на местах, субстанционально «не снятых», специфически окрашенных этнических стереотипов (например, грузинские евреи – игроки, спекулянты и воры, осетины – промышляют кражами скота, езиды – уголовники и т. д.). Этническая компонента действительно играла важную роль. Однако ее потенциал проявлялся только в результате комбинации вышеописанных изменений во властной структуре с потенциальной или реальной политической, социальной, культурной и территориальной конкуренцией между титульными нациями и национальными меньшинствами. Свое влияние также оказывали общесоюзная национальная политика и геополитические интересы. В довершение всего большое значение имела также предпринятая центром модификация общесоюзной уголовной политики, заключавшаяся в сильнейшем ужесточении критериев наказания, в результате чего теперь жестко карались проступки и «антисоветское» поведение, за которые раньше не наказывали или наказывали сравнительно мягко. Очевидно, что весь этот набор «репрессивных» причин обладал кумулятивным действием. Дихотомии между «внутренними» и «внешними» причинами репрессий по сути дела не существовало.

Итак, в ходе массовых операций НКВД, бесспорно, имело место повышение значимости этнической компоненты, однако в СССР не произошло коренной смены парадигмы в направлении доминирования критерия этничности вплоть до его абсолютизации в форме биологизации террора, как это было в национал-социалистической Германии в случае с евреями, а также синти и рома. Доминантной осталась парадигма, основывавшаяся на ценностях Просвещения. Обезличенные и безосновательные групповые репрессии на основании критерия принадлежности к той или иной этнической группе были исключением, а не правилом³¹⁶.

Поэтому, несмотря на огромный, без всякого сомнения, преступный потенциал сталинизма, в контексте массовых репрессий НКВД 1937–1938 гг. не может идти речи об этнических чистках, не говоря уже о геноциде. Следует также исключить их расистскую подоплеку, поскольку невозможно констатировать даже признаки фактической расистской карательной политики, равно как и принципиальной ксенофобии.

14. Массовые репрессии и депортации

Точно так же весьма проблемным представляется нам проведение линии прямой преемственности между репрессиями Большого террора и полной либо частичной депортацией «наказанных народов», хотя, например, практически поголовная депортация немцев из Грузии в Казахстан, с объективной точки зрения, является пиком репрессивных мер против этого национального меньшинства в Грузии³¹⁷. То же самое справедливо для полного выселения турок и курдов из Аджарии и Месхетии в Казахстан, Киргизию и Узбекистан в конце 1944 г.

Против попытки рассматривать массовые репрессии 1937–1938 гг. в едином контексте с депортациями «наказанных» народов свидетельствует мультифакторность этих репрессий, систематически осуществлявшихся в масштабах всего Советского Союза, не ограничиваясь только приграничными районами или «враждебными» нациями. Фундаментальным образом от массовых репрессий отличается также процедура проведения депортаций. Депортации осуществлялись административными методами, без участия обыкновенных судов, особых судов (Особое совещание) или внесудебных карательных органов (*тройки, двойки*). Кроме того, пострадавшие народы переселялись как «спецконтингент» целиком, т. е. депортации в отличие от массовых операций были акциями, направленными против целой группы, а не конкретных людей³¹⁸. Однако самое важное различие состоит в том, что депортации проводились по прямому указанию из Москвы, по приказу партии, правительства и тайной полиции, а в годы войны – согласно постановлениям ГКО СССР, ответственность за их осуществление несло высшее руководство НКВД и НКГБ. Здесь речь идет о переселенческой политике центра и перемещении масс населения, т. е. об этнической чистке в комбинации с обеспечением безопасности границ и превентивным огульным ударом по потенциальной «пятой колонне»³¹⁹. Местные интересы и влияния, если вообще о них можно говорить, играли в этих событиях только подчиненную роль. Депортации являлись разовыми акциями центра, а не систематическими репрессиями, которые сопровождалась передачей части карательной компетенции от центра к периферии. Таким образом, депортации не являются логическим последствием местной национальной политики, осуществлявшейся в Грузии в период Большого террора с помощью

репрессий, точно также, как и сама идея депортаций не была при-
суща массовым операциям НКВД. Поэтому депортации народов из
Грузии следует рассматривать в контексте политики народонасе-
ления Кремля и, прежде всего, в контексте Второй мировой вой-
ны³²⁰. Война была одновременно и причиной, и поводом к депор-
тациям. То, что в результате выселения из Грузии «наказанных
народов» в распоряжении титульной нации и других «лояльных»
этносов оказалось дополнительное жизненное пространство, бы-
ло только побочным, хотя и желанным эффектом, в результате
чего депортированным этносам было отказано в возвращении
домой как после их реабилитации в 1956 г., так и после получе-
ния Грузией независимости в 1991 г.

15. Этническое происхождение вместо гражданства

Целью Большого террора в Грузии, в отличие от депортаций, бы-
ло не физическое изгнание целых этносов, а систематическое на-
сильственное дисциплинирование и маргинализация наций с це-
лью наказать их за якобы недостаточную лояльность по
отношению к советской системе. При этом следует заметить, что
тот и без того хрупкий баланс, который десятилетиями определял
совместное проживание разных народов в Грузии, уже был серье-
зно нарушен коллективизацией, но его окончательным могиль-
щиком стал только Большой террор. Таким образом, националь-
ную компоненту массовых репрессий 1937–1938 гг. следует
рассматривать как радикальную составляющую долговременной
политики этнической гомогенизации, осуществлявшейся партий-
ными и государственными элитами грузинского государства.
С точки зрения грузинских реалий нам кажется слишком риско-
ванным тезис, сформулированный немецким историком и поли-
тологом Герхардом Симоном в отношении всего Советского
Союза. Согласно Симону, Сталин, начиная с 1933 г., затормозил
процесс национального строительства, который только в 1950-е г.
приобрел свое новое измерение³²¹. Напротив, в Грузии Большой
террор в значительной мере придал толчок процессу формирова-
ния грузинской нации и парадоксальным образом способствовал
усилению грузинского национализма. В результате близорукой
политики московского руководства именно на периферии непо-

правимым образом были заложены структуры медленного развала советской империи. Бывший народный комиссар национальностей Иосиф Сталин, будучи истинным творцом этой политики, стал могильщиком Советского Союза в буквальном смысле слова.

Однако и для самой Грузии последствия политики ассимиляции в отношении национальных меньшинств, осуществлявшейся местными партийными и государственными элитами репрессивными методами, были драматическими. Именно в 1930-е г., с опорой на старые традиции грузинского национализма образца XIX века, а возможно, и еще более раннего времени, были заложены основания не только для отделения абхазов и осетин, но и для «[...] этнокультурного определения грузинской нации», которое действует еще и сегодня, нанося урон единству и благосостоянию страны³²². В Грузии до сих пор царит представление о «Картвелоба», грузинском духе, согласно которому грузинское происхождение (этнические грузины, мингрелы, сваны, лазы) ценится выше, чем факт принадлежности к грузинскому государству, чем грузинское гражданство³²³. Только это развитие мы можем охарактеризовать в духе широкого определения Эрика Вайтца как «латентный расизм».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы благодарят Андрея Савина, Бернда Бонвеча и Оливера Райснера за концептуальные и содержательные замечания.

² На момент этого заявления С. Шамба занимал должность министра внутренних дел Абхазии. См.: <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1200511.html> (15.09.2013).

³ Борьба за советскую власть в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 / Сост. Г.А. Дзидзария. – Сухум, 1957; Абхазия. Документы свидетельствуют. 1937–1953. Сборник материалов / Сост. Б.Е.-И. Сагария и Т.А. Ачугба. – Сухум, 1992.

⁴ «Полутитульные» – здесь относится к титульным нациям автономных образований, входивших в состав союзных республик, как это было в случае с Абхазией, Аджарией и Осетией, входившими в состав Грузинской ССР.

⁵ Особенно четко эта позиция представлена: *Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage // Osteuropa. 63. 2013. № 5–6. С. 108–124, здесь 115.*

⁶ По данной теме существует обширная историография. В качестве одной из ранних работ следует назвать монографию А.М. Некрича: *Nekrich A.M. The punished peoples. The deportation and fate of Soviet minorities at the end of the Second World War. New York, 1978.* Из новых публикаций см.: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ. Народы в эшелонах. 20–60-е годы. – М., 1998; Pohl J.O. Ethnic cleansing in the USSR, 1937–1949. – Westport CT, 1999.*

⁷ Термин «национальность» широко используется здесь в качестве синонима понятия «этнос» (этническая группа), поскольку здесь фактически не играет никакой роли примордиальный аспект «этнической группы». В случае с данным аспектом решающее значение играло бы собственное решение человека о том, к какому этносу он принадлежит, что очень трудно реконструировать в отношении жертв репрессий 1937–1938 гг. Что же касается термина «национальность», то с его помощью обычно описываются объекты государственной политики.

⁸ *Baberowski J., Doering-Manteuffel A.* Ordnung durch Terror. Gewaltexzesse und Vernichtung im nationalsozialistischen und im stalinistischen Imperium. – Berlin, 2006. С. 17, 79; *Baberowski J.* Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. – München, 2003.

⁹ См. также рецензию Юргена Заруски: *Zarusky J.* Rezension zu: *Baberowski J., Doering-Manteuffel A.* Ordnung durch Terror. Gewaltexzesse und Vernichtung im nationalsozialistischen und stalinistischen Imperium. – Bonn, 2006 // H-Soz-u-Kult (13.03.2007) <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2007-1-170> (10.11.2013). Для Тимоти Снайдера (Йельский университет) «польская» операция также является этнически мотивированной акцией уничтожения. Соответствующим образом тезис об этнизации сталинских репрессий проходит красной нитью через его сравнение национал-социализма и сталинизма. См.: *Snyder T.* Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. – New York, 2010.

¹⁰ *Baberowski J., Doering-Manteuffel A.* The Quest for Order and the Pursuit of Terror. National Socialist Germany and the Stalinist Soviet Union as Multiethnic Empires // *Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared* / M. Geyer, S. Fitzpatrick (Eds). – Cambridge, 2009. С. 213. Обзор дискуссии проделан К. Миком. См.: *Mick Ch.* Die Ethnisierung des Stalinismus // *Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert* / Hg. von J. Baberowski. – Bonn, 2006. С. 145–173.

¹¹ *Baberowski, Doering-Manteuffel*, Ordnung durch Terror. С. 59; См. также: *Baberowski J.* Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. – München–Stuttgart, 2003.

¹² *Baberowski, Doering-Manteuffel.* The Quest for Order. С. 180–230, в особенности С. 216.

¹³ *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*. 1998. 70. № 4. С. 813–861, здесь Р. 858.

¹⁴ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca, 2001; *Hirsch F.* Empire of nations. Ethnographic knowledge & the making of the Soviet Union. – Ithaca, 2005.

¹⁵ *Naimark N.* Stalin's Genocides. – Princeton–Oxford, 2010. С. 120.

¹⁶ *Weitz E.D.* Racial Politics without the Concept of Race. Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 1–29, здесь С. 6. Обсуждение этого тезиса см.: *Hirsch F.* Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 44–53; *Leimon A.* Without a «Concept»? Race as Discursive // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 54–61; *Weiner A.* Nothing but Certainty // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 44–53; *Weitz E.D.* On Certainties and Ambivalencies. Reply to my Critics // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 62–65. На основании дебатов годом позже Эрик Вайтц сформулиро-

вал более осторожный тезис, согласно которому в СССР национальность и классовая принадлежность были в ходе репрессий равноценными классификационными признаками. Свой старый тезис о том, что советская национальная политика характеризовалась «расовой логикой» (racial logic), он по-прежнему считает достойным обсуждения, хотя и весьма спорным. См.: *Weitz E.D. Century of Genocide. Utopias of Race and Nation.* – Princeton, 2003. С. 84.

¹⁷ *Kuromiya H. Accounting for the Great Terror // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2005. 53. С. 86–101, здесь С. 90–91.

¹⁸ *Gregory P.R. Terror by Quota. State security from Lenin to Stalin. An archival study.* – New Haven–London. С. 265.

¹⁹ *Gregory. Terror by Quota.* С. 259; *Baberowski, Doering-Manteuffel. The Quest for Order.* С. 212.

²⁰ *Baberowski, Doering-Manteuffel. The Quest for Order.* С. 213.

²¹ Там же.

²² *Dönninghaus V. Minderheiten in Bedrängnis. Sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938.* – München, 2009. С. 594.

²³ *Савин А. Этнозация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД. Сравнительный аспект // Россия XXI.* 2012. № 3. С. 40–61, здесь С. 61. См. также: *Савин А.И. Меннониты как целевая группа репрессий конца 1920-х – 1930-х годов // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии. Документы и материалы / Сост. А.И. Савин.* – Новосибирск, 2009. С. 7–55; Он же: *Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер.* – М., 2010. С. 303–342.

²⁴ *Baberowski J. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt.* – München, 2012. С. 345, 352.

²⁵ *Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / Ред. Е.В. Кодин.* – М., 2011. С. 41–52.

²⁶ Авторы благодарят Эку Кухалашвили, Георгия Бабуцашвили и Георгия Мецховришвили за составление таблиц по массовым операциям, а именно в части национальной принадлежности и социального статуса жертв.

²⁷ См. таблицу 43 во втором томе настоящего издания.

²⁸ См.: главу Л. Авалишвили «“Национальные” операции в Грузии» в настоящем издании.

²⁹ Авторы не имеют возможности привести аналогичные данные для всех остальных операций или даже только для операций в отношении «враждебных» национальных диаспор, поскольку располагают соответствующими сведениями только о «греческой» и «немецкой» операциях. За эти сведения они благодарны Ивану Джузе. Однако в целом авторы исходят из того, что, как в случае с «двойкой», так и с «национальной» тройкой, доля репрессированных лиц других национальностей, не названных в соответствующем при-

казе (директиве) НКВД, была в Грузии статистически незначительной. Особый случай представляла собой операция по «турецкой» линии.

³⁰ Через «национальную» тройку при НКВД ГССР было осуждено по «турецкой» линии 178 человек. Статистическая выборка в количестве 18 человек (каждый 10-й) показала, что среди них семь человек (38,9%) были выходцами из Лазистана, т. е. потенциальными лазами, один абхаз (5,6%), один азербайджанец (5,6%), один курд (5,6%). Месхетинцы среди них не встречаются.

³¹ Подробнее о методе определения национальности см. в приложении «Национальность осужденных».

³² В тех случаях, когда это может быть важно с точки зрения корректности статистических данных, эта проблема при необходимости обсуждается в отношении соответствующей национальности.

³³ См. разделы, посвященные отдельным национальностям.

³⁴ $9978 : 15413 \times 100\% = 61\%$ или $3124 : 5665 \times 100\% = 52\%$. См.: таблицы № 3 и 34 во втором томе настоящего издания.

³⁵ См. таблицу 38 во втором томе настоящего издания.

³⁶ См. таблицу 2 во втором томе настоящего издания.

³⁷ «Сглаживание» статистических данных объясняется сравнительно высокой численностью грузин.

³⁸ Тройка осудила 12460 грузин (из них 5559 – к смертной казни) и 8623 представителей других национальностей (из них 4990 человек – к смертной казни).

³⁹ *Reisner O.* Integrationsversuche der muslimischen Adscharer in die georgische Nationalbewegung // *Caucasia between the Ottoman empire and Iran. 1555–1914* / Hg. von R. Motika, M. Ursinus. – Wiesbaden, 2000. С. 207–222.

⁴⁰ *Klimov G.A.* Einführung in die kaukasische Sprachwissenschaft. – Hamburg, 1994. С. 88–143.

⁴¹ Č'araia P. Megruli dialekt'is natesaobrivı damok'idebuleba kartultan [Родственная принадлежность мингрельского диалекта к грузинскому] // *Moambe*. 1895. № X, XII. 1896. № I, II. О методах дискриминации национальных меньшинств в Турции и Грузии см.: *Feurstein W.* Der sprachliche Reichtum der Kolchis. Untersuchungen zur südkaukasischen Sprache und Kultur der Mingrelıer und Lasen. – Freudenstadt, 2007. С. 51–60, 168; *Feurstein W.* Mingrelisch, Lazisch, Swanisch. Alte Sprachen und Kulturen der Kolchis vor dem baldigen Untergang. – München, 1992. С. 285–328.

⁴² Письмо Искандера датируется не позднее 25 июля 1937 г., поскольку он сам пишет в нем о том, что до 25 июля 1937 г. находится в служебной командировке в Ленинграде, где и ожидает ответа.

⁴³ Нами только в качестве исключения используются сведения о Циташи, содержащиеся в статьях, опубликованных историком М. Лабадзе в «желтой» газете «Gza». Такая позиция диктуется, во-первых, тем, что автор за единственным исключением не приводит ссылок на источники или литературу, во-вторых, эти статьи слишком очевидно служат тому, чтобы выставит Циташи в качестве инструмента Лакобы в его борьбе против единства грузинской нации. См.: *Labadze M.* Rogor c'aisala St'alinis «avt'onomizatsiis» gegma [Как провалился сталинский план автономизации] // *Gza*. 2013. 30.06. №. 22. С. 52–55; *Gza*. 2013. 06.06. № 23. С. 47–49. Авторы благодарят Ифрана Чага-

тая за указание на публикацию. М. Лабадзе является уроженцем Зестафони (Имеретия) и занимается в Кутаисском государственном университете изучением лазского языка и лазов.

⁴⁴ См.: документ № 10 «И.Т. Циташи генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрову о положении лазов в Грузии», не позднее 25 июля 1937 г. во втором томе настоящего издания.

⁴⁵ *Кизирия А.И.* Занский язык // Языки народов СССР. Том IV. Иберийско-кавказские языки / Сост. Е.А. Бокарев, К.В. Ломитатидзе, Ю.Д. Дешериев, Г.Б. Муркелинский, М.А. Кумахов, С.М. Хайдаков, А.К. Шагиров. – М., 1967. С. 62 [76]. Возможно, претензии Циташи были адресованы грузинскому языковеду Арнольду Чикобаве, который ввел термин «занский язык». Позднее именно его обвиняли в том, что он был автором доноса в НКВД на Циташи и несет ответственность за его смерть. Эта информация была сообщена Вольфгангу Фойерштайну уже покойным ныне Зурабом Саршвеладзе, преподавателем Тбилисского университета им. Сулхан-Саба Орбелиани.

⁴⁶ См.: документ № 11 «Справка Института языка и мышления Н.Я. Марра Академии наук [?] об исторических и языковых корнях лазов», не позже 1937 г., во втором томе настоящего издания.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ В Сапри преподавание на грузинском языке было введено уже в конце 1937 г. В Абхазии на первом месте находился русский язык. Стихотворения на лазском с 1941 г. записывались с помощью грузинского алфавита. Однако окончательный переход на грузинский язык был реализован только после 1945 г. в связи с «грузинизацией» лазских имен и фамилий.

⁴⁹ Циташи указывал на то, что около четырех тысяч лазов, проживавших в Грузии, в подавляющем большинстве говорят на лазском языке, и для них остаются недоступными как документы партии, так и правительства, такие как конституция и своды законов. Такая же ситуация сложилась с книгами и школьными учебниками. См.: документ № 10 » И.Т. Циташи генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрову о положении лазов в Грузии», не позднее 25 июля 1937 г., во втором томе настоящего издания. Такое положение резко отличалось от ситуации в Мингрелии, где была распространена пресса на мингрельском языке. Кроме того, Конституция Грузинской ССР (как в промежуточной, так и в окончательной редакции) была опубликована в 1937 г. на мингрельском языке.

⁵⁰ Сухуми – это грузинский вариант названия города; османско-турецкий и турецкий варианты звучат как Сухум (сокращенно от Сухум-кале, крепость Сухум). Такое же название город носил и в русском языке в 1878–1936 гг., после этого город стал называться Сухуми также и по-русски.

⁵¹ О публикациях на лазском языке, вышедших в свет в период культурной автономии см.: Feurstein. Der sprachliche Reichtum der Kolchis. С. 211–233. Официальный запрет в Турции лазской газеты «Красная звезда» последовал за подписью Ататюрка только 26 февраля 1930 г., т. е. спустя два месяца после появления ее второго (и последнего) номера. См.: Там же. С. 211.

⁵² Согласно Циташи, после всплеска эмиграции в Грузии осталось около 4 тысяч лазов. См.: документ № 10 «И.Т. Циташи генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрову о положении лазов в Грузии», не

позднее 25 июля 1937 г., во втором томе настоящего издания. Очевидно, данные о численности лазов, все еще проживавших в Грузии, приведенные Циташи в письме Димитрову, являются завышенными. См.: документ № 1 «И.Т. Циташи секретарю ВКП(б) И.В. Сталину о положении лазов в Грузии», не позднее 11 февраля 1935 г., во втором томе настоящего издания. Циташи приводит здесь данные о численности лазов только в Абхазии. В свою очередь в «Литературной энциклопедии», опубликованной в Москве в 1932 г., Циташи указывает численность лазов в Абхазии в размере 2000 человек. К ним следует добавить численность жителей деревни Сарпи, а также лазских семей, проживавших в аджарских деревнях и в Батуми, а также нескольких семей в Анаклии (Мингрелия). Таким образом, скорее можно говорить о 3000 лазов, проживавших в Грузии. Численность 4000 лазов является абсолютной верхней границей. В письме Сталину Циташи говорит о пяти тысячах лазов в 1928–1929 гг., причем неясно, к чему относится русское наречие «здесь» – только к Абхазии или ко всей Грузии. С 1930 г. по начало 1935 г. в Турцию вернулось 95 (!) семей, т. е. от 500 до 600 человек. В этой связи Циташи употребляет слово «выехало», хотя речь идет исключительно о возвращении на родину рабочих эмигрантов из числа лазов. Длительное пребывание за границей с целью заработка (лазское *texni*, турецкое *gurbetçilik*) является многовековой лазской традицией. Лазы пользовались спросом как плотники и моряки, гораздо меньшая группа занималась табаководством. Главной причиной их возвращения в Турцию была насильственная коллективизация.

⁵³ В 1932 г. Циташи издал первый учебник лазского языка, а тем самым вообще первую лазскую книгу. См.: *Chitaşi I. Çquni çara. Albonişi Supara. Ve Chitaşi' nin diğ er yazıları.* [перевод] *Laz Kültür Derneği Yayınları.* – Istanbul, 2012. С. 9. Речь идет о переиздании учебника, снабженного введением Вольфганга Фойерштайна.

⁵⁴ См.: Müller, Sowjetische Nationalitätenpolitik. С. 197.

⁵⁵ Наряду с письмом Циташи к Сталину мы можем назвать и датировать по меньшей мере еще два письма Циташи и их адресатов, а также две докладные записки Циташи от 9 декабря 1934 г., отправленные члену Бюро КП(б) Грузии Ф.И. Махарадзе и члену ЦК КП(б) Грузии Карло Орагвелидзе. Об этих и других многочисленных письмах Циташи руководителям Грузинской ССР (в 1934 г. – ЦК КП(б) Грузии и персонально Берию), Абхазской АССР и Закавказскому крайкому ВКП(б) (в 1933 г., адресовано лично Ф.И. Махарадзе) см. документ № 1 «И.Т. Циташи секретарю ВКП(б) И.В. Сталину о положении лазов в Грузии, ранее 11 февраля 1935 г.», во втором томе настоящего издания.

⁵⁶ Еще в 1933 г. Циташи своим письмом, адресованным руководству Закавказского крайкома ВКП(б) и лично Ф.И. Махарадзе, добился создания специальной «Комиссии ЦК КП(б) Грузии по работе среди лазов», которая в лучшем случае начала свою работу в конце 1934 – начале 1935 года. 11 февраля 1935 г. Абхазский обком КП(б) Грузии утвердил доклад этой комиссии. См.: документ № 1 «И.Т. Циташи секретарю ВКП(б) И.В. Сталину о положении лазов в Грузии, ранее 11 февраля 1935 г.», во втором томе настоящего издания. Приложение к постановлению Абхазского обкома КП(б) Грузии, в

котором речь шла о конкретных предложениях комиссии, не найден. Вероятно, письмо Циташи Сталину ускорило деятельность этой комиссии.

⁵⁷ Терри Мартин рационально делает различие между институциями, осуществлявшими «мягкую» (soft-line) и «твердую» (hard-line) политики, причем культурные учреждения относятся к первым, а различного рода контрольные комиссии, и естественно, органы государственной безопасности – ко вторым. Очень часто указания учреждений «мягкой» линии игнорировались или проводились в жизнь только формально (pro forma). См.: Müller, Sowjetische Nationalitätenpolitik. S. 234–235.

⁵⁸ Это косвенно следует из письма Циташи Сталину. См.: документ № 1 «И.Т. Циташи секретарю ВКП(б) И.В. Сталину о положении лазов в Грузии, ранее 11 февраля 1935 г.», во втором томе настоящего издания.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Возможно, издание газеты «Красная звезда» еще не получило в конце 1929 г. «благословения» верховного грузинского руководства. В пользу версии о том, что действия Циташи не были санкционированы, говорит тот факт, что газета на мингрельском языке стала издаваться только в начале марта 1930 г., т. е. спустя пять месяцев после выхода в свет «Красной звезды». Об этом же свидетельствует крайне низкий тираж газеты – 100 экземпляров и отсутствие каких-либо заметок о лазах в Турции.

⁶¹ Northrop D. Hujum. Unveiling campaigns and local responses, Uzbekistan 1927 // Provincial landscapes. Local dimensions of Soviet power, 1917–1953 / B.J. Raleigh (Ed.). – Pittsburgh, 2001. С. 125–145.

⁶² Имя «Искандер», как и имя отца Циташи «Теймураз», не распространено среди лазов. Что же касается фамилии «Циташи», то ее трудно отнести к какому-то определенному этносу. Имена «Искандер» и «Теймураз» являются обычными именами среди азербайджанцев. Согласно Лабадзе (к сожалению, без ссылки на источник) Искандер Циташи родился в городе Геленджик Краснодарского края, его отец был лазом из города Атина в западной Лазистане, его мать – русская казачка. Сын никогда не видел отца, Циташи якобы взял себе фамилию матери. См.: Labaze M. Rogoç s' aışala St' alinis «avt'onomizaciis» gegma [Как рухнул сталинский план «автономизации»] // Gza 30. Мая 2013 г. №. 22. С. 52–55.

⁶³ Что касается описания биографии Циташи, то мы используем сведения, полученные В. Фойерштайном в начале 1990-х годов в ходе многочисленных интервью и опросов. О Циташи см. также: Feurstein. Der sprachliche Reichtum der Kolchis. С. 202–211.

⁶⁴ Информация основывается на интервью В. Фойерштайна с Зурабом (Кемалом) Ванилиши, сыном Ванилиши, которое состоялось в июне 2013 г. в деревне Сарпи.

⁶⁵ Анализ первого лазского учебника произведен В. Фойерштайном. См.: Feurstein. Der sprachliche Reichtum der Kolchis. С. 220–226.

⁶⁶ Там же. С. 202–233.

⁶⁷ См.: документ № 14 «Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г.М. Димитров секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о положении лазов в Грузинской ССР от 8 августа 1937 г.», во втором томе настоящего издания.

⁶⁸ См.: документ № 26 «Второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Кузнецов первому секретарю КП(б) Грузии Л.П. Берии о за-

писке И.Т. Циташи о положении лазов в Грузинской ССР и письме генерального секретаря Коминтерна Г.М. Димитрова» от 23 декабря 1937 г., во втором томе настоящего издания.

⁶⁹ Циташи здесь исторически неточен. Источником сведений о Фаик-Эфендиши, лазе из города Хопа, был грузино-русский лингвист Николай Марр, который по случаю своей поездки в Лазистан в 1908 г. писал о том, что Фаик-Эфендиши создал лазский алфавит, все его труды были конфискованы, а сам автор оказался в тюрьме. «Привязка» по времени у Циташи – «во времена Абдул Гамида II II» – также весьма проблематична, так как султан правил с 1876 по 1909 год, в то время как Фаик-Эфендиши разработал лазский алфавит на основе арабской письменности уже в 1870 г. Сожжение его трудов, в то время как сам Фаик-Эфендиши был прикован к колонне, является результатом буйной фантазии Циташи.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Данные о месте и времени ареста Циташи отсутствуют.

⁷² См.: Заседание № 117 тройкой при НКВД ГССР от 21 июня 1937 г. // Архивное Управление МВД Грузии (АУ МВД Грузии). 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38465. Л. 71.

⁷³ См. Копамали оглы Али Байрамович: Протокол № 15 заседания тройки при НКВД ГССР от 29.09.1938 // АУ МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38468. Л. 16.

⁷⁴ См.: Абхазия. Документы свидетельствуют: 1937–1953. Сборник материалов / Сост. Б. Е.-И. Сагария и Т.А. Ачугба. Сухум, 1992. Этот том включает в себя перечни, в которых конкретно указано место, откуда переселились мигранты. Большинство из них были из Мингрелии.

⁷⁵ Жвания Исаак Ефгимович (1 января 1891–23 октября 1937), родился и вырос в деревне Леджике Чхороцкского района Грузии, член ВКП(б) с 1931 г., начиная с 1930 г. активно выступал за введение школьного преподавания на мингрельском языке, издал несколько букварей для изучения мингрельского языка, также работал главным редактором мингрелоязычной «Крестьянской газеты» («Qazaqiši Gazeti») тиражом до 20 тыс. экземпляров. На момент своего ареста был заместителем председателя ЦИК Аджарской АССР. См.: Müller, Sowjetische Nationalitätenpolitik. С. 192–195; *Blauvelt T.* The ‘Mingrelian Question’: Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // *Europe-Asia Studies*. 2014. № 6. С. 993–1013.

⁷⁶ Герман *Мгалоблишвили* был осужден *тройкой* 28 декабря 1937 г. и через два дня расстрелян. См.: Заседание № 76 тройки при НКВД ГССР от 28.12.1937 // Архивное Управление МВД Грузии (АУ МВД Грузии). 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38465. Л. 29

⁷⁷ См. таблицу 38 во втором томе настоящего издания. Для лазского населения Грузии был характерен переизбыток мужчин, что свойственно для групп недавних переселенцев и трудовых мигрантов. Но даже с учетом этого фактора высокий показатель степени репрессий у лазов не теряет своего значения в качестве индикатора интенсивности преследований: переизбыток мужчин практически не оказывал воздействия на долю расстрелянных, ведь репрессии затронули здесь исключительно только мужчин, что также было правилом в случае с евреями, немцами, грузинами и т. д. Таким образом,

численное доминирование мужчин не повлияло на долю казненных жертв (мужчин).

⁷⁸ На основании места рождения этих турок из Лазистана можно предположить, что речь в случае с ними идет об этнических лазях.

⁷⁹ $27 + 25 + 71 = 123 \times 100/4000 = 3\%$; $27 + 25 = 52 \times 100/4000 = 1,3\%$.

⁸⁰ Кулацкая тройка осудила 27 человек, национальная тройка – 25 и еще 71 лаз были выявлены среди турок, осужденных национальной тройкой.

⁸¹ Сведения получены в результате личной беседы В. Фойерштайна с Шевкетом Чапаниши, которая состоялась летом 1992 г. в Абхазии.

⁸² Протокол № 25 заседания тройки при НКВД ГССР от 01.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38469. Л. 20.

⁸³ Иосиф Сталин – Лаврентию Бери: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – М., 1992. С. 162–163, 165.

⁸⁴ Сообщение сына Мухаммеда Ванилиши, Зураба (Кемала) Ванилиши (Сарпи).

⁸⁵ Из его трехстраничных неопубликованных «воспоминаний», написанных в начале 1990-х годов, однозначно следует, что Ванилиши до последнего оставался приверженцем идеи лазской культурной автономии. Манускрипт рукописи хранится в семейном архиве Зураба (Кемала) Ванилиши.

⁸⁶ Протокол № 110 заседания тройки при НКВД ГССР от 28.04.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38460. Л. 167.

⁸⁷ Вопрос заключается в том, идет ли здесь речь о «турке» или о «тюрке». Для лазского активиста больше подходило бы «турок», но фамилия Байрамов звучит слишком «по-азербайджански».

⁸⁸ Протокол № 58 заседания тройки при НКВД ГССР от 03.12.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37418. Л. 50. См. также: <http://www.memoriali.ge/BOOK.pdf>. С. 362, 424 (дата обращения: 24.08.2013).

⁸⁹ Протокол № 106 заседания тройки при НКВД ГССР от 14.04.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38456. Л. 74.

⁹⁰ Один человек был приговорен к смертной казни, 10 человек – к 10 годам лагерей, дела еще пяти человек были переданы другим судам, трое человек сосланы в Казахстан и семеро – высланы в Турцию.

⁹¹ Из контингента «кулацкой» тройки только один человек имел турецкое гражданство.

⁹² См.: документ № 10 «И.Т. Циташи генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрову о положении лазов в Грузии», не позднее 25 июля 1937 г., во втором томе настоящего издания. По данным официальной переписи населения Турции, проведенной в 1945 г., было учтено только 45 тысяч человек, которые говорили на лазском языке. Однако эти цифры повсеместно расцениваются как заниженные, поскольку включают в себя только моноязычную часть лазского населения. Таким образом, к данным переписи 1945 г. следует добавить численность лазов, говорящих на других языках. Численность лазов, имеющих еще хоть какую-то связь с лазским языком, оценивалась на 1980 г. (на основании турецкой статистики (до 1965 г.) и точного знания лазских деревень) на уровне 250 000 человек.

⁹³ Показатель степени репрессий здесь составляет: лазы – 0,63%, немцы – 0,24%, турки – 0,22%, грузины – 0,002%; показатель степени применения

смертной казни: лазы – 0,025%, турки – 0,035, немцы – 0,1%, грузины – 0,00019. См. таблицу 40 во втором томе настоящего издания.

⁹⁴ Сравнение Северной и Южной Осетии здесь невозможно, так как не сохранились какие-либо архивные данные о проведении массовых операций НКВД в Северной Осетии.

⁹⁵ Сегодня абхазская диаспора проживает прежде всего в Турции и Сирии, где до 1967 г. абхазы преимущественно селились на Голанских высотах. О проблеме исхода абхазов из Абхазии см.: *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX столетии. Сухуми, 1982. В ходе гражданской войны в Сирии в 2011–2013 гг. сотни жителей абхазского происхождения были «репатриированы» из Сирии в Абхазию.

⁹⁶ См., например: *Ломтаидзе К.В.* Абазинский язык // *Языки народов СССР. Том 4. Иберийско-кавказские языки / Бокарев Е.А.* – М., 1967. С. 123–[144]. В новейшей грузинской историографии вектор абхазской миграции оказался повернут на 180 градусов (речь здесь идет не об эмиграции абхазов из Абхазии, а об их иммиграции в Абхазию), однако эта позиция не получила поддержки за границами Грузии. Не говоря уже о тесной взаимосвязи исторических и лингвистических вопросов, то большое значение, которое придается сегодня преимущественному праву собственных предков на спорную территорию при одновременной делегитимации конкурирующих притязаний как претензий со стороны «поздних переселенцев», выглядит весьма и весьма сомнительным (здесь, как и в Нагорном Карабахе).

⁹⁷ Под мигрантами из Западной Грузии, т. н. «западными грузинами», здесь понимаются носители западногрузинских диалектов (имеретинцы, гурийцы и т. д.). В свою очередь, в грузинской историографии это обозначение распространяется в географическом смысле также на мингрелов, сванов и аджарцев, которых мы рассматриваем здесь отдельно.

⁹⁸ *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX столетии. Сухуми, 1982.

⁹⁹ *Blauvelt T.R.* Resistance and Accomodation in the Stalinist Periphery. A Peasant Uprising in Abkhazia // *Ab Imperio*. 2012. 13. С. 78–108, здесь 108. Автор делает различие между этническими абхазами и абхазцами – жителями Абхазской АССР. Это различие, с одной стороны, имеет право на существование и даже полезно, с другой стороны, оно неприменимо к документальным источникам. В документах термин «абхазец» фигурирует как синоним термина «абхаз», оба понятия использовались для обозначения этнической принадлежности. Такая разница в значениях как «русские» и «россияне» здесь отсутствует.

¹⁰⁰ Численность абхазов составляла в Абхазии, согласно «Большой Советской энциклопедии» 1926 г. (очевидно, цифры были заимствованы из материалов переписи населения Грузии 1922–1923 гг.), 83 794 человека, то есть около 48,1% от общей численности населения Абхазии в размере 174 126 человек. В то же время численность грузин (включая мингрелов) указывалась в размере 32 000 человек. В ходе Всесоюзной переписи населения 1926 г. (т. е. по состоянию на 17 декабря 1926 г.) численность абхазов была установлена только в размере 55 918 человек (с учетом четырех абхазов – иностранных граждан – 27,8%, то есть около четверти от общего населения Аб-

хазии), в то время как численность грузин в Абхазии (включая мингрелов) называлась в количестве 67494 (только советские подданные). В итоге численность абхазов в течение года уменьшилась примерно на 28000 человек, численность грузин – увеличилась на 35000 человек. Таким образом, здесь можно распознать «переоценку» этнической принадлежности т. н. самурзаканцев – примерно 30000 жителей Гальского уезда, христиан по вероисповеданию, что подтверждается также данными с мест. Еще в 1897 г. 58697 абхазоговорящих жителей составляли 55,3% населения Сухумского округа в количестве 106179 человек. Согласно данным так называемых «посемейных списков» 1886 г., самурзаканцы учитывались отдельно как представители субэтноса абхазов. В итоге в Сухумском округе на тот момент проживало 30640 самурзаканцев, а также 28323 (прочих) абхазов, но только 3558 мингрелов и 577 грузин при общей численности населения округа 68 773 человека.

¹⁰¹ Lak'oba S. History: 1917–1989 // The Abkhazians / G. Hewitt (Ed.). – Richmond, 1999. С. 89–101.

¹⁰² <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1200511.html> (15.09.2013).

Здесь необходимо принять во внимание то обстоятельство, что руководящие государственные должности, а также посты в партии и общественных организациях были в Абхазской АССР сверхпропорционально заняты абхазами.

¹⁰³ То же самое справедливо в отношении осетин.

¹⁰⁴ Необходимо также обратить внимание на то, что в ходе переписи 1937 г. абхазы, подвергшиеся «мингрелизации», расценивались как мингрелы, а так как такой категории учета больше не существовало, в материалах переписи их указали как грузин. Но поскольку данная закономерность также справедлива для карательной статистики, то для наших подсчетов здесь это не имеет важного значения. См.: Müller. Sowjetische Nationalitätenpolitik. С. 102.

¹⁰⁵ Всего доля казненных абхазов составила от общего числа абхазов, осужденных «кулацкой» тройкой, 56,2%. По этому показателю абхазы существенно «уступают» лазам с их 84% смертных приговоров.

¹⁰⁶ См. таблицу 38 во втором томе настоящего издания.

¹⁰⁷ В Юго-Осетинской автономной области проживало 87358 человек, большинство из них составляли осетины. См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 46.

¹⁰⁸ Здесь между собой сравниваются лишь соотношение числа приговоров к смертной казни к общей численности разных национальных групп. Что же касается доли казненных от общего числа лиц данной национальности, осужденных «кулацкой» тройкой за 1937–1938 гг., то она составила у осетин около 53,9%, у абхазов – 56,2%, у грузин – 46,6%.

¹⁰⁹ См.: таблицы 44 и 45.

¹¹⁰ По причине утраты самих архивно-следственных дел в ходе гражданской войны 1991 г. в Грузии больше не представляется возможным установить, приводились ли в следственных делах данные о социальном происхождении жертв, которые отсутствуют в протоколах *тройки*.

¹¹¹ См. таблицу 9 во втором томе настоящего издания.

¹¹² См.: по этому поводу главу «Регионализация карательных полномочий» в настоящем издании.

¹¹³ Доля расстрелянных служащих грузинской национальности составляет 68%, осетинской – 67%, абхазской – 57%.

¹¹⁴ В 1937–1938 гг. в целом были осуждены 76 представителей абхазской элиты. Часть из них (28 человек) была осуждена до 6 октября 1937 г. *Военной коллегией Верховного Суда СССР* или другими грузинскими высокопоставленными судами, остальные (48 человек) за редким исключением были «пропущены» через «*кулацкую*» *тройку*. В случае с «*кулацкой*» *тройкой* центр тяжести репрессий пришелся на 1937 г. – 25 осужденных. В 1938 г. *тройка* дополнительно осудила «лишь» 19 абхазов из числа элит. В случае с осетинами картина была другой. В 1937 г. *Военная коллегия Верховного Суда СССР* осудила 5 человек, *тройка* – 18, зато в 1938 г. *тройка* осудила уже 32 представителя осетинских элит. Соответствующие данные были получены с помощью баз данных осужденных по «сталинским» спискам. Базы данных составили сотрудники «Института развития свободы информации» (Тбилиси). См. таблицу 37 во втором томе настоящего издания.

¹¹⁵ Степень репрессий всегда рассчитывается здесь как соотношение общего количества репрессированных жертв (или количества осужденных к ВМН) определенного этноса к общей численности этого этноса в составе Грузинской ССР.

¹¹⁶ См. таблицу 41 во втором томе настоящего издания.

¹¹⁷ Была предпринята статистическая выборка в количестве 39 из 384 жертв, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*, т. е. в нее попали два человека, которые первыми были осуждены в 1937 г. и в 1938 г., далее – каждый десятый.

¹¹⁸ Протокол № 81/38 заседания тройки при НКВД ГССР от 21.01.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 473. Л. 141. Была предпринята статистическая выборка в количестве 7 из 33 жертв, т. е. 1, 5, 10, 15, 20, 25, 30-й осужденный.

¹¹⁹ Как меньшевики были осуждены четверо осетин из 39 человек. Выборка из числа жертв «*милицейской*» *тройки* осуществлялась по принципу, описанному в предыдущем примечании. К вопросу о тесном союзе между осетинами и большевиками в годы гражданской войны см.: *Lang David Marshall. A Modern History of Georgia.* – London 1962. С. 228–229.

¹²⁰ *Hroch M. Das Europa der Nationen. Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich.* – Göttingen, 2005; *Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe. A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations.* – Cambridge, 1985; *Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reality.* – Cambridge, 1992. С. 12.

¹²¹ *Müller.* Sowjetische Nationalitätenpolitik. С. 199. В какой степени тенденции модернизации в Абхазии способствовали развитию национального сознания, сказать трудно, так как эта проблема никогда не исследовалась.

¹²² Для осетинского языка уже в 1923 г. была введена письменность на основе латиницы. См.: *Müller.* Sowjetische Nationalitätenpolitik. С. 201.

¹²³ Протокол № 108 заседания тройки при НКВД ГССР от 21.04.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38456. Л. 144.

¹²⁴ Из 554 абхаза, осужденных «*кулацкой*» *тройкой*, была осуществлена статистическая выборка в количестве 76 человек по следующему принципу: из 374 человека, осужденных в 1937 г., были выбраны первые тринадцать и потом каждый десятый человек, т. е. 50 человек. Из числа осужденных в

1938 г. (180 человек) были выбраны первые десять жертв и потом каждый десятый осужденный, т. е. 26 человек.

¹²⁵ Речь идет о семи участниках Гудаутского восстания и трех абхазах, осужденных по обвинению в националистической деятельности.

¹²⁶ См.: Blauvelt, Resistance and Accomodation. С. 78–79. Автор описывает начало сплошной коллективизации в Абхазии в феврале 1931 г. (согласно персональному заявлению Т. Блаувельта, речь здесь идет о феврале 1930 г., 1931 г. указан в тексте публикации ошибочно). Блаувельт также пишет, что «there is no reference to status in any of the documents of the period, public or secret, and yet it figures prominently in the interpretations of later Abkhaz historians.» Тем не менее, в делопроизводстве того времени статус Абхазии (АССР или ССР) время от времени указывался, авторам документов не всегда удавалось избежать этого деликатного вопроса. Однако даже если полностью согласиться с утверждением Блаувельта, лучшего знатока соответствующих документов, то тогда возникает другое, также весьма убедительное объяснение этого феномена: статус Абхазии (в большинстве случаев или всегда) не указывался потому, что вопрос статуса был настолько спорным, что для авторов документов самым мудрым выходом было оставить его за скобками, насколько это было возможно.

¹²⁷ Такая трактовка восстания соответствует комбинации информации, которую приводит Блаувельт, с информацией, содержащейся в письме Циташи Сталину от 1935 г. См.: Там же. С. 100; документ № 1 «И.Т. Циташи секретарю ВКП(б) И.В. Сталину о положении лавов в Грузии», не позднее 11 февраля 1935 г. во втором томе настоящего издания.

¹²⁸ Ход восстания 1931 г. превосходно описан Блаувельтом, поэтому не имеет смысла здесь повторяться.

¹²⁹ Пример дела меньшевика: Протокол № 12 заседания тройки при НКВД ГССР от 13.09.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 372. Л. 46. Давая такую оценку, мы не сомневаемся в том, что этот человек действительно в свое время мог иметь контакты с меньшевиками.

¹³⁰ Протокол № 20 заседания тройки при НКВД ГССР от 26.09.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 380. Л. 38.

¹³¹ Протокол № 90 заседания тройки при НКВД ГССР от 16.02.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38444. Том 2. Л. 38.

¹³² Протокол № 90 заседания тройки при НКВД ГССР от 16.02.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38444. Том 1. Л. 15.

¹³³ Протокол № 32 заседания тройки при НКВД ГССР от 14.10.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37392. Л. 65.

¹³⁴ Протокол № 32 заседания тройки при НКВД ГССР от 14.10.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37392. Л. 38.

¹³⁵ Подробнее о контактах лавов с Турцией см. дело Ахмеда Алиевича Делавер-Оглы: Протокол № 15 заседания тройки при НКВД ГССР от 29.09.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38468. Л. 20. Также по обвинению в контактах с Турцией был осужден Хишба Филипп Домеевич. См.: Протокол № 15 заседания тройки при НКВД ГССР от 16.02.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38444. Том 2. Л. 128.

¹³⁶ Туйба Акакий Темурович был обвинен в разбойном нападении на аэропорт; Крикория Петр Ханашевич обвинялся в связях с бандитами, ведении

антиколхозной и антисоветской агитации. Подобные обвинения содержатся во множестве остальных дел. Протокол № 12 заседания тройки при НКВД ГССР от 13.09.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 372. Л. 21; 22.

¹³⁷ Протокол № 98/55 заседания тройки при НКВД ГССР от 05.07.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 357. Л. 120.

¹³⁸ Что касается «милицейской» тройки, авторами были обработаны все 16 случаев (100%).

¹³⁹ Таким образом, речь здесь идет об образовании «этнической» группы на основании межгосударственного политического соглашения. В противном случае доминирующие грузины включили бы ее в состав своей нации. См.: *Reisner. Integrationsversuche.*

¹⁴⁰ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года. Общие итоги. Сборник документов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М., 2007. С. 107.

¹⁴¹ Название «Батуми» свойственно для грузинской манеры письма, османо-турецкое и турецкое название города звучит как «Батум», именно так город также назывался по-русски в 1878–1936 гг., после это стал употребляться грузинский вариант, в том числе и в русском языке – Батуми.

¹⁴² См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность / Сост. Центральное статистическое управление. Отдел переписи. – М., 1929. С. 104. Извлечение из материалов переписи информации непосредственно в отношении Грузии, см.: *Müller. Sowjetische Nationalitätenpolitik.* С. 97.

¹⁴³ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 46; *Müller. Sowjetische Nationalitätenpolitik.* С. 164, 168.

¹⁴⁴ См.: документ № 3 «Первый секретарь КП(б) Грузии Л.П. Берия секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину об этнической классификации народов в Грузии от 5 января 1937 г.» во втором томе настоящего издания. Такая позиция Берии не была чем-то новым. Уже к началу Первой мировой войны национальные грузинские силы пытались привлечь на свою сторону «аджарских братьев-мусульман». С этой целью в Батуми была организована специальная встреча. *Šamilišvili M. Aç'ara da kartveli sazogado moghvac'eni. [Аджарские и грузинские общественные деятели] // Маспе. Enisa da lit'erat'uris seria.* 1990. № 3. С. 40–54.

¹⁴⁵ *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос [1913] // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. – М., 1946. С. 296.

¹⁴⁶ См., например, монографию ираниста И.И. Зарубина, в том числе охватывающую Кавказ: *Зарубин И.И.* Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. – М.–Ленинград, 1927 (= Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран; 13); Истории и деятельности Комиссии посвящена следующая монография: *Псянчин А.В.* Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнокартографии к переписи населения. – Уфа, 2010.

¹⁴⁷ См.: подробнее позицию Сталина, где религии фактически не отводилось какого-либо места в рамках национальной проблематики: *Сталин, Марксизм и национальный вопрос.* С. 292–296.

¹⁴⁸ Письмо председателю Президиума Верховного Совета СССР от Церцвадзе Сергея Спиридоновича и Макацария Виктора Семеновича, ра-

ботников Дома партпросвещения Аджарского обкома и горкома КП(б) Грузии. 26 сентября 1938 г. // ГАРФ. Ф. 7723. Оп. 9. Д. 295. Л. 83. Благодарность Андрею Савину.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil I: Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. – Wien u. a., 1975. В 1929 г. в Аджарии вспыхнуло восстание, направленное исключительно против грузин. В их воззваниях говорилось (в передаче Берии), что от грузин «не стоит ожидать чего-то хорошего». См.: РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1с. Д. 58. Сообщение Берии из Батуми от 22.03.1929 г.

¹⁵¹ Модус подсчетов см. подробнее: таблица № 34.

¹⁵² Фактор «военной опасности» играл свою роль главным образом в преследовании этнических групп, в случае с которыми речь шла о «вражеских» нациях, т. е. страна их происхождения относилась к врагам СССР (см. ниже).

¹⁵³ *Hovannisian R.G.* The Republic of Armenia. I. The first year, 1918–1919. – Berkeley etc., 1971.

¹⁵⁴ Речь здесь идет о территориях расселения, не вызывавших интереса со стороны «соседей» по республике.

¹⁵⁵ См. *Müller D.* Ethnische Gruppen in der Republik Georgien // *Zeitschrift für Türkeistudien.* 1995. № 1. С. 5–50, здесь С. 12–13.

¹⁵⁶ Коммунистическая Партия Грузии в цифрах (1921–1970 гг.) / Сост. Е.Г. Курцикидзе. – Тбилиси, 1971. С. 45.

¹⁵⁷ *Jones St. F.* Georgian-Armenian relations in 1918 to 1920 and 1991 to 1994. A comparison // *Suny R.G.* Transcaucasia, nationalism, and social change. Essays in the history of Armenia, Azerbaijan, and Georgia. – Ann Arbor MI, 1996. С. 441–460, здесь С. 441–442.

¹⁵⁸ См. таблицу 38 во втором томе настоящего издания.

¹⁵⁹ В «первой» армянской республике полностью доминировали дашнаки. Партия Дашнакцутюн была известна своей приверженностью методам террора как средства дестабилизации как России, так и Турции.

¹⁶⁰ См. таблицу 46 во втором томе настоящего издания.

¹⁶¹ Была предпринята статистическая выборка в количестве 95 из 1722 жертв, т. е. среди первой сотни жертв в выборку попал каждый десятый осужденный, далее – каждый двадцатый.

¹⁶² Протокол № 12 заседания тройки при НКВД ГССР от 13.09.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 372. Л. 89.

¹⁶³ Была предпринята статистическая выборка в количестве 31 из 318 жертв, т. е. в выборку попал каждый десятый осужденный.

¹⁶⁴ См. таблицу 46 во втором томе настоящего издания.

¹⁶⁵ Протокол № 17 заседания тройки при НКВД ГССР от 16.09.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 377. Л. 16. В общем и целом посредством «кулацкой» тройки было осуждено поразительно много уголовных преступников армянской национальности, в то время как в отношении большинства остальных национальных групп уголовники осуждались исключительно «милицейской» тройкой.

¹⁶⁶ Протокол № 45 заседания тройки при НКВД ГССР от 13.11.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37405. Л. 70.

¹⁶⁷ См. Таблицы 34 и 37 во втором томе настоящего издания. В отношении «сталинских» списков здесь учитываются данные только по декабрь 1937 г. включительно, чтобы избежать возможных пересечений (и, как результат, двойного счета) с «*кулацкой*» *тройкой*, которая приступила в Грузии, начиная с октября 1937 г., к осуждению контингентов *Военной коллегии Верховного Суда СССР* (т. е. лиц, внесенных в «сталинские» списки).

¹⁶⁸ В «сталинские» списки по Грузии были включены из числа армян главным образом представители интеллигенции, партийные кадры и технические специалисты.

¹⁶⁹ Подробное описание участия армян в абхазской войне 1992–1993 гг. на стороне Абхазии существует только из перспективы Грузии, см.: *Арвеладзе Б., Мибчуани Т.* Армянский батальон имени Баграмяна и этночистка грузин в Абхазии. – Тифлис, 2009. Абхазская точка зрения на события представлена в: *Такмаз Х.* Армяне в отечественной войне народа Абхазии. – Краснодар–Сочи, 2012.

¹⁷⁰ *Trier T., Lohm H., Szakonzi D.* Under Siege. Inter-Ethnic Relations in Abkhazia. – London, 2010. С. 125–127. Авторы описывают здесь «*delicate balance*», сложившийся после войны. Без какой-либо идеализации ситуации они отмечают сильную степень лояльности армянского населения в отношении абхазского руководства.

¹⁷¹ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных их посемейных списков 1886 г. / Закавказский статистический комитет. – Тифлис, 1893.

¹⁷² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 39 [Грузия].

¹⁷³ Там же. С. 31 [Грузия].

¹⁷⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 16. [Грузия].

¹⁷⁵ Соответствующие расчеты по туркам см. ниже в разделе, посвященном национальным диаспорам.

¹⁷⁶ См. таблицу 34 во втором томе настоящего издания. В материалах январской 1937 г. Всесоюзной переписи населения учитывались лишь «*тюрки*». См. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Общие итоги. Сборник документов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М., 2007. С. 107.

¹⁷⁷ Из 29 осужденных «азербайджанцев» 18 были уроженцами Ахалцихского района. К ВМН был осужден один из них.

¹⁷⁸ Протокол № 11 заседания тройки при НКВД ГССР от 09.09.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 371. Л. 63 и далее.

¹⁷⁹ См. таблицу 38 во втором томе настоящего издания.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Таблица 10 во втором томе настоящего издания.

¹⁸² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 15 [Грузия].

¹⁸³ См. таблицу 38 во втором томе настоящего издания.

¹⁸⁴ Другие группы восточных евреев в ходе переписи также учитывались отдельно, но в Грузии они практически не были представлены.

¹⁸⁵ См. таблицу 40 во втором томе настоящего издания.

¹⁸⁶ Таблица 43 во втором томе настоящего издания.

¹⁸⁷ Таблица 41 во втором томе настоящего издания.

¹⁸⁸ Из 113 евреев 31 человек имел высшее и 33 человека – среднее образование. См. таблицу 47 во втором томе настоящего издания.

¹⁸⁹ Из 129 человек, в отношении которых имеются соответствующие данные, 123 человека были служащими и шестеро – рабочими. Там же.

¹⁹⁰ Была сделана статическая выборка в количестве 33 человек из 173, а именно первые десять жертв (как 1937 г., так и 1938 г.), а потом каждая десятая жертва.

¹⁹¹ О тесной взаимосвязи между «кулацкой» тройкой при НКВД Грузинской ССР и Военной коллегией Верховного Суда СССР, являвшейся спецификой массовых операций НКВД в Грузии, см. главу «Регионализация карательных полномочий» в настоящем издании.

¹⁹² Протокол № 43 заседания тройки при НКВД ГССР от 9.11.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37403. Л. 38.

¹⁹³ Протокол № 49 заседания тройки при НКВД ГССР от 09.11.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37409. Л. 44.

¹⁹⁴ Была сделана статическая выборка в количестве 33 человек из 173 (см. выше).

¹⁹⁵ Протокол № 103/60 заседания тройки при НКВД ГССР от 18.08.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 359. Л. 34.

¹⁹⁶ $2 + 9 + 18 + 53 = 82$.

¹⁹⁷ $19 + 84 + 77 + 5 + 22 = 207$.

¹⁹⁸ По «сталинским» спискам был осужден 21 человек, «кулацкая» тройка осудила 173, «национальная» тройка – пять и «милицейская» тройка – 76, итого 280 евреев. Г. Симон относит феномен «декоренизации» на время после Второй мировой войны. См.: *Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage // Osteuropa*. 2013. 63. № 5–6. С. 107–124, здесь С. 114; *Simon G. Juden in der Sowjetunion. Von der Emanzipation in den 1920 Jahren zur Verfolgung in der späten Stalinzeit // A. Engel-Braunschmidt, E. Hübner (Hrsg.) Jüdische Welten in Osteuropa*. – Frankfurt a. M., 2005. С. 85–100.

¹⁹⁹ Таблица 41 во втором томе настоящего издания.

²⁰⁰ *Guest J.S. Survival Among the Kurds: The Yezidis*. – London–New York, 1993.

²⁰¹ *Müller*. Sowjetische Nationalitätenpolitik. С. 232–233. В Закавказье в целом и Грузии в частности, по данным весьма основательных этнографических исследований царского времени, практически не проживали алевиты (за исключением очень маленькой группы на территории Карабаха в Азербайджане). Отдельные мигранты-алевиты были, без сомнения, причислены в 1926 г. к курдам.

²⁰² Что касается грамотности курдов, то остается неясным, читали ли по-турецки на османском (модифицированном арабском) или латинском шрифте. Теоретически грамотные курды могли бы, обладая навыками чтения таким шрифтом, также читать на курдском языке, но в СССР до 1929–1930 г. не издавалось книг на курдском за исключением азбуки, напечатанной для езидов в Армении. Однако эта книга была опубликована с использованием армянского алфавита, которым курды-мусульмане не владели. См.: *Müller*. Sowjetische Nationalitätenpolitik. С. 211; *Guest J.S. Survival Among the Kurds. A History of the Yezidis*. – London–New York, 1993.

²⁰³ *Guest*. *Survival Among the Kurds*. С. 197.

²⁰⁴ Езидские элиты концентрировались главным образом в Армении. Например, Араб Шамилов, бывший (езидско-) курдский пастух, ставший в со-

ветское время писателем и завоевавший широкое признание в Армении и Закавказье в целом после публикации в 1931 г. автобиографической повести «Курдский пастух». Сделал карьеру в Союзе писателей и партии, пока не был арестован в 1938 г.

²⁰⁵ Партработа среди езидов. Из беседы с инструктором ЦК КПА тов. Шамиловым // Заря Востока. Тбилиси, 24.06.1925 г. С. 3; Шамилов А.: Курды Закавказья // Революция и национальность. 1930. № 15–16. С. 86–89.

²⁰⁶ См.: таблицы 34 и 38 во втором томе настоящего издания.

²⁰⁷ 3/4 к 1/4, т. е. 9451: 3 150 = всего 12601 курд.

²⁰⁸ *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды. Время перемен. – М., 1993. С. 71.

²⁰⁹ См. таблицу 38 во втором томе настоящего издания.

²¹⁰ Репрессии в отношении женщин были абсолютным исключением. См.: раздел «Пол» в главе «Качественный анализ массовых операций» в настоящем издании.

²¹¹ Речь идет об отце, мулле Шавкете Ибрашме оглы Бастанжиеве и его сыне, Ахмеди Шавкете оглы Бастанжиеве. См.: Протокол № 69 заседания тройки при НКВД ГССР от 14.12.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37427. Том 2. Л. 119–120.

²¹² Председатель колхоза Мустафа Гейдар оглы. См.: Протокол № 69 заседания тройки при НКВД ГССР от 21.12.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37427. Том 2. Л. 47. Председатель сельсовета Багиров Чавуш Багирович. См.: Протокол № 78 заседания тройки при НКВД ГССР от 29.12.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37435. Том 2. Л. 146.

²¹³ Кямал Сефо оглы (расстрелян), Хазо оглы Омер оглы Ахмед Букавазанди. См.: Протокол № 1 заседания тройки при НКВД ГССР от 25.09.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38467. Л. 13, 60. Али оглы Мейрали Букавазанди (род. в 1875), Али оглы Мейрали оглы Исмаил Букавазанди (род. в 1906 г.), Хусейн оглы Бахри Сурмани Букавазанди, Амо оглы Ахмед оглы Хасан оглы Али Ульямасы. См.: Протокол № 26 заседания тройки при НКВД ГССР от 01.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38469. Л. 93, 98, 101, 126.

²¹⁴ Халилов Афо Самедович и Дукаев Иса Ахоевич. См.: Протокол № 67 заседания тройки при НКВД ГССР от 15.12.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37425. Л. 171, 172.

²¹⁵ Обвинение по этому групповому делу приведено: Протокол № 101 заседания тройки при НКВД ГССР от 14.03.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38453. Л. 1–6.

²¹⁶ Протокол № 102 заседания тройки при НКВД ГССР от 15.03.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38454. Л. 1, 4.

²¹⁷ Протокол № 111 заседания тройки при НКВД ГССР от 27.04.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38461. Л. 32.

²¹⁸ Протокол № 114 заседания тройки при НКВД ГССР от 23.05.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38463. Л. 19, 33.

²¹⁹ *Guest. Survival Among the Kurds.* С. 132–140.

²²⁰ О греках в Грузии см., например: *Müller D.* Ethnische Gruppen in der Republik Georgien // *Zeitschrift für Türkeistudien* 1995. № 1. С. 5–50, здесь 22–

23; Wixman R. The peoples of the USSR. An ethnographic handbook. – London, 1984.

²²¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 15. [Грузия].

²²² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 39. [Грузия]; см. также С. 39 (гражданство).

²²³ Там же. С. 39 [Грузия].

²²⁴ Там же. С. 25, 39 [Грузия].

²²⁵ Там же. С. 21, 40 [Грузия]. Точной корреляции здесь не наблюдается.

Так, были учтены 41 170 человек, назвавших греческий своим родным языком, из которых (см. выше) только 28 061 были советскими гражданами. Остаток в количестве 13 109 грекоговорящих лиц следует, очевидно, отнести на счет 12 184 греков – иностранных подданных. Разница между этими двумя величинами возникла, предположительно, за счет грекоговорящих армян.

²²⁶ См. таблицу 35 во втором томе настоящего издания.

²²⁷ Это число следует признать относительно точным, поскольку, с одной стороны, численность осужденных греков была очевидно выше примерно на 4%, так как в целом у 4,3% жертв здесь не указана национальность (*«кулацкая» тройка* 2,8%, *«национальная» тройка* 5,7%), однако, с другой стороны, среди осужденных *«двойкой»* был выявлен 21 человек, не являвшийся греком (3,7%).

²²⁸ $588 + 38 = 626$.

²²⁹ Директива народного комиссара внутренних дел СССР № 50215 «Об операции по арестам греков» от 11 декабря 1937 г. См.: Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб, 2006. С. 51–52.

²³⁰ Там же.

²³¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 15. [Грузия]. Из 54 051 грека – советского гражданина могли читать (были учтены как грамотные) 14 214 человек. Однако эта грамотность заключалась в знании греческого и/или турецкого языков, что едва ли могло повысить карьерные шансы греков в советской Грузии, где языками делопроизводства были русский и грузинский.

²³² Таблица 48 во втором томе настоящего издания.

²³³ Эта цифра основывается на исследованиях Ивана Джухи.

²³⁴ См.: таблицы 39 и 40 во втором томе настоящего издания.

²³⁵ Была предпринята статистическая выборка в количестве 14 из 38 жертв, т. е. в выборку попали первые десять осужденных, и потом каждый пятый.

²³⁶ Протокол № 11 заседания тройки при НКВД ГССР от 25.09.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38468. Л. 1.

²³⁷ Протокол № 11 заседания тройки при НКВД ГССР от 25.09.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38468. Л. 4.

²³⁸ Протокол № 24 заседания тройки при НКВД ГССР от 29.09.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38469. Л. 15.

²³⁹ Протокол № 35 заседания тройки при НКВД ГССР от 9.10.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38470. Л. 3.

²⁴⁰ Была предпринята статистическая выборка: 14 человек из жертв *«национальной» тройки* (см. выше) и 32 человека из жертв *«кулацкой» тройки* (за 1937 г. из 118 жертв были выбраны первые десять и потом каждый деся-

тый человек, итого 19 человек. Для 1938 г. выборка осуществлялась по такому же принципу – 13 из 39 человек).

²⁴¹ Таблица 48 во втором томе настоящего издания.

²⁴² См. таблицу 37 во втором томе настоящего издания.

²⁴³ *Джуха И.Г.* Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб, 2006.

²⁴⁴ После развала СССР значительная часть греков эмигрировала из Грузии (как и из остальных бывших советских республик) в Грецию, при этом большинство из них до этого проживали в Абхазии.

²⁴⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 39 [Грузия].

²⁴⁶ Здесь снова используются результаты статистической выборки: 14 человек («национальная» тройка) и 32 человека («кулацкая» тройка). Подробнее см. выше.

²⁴⁷ «Двойка» осудила в Грузии к лагерному заключению 409 греков. См.: главу ««Национальные» операции в Грузии» в настоящем издании; Приказ НКВД СССР № 50215 «Греческая операция» в настоящем издании; *Джуха И.* «Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан». История репрессий против греков в СССР. Греки на Колыме. – М., 2010.

²⁴⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 84 [Грузия].

²⁴⁹ *Chaqueri C.* The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921. Birth of the Trauma. – Pittsburgh, PA – London, 1995.

²⁵⁰ *Eagleton W.Jr.* The Kurdish Republic of 1946. – London, 1963; *McFarland S.L.* A Peripheral View of the Origins of the Cold War: The Crises in Iran, 1941–47 // *Diplomatic History* 4 1980. № 3. С. 333–351.

²⁵¹ *Eagleton.* The Kurdish Republic; *McFarland.* A Peripheral View of the Origins. С. 333–351.

²⁵² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 16 [Грузия].

²⁵³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 16, 38–39 [Грузия].

²⁵⁴ Там же. С. 42 [Грузия].

²⁵⁵ Современные свидетельства – см., например: *Агабеков Г.С.* Записки чекиста. – Берлин, 1930; *Forbes R.* Conflict. Angora to Afghanistan. – London, 1931. Также в ходе коллективизации приграничный к Ирану район стал местом особо жестоких боев повстанцев с советскими частями, причем территория Ирана фигурировала в качестве убежища для восставших. Это не в последнюю очередь стало причиной того, что в 1937 г. население этого приграничного района особенно пострадало от депортаций вглубь страны.

²⁵⁶ См.: таблицы 38, 39, 40, 43 во втором томе настоящего издания.

²⁵⁷ В Центральном архиве ФСБ выявлено два распорядительных документа НКВД СССР от 29 января 1938 г. за № 202 – меморандум, направленный в республиканские, областные и др. органы внутренних дел, и распоряжение, адресованное руководству НКВД Азербайджанской ССР. 1) Меморандум № 202 от 29 января 1938 г. об аресте всех иранцев и иранских армян (иранских подданных и советских граждан), подозревавшихся в шпионской, вредительской, диверсионной, повстанческой, националистической и иной антисоветской деятельности. Меморандум определял сроки и порядок проведения операции по аресту и следствию в отношении арестованных лиц.

2) Распоряжение № 202 от 29 января 1938 г. о немедленном начале арестов и расследования дел всех иранцев – иранских подданных и иранцев, не имевших ни советских, ни иностранных паспортов. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 5. 1937–1939. Книга 2. 1938–1939. – М., 2006. С. 573.

²⁵⁸ Протокол № 37 заседания тройки при НКВД ГССР от 17.10.37 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38470. Л. 59.

²⁵⁹ См.: документ № 24 «Шифровка Н.И. Ежова наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ о лицах без советского гражданства и никаких национальных документов» от 17 декабря 1937 г. во втором томе настоящего издания; документ № 25 «Шифровка Н.И. Ежова наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД, начальнику ГУРКМ НКВД, начальникам 3 и 7 отделов ГУГБ НКВД о лицах, которые приобретают за деньги иностранные паспорта» от 17 декабря 1937 г. во втором томе настоящего издания.

²⁶⁰ См.: документ № 36 «Шифровка наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ НКВД и начальникам 3, 4, 5, 6 и 11 отделов ГУГБ НКВД о репрессиях против поляков, харбинцев, латышей, греков, иранцев, финнов, эстонцев, румын, китайцев, болгар и македонцев» от 1 февраля 1938 г. во втором томе настоящего издания.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. С. 18, 39, 105 [Грузия]. Что касается иностранцев, то приведена их общая численность в составе городского населения Аджарии, а не отдельно для Батуми.

²⁶³ Протокол № 114 заседания тройки при НКВД ГССР от 23.05.1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38463. Л. 6.

²⁶⁴ Протокол № 114 заседания тройки при НКВД ГССР от 23.05.1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38463. Л. 6.

²⁶⁵ Керimli В.Г. Тюрки в Грузии. О культурных контактах азербайджанского и грузинского народов (конец XIX – начало XX вв.) / В.Г. Керimli; НАН Азерб., Ин-т архит. и искусства. – Баку, 2011.

²⁶⁶ Камо Мамед оглы. См.: Протокол № 114 заседания тройки при НКВД ГССР от 11.08.1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37362. Л. 91.

²⁶⁷ Девриш Раджаб оглы. См. Протокол № 114 заседания тройки при НКВД ГССР от 11.08.1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37362. Л. 104.

²⁶⁸ Нури Ахмед оглы. См.: Протокол № 114 заседания тройки при НКВД ГССР от 11.08.1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37362. Л. 114.

²⁶⁹ 728 («кулацкая» тройка) + 196 («национальная» тройка) + 1 («милицейская» тройка) = 925.

²⁷⁰ См. таблицу № 50 во втором томе настоящего издания.

²⁷¹ Напоминаем, что сформулированный нами рабочий тезис звучит следующим образом: низкий социальный статус означает менее массовые и жесткие репрессии.

²⁷² Репрессии в отношении поляков нами не анализируются из-за дефицита статистических данных.

²⁷³ Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? Ein kritischer Rückblick auf die deutsche militärische Intervention im Kaukasus 1918. Teil 1–2 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1970. 18. С. 47–126, 231–278; См. также: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Bd. 2. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit. 1917–1918. – Wien u.a., 1992.

²⁷⁴ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00593 «Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов из Маньчжоу-Го (харбинцы)» от 20.09.1937 г. // *Ленинградский мартиролог, 1937–1938. Том 3.* – СПб., 1998. С. 583–585.

²⁷⁵ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» от 25.07.1937 г. // *Ленинградский мартиролог, 1937–1938. Том 2.* СПб, 1998. С. 452–453.

²⁷⁶ Циркуляр НКВД СССР № 68 «Об иностранцах» от 16.08.1937 г. Текст циркуляра см.: *Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / Сост. И.Л. Щербакова.* – М., 1999. С. 46.

²⁷⁷ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов «ПОВ», военнопленных польской армии, перебежчиков из Польши, политэмигрантов и политобмен-ных из Польши, бывших членов ППС и других польских политических партий» от 11.08.1937 г. // *Ленинградский мартиролог, 1937–1938. Том 2.* – СПб., 1998. С. 454–455.

²⁷⁸ *Songhulaschwili A.* Die Deutschen in Georgien. – Tiflis, 1997.

²⁷⁹ С середины 1920-х годов виноградо-винодельческое объединение «Конкордия» находилось под неустанным наблюдением со стороны органов ОГПУ как якобы главный шпионский орган немецкой разведки на территории СССР. См.: *Savin A., Hedeler W.* Die Deutschen in der UdSSR – eine «fünfte Kolonne?». Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU // *Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (IWK)* 42. 2006. – Berlin, Heft 2–3. S. 305–324; *Савин А.И.* Меннониты как целевая группа репрессий 1920-х – 1930-х годов // *Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии. Документы и материалы.* Сост. А.И. Савин. – Новосибирск, 2009. С. 11.

²⁸⁰ Начиная с 1938 г. русский язык стал обязательным языком преподавания во всех национальных школах. См.: *Simon G.* Der Kommunismus und die nationale Frage // *Osteuropa*. 2013. 63. № 5–6. С. 11. Что же касается непосредственно Катариненфельда, Алльмендингер написал следующее: «В 1938 г. русский был введен в качестве языка преподавания. Это было концом немецких школ». См.: *Allmendinger E.* Katharinenfeld, ein deutsches Dorf im Kaukasus [1818–1941]. – Neustadt, 1989. С. 117.

²⁸¹ Соответствующие данные по иранцам/персам, противоречащие всем ранее выявленным тенденциям, напротив, не могут рассматриваться как достоверные.

²⁸² См.: документ № 6 «Приказ № 00606 народного комиссара внутренних дел СССР «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на аре-

стованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и других от 17 сентября 1938 г.» во втором томе настоящего издания.

²⁸³ См. таблицу 51 во втором томе настоящего издания.

²⁸⁴ Протокол № 16 заседания тройки при НКВД ГССР от 16.09.1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 371. Л. 69.

²⁸⁵ Протокол № 29 заседания тройки при НКВД ГССР от 10.10.1937 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37389. Л. 117.

²⁸⁶ Протокол № 36 заседания тройки при НКВД ГССР от 09.10.1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38470. Л. 40.

²⁸⁷ Протокол № 17 заседания тройки при НКВД ГССР от 29.09.1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38468. Л. 69.

²⁸⁸ Протокол № 105/62 заседания тройки при НКВД ГССР от 22.08.1938 г. // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37389. Л. 117.

²⁸⁹ За нарушение границы был осужден только один человек. Только как редкие исключения в случае с немцами фигурируют обвинения в рецидивном воровстве и краже со взломом, что еще раз подтверждает их высокий социальный статус. В случае с «*кулацкой*» *тройкой* была предпринята статистическая выборка в количестве 48 из 329 жертв, то есть в выборку попал каждый десятый осужденный, а также первые двадцать немцев, осужденных *тройкой*, в качестве контрольных данных. Возникший двойной счет был учтен ($50 - 2 = 48$).

²⁹⁰ Обвинение в нарушении границы фигурировало, наряду с внешне- и внутривнутриполитическими мотивами, только в случае с одним немцем. В случае с «*национальной*» *тройкой* была предпринята статистическая выборка в количестве 19 из 57 жертв, то есть в выборку попал каждый пятый осужденный, а также первые десять немцев, осужденных *тройкой*, в качестве контрольных данных. Возникший двойной счет (два человека) был учтен.

²⁹¹ Были обработаны данные всех восьми человек без исключения, осужденных «*милицейской*» *тройкой*.

²⁹² Сталин, Марксизм и национальный вопрос. С. 269.

²⁹³ Время от времени из печати выходили специальные лингвистические публикации, посвященные отдельным картвельским языкам.

²⁹⁴ Характеристика сталинской национальной политики с помощью понятия «национальный цирк» не принадлежит авторам. К сожалению, мы не смогли найти первоисточник. Тем не менее мы решились использовать это понятие здесь как наиболее точное. Характеристика советской национальной политики как «национального карнавала» принадлежит Юрию Слезкину. Сталин еще в 1932 г. защищал эту политику от критики, высказанной в свое время Розой Люксембург. См. *Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist state Promoted Ethnic Particularism // Soviet Review* 53. 1994. С. 439. Авторы благодарят за справку Дэвида Фисста.

²⁹⁵ Здесь необходимо подчеркнуть: то обстоятельство, что в 1926 г. эти национальные группы были учтены как субэтносы грузинской нации, а не как самостоятельные этносы, скорее всего следует отнести на счет сильного влияния грузинского национализма, поскольку в общесоюзном масштабе такого рода практика была абсолютным исключением. Перепись 1926 г. была очень детальной и учитывала малейшие нюансы. Все национальные группы

были переписаны отдельно, даже если отличие заключалось «только» в религии, которую они исповедовали: татары-мусульмане были номером 48 в переписном перечне национальностей, в то время как татары-христиане (мишари) – номером 49; калмыки-буддисты – номером 54 и калмыки-мусульмане (сарт-калмыки) – номером 57; курды-мусульмане – номером 154 и езиды – номером 155. Было только одно исключение: грузины (номер 105) включали в себя подгруппы: «105а – аджарцы», «105б – мингрель», «105в – лазы», «105г – сваны». Это абсолютно нелогичное исключение из общей практики (которое присутствует также в разделе учета языков, где абсурдным образом в перечне «картвельские языки» (sic!) были охарактеризованы как единый язык с мингрельским, лазским, сванским «диалектами» и «собственно» грузинским языком, в то время как во всех остальных случаях учитывалась малейшая разница) показывает, что самое позднее уже в это время в местных органах власти Грузии был заложен базис политики ассимиляции.

²⁹⁶ *Blauvelt*. The «Mingrelian Question». С. 1018.

²⁹⁷ *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос. С. 292.

²⁹⁸ Там же. С. 295–298.

²⁹⁹ Там же. С. 293.

³⁰⁰ Там же. С. 293

³⁰¹ Там же. С. 294.

³⁰² Там же. С. 295.

³⁰³ О политике бойкота, осуществлявшейся руководством Грузии в отношении попыток мингрелов добиться преобразования их территории в автономную области, см.: *BlauveltBlauvelt*. The «Mingrelian Question». С. 1010–1012.

³⁰⁴ *Reisner O.* Between State and Nation. The Debate about «Ethnicity» in Georgian Citizens' ID Cards // *Exploring the Caucasus in the 21st Century. Essays on Culture, History and Politics in a Dynamic Context* / F. Companjen, L. Marácz, L. Versteegh (Eds). – Amsterdam, 2010. С. 164; *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist state Promoted Ethnic Particularism // *Soviet Review*. 1994. 53. С. 448; *Simonsen S.G.* Inheriting the Soviet Policy Toolbox. Russia's Dilemma over Ascriptive Nationality // *Europe-Asia Studies*. 1999. 51. С. 1070; *Martin*. The Affirmative Action Empire; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Часть 2 / Сост. Л.С. Гагарова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. – М., 2009.

³⁰⁵ Эта оценка сталинской национальной политики основывается на меткой критике Ф. Хирш тезиса Эрика Вайтца о «расовой политике» в СССР. См.: *Hirsch F.* Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 42.

³⁰⁶ Документы опубликованы. См.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. – М., 2009. С. 377–379; 451–459. См. также: *Ćirko B.V.* Die Liquidierung des Systems der nationalen Rayons der Ukraine in den Jahren 1934–1939 // *Deutsche in Rußland und der Sowjetunion 1914–1941* / A. Eisfeld, V. Herdt, B. Meissner (Hrsg.). – Berlin, 2007. С. 272–276; *Martin*. The Affirmative Action Empire. С. 98–124, 291–308.

³⁰⁷ *Борисенко Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. – М., 2006. С. 229–232.

³⁰⁸ *Shnirelman V.A.* Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington, D. C., 1996; *Shnirelman V.A.* The value of the past. Myths, identity and politics in Transcaucasia. – Osaka, 2001; *Шнирельман В.А.* Многоликая Клио. Бои за историю на постсоветском пространстве. – Берлин, 2010.

³⁰⁹ *Kuniholm B.R.* The origins of the Cold War in the Near East. Great power conflict and diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. – Princeton, NJ, 1980. С. 286–288; *Dimitrov G.* Dnevnik. 9 mart 1933–6 fevuari 1949. – Sofija, 1997. С. 203; *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 14.

³¹⁰ В период «альбомного» периода национальных операций (август 1937–31 августа 1938 г.) *двойка* осудила на Украине 61 683 человек. По приговорам «национальной» *тройки* было осуждено еще около 28 000 человек. Вместе численность жертв «национальных» операций составляет около 89 683 человек. Жертвами операции согласно приказу № 00447 стали 121 994 чел. См.: Сводные данные об арестованных и осужденных органами НКВД УССР за период с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г., от 31 августа 1938 г. // «Через трупы врага на благо народа». Том 2. С. 149–154.

³¹¹ 21 078–243–19 = 20 816 (1-я категория: 10 534–223–18 = 10 293)

³¹² 2119–272–223 = 1624 (1-я категория: 432 – 47 – 68 = 317) См. таблицу «Статистические итоги «национальных» операций» в Грузии, 1937–1938» в главе «Национальные операции в Грузии» в настоящем издании.

³¹³ Справка НКВД СССР о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938. Не ранее 1 ноября 1938 // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939 // Сост. В. Данилов, М. Кудюкина, Р. Маннинг и др. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. – М., 2006. С. 305. *Двойки* осудили за время с 25 июля 1937 г. по 17 сентября 1938 г. 235 122 человека, из них 172 830 (73,5%) – к смерти. См.: Там же.

³¹⁴ См.: главу «Национальные операции в Грузии» в настоящем издании; о причинах высокой доли приговоров к ВМН, вынесенных «кулацкой» *тройкой при НКВД Грузинской ССР* начиная с сентября 1938 г., см. главы: «Качественный анализ массовых операций» и «Количественный анализ массовых операций» в настоящем издании.

³¹⁵ 38058 + 574 = 38632. См.: Статистический отчет начальника 8-го отдела УГБ НКВД УССР Л.Г. Мунвеза об оперативно-следственной работе органов НКВД УССР за период с 1 июня 1937 г. по 4 января 1938 г. от 4 января 1938 г. // «Через трупы врага». Том 1. С. 328–333.

³¹⁶ Определенный элемент геноцида несут в себе только преследования священнослужителей. См.: *Binner R., Junge M.* Vernichtung der orthodoxen Geistlichen in der Sowjetunion in den Massenoperationen des Großen Terror 1937–1938 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2004. 52. № 4. С. 515–533.

³¹⁷ «Иммунитет» от депортации, в духе ее официального обоснования угрозой коллаборационизма, имели лишь немцы (немки), женатые на грузинках (находившиеся замужем за грузинами). Они имели право остаться в Грузии. Эта практика была общей для всех депортаций «наказанных» народов.

³¹⁸ *Полян П.* Депортации и этничность // Сталинские депортации 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П. Полян. – М., 2005. С. 5–6.

³¹⁹ Там же. С. 8–9.

³²⁰ Даже в том случае, если в ходе депортаций 1949–1952 гг. применялся опыт Большого террора.

³²¹ *Simon G.* Der Kommunismus und die nationale Frage // Osteuropa. 2013. 63. № 5–6. С. 118–119. До 2001 г. Г. Симон был директором по науке Федерального института международных и восточноевропейских исследований (Bundesinstitut für internationale und ostwissenschaftliche Studien in Köln, BIOst).

³²² *Reisner.* Between State and Nation. С. 163. См.: *Reisner O.* Zur Geschichte des Begriffs «eri» in der modernen georgischen Historiographie // *Georgica*. 2012. 35. С. 62–77.

³²³ «[...] Биологический или генетический натурализм является далеко не единственным основанием человеческого поведения и социальной принадлежности. [...] культура также может функционировать как способ удержания отдельных лиц и групп в рамках их генеалогии, в рамках определений, которые для них априори являются непреложными и нематериальными. [Такой подход] диктует не столько расовую принадлежность, сколько расовое поведение». Эта цитата Этьена Балибара приведена у Эрика Вайтца. См.: *Weitz E.* Racial Politics without the Concept of Race. С. 8.

ДИСКУССИЯ

И свято верю в чистоту
Снегов и слов.

Владимр Высоцкий, Горная лирическая. 1969.

Поскольку Я, стремясь оставаться убедительным для себя самого и других,
Утверждаю, ложно или верно, ориентируясь на критерии правды, которые справедливы для других,
Даже если для убедительности нет никаких абсолютных масштабов,
А лишь те, которые кажутся сегодня и здесь достаточными как для Него, так и для других.
Тем самым плюрализм получает свое признание.

Курт Флаш. Почему я не христианин. 2013.

Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер

Грузия в пути

В преддверии публикации книги «Большевицкий порядок в Грузии. Большой террор в маленькой кавказской республике» весьма оживленную дискуссию вызвала глава «Этнос и террор». Архив Министерства внутренних дел Грузии пригласил целый ряд грузинских экспертов, призвав их выразить свое отношение именно к этой главе. Это неслучайно, поскольку здесь освещается острая актуальная тема совместного проживания многочисленных этносов в этой сравнительно юной кавказской республике, имеющей длинную предысторию.

Первый отзыв на главу «Этнос и террор» был подготовлен Джемалом Гамахарией, который является членом Верховного Совета в изгнании Абхазской автономной республики. Джемал Гамахария, известен как выдающийся специалист в области истории Абхазии. Еще одну рецензию написал вице-президент Академии наук Грузии Роин Метревели, его рецензия была поддержана пятью профессорами Грузинского Патриаршего университета им. Св. Андрея Первозванного, включая ректора университета. Одна очередная рецензия принадлежит перу одного знатока Кавказа – профессору Института истории и этнологии Национальной академии наук Грузии Александру Даушвили. Свои комментарии к главе «Этнос и террор» также подготовил Гиоргий Майсурадзе, научный сотрудник Института изучения модерна Государственного университета им. Ильи Чавчавадзе (Тбилиси). Г. Майсурадзе является представителем молодого поколения грузинских ученых, получивших профессиональное образование за границей. В сферу его научных интересов входит культурная история Кавказа. Кроме того, свою рецензию представил профессор Тимоти Блаувельт, который также является научным сотрудником Института изучения модерна Государственного университета им. Ильи Чавчавадзе. Он известен благодаря своим многочисленным публикациям, в том числе посвященным новейшей истории Грузии. Рецензии Т. Блаувельта и Г. Майсурадзе были подготовлены по просьбе немецкой стороны проекта.

Профессор Иван Шотаевич Ментешашвили, старший научный сотрудник Национального музея Грузии специально писал отзыв о введении настоящего тома, где речь идет о музее оккупации.

12 декабря 2014 года под руководством ректора Академии МВД Грузии состоялось заключительное обсуждение, в ходе которого было принято единогласное решение опубликовать как спорную главу, так сопутствующую дискуссию. В заключение приводится отзыв Джаны Джавахишвили (Государственный университет им. Ильи Чавчавадзе), в котором вся дискуссия рассматривается из психо-социальной перспективы.

В ходе дискуссии, развернувшейся между учеными, речь шла не только о содержании самой главы, но и об авторитарных шаблонах, политических интересах и роли оценочных суждений в интерпретации истории. Для адекватного понимания этой дискуссии необходимо учитывать, что она велась фактически тремя группами историков: грузинскими учёными, иностранными учёными, проживающими в Грузии, и историками, проживающими за пределами Грузии. Определенное значение имел и тот факт, что ряд авторов монографии являются гражданами Германии, что для некоторых участников дискуссии автоматически подразумевало их определенную связь с национал-социалистическим прошлым. В итоге спор фактически велся вокруг соотношения в науке монополии авторитета и плюрализма мнений, без которого немислима свобода исследования.

С точки зрения авторов, материалы дискуссии настолько важны как для изучения истории «советской» Грузии и развития сегодняшней грузинской демократии, так и вообще для генезиса постсоветских государств, что заслуживают публикации в этом томе. В настоящем издании печатается не только глава «Этнос и террор», которая подверглась переработке в свете обсуждения, но также и полные материалы дискуссии. Благодаря этой публикации читатель в свою очередь получает возможность не только непосредственно убедиться в том, в какой мере немецкие авторы отреагировали на высказанную в их адрес критику, но и сформировать свое собственное мнение.

Возможность опубликовать такую книгу является, по нашему мнению, одним из показателей того, что страна находится на пути к становлению демократического и плюралистического государства, в котором история более не является средством защиты государственных и идеологических интересов.

Мы сожалеем, что в итоге нам пришлось не указать Архива МВД Грузии как соиздатель русского варианта книги особенно

главы «Этнос и террор». Очевидно, достигнуть соглашения в данном случае невозможно. Кроме того, эксперты, привлеченные Архивом, по-прежнему не были готовы поддержать публикацию этой главы. Такой сепаратный вариант кажется нам самым печальным и неудачным для авторского коллектива. Однако отложить публикацию на неопределенное будущее, к сожалению, представлялось невозможным как из научных (нужна база для широкой дискуссии), так и из формальных (завершение проекта) соображений.

Для удобства читателя наши ответы на вопросы и замечания рецензентов были объединены с соответствующими пунктами отзывов грузинских ученых и коллег из других стран.

1. Непогрешимый авторитет vs. плюрализм точек зрения

Д. Гамахария: Основная тема исследования является довольно интересной и актуальной, малоизученной в грузинской историографии. Однако параллельно авторы касаются вопросов этнополитического характера, грубейшим образом искажая историю Грузии и грузинского этноса¹.

Авторы: *Задача совместного грузино-немецкого проекта «Сталинские массовые репрессии 1937–1938 гг. Перспектива грузино-кавказской периферии» заключалась в том, чтобы изучить специфику сталинских репрессий во время Большого террора в Грузии, т. е. как именно функционировал здесь «большевистский порядок». Другими словами, мы стремились выяснить, как республиканские партийно-советские органы осуществляли в Грузии карательные акции Большого террора на фоне общесоветской репрессивной кампании. Главные вопросы заключаются в том, могли ли грузинские власти проводить свою собственную линию в репрессивной политике, и если да, то в какой степени. Какими интересами они руководствовались в этом случае, т. е. каков был их специфический вклад в репрессии? Само собой разумеется, мы также целенаправленно исследовали вопросы взаимодействия между Грузией и московским центром.*

Д. Гамахария: По всем параграфам, с первой страницы до последней, красной нитью проходит кремлевская идея расчленения

грузинской нации. Авторы недовольны тем, что «бюрократия карательных органов, вопреки бытовавшей традиции, объединяла под рубрикой “грузины” не только этнографические или, соответственно, племенные подгруппы (субэтноты) грузин, такие как картлийцы, кахетинцы, тушинцы, пшавы, хевсуры, ингилойцы, месхетинцы, имеретинцы, гурийцы, рачинцы и лечхумцы, но и аджарцев, мингрелов, сванов и бацбийцев (цова-тушинов)» (см. параграф 3. Административное сращивание: аджарцы, мингрелы, сваны, бацбийцы). Спрашивается: какую или чью «традицию» имеют в виду авторы, где и когда она «бытовала»? Ясно, что они имеют в виду «традицию» Российской империи до 1917 года, подчиненную политике ассимиляции народов, в том числе грузин, когда имперская статистика к графе «грузины» относала лишь картлийцев и кахетинцев. Авторы вопреки этой «традиции» несколько расширили понятие «грузины», но выступают против включения в него аджарцев, мегрелов, сванов и бацбийцев, наивно (если только наивно) полагая, что от каких-то граф в статистических сборниках зависит национальное самосознание той или иной этнографической группы.

Вызывает крайнее удивление тот факт, что авторы, которых непрофессионалами никак не назовешь, договариваются до глупостей, утверждая, что включение аджарцев в состав грузинского этноса предрешило письмо Лаврентия Берии на имя И. Сталина в связи с переписью населения в 1937 году (см. параграф 3). Письмо Л. Берии лишь положило конец имперской традиции деления грузинского этноса на отдельные «народы». Однако авторы не могут не знать, что нации, народы такими письмами не ликвидируются и не создаются. Задолго до этого письма и после него аджарцы были и остаются органической частью грузинской нации.

Авторы: *Мы особенно подробно анализировали письмо Берии Сталину 1937 г. и, в конечном итоге, оценили это письмо как яркую демонстрацию сталинской национальной политики второй половины 1930-х годов. Наш тезис гласит о том, что грузинская репрессивная бюрократия в интересах гомогенизации грузинской нации уже больше не говорила об абхазах, мегрелах, сванах и бацбийцах. При этом грузинские власти действовали с опорой на политику Центра. Данное письмо Берии Сталину будет опубликовано во втором томе нашего совместного издания.*

Здесь необходимо принципиально подчеркнуть, что мы историки, а не политики, и наша задача отнюдь не состоит в том,

чтобы высказываться «за» или «против» какого-либо государства и его образа государственной нации.

Д. Гамахария: Остаётся только развести руками, когда читаешь: «Какие основания, в сравнении с аджарцами, привела грузинская карательная бюрократия для того, чтобы так же узаконить включение в состав грузин мингрелов, сванов и бацбийцев, имеющиеся в нашем распоряжении источники не сообщают» (см. параграф 3). Авторы не имеют представления об истории грузинского этноса – или же умышленно искажают её в угоду и ныне продолжающейся кремлёвской политике, направленной на расчленение грузинского этноса. Опять они ищут, видите ли, источники, документы о «ликвидации» таких «национальностей», как мегрелы, сваны, бацбийцы, и включении их в состав грузинской нации! Они, видимо, полагают, что на основании решения бюрократов, даже карательных органов, можно ликвидировать национальности и включить их куда угодно. Это не наука, а политиканство и самый настоящий бред.

Авторы явно искажают и исторические факты, когда вспоминают о 80-х годах XIX века и пишут, что тогда «мингрельский язык был объявлен диалектом грузинского, и был поставлен заслон на пути попыток со стороны России ввести мингрельский в качестве языка преподавания в школе» (параграф 3). Интересно, кто мог в 80-х годах XIX века «поставить заслон на пути попыток России» так «осчастливить» мегрелов? Почему авторы об этом молчат? В 80-х годах XIX века, в ответ на рост национально-освободительного движения в Грузии, Россия ужесточила имперскую политику и в целях разобщения – и тем самым ослабления грузинской нации стала «заботиться» о мегрелах и сванах, создавая для них школьные учебники, переводя богослужебные книги. «Заслон на пути попыток России» расчленил грузинскую нацию поставили сами мегрелы и сваны, отказавшись от псевдоучебников и другой «литературы». Господа авторы должны знать, что в истории не существует такой даты, когда мегрелов и сванов отделили или включили в состав грузинской нации. Они совместно с картлийцами изначально составляли и ныне составляют ядро грузинского этноса, разрушить которое какими-то «источниками», постановлениями или письмами, разыскиваемыми авторами, невозможно.

Как известно, в Грузии проживали и ныне проживают представители десятков разных национальностей. Авторам, поставившим перед собой задачу «изучения этнического фактора в

преследованиях 1937–1938 гг.», следовало основательнее изучить историю и судьбу этих национальностей, тем более что они обязались рассмотреть «репрессии не только в отношении национальных диаспор, но и в отношении возможно большего числа этносов, включая титульную нацию – грузин» (см. параграф 2. Контекстуализация этнической компоненты). Авторы, как мы увидим, только частично выполнили обещание, сосредоточив всё своё внимание на «созданных» имперским воображением «нациях» – аджарцах, мегрелах, сванах, бацбийцах, лазах.

Неслучайно самый объёмный параграф (параграф 4) авторы посвящают весьма малочисленным лазам, стремясь во что бы то ни было «доказать», что они не принадлежат к грузинскому этносу. Подчеркивается, что в СССР в определённый период лазы учитывались как отдельная нация, и советская власть «заботилась» о них, издавая газету, а также учебники на лазском говоре. Но те же авторы не смогли скрыть подлинные и общеизвестные мотивы, обусловившие «заботу» советской власти о лазах. Проявление «заботы» о лазах, объявление их отдельным этносом, издание литературы на лазском говоре преследовало одну единственную цель – повлиять на жителей Лазистана, волею судеб оказавшихся в составе Турции, способствовать распространению среди турецких лазов идей коммунизма и советской власти. Когда настоящая политическая игра закончилась безрезультатно, прекратилась и «забота» о лазах. Авторы об этом знают, но их это мало волнует, у них другая цель: доказать, что родственные мегрелам лазы не принадлежат к грузинскому этносу. В данном случае авторы попутно «решают» и мегрельскую «проблему» в духе имперской идеологии. Этим и вызвано, если так можно выразиться, столь непропорциональное внимание к малочисленным лазам.

Со всей убедительностью можно сказать, что одной из реальных целей авторов является ещё большее обострение грузино-абхазских и грузино-осетинских взаимоотношений, историческое «обоснование» или оправдание их «независимости». Доказательством тому служит 5-й параграф – «Социальный статус и репрессии: абхазы и осетины». Авторы проявляют некомпетентность или сознательную тенденциозность при освещении истории Абхазии, руководствуясь лишь выдумками сепаратистской и имперской историографии.

Не соответствует действительности утверждение, что в конце XVI столетия абхазы подверглись широкой исламизации. При

этом тщательно скрываются процессы, происходившие в Абхазском эриставстве (понятие «эриставство» сознательно не употребляется авторами), с середины того же XVI века. Авторы ничего не говорят и о границах Абхазского эриставства, пролежавших к северо-западу от современного Нового Афона.

Авторы: *История отдельных областей сегодняшней Абхазии до XIX–XX вв. является в историографии предметом дискуссии. Но этот период в истории Абхазии в любом случае не имеет большого значения для изучения репрессий в отношении абхазов в годы Большого террора, а также их этногенеза. Частичная исламизация абхазов начиная с XVI века (а не только в 16-м веке) вплоть до исхода абхазов в Турцию в 1864 г. (махаджирство) хорошо изучена и документирована. Исламизация была важной причиной эмиграции абхазов (и черкесов) в Османскую империю.*

Д. Гамахария: Выгораживая Россию, авторы неоднократно отмечают, что в 60-х и 70-х годах XIX века абхазов не насильно выгнали из Абхазии, а большинство из них просто покинуло страну и эмигрировало в Османскую империю.

Авторы: *Ссылки в нашем тексте на восстания абхазов 1866–1867 и 1877–1878 годов уже сами по себе указывают на насильственный характер, свойственный противостоянию абхазов и российских властей. Утверждение о том, что покорение народов Северного Кавказа (абхазов и черкесов) проходило насильственным путем, является обоснованным и корректным. Этому процессу были свойственны аспекты насильственного изгнания и даже этнических чисток, а также беженства. Например, часть абхазов была не готова согласиться с требованиями российских властей и переселиться в долины, в результате эти абхазы предпочли эмигрировать в Османскую империю. В целом аспект насильственной аннексии и изгнания являлся, без сомнения, очень важным, о чем, повторимся, свидетельствует также сопротивление со стороны абхазов в виде восстаний. Авторы никоим образом не стремились преуменьшить серьезность этих событий. Мы учли это справедливое замечание и внесли соответствующие дополнения/изменения в текст книги.*

Д. Гамахария: Авторы повторяют выдумку сепаратистов о переселении части абхазов на Северный Кавказ, скрывая тем самым факт заселения исторической Абхазии апсуа-абазами.

Авторы: *Насколько известно авторам, этот вопрос, скорее сомнительный с исторической точки зрения, приобрел сегодня*

весьма большое значение как в грузинской, так и в абхазской историографии. Такое значение этому вопросу придает проблема прецедента, которому обе партии отводят чрезмерную роль в споре вокруг Абхазии. Так кто же был первым? Это были абхазы, мигрировавшие в XVII–XVIII веках с территории Северного Кавказа в Абхазию (картвельский прецедент), или это были абазины, которые в XVI–XVII веках мигрировали из Абхазии на Северо-Западный Кавказ (абхазский прецедент)? Сначала необходимо отметить, что сторонние наблюдатели (и мы в том числе) не придают этому вопросу такого важного значения². Однако если речь идет о фактической стороне дела, то в международных исследованиях доминирует точка зрения, согласно которой группы абхазоязычного населения («бескесек-абаза», абазины) переселялись на Северный Кавказ из Абхазии, а не наоборот³. Позиция, согласно которой абхазы являются переселенцами с Северного Кавказа, причем очень поздними переселенцами, ограничивается, насколько нам известно, главным образом исследованиями в независимой Грузии и может рассматриваться как часть коммуникативной стратегии, направленной на то, чтобы лишить притязания со стороны Абхазии их легитимации. Мы дополнительно привели в постраничных сносках соответствующую ссылку, в которой приводится точка зрения грузинской стороны.

Д. Гамахария: Постоянно подчеркивая факт заселения Абхазии жителями западной Грузии, авторы ни словом не обмолвились о выселении грузин из Абхазии в конце XVII и в начале XVIII века.

Авторы: В рамках исследовательского проекта, посвященного Большому террору 1937–1938 гг., не было как возможности, так и смысла представлять комплексные процессы иммиграции, эмиграции и ассимиляции отдельных групп населения Грузии вплоть до XVIII столетия включительно. Кроме этого, мы вновь указываем на весьма относительную актуальность такого рода вопросов для нашего исследования. Исторически, вне всякого сомнения, имели место процессы эмиграции и ассимиляции мегрелов, однако конкретное значение этих процессов для конфликтов конца XIX и всего XX века было незначительным, если только речь не идет здесь вновь о вопросах прецедента и делегитимации, важность которых для нашего исследования мы уже оспорили. Напротив, массовое и хорошо организованное переселение групп картвельского населения в Абхазию в царское и советское

время, факт которого, как правило, игнорируется или ожесточенно оспаривается в грузинской историографии (в результате чего мы – «постоянно подчеркивая факт» – расцениваем оправданным неоднократное указание на этот феномен), не только хорошо документировано, но и имеет большое значение для нашего исследования, поскольку процессы миграции и колонизации протекали непосредственно в изучаемый нами период, а также были составной частью межнационального конфликта.

Д. Гамахария: Отметим, что часть абхазов сражалась против грузинских меньшевиков, авторы ничего не сказали, на чей стороне выступало большинство абхазов в 1918–1920 годах; [также не упоминается,] что на демократических выборах в Народный Совет Абхазии победила Грузинская Социал-демократическая партия, состоявшая преимущественно из этнических абхазов.

Авторы: Здесь необходимо обратить внимание на ряд различных аспектов. Действительно, было бы слишком прямолинейно свести все военное противостояние к конфликту между грузинами – сторонниками меньшевиков, и абхазами – противниками меньшевиков. Имелись также абхазы, выступавшие на стороне меньшевиков, о чем также свидетельствуют протоколы тройки.

Однако здесь, как и в вопросе с выборами в Народный Совет Абхазии, следует обратить внимание на то, что еще в 1926 г. в «Большой советской энциклопедии» численность абхазов в Абхазии указывалась в размере более 80 тыс. человек, в то время как в конце 1926 г. их численность парадоксальным образом снизилась до 56 тыс. человек. Таким образом, здесь имел место процесс ассимиляции: христианское население Самурзакано (Гальский уезд) сначала учитывалось как абхазское, а потом – как мегрельское население. Следовательно, стоило бы задаться вопросом, всегда ли «абхаз» образца 1918–1921 гг. действительно принадлежал к абхазской национальности, «вычлененной» после 1926 г., или преимущественно относился к населению Гали, которое теперь рассматривалось как мегрельское.

То же самое справедливо в отношении выборов, причем дополнительно следует отметить, что характеристика этих выборов как «демократических» крайне сомнительна. В 1918–1921 гг. во многих регионах состоялись плебисциты и выборы в духе лозунга «самоопределения народов» Вудро Вильсона. Однако, как правило, эти выборы служили лишь для легитимации правя-

щих режимов. Так, в Абхазии, оккупированной меньшевиками, выборы обеспечили поддержку меньшевистской партии, в то время как в Батуми, оккупированном турками, результаты плебисцита послужили для подкрепления территориальных притязаний Турции.

Д. Гамахария: Далеко от истины утверждение о том, что в 20-х годах XX века доля этнических абхазов составляла «только половину населения» Абхазии. На самом деле доля абхазов составляла примерно 25 %.

Авторы: Как уже упоминалось, численность абхазов составляла в Абхазии, согласно «Большой советской энциклопедии» 1926 г. (очевидно, цифры были заимствованы из материалов переписи населения Грузии 1922–1923 гг.), 83 794 человека, то есть около 48,1 % от общей численности населения Абхазии в размере 174 126 человек. В то же время численность грузин (включая мегрелов) указывалась в размере 32 000 человек. В ходе Всесоюзной переписи населения 1926 г. (т. е. по состоянию на 17 декабря 1926 г.) численность абхазов была установлена только в размере 55 918 человек (с учетом 4 абхазов – иностранных граждан – 27,8 %, т. е. около четверти, как и указывается в справке рецензента), в то время как численность грузин в Абхазии (включая мегрелов) называлась в количестве 67 494 (только советские подданные). В итоге численность абхазов уменьшилась на 28 000 человек, численность грузин – увеличилась на 35 000 человек. Таким образом, здесь статистически можно распознать «переоценку» этнической принадлежности примерно 30 000 жителей Гальского уезда, христиан по вероисповеданию. Это подтверждают местные данные, а также данные так называемых «посемейных списков» 1886 г., согласно которым в Сухумском округе проживало 30 640 самурзаканцев, представителей субэтноса абхазов, а также 28 323 (прочих) абхаза, но только 3558 мегрелов. Мы добавили соответствующий пассаж в постраничные сноски.

Д. Гамахария: Прямым насилием над историей является утверждение о «мегрелизации» православных абхазов в районах, граничащих с Мингрелией – т. е. в Гальском районе.

Авторы: Вопрос о том, действительно ли жители Самурзакано (исторической области, которая в значительной степени, но не полностью вошла позднее в состав Гальского уезда) «изначально» были мегрелами, позднее ассимилированными абхазами, или были абхазами, ассимилированными мегрелами, может быть

разрешен, если это вообще возможно, лишь в результате огромной работы над источниками. Это не входило в наши задачи, тем более что с точки зрения проблематики Большого террора настоящий вопрос имеет лишь второстепенное значение. В любом случае речь идет о населении с амбивалентными этническими критериями и, по крайней мере для стороннего наблюдателя, с амбивалентной идентичностью. Так, в 1897 г. в Сухумском округе были учтены 58 697 человек, назвавших абхазский своим родным языком, и 25 873 человек, родными языками которых являлись картвельские языки (в подавляющем большинстве случаев – мегрельский). Зато в 1926 г. в Абхазии было учтено только 47 307 человек, для которых родным языком был абхазский. Это обстоятельство, равно как и сокращение численности абхазов, согласно данным переписи 1926 г., с 84 000 до 56 000, являются признаком «мегрелизации»; такого рода процессы хорошо прослеживаются на основании статистических данных. В отличие от весьма вероятной «абхазизации» Самурзакано в начале XIX века, процессы «мегрелизации» был еще относительно свежи в сознании населения, поскольку все еще были живы многие очевидцы: область, населенная преимущественно абхазами, в результате переселения и изгнания абхазов (в царское время), ассимиляции (в первую очередь в Самурзакано), а также поддерживаемой государством миграционной политики, приобрела главным образом мегрело-грузинские, а также мультиэтнические черты.

Что же касается нашего утверждения о том, что абхазы составляли «только половину населения» Абхазии, то оно полностью основывается на фактах. Абхазоязычное население, даже после эмиграции и восстаний, составляло в 1897 г. 58 697 человек (55,3 %) из 106 179 жителей Абхазии, и даже в 1922–1923 гг. – все еще 48,1 %. Только после того, как в 1926 г. население Гальского уезда перестали рассматривать как абхазов, доля абхазского населения сократилась до 27,8 %. С учетом Самурзакано численность абхазов составляла в 1886 г. даже 58 963 человека из общей численности в размере 68 773 человека. Эта утрата абхазами большинства в начале XX века хорошо документирована статистически, и она является важной для понимания и изучения этнических конфликтов и их роли в годы Большого террора.

Мы полагаем, что учет жителей Самурзакано в качестве абхазов в ходе разного рода подсчетов, по крайней мере в 1886 г. и в 1922–1923 гг., в определенной мере также в 1897 г., был уже то-

гда проблематичным, поскольку амбивалентный характер этой группы подразумевал наличие у самурзаканцев многих мегрельских черт. Исходя из этого, решение, согласно которому самурзаканцев после 1926 г. стали расценивать как «мегрелов», выглядит вполне приемлемым. Однако эту оценку нельзя проецировать на прошлое, равно как нельзя забывать, что она касается только региона Самурзакано. Выводить территориальные притязания Грузии только лишь из факта такого рода причисления самурзаканцев к мингрелам вдвойне проблематично: во-первых, игнорируется тот факт, что жители Самурзакано фигурировали в источниках именно как абхазы, и их нельзя без оговорок рассматривать как мегрелов; во-вторых, на подавляющем большинстве территории Абхазии в 1886 г. еще не было ни мегрелов, ни самурзаканцев.

В общем и целом чрезмерное внимание, уделяемое статистическим данным и, соответственно, историческому преобладанию численности того или иного народа, кажется нам не очень плодотворным, если только речь снова не идет о попытке лишить легитимности претензии абхазской стороны. Такой подход уже был подвергнут нами критике. Точка зрения грузинской стороны находит свое подтверждение только в специально отобранных источниках. В случае же привлечения широкого круга источников формируется более сложная, отчасти амбивалентная картина.

Что же касается рассмотрения Большого террора, прежде всего важным является то обстоятельство, что в 1930-е годы в сознании населения, в своем большинстве неграмотного, еще была жива память о процессах конца XIX – начала XX века. Здесь речь идет о региональных процессах ассимиляции, массовой эмиграции абхазов и миграции на территорию Абхазии мегрелов, а также представителей других национальностей (армян, греков). Таким образом, у обеих сторон формировалось осознание конфликта за господство в Абхазии, который развивался в тесном контакте с событиями Гражданской войны в 1918–1921 гг. и спором вокруг административно-территориального статуса Абхазии. Абхазы расценивали сложившуюся ситуацию как угрозу их ведущей роли в регионе, в свою очередь центральное правительство Грузии стремилось превратить Абхазию в неотъемлемую часть Грузии. Мы полагаем, что эти процессы, протекавшие параллельно, нашли свое отражение в массовых репрессиях Большого террора.

Д. Гамахария: Авторы умалчивают о том, что ССР Абхазия изначально была создана временно – до созыва съезда советов, а не на вечные времена. С подобным статусом по всей России существовало не одно образование (Донская Советская Республика, Черноморская Советская Республика, Кубанская Советская Республика, Кубано-Черноморская Советская Республика и т. д.), о которых сегодня никто не помнит. Следовательно, статус Абхазии не был уникальным.

Авторы: *Здесь имеется двойное различие. Во-первых, в отличие от названных рецензентом эфемерных административных образований, прекративших свое существование сразу же после окончания Гражданской войны, Абхазия вплоть до 1931 г. фигурировала в официальных документах в качестве ССР. Во-вторых, такое особое положение, в том числе нашедшее свое выражение в кадровом составе республиканских органов власти, было тесно связано с этническим («национальным») характером Абхазии, в отличие от вышеназванных республик, в которых доминировали русские. Сохранение статуса ССР, на который Абхазия с её 200-тысячным населением, лишённая городов и индустрии, едва ли могла претендовать, неразрывно связано с описываемым нами конфликтом между абхазами и грузинами, важность которого для Большого террора мы здесь постулируем.*

Д. Гамахария: Абхазия входила в состав Закавказской Федерации только через Грузию, а не непосредственно.

Авторы: *Это совершенно верное утверждение, которое мы нигде и никоим образом не пытались оспорить. Дословно мы пишем следующее:*

«Республика получила особый статус, после того как в 1921 г. она официально была объявлена Советской Социалистической республикой Абхазии, хотя фактически она не соответствовала этому статусу, входя в состав Грузинской ССР и являясь частью Закавказской Социалистической Федеративной Советской республики. Эта аномалия или амбивалентность – Советская Социалистическая республика как государство, входящее в состав другой Советской Социалистической республики – была частично скорректирована уже в конце все того же 1925 г., когда произошло первое понижение статуса Абхазии – до уровня Договорной ССР, Абхазской ДССР. Это означало, что речь идет о советской республике, имеющей особые отношения с Грузией, регулировавшиеся специальными договорами. Но и этот статус,

как и предыдущий, был уникальным в своем роде, Абхазия была единственной «договорной» республикой в составе Советского Союза».

Необходимо еще раз подчеркнуть, что Абхазия по причине своей незначительной территории фактически еще меньше подходила на роль Советской Социалистической Республики, чем Карело-Финская ССР 1940–1955 гг. Сохранение этого несоразмерно высокого статуса, как и в случае с Карелией, можно объяснить только политическими мотивами в рамках советской национальной политики. То, что Абхазия никогда не могла выступать в роли четвертой равноправной республики из числа республик, входивших в состав ЗСФСР, совершенно очевидно. Но и особый (уникальный) статус Абхазии (см. конституцию 1925 г.) также едва ли может быть оспорен.

Д. Гамахария: Авторы говорят о понижении статуса Абхазии в 1921 и 1931 годах, однако ни словом не обмолвились о том, что в Конституции СССР 1924 года она зафиксирована как автономная республика, которая в центральном законодательном органе СССР была представлена на уровне негосударственного образования – автономной области.

Авторы: В Конституции Грузинской ССР 1922 г. Абхазия именуется Абхазской ССР. Точно так же в Конституции Абхазии 1925 г. речь идет об Абхазской ССР. Напротив, в Конституции СССР 1924 г. Абхазия именуется «автономной» республикой наравне с Аджарией. Такое положение вещей хорошо укладывается в нашу концепцию амбивалентного положения Абхазии. В результате мы не видим здесь какого-либо противоречия с нашей позицией, но мы охотно включили соответствующее упоминание в текст книги.

Д. Гамахария: Фантазией авторов является утверждение, что ССР Абхазия имела право непосредственного обращения в центральные органы СССР. Даже в 1921 году, до установления с Грузией договорных отношений, Абхазия не имела права обращения даже в правительство РСФСР.

Авторы: Здесь, очевидно, речь идет о недоразумении. Мы нигде не писали о том, что Абхазия «имела право непосредственного обращения в центральные органы СССР», минуя промежуточные инстанции в лице Грузинской ССР или Закавказской СФСР. Мы лишь подчеркивали, что в результате личных контактов, в первую очередь Лакобы, имелись неофициальные возможности такого рода, как «напрямую апеллировать к Москве».

и вести политическую линию, независимую от Грузии». В 1978 г., в преддверии принятия «брежневской» конституции, Абхазия также не имела каких-либо «прав», позволявших ей непосредственно обратиться к руководству СССР, и, тем не менее, ей удалось добиться того, чтобы Москва отправила высокопоставленных функционеров, с целью достижения компромисса между интересами Грузии и Абхазии, невзирая на вопросы «формальной компетенции» (как и в 1988 г. в случае с Нагорным Карабахом).

Д. Гамахария: Необходимо тщательно перепроверить статистику репрессий, которой оперируют авторы, занимающие крайне тенденциозную позицию; они фальсифицируют историю, имея конечной целью оправдание «независимости» Абхазии.

Авторы: Мы решительно отклоняем любое обвинение в манипуляции данными в политических целях.

Д. Гамахария: Говоря о замене латинского алфавита грузинским, авторы умалчивают о том, что реформа алфавита проводилась по всему СССР в целях унификации письменностей «автономных национальностей» с письменностями государственных языков соответствующих союзных республик.

Авторы: Мы писали о том, что все языки народов СССР, письменность которых в советское время была переведена на латинский шрифт, около 1938 г. пережили очередную реформу, в результате которой латинский шрифт был заменен кириллицей. В Закавказье все латинизированные языки национальных меньшинств также получили алфавиты на основе кириллицы. Единственное исключение во всем СССР составляли абхазы и осетины, проживавшие в Грузии: их письменность была переведена на грузинский алфавит. Автономный статус, как пишет рецензент, не играл никакой роли в такой парадоксальной реформе письменности абхазов и осетин. Следуя этой логике, армянский язык в Нагорно-Карабахской автономной области должны были бы перевести на кириллицу, как и азербайджанский, государственный язык Азербайджанской ССР. Введение грузинского алфавита для абхазов и осетин в Грузии являлось, несомненно, частью политического плана, отделить эти группы от абазин и осетин, проживавших в РСФСР, письменность которых была переведена на кириллицу, а также подготовить их систематическую языковую ассимиляцию⁴.

Д. Гамахария: Переходя к «советским национальностям» — армянам и азербайджанцам, авторы рассматривают политические

репрессии как орудие национальной или межнациональной мести, причём главными «мстителями» являются грузины. Особое внимание они уделяют армянам.

Сразу же бросается в глаза тенденциозность авторов, когда они говорят о войне между Арменией и Грузией в декабре 1918 года. Нигде не указывается, что в декабре 1918 года войну развязала Армения, что она потерпела поражение, и только англичане спасли ее от полной катастрофы. Наши уважаемые авторы пытаются создать у читателя впечатление, что в этой войне победили армяне. Они пишут, что «ряд областей на юге бывшей Тифлисской губернии был завоёван армянскими войсками в 1918 году и присоединён к Армении» (параграф 6). С чем мы в данном случае имеем дело: с незнанием или фальсификацией истории? И то и другое, мягко говоря, недопустимо.

Авторы: *Ответ на эту критику мы бы хотели начать со взгляда на географическую карту. Северная часть сегодняшней Армении (Лори, Степанаван) входила до 1918 г. в Тифлисскую, а не в Эриванскую губернию. Эти области были завоеваны армянами в декабре 1918 г., грузинские войска, которые понесли большие потери, вынуждены были отступить. Британцы действительно вмешались в эти события, поскольку стремились к ликвидации вооруженного конфликта. Была создана нейтральная зона, позднее поделенная между Арменией и Грузией. Остается фактом, что эти области были завоеваны армянами. Таким образом, армяне сумели изменить в свою пользу положение, существовавшее перед началом вооруженного конфликта, а грузины потерпели военное поражение, даже с учетом того, что армянское наступление было остановлено в результате вмешательства британцев. Следовательно, как нам кажется, совершенно безосновательно говорить здесь о «полной катастрофе», якобы постигшей армян. Однако наш рецензент прав в том, что армяне фактически выступили в этом конфликте в роли агрессора. Соответствующую ссылку мы внесли в текст главы. Однако здесь также следует учитывать существовавшие на то время проблемы, связанные с неурегулированным вопросом о границе между обеими республиками. Грузия и Армения (как и Азербайджан с Турцией) не имели на тот момент общепризнанной линии границы. Согласно праву народов на самоопределение, которое главенствовало в тогдашней политике с момента обнародования «14 пунктов» президента США Вильсона (1917), эта зона на юге Тифлисской губернии, в которой компактно проживали преиму-*

щественно армяне, должна была без каких-либо сомнений отойти Армении. Тем не менее Армения выступила в данном случае в качестве оккупанта, и значение этого факта преуменьшать не стоит. Речь здесь не идет о том, чтобы делить нации на «плохие» и «хорошие».

Д. Гамахария: Репрессии против армян в разных городах и деревнях рассматриваются «как пример нацеленных тенденций национальной гомогенизации на периферии» (параграф 6). Репрессии против армян в Абхазии «для карательной бюрократии, управлявшейся из Тифлиса», как говорят авторы, являлись карательной мерой против «потенциальных союзников абхазов против доминирования грузин и мегрелов» (параграф 6). На эту мысль их наводят события 1992–1993 гг. Однако авторы не знают, что в 1918–1921 гг. армянское население Абхазии занимало прогрузинскую, следовательно – антисепаратистскую позицию, а как оно поведет себя через полвека, вряд ли могла предположить карательная администрация.

Авторы: *Наша аргументация в отношении армян в Абхазии опирается на документы и статистические материалы. Без всякого сомнения, было бы ошибкой выводить позицию армян времен Большого террора, апеллируя к роли, которую армяне сыграли в абхазо-грузинской войне 1992–1993 гг. В этом отношении критика справедлива, соответствующее упоминание в тексте было нами переработано. Однако мы не можем согласиться с утверждением рецензента, согласно которому армяне в Абхазии в 1918–1921 гг. якобы занимали «прогрузинскую» позицию. Здесь стоит вспомнить хотя бы об упомянутом выше вооруженном конфликте между Арменией и Грузией в 1918 г. Как и в случае с абхазами и самурзаканцами, здесь очень трудно найти какие-либо достоверные документальные источники. В качестве примера мы вновь указываем на результаты плебисцита, проведенного турками в Батуми, достоверность которых крайне сомнительна. Факт остается фактом: хотя в 1937–1938 гг. абхазы составляли только около 20–25 % населения Абхазии, однако с учетом армян, греков и т. д. около половины населения Абхазской АССР составляли не картвелы. Таким образом, присутствие армян в Абхазии «по умолчанию» являлось препятствием на пути доминирования мегрелов/грузин. Именно об этом шла речь, когда мы писали об армянах как о «потенциальных союзниках» абхазов.*

Д. Гамахария: Знакомство с окончательным выводом авторов может вызвать лишь горькую улыбку. Они пишут: «Итак, главной целью репрессий в отношении армян было нанесение удара по их укоренённой позиции в грузинском обществе» (параграф 6).

Авторы: *Мы полагаем, что уже обосновали это утверждение в достаточной мере. Повторимся еще раз – структурно сильная позиция, которую армяне занимали в грузинской провинции (Ахалцихе, Ахалкалаки, Абхазия) и которая зачастую недооценивается, сыграла весомую роль в репрессиях периода Большого террора.*

Д. Гамахария: Установив, что азербайджанцев репрессировали ещё более сурово, чем армян, авторы делают вывод, что «в случае с азербайджанцами (так же, как и в случае с армянами) имел место скрытно тлеющий территориальный конфликт между ними и грузинами» (параграф 6). Всё это, конечно, весьма и весьма далеко от истины.

Авторы: *Взаимные территориальные претензии Грузии и Азербайджана хорошо документированы (к примеру, материалами Парижской мирной конференции в виде географических карт). На чем, в свою очередь, основывается рецензент, когда подвергает эти территориальные претензии сомнению? Мы бы хотели здесь увидеть контраргументы в отношении приведенного нами мотива репрессий азербайджанцев, которые, несмотря на свой низкий социальный статус в грузинском обществе, преследовались сверхпропорционально. В качестве объяснения, как мы считаем, в том числе могут послужить имевшие место территориальные споры между Грузией и Азербайджаном. Поскольку в документах, имеющихся в нашем распоряжении, нет прямых доказательств этого, то речь здесь, как и в ряде других случаев, идет об убедительной научной гипотезе.*

Д. Гамахария: Седьмой параграф посвящается т. н. «высоко-статусным советским» национальностям – русским, украинцам и евреям. Обнаружив, что интенсивность применения высшей меры наказания в отношении русских и украинцев была выше, чем в отношении грузин, авторы делают «оригинальный» вывод, что эти «высокостатусные» нации «не имели в Грузии какого-либо особого статуса» (параграф 7). Вот так легко вывернулись: русские и украинцы – «высокостатусные» нации, а в Грузии, видите ли, они никакого статуса не имели?!

Авторы: *Здесь необходимо подчеркнуть, что интенсивность преследований в отношении русских и украинцев практически не*

отличалась от соответствующих репрессивных показателей в отношении грузин. Это, в свою очередь, могло означать, что, с одной стороны, у грузинских властей не было особенных, этнически мотивированных, причин репрессий в отношении русских и украинцев. С другой стороны, высокий общесоюзный статус «привилегированного» этноса не являлся дополнительной защитой от преследований. Однако здесь мы также указываем на значительную долю т. н. сектантов (духоборцев, молокан) среди восточнославянского населения Грузии. Возможно, в данном случае имела место взаимная компенсация различных аспектов (высокостатусные русские элиты, проживавшие в городах, – низкий уровень репрессий и «сектанты», преимущественно проживавшие в сельской местности, – высокий уровень репрессий). Мы внесли в текст соответствующее дополнение.

Д. Гамахария: В случае евреев авторы утверждают, что репрессии против них, особенно евреев-иммигрантов (ашкенази), связаны – к тому же «без всякого сомнения» – с чисткой «партийных и государственных органов от евреев-ашкенази в духе формирования гомогенных политических и административных структур власти из представителей титульной нации» (параграф 7).

Авторы: Также и здесь мы привели достаточные доказательства нашей точки зрения.

Д. Гамахария: Таким образом, если верить авторам, армян, азербайджанцев, евреев в Грузии убивали в 1937–1938 гг. в интересах Грузии и грузин. Зная, что это абсурд, авторы решили этот «вывод» не распространять на русских и украинцев, поскольку никто этому не поверил бы.

Авторы: Мы полагаем, что полемика такого рода не является продуктивной, поскольку не содержит аргументов, достойных обсуждения.

Д. Гамахария: 8-й параграф посвящается «иностранным» национальностям – курдам, езидам, грекам и иранцам. И здесь авторы стремятся «не упустить из виду потенциальные внутренние “грузинские” мотивы репрессий» (параграф 8). Абсолютно неприемлемо утверждение, что «район происхождения и основного расселения» курдов, «так же как и у лазов, находился за пределами Грузии (и советских границ в целом)» (параграф 8). Авторы не знают или умалчивают о том, что Лазикой византийских источников является исторический Эгриси – Западная Грузия. Поэтому сравнение лазов с курдами, мягко говоря, глубоко ошибочно.

Авторы: Основной район поселения лазов находится в Турции. Здесь в 1937–1938 гг. проживало более чем 90 % лазов, для которых лазский язык был родным. Что же касается СССР, то единственным компактным поселением лазов на его территории в 1937–1938 гг. (как и в 1918 г.) была деревня Сарпи (фактически половина деревни), располагавшаяся в Аджарии. Прочие лазы проживали дисперсно на территории Аджарии, а также – в качестве беженцев из Османской империи – в Абхазии. Что же касается такого древнего государственного образования, как Лазика (Эгриси), история которого имеет весьма и весьма опосредованное отношение к Большому террору, то Лазика (Эгриси) очевидно не была заселена преимущественно лазами, в противном случае вся Западная Грузия, все области, ставшие позднее местом проживания не только лазов, но и сванов, мегрелов, имеретинцев и т. д., должны расцениваться как исключительно лазские. Правильно ли мы поняли, что рецензент допускает такое расширение района расселения лазов во времена Византии? В общем и целом рецензент, как мы считаем, снова и снова совершает ошибку, когда расценивает государственные образования античности, средневековья и Нового времени как национальные государства в современном смысле (например, как это было в случае со средневековым Абхазским княжеством). Скорее всего, это государство – Лазика – было обязано своим именем только одной (западной) части его населения. Но и после 1918 г. эта западная часть населения почти полностью проживает в Турции. Этимологические идентификации такого рода (Лазика (Эгриси) = лазы) редко бывают уместными. Таким образом, мы продолжаем настаивать: исконные области расселения как курдов, так и лазов (за исключением Сарпи) располагались в 1937–1938 гг. за пределами Грузии и СССР в целом.

Д. Гамахария: Уважаемые авторы, имея на руках приказ комиссара внутренних дел СССР Николая Ежова от 11 августа 1937 года № 50215 о преследовании греков, пишут о «преимущественно местных внутривосточных мотивах их преследований». Без приведения каких-либо аргументов авторы утверждают: «кажется вполне возможным, что грузинская карательная бюрократия» приказ Н. Ежова использовала в своих целях и интересах. Авторы имеют в виду существование многочисленной греческой диаспоры в Абхазии и Аджарии, которая в случае интервенции британцев через Чёрное море могла исполнять роль «пятой колонны» (параграф 8). Такие предположения властей, по мнению авторов,

«вытекали из событий Крымской войны и других попыток иностранного вторжения через Чёрное море в 1877–1878 гг., 1914–1915 гг. и, в первую очередь, в 1918–1921 гг.» (параграф 8-й). Здесь имеем дело если не с сознательной провокацией, то с большим недоразумением. Приведённые исторические примеры свидетельствуют лишь о том, что в ходе репрессий против греков имелись не какие-то особые грузинские, а только имперские интересы России. Греки, живущие в Грузии, в том числе в Абхазии, Аджарии, никогда против Грузии не выступали. Более того, в 1918–1921 гг., когда существовала независимая Грузинская Демократическая Республика, греки Абхазии являлись твёрдой опорой грузинского государства в борьбе против Турции, а также с большевиками и белогвардейцами, перекликавшейся с борьбой против сепаратизма. Так что в данном случае исключительно имперские интересы преследования греков выдаются за «внутриполитические», т. е. за грузинские интересы. Достаточно поставить вопрос: в 30-х годах XX века греки Абхазии считались потенциальной «пятой колонной» в отношении Грузии или поработившей её советской империи? Ответ однозначен, но не для авторов «Этноса и террора».

Авторы: *Оперативные приказы НКВД СССР о проведении Большого террора хорошо известны. Однако специфика массовых операций Большого террора как раз и заключалась в том, что карательные полномочия и фактическое проведение репрессий были в значительной мере отданы на откуп местным (республиканским, краевым и областным) карательным органам. Именно поэтому мы придаем такое особое значение именно региональным интересам, которые так часто игнорируются в историографии.*

Д. Гамахария: Ту же линию, если так можно выразиться, продолжают авторы и в отношении иранцев. Они знают о директиве НКВД № 202 от 29 января 1938 г. о проведении «иранской» операции (параграф 8), тем не менее без всяких аргументов и фактических данных делают вывод, что «репрессии в отношении иранцев означали реализацию региональных грузинских интересов, заключавшихся в проведении ряда мероприятий демографического и политического свойства, нацеленных на дисциплинирование групп населения» (параграф 8) и т. д.

Авторы: *См. наш предыдущий ответ.*

Д. Гамахария: 9-й параграф посвящается туркам. Опять-таки без всяких оснований авторы пишут, что «желательным побоч-

ным эффектом репрессий было вытеснение турок (и “тюрков”) с политической и общественной арены Грузии. Выиграть от этого могли, хотя и не по своей воле, этнические грузины» (параграф 9). Но авторы на этом не останавливаются. Как известно, московский центр репрессировал турок под предлогом обеспечения безопасности границ. Оказывается, Грузия всё это использовала в своих интересах: «Грузия с избыточным рвением отстаивала свои интересы, турецкое меньшинство было ослаблено. Преследование турок сводилось в 1937–1938 годах к ослаблению возможностей этой национальной группы выражать свои интересы и принимать участие в общественной жизни Грузии» (параграф 9).

Авторы: *См. наш ответ на критику выше. В целом мы сформулировали здесь наш вывод гораздо более четко – не как фактическое утверждение, а как гипотезу: «турецкое меньшинство было ослаблено, а граница запечатана с чрезмерным усердием – признак того, что многовековое военное противостояние с Османской империей, включая русско-турецкие войны, также могло определять действия карательных органов».*

Д. Гамахария: Следующий 10-й параграф – о «враждебной» нации, т. е. о немцах. Известно, что в отношении немцев существовал приказ НКВД СССР от 25 июля 1937 г. Он касался граждан Германии, но репрессии подвергались и советские немцы. Проанализировав статистические материалы о репрессиях немцев, авторы высказывают предположение (не вывод), что в отношении немцев в Грузии сочетались интересы «периферии и центра» (первое – периферия?!). По мнению авторов, немцы со своим высоким уровнем образования, участием в местных органах власти, представительством в партийном и государственном аппарате, промышленности и кустарном производстве «составляли самую настоящую конкуренцию титульной нации Грузии». Поэтому, используя ярлык «вражеской национальности», немцев подвергли дискриминации в Грузии. Авторы сами вынуждены сквозь зубы процедить, что существовало «традиционное расположение, которым немцы пользовались в Грузии», которое потом, якобы, «сменилось дискриминацией и изоляцией». И всё это в интересах периферии?! Все это ложно, а со стороны немца – еще и нечестно рассказывать подобные сказки.

Авторы: *С нашей точки зрения, в случае с немцами имело место сочетание интересов центра и периферии, что привело к особенно интенсивным и жестоким репрессиям.*

Д. Гамахария: Верхом, в лучшем случае, некомпетентности, а в худшем – преднамеренной фальсификации истории Грузии и грузинского народа являются заключительные параграфы, преследующие далеко идущие политические цели. В любом демократическом государстве подобные «труды» стали бы предметом обсуждения более компетентных в этих вопросах органов, чем научные организации. Авторы перешагнули все грани дозволенного, утверждая: «Репрессивная статистика, упорядоченная по национальному признаку, отображает не только административные аспекты политики “грузинской” периферии, но и её неприглядную кровавую сторону, особенно в отношении этносов, которые сопротивляясь унификации, выступали против своего “включения” в грузинскую нацию» (параграф 11). Кто эти этносы, сопротивлявшиеся включению в грузинскую нацию? Это – мегрелы, лазы, сваны, аджарцы, тушинцы и так далее. До такого абсурда не договаривались даже самые отъявленные враги Грузии.

Авторы: *Эта критика основывается на очевидном недоразумении. Там, где в рукописи книги речь идет о «кровавой стороне» политики местных властей Грузии в контексте Большого террора, мы действительно пишем о группах, чье сопротивление включению в состав грузинской нации власти пытались сломить с помощью насилия. Однако непосредственно в тексте в качестве важнейшего примера мы приводим лишь абхазов. Группы, перечисленные рецензентом, мы не упоминали в этом контексте. Но факт остается фактом: имели место насильственные действия в отношении мегрелов, лазов (пример Циташи), аджарцев, а также месхетинцев, если они сопротивлялись этой политике «включения», что, в свою очередь, было вполне закономерно, поскольку мегрелы, лазы, аджарцы и месхетинцы далеко не полностью соответствовали идеалу грузинской нации (особенно лазы, аджарцы и месхетинцы в качестве правоверных мусульман). Перечисление в одном ряду с ними тушинцев (рецензент выше пишет: «Кто [же] эти этносы, сопротивлявшиеся включению в грузинскую нацию? Это – мегрелы, лазы, сваны, аджарцы, тушинцы и так далее»), о которых у нас нигде не идет речь в контексте оказания сопротивления «включению», наглядно показывает, что рецензент не видит качественной разницы между православными грузиноязычными группами (тушинцы, пшавы, хевсуры, картлийцы, кахетинцы, имеретинцы, гурийцы и т. д. и т. п.), с одной стороны, и неправославными (лазы, аджарцы, месхетинцы, ингилойцы), а также негрузиноязычными группами (мегрелы, сваны и снова лазы) – с другой стороны.*

Необходимо коротко также высказать отношение по поводу заявления рецензента о том, что в «любом демократическом государстве подобные “труды” стали бы предметом обсуждения более компетентных в этих вопросах органов, чем научные организации». Широко известно, что в свое время в Российской Федерации была учреждена соответствующая «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» при Президенте Российской Федерации. Задача этой комиссии заключалась в том, чтобы осуществлять государственный контроль за историографией (в начале 2012 г. эта комиссия была ликвидирована). Однако в демократических государствах, в противоположность такого рода попыткам, существует традиция научного, а также широкого общественного обсуждения, в ходе которых публика может беспрепятственно ознакомиться со спорными точками зрения. При этом все участники дискуссии исходят из того, что не может существовать раз и навсегда установленной истины. Мы приветствуем очевидные усилия грузинских научных учреждений, гражданского общества Грузии и отдельных граждан, которые стремятся освободиться от доминирования авторитарно-советской модели истории. Однако в то же время мы констатируем, что эта модель продолжает оказывать свое действие в Грузии так же, как и в России.

Д. Гамахария: В параграфах 11–12 авторы пишут «о попытке подчинения себе территории Абхазии (и Аджарии) в интересах формирования грузинской нации». В этих целях, оказывается, репрессировали даже греков в Абхазии (параграф 11). По мнению авторов, репрессии против представителей и других национальностей происходили в интересах Грузии и грузинского этноса; ради грузинской нации убивали абхазов, осетин, греков, турок, немцев, евреев, армян, азербайджанцев, даже объявленных негритинами мегрелов, сванов, аджарцев и т. д.

Авторы: Рецензент вновь не привел здесь серьезные аргументы, которые можно было бы обсуждать.

Что же касается мегрелов, сванов, аджарцев и т. п., по-видимому, имеет смысл снова указать на амбивалентный характер их групповой идентичности. Наша задача не заключалась в том, чтобы доказать «негрузинский» характер этих групп и на этом основании потребовать их государственной независимости или чего-то подобного. Для нас речь шла о том, чтобы продемонстрировать, что эти субэтноты/группы, в отличие от дру-

гих (имеретинцы, тушинцы, кахетинцы и т. д.), отделяла от ядра грузинской нации более длинная этнографическая и культурная дистанция, поэтому их включение в состав грузинской нации было более проблематичным. Но мы ни в коем случае никогда не оспаривали тот факт, что эти группы в то же время имели много общего с грузинами; в случае с мегрелами, например, общий язык церковного обряда и грузинскую высокоразвитую культуру в целом, в случае с аджарцами – разговорный грузинский язык и т. д. Результат снова амбивалентен: эти группы имели много общего с остальными грузинами (что давало основания для их успешного включения), но в то же время демонстрировали и серьезные отличия (что осложняло их включение). Приравнение, например, аджарцев к тушинцам игнорирует эту амбивалентность. Обработка протоколов заседания троек под соответствующим ракурсом была связана с большими трудностями, поскольку этническая принадлежность к вышеназванным группам в них не указывалась, и установить ее было возможно только на основании данных о месте рождения и проживания, а также имен и профессии осужденных.

Д. Гамахрия: Всё же одно «одоление» авторы делают Грузии, исключив во всех этих репрессиях признаки политики расизма и ксенофобии (параграф 13). Кроме того, они «освободили» Грузию и от другой ответственности – за депортации народов. Местные интересы в этих депортациях, оказывается, играли подчинённую роль (параграф 14).

В заключительном 15-м параграфе авторы ещё раз подчёркивают, что репрессии 1937–1938 гг. происходили в интересах Грузии и грузин. «Таким образом, – пишут они, – национальную компоненту массовых репрессий 1937–1938 гг. следует рассматривать как радикальную составляющую долговременной политики этнической гомогенизации, осуществлявшейся партийными и государственными элитами грузинского государства... В Грузии Большой террор в значительной мере придал толчок процессу формирования грузинской нации и парадоксальным образом способствовал усилению грузинского национализма» (параграф 15). Вот вам «открытие»: грузинская нация, оказывается, сформировалась в 30-е годы XX века благодаря Большому террору?! Всеякие комментарии здесь излишни.

Авторы: Мы отнюдь не говорим о том, что грузинская нация была «создана» в 1930-е годы. Однако, и это само собой разумеется, процессы формирования современных наций (Nation-

building) протекали вплоть до XX века включительно. Это утверждение справедливо, например, и в отношении Германии. В случае с Грузией мы можем говорить о формировании современной национальной государственности только начиная с 1918 г. – более старые грузинские государственные формации стоит трактовать, как и в случае с Россией, Арменией, Азербайджаном или Германией, только условно как предшественников современного национального государства. В случае с грузинской нацией этот процесс *Nation-building* временно завершился в 1930-е годы, причем сталинизм наложил на него свой глубокий отпечаток. В этом состоянии грузинская нация просуществовала в «законсервированном» состоянии вплоть до эпохи Брежнева.

Возмущение рецензента (один вопросительный и три восклицательных знака) наглядно свидетельствует о том, что он считает чудовищным наше утверждение о формировании грузинской нации только в 1930-е. Другие пункты критики также дают основание предполагать, что рецензент является сторонником трактовки истории, которая проецирует современные нации и их (национальные) государства на прошлое и, соответственно, постулирует существование вечных или очень древних наций.

Д. Гамахария: Удивительно, но факт: уважаемые немецкие авторы очень сожалют о развале СССР. Неминуемый и закономерный крах советской империи они объясняют лишь субъективным фактором, «национализмом» в Грузии и других республиках. По их мнению, благодаря близорукой политике московского руководства ещё с 30-х годов «усилился» национализм в Грузии, в периферии вообще, где «непоправимым образом были заложены структуры медленного развала советской империи» (параграф 15).

Авторы: *Наша задача как историков состоит не в том, чтобы приветствовать или порицать то или иное развитие, а в том, чтобы описывать его. Именно политика московского центра способствовала усилению периферии на уровне союзных республик, которые в свою очередь обладали потенциальной возможностью взорвать СССР. Это им удалось в 1991 г., однако, разумеется, в процессе развала советской империи был задействован целый комплекс факторов, из которых национализм был только одной из составляющих. Однако если задаться вопросом о конкретной оценке процесса, то ответ должен быть амбивалентным: для грузинской нации независимость выступала как*

освобождение, для национальных меньшинств в составе независимой Грузии – зачастую как угроза. Опыт национальных движений в Европе подтверждает: стремление к национальному самоопределению одних означает также отказ в праве на самоопределение для других, т. е. для национальных меньшинств. Именно эти национальные меньшинства являются адресатами наших симпатий, а не Россия.

Д. Гамахария: Совершенно ясны настоящие цели и задачи авторов. Нет сомнения, что они выражают враждебные политические, имперские интересы, но оказались настолько «честными», что о некоторых главных задачах настоящей работы поведали сами. Без зазрения совести они пишут, что последствия проводимой в Грузии кровавыми методами политики ассимиляции национальных меньшинств были драматическими. «Именно в 30-е годы, – говорят авторы, – с опорой на старые традиции грузинского национализма образца XIX века, а возможно, и ещё более раннего времени, были заложены основания не только для отделения абхазов и осетин, но и для этнокультурного определения грузинской нации», что, якобы, наносит урон «единству и благосостоянию страны». Что имеют в виду уважаемые авторы? По их мнению, надо отказаться от представления «Картвелоба», от грузинского духа, согласно которому грузины, мегрелы, сваны, лазы все принадлежат к грузинской нации, и вместо этого отдать предпочтение гражданству Грузии. Поскольку мы сохраняем национальное единство, это можно охарактеризовать, учат нас авторы, «как латентный расизм» (параграф 15).

Авторы: *Эта критика основывается на недоразумении. Речь для нас идет не о единстве грузинской нации, а о том, каким способом это единство было достигнуто и достигается в настоящий момент. Мы пишем в данном случае отчасти об исторически уже закончившихся процессах. Специфические особенности сванов, лазов и аджарцев существенно сгладились после почти столетнего пребывания в составе грузинской государственности, и те различия, которые их (все еще) отличали в 1937–1938 гг., сегодня уже не наблюдаются. Именно историческая наука несет ответственность за то, чтобы история сегодняшней Грузии была написана не как история вымышленной вечно единой однородной грузинской нации (в духе *Imagined Communities* Андерсона (Anderson, 1983)), но как история, которая соответствует всей сложности и неоднозначности пройденного пути. Это, с нашей точки зрения, только усилило бы единство*

Грузии, а не ослабило его. США даже выводят из этнического многообразия своего населения государственную идеологию, где официальный девиз гласит «*e pluribus unum*» – «Из многих – единое».

Д. Гамахария: Таким образом, основными реальными задачами авторов «Этноса и террора» являются «обоснование» закономерности и неизбежности отделения Абхазии и Цхинвальского региона, необходимости раздробления грузинской нации на «граждан» Грузии – разумеется, «во благо» Грузии. У авторов есть и другие «благородные» цели и задачи, распознать которые не представляет особой трудности. Прямо бросается в глаза стремление авторов смягчить ответственность имперского центра за масштабы и методы преступных репрессий 1937–1938 гг. и переложить ее на периферию, в данном случае на Грузию. Одной из задач авторов является также создание «научной» основы для провоцирования и обострения межнациональных конфликтов в Грузии. Самым бессовестным образом предпринимается попытка дискредитации грузинского народа в глазах мировой общественности, поддерживающей его справедливую борьбу за деокупацию своих исконных земель, за искоренение последствий этнической чистки. Древнейший народ, гордящийся своей – даже чрезмерной – толерантностью, в настоящей «работе» представлен палачом всех без исключения народов, веками живущих в Грузии, – стране, многовековая история которой не знает, что такое межэтнические конфликты. Еще одной задачей авторов, без сомнения, является противопоставление Грузии всем ее соседям.

Авторы: Мы констатируем, что *de facto* отделение Абхазии и Южной Осетии от Грузии имеет разнообразные исторические причины. Свою роль сыграли как собственные интересы национальных меньшинств, которые в случае с Абхазией также носили политический характер, так и, без сомнения, причины, обусловленные долгосрочной грузинской политикой национальной гомогенизации, которые в свою очередь оказали в 1937–1938 гг. воздействие на проведение здесь Большого террора, развязанного Москвой. Эти причины, в ряду прочих, сыграли свою роль в выработке грузинской политики в отношении абхазов и осетин в период Большого террора. Здесь налицо разногласия, в которых также задействована историческая наука, которой зачастую не удается оставаться беспристрастной. Так, и грузинская историография несет свою долю ответственности за такое развитие событий, поскольку она внесла вклад в делегитимацию

притязаний абхазов и осетин. Результат вооруженных конфликтов, разразившихся с 1992 г., мы рассматриваем как ужасную трагедию как для грузин, так и для абхазов и осетин, для всех остальных этносов и граждан республики. Идеалом для нас является Грузия, которая была бы столь привлекательной и терпимой, что стало бы возможным решение конфликта в форме создания федерации и возвращения «автономистов». Открытая многонациональная Грузия, в том числе гордая своим мультиэтническим прошлым, могла бы и в мире претендовать на более сильную позицию. Такой выбор выглядит сегодня утопическим, но еще более утопическим нам кажется, принимая во внимание геополитические реалии (в том числе интересы России), военный путь возврата территорий, утраченных Грузией.

Д. Гамахария: В целом работа «Этнос и террор», выполненная Марком Юнге, Даниелем Мюллером, Вольфгангом Фойерштайном и Иваном Джуха, не выдерживает никакой критики, особенно в той части, где речь идет об истории Грузии, грузинского этноса, Абхазии и абхазов. Интересная тема исследования явно подменена совершенно другой темой, которую можно сформулировать следующим образом: «Разжигание террора против Грузии и грузин». Работа не имеет ничего общего с действительной историей, наукой. Авторы явно исповедуют сепаратистскую и кремлевскую идеологию, направленную против целостности грузинского государства и грузинского этноса, на подрыв традиционного международного мира в Грузии, на разжигание международной розни.

Вывод Д. Гамахарии: Несмотря на довольно грамотное освещение отдельных аспектов Большого террора 1937–1938 годов, в представленном виде публикация работы «Этнос и террор» недопустима.

Проф. Джемал Гамахария.

Резюме авторов:

Из приведенных выше замечаний следует, что Д. Гамахария фактически не в состоянии аргументировано возразить нам в области нашего непосредственно предмета исследования, то есть Большого террора в Грузии. В результате рецензент пытается обвинить авторов в некомпетентности главным образом на поле истории Грузии в Новое время.

В то же время авторы хотели бы отметить, что замечания Д. Гамахарии были в целом весьма полезными. Нами были приняты многочисленные изменения и дополнения как непосредственно в самом тексте главы «Этнос и террор», так и в постраничных сносках. Тем не менее мы также продемонстрировали, что многие утверждения Д. Гамахарии являются спорными, и он ни в коем случае не может претендовать здесь на роль непогрешимого авторитета. Те из его замечаний, которые мы расценили неконструктивными, высокомерными и без необходимости полемичными, мы были вынуждены отчасти проигнорировать, поскольку они не нуждаются в комментариях. В этом смысле мы хотели бы просить о том, чтобы уже начатая плодотворная дискуссия не была на этом прервана. Напротив, мы выступаем за то, чтобы существенно расширить ее в результате полной, без изъятий, публикации нашей книги. При этом мы полностью открыты для убедительных контраргументов.

Мы глубоко уверены в том, что новое грузинское общество обладает достаточной силой и зрелостью для того, чтобы адекватно воспринимать такого рода плюралистические и демократические вызовы, даже если критическое осмысление советского прошлого является болезненным процессом.

М. Юнге, Д. Мюллер.

Перевод с немецкого на русский: Андрей Савин

Перевод с грузинского на русский: Тато Луарсабшвили

2. Национальная консолидация vs. национальная гомогенизация

А. Даушвили: Сегодня Федеративная Республика Германия – стратегический партнер Грузии⁵. Велика заслуга Германии в строительстве новой Грузии, ее закреплении в европейских международных структурах, в экономическом и социальном прогрессе Грузии. Начиная с 1992 года, когда вице-канцлер Германии и министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер от имени своей страны подтвердил дружественное и уважительное отношение к

грузинам, грузино-германские отношения развиваются, укрепляются и наполняются новым содержанием. Эта дружба, эти партнерские взаимоотношения некоторым не нравятся, и эти люди делают все, чтобы эти отношения ослабить и ухудшить. Твердо верю, что у них ничего не получится.

Грузино-германские взаимоотношения развиваются и в сфере науки и образования: грузинские и немецкие археологи совместно выявили и изучили не один интересный памятник, очень интенсивны связи германских этнологов с грузинскими коллегами, что нашло свое отражение в совместных этнографических экспедициях, международных конференциях и дискуссиях, монографиях.

Сегодня рассматривается творческий итог совместной многолетней работы германских и грузинских историков. Тема не только интересна, но и весьма трагична, она касается самого драматического советского периода – 1937–1938 годов, периода репрессий, на изучение которого десятилетиями было наложено табу.

После распада СССР изучение этих процессов началось и в самой Грузии. Опубликованы мемуары (например, дочери великого грузинского писателя Михаила Джавахишвили), написаны монографии (Г. Цицишвили, М. Хомерики, А. Даушвили и др.). Следует подчеркнуть, что все это происходило в условиях тотального невнимания к исторической науке со стороны государства, в условиях экономической нищеты, стагнации, исключительно благодаря энтузиазму, на собственные средства.

Конечно, профинансированное Фондом Фольксвагена исследование, которое немецкие ученые и их грузинские коллеги выполняли на протяжении нескольких лет, отраженные в двух томах общественные явления, факты и выводы вызвали большой интерес. Начну с позитивных сторон обсуждаемой работы.

1. Перед нами, несомненно, колоссальный труд, подготовка которого – тематическая группировка вопросов, их осмысление и анализ в соответствии с предварительно разработанными параметрами – требовали огромного времени и усилий. Чувствуется сложность и многогранность проведенной подготовительной работы. Ясно, что накопленный в России и на Украине опыт исследований помог группе в изучении материалов из архивов Грузии. Со всей ответственностью могу заявить, что такая масштабная работа в этой области в Грузии не проводилась, и авторам удалось всесторонне рассмотреть проблему.

2. Нельзя не отметить тот факт, что наши немецкие коллеги являются представителями другой исторической школы, у них

другая методология и методика. Поэтому их подход чрезвычайно интересен для нас, важен взгляд со стороны, оценки и выводы с непривычных для нас позиций. Этот труд станет для грузинских историков (и уже стал) значительным явлением – предметом плодотворных дискуссий, обмена мнениями, споров. Все это значительный шаг вперед в изучении этой темы в Грузии.

3. Авторы демонстрируют определенную степень знакомства с грузинской историографией по этому вопросу. Их критику некоторых трудов грузинских авторов можно считать слишком строгой, но эта критика терпима, не переходит границ корректности. Они ведь не знают, в каких ужасных условиях приходилось работать грузинским историкам в 90-е годы прошлого века. Необходимо отметить, что авторы рецензируемого труда упустили из виду и не упомянули в историографической части двух авторов, исследующих интересующую нас проблему: Георгия Цицишвили («Чекистские обвинения в адрес Шалвы Нуцубидзе и их документально-аналитические комментарии») и Манану Хомерики («Михаил Джавахишвили на фоне уникальных документов» и др.).

Хотелось бы выразить благодарность авторам за то, что в рецензируемом исследовании рассмотрены и оценены три труда, принадлежащих мне.

4. Для грузинской историографии представляют большую ценность приведенные в работе немецких авторов высказывания европейских и мировых ученых (Т. Мартенса, Н. Неймарка, Ф. Хоршиса и других), их замечания и выводы о трагическом периоде истории Грузии. Мы видим, что в разных уголках мира ведутся дискуссии о репрессиях 1937 года в Грузии (к сожалению, без грузинских историков), разрабатываются научные концепции, издаются книги. Приятно констатировать, что авторы критически относятся к некоторым, весьма сомнительным взглядам некоторых зарубежных историков.

5. Большое приобретение для грузинской историографии – составленные и опубликованные авторами таблицы, схемы, а также собранный документальный материал, отображающие 1937–1938 годы, – это дает новую возможность для дальнейшей работы над этими проблемами в будущем.

6. Нельзя не отметить отличную работу русского переводчика, несомненно, потребовавшую колоссальных усилий: исследование легко читается и не воспринимается как переводной текст.

Прежде чем перейти к критической части рецензии, хочу подчеркнуть, что, насколько мне известно, итоги Второй мировой

войны официально никто не отменял, решение Нюрнбергского трибунала никто не аннулировал, никто не объявлял исторической ошибкой достигнутую в мае 1945 года победу над странами «оси» (Германия, Италия, Япония).

Исходя из этого, имеем несколько серьезных критических замечаний к авторам труда.

1. Любой труд, тем более такой монументальный – и по объему, и, что главное, – по содержанию и поставленной цели, – подразумевает специальное вступление, которое ознакомит читателя, с каким государством имеем дело, чем дышало это государство, какие имело цели, задачи, в чем заключалось своеобразие его исторического развития, в контексте которого должна рассматриваться проблема.

Авторы начинают рассуждение без вступления, что противоречит логике, а главное – обязательствам, которые должен брать на себя объективный историк. Ничего не сказано о фундаменте и движущей силе развития советского государства – насилии.

Социал-демократы традиционно отводили насилию чрезвычайно важное место (вспомним признанный труд Ф. Энгельса «Роль насилия в истории», на котором воспитывалось целое поколение русских марксистов). Советское государство было создано на основе насилия (Октябрьский переворот), на протяжении длительного времени осуществляло насилие по отношению к соседним государствам в форме «экспорта социалистической революции» (советизация Украины, Грузии, Азербайджана, Армении, Средней Азии и т. д.). Для насильственного экспорта социалистической революции в зарубежные страны был образован III Коммунистический Интернационал – центр создания мировой пролетарской республики.

Ничего не сказано о том, что идеологической основой государства было марксистско-ленинское учение о классовом противостоянии, и из-за непреодолимых противоречий между классами, классовой войны (т. е. насилия) указанная теория подразумевала насильственное сохранение насильственно завоеванной власти, насильственную нейтрализацию еще не до конца уничтоженных феодального и буржуазного классов, их физическую нейтрализацию как социальных классов (именно это и является «диктатурой пролетариата» в действии).

Известный русский большевик, член политбюро ЦК РКП(б) Г. Зиновьев (также репрессированный) заявлял: «Вы, буржуазия, хороните отдельных личностей, мы хороним целые классы»⁶.

Известный грузинский большевик, секретарь Закавказского краевого комитета М. Орахелашвили публично заявлял: «С каких пор стало насилие позорным элементом для большевиков?»⁷ (он был пламенным последователем Сталина, однако впоследствии сам стал жертвой репрессий). Таким образом, насилие было основой основ коммунистического общества.

Партийные документы 1920–1930-х годов полны примеров беспощадности к «свергнутому, но не до конца уничтоженным» классовым врагам. Они пестрят фразами «самым жестоким образом», «беспощадно», «безжалостно» «уничтожим классовых врагов», «нарушителей единства партии», «расхитителей социалистического имущества», «осквернителей законов коммунистического образа жизни»⁸ и т. д. и т. п.

Нельзя не отметить, что коммунисты стремились построить невиданное в истории общество, внеклассовое общество, где не было бы частной собственности на средства производства, эксплуатации человека человеком, где отсутствовали бы буржуазные предрассудки, где люди могли бы жить с коммунистическим энтузиазмом, больше думали об обществе, чем о личном и семейном счастье. Нельзя не учитывать и того, что первое поколение большевиков отличалось высокой степенью фанатизма – они слепо верили коммунистическим идеалам Маркса и Энгельса. «Принципы коммунизма» Энгельса (написанные в 1847 году) – их настольная книга, и результаты своей деятельности эти большевики сравнивали с изложенными в этой работе установками. Именно под влиянием этого труда был заложен фундамент: коммунальных домов, коммунистических проектов разрушения семей, совершенно новой системы государственного воспитания детей и т. д.

Нельзя не остановиться на «синдроме коммунистической прямоты», который наблюдался в Грузии уже с 1921 года и активно действовал в трудовых коллективах. Именно коммунистический фанатизм создал ситуацию, когда коммунист был обязан выносить на общественное обсуждение частную жизнь своих коллег, обличать их за нарушение правил коммунистического общежития, за безнравственность, житейские проступки. Это правило было законом коммунистической жизни и, как вероисповедание в царской России, оно давало прекрасный материал для оценки личности, установления степени лояльности к государству. Благодаря действию «принципа коммунистической прямоты» местные партийные организации имели богатую информацию о своих

членах, кандидатах в члены, сочувствующих, что было использовано в дальнейшем, во время репрессий 1937 года против некоторых из них.

Этот вопрос мы специально изучили в нашей монографии «Тбилиси-1937». Считаем, что общие трагические явления 1937 года не были подготовлены за один год, за два-три месяца – их предопределил весь магистральный путь развития советского государства. Поэтому для соблюдения максимальной объективности историки должны предварительно изучить именно этот трагический путь, чтобы не сделать поспешных выводов.

К сожалению, авторы труда спешат и ограничиваются только изучением материала за два года.

Авторы: *Замечание рецензента о том, что описываемые в монографии процессы не помещены в широкий контекст истории советского государства в целом и Грузии в частности, в определенной мере обоснованно. Само собой разумеется, что было бы желательно уделить контексту несколько больше внимания. Однако, принимая во внимание обширную литературу, посвященную советской истории, мы сочли целесообразным полностью сконцентрироваться на Большом терроре в Грузии. Помимо этого, иерархический ракурс исследования – в направлении из Москвы в Грузию – совершенно сознательно дополнен авторами встречным ракурсом, то есть исторические процессы рассматриваются также с точки зрения периферии. Это, в свою очередь, дает возможность повторно изучить политику центра, но уже в новом свете.*

А. Даушвили: Вызывает удивление глава, посвященная якобы принудительному объединению мегрелов, сванов и бацбийцев в грузинском народе (глава «Административное сращивание: аджарцы, мегрелы, сваны и бацбийцы»). Это уже настолько избитая тема, что, пожалуй, даже не стоит на ней останавливаться. Новизна у авторов в этом случае лишь в том, что наряду с аджарцами, мегрелами и сванами они упоминают и цова-тушинов (бацбийцев). Авторы пишут, что личными стараниями Берии аджарцы были приписаны к грузинам, как и сваны, мегрелы и бацбийцы – при этом было проигнорировано заключение московской академической комиссии.

Начнем с терминов: предлагаемому авторами термину «административное сращивание» мы противопоставим принятый среди историков термин «национальная консолидация».

Грузия, как и Германия, длительное время была раздроблена, хотя во времена единства X–XIV веков феодальная монархия Грузии полностью охватывала территории, которые занимали и занимают эти этнографические группы Грузии. К сожалению, авторы не углубляются в прошлое и предлагают читателям «новую» историю Грузии, согласно которой Россия во время войн 1829-го и 1877–1879 годов присоединила к своей империи земли Ахалкалаки-Ахалцихе и Аджарии, которые впоследствии грузины приписали себе, а население объявили грузинами. Авторы не знают, что в ранние средние века, когда Турции вообще не существовало и с Грузией соседствовала Византия, эти территории входили в состав Грузии, и здесь была ключом грузинская культурно-религиозная жизнь. Об этом свидетельствует множество сохранившихся до сегодняшнего дня на этих землях исторических памятников, храмов, монастырей.

Уже в позднее средневековье захваченное Турцией и омульманенное население юго-запада Грузии всегда стремилось в Грузию. Прекрасный пример тому – деятельность бегларбега Аджарии Селима Химшиашвили, его взаимоотношения с Ираклием II и т. д.

Россия прекрасно знала, что территории Юго-Западной Грузии представляли историческую Грузию. Секретными пунктами Георгиевского трактата (1783 г.) российский император взял на себя обязательство вернуть Грузии указанные территории. Известно обращение русского генерала Оклобжио к солдатам перед решающим сражением в 1877 г.: «Помните, что перед вами раскинуты поля и горы древней христианской Грузии, тысячи представителей которой сейчас стоят в наших рядах и воюют с общим врагом»⁹.

Если бы Грузия собственными силами присоединила исторические территории, как это сделала Германия, то грузинское общество само осуществило бы все необходимые мероприятия для национальной консолидации, – но имперская Россия не желала видеть Грузию единой. Вот что писал чиновник Синода Русской Церкви коллеге из Грузии: «Что касается старания грузин, чтоб в этом краю господствующим стало православие, это для нас неприемлемо, поскольку грузины националисты и начнут проповедовать националистическую идеологию в этом присоединенном крае, а это для нас опасно»¹⁰.

Юго-западная Грузия – колыбель грузинской цивилизации: Месхетия, Тао-Кларджети, Кола-Артаани, Аджария с VIII века

были одними из основных очагов грузинской культуры, являясь мощным импульсом усиления и углубления грузинского сознания. Естественно, развитые в позднем Средневековье явления – насильственная исламизация, отрыв от единого грузинского тела – изменили быт этого населения, распространили законы шариата, внесли в быт турецкий язык, медресе, молы и моральное превосходство ходжа. Но всегда были достойные сыны Грузии, которые боролись за единство страны и народа. Пример тому – деятельность Мемед-бега Абашидзе и его прогрузински настроенной группы в Аджарии в начале XX века (об этом см. труды Е. Месхия, А. Даушвили и др.).

Естественно, в советский период имелись определенные трудности в связи с Аджарией, вызванные атеистической политикой советской власти, проявившиеся в 1925 и 1928 годах. Местному населению было трудно примириться с отменой законов шариата. Но в этом случае мы имеем дело не с капризами и мелкими желаниями советской власти, а с ее центральной идеей и целью – установить единую идеологию, марксизм-ленинизм, для которого не приемлемы ни христианство, ни мусульманство, ни буддизм, ни иудаизм и т. д.

Что касается Мегрелии, то это органическая часть Грузии уже с эпохи Парнаваза (3-й в. до н. э.), составляющая единого грузинского государства, часть его фундамента. Чего стоит подвиг владетельного князя Мегрелии Цотнэ Дадиани, который доказывает, каким было национальное единство уже в то время. Проявленное ради единства Грузии, героичество князя удивило даже монгольских захватчиков в XIII веке.

И, наконец, известный грузинский общественный деятель XIX века в любимом стихотворении всех грузин писал о том, что Картли, Кахетия, Имеретия, Гурия и Мегрелия – его Родина, любимая Грузия.

Россия всячески старалась разъединить единый грузинский народ еще в XIX веке, еще тогда, когда во главе России не было ни грузина Сталина, ни грузина Берии, пыталась создать мегрельский и сванский алфавит, в церковном богослужении заменить грузинский язык мегрельским, но против этого восстали широкие массы населения, и осуществить этот замысел так и не удалось.

Что касается XX столетия, то значительная часть грузинских культурных, научных и экономических достижений являются заслугой именно интеллигенции, вышедшей из Мегрелии, Аджарии и Сванетии.

Неверную информацию распространяют авторы рецензируемой книги об Исаке Жвании. В труде он представлен лидером «национально-освободительного движения» мегрелов, интеллигентом, который из-за своих взглядов в 1937 г. был арестован и через несколько дней расстрелян.

Это ложь. Исаак Жвания был типичным советским большевиком, одним из активных деятелей установления советской власти в Грузии, членом революционного комитета Сухуми, председателем Зугдидского уездного комитета партии, он занимал партийные и государственные должности. Скончался в 1946 году (а не в 1937 году, как утверждают авторы)¹¹. Его попытки создания мегрельского алфавита и печатания книг и газет на мегрельском языке были встречены крайне негативно местным населением, интеллигентами – выходцами из Мегрелии (об этом см. труды А. Асланишвили, А. Даушвили, Г. Цицишвили).

Авторы: Наши данные о судьбе Исаака (Исаака) Жвании основываются на протоколе № 76 заседания тройки при НКВД Грузинской ССР от 28 декабря 1937 г. (см. Архив МВД Грузии. Первый отдел. Фонд 8. Дело 37433. Л. 29). Исаак Ефтимович Жвания также проходит по «сталинским спискам» от 22 ноября 1937 г. по первой категории (хотя в базе данных репрессированных «Мемориала» сведений о нем нет). Мы не оспариваем, что Жвания был типичным большевиком, и все же его действия в поддержку мигрелов свидетельствуют, что наряду с различными групповыми и клановыми интересами (о чем убедительно пишет Тим Блауфельт) свою роль в Грузии также играли территориально-этнические вопросы, которые одновременно также были вопросами о власти¹².

А. Даушвили: Что касается Сванетии и сванов – этих боевых и пламенных людей, то у них всегда была особая историческая миссия: единая Грузия в Сванетии хранила свое нерукотворное сокровище – церковные святыни во времена исторических невзгод. О том, что сваны – древнейшие грузины, говорит и маленькая надпись на рядовом сванском сельском храме, датированная XIII веком: «Святой Архангел... прославляя царей Багратиони, Дадиани, князей, Грузию, сванов...»¹³.

Что касается бацбийцев (тушин), которых, по утверждению авторов, якобы также против их воли насильственно присоединил к грузинам Берия, приведу один заслуживающий внимания факт, обойденный вниманием в грузинской историографии: в 1888 году российский император Александр III вместе с семьей находился в

Грузии и посетил Тианети. Здесь царскую семью встретили представители населения горного региона Грузии, в том числе цова тушины (бацбийцы). Царица Мария Федоровна, императрица была восхищена одеждой тушинок, подошла к ним, стала расспрашивать о происхождении. «Мы тушинки, живущие в горах грузинки», – ответили они¹⁴.

То, что тушины очень хорошо знали в 80-х годах XIX столетия, наши германские коллеги представили спорным и, более того, основанием возможных репрессий. Неужели они ничего не помнят из истории Германии о шагах национальной консолидации?..

Во времена «Культуркампафа» великого Бисмарка заработали драконовские законы против католической церкви, которая идеологически властвовала в Баварии и других католических княжествах; центральная власть посчитала, что для немецкого единства было бы плохо (это на самом деле так), если нация разделится по религиозному признаку на католиков и протестантов. К тому же в этот период на арену выходила и новая «религия» – социал-демократическое учение. Поэтому была запрещена гегемония католической церкви, из-за сопротивления этому процессу некоторые епископы и даже архиепископы попадали в заключение. Был запрещен и изгнан из страны католический орден иезуитов. Справедливым считался лозунг «Германия – прежде всего!». Когда это стало нужно Германии, Бисмарк без разговоров отнял у Дании Шлезвиг-Гольштейн. Резко усилился процесс германизации в недавно присоединенной Эльзас-Лотарингии – здесь всячески старались вместо французской культуры внедрить немецкие ценности, такая же политика проводилась на захваченных Германией польских землях.

Национальная консолидация не достигается одними аплодисментами и криками «Ура!», национальная консолидация достигается потом и совместными усилиями.

Несмотря на старания Бисмарка, во время кризиса ноября 1918 года в Германии социал-демократы явно использовали противостояние между баварцами и пруссаками (у меня есть такая информация), т. е. различия еще сохранялись. Процесс национальной консолидации и в Германии был связан с определенными проблемами. Естественно, аналогичные проблемы были и у Грузии. Если бы Грузия была независимой и сильной страной, как Германия, она урегулировала бы эти проблемы уже в период позднего Средневековья, но дело в том, что в нашем случае влияние более сильных стран растерзало единую Грузию, разобщило

территории, воздвигло психологические, религиозные и культурные барьеры, и требовалось много времени, терпения и сил, чтобы восстановить то единство, которое ранее существовало на протяжении веков.

В связи с этой темой можно провести много параллелей: вспомним испанскую реконкисту – руководители государств Арагона и Кастилии полностью уничтожили, изгнали и переселили мавров (Кордовский эмират), заставили испанских евреев принять христианство. Католическая церковь объявила святыми организаторов этого террора королеву Изабеллу и короля Фердинанда.

Англия тотально навязала свою языковую политику Шотландии, Уэльсу, Ирландии; Франция – Нормандии, Эльзас-Лотарингии, Бретани. В этих регионах английский и французский языки полностью вытеснили местные национальные языки (шотландский, ирландский, бретонский, нормандский и т. д.).

Каждый историк хорошо знает, что происходило в Соединенных Штатах Америки при решении задач национальной консолидации: всего за одно поколение Америка полностью ассимилировала недавно присоединенные испаноязычные штаты. А какой гнев навлекли на себя франкоговорящие штаты во время Гражданской войны – об этом хорошо сказано в романе Маргарет Митчелл.

Так что и грузины имели право принять энергичные меры для национальной консолидации, однако к концу 30-х годов эти процессы уже давно были завершены, так что не требовался «массовый террор», как пытаются доказать это уважаемые авторы.

Авторы: *Грузинские авторы, как нам кажется, уделяют не оправданно много внимания истории раннего Нового времени, Средневековья и еще более древней истории, расценивая ее как решающее доказательство в дискуссиях вокруг современных процессов формирования нации. Поскольку немецкие авторы не последовали по этому пути и практически оставили «за бортом» историю Грузии до XVIII столетия, в наш адрес высказываются упреки в незнании, неосведомленности или даже в утаивании существенных аргументов. Однако наша точка зрения заключается в том, что отождествление территорий и персоналий древней и новой истории с новейшей историей, в особенности в смысле прецедента, не является релевантным для межнациональных отношений в XIX, XX и XXI веках. Приведенный рецензентом пример территорий Грузинского царства, захва-*

ченных Турцией, не имеет большого значения для современных жителей Турции. Им не так уж важно, с какого времени – с XVI или с VI века места их проживания стали принадлежать Турции. Зато национальная гомогенизация грузин и ее последствия серьезно затрагивают это турецкое население, поскольку с грузинской точки зрения речь идет о «возвращении исторических территорий». Разумеется, то же самое было бы справедливым для названных рецензентом немецких областей и границ. Речь идет о возможных немецких притязаниях на территории, до 1945 г. населенные исключительно немцами, такие, как части сегодняшней Польши и Чехии. Если бы Германия пожелала сегодня «возвратить» себе эти территории, прикрываясь историей, то это было бы для польских или чешских жителей не менее драматично, чем для польского или чешского населения других областей, которые никогда (или уже продолжительное время) не были заселены немцами.

Что же касается исторических параллелей с Германией, то хотелось бы отметить, что объединение немецкой нации в рамках рейха в результате войн с 1864 по 1871 гг., которое всячески превозносилось в «старой» немецкой историографии с националистической точки зрения, сегодня оценивается иначе, в том числе в отношении исконно «немецких» территорий, вошедших тогда в Германский рейх. В результате насильственного включения в рейх Шлезвиг-Гольштейна, Эльзаса и Лотарингии, а также вследствие продолжительного господства над польскими католиками и католиками в целом, которые расценивались как граждане второго сорта и «враги рейха», – отношения Германии с Францией, Данией и славянами были отравлены на продолжительное время. Тем самым также была сформирована одна из причин Первой мировой войны (а косвенно – и Второй). Внутриполитически были созданы «фронты» против этнических и политических «врагов рейха» (французов, датчан, поляков и, главным образом, славян, католиков, евреев и социалистов), что, в свою очередь, сыграло решающую роль в недостаточности политической и социальной модернизации. Эти дефициты модернизации сделали невозможным развитие Германии в направлении к реальному парламентаризму, как во Франции и Великобритании, а также способствовали возникновению национал-социализма.

Кроме того, методически очень трудно установить, что на самом деле думали о своей «инкорпорации» или «объединении» с

титულной нацией народы или национальные меньшинства. Так, советская историография убедительно доказывала, что столетиями все ведущие силы грузинского, а также узбекского и других народов стремились к объединению с Россией, тем более что не было недостатка в соответствующих документах. Однако эти документы были подобраны тенденциозно. Точно так же немецкая историография была в состоянии доказать, что эльзасцы всегда чувствовали себя этническими немцами и стремились стать составной частью Германского рейха. Турецкие историки доказывали, что мусульмане – жители Батуми, Карса, Ардагана, Артвина и т. п. – начиная с 1828 г. или с 1878 г. никогда не оставляли надежду на объединение с османами или турками, и эти доказательства также были тенденциозны. Реальность в отношении областей, когда-то исторически бывших грузинскими, гораздо сложнее, чем это пытается представить как грузинская, так и турецкая историографии. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой народы таких областей имели амбивалентную этническую идентичность, где, например, ислам служил основой для общности с турками, а грузинская культура – для единства с грузинами. Одностороннее акцентирование одной или другой стороны этих «многослойных» идентичностей, даже с опорой на соответствующие источники, не отвечает действительности.

Когда после Второй мировой войны впервые за долгое время католики перестали рассматриваться как немцы «второго сорта», это стало для Германии настоящим прорывом. Только в результате толерантного отношения к противоречиям такого рода и полноценной интеграции меньшинств, без их принудительной унификации, стала возможной стабилизация немецкой демократии. Угнетение меньшинств в интересах национальной гомогенизации соответствует исторической фазе слабости немецкой политики, которая расценивается сегодня как крайне неудачная.

А. Даушвили: По нашему мнению, в труде излишне много внимания уделяется проблеме лазов и представлению этого вопроса в крайне отрицательном для грузин свете. Поэтому хочу остановиться на этой теме более детально. По-моему, интерес авторов к этой теме вызвало письмо лазского интеллигента Искандера Циташи, направленное в Москву председателю Коминтерна Георгию Димитрову, на основании которого авторы утверждают, что лазы подвергались преследованиям грузинскими властями.

Они доказывают, что «лазы не случайно были самой проблемной среди всех южно-кавказских или, соответственно картвельских групп, поскольку разделительные линии между ними и грузинами пролегали очень глубоко». «Выделение лазов в отдельную этническую группу... может также объясняться той энергичной борьбой за отстаивание культурного своеобразия, которую вела небольшая группа единомышленников», а также против того, что их «заставляли влиться в грузинскую нацию»; и, раз их «посчитали возможными сторонниками Нестора Лакобы в антигрузинской деятельности», осуществили невообразимые репрессии против них.

Следует отметить, что вопросам лазов авторы уделяют 20 страниц, приблизительно 20 процентов, почти пятую часть главы «Этнос и террор», тогда как сами лазы занимали среди населения Грузии только 0,02 процента (639 человек) согласно переписи 1926 г.¹⁵

По утверждению авторов, после демаркации границы с Турцией со стороны Советского Союза основная масса лазов, 150 тыс. человек, осталась в Турции, в Грузии лазам принадлежало только одно село у границы. Как выясняется, Кемаль Ататюрк в 1929 году вообще запретил лазам проявление культурно-языковой идентичности, их всех записали турками, т. е. по отношению к большинству лазов (наверное, 95 %) были осуществлены массовые репрессии. Но из книги не видно, что вслед за этим последовали массовые выступления, восстания, письма в Лигу Наций или Георгию Димитрову. Большинство лазов, живших в Турции, стало турками и сегодня гордо носит это имя. Это их выбор.

Но, оказывается, оставшееся в Грузии одно село – Сарпи и группу поселенных когда-то в Абхазию лазов угнетают грузины, им не дают возможностей для развития культуры, отнимают родной язык, не способствуют «энергичной борьбе за отстаивание культурного своеобразия». Авторы не удивляет несоответствие в труде Циташи: он пишет о проживающих в Грузии лазах, оценивая их количество в 4 тыс. человек, из которых в 1937 году переселились в Турцию 7 тыс.

Конечно, авторы выводят огромные процентные цифры репрессий лазов, которые, по их мнению, подтверждают якобы беспрецедентное угнетение лазов грузинами.

Обидно, что наши немецкие коллеги не знают (или знают, но не упоминают здесь), что до письма Димитрову такое же письмо Искандер Циташи направил в 1935 году Иосифу Сталину, за которым последовало реагирование. Это письмо руководство КП(б) Грузии рассмотрело на заседании бюро в 1935 году.

Из письма видно, что еще раньше Искандер Циташи обращался с письмами к Филиппу Махарадзе (Председатель ЦИК) и самому Лаврентию Берию. В этих письмах Циташи в основном заостряет внимание на вопросах социальных взаимоотношений и просит для лазов урегулировать вопросы землеустройства, более активно вовлечь лазов в кустарные и промышленные артели, проявляет заботу о бытовых особенностях лазов и, что самое главное, просит «провести партийную и советскую работу на понятном для них языке». В противном случае Циташи угрожает их массовым переселением в Турцию. При этом автор сообщает властям Грузии, что в Абхазии в этом плане уже давно ведут пропаганду агенты кемалистов¹⁶.

Власти Грузии изучили положение лазов: выяснилось, что проживающие в Абхазии лазы работали у абхазских и мегрельских кулаков (состоятельных крестьян). Когда истребили местных кулаков, лазы остались без средств к существованию. Они обратились в ЦИК Абхазии с просьбой, чтобы им выделили землю для создания кооператива «Красный Лазистан», но решение Абхазского ЦИК не было выполнено абхазским правительством. Как выясняется, ЦК КП(б) Грузии создал специальную комиссию для изучения условий жизни и пожеланий лазов. Приняли стандартное в таком случае постановление, которое предусматривало принятие определенных мер для упорядочения культурно-бытового и экономического положения лазского населения. Трудно сказать, насколько сработало это постановление.

Однако справедливости ради отметим, что для диаспоры в количестве 600 человек, из которых на родном языке говорили только 137 (никто не знал грузинского языка, а остальные знали другие языки – вероятно, турецкий), ни в одной стране не создают и не смогут создать особые условия для национально-культурного развития. Для 600 человек нигде не печатают газет и книг, не открывают школ и вузов, и, наконец, 600 человек не могут быть действенными сторонниками Нестора Лакобы в антигрузинской деятельности.

Как правило, такое малочисленное население имеет три выбора: если оно очень дорожит своими этническими и культурно-религиозными особенностями и желает их сохранить, может вернуться на родину, или получить образование в той школе, которая наиболее приемлема для него по культурно-религиозным соображениям, или же полностью включиться в образовательную систему титульной нации – получить то, что предлагает правительство. Так делают все.

Следует отметить, что Искандер Циташи не очень нравится и самим авторам книги, которые излишне глубоко вникают в детали его биографии, сообщая, что он не владел лазским языком, что его мать была русская казачка, что он систематически навещался в Москву, Ленинград, Тбилиси и Баку. К этой информации мы добавим, что этот человек, но под фамилией Цитаишвили, выступил на II Республиканской конференции национальных меньшинств в 1929 г. Использование фамилии в грузинской форме явно указывает на сложный, неординарный, карьеристский характер этой личности. Одним словом, перед нами типичный графоман, для которого рассылать письма во всевозможные органы власти и учреждения – в порядке вещей. К письмам таких личностей историку следует проявлять особую осторожность и сдержанность. Недопустимо принимать все материалы этих писем без критики.

Авторы: *Что касается лазов, то принципиально надо указать на то, что численность лазов, установленная в результате Всесоюзной переписи 1926 г., согласно общепринятой оценке, которую мы привели в тексте рукописи, существенно занижена; напротив, стоит исходить из численности лазов около 4000 человек. Независимо от этого лазы, именно в силу своей амбивалентной этнической и территориальной идентичности, являются особенно показательным примером функционирования грузинской и советской национальной политики. Кроме того, ситуация с лазами в качестве исключения хорошо документирована благодаря письмам Циташи, которые чудом сохранились до наших дней. В то же время для других этнических групп документы такого рода отсутствуют. Что же касается письма Циташи Сталину 1935 г., которое упоминает рецензент, то оно не только упоминается в тексте нашей рукописи, но речь идет также о его публикации в документальном томе нашего издания. В этом письме, датированном 11 февраля 1935 г., речь отнюдь не идет об эмиграции 7000 лазов. Напротив, в нем говорится о том, что после выезда из автономной республики 4500 лазов в период 1921–1928 гг. там еще оставалось на 1928–1929 гг. около 5000 лазов. Цифры могут быть завышены, однако очевидного противоречия не наблюдается. Авторы, к сожалению, не располагают письмами Циташи Ф. Махарадзе и Л.П. Берии, также заслуживающими публикации. Персональную диффамацию Циташи мы считаем неуместной, даже при условии критического отношения к его взглядам, особенно учитывая факт его расстрела.*

Авторы, конечно же, полностью осознают, что абсолютные цифры репрессированных лазов являются низкими, но они демонстрируют тенденцию, которая коррелирует с другими документальными источниками.

Что же касается невозможности создания культурной автономии для лазов, то в этом отношении необходимо привести ряд соображений. Во-первых, численность лазов, как уже говорилось, была выше. Во-вторых, имелись случаи, когда для других этнических групп, сравнимых по численности, власти создавали, пусть скромные, культурные автономии. В-третьих, самое позднее с момента публикации диссертации Терри Мартина исследовательский фокус направлен на роль диаспор такого рода во внешней политике СССР. Согласно этой логике (Пьемонтский принцип) лазская культурная автономия могла сыграть важную роль в советской внешней политике. Также и огульное обозначение в этом контексте устремлений Лакобы как «антигрузинских» (вместо пролазских) кажется нам проблематичным.

О политике ассимиляции («Так делают все»): мы уже отмечали, что здесь нет какого-либо автоматизма, и, например, в Германии периоды осуществления такого рода политики оцениваются сейчас крайне негативно.

А. Даушвили: Явно бросается в глаза, что авторы не рассматривают в специальной главе грузин, довольствуясь лишь общей констатацией, что грузины «были репрессированы больше всех», что из арестованных 13 156 человек 47 % были расстреляны. Подтверждают, что в ходе «кулацкой операции» количество репрессированных грузин составило 65 %, что соотношения численности грузин, приговоренных «кулацкой» тройкой к ВМН, с общей численностью грузинского населения в республике составляет 0,30 %, а у представителей других народов этот показатель составляет 0,31 % и т. д.

Но авторы не стараются конкретизировать, углубиться (как это делают в отношении репрессированных других этнических групп Грузии): по каким причинам, по каким категориям наказаны грузины из этих 13 156 человек. Их не интересуют эти вопросы, или же, наоборот, если они это покажут, то полностью разрушится их концепция – будет невозможно подтвердить авторский взгляд на репрессии многонационального населения Грузии гегемонистскими стремлениями грузин.

Если бы в Грузии вообще не имели места репрессии грузин, тогда еще можно было принять предложенные авторами взгляды.

Но как быть с 13 247 грузинами, в то время как репрессиям подверглись только 1384 азербайджанцев, 572 абхазов, 1722 армян и т. д.

Авторы забывают об одном основополагающем факторе: основные этносы проживающих в Грузии диаспор за пределами Грузии, на других территориях, на своей исторической родине нормально развивались и социально, и экономически, и религиозно, и культурно. Если бы проживающих в Грузии представителей диаспор грузины даже истребили, наподобие тасманийцев (что так мастерски осуществили англичане в XIX веке), их генофонд все равно не пострадал бы существенно. Разве причинило бы вред 77-миллионному генофонду немцев тотальное истребление живущих в Грузии 21 тыс. немцев? Ведь в действительности в 1937–1938 годах был репрессирован лишь 1 % живущих в Грузии немцев. Если этот процент сопоставить (что так любят наши коллеги) с общим числом живущих в то время в мире немцев, результат будет таким мизерным, что им самим будет стыдно говорить на эту тему.

То же можно сказать о других этносах: основная масса греков жила в Греции, армян – в Армении, турок – в Турции и т. д.

А грузины в то время в основном жили в Грузии (это сегодня они разбросаны по миру), у них никогда не было больших диаспор, и 13 156 человек – это страшный удар именно для грузинского генофонда. Среди репрессированных были выдающиеся представители грузинской экономической мысли, культуры и искусства: Михаил Джавахишвили, Тициан Табидзе, Евгений Микеладзе, Вахтанг Котетишвили и многие другие. Считаем необходимым, чтобы авторы так же усердно изучили проблему репрессий грузин, как это делают по отношению к другим этносам, проживающим в Грузии – иначе это просто несправедливо.

Авторы: *Массовые репрессии, которые мы изучали в контексте реализации советской национальной политики в Грузии, логично сфокусированы на этнических меньшинствах. В случае, если бы не Грузия, а другая союзная республика выступала бы объектом аналогичного исследования, то фокус исследования был бы таким же. Репрессии в отношении этнических грузин служили нам в качестве отправной точки, некоей матрицы. Под политикой гомогенизации мы понимаем политику руководства Грузинской ССР, а не осуществление этнической грузинской идеи.*

При рассмотрении репрессий в Грузии в годы Большого террора только проживавшие в Грузии люди могут служить в каче-

стве базовых величин. Логика рецензента, согласно которой мы неправомерно отдаем предпочтение диаспорам, нам не совсем понятна. Согласно этой логике, другие народы должны были жить и развиваться где-либо в другом месте помимо Грузии, что ошибочно не только дескриптивно, но и нормативно. Наше основополагающее убеждение заключается в том, что представители национальных меньшинств, в том числе аллохтонных, должны иметь те же права, что и титульные нации, будь это в Грузии или в Германии.

В историографии начиная с советских времен существует четко выраженная традиция (это касается всех бывших советских республик) замалчивать или зачислять на счет титульной нации ту положительную роль, которую сыграли меньшинства. Так, например, жертвы Великой Отечественной войны из Грузии расцениваются исключительно как (этнические) потери Грузии¹⁷. Поэтому нам особенно важно обратить внимание именно на национальные меньшинства.

А. Даушвили: Вызывает возмущение невообразимая тенденциозность и несправедливость авторов. Несправедливость чувствуется во всем. Если допустить, что представленная авторами аргументация полностью справедлива и объективна, получается, что в Грузии было репрессировано 25 000 человек (они приводят и другие данные, но предпочитают эту искусственно вымученную и раздутую цифру) – даже в этом случае этот показатель равен приблизительно 0,7 % населения Грузии в 1937 году (3 542,3 тыс. человек).

Исходя из этого, 99,03 % населения не подверглось репрессиям, т. е. 99 % лавов, 99,43 % абхазцев, 99,74 % осетин, 99,58 % армян, 99,56 % азербайджанцев, 99,31 % русских, 99,29 % украинцев, 99,40 % евреев, 99,75 % курдов-суннитов, 99,27 % езидов, 99,82 % греков и представители других этносов продолжали жить в Грузии.

Немецкие авторы забыли диалектику великого немецкого философа Гегеля, который утверждал, что только значительные количественные изменения вызывают качественные изменения (универсальный закон диалектики – о переходе количества в качество). С учетом этого закона, такие незначительные репрессии, которые имели место в Грузии, не дадут того «критического рубежа», который сменил бы одно свойство другим, радикально. Действие этого закона хорошо знали реализаторы Холокоста, которых не удовлетворило истребление одного процента евреев, и в

газовых камерах уничтожили 6 000 000 евреев (действительно страшно большой «критический рубеж»), а постоянные союзники Германии турки уничтожили 1 500 000 армян-соотечественников – вот как действуют «профессионалы», когда стремятся к качественным изменениям.

Таким образом, осуществленные в Грузии репрессии не могли повлиять на свойства диаспор, их политическую или этническую ориентацию именно по причине чрезвычайно малого процента репрессированных.

Кроме того, авторы должны были установить, как сложилась дальнейшая судьба спасенной части диаспор. Какую судьбу уготовили им «подлые» грузины: загнали в резервации (американский опыт в отношении индейцев), сожгли в крематориях (немецкий опыт по отношению к евреям), создали организации наподобие Ку-клукс-клана и устроили суд Линча (американский опыт по отношению к неграм), приучили к алкоголю и тотально одурманили (опыт англичан в Австралии и Новой Зеландии), полностью истребили физически (опыт англичан в Тасмании), отняли родной язык (опыт англичан и французов по отношению к шотландцам, валлийцам, ирландцам, бретонцам, корсиканцам и т. д.).

Их не волнует эта проблема. Сотни тысяч людей других национальностей в конце 30-х годов жили так же, как рядовые грузины: справляли свадьбы, создавали семьи, рожали детей, трудились, пели и танцевали во множестве домов и дворцов культуры, ходили в кино, театры, в цирк (да, и в цирк!).

Опережу события и скажу, что на фронтах Второй мировой войны представители диаспор Грузии сражались бок о бок с грузинами в грузинских батальонах и дивизиях, многие из них награждены орденами и медалями. И после войны Грузия осталась многонациональной страной.

Настоятельно требую от немецких ученых, чтобы они добились согласия Фонда Фольксвагена изучить проблему межнациональных отношений 20–30-х годов (я лично эту проблему изучил и изложил в своей докторской диссертации: см. А. Даушвили, Межнациональные отношения в Грузии 1921–1985 гг. (по материалам промышленных предприятий)). Результаты моих исследований радикально противоположны тому, что предлагают авторы труда.

Из всего вышеизложенного следует, что название труда явно не отвечает результатам исследований авторов, и оно обязательно должно быть изменено.

Авторы: Мы придерживаемся той точки зрения, что положение этнических меньшинств в Грузии здесь экстремальным образом идеализируется, в то время как многочисленные реальные проблемы, продолжавшие существовать и после 1938 г., сильно преуменьшаются.

Что же касается апологетического духа рецензента, который особенно явно выражается в приведенном им парафразе Гегеля («что только значительные количественные изменения вызывают качественные изменения»), мы хотели бы сослаться на главу «Количественный анализ массовых операций НКВД» из первого тома нашей публикации, в которой демонстрируется, что доля жертв репрессий в Грузии от численности активного трудоспособного мужского населения является в целом весьма высокой, и это утверждение относится также к меньшинствам. Кроме того, необходимо все время помнить о том, что речь идет о преступлении, бюрократически организованном государством. Люди были репрессированы не в результате борьбы с преступностью, не в условиях, близких к гражданской войне, или во времена слабого, распадающегося государства. Нет, их репрессировали по приказу сверху, в течение короткого времени и с помощью внесудебных органов. При этом рецензент весьма характерно расставляет акценты: в то время как в случае с репрессированными грузинами он говорит о «страшном ударе именно для грузинского генофонда», то в случае с другими этносами, которые в процентном отношении понесли примерно такие же потери, он объявляет эти жертвы практически несущественными: ведь террор пережили более 99 %!

А. Даушвили: Слабой стороной труда является то, что в нем не видно обвинителя (палача). Авторы в основном опираются на конечный документ процесса репрессий – обвинительные заключения «троек». Но не видно, кто их составлял, какова была обоснованность выдвигавшихся обвинений. Я надеялся, что авторы попытаются перепроверить факты, связанные с обвинением в шпионаже в пользу Германии, чтобы читатели смогли убедиться – был ли тот или иной обвиняемый в действительности агентом Германии, разведчиком. Наверное, никто не допустит мысли, что в преддверии страшной войны в Советском Союзе, в том числе в Грузии, не было агентов Германии, Франции, Польши, Британии и США. Но таких исследований в рецензируемом труде мы не нашли.

Не видно даже конкретного обвинителя: например, кто наказал абхазского «врага народа» – этнические грузины или абхазы, каким был национальный состав этой *тройки* – мононациональным или интернациональным. Это имеет большое значение.

Авторы часто используют термин «грузинская карательная бюрократия», что не соответствует действительности. Это была советская карательная бюрократия. Ни одна организация в Советском Союзе не была так централизована, как силовые структуры. Сразу после советизации Комиссариат внутренних дел, служба безопасности (ЧК, ОГПУ и т. д.) полностью подчинялись Москве и исполняли ее приказы и распоряжения. Именно поэтому авторы постоянно опираются на полученные из Москвы циркуляры – их исполнение было обязательно.

Мы здесь приведем данные о национальном составе лиц, находящихся на руководящих должностях Комитета госбезопасности Грузии: из 97 человек русских было 10, армян – 10, азербайджанцев – 2, украинцев – 3, евреев – 2, осетин – 1, остальные – грузины¹⁸.

Система советской безопасности и, вообще, система силовых структур к концу 30-х годов уже полностью была централизована и подчинялась Москве. В этих органах очень частой была ротация кадров: часто под грузинской, армянской, абхазской фамилией скрывалась обрусевшая и проводившая московскую политику личность.

Многонациональными были и низовые звенья служб безопасности: областные и районные организации. Поэтому большое значение имеет то, кем были «обвинители». Это дало бы возможность четко установить, был ли определяющим при репрессиях этнический фактор.

Мы можем принять попытку авторов доказать этническое содержание проведенных в Грузии репрессий и какие-то тайные замыслы руководства Грузии только в том случае, если будет представлен специальный циркуляр ЦК КП(б) Грузии, ЦИК Грузии, Наркомата внутренних дел Грузии, который указывал бы на специальное внимание карательных органов к этническому фактору. Авторы хотят, чтобы мы поверили: эту задачу карательные органы выполняли импровизированно, по каким-то своим скрытым соображениям. Они должны знать, что допустить это в условиях тотального режима было невозможно, ибо такая «самодеятельность» каралась сурово.

Предположения авторов, что центр (Сталин и Берия) давали какую-то автономию местным карательным органам для осуществления своих тайных идей – угнетать живущих в Грузии представителей других национальностей, чтобы те безоговорочно признали гегемонию грузин, ими документально не доказываются, а жонглирование процентами это не подтверждает.

К тому же советские карательные органы не были мононациональными, там очень активными были евреи, армяне, греки. Каждая автономная единица и каждый район имел свой местный карательный механизм, где в основном были местные кадры. Т. е. необходимо знать, кто изучал дела репрессированных: разве исключено, что грузина наказывал грузин, русского – русский, осетина – осетин и абхаза – абхаз?

Авторы должны были глубже изучить дела, а не довольствоваться поверхностной интерпретацией некоторых выбранных дел.

Вместе с тем, как убеждают проведенные нами исследования, проводившиеся в трудовых коллективах политические процессы, активность людей на этих процессах, высказанные ими обвинения были вполне достаточны для предъявления «виновнику» серьезных обвинений. Для иллюстрации приведу лишь один пример: на тбилисском заводе им. Кирова работала маленькая группа немецких рабочих. 13 июня 1937 года на предприятии рассматривался вопрос об искоренении вредительства. На заседании один из выступающих публично обвинил во вредительстве немецких рабочих¹⁹. На предприятии работали Курт, Фрей, Книпенберг, Приле, Илле и др. Они отрицали обвинение. Коллектив создал специальную комиссию, которой было поручено изучение их деятельности. Затем на собрании рассмотрели дело сочувствующего ВКП(б). Во время рассмотрения обвиняемый даже не отрицал некоторые пункты обвинения: связь с «врагами народа», связь с Германией. Книпенберга обвиняли и в том, что его близкий друг – брат Илле в Германии был членом фашистской партии, он это знал, но не сообщил организации. Знал и о том, что немецкие рабочие собирались в разных местах города, посещали немецкое консульство. Партийная организация это дело направила в НКВД для дополнительного расследования²⁰. Таких примеров очень много.

Такая активность трудового коллектива в советской действительности, особенно в 1920–1930-е годы, была естественной. Активно работал лозунг «Все коммунисты чекисты!». Партийные и комсомольские организации промышленных предприятий были

частью механизма предварительного изучения и обвинения любого человека, ибо владели полной информацией о личности. Приведу пример из истории Тбилисской обувной фабрики № 1: здесь рассмотрели 13 политических дел, решили судьбу 23 человек. Выступившие армяне (52 человека), грузины (18 человек), русские (36 человек), евреи (9 человек) представили аргументы, на которые впоследствии опирался состав *специальной «тройки»*²¹. Таких примеров очень много, и следовало учесть и такой материал.

Авторы: *Реальные успехи разведывательной деятельности иностранных государств в советской Грузии, насколько позволяют судить источники, были крайне скромными. Немногие настоящие шпионы были выявлены и наказаны совершенно отдельно, отнюдь не в результате массовых репрессий.*

Массовые репрессивные операции отличались именно тем, что центр делегировал периферии значительные карательные полномочия (см. главу «Регионализация карательных полномочий» в настоящей книге), поэтому мы продолжаем придерживаться термина «грузинская карательная бюрократия». Это ни в коем случае не означает, что карательные органы Грузии состояли исключительно из этнических грузин. И все же рассмотрение Грузии лишь как жертвы политики московского центра не отвечает фактам.

Наш ответ по поводу источников связан с главным тезисом главы «Этнос и террор» в настоящем томе, согласно которому зачистка политических, социальных и экономических пространств была одновременно использована в Грузии для того, чтобы подстегнуть процесс формирования гомогенной титульной нации (см. также раздел «Заключение» в этом томе).

А. Даушвили: Несмотря на то, что труд производит впечатление очень скрупулезной монографии, авторы все же упустили два разных этапа в процессе репрессий 1937–1938 годов. Это мы подчеркиваем в нашей книге (А. Даушвили. Тбилиси-1937. Тбилиси, 1997). Речь идет о новой волне репрессий в ноябре-декабре 1937 года, которая предусматривала осуждение тех лиц, которые фактически осуществили репрессии 1937 года. После ареста «железного наркома» Ежова стали известны факты серьезных нарушений и злоупотреблений служебным положением. Началась охота на «новых ведьм». На примере промышленных предприятий этот перелом явно виден²². Авторы рецензируемой книги этого не замечают, хотя фиксируют, что в 1938 году особо возросло число расстрелянных.

По нашему мнению, этот рост произошел как раз потому, что наказание Ежова и его группировки в Наркомате внутренних дел на местах вызвало скептическое отношение к уже осуществленным репрессиям, и началось наказание руководителей партийных организаций, излишне активных людей, безответственных коллег, рассмотрение их дел. Эти процессы весьма интересны. Авторы рецензируемой книги вообще упустили из виду эти процессы.

Авторы: Как правило, сотрудники НКВД, арестованные в ноябре–декабре 1937 г., были осуждены по обвинениям в принадлежности к вымышленным политическим группировкам, якобы существовавшим внутри ВКП(б), а также как участники левого (троцкисты) и правого (Бухарин, Рыков) уклонов. Служебные проступки практически отсутствовали в их обвинении. Таким образом, из архивно-следственных дел этой категории чекистов мало что можно узнать о проведении массовых операций НКВД. Ситуация в этом отношении изменилась в масштабах всего Советского Союза только начиная с лета 1938 г. С этого времени арестованных сотрудников НКВД стали преимущественно приговаривать к длительным срокам заключения, а также к смертной казни по обвинению в «нарушении социалистической законности», то есть в должностных преступлениях по ст. УК 206–17, пункты «а» или «б». Однако Грузия стала здесь исключением. Благодаря протекции со стороны Берии большинство расследований в отношении грузинских чекистов было прекращено. Но даже те немногие незаконченные следственные дела, которые сохранились до нашего времени, дают уже некоторое представление о фальсификациях, подлогах и пытках, практиковавшихся «органами» в годы Большого террора. Только после смещения Берии в Грузии, начиная с 1955 г., был организован целый ряд сенсационных, как полуоткрытых, так и тайных судебных процессов, на которых в качестве подсудимых предстали сотрудники НКВД Грузинской ССР. Изучению такого рода дел будет посвящен отдельный проект, завершающий наши исследования о Большом терроре, поскольку эти дела содержат сведения не столько о репрессиях 1937–1938 гг., сколько о политике в отношении деятелей массовых операций после падения Берии. Таким образом, здесь необходимы основательные дальнейшие разыскания. В документальный том, подготовленный нами в рамках настоящего проекта, мы включили лишь несколько документов из следственных дел чекистов (см. том 2, в особенности документы из следственного дела бывшего начальника 4-го отдела

НКВД Грузинской ССР С.С. Давлианидзе). Также нами использованы недавно вышедшие в свет публикации, посвященные полуоткрытым судебным процессам 1950-х годов, в том числе процессу, состоявшемуся в 1955 г. в Тбилиси²³. Многочисленные документальные материалы процесса над Берией дополняют наш анализ в той степени, в какой речь в них идет о массовых операциях и «социалистической законности»²⁴.

А. Даушвили: Авторы рецензируемой книги придают особую значимость «элитам» имеющихся в Грузии диаспор. «Элиты» этнических групп они считают некими демиургами «национально-освободительного движения» и обвиняют грузинскую сторону в их целенаправленном преследовании, применении особых репрессивных мер по отношению к ним.

Какими были эти «элиты» в Грузии? Еще в 1921 году в Москве располагали следующей информацией о руководителях Абхазии:

«Эшба – очень гуманная личность, поэтому легко попадает под влияния. К вопросам советского строительства тов. Эшба относится не совсем по-коммунистически. Сам он не князь и не бюрократ, но не ведет борьбу против них, и скоро сам станет князем и бюрократом. Лакоба – узкий дуалист, своеобразный коммунист. Своим действием он противится интересам III конгресса Коминтерна – разговаривает с меньшевиками (арестованными), здоровается с ними за руку и ведет дружеские разговоры. Во времена меньшевиков он был комиссаром в Очамчире. Я не могу считать его коммунистом. Цагурия – занимает четвертое место в советском руководстве. Он узкий национал-шовинист, в ладах с буржуазией, князьями, старается назначить на ответственные должности контрреволюционеров, социалистов... Начальник ЧК Абхазии Дамения слаб из-за необученности, он нуждается в ежедневном курировании»²⁵. Эта информация датируется 1921 годом.

Авторы: Следует задаться вопросом, в какой степени в этом цитируемом докладе, предназначенном для Москвы, критика, высказанная в адрес партийно-советской абхазской элиты, которую скорее следует характеризовать как донос, основывалась на четких общепринятых критериях, которые, в свою очередь, могли бы быть использованы для оценки грузинских, русских или украинских кадров. В самой Грузии нередки были случаи, когда многочисленные высокопоставленные функционеры снова и снова характеризовались или «разоблачались» как меньшевики и/или алкоголики.

В этой связи сразу возникают еще три вопроса:

1) *Имелось ли качественное абсолютное различие, к примеру, между грузинскими и абхазскими советскими элитами? Если да, то в чем оно заключалось и где это подтверждено документально, например, в документах комиссий партийного контроля, занимавшихся проверкой кадров, или в каких-либо других подобных документах?*

2) *Существовала ли относительная разница между элитами? Поясним, о чем идет речь: абхазы, как и осетины и многие другие меньшинства, располагали в целом менее качественной социальной структурой, чем грузины, русские, евреи или немцы. В результате среднестатистический представитель абхазской элиты располагал более низким образованием, чем такой же представитель немецкой, грузинской или русской элиты, однако на фоне общей массы абхазских крестьян он действительно занимал элитарное положение. Таким образом, решающее значение имела не абсолютная высота элитного статуса, а амплитуда, дистанция, которая отделяла элиту от основной массы населения данной национальности. В таком регионе, как Адигенский или Аспиндзский районы, где большинство жителей были неграмотными, лицо, обладавшее незаконченным средним образованием, принадлежало к числу безоговорочной образованной элиты и могло исполнять функцию (неформального) лидера.*

3) *Авторы в дальнейшем ожидают от рецензента, что он, цитируя источники, будет также называть и авторов цитат. Иначе возникает закономерный вопрос: кто был автором характеристики, данной элитам Абхазии? Кроме того, необходимо учитывать возможность того, что речь здесь шла о банальном доносе или внутривнутрипартийных интригах.*

А. Даушвили: В материалах Тбилисского партийного архива указывается главное свойство осетинской партийной элиты – пьянство, взаимная неприязнь, склоки между кланами (т. н. синдром «батрака, который выбился в князья»), что привело организацию к серьезному кризису, в связи с чем ЦК КП(б) Грузии рекомендовал секретарем Юго-Осетинского обкома представителя другой этнической группы²⁶.

Авторы: *Область поселения осетин относилась к особо отсталым и экономически слабо развитым областям Грузии. Таким образом, необходимо задаться вопросом, уже обозначенным выше, а именно, насколько иначе выглядят абсолютные данные, характеризующие элиты и/или партийно-советских функционеров*

*грузинских горных племен, проживавших в непосредственном со-
седстве с осетинами в самой Южной Осетии, а также вокруг нее.*

А. Даушвили: Что касается «элиты» лазов, выше мы доста-
точно говорили об Искандере Циташи и ограничимся этим.

«Элита» – весьма сложная социальная категория, элиты могут
быть лояльно настроены к власти, а могут в кризисные моменты
сыграть роль руководителя «пятой колонны». Как показывает исто-
рический опыт, такие «элиты» случайно не появляются. Неслу-
чайно появился Конрад Генлейн (лидер судетских немцев), угро-
бивший чехословацкое демократическое государство в 1938 году.

Неслучайно появился Владислав Ардзинба – представитель
абхазской «элиты», а что касается Алана Чочиева – лидера «на-
ционально-освободительного движения» Южной Осетии, то из-
вестный советский поэт Евгений Евтушенко утверждал, что тот
сотрудничал с органами советской безопасности.

Чтобы далеко не ходить: происходящие сегодня на Украине
процессы явно свидетельствуют, что «элиты» – сложная катего-
рия. Разве случайно появились «премьер-министры», «министры
обороны», «министры иностранных дел», «генералы армий» и
«военачальники» Крыма, Луганска, Донбасса? Ведь все они –
скрытые или явные сотрудники российских спецслужб.

Знают ли сегодня в Федеративной Республике Германии, о
чем думают, чего хотят и как будут действовать при политиче-
ских катаклизмах живущие в их стране турецкие, греческие, юго-
славские «элиты»?

Поэтому не будет большой ошибкой установить над «элита-
ми» диаспор контроль и в кризисных ситуациях осуществить их
нейтрализацию, чтобы они не принесли такие же несчастья, как
Генлейн – чехам, Ардзинба – грузинам, «элиты» Крыма и Дон-
басса – Украине.

Авторы: Действительно, категория «элиты» – весьма рас-
плывчатое определение, однако, с нашей точки зрения, здесь
достаточно «рабочего» термина, согласно которому в качестве
«элиты» следует рассматривать группу особенно квалифициро-
ванных и трудоспособных представителей той или иной нацио-
нальности, даже если их абсолютная квалификация была не
очень высокой. Так, например, Конрад Генлейн был «только»
учителем физкультуры. В этом смысле абсолютный уровень об-
разования или глубина коммунистических убеждений абхазских
функционеров не играли решающей роли. Главным здесь было то,
что по этим критериям Эшба и Лакоба относились к абхазской
элите.

Согласно логике рецензента, все без исключения подобные элиты национальных меньшинств в случае внутривнутриполитического конфликта призваны выступить в качестве «пятой колонны» и разрушить при поддержке внешних врагов государственное единство титульной нации. Соответственно, долг титульной нации заключается в том, чтобы ни в коем случае не допустить элиты национальных меньшинств к рулю государственной власти.

Все вышеприведенные примеры отличает практически сталинистская дихотомия: хорошие, демократические титульные нации были преданы «сомнительными» элитами национальных меньшинств. Само собой разумеется, история знает такие случаи. Однако корректная типологическая постановка вопроса требует, чтобы были также приведены совершенно другие примеры, например такие, когда демократическая элита национальных меньшинств в идеале борется против авторитарного угнетения со стороны элит большинства. Но еще больше нам хотелось бы услышать примеры, в которых в принципе отсутствует такое «черно-белое» мышление. Что же, элиты Каталонии, требующие отделения от Испании, находятся на содержании Франции или даже России? Являются ли каталонцы или баски, которые в свое время сражались еще против соратника Гитлера Франко, автоматически менее демократичными, чем центральное правительство Испании?

На самом деле ситуация зачастую является гораздо более сложной, «многоцветной», а политика в духе рецензента, нацеленная на целенаправленное отстранение меньшинств от власти, таит в себе опасность невольно оказать поддержку центробежным силам. Так, например, чехословацкие власти, как сегодня самокритично отмечают чешские историки, упустили в период 1918–1938 гг., а особенно до 1933 г., возможность прийти к соглашению с готовыми к компромиссу – самое позднее начиная с 1925 г. – партиями немецкого меньшинства, такими как DSAP (Deutsche Sozialdemokratische Arbeiterpartei), BdL (Bund der Landwirte), CSV (Christlich-Soziale Volkspartei). Тем самым они смогли лишить социальной базы Немецкую национальную партию (DNP, Deutsche Nationalpartei) и Немецкую национал-социалистическую рабочую партию (DNSAP Deutsche Nationalsozialistische Arbeiterpartei) – предшественниц созданного К. Генлейном «Судетского народного фронта / Партии судетских немцев» (SHF/SdP). Если бы правительство Чехословакии еще до 1933 г. сделало элитам судетских немцев часть тех уступок, которые

оно позднее было вынуждено сделать Генлейну и Гитлеру, то не было бы никакой «пятой колонны» во главе с Генлейном. Впрочем, большая часть этих немецких элит образца 1925–1933 гг. бежала в 1938 г. из страха перед Гитлером и не сотрудничала с нацистами, что по логике рецензента должно было быть почти повсеместным явлением.

А. Даушвили: «Цифровая пропорциональная галиматья» – один из основных недостатков труда. Авторы бесконечно, с надоедливой скрупулезностью считают и пересчитывают проценты, их десятые, сотые доли, сравнивают процент репрессий одной этнической группы с другой, вторую с пятой и так бесконечно. При чтении этого материала невольно приходит мысль, что дело имеем с полным мешком риса, и авторы с немецкой пунктуальностью берут этот рис, взвешивают на медицинских весах, добавляют или убавляют еще какой-то объем. К чему все это?

Это делается потому, что жонглирование процентами дает большой психологический эффект. В труде постоянно фигурируют 29 %, 70 %, 58 %, 80 % – и так бесконечно. Вот, например, разговор идет о 64 % расстрелянных, это наводит страх, а в действительности это 25 человек приблизительно из десяти тысячной диаспоры. Речь идет о 42 % жертв, а на самом деле репрессировано только 24 человека, 82 % репрессированных подразумевает 27 человек из 33. Подобных примеров можно привести много. Иногда авторы так увлекаются игрой с цифрами, сравнениями, прибавлениями и вычитаниями, что при переводе в реальные цифры процент уже подразумевает полтора человека, три человека с четвертинкой и т. д.

По нашему мнению, этот метод неверный, и он не позволяет проникнуть в глубину вопроса. Он меняет характер труда и создает впечатление статистического сборника.

Авторы: *Эти критические замечания мы считаем действительно важными и приводим теперь в рукописи в таких случаях (хотя процентные числа подсчитаны корректно) только сжатые абсолютные данные.*

А. Даушвили: Нельзя оставить без внимания главу «Кандидаты включения: абхазцы и осетины». Авторы касаются весьма болезненной сегодня для грузин проблемы и явно обвиняют нас в гонении абхазов и осетин, утверждают, что грузины использовали 1937 год для притеснения этих этносов, нивелирования их культурной идентичности, гегемонии грузинского этноса.

Это недоказанное обвинение!

Авторы в труде проявляют определенное знание истории Грузии, но это знание часто неточное, одностороннее, в основном зиждется на данных сепаратистской историографии. Их мысли во многих случаях обрадуют представителей абхазского и осетинского сепаратизма, но не всех.

Многим не понравится утверждение авторов, что абхазы являются диаспорой.

Авторы или не знают, или не показывают, что Абхазия – древнейшая грузинская земля, что топонимика на ее территории во многом грузинская (мегрельская или сванская, например Сухуми – Цхуми – рцхила, Бичвинта – пичви и т. д.). Даже сам популярный курорт Сочи – грузинский топоним, на этой территории с незапамятных времен жили грузины вместе с абхазами.

Что касается Средневековья, то Абхазия была одной из основ грузинской феодальной монархии. Ведь неслучайно титул царей единой Грузии начинался так: «Царь абхазов, грузин, ранцев, кахетинцев...» В эпоху Средневековья Абхазия была таким же грузинским регионом, как Картли, Кахетия и т. д.

На тесное единство с грузинами указывает и династия абхазских князей – Шервашидзе, Анчабадзе и др. В Абхазии всегда жили грузины (мегрелы, сваны). Религиозно-культурная жизнь Абхазии основывалась на грузинском языке и грузинском направлении православия.

То, что феодальная разобщенность не является положительным историческим процессом, немцы знают не хуже нас – раздробленная на 30 государств Германия долго пожинала политические и экономические плоды этого разделения.

В отношении Абхазии произошел исторический факт – ослабление единого центра и переселение с Северного Кавказа родственных абхамам адыгейских племен, их смешивание с местным абхазским этносом (ассимиляция) вызвало ослабление культурно-религиозных связей с Грузией. В этом нет ничего удивительного: когда Германия ослабла, Франция легко присоединила Эльзас-Лотарингию с центром Страсбургом, офранцузила и превратила в неотделимую часть своего политического и культурного ареала. Дания присоединила Шлезвиг-Гольштейн, возвращение которого потребовало много крови (это уже в эпоху Бисмарка).

Авторы: Сначала необходимо констатировать: речь идет не об «обвинениях», а об интерпретации установленных фактов. Что же касается остальных пунктов критики рецензента, то

авторы уже дали свой ответ в дискуссии с Д. Гамахарией. Очень коротко авторы вновь хотели бы отметить, что, например, спор о территориальных правах, обусловленных историческим первенством заселения той или иной местности, расценивается ими как праздный и бессмысленный, в том числе в отношении Абхазии, поскольку ко времени русской аннексии в XIX столетии в Абхазии проживали исключительно абхазы, за исключением Самурзакана. Даже если в Абхазии исторически были картвельские поселения, непрерывная линия преемственности не сохранилась. В качестве сравнения здесь можно указать на претензии Израиля к Палестине, которые израильтяне пытаются обосновать исторически, хотя после изгнания евреев римлянами в 132–135 гг. на нынешней территории Палестины не имелось непрерывно существовавших еврейских поселений. Территориальные претензии, имеющие такого рода обоснования, выглядят для нас в высшей степени проблематичными.

Рецензент ставит в вину авторам, что они следуют «историографии сепаратистов», но это не соответствует действительности. У нас сложилось впечатление, что все из написанного нами, что не отвечает толкованию грузинских коллег, таких как А. Даушвили и Д. Гамахария, квалифицируется как «сепаратистское» и «неудовлетворительное».

А. Даушвили: В Абхазии имело место известное историческое явление – с новым этносом осталось старое название, а сама страна уже радикально отличалась от той, которой была в прошлом (прекрасный пример – Египет: его арабское население мир именуется египтянами и считает их наследниками египетской культуры, хотя арабы этнически радикально отличаются от создателей египетской цивилизации. То же самое можно сказать о современном населении Македонии – страна сохранила название, хотя населяют ее этнические славяне).

Сами себя большинство сегодняшних абхазов именуют «апсуа» и стараются отдалиться от сегодняшних грузин, хотя официально заявляют серьезную претензию на культурное наследие Средневековья (см. сайт т. н. президента Абхазии) и даже не хотят понять, что та цивилизация была генетически грузинской.

Авторы книги, по нашему мнению, сознательно не обращаются ко всей истории Абхазии, чтобы упрекнуть грузин в политическом давлении на абхазцев, хотя это не соответствует действительности.

В связи с Абхазией произошло удивительное: абхазцев угнетали, притесняли русские, которые выселили их из родных мест

(махаджирство); русские потопили в крови не одно восстание, называли их «предательской нацией» (этот эпитет официально снял с абхазцев Николай II лишь в 1912 году), запретили жить в городах, пытались сделать их христианами (в Средневековье абхазцы были христианами и подчинялись Мцхетскому Католикосу), но тщетно.

Авторы: *Все эти вопросы бесчисленное количество раз становились предметом обсуждения в ходе грузино-абхазского спора историков. Мы рассматриваем эту дискуссию как контрпродуктивную. Однако «македонский» пример рецензента нам понравился: оценивая сегодняшнюю политику и актуальное отношение Македонии к Болгарии, Албании и Сербии, но в первую очередь – к Греции, необходимо исходить из того факта, что македонцы сегодня являются славянами. Это значит не что иное, как исходить из реальности. Фиксация греков на логике, согласно которой имя «Македония» принадлежит им, является бессмысленной. Должны ли греки выдвинуть теперь территориальные претензии, основываясь на том, что две с половиной тысячи лет назад Македония была заселена греками? Такого рода притязания авторы охарактеризовали бы как полностью абсурдные. Но если таких притязаний не существует, то почему споры вокруг мнимого права собственности на имя должны снова и снова отравлять отношения между двумя народами и государствами – Македонией и Грецией? В Германии имеется масса восточнославянских топонимов. Должны ли на этом основании Польша, Чехия и Словакия запретить Германии использование этих имен собственных, и, ссылаясь на право собственности, вплоть до момента изменения топонимов отказать Германии в нормализации отношений? Эта (в данном случае греческая) одержимость древней историей, а также именами и символами, как нам кажется, является и в Грузии одним из препятствий на пути разрешения конфликта.*

А. Даушвили: Несмотря на все это, у абхазцев сумели развить синдром отчуждения от грузин. В этом виновна не только диверсионная деятельность России, есть и другие обстоятельства, но разговор об этом может завести далеко. Реальность же такова, что в начале XX века значительная часть абхазов отличалась прорусскими настроениями.

Видимо, авторы труда слишком поверхностно знакомы с литературой на эту тему (М. Лордкипанидзе, Д. Мухелишвили, Д. Гамахария, Г. Гогия, Е. Хоштария-Броссе, З. Папаскири, А. Даушви-

ли и др.), в которой даны ответы на многие вопросы. Без знания этого материала невозможно разобраться в происходивших в Абхазии в 30-х годах процессах.

Что касается экспедиции генерала Мазниашвили в Абхазию в 1918 году, этот факт сегодня следует оценить иначе. Когда коммунизм был объявлен благом для мирового развития, а коммунистическое движение – прогрессом, тогда эта операция была объявлена контрреволюционной, карательной, и действия абхазов в этой операции весьма хвалили за явное сотрудничество с большевиками.

Сегодня, когда коммунизм потерпел поражение и объявлен иллюзорной фантазмагорией, можно ли считать отрицательным явлением деятельность грузинского демократического государства, его генерала, направленную на ликвидацию бациллы большевистского, недемократического и неприемлемого для мира политико-экономического режима? Конечно, нет! Во время такой борьбы есть человеческие жертвы, но с современной прогрессивной позиции антибольшевистский поход следует оценить положительно.

Жаль, что авторы книги знакомы с историей Абхазии в основном по обвинительным заключениям и даже не стараются изучить ее более глубоко. Советизация Грузии, в том числе Абхазии, происходила на основе явной агрессии и интервенции со стороны России, естественно, при содействии грузинских большевиков.

Авторы: *Что касается отношения абхазов к русским, то, с нашей точки зрения, необходимо прежде всего задаться вопросом, почему рецензент не замечает и не объясняет парадокса, возникающего в результате сопоставления двух сделанных им корректных утверждений: 1) об изгнании абхазов русскими и крайне враждебном отношении царских органов власти к абхазам и 2) о том, что в это же время, в начале XX века, абхазы были настроены прорусски. Это упущение со стороны рецензента объясняется тем, что в результате массового поселения в Абхазии мингрелов, грузин и сванов, начиная с конца XIX века, абхазы чувствовали себя в большей опасности перед лицом грузинского национализма, а не русского. История этого колониционного движения, учитывая отсутствующую преимущество на уровне поселений, по вышеназванным причинам, очевидно, до сих пор является в Грузии табу.*

А. Даушвили: Для авторов должна быть интересной информация о том, что в Компартии Грузии, органической составляющей

которой был Абхазский обком, было всего три абхаза с партийным стажем до 1917 года. Т. е. ясно, что абхазы не интересовались большевистским движением до Октябрьской революции²⁷. Не интересовались коммунистическим движением и после советизации – в 1926 году в партийной организации Грузии, насчитывающей 14441 человека, было всего 77 абхазов²⁸.

Зато абхазы имели особый политический статус – Абхазскую Советскую Социалистическую Республику, которая была связана с Грузией союзным договором. Авторы труда постоянно подчеркивают этот статус Абхазии, и его ликвидацию в 1931 году считают большой трагедией и этническим гонением со стороны грузин.

Жаль, что у авторов труда не возникает вопрос: почему абхазам была оказана такая особая честь, а огромная Средняя Азия с населением в несколько миллионов человек (казахи, туркмены, узбеки, киргизы, таджики) со статусом автономной республики входила в состав Российской Федерации без какого-либо союзного договора. В таком же положении – в составе РСФСР были Татарская, Чувашская, Калмыцкая, Удмуртская АССР. Фактически в 1921 году для абхазов было сделано неординарное исключение, которое не отвечало коммунистическим законам.

Авторы: *О республиканском статусе Абхазии было уже достаточно много сказано в нашем ответе на критику Д. Гамахариш. Там же мы обсудили исключительный характер присвоения Абхазии статуса советской социалистической республики, который не отвечал реальности. Однако сделанные нами выводы отличаются от выводов рецензента. Этот исключительный статус демонстрирует сильнейшее нежелание абхазов быть «зачисленными» в состав Грузинской ССР. Это нежелание хорошо подтверждается документально. Таким образом, речь шла о бюрократическом компромиссе, в результате чего Абхазия фактически являлась АССР внутри Грузии, но со своими особыми правами, формально же Абхазия обладала несколько неопределенным, но более высоким статусом.*

Экстремальный контраст между Абхазией и Средней Азией, который рисует рецензент, затушевывает тот факт, что, например, армяне и азербайджанцы, а также и грузины получили для своих республик статус союзных и тем самым также ранжировались гораздо выше, чем те миллионы жителей Средней Азии, которых он называет. «Статусные» вопросы в общем и целом очень сложны, а отдельные примеры, которые приводит

рецензент, являются спорными. Так, Калмыкия получила статус автономной республики только в 1935 г., до этого, начиная с 1920 г., она была автономной областью (АО).

А. Даушвили: Сами абхазские коммунистические лидеры на съездах Компартии Грузии публично заявляли, что это было только временное «название» – без реального политического значения²⁹. О какой независимости можно было говорить в 1921 году, когда большевики готовились к «мировой пролетарской революции», когда весь мир должен был объединиться в одну пролетарскую республику.

Уважаемые авторы должны знать, что в советской системе Коммунистическая партия полностью узурпировала власть и владела ею безраздельно. Независимость советских союзных республик (не говоря об автономных республиках и областях) была фикцией, не имела реального содержания. Все зависело от верховных решений и циркуляров руководящих партийных органов. Коммунисты это и не скрывали. Вот какое постановление принял один из их съездов: «Все решения Российской коммунистической партии и ее руководящих учреждений обязательны для выполнения всех частей партий, несмотря на их национальный состав. Центральные комитеты украинских, литовских коммунистов пользуются правами обкомов партии и полностью подчиняются ЦК партии»³⁰.

Совершенно ясно, что независимость не только Абхазии, но и всех союзных республик была фикцией, а в отношении Абхазии следует отметить и то, что абхазская партийная организация изначально входила в состав Компартии Грузии как ее региональная организация и называлась обкомом (а не Компартией Абхазии). Поэтому правы те грузинские историки, которые утверждают, что Абхазия с самого начала фактически владела статусом автономной республики, что формально было закреплено в 1931 году.

Что было проблемой в Абхазии? Наши коллеги не знакомы глубоко с историей Абхазии 20–30-х годов, архивными документами, стенограммами партийных съездов и конференций. В те годы главной проблемой в Абхазии было равноправие. На партийных собраниях, съездах постоянно рассуждали о том, что абхазы всегда старались установить национальное правление и мешали представителям других народов, живущим в регионе, занять руководящие должности. Весь указанный период характеризуется интенсивными внутрипартийными прениями между «компромиссным» и «справедливым» направлениями. Первые требо-

вали компромиссов, уступок для абхазов, вторые – равенства и справедливости³¹.

Авторы: *В условиях терпимого отношения или даже при поддержке царских властей, а начиная с 1937 г. – органов советской власти, осуществлялось массовое переселение грузин в Абхазию, которые в результате этого, а также благодаря ассимиляционным процессам стали, уже начиная с 1920-х годов, самой многочисленной группой в республике, гораздо более многочисленной, чем сами абхазы. Похожие переселенческие колонизационные процессы наблюдались во многих регионах Советского Союза, прежде всего в РСФСР, где русские в 1920-е годы стали составлять большинство, или даже подавляющее большинство. Речь в первую очередь идет об областях, в которых ранее доминировали финны или другие этнические группы (угорские народы, турки, народы Крайнего Севера, а также палеоазиаты). Тем не менее все эти группы были признаны советской властью автохтонным «коренным» населением и пользовались определенными привилегиями. Канадский историк Терри Мартин по причине такого предоставления квотированных привилегий характеризовал Советский Союз этого времени как affirmative action empire, что можно перевести как «империя позитивной дискриминации» национальных меньшинств. Таким образом, эта политика «позитивной дискриминации» не ограничивалась только абхазами.*

Если бы в Латвии и Эстонии после 1991 г. в течение еще 20 или 30 лет сохранялась имевшая место демографическая динамика и Советский Союз распался бы только в 2021 г., то, без сомнения, русские составляли бы тогда большинство населения Латвии и Эстонии. Тогда бы русская историография смогла бы, как и наш рецензент, потребовать «равноправия». Этнотопосы, которые стали доминирующими на «чуждой» территории в результате миграционной колонизационной политики, управляемой государством, обладают, с нашей точки зрения, лишь ограниченной легитимностью. США, Канада, Австралия и Новая Зеландия отдают должное этому ограничению легитимности, предоставляя коренным жителям серьезные привилегии во многих сферах, в том числе территориальные.

А. Даушвили: Откуда шло чувство недостатка справедливости? Это ясно видно из некоторых статистических данных. В 1923 году в абхазской коммунистической организации было только 39 коммунистов-абхазов, грузин было 157, русских – 136, армян – 18³².

В составе рабочего класса Абхазии было всего 165 абхазов (2,6 %), 1382 грузин (21,5 %) и представителей всех остальных национальностей. В кустарно-ремесленном производстве абхазское представительство составили 2 человека (0,03 %), на железнодорожном транспорте не работал ни один абхаз и т. д.³³ Таким образом, материальные блага в этих сферах абхазы не создавали, здесь работали только представители других народов.

Зато в органах управления они занимали все руководящие должности: они были в руководстве областных и районных учреждений, руководили складами и крупными магазинами, управляли финансовыми организациями, курортной инфраструктурой и т. д. А «кому многое дано, с того и спрос большой!» Именно поэтому сравнительно высокий процент абхазов среди репрессированных. Разобраться в этом можно лишь при скрупулезном изучении дел репрессированных, а процентно-арифметические упражнения авторов труда не проясняют этого вопроса.

Авторы: *Если мы правильно поняли, аргументация рецензента сводится к тому, что абхазы (по причине своего привилегированного положения) были в большом числе представлены в составе элиты и соответствующим образом оказались подвержены сверхпропорциональным репрессиям. Однако, согласно нашим данным, массовые репрессии затронули не столько абхазские элиты, сколько простое абхазское население, в первую очередь крестьян.*

А. Даушвили: Ситуация, сложившаяся в Абхазии, раздражала как грузин, так и русских, армян. Они требовали равноправия. Об этом много раз спорили на партийных съездах и пленумах³⁴. Но положение не менялось. При попустительстве центральной власти Грузии в Абхазии постепенно усиливалась этнократия, что имело отрицательные последствия – местное неабхазское население, стремясь получить привилегии, льготы, кредиты, должности, записывались абхазами. Об этом тоже неоднократно шел разговор на партийных форумах.

Поэтому авторы, говоря об «особом прогрессе абхазов» в деле «формирования нации», что якобы вызвало раздражение грузин, должны знать, что в социально-культурное развитие Абхазии грузины, русские и армяне вносили больший вклад, чем этнические абхазы. А что касается культурной жизни, то тут была значительной и решающей помощью центральной власти Грузии – Абхазия финансировалась из бюджета Грузии.

Авторам неизвестно и то, что в соответствии с советскими идеологическими догмами абхазы, осетины и этносы этой категории были не «нациями», а «национальностями», т. е. по советской табели о рангах стояли на ступеньку ниже и, исходя из этого, должны были иметь меньше претензий. Их необоснованные претензии не понравились бы центральной власти Москвы, которая в своей федерации объединила под статусом «национальность» гораздо более крупные и сильные, чем абхазы, этносы – удмуртов, башкир, татар.

Авторы: *И здесь ситуация с абхазами совершенно не отличается от ситуации с национальными меньшинствами Ленинградской области, Карелии, Волги, Урала, Сибири и Крайнего Севера, равно как и Северного Кавказа. Эти крайне отсталые национальные меньшинства, вдвойне угнетаемые в Российской империи, обладали слабыми элитами, которые после 1917 г. в качестве компенсации особенно поддерживались Москвой.*

А. Даушвили: Именно о будущем Российской Федерации думала Москва, когда в 1931 году статус Абхазии сделала реальным и определила на уровне других аналогичных автономных республик в составе РСФСР. Историки-сепаратисты не смогут привести ни одного аргумента, объяснявшего бы то, почему малочисленный, не очень трудолюбивый, ничего не сделавший на протяжении целого позднего Средневековья малоцивилизованный народ (который не вел городского образа жизни, у которого уже почти отсутствовала религиозная жизнь, без образования, художественной литературы – имелся лишь фольклор), получил такую особую привилегию.

Авторы: *Стереотипы такого рода являются расхожим местом расистской литературы. Так, в южных штатах США многочисленные авторы охотно рассуждали на тему того, что афроамериканцы малообразованны, однако одновременно умалчивалось о том, что власти выделяли на образование отдельно взятого черного школьника мизерную долю от тех средств, что шли на воспитание белого ребенка. В целом же указание на мнимое бескультурье и само собой разумеющуюся отсталость этнических групп является весьма проблематичным. Равные права в смысле предоставления равных шансов сегодня во всех западных государствах заключаются в том, чтобы предоставить все возможности участия в жизни общества исторически дискриминируемым группам, в том числе даже путем выделения квот.*

А. Даушвили: Изменение статуса, конечно, с подачи националистически настроенной бюрократии, вызвало выступление крестьян в Гудауте в 1931 году. Во время этих выступлений прозвучала проблема переселения в Турцию и налаживания связей с Турцией, что не осталось без внимания советских спецслужб. Они вспомнили действия абхазов во время российско-турецких войн в XIX веке и решили поселить в этой части черноморского побережья представителей более лояльных этносов (что было осуществлено с учетом интересов Москвы).

Авторы: *Здесь, как и ранее, демонстрируется амбивалентность российско-абхазских отношений. Если абхазы якобы играли в Грузии роль «пятой колонны» Москвы, то почему они вдруг стали менее лояльными в отношении Москвы, чем, например, сами грузины? Как и выше, в отношении «поздней» Российской империи, наблюдение рецензента является правильным, но его выводы представляются весьма спорными.*

А. Даушвили: Что касается вопроса предложения абхамам грузинского алфавита, об этом в Грузии имеется много работ, и авторы не знакомы ни с одной из них (см. исследования проф. Т. Гванцеладзе).

Если абхазы являются потомками тех старых абхазов (что так рьяно утверждают историки-сепаратисты), которые в Средневековья использовали грузинский алфавит, почему не должны использовать тот же алфавит в XIX веке, ведь грузинский алфавит лучше отражает абхазский языковой феномен, чем славянская кириллица?

Авторы: *Грузинский шрифт действительно гораздо лучше подходит для абхазской письменности, чем кириллица. Если абхазское население отклонило его, то из оправданной боязни перед связанной с этим тенденцией грузинизации, которая позднее нашла свое явное выражение в закрытии абхазских школ. В общем и целом здесь, как и в вопросах о расселении и о «равноправии», рецензентом игнорируется колониальный аспект грузино-абхазских отношений. Объективные лингвистические критерии играли в вопросе о выборе письменности второстепенную роль.*

А. Даушвили: К сожалению, такими же ошибочными являются выводы авторов о проживающих в Грузии осетинах и о грузино-осетинских взаимоотношениях. Разговор об осетинах и других этносах заводит очень далеко. Мы можем предложить вполне убедительные контраргументы в отношении выводов обо всех этносах, отдельно рассмотренных авторами рецензируемой книги,

но формат рецензии не дает такой возможности. Авторам советуем внимательно ознакомиться с совместным коллективным трудом грузинских историков, антропологов, социологов и демографов «Некоторые вопросы истории осетин Шида Картли» (Тбилиси, 2010); «Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии», «Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии».

Авторы: *Несмотря на все различия – осетины, в отличие от абхазов, действительно являются переселенцами с Северного Кавказа – ситуация с осетинами была примерно такой же, как и в случае с абхазами. Рецензент прав в том отношении, что авторам действительно в недостаточной степени известна литература грузинских авторов по данному вопросу. Но хотелось бы также отметить, что «произведенная» в Грузии литература – например А. Totadze – носит зачастую отчетливо выраженный апологетический характер³⁵. Речь в ней идет о том, чтобы поставить под вопрос легитимность осетин в Грузии, и в этом смысле подбираются и интерпретируются все документальные источники. Соответственно, международная историография в малой степени уделяет внимание этой литературе. Конечно же, упоминая об этом, мы не оспариваем огульно качество и значение всей грузинской историографии. Так, например, в Грузии на очень высоком уровне находится социальная история. Однако у нас сложилось впечатление, что именно некоторые грузинские ученые, занимающиеся национальными меньшинствами, никак не могут выбраться из политического руслу.*

А. Даушвили: Авторы рецензируемой книги при рассмотрении межнациональных отношений в Грузии впадают в недопустимый субъективизм. Мы уже выше отмечали, что авторов не интересуют межнациональные отношения. Из их труда следует, что один этнос в Грузии охотился за другим, они ненавидели друг друга, ставили ловушки.

У авторов не возникает вопроса: почему в Грузии жили представители 119 этносов? Их приход, поселение, адаптация происходили по желанию грузин, исходя из интересов грузин? Есть еще страна, где жили бы представители стольких этносов на такой малой территории?

Авторы: *Здесь надо ответить двояким образом. Во-первых, дать следующий ответ на последний вопрос рецензента, который тот задал риторически: «Да, конечно же, таких стран много». Так, например, все бывшие советские республики имеют в*

составе своего народонаселения похожее число национальных меньшинств. Кстати, каково происхождение числа «119»? Насколько многочисленной была/является последняя по счету, 119-я этническая группа? Очевидно, что группы такого размера имеются также и в других постсоветских республиках, в том числе очень маленьких – например, в Эстонии, Латвии, Киргизии и Туркмении, как свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи 1989 г. Даже отдельные области России имеют схожее этническое многообразие, не говоря уже обо всех современных мегаполисах – Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине, – которые демонстрируют еще большую этническую пестроту, чем было здесь указано.

Во-вторых, следует поставить вопрос, насколько важен такой чисто статистический ракурс рассмотрения этнического многообразия для фактического обустройства жизнедеятельности национальных меньшинств. Критерием мультинационального государства является не столько количество национальных меньшинств, и даже не общая численность их представителей, сколько обращение государства с этими меньшинствами, их адаптация к структурам общества и государства.

А. Даушвили: Здесь проявляется поверхностное знание авторами истории Грузии. С позднего Средневековья Грузия боролась за сохранение своей территории и своего народа, что оказалась весьма трудной задачей в условиях феодальной разобщенности. Были потеряны территории, была физически уничтожена значительная часть населения, многие сменили религию.

Грузия входила в состав империи. И правительство империи, исходя из своих желаний и интересов, в Квемо-Картли поселило немцев, в Абхазию – эстонцев, в Ахалкалаки – армян, в Цалку – греков, по всей стране – русских. Например, в 1801 году в Тбилиси проживала лишь одна русская семья, а к концу века количество русских составило 31 процент населения (приблизительно до 45 тысяч)³⁶. Ведь это явная демографическая диверсия.

Здесь же замечу, что авторы Тбилиси называют армянским городом и уверяют, что в нем армяне составляли 70 % населения.

Это неверно, это обман читателя; к концу XIX века доля армян в населении Тбилиси составила 31,1 %, а грузин – 26 %³⁷. Низкая доля грузин объясняется двумя обстоятельствами: в 1795 году после сокрушительного вторжения Ага Махмад Хана грузинское население Тбилиси было либо физически уничтожено, либо ушло из города. После этого имперская власть России сде-

лала Тбилиси столицей Кавказского наместника и способствовала поселению в Тбилиси представителей преданной ей армянской буржуазии.

Авторы: *Здесь действительно авторы допустили в подсчетах досадную ошибку, которая была устранена. Доля армян в составе населения Тифлиса (Тбилиси) составляла 74,3 % в 1801 г., в 1865 г. она снизилась до 40,1 % (для сравнения – доля грузин составляла 20,9 %), в 1876 возросла до 36,2 %. В 1897 г. доля армян все еще составляла высокие 29,5 % (для сравнения: доля грузин, то есть всех картвелов, составляла 25,8 %). Здесь также стоит отметить, что в ходе переписи 1897 г. учитывался язык, а не национальность. В результате 3798 человек «армяно-григориан» и 44 человека «армяно-католиков», у которых родным языком был грузинский, необходимо однозначно отнести к армянам. Таким образом, цифры следовало бы корректировать: армяне – 50975 человек (31,9 %) и грузины – 37309 человек (23,4 %).*

Этот пример еще раз наглядно показывает, что неправомерно выдвигать претензии, обусловленные только историческими прецедентами. Конечно же, исторически Тбилиси был городом, населенным грузинами, и не может быть и речи о территориальных притязаниях армян на Тбилиси. Тем не менее весь 19-й век армяне доминировали в демографической сфере мультинационального Тбилиси, не говоря уже о социально-экономической области, и это доминирование, хотя и в сокращающихся масштабах, продолжалось также в XX веке. Как в свое время присутствие армянских купцов пошло на пользу царям Картли-Кахетии, так и для Тбилиси армянская «буржуазия» стала продуктивным фактором.

А. Даушвили: *Нельзя без возмущения отметить, что авторы проявляют полное незнание грузино-еврейских отношений, видят какой-то след антисемитизма в репрессиях против евреев. Объявление грузин антисемитами – это самое несправедливое обвинение в упомянутой книге. 2600-летняя история грузино-еврейских отношений не знает ни одного факта погрома евреев. Об этом было особо сказано на Первом мировом конгрессе евреев в XIX веке. Это великое завоевание грузинского народа.*

Авторы: *Речь здесь идет не о погроме, а о репрессиях, превосходящих средний уровень. При всей высокой оценке многолетней совместной жизни грузин и евреев необходимо остерегаться ее идеализации. Так, в Грузии имелись и серьезные проблемы, которые нельзя свести только к директивам Москвы или антисе-*

митизму мигрантов из числа восточных славян³⁸. Речь здесь идет не о том, чтобы обвинять грузинскую сторону в антисемитизме, а о том, чтобы охарактеризовать как вредное огульное исключение самой возможности антисемитизма в Грузии в качестве научной истины.

А. Даушвили: Авторы должны знать, что власти России искусственно «запестрили» Грузию. Грузинские историки это называли «демографической экспансией». Новые поселенцы считали себя в долгу не перед грузинами, на земле которых поселились, а перед русскими. Отсюда шло полное игнорирование грузинской культуры, письменности. Известно, что приехавшие в Грузию русские, которые поколениями жили рядом с грузинами, не владели грузинским языком даже на элементарном бытовом уровне.

Авторы употребляют выражение «обделенные нации». Эта фраза еще раз указывает, что авторы глубоко не знают эпоху. Если бы они изучили протоколы заседания и постановления бюро ЦК КП Грузии, удивились бы количеству рассмотренных в течение года проблем осетин, абхазов, ахалцихских татар, греков, евреев, лазов и других³⁹.

В 20-х годах XX века были открыты школы: армянские – 189, турецкие – 90, русские – 89, осетинские – 116 (во времена Российской империи в Грузии не было ни одной осетинской школы), греческие – 166, абхазские – 57, еврейские – 5, ассирийские – 2, немецкие – 13, курдская – 1.

Представители разных этносов были активно вовлечены в народное хозяйство республики, на фабриках и заводах создавали интернациональные бригады, формировались интернациональные семьи, крепла дружба между народами как до 1937 года, так и после.

Должен подчеркнуть: по конституции советской Грузии грузинский язык провозглашался государственным языком, его пытались внедрить повсеместно, но тщетно. Существование Советского Союза, господствующее положение русского языка не позволяли осуществлять одно из основных требований конституции.

В мире нет ни одного уважающего себя государства, в котором жили бы представители другого этноса, не владеющие государственным языком, не знающие его истории – основного культурного достижения страны-хозяина. Это необходимо не только государству, но и самим представителям этноса, чтобы активно включиться в политические, социальные, экономические и куль-

турные процессы. Идеалом межнациональных отношений для социал-демократии всегда была Америка, где законы экономического развития крепко сплотили общество, сделали его монолитным. В Америке итальянец, поляк, немец, француз, мексиканец, грек и африканский негр может достичь социального успеха лишь на основе американской школы. Без этого успех невозможен. Несмотря на это до 60-х годов XX века у них были серьезные проблемы с неграми (деятельность Мартина Лютера Kinga).

Мы далеки от мысли, что в 30-е годы XX века в Грузии все было замечательно в сфере межнациональных отношений. Но разве все было хорошо для самих грузин? Кто считался с их пожеланиями и интересами? Ведь все делалось в соответствии с принципами международного пролетарского интернационализма, и попытки воспротивиться этому карались сурово.

Таким образом, межнациональные отношения относятся к сложнейшей сфере, а авторы этот процесс представляют весьма односторонне и просто.

Авторы: *Авторы согласны с рецензентом в том, что желания и интересы грузинского населения также не учитывались в политике 1930-х годов. Мы поддерживаем и его утверждение о том, что межнациональные отношения являются сложной комплексной темой. И все же авторы и здесь видят двоякую тенденцию: во-первых, управлявшаяся «русскими» (читай – «центром») миграционная политика, нацеленная на переселение русских в Грузию, была слабой и непоследовательной как в царское, так и в советское время. Помимо этого, миграции преимущественно затрагивали пограничные области Грузии, такие как Абхазия, и переселялись непривилегированные группы населения, причем переселение служило мерой наказания, как показывает история переселения т. н. «сектантов» при Николае I. В советское же время миграция сводилась к переселению русских, украинцев и т. д. в Тбилиси и другие большие города, где они были лишены возможности выступать с какими-либо территориальными претензиями или служить в качестве «пятой колонны» для такого рода притязаний.*

Во-вторых, рецензент сам указал на то, что межнациональные отношения в Грузии в 1930-е годы ни в коем случае не были безоблачными. Его перечисление школ, открытых для национальных меньшинств, тенденциозно скрывает тот факт, что эти школы появились в результате политики московского центра, которая саботировалась Тбилиси, если предоставлялась такая возможность.

А. Даушвили: Не считаю методически оправданным изучение репрессий 1937–1938 годов по республикам. Этим процессом полностью управляли московские спецслужбы, руководили московские бюрократы, циркуляры направлялись из Москвы. «*сталинские списки*» посылали из Москвы, итогов ждали в Москве, большая часть репрессированных (спецконтингент – дешевая рабочая сила) направлялась в российскую тайгу, на Дальний Восток и Колыму – для создания новых индустриальных центров. Республиканские организации были слепыми исполнителями московской воли.

Авторы: *В масштабах всего Советского Союза нельзя огульно отождествлять массовые репрессии с репрессиями согласно «сталинским спискам». Репрессии по «сталинским спискам» были направлены против партийно-советских элит, которые осуждались, как правило, на выездных сессиях Военной коллегии Верховного Суда СССР, то есть органа центральной союзной власти. В свою очередь массовые репрессии, когда жертвы осуждались тройками и двойками, осуществлялись в условиях передачи значительной части карательных полномочий от центра периферии (республикам, краям, областям). Такой трансфер власти был необходим, учитывая систематический способ функционирования внесудебных органов и большие количества репрессируемых. Однако именно в этом отношении Грузия представляла собой абсолютное исключение, поскольку начиная с октября 1937 г. даже жертвы «сталинских списков» осуждались здесь «кулацкой» тройкой, классическим внесудебным карательным органом реализации массовых репрессий (см. главу «Регионализация карательных полномочий» в настоящей книге).*

А. Даушвили: Не можем согласиться с мнением авторов, изложенным в заключительных частях. В конце 30-х годов в Грузии не было «гробовой тишины». Страна, несмотря на трагические явления, жила творческой жизнью: были написаны прекрасные книги, развивалась профессиональная музыка, работали театры (функционировало 48 профессиональных театров, а сегодня их можно по пальцам сосчитать), кинотеатры были наполнены зрителями (тогда были сотни кинотеатров, сейчас их в Тбилиси только 3 или 4); многонациональное население Грузии активно трудилось (в 1940 г. Грузия впервые выполнила государственный план по всем параметрам); люди отдыхали на курортах (Грузия к этому времени уже стала одним из главных всесоюзных центров отдыха); для детей работали Дворцы пионеров и школьников,

почти при всех заводах и фабриках были дворцы культуры со многими самодеятельными кружками. Угнетенный, находящийся в «гробовой тишине» народ не смог бы одержать победу мирового исторического значения (9 мая 1945 г.). Грузины и многонациональное население Грузии внесли в это весомый вклад, что было бы совершенно невозможным, если бы в Грузии сложилась та социально-политическая и межнациональная ситуация, о которой так упорно твердят нам немецкие историки.

Что касается заключительной главы – «Конец национального цирка», то она не вытекает из того материала, который пытаются подытожить авторы. Грузия не представляла собой «национальный цирк» – был накоплен уникальный опыт взаимоотношений между народами – традиционная толерантность, выдержавшая столетия.

То, что в стране способны совместно жить представители 119 национальностей, это «цирк» или высшее проявление толерантности? Мы предлагаем немецким коллегам совместное изучение именно этой толерантности.

Авторы: *Здесь действительно имеются точки соприкосновения наших позиций. Исторически в Грузии, как и в остальной Восточной и Центральной Европе, как правило, имела место толерантная, частично основанная на разделении труда, симбиотическая совместная жизнь различных наций. Грузия во многих отношениях может выступать в качестве общепризнанного примера такого мирного сосуществования народов. Сталинская политика в том виде, в каком она централизованно претворялась в жизнь кланом Берии, была в своей значительной мере нацелена как раз на ограничение, даже на разрушение имевшейся межэтнической толерантности и солидарности, и на самом деле нанесла тяжелый урон этой, хотя и не абсолютной, но относительной гармонии (имелись также негативные аспекты).*

А. Даушвили: Авторы труда должны глубоко изучить историю Грузии, прежде чем высказывать мнение о драматическом периоде ее прошлого. Допустим, что все то, что уважаемые авторы ставят в вину правительству Грузии, является правдой, и грузины действительно применяли репрессии для укрепления грузинского этноса, усиления процесса национальной консолидации, насильственной ассимиляции других этносов, их порабощения – где же итог? Где конкретный итог таких трагических явлений – разве в Грузии завершился процесс национальной консолидации? Хоть чуть-чуть продвинулся процесс национальной консолидации в Грузии? Искоренились сепаратистские тенденции?

Ясно, что ни одна волна репрессий (ни первая, ни вторая) не решила эти вопросы. Причиной является то, что репрессии были осуществлены не против диаспор (как это утверждают уважаемые авторы), а против отдельных представителей диаспор (что утверждаю я), и это явление не перешло «критический рубеж» и не повлекло качественных изменений.

Именно поэтому потеряно 20 % территории Грузии, и именно поэтому новое правительство Грузии пытается (хотя весьма слабо) сделать так, чтобы произошла социально-экономическая и культурная активизация многонационального населения Грузии, чтобы достижения прогресса были одинаково доступны все живущим в Грузии этносам. Надеемся, что эти мечты сбудутся.

Авторы: *Авторы могут только разделить эти надежды рецензента. И авторы хотели бы здесь еще раз настоятельно подчеркнуть, что они не рассматривают массовые репрессии в Грузии как карательные акции, направленные этническими грузинами против абхазов и прочих национальных меньшинств. Нет, авторы полагают, что им удалось доказать, что в рамках Большого террора в Грузии разные национальные меньшинства преследовались с разной степенью интенсивности. В результате они пытаются найти адекватные причины этого явления.*

А. Даушвили: Что касается других частей двухтомника, то в их адрес критики меньше. Какие могут быть замечания к документам и таблицам? Хотя общее стремление авторов, тон пояснительных записок и замечаний явно указывают: целью авторов является доказать всему миру, что весной 1945 года авторы и англичане должны были бомбить не Берлин и Дрезден, а города мирового шовинизма, нацизма, угнетателей 119 этносов – города грузин, Тбилиси и Кутаиси, чтобы больше никогда не было слышно имени нации, так бессовестно угнетавшей маленькие беспомощные диаспоры...

Авторы: *Такое болезненное восприятие якобы присутствующей в тексте идентификации грузинского народа с национал-социалистическим режимом лишено каких-либо оснований.*

А. Даушвили: Хотя все же желательно, чтобы во время публикаций авторы представляли материал не о случайных, незначительных людях (некие Берашвили, Скобелев и т. д.), а о более достойных и заслуженных деятелях: об известном дирижере Евгении Микеладзе, великом писателе Тициане Табидзе, известном партийном деятеле Мамии Орахелашвили и многих других.

Авторы: *Замысел авторов как раз и заключался в том, чтобы сконцентрировать внимание именно на «маленьких», «незначительных» людях. Речь в нашей книге идет не столько о сравнительно хорошо изученных репрессиях в отношении элит, сколько о типичных жертвах массовых операций НКВД.*

А. Даушвили: Что касается документа № 298, секретного письма Л. Берии Сталину, этот документ я обнаружил еще в 90-х годах XX века, опубликовал его содержание в моей монографии «Тбилиси-1937» (Тбилиси, 1997), а полностью документ с соответствующим анализом опубликовал в 2001 году в журнале «Анналы», № 1, с. 96. Там же и резюме на русском и английском языках. Материалы этого документа использованы в грузинской (2012 г.) и английской (Нью-Йорк, издательство «Нова», 2012 г.) публикациях однотомника «История Грузии», там же воспроизведен титульный лист письма. Авторы фактически игнорируют мое открытие и мою публикацию, что не коллегиально.

Авторы: *Авторы благодарят рецензента за эту информацию и внесут соответствующие исправления в текст монографии.*

Заключение А. Даушвили: Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что:

1. Перед нами довольно объемная работа, проведенная поспешно и весьма тенденциозно.

2. Авторы могли бы избежать досадных ошибок, если бы с самого начала обратились в соответствующие структуры Академии наук Грузии, к тем грузинским ученым, которые работают над этими проблемами уже много лет.

3. Заключительные главы не подтверждают тех идей, которые авторы пытаются навязать читателям. Никаких массовых репрессий, террора и геноцида в отношении диаспор в Грузии не было, осуществленные в отношении всего населения Грузии репрессии не превышают (по расчетам самих же авторов) 1–2 процентов, что исключает их массовый характер. Поэтому надо изменить название труда (если он вообще будет издан в печатном виде) – «Маленькие репрессии в маленькой кавказской республике».

4. Из труда видно, что циркуляры для осуществленных в Грузии репрессий полностью поступали из Москвы (Наркомат внутренних дел, за подписью Ежова) и полностью соответствовали интересам центра (выявление и нейтрализация «пятой колонны» в элитах диаспор и обеспечение дешевой рабочей силы для гигантских строительных Дальнего Востока). Местные карательные

органы («советская карательная бюрократия», а не «грузинская карательная бюрократия») не проявляли частную инициативу, не придавали репрессиям какой-либо этнический оттенок – авторы не смогли обосновать это, не привели в доказательство постановления ЦК КП(б) Грузии, решения ЦИК Грузии или циркуляры.

5. Из труда следует, что репрессии проведены по принципу «от всех понемножку». Репрессии в Грузии, как и в союзном масштабе, выполнили основную задачу – добиться лояльности и единства общества и обеспечить советскую индустрию дешевой рабочей силой для Дальнего Востока (Колыма, Норильск, Сибирь и т. д.). Это в значительной мере обеспечило быстрое социально-экономическое развитие весьма важных регионов.

6. Труд создан не на основе объективных архивных материалов, а является плодом фантомно-априорного мышления авторов, к которому подобраны (в подтверждение) добытые в архивах примеры.

7. Следует вообще изъять из расчетов данные «милицейской» тройки (бездомные, проститутки, деклассированные элементы и т. д.), поскольку они не имеют отношения к теме и представляют простую манипуляцию в руках недобросовестных авторов («криминал не знает национальности»).

8. По нашему мнению, также следует изъять данные о членах и кандидатах в члены партии, комсомольцах. Они сами были членами той партии, устав которой, писанные и неписанные законы которой требовали от них «революционной бдительности», выявления «врагов народа», разоблачения зарубежной агентурной сети. Они по своему желанию становились членами этой партии и этим расписывались под приговором в свой адрес. Они боролись с «другими», против них боролись «другие» – разоблачали, доносили, критиковали (мы это хорошо видели на примере немецких рабочих).

9. Труд явно пропитан духом тенденциозности, что продиктовано неофашистско-реваншистской идеологией.

10. Публикация труда в представленном виде и его массовое распространение нецелесообразно, поскольку несомненно вызовет волнения среди населения Грузии.

11. Труд не может содействовать дальнейшему развитию и укреплению прекрасных до сегодняшнего дня грузино-немецких отношений.

12. Публикация труда не отвечает интересам немецкого народа – ему достаточно своего опыта; публикация труда не отвечает

интересам грузинского народа – труд является ошибочным и необъективным. В публикации труда может быть заинтересован лишь один человек с Севера и его политическая команда, всеми средствами пытающаяся воспрепятствовать стремлению к Западу – свободному миру для постсоветских государств, в том числе Грузии.

Проф. Александр Даушвили.

Резюме авторов: *Авторы не могут всерьез обсуждать выдвинутое в их адрес обвинение в пропаганде неофашистско-реванистской идеологии. Это обвинение, которое не подкреплено какими-либо разумными аргументами, местами присутствует в тексте дискуссии в завуалированном виде и вдруг совершенно неожиданно и открыто высказывается рецензентом в ее конце. Напротив, немецкие авторы настаивают на своей, как они полагают, вполне обоснованной точке зрения, согласно которой влиятельные представители грузинской историографии, такие как Александр Даушвили, несмотря на обнадеживающие признаки, продолжают в своем отношении к национальным меньшинствам оставаться в плену шаблонов национализма и даже расизма, имеющих частично как досоветские, но также и советские корни. Грузинский национализм, без сомнения, заслуживает тщательного анализа. Его отождествление с тем фанатичным национализмом, который исторически, шаг за шагом, охватил в свое время европейские страны и, не в последнюю очередь, Германию, едва ли уместно. Однако также вне всякого сомнения остается тот факт, что национализм был и остается, хотя и не единственной, но крайне важной причиной как политических, так и кровавых этнических конфликтов на постсоветском Кавказе, а также непосредственно в Грузии⁴⁰. Длившееся десятилетиями мирное сосуществование и даже межнациональное сотрудничество, на которое ссылается рецензент, не исключает самых бурных проявлений национализма, которые тяжело поддаются рациональному объяснению. Это правило действует не только применительно к Грузии. Наглядным подтверждением является история бывшей Югославии. Не все, в том числе грузины, обречены быть националистами, даже если национализм является доминирующим политическим течением. Влияние доморожденного национализма зависит от разных факторов, не в последнюю очередь от национализма других народов,*

от политической конъюнктуры и от внешних влияний, как это было с влиянием России в случае абхазо-грузинского конфликта. И даже если национальные устремления в конечном итоге получают свое удовлетворение, это еще не означает, что тем самым будут устранены социальные, экономические и прочие причины, лежащие в их основании. Авторы ни в коем случае не рассматривают грузинский случай как безнадежный⁴¹. Однако идеализация собственного прошлого является несомненной приметой национализма, и даже если аргументация рецензента рисует нам в некоторой степени симпатичный облик грузинского национализма, такой подход не помогает его изжить и не облагораживает его политические последствия. Парадная картина культурного расцвета наций в советское время в Грузии, которую рисует рецензент, мешает трезвому анализу прошлого. Поразительно амбивалентная и отчасти противоречивая оценка советского периода в истории Грузии возможно объясняется также спецификой персональной социализации рецензента. По меньшей мере удивляет и даже поражает та непринужденность, с которой он оценивает вполне допустимым внесудебное осуждение 1–2 % грузинского населения в течение 16 месяцев. Ведь в конце концов, «нормальные» по советским меркам кампании по борьбе с преступностью, а также с «врагами народа» и т. п. собирали куда как более обильный «урожай» жертв.

Что же касается исторически обусловленной аргументации, к которой особенно охотно прибегает А. Даушвили, ссылаясь порой на очень старые исторические прецеденты (истинные или ложные), то для нас такого рода аргументация не может послужить базисом для взаимопонимания. Как мы уже неоднократно подчеркивали, для нас речь идет не о том, чтобы принять ту или иную сторону в актуальном конфликте. Тем не менее именно критическое отношение к истории, а не ее идеализация кажется нам весьма эффективным инструментом, содействующим упрочению грузинского государства и грузинского общества. Сила Запада, частью которого чувствуют себя очень многие жители Грузии, равно как и его контраст с сегодняшней Россией, заключается, в частности, также в том, что государство и гражданское общество предоставляют национальным меньшинствам возможность участия не только в духе пассивной толерантности, как это было в предыдущие десятилетия, но и в духе активного поощрения и уважения. Грузия, с нашей точки зрения, сравнительно далеко продвинулась в этом же на-

правления, как и в целом в области демократии, плюрализма и развития структур гражданского общества. Но усилия в этом направлении необходимо прилагать снова и снова.

Марк Юнге, Даниель Мюллер, Бернд Бонвеч

Перевод с немецкого на русский: Андрей Савин

Перевод с грузинского на русский: Тато Луарсабшвили

3. Нравственное осуждение vs. обмен аргументами

Группа Р. Метревели: Руководством Архива Министерства внутренних дел Грузии в начале сентября 2014 года передана Грузинскому университету им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии для рецензирования работа немецких авторов – М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха, которая называется «Этнос и террор». Согласно с проведенной в ней мыслью, большевистские, либо коммунистические, репрессии в Грузии осуществлялись по этническому признаку; изложено мнение, что от грузин целенаправленно пострадали этнические меньшинства Грузии... Названные авторы также стараются фальсифицировать языково-этническую историю грузин и не считают грузинами аджарцев, мегрелов, лазов, сванов... Тем самым немецкие авторы продолжают идеологическую схему царской России и советской империи, целью которой было «разделяй и властвуй»⁴².

Авторы: *С нашей точки зрения, должно быть ясно, что мы ни в коем случае не исключаем целиком аджарцев, мегрелов, лазов и сванов (а также другие группы) из состава грузинской нации / грузинского народа. В гораздо большей степени мы хотели бы указать только на то, что в конце XIX – начале XX века, в силу этнических признаков (главным образом – языка и религии) они демонстрировали амбивалентную идентичность и не полностью были интегрированы в состав грузинской нации. Очевидно, постулирование этой в сущности неоспоримой амбивалентности и неоднозначности уже рассматривается рецензентами как нападение на единство нации. В целом следует констатировать, что национализмы имеют большие сложности с амбивалентностью, неоднозначностью и множественной принадлежностью,*

а также пересекающимися разделительными линиями и границами, и в данном случае стремятся к ошибочной уверенности в предполагаемой однозначности, которая, в конечном счете, не соответствует исторической реальности.

Группа Р. Метревели: Историческая реальность совершенно другая: от большевистско-коммунистического террора одинаково пострадало население всех уголков Грузии; также для осведомленного в вопросе человека ясно, что аджарцы, мегрелы, лазы, сваны... представляют такую же часть грузинской нации, как и другие картвельские этнографические группы: карталинцы, имеретинцы, гурийцы, кахетинцы, тушинцы и др.

Авторы: *Как уже было указано, разница между аджарцами, мегрелами, лазами, сванами и остальными грузинами заметно больше, чем различие между, например, имеретинцами и карталинцами. Аджарцы и лазы исторически являются мусульманами, что имеет дальнейшие политические последствия – к примеру, частичное отождествление с мусульманами в Османской империи / Турции; мегрелы, лазы и сваны изначально разговаривают на собственных языках, а не используют диалекты грузинского (как имеретинский). Оба этих различия (религия и язык) наилучшим образом доказаны в этнографической и лингвистической литературе; попытка сопоставить эти большие различия (которым мы не придаем абсолютный характер) со значительно меньшими земляческими различиями между группами христианских грузин не является конструктивной. Показательно, что, в отличие от остальных групп, аджарцы, мегрелы, лазы и сваны учитывались отдельно и статистикой советского государства (перепись населения 1926 г., аджарцы даже в 1937 г.).*

Группа Р. Метревели: Ниже вкратце коснемся некоторых взглядов, представленных немецкими авторами, а более развернуто изложим историю попытки языково-этнического раздробления грузин.

Серьезного исследования требует история широкомасштабных кровавых репрессий, осуществленных политическим руководством Советского Союза в 20–30-х годах, особенно в середине 30-х годов XX века. Эти репрессии коснулись и Грузии – много грузин было репрессировано по сфабрикованным обвинениям. Как бы ни было тяжело исследование этой эпохи истории Грузии, оно необходимо как с научной, так и с политической точки зрения. Именно поэтому мы внимательно ознакомились с работой М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и

террор». К сожалению, вместо серьезного научного исследования мы увидели труд весьма низкого качества, который нельзя назвать научным исследованием. Труд имеет лишь форму научного исследования, а содержание его не соответствует научному исследованию. Работа до того слабая, а ее выводы до того несостоятельны, что даже не заслуживает серьезного внимания. Несмотря на это, мы все же решили оценить труд «Этнос и террор». Это решение приняли лишь потому, что работа будет широко распространена во многих странах мира. Зарубежные ученые должны знать мнение грузинских коллег о работе М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и террор».

Авторы: *Тот факт, что грузины также являлись жертвами репрессий, нами не оспаривается. Скорее, нам кажется, что в историографии Большого террора и сталинской эпохи в целом многократно имеет место отождествление населения Грузии (включая меньшинства) и этнических грузин, так что в результате преследование меньшинств полностью игнорируется или оказывается только на периферии рассмотрения. Наш подход, напротив, нацелен на установление связи между национальной политикой и репрессиями.*

Группа Р. Мегревели: Сразу надо отметить, что авторам не стоила большого труда фальсификация истории Грузии. Они использовали готовые положения из историографии Российской империи и Советского Союза, добавили к ним «плоды» современной российской, абхазской и осетинской историографии и на основании всего этого основательно фальсифицировали не только историю репрессий 30-х годов XX века в Грузии, но и предыдущих эпох истории Грузии, новой истории Грузии (19-й в.) и истории Демократической республики Грузии (1918–1921 гг.).

Фальсификация истории – сама по себе позорное дело, но еще позорнее, когда она сопровождается цинизмом по отношению к конкретному народу и государству; упомянутый труд предельно циничен и характеризуется стремлением все представить в отрицательном свете.

Из замечаний общего характера можно остановиться еще на двух значительных вопросах. Авторы не знакомы с трудами грузинских историков – или же знают их, но должного внимания не уделяют тем из них, которые посвящены репрессиям 30-х годов XX века. Источниковая база труда слабая, архивные документы и материалы подобраны тенденциозно. Авторы вводят в научный обиход только те материалы, которые могут подкрепить заранее

определенные выводы. Архивные материалы изучены поверхностно и поспешно.

Авторы: *Рецензенты приводят длинный ряд утверждений общего характера, не конкретизируя и не доказывая их, вследствие чего их обсуждение не представляется возможным.*

Группа Р. Метревели: От этого общего вступления перейдем к конкретным замечаниям. Наши замечания представлены в той последовательности, в какой изложены материалы в работе М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и террор».

1. На первой же странице труда встречаем совершенно неприемлемый для серьезного научного исследования факт. Авторы, опираясь на заявление одного из лидеров абхазских сепаратистов Сергея Шамбы, утверждают, что в Грузии 1937–1938 годов во время репрессий больше всех пострадала Абхазия. Авторы мало интересуются, каким авторитетом может быть в этом случае Шамба. Нельзя делать такой категоричный вывод, опираясь на заявление Сергея Шамбы, для этого требуется проработка тысяч документов.

Авторы: *Мы действительно не приписываем высказыванию Шамбы никакого «авторитета» и не присваиваем его себе, а характеризуем его как политически инструментализированное мнение, требующее проверки исторической достоверности. Это значит, что мы рассматриваем высказывание Шамбы лишь как один из множества возможных поводов для обоснования необходимости документальной проверки той оценки понесенных жертв, о которой заявляют обе стороны.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда также без ссылки на соответствующий материал утверждают, что в 1937–1938 годах в т. н. Южной Осетии гораздо больше осетин стали жертвами репрессий, чем грузин. И в этом случае авторы не приводят какой-нибудь материал, свидетельствующий об указанном.

Авторы: *Напротив, мы пишем о том, что осетины преследовались гораздо меньше (более чем наполовину меньше), чем этнические грузины.*

Группа Р. Метревели: Еще дальше идут авторы труда, когда без ссылки на необходимый материал сообщают, что в период существования Демократической республики Грузии (1918–1921 гг.) грузины осуществили этническую чистку абхазцев и осетин.

Авторы: *Мы уделяем особое внимание тому факту, что в 1918–1921 гг. грузинское центральное руководство осуществляло*

политику, направленную против абхазов и осетин, а также что правительственные войска воспринимались в Абхазии и осетинских областях преимущественно как оккупанты. Речь шла о совместном действии и пересечении этнических и (партийно-)политических, а также экономических факторов. Влияние этнического фактора во время Большого террора мы даже оцениваем как менее значимое.

Группа Р. Метревели: Осуществленные политическим руководством советской Грузии в 1937–1938 гг. репрессии авторы именуют «систематическими» и почему-то забывают, что большевистские репрессии происходили во всей Грузии: в этом случае Абхазия не была исключением.

Авторы: *То, что Большой террор охватил всю Грузию (и весь Советский Союз), нам известно. Мы пытаемся установить масштаб той роли, которую при этом играла этничность.*

Группа Р. Метревели: Антигрузинские цели авторов труда хорошо прослеживаются, когда они, наряду с абхазцами и осетинами, отдельными «нациями» считают аджарцев, сванов, лазов, мегрелов. В этом случае дело имеем с реанимацией взглядов историков, этнографов и языковедов Российской империи. Авторов даже не интересует мнение корифеев грузинского языковедения и грузинской историографии по этому вопросу.

Авторы: *Как уже было упомянуто, мы не утверждаем, что речь идет об отдельных нациях. Точку зрения, согласно которой грузинские «корифеи» выражают действительные мнения, а авторы царской России и Советского Союза, напротив, исключительно недействительные, мы не разделяем. Характерно, что зарубежные историки скорее поддерживают результаты исследований царского и советского периода; грузинская позиция в данном случае выглядит изолированной и политически мотивированной. Применение особого права на толкование происходящего на собственной территории с помощью национальной историографии не является полезным для научного анализа.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда обвиняют политического лидера Советской Грузии Лаврентия Берию в целенаправленных репрессиях не только абхазцев, но и армян. Странно, что авторы ни разу не задумались о том, насколько больше жизней грузин было принесено в жертву репрессиям вместе с абхазцами, осетинами, армянами. Тот, кто более или менее знаком с историей репрессий 30-х годов XX века в Грузии, согласится, что репрессии преследовали политическую цель, поэтому не могли

иметь национальную окраску. Жертвами становились все, кто сопротивлялся курсу политического руководства Советского Союза: русские, украинцы, евреи, армяне, абхазцы...

Авторы: *Следует снова внести принципиальную ясность – преследовались все группы. Однако необходимо также изучить, были ли определенные этнические группы подвергнуты преследованиям в особой – большей или меньшей – степени для достижения целей центрального руководства (титულიной гомогенизации) Грузии. Кроме того, репрессии затронули в подавляющем большинстве тех лиц, которые не являлись противниками политического руководства Советского Союза.*

Группа Р. Метревели: Для придания большей убедительности репрессиям абхазцев по национальному признаку авторы труда стараются обосновать еще одну ложь. По их мнению, в Грузии целенаправленно репрессировали представителей разных диаспор (немцев, поляков, турок, греков, иранцев). Как и во всех других случаях, авторы и в этот раз не приводят соответствующий документальный материал для подтверждения этого обвинения.

Авторы: *Мы полагаем, что предоставили достаточное количество подтверждений статистического характера.*

Группа Р. Метревели: О 30-х годах XX века как в масштабе Советского Союза, так и Грузии опубликовано множество документов, написаны исследования. Авторы труда вынуждены хотя бы частично принять во внимание историографическое наследие, однако целенаправленно распространяют ложные идеи. Они поддерживают ошибочный взгляд, согласно которому репрессии в 1937 году имели характер социальной, а в 1938 году – этнической чистки. Для тех, кто хорошо знаком с историей репрессий, совершенно ясно, что с декабря 1934 года до весны 1938 года репрессии в Советском Союзе, в том числе в Грузии, имели только социальный, а не этнический характер.

Авторы: *Это ни в коем случае не так ясно, как утверждают рецензенты. Напротив, международные исследователи видят в действительности увеличивающееся, частично даже тотальное влияние этнического фактора. Вопреки указанным международным исследовательским тенденциям авторы ставят это под сомнение и констатируют наличие взаимодействия между социальными, экономическими, политическими, территориальными и этническими аспектами, которые составили основу убийственной смеси Большого террора в Грузии.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда явно чувствовали, что им трудно будет обосновать выдвинутый ими ошибочный вывод (этнический характер террора, цель террора – уничтожение отдельных этносов). Поэтому и пишут: «эмпирическая перепроверка» этнического характера террора весьма затруднительна. Это значит, что авторы труда не смогли бы предложить читателю какой-нибудь документальный материал для подтверждения выдвинутого ими положения. Так оно и вышло.

Авторы: *Авторы осознают присутствие методических сложностей. Наши источники, а именно – статистические данные и источники по национальной политике, были эксплицитно нами указаны. Мы не утверждаем о наличии настоящей политики уничтожения отдельных этносов, как здесь приписывается. Речь идет об установлении порядка, подчинении и централизации.*

Группа Р. Метревели: Несмотря на то, что авторы признаются в отсутствии желанного для них документального материала, со всей категоричностью продолжают выдвижение ложных выводов. Они разделяют ранее высказанные взгляды, углубляют и расширяют начатое позорное дело фальсификации истории. По их мнению, население Советской Грузии подразделяется на следующие категории:

- «титульная нация» (грузины);
- «титульные нации второго ранга», которые на территории Грузии имели автономии (абхазцы, осетины).

Авторы труда весьма сожалют, что не получается отдельное выделение аджарцев – «титульной нации третьего ранга», поскольку в материалах репрессий, к удивлению авторов, аджарцы признаны грузинами, и лишь в некоторых документах они упоминаются не как грузины, а как аджарцы.

Авторы: *Мы констатируем, что во многих (а не только «в некоторых») документах 1937–1938 гг. жертвы названы аджарцами (а не грузинами). До 1937 года аджарцы также рассматриваются в качестве отдельной национальности в переписях населения и других документах. Нет документов, в которых лица были бы названы «имеретинцами» или «хевсурами». Мы задаем вопрос о том, в какой мере особый статус мусульманских групп мог иметь значение при репрессиях.*

Группа Р. Метревели: Временами авторы труда не ограничиваются лишь общими заявлениями и стараются фальсифицировать историю ими же тенденциозно подобранным и Бог знает насколько правильно цитированным материалом.

Авторы: *Статистические данные могут в любой момент быть перепроверены.*

Группа Р. Метревели: Расстрелянных во время репрессий 1937 г. люди авторы считают расстрелянными «*кулацкой тройкой*», а в 1938 г. – расстрелянными «*национальной тройкой*». То есть повторяют ошибочное положение о том, что в 1937 г. репрессии имели социальный характер, а в 1938 г. – этнический.

Авторы: *Этот тезис мы не поддерживаем, а наоборот, опровергаем. Заметим попутно, что тройки не расстреливали, а приговаривали к смерти путем расстрела.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда приводят статистический материал, проверка которого требует как минимум двух-трехлетнего труда. Трудно поверить, что авторы столько времени провели в архиве (непосредственно в хранилищах), но все же приведем представленный ими материал. Среди расстрелянных «*кулацкой тройкой*» грузины составляли только 65 %, а среди расстрелянных «*национальной тройкой*» – 56 %. Если этот статистический материал даже приблизительно отражает действительность, он не говорит в пользу авторов. В этом случае авторы почему-то забывают, что в Грузии, кроме грузин, в большом количестве жили армяне, азербайджанцы, осетины, абхазцы, русские, греки и представители других наций. Поэтому если из каждых 100 расстрелянных 65 были грузины, эта цифра явно не говорит в пользу авторов. Как и то, что среди расстрелянных «*национальной тройкой*» 100 человек 56 были грузины. Надо отметить и то, что мы не можем с доверием отнестись к приведенному авторами статистическому материалу (65 %, 56 %). Не исключено, что данные сфабрикованы, хотя повторяем, что и в этом виде статистический материал свидетельствует о совершенно противоположном: в советской Грузии репрессии не осуществлялись по национальному признаку, они коснулись людей всех национальностей и вероисповеданий.

Авторы: *Этого расчета мы не понимаем. Наши данные были тщательно проверены.*

Группа Р. Метревели: Как было отмечено, авторы в начале труда утверждали, что в 30-х годах XX века во время репрессий больше всех пострадали живущие в Грузии абхазцы и осетины.

Авторы: *Именно этого мы не делаем. Абхазы, относительно общего числа населения, преследовались в большей степени, чем грузины (мы нигде не говорим «больше всех»), осетины – напротив, в значительно меньшей.*

Группа Р. Метревели: В этом случае непонятно, на какие источники опираются авторы. В работе обильно представлен статистический материал, который авторы используют для подтверждения своих взглядов. Мы знакомы с этим материалом, отметим также, что раньше авторов начали его изучение и анализ. Поэтому убедительно заявляем: весь статистический материал о репрессиях абхазцев и осетин в работе представлен таким образом, чтобы оправдать предвзятое мнение авторов.

Авторы: *Публикация грузинских коллег по данной теме была бы желательна. Последствием работы со статистическим материалом может также стать пересмотр собственных убеждений. Авторы, во всяком случае, неоднократно были удивлены полученными результатами. Повторяющийся тезис о том, что авторы преследуют только одну цель – а именно, оклеветать грузин – и добиваются ее осуществления с помощью предвзятого подбора источников, лжи и фальсификации, может частично исходить из невнимательного чтения текста – как в случае осетин, которые, согласно нашим результатам и вопреки приписанным нам утверждениям, преследовались в гораздо меньшей степени.*

Группа Р. Метревели: Для изучения и анализа имеющихся в Архиве Министерства внутренних дел Грузии материалов, по нашему мнению, требуется длительная работа большой группы профессионалов и хорошо подготовленных для этого дела историков. Анализ представленного в труде статистического материала убедил нас, что такая работа не была проведена. Материал собран в результате непоследовательной, бессистемной, поспешной работы и не дает объективную картину явления. В этом случае авторы, видимо, утешали себя тем, что занятые в разных научных центрах мира профессионалы-историки, а тем более заинтересованные историей люди разных профессий не смогут приехать в Тбилиси, ознакомиться и проанализировать сохраненные в Архиве Министерства внутренних дел Грузии материалы.

Авторы: *Нам не хватает здесь конкретной критики методов и точного анализа статистических материалов. Предположения о наших замыслах мы сознательно не комментируем.*

Группа Р. Метревели: Утверждение авторов о преднамеренных репрессиях абхазцев и осетин в 30-х годах XX века не полностью раскрывает их замысел. Цель становится ясной после того, как авторы зашли весьма глубоко и, не предоставив достоверные данные, стали утверждать: в период репрессий уничтожение

азербайджанцев и армян в Грузии также осуществлялось по этническому признаку. Если вспомнить, что авторы чуть выше уверяли – репрессии представителей живущих в Грузии диаспор (немцев, греков, турок, иранцев) также проводились по этническому признаку, станет совершенно очевидной цель работы: М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха хотят подтвердить распространенное еще в последние годы существования Советского Союза мнение, что Грузия была «маленькой империей зла», которая так же угнетала другие народы, как и «большая империя зла» – Советский Союз – нерусские нации. Объявление грузинского народа угнетателем негрузинского населения в свое время было политическим заказом и способствовало сепаратистскому движению в Грузии.

Авторы: *Мы показываем взаимоотношение социального, политического, территориального и этнического преследования. Об «уничтожении» армян и азербайджанцев в тексте ничего не сказано, речь идет о «преследовании». Следует констатировать, что преследование азербайджанцев, несмотря на то, что они имели низкий социальный статус и занимали территорию с незначительным конфликтным потенциалом, было исключительно масштабным – таким же, как и в случае абхазов.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда переходят все границы, когда утверждают, что целью проведенных в 1937–1938 гг. репрессий в Грузии было физическое уничтожение негрузинского населения (абхазцев, осетин, армян, азербайджанцев, греков, немцев, турок, иранцев и т. д.), формирование «нации сталинского типа» (грузинской нации). Авторы и в этот раз «забывают», что жертвами репрессий 1937–1938 гг. стали очень многие грузины: крестьяне, рабочие и интеллигенты. Из рассуждений авторов непонятно, зачем была пролита кровь грузин, разве эта кровь была необходима для формирования «нации сталинского типа»?

Авторы: *И это приписываемое авторам утверждение о «физическом уничтожении негрузинского населения» как цели Большого террора отсутствует в нашем тексте.*

Группа Р. Метревели: В представленной рецензии мы детально не проанализируем другие неаргументированные идеологемы М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха, тем более что их труд не является научной статьей; несколько глубже коснемся только темы попытки языково-этнического расчленения грузин.

Фальсификация языково-этнической истории грузинского народа активно и системно ведется с 40-х годов XIX века до наших

дней. Нарушив оформленные с грузинскими царство-княжествами договоры и применив военную силу в 1801–1839 гг., Российская империя осуществила аннексию Грузии («враг, пришедший в виде друга»). С 1840 г., после введения института наместника царя, империя установила в Грузии гражданское правление и, с целью расчленения языково-этнического единства грузинской нации («разделяй и властвуй»), объявила часть грузин другими нациями, ограничила ареал функционирования грузинского языка, пыталась удалить грузинский язык из грузинской православной церкви. В этом направлении особенно активным был чиновник Российской империи Кирилл Яновский⁴³.

В противовес имперской политике с 60-х годов XIX века поколение Ильи Чавчавадзе начало активную борьбу для защиты жизненных интересов грузинской нации; особую значимость приобрел вопрос символа национальной культуры и единства – грузинского языка: грузинский язык империя изгоняла из всех сфер человеческого творчества – церковного богослужения, художественной литературы, науки, школ всех уровней; именно в этот период начался перевод Священного Писания на мегрельский и сванский языки. Грузинская нация в лице своих достойных сыновей сопротивлялась желающим унижить грузинский язык и культуру.

На рубеже XIX–XX веков это противостояние олицетворяли два известных духовных деятеля: Амвросий Хелая и Иоанн Восторгов; в частности, мнение населения Мегрелии выражал воспитанный в Мегрелии великий наставник, в будущем Католикос-Патриарх Всея Грузии Святой Амвросий Хелая.

Против воли мегрельского народа русский священник – в следующем известный политический деятель Иоанн Восторгов пытался запретить грузинский язык в школах Мегрелии и изъять его из Грузинской Апостольской Церкви; в частности, он пытался в исторических краях Грузии – Мегрелии, Сванетии и Абхазии традиционный язык богослужения – грузинский – заменить местным разговорным языком, а реально – русским.

В 10–20-х годах XX века борьба за грузинский язык еще более обострилась. Иванэ Джавахишвили боролся за возрождение 15-вековой просветительской и научной традиции грузинского языка⁴⁴. В короткий период независимости Грузии в Тбилиси под руководством Иванэ Джавахишвили был учрежден Грузинский университет (10.05.1917)⁴⁵ и быстрыми темпами начала развиваться научная картвелистика. Этот процесс затормозил захват Грузии Россией.

Авторы: Уже высказанные в различных рецензиях (Д. Гамахрия, А. Даушвили) рассуждения о формировании грузинской нации и о царской политике кажутся нам односторонними и, прежде всего, нерелевантными в контексте Большого террора. То, что лазы и аджарцы являются мусульманами, а мегрельский, лазский и сванский – самостоятельными языками, придумали не царские чиновники. В соответствующих исследованиях речь идет о научных трудах, признанных на сегодняшний день.

Группа Р. Метревели: Сам Иосиф Сталин превратил в официальную позицию государства политизированные царской Россией и «подкрепленные» научной терминологией Н. Марра положения⁴⁶, согласно которым грузинами не являлись грузины – жители Аджарии, Мегрелии и Сванетии⁴⁷. В частности, И. Сталин в своей книге «Марксизм и национальный вопрос» без аргументации объявил мегрелов, сванов и аджарцев, вместе с абхазами и лезгинами, народами, которые на родном языке не создали литературу⁴⁸. С того же времени за мегрельским, лазским и сванским диалектами в «научной» среде закрепился статус т. н. картвельских языков, не имеющих письменности⁴⁹, а его носители были объявлены бескультурными, отсталыми нациями... В действительности же вместе с другими грузинами лазы, мегрелы, сваны, аджарцы... являются творцами многовекового грузинского книжного языка, многовековыми культурными обществами, а не народами без письменности и культуры.

Здесь же отметим, что в 20-х годах XX века в Грузии действовали управляемые большевиками группы, которые тему автономии Мегрелии и Лазистана связывали с т. н. вопросом признания лазского и мегрельского языков. В частности, группа Мишо Дадзиани добивалась автономии Мегрелии в составе России и признания мегрельского языка; группа Григория Ахалаи – автономии Мегрелии в составе Грузии и признания мегрельского языка; группа Исака Жвании – области Мегрелии в составе Грузии и признания мегрельского языка; группа Искандера Циташи (он же Александр Цветков) требовала объявления лазов отдельным этносом – этническим меньшинством и культурную автономию лазов⁵⁰. Тот факт, что управляемого большевиками Искандера Циташи М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха объявляют чуть ли не героем «лазского народа»⁵¹, свидетельствует о подозрительных связях авторов и их далеких от науки интересах.

К сожалению, подобную дезинформацию распространяют не только эти авторы; см., например, этнолингвистическую карту

известного современного лингвиста, автора «Реестра языков мира» проф. Ю. Корякова: <http://linguarium.iling-ran.ru/maps/1-all.gif/>

Согласно этому «трудю», грузинами не являются: сваны, мегрелы, лазы; соответственно, грузинского языка нет в Мегрелии, Абхазии и Лазистане⁵², хотя грузинский язык на протяжении многих веков является родным языком и в Сванетии, и в Мегрелии, и в Лазистане, и в Абхазии».

Авторы: *То, что в XIX веке, напротив, в Сванетии, Мегрелии, Лазистане и Абхазии уже почти никто (или даже вообще никто) не говорил на грузинском языке, хорошо доказано лингвистическими и этнографическими работами конца XIX века.*

Группа Р. Метревели: Многие исторические факты подтверждают, что минимум 20 веков грузинскую нацию (этнос) создают: мохевцы, мегрелы, джавахи, месхетинцы, лазы, сваны, аджарцы, кахетинцы, имеретинцы, гурийцы, имерхевцы, карталинцы, туши, ингилинцы, рачийцы, хевсуры, пшавы, ливаны, таойцы, фериданцы, лечхумцы, мачахлельцы, мтиулы и др. Также много исторических фактов свидетельствуют, что и в Мегрелии, и в Сванетии, и в Абхазии, и в Цхинвальском крае, и в историческом Тао-Кларджети грузинский язык был родным языком, языком культуры для автохтонного населения⁵³.

Авторы: *Акцентирование внимания на средневековой, часто даже античной, если вовсе не до- или раннеисторической языковой ситуации, уже было признано нерациональным в связи с другими рецензиями. Авторам кажется, что отступление к более ранним – и к тому же хуже задокументированным – историческим периодам скорее скрывает тот факт, что в конце XIX – начале XX века, в ходе возникновения современной грузинской нации, положение дел было иным, а грузинский язык стал вновь распространяться в этих областях в гораздо большей степени как раз под русским влиянием.*

Группа Р. Метревели: В заключение отметим, что в современных условиях картвелистика и кавказиология должны освободиться от навязанных советских схем, а этнолингвистические оценки Грузии должны основываться, с одной стороны, на реальных фактах и истинной истории, а с другой – на международной методологии и терминологии.

Авторы: *С этим следует согласиться, однако можно также усомниться в том, что это приведет к достижению ожидаемых рецензентами результатов. Современная мировая лингвистика и кавказиология рассматривает, например, мегрельский,*

лазский и сванский в качестве самостоятельных языков – так же, как и лингвистика советской и царской эпохи.

Группа Р. Метревели: Мы не сочли нужным рассмотреть здесь изложенные в работе М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха («Этнос и террор») другие антинаучные и антигрузинские идеологемы, разобрали и оценили только несколько ошибочных представлений, утвердить которые давно стараются желающие расчленения Грузии.

При написании представленной рецензии мы руководствовались следующей целью: у профессионалов-историков разных стран мира и широкой читательской общественности не должно сложиться ошибочного представления о политических репрессиях в Грузии (1937–1938 гг.) и, главное, о языково-этнической истории Грузии.

К сожалению, история Грузии до сегодняшнего дня имеет много фальсификаторов; к их рядам присоединились и М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха.

Р. Метревели, вице-президент Национальной академии наук Грузии, академик

С. Вардосанидзе, ректор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии

В. Гурули, профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии

Т. Путькарадзе, профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии

М. Табидзе, профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии

Л. Джикия, приглашенный профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии».

Авторы: Утверждения рецензентов, избобилующие огульными оскорблениями, к сожалению, чаще всего лишены содержательной составляющей. В тех фрагментах рецензии, в которых выражается содержательная критика, высказывания авторов частично искажаются или приводятся в противоположной форме. Это позволяет усомниться во внимательном чтении текста. Оно должно лежать в основе любого критического рассмотрения. Крайне неприятное впечатление производит на нас склонность рецензентов к словесным оскорблениям, к тому же заимствованным из советского лексикона (например, «ложь»,

«фальсификация»), которыми наполнен весь текст. Мы сожалеем об этой конфронтации, которая, с нашей точки зрения, не способствует научной дискуссии.

Марк Юнге, Даниель Мюллер, Бернд Бонвеч

Перевод с немецкого на русский: Даниил Бордюгов

Перевод с грузинского на русский: Тато Луарсабшвили

4. Политические сети vs. этнический фактор

Т. Блаувельт: Один из основных тезисов «Большевистского порядка в Грузии» состоит в том, что сама организационная структура массовых, систематических политических репрессий, проводимых бюрократическим аппаратом Советского Союза в 1937 году, неизбежно привела к передаче репрессивных полномочий местным органам управления. Данное утверждение наглядно подтверждается свидетельствами, собранными авторами монографии, и соответствует выводам многих других новейших исследований, посвященных Большому террору и сталинскому режиму⁵⁴.

Особое внимание в большинстве современных западных работ по советской истории уделяется также идее о том, что интересы региональных властей, в свою очередь, сказывались на исполнении ими указаний высшего руководства, а также различных трактовках изменений, произошедших в советской национальной политике в 1930-е годы. Такие корифеи в области советской национальной политики, как Суни (Suny), Мартин (Martin), Хирш (Hirsch) и Слезкин (Slezkine), каждый со своей точки зрения, приходят к общему выводу о том, что всеобщая, несколько размытая политика коренизации 1920-х – начала 1930-х сменилась к середине 1930-х годов более целенаправленным подходом, заключавшимся в развитии крупных (в первую очередь титульных) наций за счет малых народов⁵⁵. Перечисленные авторы могут расходиться во взглядах на причины и последствия этой смены курса, но не сомневаются в том, что она действительно имела место, и представители власти на местах получили возможность использовать новые тенденции в национальной политике для достижения собственных политических целей. Особых споров в

западной литературе все эти вещи не вызывают, и данная книга ценна тем, что вносит важный вклад в изучение локального уровня реализации массовых репрессий.

По понятным причинам в современной Грузии аргументы о взаимодействии центральных и местных органов власти в рассматриваемый период воспринимаются в штыки: во-первых, потому что не соответствуют преобладающей ныне в грузинской историографии тематике национально-государственного строительства, а во-вторых, из-за восприятия советской эпохи прежде всего как периода притеснения со стороны центра. Особенно щекотливой следует считать проблему субэтнических групп, входящих в состав грузинского народа (лазы, мегрелы, аджарцы и др.), так как споры на эту тему подливали масло в огонь сепаратистских конфликтов 1990-х. Проблема влияния советской национальной политики на национально-государственное строительство – как путем уступок, так и с помощью репрессий, – занимает прочное место в современной западной историографии, однако не снискала популярности в грузинских исследованиях.

Авторы: Рецензент выражает свое согласие с тем, что, во-первых, существенная доля репрессивных полномочий в течение Большого террора была передана местным органам управления, во-вторых, грузинской историографии свойственен односторонний подход к отношениям Грузии с Москвой (особенно в вопросах национальной политики), приписывающий ей роль жертвы, и, в-третьих, большинство мировых историков одобряют идею о том, что в критических ситуациях, возникавших на протяжении 1930-х годов, Кремль оказывал поддержку формированию титульных наций путем уступок и репрессий.

В то же время нам кажется необходимым обратить особое внимание на несколько пунктов. Исходя из рецензий Д. Гамахари, А. Даушвили и Р. Метревели, можно заключить, что многие грузинские исследователи, не согласные с указанной интерпретацией данного исторического периода, понимают под «уступками» и «участием в проектах формирования нации» не то же самое, что рецензент Т. Блаувельт. Поэтому следует отдельно подчеркнуть, что, изменив направление национальной политики и начав кампанию репрессий, советское правительство значительно способствовало консолидации титульной нации в Грузии. В связи с этим авторы книги предпочитают использовать термин «титульная гомогенизация», а не «формирование нации», так как последний имеет более положительную окраску.

Т. Блаувельт: Авторы начинают второй, наиболее спорный раздел работы («Этнос и террор») с утверждения о том, что существуют два возможных способа трактовки репрессий в отношении национальностей во время сталинского террора: личный фактор (индивидуализм), основанный на личных антипатиях и предрассудках, и так называемая «большая стратегия», основанная на позиции тех или иных этнических групп в общей системе национальной безопасности страны.

Мне кажется, в эту схему следует добавить третий – и, в контексте сталинского режима, на мой взгляд, самый важный – подход, основанный на политических интересах отдельных конкурирующих групп. В ряде недавних исследований, посвященных эпохе правления Сталина, включая многие мои работы о кавказском регионе, отмечалась роль клиентелы, патроната и патронатных сетей в функционировании сталинского режима, особенно на местном уровне в республиках. В данном контексте речь идет об обслуживании интересов более крупных, чем личная вражда и предрассудки, но менее крупных, чем большие стратегические задачи (при этом данный уровень анализа ни в коем случае не исключает интерпретацию, основанную на двух других подходах).

С моей точки зрения, и я уже писал об этом, наиболее правдоподобным объяснением полного уничтожения абхазской партийной верхушки⁵⁶, начавшегося уже в 1936 году, т. е. до запуска масштабной кампании террора (что озадачивает авторов книги) – является влияние интересов отдельных политических групп и сетей. Взаимосвязь между клиентелой и этничностью, о которой я также писал ранее, часто сложна и запутана. Этническая принадлежность может создавать связи, основанные на взаимном признании и доверии, которые имеют потенциальное значение при формировании сетей патроната, но в условиях сталинского режима она не является единственным критерием создания подобных отношений. Социальный статус, место рождения, образование, опыт работы и ряд других факторов также могут служить основой возникновения сетевых структур.

Кроме того, как мне кажется, третий подход предоставляет возможность компромисса с критическими замечаниями грузинских историков по поводу книги: авторы обсуждают «грузинское руководство» так, как если бы оно было монолитным единством, однако в действительности во время правления Сталина оно включало в себя несколько принципиально различных сетей, конкурировавших между собой за контроль над руководством.

Эти сети придерживались разных взглядов на политику в отношении национальных меньшинств в Грузии и зачастую не были чисто грузинскими по составу. Сеть Лаврентия Берии начала доминировать в грузинской тайной полиции и партии в начале 1930-х гг., и, хотя в ее состав входило много грузин (особенно мегрелов), ряд ключевых должностей занимали армяне, евреи, русские и даже абхазы. Хотя Берия, безусловно, использовал этнические (и, вероятно, еще чаще – клановые и земляческие) связи, он, как и другие опытные сталинские патроны, придерживался прагматического подхода при подборе и удержании верных ему людей⁵⁷.

С моей точки зрения, уже высказанной в других работах, бериевская сеть, получившая контроль над грузинским руководством, решила уничтожить абхазскую сеть Нестора Лакобы не по причинам личной вражды (хотя у некоторых конкретных лиц она могла присутствовать) и не из стратегических соображений (во всяком случае, не в 1937 г.), а в рамках борьбы за власть на местах. Несколько функционеров, занявших важные должности в Абхазии, были преданными Берии этническими абхазами. В то же время это вписывается в траекторию, по которой начинал развиваться Террор, и в контекст принятия решений из центра (и лично Сталиным), без которого он не смог бы возникнуть. (Я предпочитаю придерживаться подхода не авторов книги, а старой «тоталитарной школы», уделяющего большее внимание целям и причинам Террора, поскольку его главной задачей, на мой взгляд, особенно вначале, являлось разрушение институционально и регионально укрепленных патронатных сетей в партийном и государственном руководстве.) Самая серьезная «грузинофикация», в Абхазии, включая усиление мегрельской иммиграции, ущемление прав носителей абхазского языка и т. д., осуществлялась не людьми Берии, а членами сети Акакия Мгеладзе, получившего контроль над Абхазией в 1943 г. и над центральным руководством Грузии в 1952 г. во время так называемого «мегрельского дела». По моему убеждению, Мгеладзе и его сеть были напрямую поддержаны Сталиным с целью создания противоядия и подрыва позиций сети Берии в Грузии и на Кавказе⁵⁸.

Авторы: *Замечания рецензента о событиях в Абхазии до 1937-го и после 1938 года свидетельствуют о высокой степени компетентности в проблеме соотношения сталинского террора и этнических вопросов. Так, согласно Блауельту, абхазские элиты и конкретно сеть Лакобы начали уничтожаться тбилис-*

ским руководством уже в 1936 году, хотя наиболее радикальные мероприятия стали проводиться лишь в 1945 году. Однако, исходя из использованных нами источников, можно заключить, что массовые репрессии в отношении абхазских крестьян, в том числе участников «гудаутских событий» 1931 г., являлись следствием того факта, что репрессия элит 1936 г. была признана в Тбилиси недостаточной мерой для подавления процессов образования нации и мобилизации, уже охвативших широкие слои абхазского населения. Она должна была быть распространена на «низшие», не представленные в сети группы лиц. В этой связи репрессии 1937–1938 гг. могут рассматриваться как «желание наверстать упущенное».

Здесь также проявляется различие в выборе источников: Т. Блаувельт опирается на партийные документы, то есть, главным образом, материалы, описывающие процессы внутри элиты и составленные ее представителями, в то время как авторы изучали документальные свидетельства из архивов КГБ, отражающие детали кампании массовых репрессий и в отношении обычного населения. Кроме того, партийные документы, проанализированные авторами, по всей видимости, были подчищены и содержат лишь необычно малое количество информации о проведении строго секретных массовых репрессий.

Сетевой подход, несмотря на свою убедительность, не может объяснить статистические данные, демонстрирующие тот факт, что представители одних народов были подвергнуты преследованиям в большей мере, а другие – в меньшей, как если бы сети были сформированы по национальному признаку, а все обсуждаемые национальности были представлены в них в равной степени. В действительности, однако, репрессии и были прицельно и точно направлены на такие группы населения, как турки, азербайджанцы (тюрки), езиды, курды и мусульманские меньшинства в принципе, а также, за некоторым исключением, греки, которые практически отсутствовали в тбилисских сетях и не были способны на формирование «контрсетей».

В своей последней статье о мегрельском вопросе рецензент приводит многочисленные доводы в пользу того, что этнический и территориальный факторы в национальной политике Тбилиси по отношению к грузинской периферии прежде зачастую недооценивались⁵⁹.

Т. Блаувельт: В этой главе мне также показался спорным тезис авторов о роли этничности и социального статуса. Хотя я не

подвергаю сомнению ключевое значение социального статуса при выборе цели политического преследования в период Большого террора, его взаимодействие с этничностью, на мой взгляд, имеет более сложный характер, в то время как авторы, вероятно, путают отношение корреляции с отношением причинно-следственной связи. Другими словами: является ли причиной этничность или социальная структура и, следовательно, социальный статус? Здесь можно вспомнить дискуссию о Голодоморе на Украине: являлись ли целью преследования украинцы, большинство которых были крестьянами, или целью преследования были крестьяне, составлявшие большую часть украинского народа? Аналогично: были ли, например, абхазы подвергнуты особым репрессиям, потому что они имели широкую представленность среди бывшего дворянства и новой партийной элиты, или преследованию были подвергнуты указанные социальные категории, в высокой степени представленные абхазами? Акцент на этничности в данном случае выглядит несколько редукционистским.

Авторы: *Авторы ни в коем случае не стремятся к тому, чтобы рассматривать все политические и общественные процессы в Советском Союзе 1930-х гг., в том числе все массовые преследования и преступления, исключительно с позиций этнического фактора. Однако, по мнению авторов, значение этничности во взаимоотношении титульных наций и этнических меньшинств является сегодня немного недооцененным. Между Голодомором на Украине (когда ключевые указания отдавались из Москвы и решающую роль играли социальные аспекты) и репрессиями в Абхазии 1937–1938 гг. (когда действиями руководил Тбилиси и на первом плане стояли этнически-территориальные задачи) видна отчетливая разница. Но и в случае мероприятий по коллективизации в Грузии, осуществление которых в конечном счете контролировалось Москвой, при распределении ресурсов на местах национальность играла, по нашим наблюдениям, более весомую роль, чем предполагалось ранее. В нашей работе мы попытались показать это на примере передачи земель лазам в Абхазии.*

Т. Блауельт: Отвлекаясь от упомянутых спорных пунктов, я считаю, что эта работа вносит важный вклад в изучение Террора в целом и деталей его реализации на Кавказе в частности. Можно понять претензии некоторых грузинских критиков, не без основания полагающих, что, имея дело с общими цифрами и совокупной статистической информацией, можно увидеть закономерности

в хаосе и сделать ложные выводы, исходя из тенденций, случайно возникших в общем массиве данных. В то же время такой подход, с моей точки зрения, открывает новые перспективы и ставит перед исследователями проблемы для дальнейшего изучения и осмысления. Все это требует беспристрастного и строго научного подхода, возможного в условиях гражданского общества среди ученых, готовых к безэмоциональному обсуждению этих трагических страниц истории. Однако, после прочтения комментариев грузинских критиков, я боюсь, что время для подобной дискуссии еще не пришло. Тем не менее этот процесс рано или поздно должен быть начат⁶⁰.

Авторы: *Авторы во многом согласны с идеями рецензента, однако хотели бы подчеркнуть, что эмоциональные оценки, связанные с последними территориальными конфликтами, не должны препятствовать анализу вопросов формирования нации в сталинскую эпоху, даже если он болезнен и неприятен для национального самоощущения. Именно поэтому так важна точность при определении национальности жертв репрессий, к которой призывают грузинские рецензенты и которая заставила авторов еще раз перепроверить использованные статистические данные.*

Марк Юнге, Даниель Мюллер, Бернд Бонвеч

Перевод с немецкого и английского на русский: Даниил Бордюгов

5. Музей оккупации vs. музей государственного насилия

И. Ментешашвили: Настоящий отзыв рассматривает ту часть проведенной работы, которая касается Национального музея Грузии, а именно – выставки, известной как Музей оккупации. Выставка отражает карательные меры, проводимые Советской властью в 1921–1989 гг. с целью подавить в Грузии стремление к государственной независимости и предотвратить появление подобных устремлений и чувств в будущем⁶¹.

Прежде всего выразим несогласие с хронологией. Речь идет о 2003 году как конце эпохи тоталитаризма. Понимаем, что авторы оперируют датой, которую им назвали организаторы выставки.

Но именно в интересах исторической науки период 1990–2003 гг. ни в коей мере нельзя назвать тоталитарным. Там было всё: анархия, разруха, разложение властных структур (коррупция), даже некая неосознанная попытка установить нечто вроде самовластия, но не тоталитаризм. Наличие многопартийности, свободы прессы и некоторые другие факторы – непреложное тому свидетельство. Будь режим действительно тоталитарным, то вряд ли участникам Революции роз удалось бы беспрепятственно проникнуть в здание парламента, окруженного усиленными нарядами полиции, внутренних войск и даже тяжёлой техникой! Пусть даже с розами в руках. Так что называть вышеуказанный период тоталитарным – значит не понимать сути как тоталитаризма, так и истории вообще. Это замечание, конечно, не относится к авторам введения.

Авторы: *Мы рассматриваем пояснение рецензента по поводу первой постсоветской фазы в истории Грузии вполне уместным и внесем изменения в соответствующие пассажи во введении книги.*

И. Ментешавили: В начальной части повествования о самой выставке, на наш взгляд, сквозит плохо скрытая ирония или же имеет место непонимание сути исторической эпохи. Выставка не преследует цель представить страну в виде мученицы, «беззащитной страны-жертвы, понесшей большие человеческие потери». Неужели вызывает сомнение то, что Грузия действительно была беззащитна? Более того, пресса Великобритании и Соединенных Штатов Америки в 1920 г. называла Грузию страной, которая должна была стать плацдармом для наступательных военных действий против Советской России. Это, безусловно, подогревало агрессивность Советского государства против Грузии. Напомним также, что в свое время Ленин заявил, что Грузию надо проучить за то, что она оказала помощь барону Врангелю. Сразу же отметим, что эта помощь выражалась лишь в том, что Демократическая Грузия предоставила приют раненым солдатам и офицерам армии Врангеля.

Авторы: *Роль, которую Грузия сыграла в смутное время, наступившее после распада Российской империи, была весьма сложной. Поэтому нельзя судить о ее восприятии западными союзниками (США, Великобритания, Франция), центральными державами (в первую очередь Германией), а также советской Россией только на основании отдельных газетных статей. Мы также не берем здесь на себя смелость, эффективно оценить*

все возможные грани тогдашней роли Грузии: как плацдарма для антибольшевистского наступления, как области для отвода белых войск, как независимого государства, как бастиона христианства, как социал-демократического эксперимента и т. д. Все эти характеристики содержат определенную долю истины. Однако мы полагаем, что утверждение рецензента об особой роли Грузии, которая якобы выделяет ее из ряда других «периферийных» государств, достаточно проблематично. Политика советского государства в отношении бывших периферийных областей Российской империи все же скорее была единой, чем разной. Это относится как к государствам, которые в результате войны и революции получили независимость (Финляндия, Польша, страны Прибалтики, Бессарабия), так и к тем, которые вошли в состав советского государства (страны Закавказья, Средней Азии, Украина, Белоруссия).

И. Ментешавили: А теперь о больших человеческих жертвах. Грузии не привыкать нести человеческие жертвы. В течение столетий Грузия проливала моря крови, сражаясь с арабами, монголами, Тамерланом, османами и персами, которые топили страну в крови, не щадя даже младенцев. Но на выставке речь идет о другом. Это попытка показать политическую трагедию, а именно – политическое убийство (позволим себе использовать этот термин) страны, которая, обретя независимость, стремилась встать на путь свободного общественно-экономического и политического (демократического) развития. Страна, которую посетившие ее вожди Социнтерна назвали лабораторией социалистических идей, была раздавлена. Поэтому не следует удивляться, что в экспозиции значительное внимание уделяется 1921 г. и XX годам XX века вообще. Грузия, не имевшая образца демократической метрополии (подобно колониям Великобритании и Франции), сама вставшая на путь свободного демократического развития, была завоевана. Так что события 1921 г. должны быть отражены полностью, это ключевой момент.

Авторы: *В намерения авторов не входит стремление принижать те жертвы, которые понесла Грузия в своей истории или иронизировать по их поводу. Без сомнения, Грузия в течение веков была местом действия многочисленных войн, а грузинский народ неоднократно становился жертвой нападения захватчиков, хотя такая же судьба постигла многие соседние с Грузией области. И все же нам кажется, что роль Грузии в качестве жертвы этих средневековых завоеваний (арабы, монголы, Та-*

мерлан и тимуриды, османы и т. д.) только весьма обусловлено может вытекать из этнических и религиозных факторов. Средневековые государства и государства раннего Нового времени включали в себя различные этносы и религии и в своем отношении к подданным, а также в завоевательных походах главным образом руководствовались критерием лояльности. В результате было не редкостью, когда также и мусульмане становились жертвой нападений мусульман, в то время как вассалы-христиане вместе с войсками мусульманских владык выступали в качестве агрессора. В результате шаблоны интерпретации, свойственные для современного национального государства, являются не самым лучшим инструментом. В конечном итоге в интерпретациях такого рода нет места культурным, экономическим и социальным приобретениям, которые без сомнения также имели место в результате мультиэтнических контактов и которые, несмотря на все насилие, стали одной из причин культурного расцвета Грузии. «Золотой» и «серебряный» века в истории Грузии базируются на грузинской культуре, но их невозможно себе представить без влияния со стороны мусульманских завоевателей и соседей, равно как и наоборот, когда грузины, в том числе насильственно угнанные в Исфахан художники и ремесленники, обогатили своими талантами культуру Персии эпохи Сефевидов.

И. Ментешашвили: Поэтому не надо делать одолжение, дескать, этот период истории имеет право на существование (как это мы видим во введении). Авторы статьи считают, что следует показать «сопротивление». На наш взгляд, его не было и не могло быть, ибо события 20-х годов XX века сломили страну. Это в первую очередь касается восстания 1924 г. Жестокое подавление восстания не позволило стране оправиться для оказания дальнейшего сопротивления. И дело не только в массовых казнях. Произошел некий надлом. Ведь при подавлении восстания были казнены члены правительства демократической Грузии. Это моральный разгром, на наш взгляд, – вместе с ним была обезглавлена идея государственности и независимости Грузии. Именно поэтому упор на 20-е годы XX века, если он и есть, вполне обоснован.

Теперь относительно утверждения, что «удивительно мало внимания уделяется 30-м годам с их кульминацией сталинского террора». Мы считаем, что этому периоду уделяется вполне достаточное выставочное пространство и количество материалов. Выставка посвящается советской оккупации. Она должна во всей

полноте, сохраняя хронологическую последовательность событий, отражать историю карательно-подавляющей деятельности Советской власти в Грузии в 1921–1989 гг. Музеи и любые выставки призваны обеспечить нравственно-эмоциональное воздействие и создать соответствующую атмосферу, помочь посетителю ощутить дух эпохи, сопереживать представленное время. При этом меры воздействия должны быть рассчитаны на различные возрастные и социальные группы.

Поэтому еще раз подчеркнем: выставка посвящена советской оккупации, и она повествует именно о ней. Так что в плане содержания и тематики тут нет расхождения. Будь это выставка «Сталинские репрессии», «1937 год» или что-либо в этом роде, тогда, конечно же, надлежало бы в какой-то степени углубиться в освещение вопросов, поднятых нашими зарубежными коллегами, да и то с некоторой оговоркой. Научное исследование, освещение определённого вопроса – это очень индивидуальный процесс, результат личного видения, которое определяется индивидуальным подходом, психологическими побуждениями, свойственными именно этой конкретной личности, только она, эта личность, видит вопрос таким образом. Именно она способна заметить сокрытые от других стороны явления – или даже само явление, как это делает наши немецкие коллеги Марк Юнге, Оливер Райснер и Бернд Бонвеч, в силу чего и становится пионером в данной области. Иначе все писали бы одинаково.

Не следует забывать и о том, что устройство любой выставки связано с фактором пространства: в данном случае историю советской оккупации надо было показать в строго очерченных пространственных рамках. Нужно было представить общую картину эпохи, создать её образ и способствовать её пониманию – и в то же время максимально избегать нагромождения выставочного материала. Поэтому выставка – это не место проведения углубленных изысканий и подробнейшего представления материала. Такой подход – удел академического исследования, где любой поставленный вопрос имеет гораздо больше возможностей для освещения.

Выражаем надежду, что вопрос, поставленный авторами, послужит плодотворной пищей для научных прений между учеными двух стран и пойдет на пользу исторической науке.

*Профессор Иван Шотаевич Ментешашили,
старший научный сотрудник Национального музея Грузии,
член Международного наполеоновского общества».*

Авторы: Мы благодарим профессора Ментешашвили за его конструктивную позицию, нацеленную на диалог. Мы также расцениваем уместными его пояснения касательно характера политического развития Грузии в первое постсоветское десятилетие. Авторы испытывают симпатию к его доводам и понимание его аргументации, хотя различия в оценке концепции и характера «советской оккупации» в качестве главного маркера советского периода в истории Грузии остаются.

Марк Юнге, Оливер Райснер, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер

Перевод с немецкого на русский: Андрей Савин

6. Уничтожение vs. лишение власти этнических меньшинств

Г. Майсурадзе: Поскольку я не смогу принять участие в дискуссии совместного грузинско-немецкого проекта «Массовые репрессии в Грузии 1937–1938 гг.» 12 декабря этого года, хочется выразить в двух словах свое отношение к этому проекту и к связанным с ним расхождениям во мнениях⁶².

В первую очередь хочу поблагодарить авторов проекта, в особенности же его научного руководителя Марка Юнге, за проделанную колоссальную работу. Поскольку предметом исследования проекта является один из самых тяжелых и до сегодняшнего дня фактически неизученных периодов истории Грузии – речь идет о репрессиях 1937–1938 гг. и о терроре, осуществленном государством против собственного населения, – естественно, что его результаты не такие, да и не могли быть такими, чтобы их можно было с гордостью предъявить. Но по моему убеждению, цель истории, как науки, не разжигание чувства гордости и не оправдание прошлого, а прежде всего отображение действительности объективно и беспристрастно. Самой важной частью проекта были как раз поиск и выявление в архивах документальных материалов, что далось авторам ценой неимоверного труда.

Расхождения во мнениях были вызваны интерпретацией найденных и подготовленных к выпуску материалов, и этого следовало ожидать. В главе под названием «Этнос и террор», подготовленной немецкими историками Марком Юнге, Даниелем Мюллером,

Вольфгангом Фойерштайном и российским историком Иваном Джуха высказано предположение, что осуществлявшийся в Грузии террор носил этнический признак и что он тайно предусматривал также и уничтожение этнических меньшинств. По мнению историка, об этом свидетельствует статистика, исходя из которой среди репрессированных в 1937–1938 гг. в Грузии лиц довольно большой процент приходится на этнических негрузин. Этот факт настолько бросается в глаза, что было бы неоправданно оставить его без внимания. Именно этот статистический показатель дает авторам основания, чтобы в осуществлявшихся репрессиях предполагать, что политика тогдашнего руководства Грузинской ССР, была нацелена на уничтожение этнических меньшинств. Это предположение новое и, соответственно, естественно, порождает острые дискуссии и расхождения во мнениях. Но все-таки такое можно себе представить, исходя из общего характера сталинских репрессий, которые, хотя и позже, уже в период II мировой войны, носили этнический характер. Несмотря на это, такое умозаключение, кроме статистики, требует дополнительных аргументов и научных исследований и изысканий. Если террор, осуществлявшийся руководством советской Грузии, предусматривал уничтожение негрузинских этнических групп, то следы данной политики должны обнаружиться и в других сферах, не только в статистике.

М. Юнге, Д. Мюллер: *Наши вывод на основе статистических данных состоит как раз не в том, что политика руководства Грузинской ССР была направлена на уничтожение этнических меньшинств. Более того, биологистический, или геноцидальный подход к репрессиям определенных групп эксплицитно исключается нами. Напротив, мы показываем, что национальные меньшинства были «только» дисциплинированы и в значительной степени ослаблены. Задачей политического и административного центра в Тбилиси являлось укрепление собственной власти с социальной, политической и территориальной точек зрения, а также избавление от любой внутригрузинской конкуренции. Целенаправленно отфильтровывались те лица, которые – в рамках очень узкого понимания лояльности в 1937–1938 годах – в чем-либо «провинились». При выборе жертв этнический фактор являлся лишь одним из многих, однако играл неожиданно заметную роль.*

Наши аргументы действительно основываются главным образом на статистическом материале. В качестве массового источника рассматривались протоколы троек и «Сталинские

списки». Однако, помимо этого, к разбору было подключено содержание (текст) протоколов троек; использовались также некоторые немногочисленные письма высших должностных лиц и письма-жалобы о национальной политике. Кроме того, результаты статистического анализа рассматривались в рамках общей концепции национальной политики тридцатых годов. В совокупности целью являлось восполнение крайнего недостатка источников. Мы осознаем, что наше исследование может быть лишь началом и что, при наличии возможности, должны быть открыты новые источники.

Г. Майсурадзе: Исходя из чувствительности тематики, нет ничего неожиданного в том, что идеи авторов вызвали волну критики, но реакция некоторых оппонентов, на мой взгляд, выходит за рамки академической критики и этики, что мне кажется абсолютно недопустимым. Для того чтобы научные дискуссии приняли интенсивный характер и чтобы пролить больше света на эти довольно темные страницы грузинской истории, мне кажется, необходимо сделать достоянием общественности результаты исследования, как обнаруженные документальные материалы, так и их анализ. Восстановление прошлого без прикрас и его осмысление, как бы это ни было болезненно, принесет результаты только во благо, как для критичного осмысления советского прошлого, так и для преодоления унаследованных от него проблем.

Гиоргий Майсурадзе

*Профессор государственного университета Ильи Чавчавадзе
Директор Института социальных и культурных исследований.*

Перевод с немецкого на русский: Даниил Бордюгов

Перевод с грузинского на русский: Юлия Аделханова

7. Из стенограммы круглого стола в Академии МВД Грузии

Ф. Сулаберидзе: Сегодня мы собрались для рассмотрения научной монографии [“Большевистский порядок в Грузии”], которая, сразу отмечу, выполнена с некоторыми недостатками; следовательно, причиной и целью нашей сегодняшней встречи является

научное рассмотрение монографии, после чего будем обсуждать вопрос о ее публикации. Всех присутствующих благодарю за участие и желаю успешно провести рабочую встречу. Слово передаю директору Архива МВД г-ну Омару Тушурашвили⁶³.

О. Тушурашвили: Приветствую уважаемых участников круглого стола. Цель нашей сегодняшней встречи уже назвал г-н Фридон. Вам была роздана программа круглого стола, регламент выступлений 5 минут. Исходя из того, что некоторые участники спешат на другое мероприятие, им первым предоставляется слово. После выступлений будет объявлен перерыв на 10 минут, после которого откроется дискуссия, которая продлится в течение приблизительно одного часа. Круглый стол будет объявлен закрытым в час дня, поэтому просим всех участников соблюдать регламент. Я буду выступать на двух языках, чтобы выступления были понятны для наших гостей. Слово для выступления первому предоставляется г-ну Марку Юнге – просим вас.

М. Юнге: Должен признаться, что никогда в моей научной жизни не приходилось так свободно работать, с такой поддержкой от какого то архива, имею в виду конкретно Архив МВД Грузии. Только с этой неоценимой помощью удалось в течение почти пяти лет собрать уникальные материалы. Без архива также невозможно было бы создать многочисленные таблицы, которые являются основой нашего грузино-немецкого проекта. Результатом этой тесной совместной работы является трехтомное издание о массовых репрессиях в Грузии во время Большого террора. Почти уже готовая публикация состоит из трех томов: в первом томе производится анализ массовых операций НКВД, во втором томе представлены архивные документы, характеризующие репрессии Большого террора в Грузии, и в третьем томе, и это нечто новое, будут помещены спорная глава об «Этносе и терроре» и вся дискуссия, которая шла об этой главе, а также наши ответы.

В чем новизна подхода, который мы вместе с грузинскими коллегами избрали? Во-первых, мы просопографическим путем, то есть с помощью многочисленных данных из массовых источников, анализировали проведение террора в Грузии всеми внесудебными органами, такими, как «кулацкая», «милицейская» и «национальная» тройки и двойки в Грузии. Мы рассмотрели данные более 25 000 репрессированных; во-вторых, перспектива Москвы была дополнена перспективой Тбилиси, или, другими словами, ключевые интересы центрального советского правительства и партии были рассмотрены в корреляции с очевидными интересами

в самой Грузии. Еще более коротко говоря, мы занимались спецификой осуществления Большого террора в Грузии. Такой подход обусловлен особенностью массовых репрессий: Москва отдала много репрессивной власти на периферию, конечно, условно и временно. Мы очень подробно занимались массовыми репрессиями в Грузии в общем плане, то есть выяснением, сколько человек осудили, какие слои грузинского общества особенно пострадали и так далее.

Хочу сейчас сразу перейти к спорной главе об «Этносе и терроре». Каким образом возник вопрос о том, имеет ли террор не только социальные и политические причины, но также и этнические черты? Я хочу еще раз подчеркнуть, что я здесь сказал «также», а не исключительно. Мы заметили, по нашим данным, что репрессировали, например, в Грузии немцев и абхазцев гораздо больше, чем этнических грузин, – абхазцев приблизительно на одну треть больше и немцев даже в два раза больше. Но самое удивительное было в том, что в отличие от этого репрессировали, например, осетин и тюрков гораздо меньше, то есть в три раза меньше, чем этнических грузин. Таким образом, мы решили рассматривать не только репрессии против диаспор в Грузии, то есть против немцев, поляков, турок, греков, иранцев, как обычно делают. Наоборот, эти диаспоры изучались нами вместе с репрессиями против всех других этносов, представленных в Грузии, – значит, против абхазцев, осетин, езидов, евреев и курдов, вплоть до титульной нации Республики Грузия – грузин. Кроме того, мы решили рассмотреть эти репрессии против всех национальностей, с одной стороны, в рамках национальной политики на месте, то есть в Грузии, и, с другой стороны, в контексте общесоюзной национальной политики, проводившейся Москвой.

Каковы результаты нашего исследования? В общем плане, и это касается не только спорной главы «Этнос и террор», мы смогли показать, что Грузия является не только жертвой Большого террора, но принимала в нём активное участие. Можно даже сказать, что центральному правительству и партии в Грузии не только удалось защитить свои собственные интересы, а также развивать свою власть за счет разных конкурентов внутри правительства, партии и за счет конкуренции на периферии собственной территории.

Снова перехожу конкретно к главе об «Этносе и терроре». Она выясняет то обстоятельство, что центральная власть в Грузии осуществляла гомогенизацию титульной нации, то есть цен-

тральной сетью власти под руководством Берии удалось не только победить своих политических и социальных конкурентов, но также, я говорю «также» – дисциплинировать все национальные меньшинства в Грузии.

О. Тушурашвили: Господин Юнге, пожалуйста...

М. Юнге: Одну минутку. Это типичная сталинская политика, репрессивная политика в интересах центральной власти [в Тбилиси]. В Грузии она не проводилась секретно, вопреки московскому центральному правительству. Наоборот, она совпадала с общей национальной политикой имперского центра под девизом «конец национальному цирку».

И последнее. Сейчас ситуация такова: я при всесторонней помощи Архива МВД еще раз проверю все цифры и данные, чтобы или подтвердить результаты исследования, или – я это откровенно признаю, – отказаться от них. Хочу обратиться к моим грузинским коллегам с просьбой помочь нам в завершении этого сложного проекта и не выступать с призывами цензурировать его результаты или вообще запретить публикацию нашего издания. Спасибо.

О. Тушурашвили: Спасибо, господин Юнге. Я хочу вам представить ректора нашей академии, господина Нукри Гелашвили.

Н. Гелашвили: Здравствуйте. Извините, что немножко опоздал. Я буду слушателем, так что еще раз прошу вас всех принять участие в круглом столе. Спасибо.

О. Тушурашвили: После господина Юнге позвольте мне сказать несколько слов о проекте, в котором я принимал активное участие. Господин Юнге обратился к министру внутренних дел Грузии с просьбой содействовать в реализации проекта «Большевистский порядок в Грузии», на что было получено согласие руководства МВД Грузии, вследствие чего в проекте приняли участие как разные организации, например, Тбилисский государственный университет, так и историки и Архив МВД Грузии. Следует отметить, что над проектом мы работаем в течение пяти лет. В рамках работы над проектом в 2011 году в Государственном университете мы провели круглый стол (госпожа Дали подтверждает мои слова), на котором участниками проекта был рассмотрен первый этап проведенной работы. Следует отметить, что в течение четырех лет работа проходила только над архивными документами, в течение этих лет ничего не было написано и не оформлялось документально. Активная работа над текстом нача-

лась во второй половине 2014 года. Архив был ответственен как за техническое, так и за оперативное обеспечение проекта, за обработку базы данных, корректирование информации и т. д. Идейное несогласие между авторами возникло лишь после того, как группа авторов начала писать текст, приблизительно с летних месяцев 2014 года – с введения, которое называется «Под снегом», – и этим моментом датируются первые разногласия между немецкими и грузинскими авторами. С целью устранения разногласий мы несколько раз встречались с господином Райснером, с помощью которого мы знакомили немецкую сторону с нашими замечаниями. Главное же наше возражение было вызвано включением в книгу главы «Этнос и террор», которая нашим договором не предусматривалась. И, что самое важное: вся статистика – база данных, на которой основывалась упомянутая глава, фактически не была обработана – выявление этнических составляющих было практически невозможно, так как из 22 000 репрессированных у 40–45 % не была заполнена графа национальной принадлежности. Возможно, что даже сотрудникам НКВД в те годы самим было трудно определить национальность репрессированных. Особые трудности возникают в случае с мусульманами, так как фактически невозможно найти различие, например, между турками и тюрками. В течение последних двух недель мы вместе работаем с господином Юнге, и во многих случаях нам представляется фактически невозможным определить национальность репрессированных, так как для одних и тех же лиц указаны разные национальности. Например, для некоторых грузин указывается национальность «азербайджанец», а при этом у них фамилии Цулукидзе, Чхайдзе и др., но ведь невозможно причислить их к лицам азербайджанской национальности? Поэтому на основе недостоверной статистики были получены неправильные результаты, согласно которым грузины проводили этническую чистку разных национальностей. По-моему, основываться на этих статистических данных нельзя, и для получения верных данных следует заново провести статистическую обработку данных, с подключением специалистов соответствующих областей. Частыми являются случаи упоминания разных этносов: например, написано «грузин», а в скобках – «абхаз». Господин Анчабадзе согласится со мной, что в случае с фамилиями Анчабадзе, Шервашидзе, Маршания, Маргания в Самурзакано писали «грузины», в северной части – «абхазы», и как подсчитывать в этом случае? Какая национальность была репрессирована? И, учитывая

сложную политическую ситуацию, в которой сегодня находится Грузия, я думаю, что мы должны воздержаться от таких цифр и заключений. Цель нашей сегодняшней встречи и приглашения уважаемых ученых заключается в том, чтобы найти обоюдно приемлемое решение как для немецкой, так и для грузинской стороны. Благодарю за внимание. Слово предоставляется господину Бонвечу.

Б. Бонвеч: Уважаемый ректор, проректор, Омар Сергеевич. Перед моим выступлением должен сказать, что регламент мне не очень нравится – Вы говорите на грузинском языке, а мы на иностранном языке! (*Бьет кулаком по столу*).

О. Тушурашвили: Автор регламента – господин Юнге.

Б. Бонвеч: Да, но я ожидал, что все будут выступать на русском. Извините. Разберемся (*смеется*). По-дружески. Ну, я тут не повторяю общие замечания, а только напоминаю о том, что во время этих репрессий 1937–1938 годов около 700 000 людей в Советском Союзе подлежали расстрелу и 900 000 – заключению в лагеря. В Грузии, Марк уже сказал, в течение этих операций, длившихся месяцев 15, это очень короткое время, 25 000 людей приговаривались внесудебными органами, и большая их часть к смертной казни. Именно об этих операциях, как заметил Марк и вы тоже, Омар Сергеевич, идет речь в нашей книге. Она – результат совместного проекта, как вы тоже заметили. Я должен сказать, что протоколы, например, *«милицейской» тройки* стали впервые доступны здесь, в Грузии, и все участники проекта благодарны за созданные условия работы. И, как вы уже слышали, некоторые результаты нашей работы вызвали довольно острую письменную критику в отзывах грузинских коллег, а иногда и не особо приятные замечания в отношении немецких ученых. Но надо сохранять равновесие, душевное равновесие. И мы, авторы, а именно сотрудники – Марк Юнге и Даниель Мюллер – принимали критику всерьез, письменно подробно отвечали на эту критику и включили часть этих замечаний в последнюю редакцию текста, но это, конечно, еще не окончательный текст. Но о ваших замечаниях позднее. К сожалению, мы не согласились со всеми, некоторые из критиков присутствуют и выступают потом. А перед началом этой дискуссии хочу напомнить о главных целях нашего проекта, чтобы ввести в контекст. Во-первых, мы хотели установить размер массовых операций в Грузии, характер и последствия взаимодействия центрального контроля Москвы, с одной стороны, и довольно больших возможностей для принятия мер мест-

ными органами – с другой. Для этого все массовые операции должны были изучаться вместе, потому что, невзирая на их кажущиеся различающиеся задачи, у всех операций было много общего. Центральную роль московского отдела статистики и администрации НКВД мы вообще впервые изучили в сталинских репрессиях; во-вторых, мы хотели изучить особенности, как заметил Марк, массовых операций в Грузии. Надо сказать, что эти операции в разных частях Советского Союза имели свои особенности по причине возложения права принятия многих оперативных решений на местные исполнительные органы и, конечно, из-за различия местных условий. Особенности касались прежде всего избрания целевых групп операции. И, в последнюю очередь, – из-за концентрации международной научной дискуссии на геноцидальных аспектах сталинских репрессий – в нашем проекте внимание было обращено на судьбу этнических групп в Грузии. Наши грузинские коллеги, в свою очередь, сконцентрировались именно на критике наших результатов в этом вопросе. Мы, кстати, открыли одну удивительную особенность: компетенция московской Военной коллегии Верховного суда возлагалась на тбилисскую «кулацкую» тройку. Причины этой передачи компетенции местному внесудебному органу до сих пор неизвестны и загадочны. Такая передача произошла только в случае с Грузией. Может быть, в процессе дискуссии некоторые из присутствующих помогут найти решение этого вопроса. Но не только из-за этого я благодарю Академию Министерства внутренних дел за ее проведение. Надеюсь, что, вопреки всем разногласиям, мы найдем общий язык. Спасибо.

О. Тушурашвили: Благодарю. Госпожа Марина Читашвили, слово предоставляется вам.

М. Читашвили: В первую очередь, благодарю за приглашение и прошу прощения, что вынуждена вскоре вас покинуть. Я представляю Фонд им. Руставели. Как профессор в этой области и директор социальных программ в течение более 20 лет я выражаю глубокое уважение и благодарность вашему архиву, который дал возможность нашим студентам пройти практику в стенах архива и работать над исследовательскими проектами, по окончании которых наши студенты опубликовали статьи в ведущих журналах, имеющих серьезную репутацию в современной политологии. Что касается двух принципиальных вопросов – это, в первую очередь, интернационализация, которой всячески будет способствовать Фонд им. Руставели, что подразумевает реализа-

цию совместных проектов грузинскими и иностранными учеными; второе – это то, что в Грузии должна развиваться культура академической независимости, что подразумевает ответственность каждого ученого за свои публикации, и это не является политическим заявлением ни государственной, ни какой-либо другой институции, в противном случае мы никогда не покончим с историями метафор, на которых будет основываться наше современное понимание и которые нас часто заводят в не такой уж приятный тупик. В-третьих, мы будем поддерживать каждый проект, то есть не каждый проект, а то сотрудничество в будущем, на основе которого будет возможно провести дискуссию. И, в-четвертых, на основе представленной документации, которую я не буду рассматривать, так как не являюсь историком, у меня создалось впечатление, что, для того чтобы исключить возможные нарушения принципа академической свободы, было бы неплохо, чтобы конечный продукт двух авторов, двух авторов потому, что реально есть две стороны проекта, прошел бы серьезную внешнюю оценку. В мире действительно есть немало людей, работающих над вопросами сталинских репрессий, террора и т. д. Для этого вполне достаточно одного Стокгольмского института, который действительно является незаинтересованной стороной. И если этот институт скажет, что это не является политикой Академии или чьей-то еще, а это просто научное исследование, будет хорошо. Мое персональное замечание: я сейчас исхожу из социальных наук. Историки, особенно в немецкой традиции, а также в грузинской традиции, начали применять англо-саксонскую культуру, которая больше касается социальной сферы, статистики и т. д., и для меня здесь центральный вопрос, о чем и вы говорили, г-н Омар, это вопрос выработки критериев – кого считать грузином. Если мы будем определять грузин по фамилии, то получим одни данные, если по тому, что у них записано – то другие данные, а если по другим показателям, например, по географическому признаку, по месту проживания, то получим третьи данные. То есть это значит, что проблема в согласии, так как ваш результат, согласно которому при сталинских репрессиях важную роль играл этнический фактор, подтверждается многочисленными исследованиями, так что вы не будете пионерами в этой области. Я считаю, что основной проблемой является проблема выработки единых критериев, о которых вы должны договориться. Вы можете сказать, что есть лица, у которых национальность не указывается, и в тех случаях, где нет таких формальных записей, даже

если из 22 000 такими будут 12 000, вы должны будете отбросить эти 12 000 случаев, не включать их в рабочую статистику и провести анализ по оставшимся данным. Такой подход может не дать широкого обобщения, но можно будет выявить определенные тенденции. Я не знаю, какими они будут. Что касается слов г-на Бонвеча о передаче эксклюзивных прав Грузии, то, может, я глубоко заблуждаюсь, но в одном отчете, который Никита Хрущев отсылает из Украины в Центральный Комитет, прямо указывается, что он перевыполнил план репрессий в Украине. Это можно перепроверить. Поэтому я не вижу какого-то эксклюзивного прецедента в Грузии, а что касается того, что террор в Грузии имел этнические черты и был неконтролируемым и т. д., то это действительно можно сказать. И еще одно: я начала с академической свободы и заканчиваю академической свободой – вчера Би-Би-Си, Си-Эн-Эн, Евроньюс распространяли одну информацию – о пытках террористов сотрудниками ЦРУ. На основании этой информации будет возбуждено международное дело – не потому, что террористы хорошие, а потому что пытки недопустимы. Нельзя скрывать обнаруженную нами новую информацию, она должна быть проверена, должен быть защищен принцип академической независимости, а что касается политической окраски, по-моему, эта политическая окраска вообще может при этом потеряться (*смеется*). Благодарю за внимание, и извините, что нарушила регламент.

О. Тушурашвили: Благодарю, госпожа Марина. Слово передается господину Гурули.

В. Гурули: Приветствую вас. Я представляю Грузинский университет им. Андрея Первозванного Патриархии Грузии. Я ознакомился с материалом, пересланным Архивом МВД Грузии. У меня не было никакой предварительной информации, я работал только с текстом. Из-за ограниченности времени хочу сделать только несколько замечаний. Первое. Начну с того, что уже отметил господин Тушурашвили касательно архивов: для меня абсолютно приемлемо и правильно, и я не повторю сказанное, лишь отмечу, что в этом случае статистика является менее верным материалом. У нас должна быть абсолютно точная информация насчет того, что в статистику включено 100 % репрессированных, вероятность чего невелика. Не то, что статистика 30-х годов, а даже статистика депортированных наций не является точной – пять источников называют разные цифры, и разница составляет от 50 000 до 60 000 человек. Сколько крымских татар бросили в

вагоны – известно, сколько приехали в Узбекистан – разница составляет 30 000. Так что говорить тут о статистике с расхождениями 0,5–1,0 % не приходится. Это может привести нас к неправильным выводам. Что касается замечаний методического типа, которые возникли у меня при ознакомлении с текстом... В первую очередь, заявляю с полной ответственностью, что у каждого автора есть своя компетенция в определенных вопросах, и я не собираюсь говорить на эту тему. Однако следует отметить, что авторы не знакомы с историей Грузии. Может быть, они прекрасно знакомы с периодом репрессий, но не знакомы с социально-политическим фоном 20–30-х годов, изучение которого для иностранного автора может занять 15–20 лет. По-моему, многие ошибки обусловлены тем фактором, что работу они должны были начать с изучения истории Грузии. Они должны были изучить историю, опираясь на источники, а не только на статистику, так как невозможно не знать историю государства и народа, основанную на источниках и документах, и начать изучать какую-то проблему. Далее. Что касается материалов репрессированных в 1937–1938 гг., то после ознакомления с ними обязательно было нужно ознакомиться с материалами реабилитации, так как эти материалы содержат сотни и тысячи фондов, и имеется определенная связь между материалами 1937–1938 гг. и реабилитацией, проведенной в 50-х годах. Такой подход устранил бы множество неточностей, встречающихся в монографии. В общем, постановка вопроса о том, что репрессии 1937–1938 гг. имели этническую окраску, на мой взгляд, является довольно опасным и весьма незрелым подходом. Продолжительная работа может это подтвердить. Однако пять лет, – а никто не сможет меня уверить в том, что на протяжении каждых 365 дней всех этих пяти лет производились исследования, – для этого не являются достаточными. Это слишком тяжелые обвинения, даже для того правительства, против которого и так уже имеется множество обвинений, поэтому все обвинения должны быть доказаны. И последнее, чем я хочу закончить свое выступление: когда я касаюсь вопроса о знании истории Грузии, когда идет речь о репрессировании, например, большого количества армян... Дело в том, что в Тбилиси большинство жителей были армянами. И если из 10 человек расстреливали 5–6–7 армян, то это не потому, что избирательно расстреливали армян, а таким был национальный состав населения. Если в Восточной Грузии репрессировано большое число азербайджанцев, то это потому, что директорами всех школ и колхозов

являлись азербайджанцы, а репрессии как раз проводились против этого слоя населения. Также и в Абхазии: если там расстреляли большое количество абхазцев, то это потому, что там на соответствующих должностях были абхазцы. А кого коснулись репрессии? Лиц, занимающих партийные и советские посты, крестьян-неабхазцев не расстреливали, как и негрузин, ни в Гудауте, ни в Гали, ни в Сухуми и т. д. В заключение я призываю авторов исправить многочисленные неточности, начиная с того, что сказал г-н Омар – то есть с составления новой статистики. И второе: я призываю авторов к глубокому, фундаментальному изучению истории Грузии. И должна быть изучена не историография коммунистическая, а труды современных грузинских историков. Благодарю.

Л. Джикия: Этот период должен быть изучен, но лучше его вообще не изучать, чем изучать неправильно и делать неправильные выводы. У меня есть несколько замечаний, и я коротко изложу их. В одной из глав – «Конец национального цирка» – вы заявляете, что после этих репрессий, в 1938 году, закончилось формирование грузинской нации путем включения в нее аджарцев, мегрелов и сванов. Меня интересует, насколько вы знакомы с теориями формирования грузинской нации, и если знакомы, то почему как минимум не рассматриваете их, и если вы не согласны с ними, то должны были их опровергнуть, вы же не касаетесь этого вопроса. Я, Леван Джикия, родился в Мегрелии, мои родители, их родители и родственники – все мегрелы. Мои родители родились в 1940 году, тогда, когда, по вашему мнению, грузинская нация уже сформировалась, в отличие от моего дедушки и моей бабушки. Как вы думаете, являются ли они грузинами? Могу ли я сказать, что мои предки были грузинами, или они не были грузинами, и лишь мои родители стали грузинами? Было бы интересно узнать ваше мнение об этом. Вы также говорите, что особенно репрессировали мусульман с целью их включения в грузинскую нацию. А почему вы не упоминаете о репрессиях православных граждан, от которых особенно пострадала наша церковь? А репрессии церкви с 1921 года? Это должно быть проанализировано в первую очередь. А говоря о репрессиях в Абхазии, почему ничего не говорите о предыстории, о восстании и о силах, которые стояли за всем этим? Благодарю.

Д. Гамахария: Приветствую вас, благодарю за приглашение. Я буду краток, так как уже отослал рецензию. По моему глубокому убеждению, в теме, которая является очень интересной, ав-

торы свернули с намеченного направления исследования, на что указывают начало и конец монографии. Начинается с репрессий и заканчивается тем, что грузинская нация не должна быть единой и должна расчлениваться. Сам этот факт уже указывает на то, что авторы преследуют другую цель, и лишь прикрываются той актуальной темой, которая называется репрессиями. Эта тема действительно требует изучения, и мы только приветствуем ее изучение. Я никак не могу согласиться с выводами в конце текста. Текст начинается репрессиями, а заканчивается необходимостью распада грузинской нации. От политики, основанной на утверждении о нецелостности грузинской нации, Грузия страдает на протяжении 200 лет, и эта политика продолжается до сегодняшнего дня – на оккупированной территории Абхазии заставляют грузин отказываться от их грузинского происхождения и т. д. И для меня было удивительным, что немецкие ученые, которые являются представителями культурной нации, пишут о том же, о чем историки царской России. Это – продолжение политики советской и сегодняшней путинской России. Именно доказательством этой политики является «научная» публикация об этносе и терроре. На конкретную критику в моей рецензии, в том числе и на 13 вопросов относительно Абхазии, авторы дали общие ответы, не по существу, что неудивительно, так как мы говорим на языке документов, а наши оппоненты – на языке кремлевской политики. Поэтому я категорически против издания этого текста в Грузии. Если издать эту работу за границей, то мы оставим право по существу оценить ее. Благодарю.

3. Папаскири: Господа, надо приветствовать любые начинания подобного рода, когда изучается история Грузии. И мы не против этого. Но вы избрали такую тему, особенно в плане этносов, что здесь результаты могут быть очень опасными. У меня создается впечатление, что главной вашей задачей является утверждение известного тезиса Андрея Сахарова, что Грузия – малая империя, то есть центр большой империи – это Москва, это абсолютное зло, но Грузия – это не меньшее зло по отношению к отдельным этносам, проживающим на территории Грузии. И это первое, самое опасное и самое нежелательное для Грузии. То, что происходило в 1937–1938 гг. и раньше, а может быть, и позже, во времена сталинской диктатуры, это факт, это истина, это аксиома. Но здесь говорилось об этом, и я повторюсь: нам надо углубиться в процессы, которые предшествовали этому. Вот, возьмем, к примеру, материалы по лазам – а что, разве не было это антиго-

сударственной выходкой отдельных авантюристов, а их что, не следовало наказать? Может быть, не следовало так строго наказывать. Вот здесь госпожа Читашвили говорила очень правильно: сейчас осуждают тех людей, которые пытаются террористов. Никто террористов не оправдывает, понимаете? А у вас получается так, что все ангелы, главное зло – это Тбилиси и тбилисское руководство. Так нельзя, надо эти вопросы как-то увязать между собой. То, что происходило в Абхазии с 1921, может быть, еще чуть раньше, но особенно с 1921 по 1936 год, во времена диктатуры Лакобы, это был националистический большевистский режим, который все время действовал против Тбилиси, завуалированно или даже открыто. В 1925 году они официально предприняли попытку выхода из состава Грузии. Между прочим, в 1992 году потомки тех же сепаратистов (они были сепаратистами и остаются сепаратистами) предприняли попытку, нарушив все нормы, законодательство, восстановления той злополучной конституции. То есть это политический процесс, понимаете? И правильно здесь батони Вахтанги говорил, Гурули, профессор Вахтанг Гурули говорил, почему была истреблена вся партийно-политическая абхазская элита и, к сожалению, и интеллектуальная элита. Чем занимались эти интеллектуалы? Возьмем Гвасалию, возьмем Ашхацаву – чем они занимались? Они подготавливали идеологию против Грузии, против единой грузинской государственности. Это непростые вопросы. В этих вопросах надо, когда вы говорите о результатах, говорить и о причинах, а я не увидел там причины. Все ангелы, Тбилиси – зло. Я еще раз повторяю: значит, у вас все идет к тому, чтобы утвердить мнение, тезис, что Грузия – это малая империя. Была малая империя и является малой империей. Я прошу прощения за эмоциональное выступление, извините. Спасибо.

О. Тушурашвили: Благодарю вас, господин Папаскири. Слово передается господину Даушвили. Господин Даушвили, может, выступите на русском?

А. Даушвили: Нет, я буду говорить по-грузински. Была проведена колоссальная работа, что нужно приветствовать. Но какая это работа? Я полностью согласен с выступлениями коллег, особенно касательно цели изучаемого вопроса. Могла быть цель – помочь народу в прозрении. Интересным является тот факт, что за все четыре года работы авторы ни разу не встретились с грузинскими историками, работавшими по этой теме. Таким образом можно было бы избежать сегодняшних острых оценок текста.

Я не буду развивать эту мысль. В монографии, особенно в этой главе (не касаюсь статистики, биографии и других глав, хотя они также вызывают определенные вопросы), грузины обвиняются в этночистке. Я хочу спросить коллег: а где же результат этого? Если мы провели этночистку, используя грузинское происхождение Сталина и Берии, где результат? Почему сегодня 20 % территории Грузии оккупировано, почему до сегодняшнего дня Кремль продолжает вести идеологическую войну, преследуя сепаратистские цели. Может, авторы потому и не связались с нами, что мы раскрыли бы их планы на ранней стадии исследования? Работа идет сверху вниз, тогда как должна снизу вверх. События 1937–1938 гг. созревали в 1920-х годах. Работая над этой тематикой, я изучил материалы 20-х годов. Я верю, что наши немецкие коллеги согласны с мнением, что победа во Второй мировой войне советской армии и армий союзников была положительным историческим явлением, поэтому это также следует принять во внимание – какова была международная обстановка, что предшествовало, и не только это. Еще одно. В последнем варианте текста немного изменено вступление, и я хочу указать на одно место в тексте. Большое значение имеет концепция авторов, их взгляд. Наши коллеги рассматривают «Покаяние», известный фильм. Упоминают, что автор в фигуре Аравидзе изобразил Берию и Сталина, а это не так. Это значит, что они увидели то, что желали увидеть, и не заметили внешности Гитлера и... Муссолини. Такой же подход у них и к материалам – видят то, что желают заметить, и пропускают то, чего видеть не желают. Кроме того, везде упоминаются Сталин и Берия, тогда как были и другие грузины, Орджоникидзе и другие, но они авторов не интересуют. Почему? По-моему, они мстят Сталину за 9 мая 1945 года, а Берии – за лето 1953 года. Эти исторические процессы имели место, и мы, грузины, не должны отвечать за их грехи. Сегодня публикация книги будет вредить безопасности Грузии, и авторы должны знать, что Ангела Меркель, наш друг и любимый человек, является сторонником территориальной целостности Грузии, и мы не должны допустить публикацию текста, направленного против целостности страны. Давайте же изучать, как мы угнетали меньшинства, собирали в резервации, как американцы, или охотились на них? Как так можно? Это очень плохой прецедент. Грузия всегда славилась толерантностью, излишней толерантностью, а сегодня выступают и говорят, что мы охотились на людей. А укажите результат этого, вы же не видите результата.

Г. Квдиашвили: У нас как у участников проекта изначально возникли возражения – сразу же, как только был написан первый вариант текста, поэтому я буду говорить о конкретных деталях. В первую очередь речь идет о главе «Этнос и террор». Вопрос о том, насколько основанием для репрессии послужил национальный мотив. Вероятно, это самый опасный вопрос в исследовании, и он требует особой аргументации, о чем мы не раз дискутировали. Прежде всего, я согласен с профессором Вахтангом Гурули: статистика не может являться единственным способом аргументирования теории, обязательно надо иметь документы, которые как-то подтвердят это. К сожалению или к счастью, такой документ не был найден ни нами, ни немецкими исследователями. Такой документ не найдется ни в этой, ни в какой-нибудь другой публикации. Единственное основание, на которое опираются исследователи, – это статистика, что, как уже было нами отмечено, не может быть единственным основанием. Статистика до сегодняшнего дня еще находится в процессе обработки. Вторая тема – это работа Военной коллегии, которая во время Большого террора передала свои полномочия в Грузии *тройке*, как это отмечал господин Бонвеч. Этот вопрос детально изучен нами в рамках другого проекта, детали которого, как статистические, так и содержательные, были использованы в настоящем исследовании. Я имею честь быть соавтором одной из глав вместе с господином Юнге, и там есть определенные вопросы, по которым мы не можем прийти к единому мнению, и, в первую очередь, они касались национального мотива репрессий. В этом вопросе мы не согласны. И, вероятно, в будущем еще об этом вопросе будем дискутировать. Что касается моего мнения как историка и исследователя, глава «Этнос и террор» нуждается в основательной переработке, иначе останется множество разногласий. К сожалению, в исследовании прослеживается тенденция проведения параллелей между прошлым и настоящим. Оно вышло за временные рамки, которые мы изначально намечали, – это должна была быть эпоха репрессий. Мы вышли за рамки этого, и были проведены печальные параллели, особенно в главе «Под снегом», что, по-моему, является нецелесообразным, так как мы представляем теории, нуждающиеся в аргументации, теории, которые вызывают разногласия даже между нами – исследователями. Вот об этих основных темах я хотел бы поговорить. Репрессии по этническим мотивам не обнаруживаются в действиях Военной коллегии, это были репрессии элиты, и об этом много уже написано. К сожалению,

нию, господин Блаувельт не присутствует на сегодняшней дискуссии, а в его последних работах касательно репрессий четко выявлен политический мотив и полностью исключается этнический вопрос. И это подтверждают не только работы Блаувельта. Это противоречивый вопрос, есть разные теории в западной историографии, которые на передний план выводят разные мотивы репрессий. Наше преимущество заключается не в обзоре теорий, а в том, что у нас на руках документы, которые помогут нам доказать наши теории. В противном случае мы предоставим теории, рассмотрение которых с исторической точки зрения не будет правомерным.

Л. Авалишвили: Я являюсь автором одной из глав, и не раз говорил Марку и Мюллеру, что они идут по неверному пути – они почему-то желают подтвердить уже представленную теорию, а не исходить из фактов. Есть конкретные вопросы, на которые Марк не обращает внимания. Он говорит о больших репрессиях абхазцев и немцев и в несколько меньшей степени осетин. И непонятно, как может идти речь о репрессиях по этническому мотиву. Я хотел бы, чтобы Марк еще раз обратил внимание на то, что репрессии немцев контролировались из центра, происходили по всему СССР, и количество немцев не было большим в Грузии. Марку известно, что после создания «национальной» тройки в Грузии она выносила самые либеральные решения – если в Украине и в Белоруссии «национальные» тройки расстреливали 70 % осужденных, то в Грузии – лишь 30 %. Получается, что «национальная» тройка, которая была инструментом репрессии разных национальностей, была довольно либеральной в Грузии. Еще одно слабое место – вопрос репрессирования осетин. Хотя Марк старается объяснить малое количество репрессированных тем, что осетины не назначались на должности, этот фактор все равно не согласуется с его выводами о политических репрессиях. Марк вообще не рассматривает теорию Т. Блаувельта, что является обязательным для данного исследования, чтобы читатель сделал вывод, была ли это в Абхазии политическая борьба, или столкновение двух групп. Логично, что репрессировали абхазцев, так как они были должностными лицами, как это происходило и в других регионах. И, наконец, я рекомендую отказаться от главы о лазах. Это очень слабая глава, так как было репрессировано всего лишь 40–50 человек. Вы аргументируете репрессии по этническому признаку, но несерьезно основываться на единственном документе и на одном человеке, который не был лазом. Напоминаю вам,

что в тех документах часто не упоминается национальность. Тот же Сологубов-Скобелев является русским, а проходит по немецкой операции.

Г. Квдиашвили: Я хочу сказать несколько слов о статистике так называемых сталинских списков. Из 3616 человек мы не ввели данные о национальности приблизительно 800 человек, так как у этих лиц национальность не указывалась, и, несмотря на то, что мы были уверены в их национальности, все равно не приписали им национальность. Статистика является весьма точной наукой, и ошибка в статистике вызовет большие проблемы. Так как если мы точно не знаем статистики, то мы не сможем опереться на данные, именно поэтому мы не ввели данные 800 человек. Что касается вопроса о публикации, то никто не сможет запретить ее, кроме самых авторов. Если между авторами не будет согласия, это будет проблемой. Извне никто не имеет права на публикацию или ее запрещение, авторы публикации принимают решение, печатать ее или нет. Так что разговор о цензуре тут не только нецелесообразен, но и недопустим. Смешно, потому что мы не говорим тут о цензуре, тут речь о том, что только авторы должны согласовывать свои мнения. У любой книги, у любой публикации есть свой автор; если авторы не согласны друг с другом, то текст не издается, в обратном случае – издается. Главное – авторам иметь единое мнение о содержании, а остальное не является предметом обсуждения. Это должны решить только авторы, по моему мнению.

О. Тушурашвили: Благодарю, Гиоргий. Слово передается господину Райснеру.

О. Райснер: Я являюсь историком, моя диссертация посвящена вопросам истории Грузии XIX века. По-моему, этот проект является очень важным. И не только для немцев, но и для Грузии. Это шанс для грузинской историографии перейти на международный уровень. Они не являются агентами Кремля, они являются союзниками Грузии. Г-н Бернд Бонвеч был директором Института истории Германии в Москве, где выступил с критическим словом, что уже невозможно в сегодняшней Москве. Так что перед нами стоят два фундаментальных вопроса – один научный, и о нем уже говорили; но они ученые, а не политики; я вижу в этой дискуссии, что поставленные авторами вопросы актуальны с политической точки зрения, из-за сегодняшней политики, аннексии, и это понятно; но важно, чтобы ясно, как об этом писал Иванэ Джавахишвили еще в 1904 году, была разделена «мамулишвилоба»

и наука. Да, возможно, в работе есть изъяны, но я надеюсь, что они будут исправлены путем диалога, который будет продолжен более интенсивно, с включением всех историков, которые до сих пор не были включены. Я являюсь одним из авторов главы «Под снегом», в которой явно чувствуется недостаток теорий, способствующих анализу и пониманию сталинизма в Грузии. Поэтому я надеюсь, что проект будет продолжен для того, чтобы ваши конкретные пункты и детали, которые никогда не будут понятны для иностранца, были учтены, а это возможно лишь в результате научного диалога. Я на это надеюсь и поэтому являюсь сторонником этого проекта. Сожалею, что у меня не было больше времени для участия в проекте. Очень важно исследовать вопрос об истории историографии Грузии, над которым я сейчас работаю, предполагающий привлечение новых научных методов. Я знаю, что этот процесс очень болезненный, и не могу согласиться с оценкой подхода как правильного или неправильного – так как это подход иностранных ученых, их взгляд. И для уточнения этого, я надеюсь, проект будет продолжен. Что для меня важно, так это то, что Архив МВД Грузии является одной из сторон, издающих монографию. Я думаю, что это хороший шанс продемонстрировать, что вы не боитесь постановки неприятных вопросов. Но также должно быть отмечено, как это делается у нас в Евросоюзе, что вы не несете ответственности за содержание. Этот процесс, о чем уже говорил господин Гамахария, очень важен для грузинского общества, для общения с абхазцами. Эта проблема очень болезненна для абхазцев. Очень важно говорить о причинах репрессий, и это будет шанс для перехода отношений на новый уровень. Я надеюсь, что в проект будут включены абхазцы и ученые из Франции, однако это не столь важно. Главное – сохранить научный подход. Благодарю.

Г. Анчабадзе: Благодарю вас за возможность познакомиться с публикацией. Ну, что мне сказать по этому поводу?.. Сама тема, конечно, очень интересна, очень важна... Чем раньше мы это преодолеем – вот этот рубеж, который отделяет нас от знакомства с этим страшным периодом нашей общей истории, я имею в виду общей истории народов, которые входили в Советский Союз, чем более свободно будем говорить о том, что было, тем лучше – тем быстрее мы выйдем на какие-то новые перспективы. Я не могу себя назвать специалистом в этой области, потому что я, собственно, по теме Большого террора практически не работал. Но я сам являюсь потомком репрессированных семей как со сто-

роны моего отца, так и со стороны матери, и я с самого детства знал, что там происходило. В частности, раз уж речь зашла об абхазской составляющей этого террора, я могу сказать, что семья моего отца культурно была грузино-абхазской и играла определенную роль в грузино-абхазских отношениях. У моего прадеда было шесть сыновей и одна дочь. Вот из этих шести сыновей четверо, в том числе и мой дед, воевали в 1921 году в русско-грузинской войне, когда Красная Армия вторглась в Грузию, они воевали в составе грузинской армии. Это я хочу сказать еще и потому, что здесь прозвучали обвинения, что абхазы как бы восставали против Грузии и с самого начала какие-то козни Грузии чинили, и, мол, чем-то оправдывается эта агрессия, репрессии против них. Старший брат моего деда погиб в этой войне. В 1937 году были расстреляны трое из оставшихся пяти братьев, в том числе мой дед, а два человека спаслись, они скрывались тогда от карательных органов. Одна сестра была, как я сказал, и ее муж был также расстрелян. Моя бабушка, она была грузинка по национальности, бабушка со стороны отца, с материнской стороны у меня все грузины, моя бабушка была арестована и сидела семь лет в лагерях, в «АЛЖИРе», в знаменитом, печально знаменитом «АЛЖИРе». Но я хочу сказать, что никогда в нашей семье я не слышал разговоров о том, что, допустим, они были по этническому принципу репрессированы и т. д. Однако тот факт, что вот наши уважаемые немецкие коллеги нашли какое-то несоответствие в процентном отношении среди репрессированных, я думаю, это следует не замалчивать, а просто изучать, находить причины. Необязательно это, допустим, из-за каких-то грузинских, из-за каких-то национальных тенденций, которые вообще трудно представить в 30-е годы в Советском Союзе, но это может быть действительно каким-то частным решением тогдашних грузинских руководителей во главе с Лаврентием Берией. Но все-таки эти статистические данные дают, как я вижу, возможность неоднозначных выводов. Допустим, больше всего в процентном отношении, как я понял, пострадали немцы и абхазы, затем идут грузины из наиболее крупных этнических групп, но меньше получается, – если я не ошибаюсь, я не мог все очень подробно прочитать в компьютере, и, может быть, я поэтому что-то пропустил, – но меньше тогда получается тюркоязычных граждан, которые позже стали называться азербайджанцами, тогда еще они так не назывались, и осетин. Тогда получается, если так подходить, и это смешно, конечно, что турки или осетины проводили

репрессии в Грузии. Так что все это надо изучать. Я вот считаю, что очень хороший этот пятилетний проект был, где работали вместе немецкие и грузинские ученые, я приветствую такое начинание, такое направление, и я полагаю, что если есть что-нибудь непонятное, если есть что-то еще спорное, это в порядке вещей. Я думаю, что если пять лет длилась эта работа, можно и еще некоторое время уделить, подробно изучить те вопросы, которые вызывают разногласия. Может быть, еще сами авторы пусть сядут и поговорят об этом. И мне также понравилось то, что предложила госпожа Марина Читашвили: можно, в конце концов, привлечь еще и с третьей независимой стороны экспертов, которые в этом отношении будут нейтральными, их тоже можно включить в этот вопрос. Ну, я хочу еще пару слов сказать о дискуссии, свидетелем которой я стал. Я не могу с моими грузинскими коллегами согласиться в том, что в каких-то до конца не проясненных для них вопросах они видят только ошибки со стороны своих оппонентов, коллег-оппонентов, и какие-то клише, как, скажем, «кремлевская платформа» и т. д. и т. п. Ну, это неправильно, это я с уважением говорю в отношении моих грузинских коллег, я их хорошо знаю и всегда готов с ними сотрудничать и читать их книги, но я считаю, что здесь их подход неправильный. Потом, я не вижу необходимости вот так глубоко углубляться в историю Абхазии, потому что, конечно, каждая историческая эпоха является результатом предыдущих исторических событий и т. д., но так мы можем до каменного века дойти. Я считаю, что средневековая история Абхазии, я не знаю, почему это возникло, я вижу при переписке, не имеет отношения к рассматриваемым вопросам. Я с большим уважением говорю это моим грузинским коллегам, потому что уважаю их точку зрения, и знаю, что уважаемый Джемал – он искренне отстаивает эту точку зрения... это ваша точка зрения, я уважаю вашу точку зрения, а также, батано Александре, вам я говорю. Но ведь в отношении истории Абхазии и происхождения абхазов есть и другие точки зрения, которые, если мы не будем других ученых касаться – Иванэ Джавахишвили, Симон Джанашиа, Нико Бердзенишвили – это историки, которые стоят во главе современной исторической науки, наши предшественники, они стояли на других позициях... Тогда вот надо и вашу, и их точку зрения показывать – нельзя только какую-то одну. Иначе очень трудно будет вам договориться между собой. Вот что я, в целом, хотел сказать. Еще два слова хотел бы сказать насчет социальной структуры. Я не ду-

маю, что это такой уж главной было причиной для репрессий. Ведь, например, мы знаем, что среди жителей Советского Союза казачество подверглось одной из самых в процентном отношении сильных репрессий, а среди казачества все-таки образованных людей, представителей интеллектуальной элиты не так уж много было, наверное, вы со мной согласитесь. Кроме того, были, раз мы говорим о репрессиях, и тем более об этнических репрессиях, были выселены целые народы в Советском Союзе, которые как раз не имели еще сильной интеллигенции. Так что тут есть много вопросов, которые, я думаю, надо решать, надо рассматривать. И если даже мы не согласны, допустим, какая-то часть грузинских историков не согласна с этими положениями, которые уважаемые немецкие коллеги выдвигают, то грузинская сторона в этом не должна видеть какой-то злой умысел. Так уж получается из этих оценок. Давайте приходить к единому мнению академическими методами. Я считаю, что так надо дальше продвигаться. Спасибо большое за внимание.

О. Тушурашвили: Благодарю. Слово передается госпоже Дали Канделаки.

Д. Канделаки: Благодарю. У меня не было претензий написать или принять участие в подготовке текста, я являюсь одним из авторов одной из глав. Эта глава касается потомков репрессированных, их воспоминаний, на примере одного конкретного района, в частности, села Хашми Сагареджинского района. Я являюсь руководителем магистерских и докторантских программ по русистике, познакомилась с господином Юнге с помощью моего магистранта Давида Джишкариани, и так началось наше сотрудничество. Было известно, что планировалось издание проекта под ранее заявленным названием – «Большевицкий порядок», не было сказано изначально, что планировалось написание главы «Этнос и террор», а также публикация третьего тома. С другой стороны, материал и источники могут продиктовать новое направление исследования, ведь так? Можно начать в одном, а продолжить и в других направлениях. Когда два первые тома были готовы, – я делаю маленький экскурс для грузинских ученых, объясняя, почему не были подключены к работе грузинские историки, – глава «Этнос и террор» стала последним аккордом. Когда у некоторых участников проекта, г-на Омара Тушурашвили, Гиоргия и Левана, появились определенные вопросы касательно того, почему изучение пошло в этом направлении, тогда состоялось уже ваше включение и ознакомление со всем этим. Следова-

тельно, мое личное мнение, которое я не раз сообщала г-ну Марку, не раз писала ему об этом, было таковым: давайте издадим первые два тома, как это и предполагал проект изначально. И, поскольку третий том породил столько вопросов, – правильна ли статистика, должны ли мы основываться на имеющейся информации, следует ли продолжить исследование, то давайте, друзья, не будем спешить с третьим томом. Давайте издадим два тома, по которым, как мне известно, нет никаких разногласий. Я думала, во всяком случае, мне так было известно, издадим на грузинском, русском и, как и планировалось, на других языках, чтобы руководители проектов могли отчитаться перед Фондом Фольксвагена, что проект завершился. И я предложила господину Марку: нельзя ли подать новую заявку, подготовить новый проект, в котором исследование будет проходить под тем углом, который определился на последней стадии работы. Вместо спешного издания лучше продолжить проект. Возможно, обнаружатся еще какие-то архивные материалы, и исследование пойдет по какому-то новому пути. То есть не будем останавливаться, издадим на этом этапе два тома и продолжим исследование. Таково мое личное мнение, которое и до этого было известно Марку.

О. Тушурашвили: Благодарю, госпожа Дали. Выступающих больше нет, мы скоро начнем дискуссию. У кого не было возможности высказаться, сделают это в процессе дискуссии, регламент две минуты. До этого хочу предоставить слово господину Гелашвили.

Н. Гелашвили: Как я уже отмечал, я не являюсь историком, что осложняет участие в полемике. История является наукой и предполагает наличие определенных знаний. Для оценки такого исследования обязательно аргументировать свое мнение. С этим материалом ознакомиться не только грузинское общество и весь мир, но и будущие поколения, студенты. И этот материал будет способствовать формированию определенного мнения. Никто из присутствующих здесь не является современником того периода, а будущие поколения будут еще более отдалены от той реальности, поэтому формирование их мнений будет основываться на исследованиях подобного рода. Тем более что в это исследование включены разные историки, как немецкие, так и грузинские. Следовательно, я хотел лишь подчеркнуть идею господина Райснера – исследование должно быть научным, а здесь полемика проходит как бы по политическим, а не по научным вопросам. Я не могу согласиться с вами, и вот по какой причине. Я являюсь юри-

стом, хотя профессия в этом случае не имеет значения. В монографии приводятся выводы, которые, хотим мы этого или нет, являются составляющей определенной политики, и любой вывод может иметь политическую окраску. Каждое заключение должно опираться на что-нибудь, в частности, на факты. Каждый же факт должен основываться на определенных доказательствах. В нашем случае доказательством является статистика, которая, и по вашему, и по нашему утверждению, не является достоверной. Следовательно, тут речь идет не о каком-то политическом взгляде, тут речь идет как раз о научной тематике, когда факты опираются на неточную и неправильную статистику, что обуславливает, само собой разумеется, отклонение от реальности. И последнее. Хочу подчеркнуть вопрос о недостоверности статистики. То, что я читал и с чем ознакомился, конкретно – с приводимыми фактами, там читатель или исследователь, наверное, попытался бы найти факты, обусловившие выводы исследователей, как и доказательства достоверности этих фактов. В данном случае не определена методика статистической обработки в целом, о чем не раз упоминалось, то есть принадлежал ли конкретный человек к такому-то этносу – что было основанием для определения такой принадлежности? Документ, в котором указывалось, что он был грузином, осетином, абхазом и т. д., фамилия, на основании которой ученый решил, что эта фамилия абхазская, осетинская, грузинская или немецкая, то есть нет конкретного основания для такого определения, во всяком случае, я этого не увидел. Если вы сможете доказать, что это действительно было так, и конкретный этнос определялся или по документу, или по происхождению фамилии, или по географическому положению, или по какому-нибудь еще конкретному основанию, тогда можно было бы согласиться и с выводами. Но как раз об этом и идет речь, что эта статистика не является достоверной. Следовательно, научные основания этой работы именно поэтому и являются сомнительными, что станет явным для каждого читателя, желающего углубиться в исследование. Наоборот, наше желание как раз и состоит в том, чтобы эта работа была по-научному обработана. Благодарю.

О. Тушурашвили: Благодарю, господин Гелашвили. Сейчас по регламенту у нас должен быть перерыв, но, думаю, мы сможем продолжить, так как обсудить осталось мало. Прошу желающих принять участие в дискуссии. Господин Джишкариани, прошу вас.

Д. Джишкариани: Здравствуйте, я Давид Джишкариани, историк. По моим впечатлениям от этой дискуссии и предоставлен-

ных рецензий, часто речь идет не о конкретном вопросе, не о том, что написано ученым и представлено читателю. Речь идет о принципах и о том, что нравится или не нравится ученым в данном историческом нарративе, что приемлемо и неприемлемо для нас. Исследование Марка, Мюллера и Бонвеча является качественно новым словом в грузинской историографии, когда в неисследованной сфере, – и я выражаю большое уважение г-ну Даушвили, который является автором многих исследований в этой сфере, но не конкретно в этой, – впервые на невспаханном месте появляется новый труд, заключающий множество неприемлемых деталей для нас. Во всяком случае, в том историческом нарративе, которым мы питаемся, по этому вопросу ничего не было сказано. Исходя из этого, дискуссию о том, что что-то правильно или неправильно, не считаю продуктивной, поскольку ответственным за каждую работу является лишь ученый. Господину ректору могу ответить: вы правы, у всего есть свое основание, и достоинством этой книги как раз то и является, что, с одной стороны, представлены заключения ученых касательно террора, а с другой – к этой же главе приложены и соответствующие документы, так что читатель может, с одной стороны, ознакомиться с мнением господина Юнге и его коллег, а с другой – глубже изучить вопрос, обратиться к документам, на основании которых сделаны выводы. Следовательно, методологически книга очень хорошо построена. Не согласен с Юнге? Хорошо, ознакомьтесь с документами и формируйте свою, новую идею. И, кроме этого, добавлю еще. Для меня совершенно неясно, что такое правильная и неправильная история. Существует ученый, существует человек, который пишет эту историю, и ответственность за эту историю, за этот нарратив, лежит только на этом ученом. Должна ли быть опубликована эта книга? Я однозначно считаю, что должна, рецензии и дискуссия по этому вопросу будут только способствовать продвижению. И это будет большим шагом вперед для Грузии как для государства. Я подчеркну аргумент господина Райснера: раз и навсегда прекратится игра в пинг-понг между грузинскими и абхазскими историками. Это будет первая попытка, когда грузинские историки сделают хорошую подачу и скажут, что мы не находимся больше в положении отбывания, а наоборот. Сделали подачу и давайте теперь обсуждать этот вопрос. Благодарю.

Н. Гелашвили: Хочу лишь подтвердить, что никто не препятствует господину Юнге заниматься исследованием, а, скорее, на-

оборот, мы приветствуем и поддерживаем принцип академической свободы. Никто не препятствует господину Юнге публиковать статьи и книги под собственным именем. Но когда мы говорим о двухстороннем проекте, то и другая сторона имеет право на академическую независимость, и как раз об этом и идет речь. Эта книга должна остаться для будущих поколений, и не только для историков. Историки будут над ней работать, закончат работу, и другие историки выскажут свое мнение и т. д. Но простым гражданином, простым человеком, представляющим большинство и не являющимся историком, книга будет восприниматься такой, какой она будет написана. Он не сможет понять глубину исследования, не сможет обработать статистику, и ни один гражданин не сможет просмотреть все протоколы в архиве. Поэтому выводы должны быть едины для каждого читателя, так как они формируют мнение. А в случае с двухсторонним проектом выводы должны быть согласованы, или же текст может быть опубликован под именем отдельного исследователя. Благодарю.

И. Хвадагани: Я коротко выскажу свое мнение. Как у человека, не участвовавшего в проекте и впервые ознакомившегося с текстом, у меня монография не вызывает столько вопросов и сомнений, особенно с точки зрения преследования разных этносов, даже при неточной статистике. Следует учесть, что национальность определяется по анкете, которую заполняли сами репрессированные. Следовательно, они сами определяли собственную национальность, и этот элемент обязательно должен быть учтен. Неправильно считать, что если фамилия звучит по-грузински, но в анкете написана национальность абхаз или осетин, то это ошибка, скорее наоборот – это является выражением идентичности этих лиц. Это следует принимать во внимание, и с сегодняшней позиции то определение национальности, которое предлагают выступающие, наоборот, опасно. Второй вопрос – и все историки со мной согласятся: когда нас спрашивают, в чем заключалась логика Большого террора, мы все молчим, так как очень трудно объяснить. И мы каждый раз пытаемся заглянуть в мышление тех людей, которые на верхнем, среднем и нижнем уровне (исполнители черной работы) действовали в рамках Большого террора. И, когда они исполняли свои функции, им было трудно дифференцировать национальность лиц, подлежащих репрессиям. Поэтому тут трудно не учитывать этнический фактор, наоборот, это может играть ключевую роль в некоторых регионах для понимания того, почему какая-то определенная группа

подверглась большим репрессиям. Поэтому, если исследование будет идти в направлении выявления национальности конкретных лиц, проводивших террор, то многие вопросы будут сняты. И эта дискуссия помогает уточнить этот вопрос, а утверждение, что в Советском Союзе были невозможны этнические преследования, по-моему, неприемлемо для научной дискуссии.

М. Клингенберг: Меня зовут Матиас Клингенберг, я историк и руководитель немецкой образовательной организации. Я получил приглашение, и там было написано, что круглый стол на двух языках – на русском и на английском, поэтому я сейчас продолжу на английском. *(Переходит на английский.)* Хочу сказать о двух вещах. Эта дискуссия очень важная. Эта дискуссия непосредственно касается идентичности – идентичности грузинской нации, истории Грузии, и поэтому эта дискуссия очень важна, тем более что Грузия подписала соглашение с Европейским Союзом. Поэтому важно дискутировать, учитывая также ориентиры Европейского Союза. В дискуссии могут возникнуть вопросы, которые не для всех будут приятны, будет обсуждаться много запретных тем, – иначе прогресс не предвидится, как в некоторых странах, которые не говорят о запрещенных темах. Поэтому рассмотрение таких тем, как идентичность и этничность, мне кажется очень важным. Я не говорю о научной стороне текста, так как с ним не знаком, но я думаю, что важно опубликовать эту книгу и сделать ее доступной для каждого читателя, чтобы ее можно было обсуждать со всеми вместе, так как это явилось бы одним из основных принципов свободы выражения и научной свободы. Тут собралась очень маленькая группа, я не знаю, кто кого пригласил, кто пришел и кто не явился, поэтому важно опубликовать книгу и начать открытую дискуссию о ней. Грузинские ученые, которые критикуют главу или книгу, могут написать свою статью, присоединиться к открытой дискуссии и т. д. Сегодняшняя дискуссионная группа очень маленькая, тогда как этот вопрос очень важен для Грузии, для будущих поколений. Благодарю.

Н. Гелашвили: Мы как раз об этом и говорили – мы не желаем политизировать этот вопрос, а то, что вы предлагаете, это и есть политизация вопроса. Подписание договора с Евросоюзом и рассматриваемый вопрос не имеют ничего общего. Тем более что г-н Юнге сам указывает, что ему не интересны идеи ученых, он желает лишь увидеть текст опубликованным. Еще раз повторяю: никто не препятствует г-ну Юнге печатать текст – но если это двухсторонний проект, давайте послушаем и мнения ученых.

А. Даушвили: Исследование должно начаться с прошлого, а не с сегодняшнего дня, и не с отношений с Евросоюзом. Я хочу вспомнить слова известного французского историка, заключенного в концентрационный лагерь: историк не является судьей, историк должен понять процесс и предложить свое понимание обществу. Вы, авторы, не понимаете процесс, и что вы сможете предложить обществу? Я согласен с мнением г-на Анчабадзе – проект должен быть продолжен. Ведь нельзя же печатать все? Ведь существует же чувство ответственности? Хотя бы та часть, которую г-н Юнге опубликует отдельно – должен же он нести ответственность за свой текст?

Н. Гелашвили: Мы находимся в государственном органе. Я не могу принять сторону какой-нибудь группы авторов. Главное, чтобы ученые, основываясь на конкретных фактах, приняли согласованное решение, и других интересов ни у меня, ни у моих коллег нет. И никто никого не обвиняет ни в каком заговоре.

Г. Анчабадзе: Я хочу тоже добавить, я хотел уже с самого начала это сказать, и выступающие после меня коснулись этой темы. Действительно, разумеется, уважаемый ректор принимающей нас академии господин Гелашвили совершенно прав, когда говорит, что каждый автор может под своим именем опубликовать свою работу, и не надо, чтобы все с ним соглашались. Но все-таки раз пятилетняя работа была, раз совместный опыт работы есть, может быть, еще раз подумать, какую форму для этого найти? Причем я, например, не согласен с точкой зрения, чтобы опубликовать часть работы, вся работа должна быть опубликована, и дискуссионный том тоже, и глава, которая вызывает наибольшие споры – «Этнос и террор», это тоже должно увидеть свет. Почему? Во-первых, потому что это тоже результат научной работы, совершенно искренний и не обремененный никакими политическими ангажементами, я полностью в этом уверен, в коллегах. Кроме того, я думаю, что даже если после публикации это оставит какой-то вопрос нерешенным, это не является причиной для того, чтобы не публиковать труд. После редакции, может быть, и так далее. Но при консенсусе всех авторов. Почему? Потому, что вопрос репрессий тридцатых годов – это один из тех моментов, которые в этом дискурсе часто упоминаются, который является, так сказать, идеологической подоплекой тех конфликтов, которые возникли на территории Грузии. Я вам сказал, что в моей семье не было таких разговоров, я никогда не слышал, чтобы обвинялись именно грузины, тем более грузинский народ, в

этих репрессиях. Но в этих идеологических спорах, в которых я всегда выступаю против идеологических противостояний, потому что считаю, что это не способствует решению конфликтов, а, наоборот, усугубляет их, часто это происходит и с абхазской стороны. Почему? Самих абхазов было мало в карательных органах. Были, но их единицы. В Абхазии действовал многонациональный состав чекистов, но грузин там было действительно много, и это давало повод говорить о каком-то заговоре, каком-то грузинском заговоре. Ну, конечно, грузинские мои коллеги не согласны с этим, но не надо бояться этой темы. Если есть вот такие возможности, пять лет работы, – это нельзя отбрасывать, лучше это публиковать. И даже если какие-то процентные показатели будут, скажем, не совсем приятны для грузинского читателя, – который до сих пор в значительной степени отрекался от таких сведений, – то надо понимать, и это тоже следует учесть читателю, что это не вина грузинского народа, если было такое, и это совсем не должно мешать нам сегодня, опять-таки, общаться и с грузинами, и с осетинами, и со всеми другими народами, которые сегодня в Грузии живут. Наоборот, легче будет тогда какой-то груз прошлого свалить с плеч, если мы прямо будем говорить об этом, чем если мы будем эту проблему прятать и загонять внутрь. Это моя точка зрения. Спасибо.

О. Тушурашвили: Я тоже хочу сказать несколько слов. Действительно, все замечания приемлемы. Я буду обращаться к господину Юнге. Последняя наша работа вселяет надежду на то, что мы уже будем находить точки соприкосновения, потому что очень многие наши замечания были приняты. Что касается третьего тома «Этнос и террор», то Марк согласился, что в таком виде публиковать, даже с замечаниями, не имеет смысла, потому что это очень далеко от истины. Правильно я говорю, Марк? Эту работу надо обязательно провести, если мы хотим приблизиться к истинному пониманию событий, которые тогда происходили. Мы вот вместе работали последние две недели, мы прошли сколько – около 400 или 500 человек, правильно? У нас были уже дискуссии. К сожалению, мы не давали слова тем людям, которые всю эту работу выполнили – вот эти девушки, вот Гиоргий. От них же пошли первые протесты. Вы думаете, что я начал первый – нет, как раз они. Вот Екатерина первая заметила, что грузины, мегрелы и сваны отдельно рассматриваются, я лишь доводил их мнение до вас. Я думаю, что тенденция последнего времени нам дает надежду, что эта работа войдет уже в нормальное русло. И еще

думаю, что работу, которую мы начали, создали специальную программу, надо ее провести, в противном случае публиковать в таком виде действительно не имеет смысла.

Г. Клдиашвили: Давайте тогда я тоже перейду на русский язык. Здесь было действительно очень много сказано, но реально – это должна быть дискуссия между историками. Тут идет речь о научной работе, а не философской, да? Тут предлагается теория, о которой мы, историки, думаем, что она не обоснована. Тут идет речь о латентном геноциде в Грузии. Надо же это обосновать как-то? Из-за этой необоснованной теории я не могу подписываться как соавтор книги. Также я считаю, что у всех есть право публиковать свою научную работу. В том томе, где наша совместная глава, Марк, думаю, что в ней очень много хорошего сказано, но, естественно, были какие-то вопросы, по поводу которых я вам послал свои замечания. И если мы их не согласуем, это очень принципиальные вопросы, я прямо так и написал, да... Остальное все прекрасно, все мы согласились, просто есть вопросы, которые мы должны согласовать. Если нет, как я буду подписываться как соавтор, это же естественно и нормально? То же самое думаю и по поводу книги, да? Если позиции соавторов не согласуются, у вас есть полное право публиковать это под своим именем, да? Никто не будет давить на вас как цензура, это...

М. Юнге: Гиоргий, я не понял. Вы хотите влиять на то, что я с другими авторами...

Г. Клдиашвили: То, над чем мы работали вместе, ту статистику, которую я вам отправил, и то, что мы обсуждали, это мы должны вместе согласовать. Ну, не знаю, я еще раз скажу как историк, не касаясь данной книги: если предлагается теория, нужны аргументы. Это не философия, это более точная наука, чем философия. Если нет достаточных аргументов, так публиковать книгу, я не знаю... Это очень щепетильный вопрос, знаете, то, о чем мы говорим. Был геноцид в Грузии – латентный или нелатентный, – геноцид это обширная тема... Мировое сообщество еще говорит, был ли геноцид в Армении, в этом нет согласия, да? Но публиковать в книге, соавтором которой выступает Министерство внутренних дел Грузии, что в Грузии происходил геноцид... Это теория, и если это научно обосновано, я обеими руками в гипсе буду голосовать за – давайте публиковать. Но такой вопрос нуждается в серьезной аргументации, это не маленький вопрос, это очень серьезный вопрос: утверждается, что в Грузии проводили этническую чистку других народов. Хорошо, это, новая теория, но она нуждается в серьезном обосновании.

Б. Бонвеч: Спасибо. Сначала общее впечатление. После первых пяти-семи выступлений я вспомнил дискуссию в Советском Союзе под руководством академика Минца по поводу семидесятилетия Революции в Одессе. И я там выступил с докладом о русской революции. И потом критиковали, давали хорошие советы, и я как научный борец выступил, сказал о'кей, я знаю – надо учиться, учиться, учиться. И я всю жизнь пытался учиться, но все-таки выразил свое научно обоснованное мнение, как я это понял. И я благодарен всем, кто выступил, и также тем, кто думает, что это ненаучно – то, что я думаю. Мне семьдесят четыре года, но это первый раз, когда я слышал такой упрек. Все-таки есть во всех выступлениях вещи, которые надо принимать во внимание, и я думаю, я учился всю жизнь на такой критике. Несогласие – это соль науки, без несогласия наука не существует, поэтому мы должны жить с этой проблемой, что не будет совершенного согласия между нами. Второе. На улице Руставели я читал объявление – если хочешь пить весь день, ты не можешь пить весь день, если не начинаешь утром.. И если А если завтрашние, следующие поколения, господин ректор, должны читать и обсуждать наши мнения, надо опубликовать книгу сегодня. Без этого мы будем дорабатывать, дорабатывать, дорабатывать и никогда не придем к окончательному согласию. Я думаю, что, конечно, многие из нас выступили в этом смысле, каждый автор может под своим именем публиковать книгу. Я думаю, это последняя возможность, это самый плохой выход из этой ситуации, но все-таки это – конечное решение в этом деле. Это было бы плохо для нас – авторов, для нас – немцев, и особенно для Вас – грузин. Я думаю, что, как говорил г-н Клининберг и другие тоже заметили, что это разумное мнение, что надо открывать дискуссию, и, может быть, не все согласуется, но надо свободно дискутировать об этом. Самая важная проблема – это почти во всех выступлениях прозвучало – это статистика, правильность статистики и суть статистики. Первое: я всю жизнь занимался статистикой, и никогда не встречал совершенной статистики, никогда. Но с этой проблемой тоже надо жить. Или опираться на существующую статистику, или использовать другие документы, не только статистические. И именно национальная принадлежность – это явная проблема. Но ведь во множестве документов национальная принадлежность называется, приводится – не всегда это правильно, мы обнаружили это, и это правильно. Все-таки эта принадлежность играла очень важную роль для карательных органов. Почему они вообще ее называли? Чтобы фальсифицировать документы? Я не верю, что это

так. И поэтому есть возможности, наши сотрудники, а именно Даниель Мюллер, хорошие специалисты по этим вопросам, он обнаружил много ошибок, но он попытался найти верное решение таких проблем. И, как я понял, Марк это делал в последние две недели, и уже раньше занимался этой проблемой, и, конечно, мы добросовестно занимались этой проблемой и продолжаем поиск. Но вообще исключать эту проблему мы не можем, не «не хотим», а не можем, потому что речь идет о вопросе геноцида. Во всемирной научной дискуссии есть мнения определенных историков, даже таких известных, как Неймарк в Стэнфорде, это элитный университет в Америке. Он ищет признаки геноцида в сталинское время по отношению к различным этносам. И, чтобы поддержать ваше мнение, что я инструмент русско-советской историографии, я выступил в Германии на большой конференции с утверждением, что преследования в Советском Союзе при Сталине уничтожили миллионы людей, но они не имели целью геноцид. За это меня критиковали, на следующий день в ведущей газете был заголовок «Бонвеч – экстремист», но я придерживался этого мнения и придерживаюсь его сегодня. И мы пришли к выводу, что то, что произошло в Грузии в это время, не было геноцидом. Это – результат нашей работы, и я думаю, что критические грузины должны радоваться тому, что мы, немцы, пришли к такому выводу. Поэтому, я заканчиваю, мы продолжим поиск национальной принадлежности, но будем публиковать книгу, в лучшем случае с вашим согласием, а не с согласием всех, кто выступил, это не наша задача, но с согласием тех, кто нам важен. И я особо благодарю вас (*обращается к Анчабадзе*) за ваши выступления.

О. Райснер: Как я вижу, у нас две проблемы: одна проблема – опубликовать этот третий том в составе всей работы. А вторая состоит в том, что эта дискуссия связана с другими, более широкими проблемами, которые сегодня решить мы не сможем. Это вопросы плюрализации и интерпретации. Вы, батона Александре, отметили, что в немецкой историографии было очень много острых дебатов не относительно источников, а относительно интерпретации этих источников. Это свидетельствует о том, что допустимо делать разные выводы, это именно то, что отличает науку от советской науки, где была идеология, и надо все это... (*неразборчиво, машет руками*) сделать. Значит, вопрос этот сегодня надо решить, значит, будет этот третий том, если вы хотите это опубликовать, значит...

О. Тушурашвили: Оливер, о третьем томе речь вообще не шла, эта глава была включена в первый том, но потом господин Юнге предложил издать это...

М. Юнге: Доработать.

О. Райснер: Я тоже виноват в этом... Я надеюсь, что к этим двум томам нет вопросов?

О. Тушурашвили: Там тоже есть, но не такие острые.

О. Райснер: Должен сказать, что это очень, очень важная дискуссия, это надо полностью сохранить. Да, главу, эти рецензии, все – чтобы будущие поколения могли увидеть, как трудно было начинать критическую рефлексию о сталинизме в Грузии. Именно это я здесь вижу. Процесс такого критического осмысления уже начинается – с «Совлаба», других организаций – «ДВВ-интернейшенел» тоже проводят такие дискуссии, но не с участием представителей государства, как я вижу здесь. Конечно, мы никогда не придем к единому мнению по всем вопросам, не согласимся на какую-то одну интерпретацию, но эти дискуссии должны фиксироваться, это для меня очень важно, в этом я вижу это очень важный момент для Грузии. Извините, что много говорил.

Дж. Гамахария: Дорогие друзья, я скажу очень коротко. Я, конечно, не исключаю, что вот в этих репрессиях присутствовал национальный мотив, – этого исключать нельзя. Но здесь, в работе, которую мы сегодня обсуждаем, это преподносится так, что все это делала грузинская бюрократия в интересах грузинского государства и грузинской нации, что ничего общего с реальностью, с действительностью не имеет. Во-первых, вы поймите, дорогие друзья, что в 1937–1938 годах республики – это формальное название, существует один центр, и никаких прав, абсолютно. В конституцию загляните того периода. Даже раньше, в 20-х годах, хотя бы в конституции были какие-то права записаны, хотя они фиктивные были, а после 1936 года, после так называемой сталинской конституции, там вообще по конституции не было никаких прав, все это из центра управлялось. И все, что делалось, делалось в интересах советской империи, а не в интересах Грузии и не в интересах грузинского народа. Это все было направлено, наоборот, против Грузии и грузинского народа, против грузинской государственности, чтобы она больше никогда не восстановилась. И вот эти энкавэдэшники, которых вы выставяете большими националистами и патриотами, были самыми первыми врагами Грузии. Они за элементарное проявление свободной мысли, вот этой «картвелоба», о которой вы говорите, за

это расстреливали людей, а вы их патриотами представляете нам. Эти руководители республик – партийные там, советские и так далее, – первыми врагами грузинской государственности были именно они, а, по-вашему, они националисты и думают о будущем Грузии, о восстановлении... Они об уничтожении Грузии думали, это было их задачей, это было задачей советского центра. Может быть, это было неправильно понято – я никого агентом не называю, у меня таких данных нет, я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это, но факт остается фактом. Вы пишете, дорогие друзья, дорогие немецкие друзья... мы глубоко уважаем немецкий народ, немецкую культуру, которая оказала большое влияние на грузинскую культуру – мы говорим о том, что вы пишете то же самое, что писали в XIX веке империалисты, которые днем и ночью над уничтожением Грузии работали, чтобы она никогда больше не возродилась. Вы пишете о том, что писали в советское время, вы пишете о том, что сегодня делает путинская Россия в отношении Грузии, грузинского государства и грузинского народа. И вот сейчас вы – чьи агенты, чьи задания исполняете, я не знаю этого. Но вот это совпадение, это абсолютно точное совпадение, к сожалению большому. Вот об этом я говорю, и я вас, разумеется, ни в чем не обвиняю. Ну вот «латентный геноцид», ну, я не знаю, как вы могли до этого додуматься просто-напросто. Знаете, нас воспитывают и в школе, и везде, дома, в семье, что мы самые толерантные и так далее... Много разве таких стран, где евреев не преследовали? Вот одна из таких стран – это Грузия, это грузины, и, между прочим, евреи, уехавшие из Грузии, они это высоко ценят и грузинскую культуру распространяют, они сохраняют грузинские танцы, песни и так далее, там такие воскресные школы у них, они за это нам благодарны, а вы обвиняете нас в геноциде. Что вы, дорогие друзья? Что вы? Знаете, то, что вы делаете сегодня, вот этим вот... во-первых, здесь, насколько я понял, статистически это не доказано, не доказано. Но, между прочим, вы сами это чувствуете и часто говорите, что «это, наверно, так», «это, наверно, так», «это, наверно, так» – и вы приблизительны, это вы точно не утверждаете, но все же внушаете вот этим национальностям, которые живут в Грузии, что ваш главный враг – это грузины, которые хотели вас уничтожить. Тогда не успели, но завтра они тебя уничтожат, понимаете? То, что вы сделали, это не наука. Вот здесь говорилось о том, что нельзя с политикой смешивать. «Этнос и террор» – от начала до конца политика, политика, направленная против грузинского

государства и грузинского народа. Вы откажитесь от этой политики и у вас все получится даже очень нормально. От политики вам нужно отказываться. Как раз мы вас критикуем за то, что вы науку смешали с политикой, причем с политикой, обязательно направленной против Грузии, с политикой, которая ведется в Кремле. Если вы этому не верите, давайте устроим отдельно на эту тему дискуссию – что у вас общего с Кремлем.

А. Даушвили: В Академии наук.

Дж. Гамахария: В Академии наук. Пожалуйста, приходите, и мы вам по пунктам покажем, что там в XIX веке писали, что там в XX веке писали...

А. Даушвили: И сегодня пишут.

Дж. Гамахария: И сегодня пишут. Положим на стол, и потом вы сравните с тем, что вы пишете. Это одно и то же, к сожалению. Вот это нас удивляет, поэтому мы вас и критикуем, и в какой-то мере даже обижены, потому что от вас мы этого не ожидали. Если бы это были из Москвы, все ясно, но от немцев этого (*машет руками*) точно не ожидали.

О. Тушурашвили: Господин Юнге, вам слово, и этим закончим дискуссию.

М. Юнге: Вот я вообще очень рад. Я думаю, третий том будет, я скажу вам, почему. Потому, что мы никогда не писали в этой книге, что этнические грузины уничтожали абхазцев или что-то подобное. Это, во-первых. Во-вторых, мы нигде не пишем, что это было геноцидом. Если вы мне это можете показать, давайте.

Дж. Гамахария: «Латентный геноцид», у вас был такой термин.

М. Юнге: Я никогда не опубликовал бы такую фразу в нашем сборнике.

О. Тушурашвили: Марк, можно, я вам прочту одно место. Вот в тексте «Грузия в пути» написано, что «этнические тенденции и даже черты геноцида» – прямо пишете вы.

М. Юнге: Это цитата. Я привожу другое мнение, чтобы показать, что в науке есть такая дискуссия.

О. Тушурашвили: Подождите, еще...

М. Юнге (*прерывает*): Батоно Омар, будьте аккуратны, это наше мнение или мы цитируем там другое мнение?

О. Тушурашвили: Вот: «возможно, даже можно различить структуры геноцида».

М. Юнге: Это мы цитируем, что в науке есть такая дискуссия, но мы это отвергаем, мы сказали «нет, это чушь» в конце книги.

Дж. Гамахария: В конце книги вы пишете, что грузинская нация должна распасться, об этом вы в конце книги пишете. И лучше быть гражданами, чем единой нацией, там «картвелоба» и так далее. Это что? Это не политика разве, направленная против Грузии и грузинского народа?

О. Тушурашвили: Хорошо, закончим на этом. Наверное, надо принять уже какое-то решение. Это была научная дискуссия. Извините, мы не ученые, но мы вас слушали и тоже какие-то свои выводы сделали. Мы вот с господином ректором, проректором немножко посоветовались и думаем, что, допустим, если мы напечатаем два тома, но не поместим в них главу «Этнос и террор» до того, как мы закончим статистические работы...

М. Юнге: Да, я согласен с вами. Статистику надо доработать.

О. Тушурашвили: Или продолжить работу до окончательной обработки статистики и затем все вместе напечатать.

М. Юнге: Но я предлагаю первый и второй том опубликовать сейчас, а третий том – со всей дискуссией, – переработанный на основании нашей работы с Экой. Я переработаю текст, также будет включена вся эта дискуссия. Конечно, я согласен, что единодушия никогда не будет и не должно быть. Тогда мы эту дискуссию, как вот он предлагал (*указывает на Райснера*), и эту главу вместе опубликуем, и потом читатель сам решит, [у кого более убедительные аргументы].

О. Райснер: И добавлю, что для историков это будет очень интересно – чтобы обучать методам работы с источниками.

О. Тушурашвили: Господин Клдиашвили, господин Даушвили, что вы предлагаете? По-моему, вообще отказаться от проекта будет неправильно. Те маленькие несогласия, которые есть в этих двух томах, давайте пройдем вместе, и два тома без третьего напечатаете.

А. Даушвили: А третий том рассмотрим в Академии наук.

Д. Канделаки: Извините, у меня один вопрос: а если не будет согласия, вы пока воздерживаетесь?

Н. Гелашвили: Согласия с какой стороны?

Д. Канделаки: С вашей стороны, с грузинской стороны. Печтаете ли вы два тома на этом этапе без «Этноса и террора» – или ждем согласия и тогда печатаем? Ведь это важно, об этом можно без конца дискутировать, не придти к согласию и, следовательно...

Н. Гелашвили: Я еще раз повторяю: я не историк и не могу участвовать в полемике относительно того, правильно это или нет. Поэтому, если историки согласятся, проблемы нет, в противном случае я присоединюсь к мнению большинства в той части, в которой мы участвуем. А относительно того, что исследуется без нашего участия, – пожелаем удачи исследователям.

Д. Канделаки: Я уже сегодня чувствую, что эта та часть, в которой никогда не будет достигнуто согласие.

Г. Клдиашвили: Нет, что вы.

Д. Канделаки: Ну, что касается главы «Этнос и террор».

Л. Авалишвили: Выводы основываются на статистике. Если данные изменятся, изменятся и выводы. Что значит, не сможем согласиться?

Д. Канделаки: Нет, я задала конкретный вопрос: без него напечатываются или нет два тома?

Н. Гелашвили: Как раз об этом и было сказано – там есть детали, согласуем их и в этом случае напечатает.

О. Тушурашвили: Если в этих двух томах будет несогласие, как вы думаете, Марк?.. Например, господин Клдиашвили сказал, что в своей главе он не согласен...

М. Юнге (прерывает): Это будет между нами, мы – авторы, это вас не касается, если мы хотим это так публиковать, так опубликуем, все.

Г. Клдиашвили: Полностью согласен. Это было нашей позицией. Конечно, тет-а-тет будем говорить о деталях, по которым у нас разногласия, и после этого, конечно, опубликуем. Глава, которая касается именно той темы, в которой мы соавторы. Об остальном как я могу рассуждать, публиковать или нет? Авторы должны это решать, конечно.

О. Тушурашвили: Я думаю, что сегодняшняя наша встреча завершена. Мы пришли к какому-то консенсусу, Марк, ведь правильно? Благодарю вас за участие. Выступления были немножко острыми, но ничего не поделаешь. Это потому, что эти вопросы для нас очень болезненны, так что вы не удивляйтесь. Это касается истории Грузии, это наша родина, так что это естественно. Может быть, то же самое будет, когда мы будем изучать историю Германии».

Перевод с грузинского на русский: Тато Луарсабшвили

8. Государственное вмешательство vs. автономия науки

На рабочем круглом столе в Академии Министерства внутренних дел Грузии (Тбилиси, 12 декабря 2014 г., 10:00–14:00) присутствовали:

- три официальных представителя (ректор и проректор Академии МВД, директор Архива МВД);
- 12 исследователей из различных грузинских высших учебных заведений и гуманитарно-научных организаций, один из них (Д. Гамахария) – в то же время член абхазского правительства в изгнании;
- четыре сотрудника Архива МВД, участвующих в проекте;
- два немецких исследователя, представляющих общий проект (М. Юнге, Б. Бонвеч);
- четыре представителя Европейской Комиссии (О. Райснер) и различных НКО.

Дискуссия велась на грузинском (неожиданно все грузины, кроме одного, говорили именно на этом языке, – но у меня был хороший переводчик) и русском языках. Один представитель немецкой НКО (М. Клингенберг из Немецкой ассоциации народных университетов) использовал английский язык, но его выступление не переводилось. В центре обсуждения стоял вопрос о публикации книги «Большой террор в Грузии 1937–1938 гг.», ставшей результатом совместного грузино-германского исследовательского проекта, основанного главным образом на материалах документов из Архива Министерства внутренних дел Грузии.

В обсуждении приняли участие почти все присутствовавшие, некоторые из них выступали по несколько раз. Дискуссия, предваренная официальным вступительным словом, началась с резкой критики результатов проекта, тон которой задавали Вахтанг Гурული, Зураб Папаскири, Джемал Гамахария и Александр Даушвили. Это была настоящая «проработка», острая, уничижительная, частично даже оскорбительная критика. Даже грузинские участники проекта – за одним примечательным исключением (Давид Джишкариани) – присоединились к критическим замечаниям и заявили, что не имеют отношения к результатам проекта (Дали Канделаки, Гиоргий Клдиашвили, Леван Авалашвили). Однако один из грузинских исследователей (Г. Анчабадзе⁶⁴, имеющий наполовину абхазское происхождение) занял заметно более уме-

ренную позицию, в конечном счете приняв цели, методы и результаты проекта. Ректор Академии МВД высказался скорее в пользу публикации из принципиальных соображений и упомянул, что в случае разногласий книга будет издана под именем ответственных авторов, давших свое разрешение. В том же духе, хотя более неуверенно и с критикой тезисов главы «Этнос и террор», выступил директор Архива МВД. Более открытую поддержку публикации выразили представители Европейской Комиссии и некоммерческих организаций, обратившие особое внимание на необходимость начала давно назревшей дискуссии в грузинском обществе. Представитель Фонда Руставели (М. Читашвили) была более сдержанна в своей критике и предложила отдать работу на рецензирование независимым исследователям и опубликовать в случае положительного отзыва – с оговоркой на подвергнутый осуждению 3-й том (раздел «Этнос и террор»).

Центральным объектом критики стали статистические данные о национальной принадлежности жертв репрессий и их якобы ненаучное использование немецкими авторами проекта. Критики обращали внимание на то, что статистика была частично неполна и частично ошибочно составлена, а немецкие авторы подвергнутой осуждению главы «Этнос и террор» применили к ней ненаучный и некритический подход и интерпретировали в духе российской пропаганды – изображая всех грузин злодеями, а всех жертв – ангелами. Главным образом критики подразумевали представление абхазов. По мнению критиков, в книге они были показаны как жертвы грузинской национальной политики, хотя в действительности они принимали активное участие в преследованиях и, по словам З. Папаскири, «всегда были и всегда останутся сепаратистами».

М. Юнге, Б. Бонвеч и упомянутый выше грузинский участник проекта Д. Джишкариани защитили основные тезисы и результаты проекта, признав проблемы с частью статистики о национальной принадлежности, но отметив также, что эти проблемы будут тщательно проанализированы в дальнейшем с помощью грузинских архивистов и что статистические данные будут использованы с применением надежного научного метода. Указав на то, что преследования действительно имели особенности, приведшие к неравномерному преследованию представителей национальных меньшинств, они категорически отвергли замечание некоторых критиков о том, что авторы рассматривают кампанию преследований в Грузии 1937–1938 гг. как «геноцид» определенных

меньшинств, и подчеркнули, что в рукописи утверждается прямо противоположное. Не являющийся автором книги Гиоргий Анчабадзе, выступив в более обобщающей манере и проиллюстрировав собственные аргументы указанием на судьбу своей семьи, также фактически поддержал цели и методы проекта.

В конечном итоге все участники дискуссии согласились с предложением ректора Академии и других присутствовавших о немедленной публикации первых двух томов без всякой «цензуры» и о публикации третьего тома (включающего раздел «Этнос и террор» вместе с критическими отзывами и ответными репликами авторов) после детального анализа проблемы статистики, особенно в отношении национальной принадлежности жертв, с использованием соответствующих материалов Архива МВД. В качестве примерного срока для выполнения этой дополнительной работы была названа середина 2015 года.

В случае дальнейших серьезных разногласий между авторами и участниками проекта третий том будет опубликован, но не под покровительством германо-грузинского совместного проекта, а под именем авторов и с указанием их особой ответственности за содержание тома.

Бернд Бонвеч

Перевод с английского на русский: Даниил Бордюгов

9. Импульс к дальнейшему изучению этнического фактора

Академия Министерства внутренних дел Грузии (Академия МВД Грузии): Предыстория: Корреспонденцией историка Рурского университета в Бохуме Марка Юнге на имя министра внутренних дел от 14 августа 2009 года была инициирована идея осуществления немецко-грузинского совместного проекта, отражающего массовые репрессии, осуществленные в советской Грузии в 1937–1938 годах⁶⁵.

В соответствии с проектом планировалось издание сборника, основанного на хранящихся в Архиве МВД материалах (протоколы *тройки* за 1937–1938 годы, уголовные дела осужденных *тройкой* и дополнительные материалы о репрессированных в 1937–1938

годах), который должен был состоять из вступительной главы, преамбул к каждой главе, документов с краткими комментариями, предметного указателя и примечаний. Функцией и обязанностью Архива было определено оказание помощи исследователям в процессе поиска архивных документов.

Редколлегия была определена в составе Омара Тушурашвили, Бернда Бонвеча, Марка Юнге, Дали Канделаки, Давида Джишкариани и Оливера Райснера.

Активная работа над проектом (название «Большевицкий порядок») началась после рабочей встречи, состоявшейся в Тбилиском государственном университете им. Ив. Джавахишвили 4 марта 2011 года.

При содействии сотрудников Архива МВД за прошедший период, включая 2014 год, Марк Юнге собрал интересующие его материалы и системно обобщил их в виде отдельных глав, с которыми, с целью перевода на грузинский язык, параллельно знакомили членов специально созданной в архиве рабочей группы).

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: *При запланированном совместном составлении сборника материалов не было заключено договоренности о конкретных комплексах документов. Указанные Академией МВД Грузии материалы являлись лишь ориентировочным списком документов, которые должны были быть использованы при любых обстоятельствах. Целью всегда оставалось создание на документальной базе максимально широкой картины реализации массовых репрессий в Грузии. Редакционная коллегия не формировалась. Решение о том, какие именно документы будут включены в сборник, принималось исключительно научными руководителями проекта (Марком Юнге и Берндом Бонвечем). Это объясняется тем, что выбор должен был проходить исключительно по научным критериям, без влияния государственной организации. Работники Архива, однако, с большим энтузиазмом приняли участие в поиске документов, в особенности директор Архива Академии МВД Грузии Омар Тушурашвили.*

Изначально анализ документов должен был являться составной частью сборника материалов. По причине объема научных исследований, которые в процессе архивной работы развились в обширный труд, было принято решение опубликовать их в виде отдельного тома, чему также способствовало количество релевантных документов, не вписывавшееся в первично выбранный формат.

Помимо участия в поиске необходимых документов, Архив принял на себя обязательство предоставить на базе данных, имеющихся в собственности Архива, необходимые статистические материалы по массовым репрессиям. В данном случае конкретное содержание также не оговаривалось.

Академия МВД Грузии: *Коррекция имеющихся неточностей, выявленных в процессе работы, и договоренность об амбивалентных интерпретациях осуществлялась в ординарном, текущем режиме. Однако как среди сотрудников Архива, так и в целом в кругах грузинских историков особый разгар страстей вызвала глава “Этнос и террор”, неожиданно представленная на завершающем этапе работы, которая вообще не была предусмотрена в первичном очертании проекта, а приведенные в ней аналитические выводы были основаны на экстраполяции неполных, неточных и абсолютно не пригодных для такого типа обработки статистических материалов.*

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: *Складывается впечатление, что коллектив авторов без разрешения Архива «протащил» определенные главы в том с анализом материалов. В действительности, как уже отмечалось выше, из соображений исследовательской этики Архив ни на одном этапе не участвовал в принятии решения о выборе конкретных предметов исследования и конкретных материалов для рассмотрения. Авторы имели право свободно определять, какими темами они будут заниматься в рамках изучения массовых репрессий. Статьи взаимно просматривались и рецензировались только членами авторского коллектива. При этом каждый задействованный автор имел возможность устанавливать, как его текст будет выглядеть в конечной редакции.*

Первая версия тома документов и глав аналитического тома, включая введение, написанное Марком Юнге, Берндом Бонвечем и Оливером Райснером, были представлены Архиву на русском языке для перевода на грузинский. После этого Архив, без всякой договоренности с научными руководителями проекта, передал как том с документами, так и том с их анализом внешним грузинским экспертам (см. выше). Все без исключения выбранные Архивом эксперты сочли издание книг невозможным. Другие эксперты, впоследствии привлеченные научными руководителями проекта для сохранения баланса, напротив, высказались в пользу публикации. Несмотря на это, отзывы экспертов привели к задокументированному выше масштабному процессу переработки

введения, и в особенности главы «Этнос и террор», а также к дискуссии о фундаментальных вопросах научной этики. Критика главы «Этнос и террор», к которой следовало отнести особенно серьезно, пришла, впрочем, не со стороны рецензентов, а со стороны самого Архива. Архив признал, что в документах (протоколах тройки) для большого числа лиц (в общей сложности порядка 40–45 %) не была эксплицитно указана национальность. В упомянутых случаях Архив затем самостоятельно определил национальность и внес ее в базу данных, применив, однако, несистематическую и непрозрачную систему критериев и никак не отметив, что эта информация была добавлена Архивом. Таким образом, были получены статистические данные, которые в 90 % случаев включали информацию о национальности репрессированных лиц и на материале которых авторы главы «Этнос и террор» выстраивали свою аргументацию.

Академия МВД Грузии: Исходя из вышеизложенного, совместно с г-ном Марком Юнге были выработаны принципы корректировки и структура анализируемых данных, составлен соответствующий план-график, модифицирована база данных, и в соответствии с новыми статусами была начата ревизия и переработка каждой поименной записи.

Это, в свою очередь, вызвало развал единства книги и необходимость изменения логической линии, развитой в публикации.

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: На основании оригинальных документов Марком Юнге совместно с Архивом было перепроверено приписывание национальности для всех этнических меньшинств Грузии, поскольку в главе «Этнос и террор» они находились в центре рассмотрения. Проверка около 13 тысяч этнических грузин была проведена только выборочно, поскольку не являлась предметом исследования. При этом, однако, было установлено, что Архив зарегистрировал большое количество лиц, которые в документах эксплицитно названы «аджарцами», просто как «грузин». Поэтому в конечном итоге аджарцы, представлявшие собой группу, которая, очевидно, также рассматривалась осуществлявшими репрессии госслужащими как меньшинство, не могли учитываться в главе «Этнос и террор» в достаточной мере. Это нарушило бы временные рамки проекта.

Академия МВД Грузии: Поэтому, в виде компромиссного варианта, была предложена идея разделения публикации на 3 части и их поэтапного издания. Хотя это и было связано с рядом неудобств, в частности, параллельно с уточнением базы данных и

представленной новой картины следовало полностью переработать главу «Этнос и террор».

Однако упомянутая глава имела прямую связь как со статистической частью, приложенной к первому тому (напр.: таблицы № 34–42 во втором томе настоящего издания, в которых были приведены показатели удельного веса репрессированных по отдельным этносам), так и с теми разными историческими документами, приведенными во втором томе и служащими основой фактов, приведенных в «Этносе и терроре».

Таким образом, получалось, что вместе с упомянутой главой из труда следовало бы удалить все подобные материалы. Соответственно, предметом совместного рассмотрения и оценки стал вопрос о возможности публикации I и II томов книги без упомянутых частей так, чтобы не нанести вреда его научному весу и исследовательской ценности; ответа требовал вопрос – как следовало напечатать сокращенный вариант труда – частями или только целиком, в окончательно переработанном и согласованном виде.

В результате в отношении рамок и направления развития проекта было установлено, что в случае учета имеющихся замечаний дальнейшее продолжение работы имело смысл после ознакомления всех сторон с его переработанным вариантом, в связи с чем становилось необходимым предварительное проведение ряда мероприятий, в частности:

переработки приложенных к первому тому таблиц на основе уточненных статистических данных (таблицы № 34–42 во втором томе настоящего издания);

обновления и новой интерпретации исторических документов, использованных во втором томе, в соответствии с уточненными статистическими данными;

переработки главы «Этнос и террор» в соответствии со вновь выявленными обстоятельствами и данными.

Вместе с тем Архиву МВД следовало осуществить модернизацию имеющегося программного обеспечения, что позволило бы применить точные и вероятные критерии, определяющие национальность, и провести сортировку и градацию контингента репрессированных по разным признакам (напр.: политическому, криминальному и т. д.).

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: *Никакой договоренности о том, что книги могут быть опубликованы только после «согласования» с Архивом, не существовало. Соглашение такого рода про-*

тиворечит нашему убеждению, в соответствии с которым исследовательская этика не допускает участия государственных институтов в подобном содержательном решении.

Академия МВД Грузии: В итоге, после завершения всех вышеупомянутых работ и пересылки материала рецензентам для ознакомления, с целью обеспечения плюрализма, транспарентности, а также соблюдения принципов свободы слова и высказываний, в разумных сроках стала бы возможной организация круглого стола с участием всех сторон, во время которого соответствующие ученые суммировали бы результаты исследований, имеющиеся к тому моменту, и было бы принято окончательное решение о целесообразности издания труда в том или ином виде.

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: *Отправку переработанных томов рецензентам и связанное с ней решение о судьбе всей работы мы категорически отвергаем. Мы рассматриваем это как цензуру со стороны государственного учреждения в старом советском стиле, направленную против свободы науки и точки зрения автора.*

Академия МВД Грузии: Рабочая встреча: «12 декабря 2014 года в Академии МВД состоялась встреча ученых-историков академических кругов Грузии и представителей Архива МВД с авторами публикации и приглашенными ими зарубежными учеными (немецкая сторона), целью которой было рассмотрение и сопоставление предпоследнего варианта публикации, подготовленного после переработки, в соответствии со вновь выявленными фактическими материалами, и принятие окончательного решения о целесообразности последующего издания труда.

Следует подчеркнуть, что, исходя из неоднократно заявленных принципов транспарентности и прозрачности и с целью обеспечения плюрализма, толерантности и максимальной объективности, комплектация рабочей группы учеными соответствующей квалификации осуществлена обеими сторонами совместно, без каких-либо ограничений и цензуры; при этом для обеспечения максимальной эффективности и плодотворности процесса основная часть рассуждений была фокусирована только на рассматриваемом вопросе.

Дискуссия развернулась на фоне острых критических выступлений, и мнения присутствующих разделились на несколько неравных частей.

Наиболее радикально настроенными и при этом в большинстве оказались представители классической школы грузинских исто-

риков (Вахтанг Гурули, Зураб Папаскири, Джемал Гамахария, Александр Даушвили, Леван Джикия), которые считали, что авторы без представления каких-либо фактических или логически обоснованных доказательств определили сталинские репрессии по национальному признаку и дали им квалификацию геноцида, в связи с чем исследование носит тенденциозный характер и представляет пропагандистскую интерпретацию.

Вторая группа историков (Гиоргий Клдиашвили, Леван Авалишвили, Дали Канделаки) в основном присоединилась к пафосу критической оценки и не приняла результаты исследования, хотя в то же время выступившие отметили принципиальную возможность издания I и II томов, но при условии учета замечаний, высказанных грузинской стороной, особенно соавторами каждой главы (которыми сами и были); а III том и суждения, основанные на приведенных в нем цифровых характеристиках, исходя из вновь выявленных статистических неточностей, требуют полной переработки, что может до такой степени изменить логику в соответствии с характером и границами коррекций, что целесообразность его издания может вообще стать под вопросом.

Сравнительно нейтральную позицию заняли грузинские историки Гиоргий Анчабадзе и Давид Жишкариани, которые разделяли цели проекта и методологию его осуществления, хотя не отрицали возможность определенной ревизии результатов (особенно связанных со статистикой).

Промежуточную позицию заняли представители неправительственных организаций (Манана Читишвили – Общество им. Руставели, Ираклий Хвадагани – Лаборатория исследований советского прошлого), которые не предоставили детальную аргументацию и ограничились общими тезисами о необходимости общественного диспута по тематике публикации.

Авторы проекта (Бернд Бонвеч, Марк Юнге) хотя и признали, что осуществленные в Грузинской ССР репрессии, в соответствии с их заключениями, в ряде случаев имели национальный окрас, вместе с тем отрицали высказывания критиков о том, что якобы имел место геноцид по отношению к некоторым этносам. Они указали, что в заключительной части монографии сформулирован совершенно противоположный вывод.

Хотя, со своей стороны, немецкая сторона высказала полное согласие с необходимостью качественно новой переработки количественных характеристик репрессированных, поскольку и раньше г-н Марк Юнге был детально осведомлен сотрудниками

Архива в связи с этим, и при его непосредственном участии уже идет процесс пересмотра данных, что подразумевает исправление и учет указанных в протоколах заседания *тройки* неполных или неточных реквизитов (например: предположительное определение национальности по звучанию фамилии, места действия или рождения), установление границ возможных и допустимых погрешностей, определение долевых соотношений предполагаемых и формальных данных, четкое разделение статусов криминальной и политической репрессий и проведение ряда учетных мероприятий подобного типа. Вместе с тем было отмечено, что, исходя из большого объема проведенной работы, с целью ее оперативного завершения было бы целесообразным привлечение дополнительных человеческих ресурсов, в том числе с помощью Фонда Фольксвагена, и совместного финансирования.

Итоги рабочей встречи подвели ректор Академии МВД (Нукри Гелашвили) и директор Архива (Омар Тушурашвили), которые еще раз подтвердили верность грузинской стороны принципам открытости, публичности и прозрачности. Они в то же время подчеркнули, что в случае разделения замечаний всеми сторонами, особенно соображений авторов отдельных глав, и выработки окончательного согласованного варианта монографии имеется принципиальная готовность и желание успешного завершения проекта и издания указанных томов труда.

Что касается третьего тома труда «Этнос и террор», решение о целесообразности его публикации будет принято только после полного пересмотра и новой подготовки базы статистических данных, подлежащих анализу; по итогам указанного процесса авторами должна быть пересмотрена логика суждений, основанная на них, окончательный вариант должен быть представлен редакционной коллегии и членам указанного рабочего стола».

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: *Немалой проблемой являлось то, что совершенно неожиданно для немецких участников дискуссия в рамках круглого стола, за некоторыми исключениями, проходила на грузинском языке без синхронного перевода. Перевод осуществлялся лишь частично, в обобщающей манере. Это относится даже к принятым решениям. Приведенное решение не соответствует нашему воспоминанию.*

За несколько месяцев, прошедших после рабочего стола 12 декабря 2014 года, все тома были нами переработаны и затем переданы в Архив для публикации; при этом нами было ясно объяснено, что по указанным причинам мы и впредь считаем недопустимой их отправку рецензентам.

В течение семи недель сотрудники Архива проверяли переработанные тома. В ходе проверки у них возникли некоторые дополнительные вопросы, на которые мы дали четкие ответы. В апреле 2015 года серьезная критика со стороны Архива высказывалась лишь в отношении третьего тома, посвященного проблеме «Этноса и террора». Нам повторно сделали упрек в том, что наша статистика, т. е. цифры, на основании которых выстроена наша аргументация, являются ошибочными. В центре критики находилась фактически только одна таблица, в которой приводятся данные о национальности репрессированных (см. таблицу № 34 во втором томе настоящего издания).

В этой связи мы хотели бы пояснить, что наша таблица построена на основании данных от марта 2015 года. Методика была следующая: мы использовали статистические данные, которые были проверены нами вместе с Архивом. В тех случаях, когда у нас были разногласия с Архивом, мы специально составили отдельные таблицы, где четко и недвусмысленно указывается, почему мы не пришли к согласию (см. таблицы № 34а и 34б во втором томе настоящего издания). В тексте, предваряющем указанные таблицы, мы привели подробное дополнительное объяснение причин нашего разногласия.

Неожиданно Архив отправил нам свою таблицу, составленную по аналогии с нашей таблицей № 34 во втором томе настоящего издания, где приводятся альтернативные данные о национальности репрессированных. В своем письме Архив указывает, что приведенные нами цифры подверглись существенному исправлению, и эта новая таблица наглядно демонстрирует, что наши выводы якобы не являются корректными.

Для того чтобы показать, в какой степени эта новая таблица является аутентичной, проанализируем в качестве примера только одну ее рубрику, а именно ту, в которой приведены данные об абхазах.

В декабре 2014 г. совместно с Архивом мы еще раз уточнили национальность всех людей, которые в базе данных Архива МВД фигурировали как абхазы. Это было сделано на основании протоколов тройки, то есть на основании оригинальных документов. После согласования с Архивом осталось 517 абхазов. В спорных случаях – речь идет о 37 репрессированных, которых мы также, в отличие от Архива, идентифицировали как абхазов – мы внесли данные об этих лицах в таблицу № 34а (см. во втором томе настоящего издания). Эту таблицу мы создали, чтобы

читателям и Архиву было ясно, какими критериями мы руководствовались при отнесении этих людей к абхазам. Таким образом, мы стремились избежать обвинения в тенденциозности наших цифр. Наши критерии мы согласовали также с лингвистами и с другими историками, о чем мы четко и ясно пишем во введении к таблицам.

В результате мы указали в таблице № 34 во втором томе настоящего издания цифру – 554 абхаза (517+37).

В апреле 2015 г. ситуация была такова: Архив вдруг нашел среди уже согласованных с ним 517 абхазов 26 «вероятных» ошибок.

В конечном итоге Архив в своей таблице указывает 491 (517 – 26) абхаза, в то время как в нашей таблице, напомним, речь идет о 554 абхазах.

Таким образом, в процентном соотношении разница между таблицами составляет 11 %. Конечно, это весьма существенная разница, которую, без сомнения, стоило бы принять во внимание, если бы не были следующие проблемы с таблицей Архива.

Во-первых, Архив, в отличие от нас, изменил в базе данных национальность этих людей, не согласовывая свое решение с нами.

Во-вторых, Архив не указывает критерии и причины, в соответствии с которыми он изменил первоначально установленную национальность. Для этих 26 человек не была создана отдельная таблица такого же рода, как наши таблицы № 34а, 34б во втором томе настоящего издания.

В-третьих, отсутствуют какие-либо другие объяснения (лингвистов, историков и т. п.), почему из числа репрессированных абхазов исчезли эти 26 человек.

В-четвертых, архив никак не отреагировал на нашу таблицу 34а во втором томе настоящего издания, т. е. на нашу переквалификацию 37 человек.

Некоторые рубрики «архивной» таблицы («В», «С», «Н») нам никак не объяснили.

Точно так же Архив действовал в отношении данных по осетинам и другим национальностям. Так, новые данные о турках и тюрках, в отличие от нашей таблицы и введения, не являются ясными и понятными.

В общем и целом это касается также всех других данных, приведенных Архивом в указанной таблице. Из этого следует, что все обвинения в несерьезности и тенденциозности наших цифр и наших выводов, которые выдвигаются на основе таблицы Архива, являются необоснованными.

По этой причине мы приняли решение осуществить немедленную публикацию здесь главы «Этнос и террор», чтобы научная дискуссия по спорным вопросам продолжалась, а научное сообщество не только Грузии имело возможность помочь всем нам справиться с этими сложными вопросами методики, оценки и интерпретации. В таком случае читатель сможет самостоятельно определить, чьи аргументы являются более убедительными. Мы, конечно же, ни в коем случае не претендуем на «монопольную правду». Это касается не только содержания, но и нашего методологического подхода к материалу, и даже нашего отношения к науке. Наше исследование мы расцениваем лишь как начало дискуссии, как импульс к дальнейшему изучению проблемы. Наша цель состоит в том, чтобы с помощью этой книги начать откровенную дискуссию о значении этнического фактора в Большом терроре в Грузии и открыто показать, какие мнения и точки зрения существуют, на основании соответствующих источников. Так, в главе «Дискуссия» мы излагаем не только нашу точку зрения, но и очень подробно – точку зрения наших оппонентов.

Марк Юнге, Бернд Бонвеч

Перевод с немецкого на русский: Даниил Бордюгов и Андрей Савин

Перевод с грузинского на русский: Тато Луарсабишвили

10. «Дух времени» и нормативность

Архив МВД Грузии: «Посылаю Вам глоссарий, который подготовили наши сотрудники (Ли́я Кереселидзе, Ирма Лагидзе. Перевод [с грузинского на русский] Вл. Луарсабишвили) на основании Большой Грузинской Советской Энциклопедии [На грузинском языке. В 12 томах. Тбилиси, 1975–1987]⁶⁶. Эти определения [...] созданы авторитетной комиссией Академии наук Грузии. Мы настоятельно просим Вас принять во внимание эти определения, особенно те, которые касаются аджарцев, месхов и лазов:

Аварийцы – они же хундзцы – самый многочисленный народ в Дагестане, живут в бассейне реки Сулак, в Чар-Белкане, их язык относится к дагестанской группе иберийско-кавказских языков.

Аджарцы – этническая группа грузинского народа в юго-западной части Грузии. Говорят на аджарском диалекте грузинского языка. В начале XVII века Аджария оказалась под османским игом, и там произошла насильственная мусульманизация. В результате российско-османской войны в 1878 году Аджария была освобождена. В исследуемом периоде большинство аджарцев были мусульманами-суннитами.

Ассирийцы – (они же сирийцы, айсоры) – народ семитского происхождения, потомки арамейцев. Исторически жили на Ближнем Востоке. Язык – ассирийский, религия – христианство.

Ашкенази – субэтническая группа евреев, потомки переселенцев из средневековой Германии. Составляют наибольшую часть евреев Европы и Америки. Разговаривают на идише.

Бацбийцы – они же цова-тушинцы, – коренное малочисленное население на Кавказе, родственное чеченцам и ингушам, проживают в северо-восточном горном регионе Грузии, на территории исторической Тушетии, сегодняшнего Ахметского муниципалитета. Являются билингвами, т. е. говорят на грузинском и цова-тушинском (бацбийском – из группы части иберийско-кавказских языков, не имеющих письменности). Религия – православное христианство. В значительной степени огрузинились, тесно связаны с тушинцами в части культурных, социальных и политических отношений.

Бахаи – (бахаизм, бехаизм) – одна из молодых монотеистических религий, основана Бахауллой (1817–1892). Всемирный центр в Хайфе.

Занский язык – мегрело-чанский язык, один из группы картвельских языков, не имеющих письменности. Включает мегрельский и чанский, т. е. лазские диалекты.

Езиды – малочисленное религиозное разветвление этнических курдов. Говорят на одном из самых распространенных диалектов курдского языка – курманджи.

Имеретинцы – этнографическая группа грузинских православных христиан в западной части Грузии.

Ингилойцы – они же геретинцы, – омусульманенная этнографическая группа грузин. Живут восточнее Грузии, на территории исторического Герети, часть которого в настоящее время входит в состав Азербайджана. Термин «Ингилия» укоренился в XIX в. для обозначения территории, населенной ингилойцами («ингило» – омусульманенный грузин).

Ингуши – народ, проживающий на Северном Кавказе, на территории Ингушетии, мусульмане-сунниты, говорящие на ингушском языке.

Кабардинцы – мусульманский народ, проживающий в северной и северо-восточной частях Кабардино-Балкарской республики. Говорят на кабардино-черкесском языке, который относится к абхазско-адыгской группе иберийско-кавказских языков.

Караимы – они же крымские караимы, – тюркоязычный народ, последователи караимского иудаизма в Восточной Европе.

Карачаевцы – родственный балкарцам народ. Живут в Карачаево-Черкесской Республике. Говорят на карачаево-балкарском языке.

Картвельские языки – группа близкородственных языков, которая входит в семью иберийско-кавказских языков. К ним относятся грузинский, занский (мегрело-чанский) и сванский.

Кахетинцы – этнографическая группа грузинских православных христиан на востоке Грузии.

Кисты – коренное население Кавказа, принадлежащие к вайнахским племенам. Говорят на кистском диалекте чечено-ингушских языков и на грузинском. В настоящее время в основном живут в Грузии, в Панкисском ущелье. Мусульмане.

Лазы – они же чанцы, – этнографическая омусульманенная группа (в XV–XVI вв.), проживающая на территории Южного Кавказа. Разговаривают на лазском языке, который вместе с мегрельским языком рассматриваются как диалекты протогрузинского занского языка. Однако, в отличие от мегрелов, на сегодняшний день являются мусульманами-суннитами и находятся под сильным влиянием турецкой культуры.

Лезгины – традиционное грузинское наименование дагестанцев. В основном подразумевались проживающие на юге Дагестана (граничащей с Грузией территории) дагестанские племена.

Мегрелы – этнографическая группа грузинских православных христиан в западной части Грузии. Разговаривают на грузинском и мегрельском языках.

Месхетинцы – одно из древнейших грузинских племен, живущих в исторической Месхетии на юго-западе Грузии. Указанную территорию захватила в XVI веке Османская империя и основала Ахалцихский вилайет. Вернулась в состав Грузии после российско-османской войны 1829 года. В результате длительной турецкой оккупации часть месхетинцев омусульманилась, хотя и сохранила грузинский язык, обычаи. Термин «турки-месхетинцы» появился в 1944 году, после их массового спецпереселения.

Молла – служитель религиозного культа мусульман, стоящий на самой низкой ступени иерархической лестницы.

Молокане – последователи религиозной секты, созданной в России в XVIII веке. Отрицают правила и догматы православной религии.

Пшавцы – этнографическая группа грузинских православных христиан в горной части Восточной Грузии.

Сваны – этнографическая группа грузинских православных христиан в северо-западной части Грузии. Разговаривают на грузинском и сванском языках.

Тушинцы – этнографическая группа грузинских горцев – православных христиан в северо-восточной части Грузии.

Хевсурь – этнографическая группа грузинских православных христиан в северо-восточной части Грузии.

Черкесы – общее название адыгейцев. Говорят на кабардино-черкесском языке, который относится к абхазско-адыгской группе кавказских языков.

Чуваши – тюркоязычный народ в Российской Федерации.

Марк Юнге, Даниель Мюллер: *Природа, а также логика энциклопедий и толковых словарей заключается как раз в том, чтобы клишировано и в конечном итоге упрощенно обходиться с такими сложными, многослойными и многоуровневыми феноменами как этничность или национальность. Необходимость излагать материал предельно сжато приводит к изображению однозначных контекстов, которые на самом деле таковыми не являлись. Когда в грузинском глоссарии с опорой на Большую Грузинскую Советскую энциклопедию утверждается, что ашкенази – субэтническая группа евреев, которая говорит на идише, это утверждение является неверным именно в отношении восточно-европейских евреев, поскольку уже в девятнадцатом веке, не говоря о двадцатом, их большая часть была русскоговорящей, или, в зависимости от региона проживания, частично говорила на украинском или польском языках. Если же рассматривать ашкенази из перспективы небольшой диаспоральной группы, проживавшей в Грузии, то этот ассимиляционный эффект был выражен еще сильнее. Таким образом, идентификация ашкенази как людей, говорящих на идише, не «срабатывает» в отношении Российской империи и Советского Союза, не говоря уже непосредственно о Грузии 1937–1938 гг..*

Упрощенчество такого рода выражается также в стремлении к сильнейшей нормативной категоризации. Но зададимся вопросом, каковы критерии дефиниции той или иной группы

в качестве нации, народа, этноса, субэтноса или племени? Как и в случае с выделением отдельных языков, диалектов и наречий это явление скорее политического, чем «нейтрального» этнографического или лингвистического порядка. Такая нормативность в высшей степени характерна для оценки диахронических (исторических) процессов изменения этнической идентичности. Смена религии или языковая ассимиляция якобы противоречит с националистской точки зрения неизменной однозначности этничности точно также, как и «отлитым на века» энциклопедическим статьям. Но даже если вдруг и признается факт этнической трансформации, толкование этого факта является экстремально «политическим». Так, исламизация аджарцев и месхетинцев односторонне трактуется в глоссарии как насильственный процесс в условиях турецкого господства, в то время как частичная ре-христианизация после событий 1829 и 1878 гг., напротив, называется добровольной и естественной. В реальности все было гораздо сложнее. Османская империя, наряду с давлением и принуждением, несомненно также располагала стимулами для перехода в суннитский ислам, такими как снятие особого налога, который должны были платить «иноверцы». В свою очередь Российская империя также действовала как кнутом, так и пряником, создавая условия для принятия православия. Однозначная трактовка, согласно которой исламизация ассоциируется исключительно с принуждением, а христианизация – с добровольностью, является несостоятельной не только методологически, но и исторически. Месхетинцы вошли в 1829 г в состав России, но остались преимущественно мусульманами, хотя никто не мешал им «возвратиться» к христианству. Таким образом, при описании этнографической реальности ссылка на принудительную исламизацию 15–16 вв. является не только ошибочной из-за своей безоговорочности, но и несостоятельной, как это было бы в случае со ссылкой на принудительную христианизацию грузин-язычников в 3–4 вв. н.э.

В конечно итоге нам представляется весьма интересным, что аннексия Россией района Ахалцихе в 1829 г. трактуется как «освобождение», хотя грузины лишились тогда своей свободы, а с националистической постсоветской точки зрения и вовсе оказались «под российским ярмом».

Важной нам также кажется метахронность и в целом разное отношение в глоссарии к лазам и мингрелам. В случае с мингрелами в первую очередь подчеркивается их грузинский характер, хотя указывается, что они говорят на самобытном мингрель-

ском языке (см. например статью «Картвельские языки»). Что же касается лазов, то и речи здесь нет об их «грузинском характере», что приводит к смелой характеристике лазов как «омусульманенной группы». О какой же группе и в какое время идет речь? Лазы в сегодняшней Грузии являются по меньшей мере билингвами, в то время как турецкое влияние практически не играет в их среде сколько-нибудь важной роли. Тем не менее в глоссарии без каких-либо оговорок утверждается, что они говорят только на лазском языке и находятся «под сильным влиянием турецкой культуры». Но это описание скорее относится к 19 столетию. В случае с мингрелами коротко постулируется их билингвальность (мингрельский и грузинский языки), но не указывается, что эта билингвальность возникла только в 20 веке.

Архив МВД Грузии отклонил составленный авторами глоссарий и предложил свой вариант, приведенный выше. Однако мы все же предпочитаем и далее использовать авторский вариант, помня, что это соответствует образцу. Что же касается глоссария, предложенного архивом, то в нем, с нашей точки зрения, содержится слишком много безоговорочных констатаций и предположений нормативного свойства, касающихся исторических процессов. Грузинский вариант книги, где участвует архив МВД Грузии, публикуется совсем без глоссария.

Марк Юнге, Даниель Мюллер

Перевод с немецкого на русский: Андрей Савин

Перевод с грузинского на русский: Тато Луарсабидвили

11. Условная нейтральность

Омар Тушурашвили: Настоящая публикация, которую мы предлагаем вниманию читателей, посвящена одной из самых трагических глав истории Грузии. Речь идет о массовых сталинских репрессиях 1937–1938 гг. Эта книга стала результатом совместного грузино-немецкого исследовательского проекта. Самую активную поддержку осуществлению проекта оказал Архив Министерства внутренних дел Республики Грузия. При этом архив никоим образом не ограничивал свободу историков и не пытался влиять на содержание, структуру, методы и результаты их работы. Руководство архива неуклонно стремится достичь максимально возможной открытости своих фондов, что сделало ненужным какие-либо особые привилегии для участников проекта. Последовательно и безоговорочно в стенах архива осуществляется разрыв с советской

догмой, согласно которой история является лишь выражением политики, а историк – идеологическим слугой государства.

В этих условиях грузинские и немецкие ученые получили уникальную возможность изучать историю Грузии 1930-х годов, невзирая на любые общественно-политические табу.

Полученные результаты являются необходимым шагом на пути критического осмысления советской истории в целом. Также трудно переоценить их важность в деле самокритического обращения с историей Грузии. Грузинские и немецкие историки, принимавшие участие в проекте, отнюдь не настаивают на том, что они являются обладателями монопольной правды о случившемся. В первую очередь они рассматривают проделанную работу как основу для дальнейшей дискуссии и диалога.

Выводы, полученные в результате исследования, не всегда выражают точку зрения сотрудников архива. Напротив, целый ряд заключений, к которым приходят авторы отдельных глав, являются прямой противоположностью мнениям нашего коллектива и грузинских историков. Несмотря на это, коллектив архива считает проделанную работу первым шагом на пути изучения сложной, многосторонней и интересной истории недавнего прошлого – Советской Грузии.

Таким образом, выводы, сделанные в публикации, не обязательно совпадают со взглядами всех ее авторов и издателей. Тем не менее все они без исключения надеются, что сумели продемонстрировать образец непредвзятого и открытого обращения с историей. В условиях новой геополитической ориентации Грузии такой подход актуален, как никогда прежде⁶⁷.

Марк Юнге: *Первоначально предусматривалось опубликовать совместно с Архивом МВД Грузии как русское, так и немецкое издание книги «Большевистский порядок в Грузии». Чтобы подчеркнуть нейтралитет архива, планировалось предварять эти публикации напутственным словом директора архива Омара Тушурашвили. Однако сегодня совместно с архивом публикуется только грузинское издание книги, включая вступительное слово О. Тушурашвили. По настоянию архива, в очевидном противоречии с принципами, провозглашенными выше его директором, из грузинского издания книги были изъяты глава «Этнос и террор», дискуссия вокруг этой главы и глоссарий.*

Марк Юнге

Перевод с немецкого на русский: Андрей Савин

12. Грузинское общество и его травмы

Дж. Джавахишвили: В декабре 2014 года господин Юнге пригласил меня на круглый стол, посвященный исследовательскому проекту, нацеленному на изучение сталинских репрессий в Грузии⁶⁸. К сожалению, в день встречи я не была в стране, но позднее господин Юнге вновь связался со мной и попросил написать комментарий по проекту. Так как тема проекта чрезвычайно важная, до нынешнего времени почти не исследованная у нас в стране, а также входит в круг моих научных интересов, я с готовностью согласилась. В силу того, что заказ не был проговорен эксплицитно, я предполагала, что от меня ожидают текст, отражающий результаты исследования, которое я веду с 2010 года – по психологическим аспектам репрессий сталинского периода. Но позже, когда я получила от господина Юнге корреспонденцию с документом, в котором руководитель проекта господин Бонвеч дает оценку декабрьскому круглому столу, а также ответные письма отдельных грузинских коллег – участников проекта, я поняла, что в проектной команде – конфликт, и я фактически приглашена прокомментировать этот конфликт.

Поскольку я не сопровождала и, следовательно, не наблюдала проект с самого начала, а как раз наоборот – получила для анализа лишь фрагменты информации в самом конце его, мой анализ процесса не может быть всеобъемлющим. Поэтому я буду касаться лишь тех моментов, которые я могла наблюдать, изучив материал, предоставленный научным руководителем проекта (записи и оценка круглого стола, ряд глав из книги, дискуссия вокруг части исследования, посвященной этническим аспектам террора в Грузии).

Хочу начать с того, что меня как специалиста, изучающего психотравму, не удивляет, что в проекте, анализирующем тоталитарное прошлое той или иной страны – в нашем случае Грузии, появился конфликт. Рефлексия сталинизма является фактически рефлексией над системой, процессом и фактами насилия. Это требует от исследователей погрузиться в тот исторический период, изучить и таким образом – представить его, в определенной степени – пережить его. А это сложная и болезненная задача, так как насилие – феномен, вызывающий сильные эмоции не только в человеке, которого это непосредственно касается, но также и в

тех людях, которые узнают о фактах-процессах-системе насилия, являются в той или иной степени его «свидетелями».

Тоталитарному насилию (не имеет значения, в какой стране) свойственно «втискивание» общества режимом в т. н. тоталитарный треугольник «Жертва – Агрессор (преследователь) – Сторонний наблюдатель (Очевидец)». Агрессор (тоталитарный лидер и люди, служащие и отождествляющие себя с режимом) виктимизирует Жертву, Очевидец наблюдает процесс виктимизации и, наблюдая, испытывает страх, идентифицируя себя с жертвой. В силу данного страха он не поднимает голоса против насилия. Тем самым, толерируя агрессию и виктимизацию «ближнего своего», он отождествляет себя с Агрессором, что приводит к внутреннему расщеплению – часть его соответствует психологическому состоянию Жертвы, часть – Агрессора. Это внутреннее расщепление на виктимизируемого и виктимизирующего, берущее начало в тоталитарной системе, по инерции продолжается и в посттоталитарном периоде и представлено на всех – индивидуальном, семейном, общественном – уровнях жизнедеятельности. Такое состояние вызывает сильные эмоции – опять же, гнев, ощущение беспомощности и т. д.

Роли в данном треугольнике не стабильны, а наоборот – перетекают друг в друга. И, как в случае любого тоталитарного режима, осмысление ошибок и «изобличение виновных» сопряжено с целым рядом страхов, душевных мук и моральных дилемм, которые мы прекрасно знаем по различным историческим процессам по делам, связанным с фашизмом. Тот же случай Робера Бразильяка во Франции, виртуозно проанализированный Симоной де Бовуар (Simone de Beauvoir, *An Eye for an Eye*), дает богатую пищу для размышления в этом плане.

Но этим (ни тоталитарной системой, ни посттоталитарным обществом) дело не ограничивается. Данный тип отношений (Жертва – Агрессор – Очевидец) очень легко может проецироваться и на команду, изучающую насилие или работающую над преодолением последствий насилия. Немецкий ученый Кристиан Просс, исследующий организации, работающие с жертвами пыток, пришел к заключению, что организации, которые работают над последствиями насилия, очень часто сами вступают в насильственные конфликтные отношения, и в них развивается организационная культура, построенная на дихотомии Жертва – Преследователь (Pross Christian. 2014. *Cultural Competence and Trauma in the Organizations: Sources and Prevention of Stress /*

Clinical Neuropsychiatry: 11, 1, 7–19). Так же, как и в тоталитарной системе – эти роли не стабильны, а перетекают друг в друга. Сегодняшняя жертва может завтра стать преследователем и наоборот.

Господин Просс наблюдал это в сервисных правозащитных психотравматологических организациях, но такие же проблемы могут возникнуть и в исследовательских организациях-группах, работающих над изучением насилия и последствий насилия. Предотвратить такое деструктивное развитие помогут только осознание риска менеджментом и членами команды; усилия, направленные на построение команды и развитие самоосознания команды – ее разделяемых ценностей и норм, а также усилия, направленные каждым членом на осознание самого себя. Не менее важна для профилактики и качественная эксплицитная культура коммуникации – прозрачность, регулярная циркуляция информации и дискуссия.

Конфликт, который я наблюдала в электронной переписке участников и руководителей проекта, напомнил мне об этих моральных дилеммах и сложности анализа тоталитарного прошлого. Анализируя его, проектная исследовательская команда соприкасается с весьма болезненной, не преодоленной на данном этапе травмой – тоталитарной травмой – общества, и фактически сталкивается с риском того, что эта травма, а также отношения Жертва – Агрессор – Очевидец могут проецироваться на проектную команду.

Для меня как психолога, работающего с индивидуальной и общественной психотравмой, не имеет значения, кто на данном этапе в исследовательской команде может находиться в роли агрессора, жертвы или стороннего наблюдателя. Мы все хорошо знаем (и особенно те, кто исследуют траектории репрессий), что от роли агрессора очень легко переходят к роли жертвы, от роли жертвы – к роли преследователя и т. д. С точки зрения психодинамической психологии, проекция тоталитарного треугольника фактически означает проецирование и тоталитарной психотравмы (в нашем случае – на исследовательскую команду). Тоталитарная травма в большой мере связана со страхом потери идентичности. Страх потери идентичности чаще всего пригвождает человека/общество к гранднарративу и ставит в позицию «глухой защиты», что не оставляет пространства для критического осмысления того или иного явления.

В корреспонденции, предоставленной для анализа, содержались взаимные обвинения. С грузинской стороны – обвинения

немецких исследователей в предвзятости при анализе, а с немецкой стороны – обвинения грузинских исследователей в нетолерантности к отличным мнениям и в отсутствии свободы научной мысли. В дискуссионной главе, готовящейся к публикации, передается спор между господами Бонвечем, Гамахарией, Даушвили, Мюллером и Юнге. И этот спор – спор между двумя противоположными гранднарративами. Грузинские ученые ведут спор, основываясь на грузинском гранднарративе, тогда как немецкие ученые парируют обвинения в предвзятости, приводя информацию, статистику, данные переписи и т. д. – из источников царских и советских времен, и, таким образом, основываются в определенной степени на русском гранднарративе. Это существенно умаляет научную ценность данной дискуссии и превращает ее в непродуктивный спор вокруг исторических фактов, заводит коллегияльные отношения в тупик.

Вышеописанное ведет, с одной стороны, к дискредитации проекта, что не так драматично, так как проект фактически закончился и находится на стадии публикации. Намного более серьезный урон рассматриваемый конфликт может нанести будущим попыткам исследования истории репрессий в Грузии: они, основываясь на неконструктивном опыте коммуникации в рамках данного исследовательского проекта, могут встретить еще большее сопротивление в будущем. А сопротивление переосмыслению – и даже просто рассмотрению советского прошлого – уже стало в определенной мере традицией в грузинском обществе.

После возвращения независимости в начале девяностых годов прошлого столетия Грузия находится в постоянном множественном – политическом, экономическом, социальном кризисе. Не говоря уже о кризисе ценностном, вызванном несовместимостью системы ценностей, выработанной в режиме выживания и приспособления (в течение двухвекового колониального опыта и пережитого тоталитаризма), с демократическим выбором, сделанным страной после освобождения. По ряду причин в 90-е гг. не были задействованы механизмы правосудия переходного периода. Во время гражданской войны, разгоревшейся в конце первого года независимости, были сожжены (а также частично вывезены) архивы местного КГБ, что сильно снизило возможности проведения люстрации. В гражданской войне победила и вернулась к власти бывшая партийная номенклатура под руководством Эдуарда Шеварднадзе, что моментально сняло с повестки дня любые попытки переосмысления советского прошлого. При власти пар-

тии Национального движения (с ноября 2003 года по октябрь 2012 года) вектор ответственности за период советского террора был повернут исключительно во вне (на Россию) – что, опять же, исключило возможность переосмысления советского прошлого, включая сталинизм. Горизонт переоценки (вернее, оценки) прошлого пришедшей к власти в 2012 году партийной коалиции «Грузинская мечта» лимитирован девятью последними годами (периодом правления Национального движения). Таким образом, рефлексии грузинского общества о своей роли в репрессиях, вынесения уроков из тоталитарного опыта, той же десталинизации, фактически не было. Даже такие громкие случаи, как, например, репрессии в Союзе писателей и совершенно очевидная роль местной советской писательской элиты в проведении репрессий и создании соответственного репрессивного общественного дискурса, не стали не только предметом рассмотрения переходного правосудия, но даже и предметом научного изучения. В силу этого те же писатели, которые способствовали, катализировали или даже проводили репрессии, и по сей день почитаемы в обществе. Это только один конкретный пример-иллюстрация, нечто подобное наблюдается на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни. Такое положение вещей на сегодняшний день тормозит развитие общества, в жизни которого все еще сильна инерция тоталитарного треугольника, которая особенно дает о себе знать через фрагментацию грузинского общества и враждебные отношения между отдельными фрагментами.

На таком фоне особенно важно, чтобы попытка переосмысления советского прошлого, предпринятая в данном проекте, не вызвала усиления уже существующего режима сопротивления и неприятия. Думаю, это как раз тот возможный негативный побочный результат проекта, которого все мы, общими усилиями, должны постараться избежать. Здесь, по моему убеждению, проектная команда и остальные заинтересованные субъекты должны выработать стратегию смягчения отрицательного эффекта. И это должно быть предметом общего рассмотрения, аутентичного диалога на фоне саморефлексии (*versus* взаимных обвинений и отстаивания «истинности» своей позиции), и таким образом – серьезной заботы.

На мой взгляд, очень важно извлечь уроки из этого проекта. Уроки прежде всего должны касаться процесса работы. Ниже я постараюсь изложить мое видение того, как избежать подобных проблем в будущем.

В первую очередь, я бы порекомендовала в случае создания рабочей исследовательской команды по изучению тоталитарного прошлого сделать ее мультидисциплинарной, не ограничиваться историками, так как мультидисциплинарность поможет преодолеть несовместимые противоречия между противоположными гранднарративами.

Очень важно, создавая исследовательскую команду, обсудить разделяемые ценности, договориться о нормах и правилах общения в рамках исследования, стратегии постоянной циркуляции информации и эксплицитной коммуникации внутри команды, а также с внешним миром и ключевыми заинтересованными субъектами.

При изучении исторического прошлого, его болезненных периодов критически важно, чтобы общение в исследовательской команде не ограничивалось дискуссией в конце проекта. Здесь дискуссии по находкам исследования должны проводиться регулярно, через процесс обсуждения находок исследования должна пройти не только исследовательская команда, но и сообщество, которому будет предоставляться информация для рефлексии.

Очень важно, чтобы исследователи осознавали себя представителями обществ с определенным прошлым, находящихся в определенной психодинамике взаимоотношений. В данном контексте особое значение может иметь принадлежность грузинских ученых к грузинскому обществу, которое находится в постоянном модусе самосохранения, страха потери идентичности, – или же принадлежность немецких ученых к немецкому обществу, находящемуся в определенной психодинамике отношений с российской стороной, понесшей в борьбе с фашизмом большие человеческие потери.

Особенно хочу подчеркнуть важность целенаправленного акцента на самоознании в подобного рода психодинамически сложных исследовательских проектах. Это даст исследователям возможность учесть соответствующие психологические факторы. В классике экспериментальной психологии хорошо известны исследования, которые доказывают, что результаты экспериментально-психологического исследования в определенной мере зависят от ожиданий экспериментатора. Если это так даже в экспериментальных, наиболее объективных исследованиях, представьте, в какой мере установки исследователей предопределяют находки и результаты в аналитическо-интерпретационных исследованиях. Знание этого привносит важные импликации: это каса-

ется как надежности результатов того или иного исследования, так и роли самоосознания субъектов исследования. Если исследователь не занимается самоосознанием, он рискует пойти на поводу своих и/или общественных установок и, таким образом, того или иного метанарратива. Сегодняшний уровень развития научной мысли ставит задачу самоосознания перед научными деятелями. Если я исследую то или иное явление, мое самоосознание должно достичь такого уровня, где я буду способен дистанцироваться от своих личных или интериоризированных (общественных и даже общинных) предпочтений. Это помогает достичь необходимой степени непредвзятости. На современном этапе развития науки непредвзятость представляется и так труднодостижимой, а без самоосознания она вообще превращается в миф.

Джана Джавахишвили

Государственный университет им. Ильи Чавчавадзе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируем по неопубликованному отзыву Джемала Гамахарии на первый вариант главы «Этнос и террор» (июль 2014 г.). Ответы авторов этой главы Марка Юнге и Даниеля Мюллера (август – сентябрь 2014 г.). Гамахария Джемал (Džemal Gamacharia), член правительства (Верховного совета) Абхазии в изгнании в Тбилиси. Председатель комиссии Верховного Совета по вопросам урегулирования конфликта в Абхазии, связям с диаспорой, образования и культуры. Основные публикации: Абхазия – историческая область Грузии: С древнейших времен до 30-х г. XX века. Историография, док. и материалы, коммент. Тбилиси, 1997 (соиздатель Б. Гогия); Очерки из истории Грузии: Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тбилиси, 2009.

² См., например: *Shnirel'man V.A.* Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. – Washington, 1996; споры подобного рода имеют место также в ходе конфликта вокруг Нагорного Карабаха, а также палестино-израильского конфликта.

³ Здесь мы ссылаемся, например, на следующие исследования: *Ломатидзе К.В.* Абазинский язык // Языки народов СССР. Том IV / Сост. Е.А. Бокарев. Москва, 1967. С. 123–144, здесь С. 123. «Абазины, как ашхарцы и тапанасы, считаются пришедшими с юга на Северный Кавказ в разное время – раньше тапанасы, позже ашхарцы»; *Abazebi // Kartuli sabč'ota encik'lop'edia* [Грузинская советская энциклопедия (по-грузински)]. Т. 1. Тбилиси, 1975. С. 10; см. также *Klimov G.A.* Einführung in die kaukasische Sprachwissenschaft. – Hamburg, 1994. С. 48 (на немецком языке).

⁴ См. *Clogg R. Documents from the KGB archive in Sukhum. Abkhazia in the Stalin years // Central Asian Survey. 1994. 14. № 1. С. 155–189.*

⁵ Цитируем неопубликованной рецензию А. Даушвили на коллективный труд «Большевистский порядок в Грузии» (сентябрь 2014 г.). Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча от ноября 2014 г. Даушвили Александр (Alexander Daušvili), доктор исторических наук Заместитель директора по научной части Института истории и этнографии им. И. Джавахишвили АН Грузии (1998–2006). Член правления и заместитель председателя правления Международного научного центра христианских исследований при Патриаршестве Грузии (с 2002 года). Один из основателей и член правления научного центра по изучению и пропаганде истории, этнологии и религии (2006). Основатель и главный редактор альманаха «Клио» (1998–2006). Ответственный редактор журнала «Аналеби», член редколлегии журнала «Логос». Основные публикации: Тбилиси-1937. Массовые репрессии в промышленных предприятиях Грузии. Тбилиси, 1997; Межнациональные отношения в Грузии 1921–1985 гг. На примере промышленных предприятий. – Тбилиси, 2000; Повесть о Сосо Джугашвили. Книга I. «Сосело». Тбилиси, 2000; Повесть о Сосо Джугашвили. Книга II. «Коба». Тб., 2004; Повесть о Сосо Джугашвили. Книга III. «Грузинское дело». – Тбилиси, 2007; Русский колониализм в Грузии. – Тбилиси, 2008 (соавтор).

⁶ *Билокин С. Механизм большевистского насилия. – Киев, 2000. С. 12.*

⁷ Выступление М. Орахелашвили на Октябрьском пленуме ЦК КП Грузии // Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 2. Д. 9. Л. 215.

⁸ КПСС в резолюциях. – Тбилиси, 1954. С. 596–597; 807–808 и т. д.

⁹ *Мухелишвили Д., Самсонадзе М., Даушвили А. История Грузии. – Тбилиси, 2012. С. 410.*

¹⁰ Там же. С. 436.

¹¹ *Kartuli sabč'ota encik'lop'edia [Грузинская советская энциклопедия]. Т. 8. – Тбилиси, 1984. С. 249.*

¹² См. *Blauvelt T. The 'Mingrelian Question': Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe-Asia Studies. 2014. № 6. 66. С. 993–1013.*

¹³ *Даушвили А. Апокалиптическое пятикнижие тов. Епифанцева и история единой Грузии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. – Тбилиси, 2011. С. 107–140.*

¹⁴ Иверия. 20 октября 1888 г.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения. Т. XIV. Грузия, таблица VI. – М., 1929. С. 16.

¹⁶ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 9. Д. 210. Л. 28.

¹⁷ *Бабалашвили И.П. Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Тбилиси, 1977; Suny R.G. The making of the Georgian nation. – Bloomington, 1988.*

¹⁸ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 15. Д. 54. Л. 2–12.

¹⁹ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 230. Д. 16. Л. 37.

²⁰ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 230. Д. 16. Л. 69.

²¹ *Daušvili A. T'bilisi-1937. Masobrivi represiebi t'bilisis samrecvelo šromit' kolek'tivebši [Тбилиси-1937. Массовые репрессии в промышленных рабочих коллективах в Тбилиси]. – Tbilisi, 1997. С. 106.*

- ²² Там же. С. 139–142.
- ²³ *Смирнов Н.Г.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х годов. – М., 2014.
- ²⁴ Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Ред. О.Б. Мозохин. – М., 2012.
- ²⁵ Московский Центральный архив социально-политической истории. Ф. 64. Оп. 1. Д. 60. Л.
- ²⁶ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 2. Д. 369. Л. 10.
- ²⁷ Коммунистическая партия Грузии в цифрах, 1921–1970. – Тбилиси, 1971. С. 8.
- ²⁸ Там же. С. 31.
- ²⁹ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 2. Д. 350. Л. 271.
- ³⁰ КПСС в резолюциях. – Тбилиси, 1954. С. 565.
- ³¹ *Натмеладзе М., Даушвили А., Джапаридзе М., Ценгуашвили К.* Особенности установления и укрепления тоталитарного режима в Грузии в 20-х годах XX века. – Тбилиси, 2008. С. 316.
- ³² Коммунистическая партия Грузии в цифрах. 1921–1970. Тбилиси, 1971. С. 17.
- ³³ *Лежава Г.И.* Из истории рабочего класса Абхазии. Тбилиси, 1978. С. 41.
- ³⁴ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 4. Д. 420. Л. 114.
- ³⁵ *Totadze A.* The population of Abkhazia. The Ossets in Georgia. – Tbilisi, 1994.
- ³⁶ *Какурия Ш.* Население г. Тбилиси в 1803–1970 годах. – Тбилиси, 1979. С. 17–42.
- ³⁷ *Какурия Ш.*, названный труд. С. 42.
- ³⁸ *Alexander Z.* Jewish Emigration from the USSR in 1980 // *Soviet Jewish Affairs* (London). 1981. № 2. 11. С. 21; *Pinkus B.* The Soviet Government and the Jews. 1948–1967. A documented study. – Cambridge u. a., 1984.
- ³⁹ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 209. Л. 134.
- ⁴⁰ См. по этому поводу: *Cheterian V.* War and Peace in the Caucasus. Ethnic Conflict and the New Geopolitics. New York, 2008; *Zürcher Ch.* The Post-Soviet Wars. Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus. – New York–London, 2007.
- ⁴¹ Осмотрительный, профессиональный и в конечном итоге оптимистический анализ грузинского национализма и его политической конъюнктуры в постсоветское время предпринят в следующей публикации: *Jones St.* Georgia. A Political History Since Independence. – London, 2013, особенно S. 215 ff.
- ⁴² Цитируем по неопубликованному отзыву: «Еще одна попытка фальсификации этнической и языково-культурной истории грузинского народа. Рецензия Группы Р. Метревели на работу М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и террор» (сентябрь 2014 г.)». Наши ответы от декабря 2014 г. Метревели Роин (Roин Metreveli), доктор исторических наук. Председатель Национального комитета историков Грузии. Вице-президент Национальной академии наук Грузии. Основные публикации: Давид Строитель. – Тб., 1990; Georgia. Nashville, Tennessee, 1995; The Georgian chronicle: Matiane Kartlisa. – М., 1996; Кавказская цивилизация в контексте глобализа-

ции. – Стокгольм, 2009; Некоторые вопросы внешней политики Грузии в средние века: XII век. – Тб., 2010. The golden age: Georgia from the 11th century to the first quarter of the 13th century. – Tbilisi, 2010.

⁴³ «В 1892 году попечитель кавказского учебного округа Кирилл Яновский (на этом посту он служил с декабря 1878 года до 1900 года) разными народами объявляет мегрелов и остальных грузин. Мегрелы имеют отличающийся от грузинского язык, и необходимо перевести на этот язык церковные книги и тексты молитв, писал Яновский. Рассмотрение изложенных в докладе Яновского вопросов Обер-прокурор Русского священного Синода поручил экзарху Грузии Палладию письмом 12729 от 24 мая 1892 года. Со своей стороны экзарх письмом 12646 потребовал от епископа Гурии и Мегрелии Григория (Дадияни) изучение вопроса и представления заключения. 12 августа того же года письмом 12168 епископ уничтожающе ответил К. Яновскому, особенно его «положениям» о том, что мегрелы не являются грузинами и о существовании мегрельского «языка». *Gvancelaze T. Merab nač'q'ebia, manana t'abiže, guria-samegrelos ep'isk'op'osi grigol dadiani (brzola dedaenisatvis XIX sauk'unis meore naxevarši)* [Борьба за родной язык во второй половине XIX века] // *svet'icxoveli*, 2009, no. 1, gv. 148–162; *Tabidze M. M., Nachkebia M. Complex Analysis of Linguistic Situation and Linguistic Legislation of Post-war Abkhazia (1993–2012)* // <http://sangu.ge/images/mtabiudze.pdf>.

⁴⁴ К дискуссии между Н. Марром и И. Джавахишвили более подробно см.: *Put'k'araze T'. Ia vašak'ize, kartvelologiis orgvari dagegmva 1917–1935 c'lebši* [Двойное планирование картвелистики в 1917–1935 гг.]. – Tbilisi, 2011.

⁴⁵ Грузинский университет был торжественно открыт 26 января (8 февраля) 1918 г. – в день поминовения Давида Строителя. Законом Национального Совета Грузии и Грузинской республики от 3 сентября 1918 года Грузинскому университету был присвоен статус государственного университета, и он был назван Тифлиским государственным университетом.

⁴⁶ См. изданную в 1913 г. книгу И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

⁴⁷ Напр., в: *Сталин И. Марксизм и национальный вопрос*. – Тбилиси, 1951, – читаем: «...на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, особым языком, но без родной литературы... Как быть с такими народностями? ...Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы?» (С. 138–139)... «Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры» (С. 142).

⁴⁸ Известным фактом является и то, что эта книга И. Сталина многократно была издана в Советском Союзе (на грузинском напечатана четыре раза); см. также: *Гигинейшвили И. Учение И.В. Сталина об общем народном языке и диалектах и вопросы единого грузинского литературного языка*. Т. III, [?] 1952. С. 483–510; *Ломтатидзе К. Труд И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и его значение для советского языкознания*. Т. III. [?] 1952. С. 33–71.

⁴⁹ Для рассуждения см.: *Put'k'araze T'*. Kartvelebi [Грузины]. kutaisi, 2005; *bolkvaze t., kartveluri diglosia kartuli salit'erat'uro enis sak'itxebi: ist'oria da tanamedroveba (pirveli k'rebuli)* [Грузинская диглоссия, вопросы грузинского литературного языка: история и современность. Первый сборник]. – Tbilisi, 2007. С. 221.

⁵⁰ Против этих групп выступали население Мегрелии и коренная интеллигенция Западной Грузии, в частности: П. Чарая, С. Хундадзе, К. Гамсахурдия, Т. Сахокия, Г. Церетели, А. Тандилава и другие, которые старались сохранить традиционные подходы; это оказалось невозможным при режиме Сталина.

⁵¹ Искандер Циташи, он же Александр Цветков, не был по происхождению лазом; это подтверждают и упомянутые немецкие авторы.

⁵² *Put'k'araze T'*. Tanamedrove kartvelta enobrivi-etnik'uri ac'era «msoplios enata reest'ris» michedvit da arsebuli sinamdvile [Языково-этническое описание современных грузин по «Речестру языков мира» ([inguarium.iling-ran.ru](http://linguarium.iling-ran.ru)) и существующая реальность] // <http://www.scribd.com/doc/14098229/Putkaradze-Msoflios-Enata-Reestri-Da-Sakartvelo>; *Putkaradze T.* Some Aspects of the Geopolitical Strategy of Georgia (On Politicization of the Kartvelological Studies) // <http://www.scribd.com/doc/9100139/Tariel-Putkaradze-Some-Aspects-of-the-Geopolitical-Strategy-of-Georgia>.

⁵³ *Putkaradze T., Dadiani E., Serozia R.* European Charter for Regional or Minority Languages and Georgia. – Kutaisi, 2010 <http://www.scribd.com/doc/35702700/Tariel-Putkaradze-Eka-Dadiani-Revaz-Serozia-2010>; для документального материала см.: *Mit'rop'olot' I anania Žaparize, kartuli samocikulo ek'lesiis ist'oria* [История Грузинской Православной Церкви]. t'omi I–IV. – Tbilisi, 1976–2003; *Put'k'araze T.* Svanebi salit'erat'uro enisa da svanuri met'q'velebis šesaxeb (kartelta erovnuli-enobrivi tvitmik'utnebulobis sak'itxi) [Сваны о литературном языке и сванской разговорной речи] // *Kartuli.* 2001, no.7; *Gvancelaze T.* Enisa da k'ilos sak'itxi kartvelologiaši [Вопросы языка в картвелологии]. – Tbilisi 2006; *gužežiani r., mama besiarion (nižaraze)* [Отец Виссарион (Нижарадзе)] // *mest'iisa da zemo svanetis ep'arkiis gazeti* [Газета епархии Местии и Верхней Сванетии], 4 ivnisi, 2007; *t'abize m., enobrivi p'olit'ik'is teoria da p'rakt'ik'a, sakartvelos sap'at'riarkos c'minda andria p'irvelc'odebulis saxelobis kartuli universit'et'i, humanit'arul mecnierებათა pak'ult'et'is šromebi, gamomcemloba «kartuli universit'et'i* [Теория и практика языковой политики, Грузинский университет им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии, труды факультета гуманитарных наук]. – Tbilisi, 2014; *t'abize m., saxelmc'ipo enis st'at'usis dacva: evrop'uli gamocdileba da sakartvelo* [Защита статуса государственного языка: Европейский опыт и Грузия] // *kartvelologiis akt'ualuri p'roblemebi.* 2013. No. 2, gv. 144–156.

⁵⁴ Цитируем по неопубликованным комментариям Т.К. Блаувельта к книге «Большевистский порядок в Грузии» (29 сентября 2014 г.). Ответные замечание Марка Юнге, Даниеля Мюллера и Бернда Бонвеча (ноябрь 2014 г.). Блаувельт Тимоти К. (Timothy K. Blauvelt), профессор советских и постсоветских исследований, Государственный университет им. Илии Чавчавадзе; директор грузинского отдела программ Американских советов по международному образованию (ACTR/ACCELS), Тбилиси, Грузия. Основ-

ные публикации: Abkhazia. Patronage and Power in the Stalin Era // *Nationalities Papers*. 2007. № 2. 35. С. 203–232; March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // *Communist and Post-Communist Studies*. 2011. № 1. 44; Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery. A Peasant Uprising in Abkhazia // *Ab Imperio*. 2012. №. 3. 13. С. 78–108; The 'Mingrelian Question': Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // *Europe-Asia Studies*. 2014. № 6. 66. С. 993–1013.

⁵⁵ В данной связи следует рекомендовать одну из не самых известных статей Мартина, в которой он объясняет, как бюрократические нужды сталинской административной системы, вопреки изначальным намерениям большевиков, закрепили в СССР традиционное, исконное понимание национальной идентичности: *Martin T.* Modernization or neo-traditionalism? Ascribed nationality and Soviet primordialism // *Fitzpatrick Sh.* (ed.) *Stalinism: New Directions*. – London, 1999. С. 348–367.

⁵⁶ Некоторые могут возразить, что данный подход уделяет ненужное внимание элите, однако, на мой взгляд, в таких небольших и ограниченных регионах, как Кавказ (и, возможно, в еще большей степени Абхазия), граница между «элитой» и остальным населением часто оказывается размытой.

⁵⁷ *Blauvelt T.* March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // *Communist and Post-Communist Studies*. 2011. № 1. 44. С. 73–88.

⁵⁸ *Blauvelt T.* Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // *Nationalities Papers*. 2007. № 2. 35. С. 203–232.

⁵⁹ *Blauvelt T.* The 'Mingrelian Question': Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // *Europe-Asia Studies*. 2014. № 6. 66. С. 993–1013.

⁶⁰ Дополнительное замечание: в одном фрагменте текста авторы обсуждают особый случай абхазского и осетинского языков в Грузинской ССР, которые были переведены на грузинское письмо (в то время как во всех остальных случаях латинская графика была заменена кириллицей). Джереми Джонсон, работая в армянских архивах над будущей диссертацией, обнаружил свидетельства, согласно которым курдский язык в Армянской ССР был переведен на новое письмо на основе армянской графики. С одной стороны, этот факт показывает, что языковая политика в Грузинской ССР не была уникальной. С другой стороны, он служит подтверждением того, что центральное руководство оказывало поддержку республикам при реализации процессов титульной гомогенизации в обсуждаемый исторический период.

⁶¹ Цитируем по неопубликованному отзыву Ивана Ментешашвили на первый вариант введения «Под снегом» (сентябрь 2014 г.). Ответы Марка Юнге, Оливера Райснера, Бернда Бонвеца с поддержкой Даниэля Мюллера (февраль 2015 г.). Ментешашвили Иван (*Ivan Mentešašvili*), д.и.н., профессор. Национальный музей Грузии. Член Международного наполеоновского общества. Основные публикации: История Англии в освещении современной английской историографии // *Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства*. № 1. Тб. 1988. С. 164–179; *Фолклендские острова. история конфликта*. Тб. 2005; *Власть и герой. Наполеон Бонапарт*. – Тб., 2014.

⁶² Цитируем по неопубликованной рецензии Георгия Майсурадзе на первый вариант книги «Большевистский порядок в Грузии» (декабрь 2014 г.). Ответ М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча (март 2015 г.). Майсурадзе Георгий (Giorgi Maisuradze), 2008–2013 – сотрудник берлинского «Центра исследований литературы и культуры» (Zentrum für Literatur- und Kulturforschung), в рамках проекта «Апории форсированной модернизации: фигурации национального в советской империи» (Aporien forcierteter Modernisierung: Figurationen des Nationalen im Sowjetimperium), Научный сотрудник в проекте европейский субъект и »Homo sovieticus« (Das europäische Subjekt und der »Homo sovieticus«). С 2014 г. – руководитель факультета философии и социологии Университета им. Ильи Чавчавадзе. Основные публикации: Die geschlossene Gesellschaft und ihre Hüter // *Cxeli šok'oladi* [Горячий шоколад]. 2009. 46. С. 84–92; Die Rückkehr des Mittelalters // *Cxeli šok'oladi*. 2009. 47. С. 90–104; Der Akzent Stalins und die Apokalypse der georgischen Sprache // *Cxeli šok'oladi*. 48. 2009. С. 94–104; Patriotismus als Religion // *Cxeli šok'oladi*. 2009. 49. С. 86–96; Gemeinschaft und Gesellschaft // *Cxeli šok'oladi*. 2009. 50. С. 90–98; Vom Pantheon zum Pantheon // *Cxeli šok'oladi*. 2009. 53. С. 88–96; *Šak'et'ili sazogadoeba da misi daražebi* [Закрытое общество и его охранители]. Tbilisi 2011; *Dak'arguli k'ont'ekst'ebi* [Утраченные контексты]. – Tbilisi, 2012.

⁶³ Цитируем по неопубликованному стенографическому отчету круглого стола «Большевистский порядок в Грузии 1936–1938 гг.» в Академии МВД Грузии от 12 декабря 2014 г. Стиль выступающих не изменен. Нами исправлены только языковые неточности.

⁶⁴ Анчабадзе Георгий (Giorgij Ančabadze), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии АН Грузии. Основные публикации: Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. – Тб., 1990; Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии. На основании личного опыта // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе: Материалы грузино-абхазской конференции. – Ирвайн, 1999. С. 17–37; Республика Грузия // Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы. Опыт социологического анализа. – Владикавказ, 2002. С. 33–51; *History of Georgia: A Short Sketch*. – Tbilisi, 2005; *Mass Terror in the USSR: The Story of One Family // Caucasus Analytical Digest*. 01.12.2010. № 22.

⁶⁵ Цитируем по неопубликованному сообщению Академии Министерства внутренних дел Грузии о проекте «Большевистский порядок в Грузии» с протоколом совещания круглого стола 12 декабря 2014 г. (20 апреля 2015 г.). Ответ Марка Юнге и Бернда Бонвеча (23 апреля 2015 г.).

⁶⁶ Цитата из неопубликованного письма Омара Тушурашвили Марку Юнге от 10 июня 2015 г. Ответ Марка Юнге и Даниеля Мюллера от 15 июня 2015 г.

⁶⁷ Тушурашвили Омар (Omar Tušurašvili), полковник полиции, директор Архива МВД Грузии, учредитель журнала «Архивный Бюллетень» (*The Archival Bulletin*) (с 2008 г.). Основные публикации: *Debates about statehood in a troubling time. The history of the Establishment of the South Ossetia, Autonomous District // The Archival Bulletin*. 2008. № 3. С. 107–116; *Documents and Materials on the History of the Georgian Church (1943–1946) // The*

Archival Bulletin. 2009. № 4. С. 79–109; The Colonial Policy of Russia Towards Abkhazia (The end of the 19th – beginning on the 20th century) // The Archival Bulletin. 2009. № 5. С. 78–107 (все статьи в соавторстве с В. Гурули); Interior and Security Ministers of the 20th Century, Tbilisi 2013 (в соавторстве с И. Яхуа); Materiály o okupaci Československa v roce 1968 v archive Ministerstva vnitra Gruzie // Securitas imperii 24. 2014. P. 180–202 (в соавторстве с В. Луарсабишвили).

⁶⁸Цитируем по неопубликованым комментариям Джаны Джавахишвили к проекту «Массовые репрессии в Грузии» и к дискуссии о главе «Этнос и террор» настоящей книги (март 2015). Джавахишвили Джана (Дареджан) (Džana Džavachišvili), Директор института Адиктологии, со-основатель и со-руководитель Программы магистра по психическому здоровью, Государственный университет им. Ильи Чавчавадзе, Тбилиси, Грузия; Член Совета директоров и ученый секретарь Европейского общества исследования травматического стресса (European Society of Traumatic Stress Studies, ESTSS). Основные публикации: Soviet Legacy in Contemporary Georgia: A Psychotraumatology Perspective // Identity Studies 5, Tbilisi, 2014 (in print); Piloting European Drug Addiction Preventive intervention Unplugged Program in Georgia: Formative and Quasi Experimental Study. Addictology 14.2. Prague, 2014; Myth and Conflict in the South Caucasus: Instrumentalization of Conflict in Political Discourse (Editor). – London, 2013. <http://www.international-alert.org/resources/publications/myths-and-conflict-south-caucasus-vol-2-english>; Myth & Conflict in the South Caucasus: Instrumentalization of Conflict in Historical Narratives (Co-editor). – London, 2013. <http://www.international-alert.org/resources/publications/myths-and-conflict-south-caucasus-vol-1-english>

ИНТЕРВЬЮ

Дело не в нем, дело в нас.

Надежда Мандельштам. «Век волков». 1971

Марк Юнге, Дали Канделаки, Бернд Бонвеч

СВИДЕТЕЛЬСТВА РОДСТВЕННИКОВ ЖЕРТВ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

Шесть интервью с потомками людей, репрессированных в период Большого террора, были записаны 15 мая 2010 г. в с. Хашми Сагареджойского района в Кахети, традиционном винодельческом регионе вблизи Тбилиси. Выбор этой деревни был обусловлен тем, что она находится недалеко от Тбилиси. С одной стороны, организаторы убедились перед проведением интервью в том, что в случае с целевой группой респондентов, а именно простых сельских жителей, речь идет главным образом о крестьянах или людях крестьянского происхождения, родные которых в 1930-е годы были колхозниками. С другой стороны, в ходе интервью должен был отразиться уровень идеологического, политического и экономического влияния сталинского режима на деревню, чему способствовала географическая близость Хашми к республиканской столице. Таким образом, у жителей Хашми было гораздо меньше возможностей, чем у населения отдаленных горных регионов, уклоняться от политики советизации, осуществлявшейся властью. Относительное благополучие жителей и плодородная земля – основа виноделия – сделали Хашми объектом честолюбивых сельскохозяйственных проектов тбилисских властей. В свою очередь, село находилось под строгим политическим надзором, поскольку в короткий период существования Демократической Республики Грузия в Хашми наблюдалась активная деятельность меньшевиков.

Интервью имеют тематическую направленность. Целью вопросов было установление непосредственных обстоятельств репрессий 1937–1938 гг., учитывая, что в Хашми происходили многочисленные аресты отцов, родных и близких респондентов¹. С помощью интервью их организаторы намеревались не только снять табу с запретной болезненной темы, но и включить Большой террор в широкий контекст государственной политики коллективизации сельского хозяйства, тем самым более тесно связав

его с первым крупным циклом систематических репрессий, осуществлявшихся в Советском Союзе в мирное время.

Необходимо отметить, что записанные интервью в конечном счете не отражают, как первоначально предполагалось, специфической ситуации в Хашми и индивидуальных последствий для респондентов ареста главы семьи, зато они хорошо характеризуют общий климат и обстоятельства жизни колхозников, в том числе насильственную коллективизацию, нищету и репрессии.

Даже тот факт, что один из опрошенных называет другого респондента доносчиком на своего отца, не приводит к каким-то специфическим высказываниям или обвинениям в адрес соседей. Все случившееся воспринималось, очевидно, как судьба, а приспособление к существующему режиму носило всеобщий характер. Люди продолжали работать, одни – как простые колхозники, другие – в качестве сотрудников советского аппарата. Никаких жалоб, никаких обвинений. Таким образом, содержания интервью ретроспективно иллюстрируют процессы адаптации к сложившимся условиям. Это, в свою очередь, можно объяснить спецификой опроса, проводившегося в замкнутом круге, где люди знают, что должны уживаться друг с другом. Последнее интервью характеризует двойственность, с которой режим и его политика воспринимаются людьми, чьи предки, с одной стороны, подвергались преследованиям, с другой стороны – сумели воспользоваться предоставленными им возможностями. Судя по интервью, стигматизация и дискриминация родных репрессированных хотя и имели место, но специально не применялись государством.

В качестве дополнения к интервью, а также в целях помещения их в широкий исторический контекст привлекаются документы из Архива Министерства внутренних дел Грузии, содержащие информацию о жертвах репрессий, которые были названы респондентами. Такого рода справки приводятся непосредственно после каждого интервью².

В качестве главного источника краткого описания истории села Хашми в 1920–1930-е годы используются публикации местной прессы тех лет, а также сочинения и статьи современных исследователей и краеведов. Таким образом, появляется возможность не только оценить специфическое восприятие деятельности государственных и партийных органов в 1930-е годы, рупором которых была пресса, но и сегодняшнюю попытку положительного преодоления трагических последствий прошлого.

1. Село Хашми

От села Хашми берет свое начало Кахети – один из самых красивых уголков Восточной Грузии. В древности село называлось Кацарети. В исторических документах название «Хашми» упоминается с начала XVIII в.

Согласно посемейным спискам 1886 г., в деревне проживало 1277 жителей в составе 286 семей (678 лиц мужского пола, 599 – женского)³. До начала Большого террора максимальная численность населения не превышала 1200 человек⁴.

В начале двадцатого столетия Хашми считалось довольно богатым селом. Но достоверных архивных сведений о численности населения села в это время не имеется. В Хашми проживали образованные люди – из соседних сел к ним обращались с просьбой написать или прочесть письмо. Каждая семья в среднем насчитывала семь-десять человек, включая в себя три, а иногда и четыре поколения родственников. Жители Хашми, рачительные и бережливые крестьяне, с толком распоряжались собранным урожаем, с выгодой продавали вино, зерно и скот. У здешних жителей, по сравнению с соседями, всегда были хорошие лошади и скот, добротные арбы и тележки. В селе сложилась среда проживания, которая полностью удовлетворяла местных жителей: работа, школа, церковь, места отдыха, местный хор и театр, состязания борцов.

В начале 1920-х годов село Хашми пострадало в результате свержения демократического правительства и установления в Грузии советской власти. В 1921 г. местный ревком расквартировал в Хашми в домах жителей красноармейцев 108-го полка, что привело к первому конфликту между сельчанами и новой властью. Поскольку в большинстве домов имелась только одна комната, их обитатели страдали от вынужденного соседства. Тысяча девятьсот двадцать первый год был неурожайным, чему также способствовало поведение красноармейцев, которые травили сельские пашни и виноградники, крали сено, вино, фрукты, домашнюю птицу и т. д. Все это привело к обнищанию жителей Хашми. Разгневанная поведением красноармейцев, общественность села обратилась с просьбой в СНК Грузии⁵, потребовав обратить внимание на притеснение крестьян и вывести из Хашми находившихся на постое солдат. 21 ноября 1921 г. жители по-

вторно послали письмо в СНК Грузии с требованием дать ответ в кратчайшие сроки. Жалобу подписал сельский учитель И. Кокрашвили⁶.

Благополучная жизнь жителей Хашми в годы новой экономической политики была прервана насильственной коллективизацией. Сельчан принуждали ко вступлению в колхозы, насильственно объединяли их движимое и недвижимое имущество без учета местных условий жизни и невзирая на многовековой патриархальный уклад⁷. В 1930-е годы в селе Хашми было создано несколько колхозов⁸. Одним из них являлся колхоз «Первая попытка» (Pirveli-Cda). Уже в 1935 г. этот колхоз стал победителем конкурса на лучший виноградник, объявленного наркомом земледелия Грузинской ССР. Как сообщала местная газета, «третью бригаду наградили денежным призом в размере 150 рублей, 15 кг. медного купороса, аппаратом для опрыскивания и спец. литературой. Индивидуальную награду получил виноградарь Сосо Кварелашвили, которому вручили денежный приз в размере 100 рублей, 10 кг. медного купороса, аппарат для опрыскивания и спец. литературу (2 книги)»⁹. В газете «По пути социализма» (Socialist'uri gzit), органе Сагареджойского райкома ВКП(б) и райисполкома, 14 октября 1936 г. была опубликована статья под заголовком «Вручение государственного акта», в которой отмечалось, что колхозу имени Джугели (председатель Кокрашвили) в селе Хашми вручили государственный акт о передаче на постоянное пользование 471 га. земельного фонда. Воодушевленные этим фактом, на собрании выступили колхозники Ладо Мамучишвили, Андро Николашвили, Тедо Алалидзе, Сабеда Имедашвили и Вано Начхаташвили»¹⁰.

Продолжил свою деятельность в 1930-е годы Хашмийский сельский театр, теперь в нем ставились спектакли, прославлявшие советскую действительность. В статье уроженца Хашми Иосифа Имедашвили «Хорошее начало», посвященной театру, говорилось: «Сельский театр в Хашми насчитывает почти 45-летнюю историю. Царская власть, в 90-х годах XIX века, грубо попирала наш язык и культуру [...]. Сегодня – совершенно иная обстановка. Изменение обстоятельств способствовало тому, что сами крестьяне стали руководить театральной деятельностью. Дело культуры взяло на себя крестьянство. Наш театральный зал отреставрировали по усердию Котэ Инанишвили, работника, вышедшего из крестьянской среды и – при непосредственной помощи крестьян [...]. На театральных подмостках выступали кол-

хозники и крестьяне-единоличники [...]. Сегодня власть большое внимание уделяет народному образованию и культуре. Возросли и культурные потребности крестьян»¹¹.

Однако повествование о позитивных сторонах нового общественного порядка постоянно сопровождалось в прессе предостережениями с упоминанием конкретных имен, а также прямыми нападками на тех, кто выступал против колхозов, «занимался саботажем» и «вредительством». Например, пресса строго осуждала укрытие скота, распространенное в селах Сагареджойского района, в том числе и в Хашми. В газете, «По пути социализма» 6 января 1935 г. была напечатана статья «Вот кто упрятал скот», автором которой был некий «Местный». В статье отмечалось, что «в Хашми учет скота начался своевременно [...]. Некоторые крестьяне поверили агитации кулаков и перепрятали часть скота [...]. Всего упрятали более 22 голов различного скота. Всех выявили. Против провинившихся Совет должен принять соответствующие меры»¹².

Тех жителей Хашми, которые своевременно не выполняли планы заготовки мяса и сдачи молока, в газетах клеймили «саботажниками» и привлекали к ответственности по требованию районного комитета ВКП(б)¹³. Так, «безответственное отношение к возложенным обязанностям» со стороны руководителя колхоза «Первая попытка» привело в 1936 г. к гибели саженцев новых сортов фруктовых деревьев, выведенных колхозниками в 1933 г., которые уже через три года должны были дать первый урожай¹⁴. Зато план по уходу за шелковичными червями и сдаче шелкопряда жители Хашми перевыполнили в 1935 г. на 214,3 %¹⁵.

Еще одной традиционной темой для местной прессы в 1930-е годы являлась тема чистки партийных рядов. Как сообщала газета «По пути социализма», факты вступления в ряды коммунистической партии бывших белогвардейцев, полицейских, меньшевиков, купцов были распространенным явлением. В статье «Просочившиеся чуждые элементы» отмечалось, что «проверка партдокументов выявила в рядах нашей партии недостойные элементы: бывшие гвардейцы, меньшевики, купцы, бывшие полицейские и др., которых лишили партбилетов: Кокрашвили Иосиф (из Хашми) – бывший стражник, бывший гвардеец; Кокрашвили (Хашми – колхоз “Первая попытка”) – бывший гвардеец»¹⁶.

Ряд публикаций свидетельствует, что поиски «вредителей» и «саботажников» в колхозах продолжались и после окончания

Большого террора. Так, 1 мая 1939 г. в газете «Сталинское слово» была напечатана статья под заголовком «Дезертиры труда», автором которой был В. Хечатуров¹⁷. В частности, Хечатуров писал: «Некоторые члены колхоза имени Молотова, уроженцы села Хашми, не подчиняются правлению колхоза, всеобщему собранию колхозников и бригадирам. Некоторые члены этого колхоза, с января месяца по сей день, не явились на работу. Например, Ф. Карумидзе, С. Нахуцришвили, Н. Эркезов и другие. Также некоторые колхозники прямо воспрепятствуют весеннему севу, например, 19 апреля сего года, Иосиф Удумашвили тайно увел сельских быков и использовал их для собственных дел. Тем, самым он сорвал посев; а также колхознику – Тедо Ограпишвили было поручено обеспечение трактора водой, чего он не выполнил и спровоцировал простой трактора на весь день. Таково же положение дел и в колхозе имени Сталина. Колхозники Тедо Тевдорашвили, Джаниашвили, Фетвиашвили и другие препятствуют исправной работе колхоза. А правления названных колхозов не принимают должных мер против провинившихся»¹⁸.

Вероятно, эта статья председателя Хашмийского сельсовета В. Хачатурова была ответом на газетную публикацию под заголовком «Сев идет слабыми темпами» от 7 апреля 1939 г., в которой Хачатуров был подвергнут критике за нарушение срока весенних посевных работ. В частности, в статье отмечалось: «В этих колхозах должны быть засеяны 563 га пашни, в то время, как на сегодняшний день засеяны лишь 154 га. Сев зерновых культур уже должен быть завершен, но халатное отношение к делу Хачатурова и председателей других колхозов, привело к тому, что на сегодня засеяны лишь 61 га»¹⁹.

Неотъемлемой частью колхозной жизни этого времени стали лекции-консультации, проводившиеся приезжими лекторами. 19 февраля 1939 г. в с. Хашми консультацию по теме «О 21-ой годовщине Красной Армии» провел лектор Купрадзе²⁰. 16 апреля 1939 г. была проведена лекция на тему «Союз борьбы за освобождение рабочего класса Петербурга» – первые зачатки революционной партии на основе рабочего движения» (лектор – Чхквишвили)²¹.

Начиная с царских времен село Хашми имело прочную традицию народного просвещения. В советских условиях сельские учителя взяли на себя задачу преодоления неграмотности, а также, вольно или невольно, стали пропагандистами большевист-

ской идеологии. В 1920-х годах из рядов учителей выделили культурмейцев, за которыми закрепили неграмотных сельчан. Среди них было организовано социалистическое соревнование. Как писала газета «Сталинское слово», учителя И. Кокрашвили, Т. Хабазишвили, С. Шавкацишвили, А. Гогниашвили, Кошоридзе, С. Лагидзе взяли на себя обязательство «великолепными подарками встретить XVIII съезд Ленинско-Сталинской партии: «Обучить грамоте – качественно и безвозмездно»²². Из статьи следует, что учителя из Хашми вызвали на соцсоревнование учителей всего Сагареджойского района. Школа успешно выполнила взятое обязательство, а ее директор – Николоз Ахвледiani в 1939 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени²³.

В 1930-х годах в Хашми продолжали существовать «осколки старого» – церковь Св. Георгия и сельский хор, которым руководил монах Давид-Гареджского монастыря Гиоргий Эпиташвили по прозвищу «Черна». Г. Эпиташвили был также настоятелем церкви Святого Георгия, построенной в центре села в 1860-х годах на средства зажиточных крестьян. Черна жил в Тбилиси и был холост. Он приезжал в Хашми к своим друзьям и надолго оставался в селе, проживая в доме Исаака Вардзелашвили²⁴. Эпиташвили был дирижером и хранителем секретов народного песнопения²⁵. Он был арестован осенью 1937 г., осужден и расстрелян²⁶. По сведениям сельских жителей, после ареста священника Эпиташвили в селе Хашми разрушили церковь Св. Георгия, а хранившиеся там уникальные рукописи и книги сожгли.

Политические репрессии 1930-х годов унесли жизни многих жителей Хашми. Погибли Вано Лагидзе (актер), Александр Кокрашвили, Шалва Вардзелашвили и другие. Некоторые сельчане, избежавшие расстрела, подверглись ссылке или стали узниками лагерей: Шалва Мамулашвили, Леван Кошоридзе, Котэ Карумидзе, Лука Нахуцришвили и другие. После возвращения из мест лишения свободы они продолжали жить в Хашми. В настоящее время эти люди реабилитированы, вынесенные по отношению к ним обвинительные приговоры отменены вследствие отсутствия в их деяниях состава преступления²⁷.

В протоколах заседаний «кулацкой» тройки содержатся данные о 13 жителях с. Хашми, репрессированных в ходе операции по приказу № 00447. Сколько еще сельчан было осуждено по «сталинским спискам», стали жертвами «милицейской» тройки, Особого совещания или «нормального» судопроизводства, неизвестно по причине дефицита доступных источников.

Таблица 11

Деятельность «кулацкой» тройки в с. Хашми

	Мера наказания	Номер дела	«Кулацкая» тройка, Сагареджой-ский РО НКВД, село Хашми	Протокол	Заседания тройки
1	Расстрел	38447	Начхаташвили Вано Сандроевич	93 т. 1 стр. 52	02.03.38 г.
2	Расстрел	38447	Зуакишвили Иосиф Спиридонович	93 т. 1 стр. 53	02.03.38 г.
3	Расстрел	38447	Гониташвили Георгий Андреевич	93 т. 1 стр. 56	02.03.38 г.
4	Расстрел	38447	Чиаберашвили Афанас Григорьевич	93 т. 1 стр. 59	02.03.38 г.
5	Расстрел	38447	Мамулашвили Георгий Семенович	93 т. 1 стр. 61	02.03.38 г.
6	Расстрел	38447	Джаниашвили Давид Соломонович	93 т. 1 стр. 63	02.03.38 г.
7	Расстрел	38447	Кирмелашвили Иосиф-Сосия Иванович	93 т. 1 стр. 65	02.03.38 г.
8	Расстрел	38447	Кокрашвили Александр Ягорович	93 т. 1 стр. 95	02.03.38 г.
9	10 лет	38447	Ограпишвили Давид Пиранович	93 т. 1 стр. 110	02.03.38 г.
10	10 лет	38447	Мурадашвили Тедо Алексеевич	93 т. 1 стр. 112	02.03.38 г.
11	10 лет	37408	Кошоридзе Леван Димитриевич	48 т. 2 стр. 34	17.11.37 г.
12	Расстрел	38458	Чуадзе Иа Георгиевич	108 т. 2 стр. 56	21.04.38 г.
13	Расстрел	37408	Епиташвили Георги Виссарионович	48 т. 2 стр. 8	17.11.37 г.

2. Александр Иосифович Годердзишвили (1930–2013)

Родители были крестьянами. Отец – Годердзишвили Иосиф Александрович. Мать – Мархваишвили Елена, уроженка села Патардзеули.

– Ваше имя, фамилия, отчество.

– Александр Иосифович Годердзишвили.

– Когда вы родились?

– Родился я в августе 1930 года.

– Кто были ваши родители, чем они занимались?

– Мои родители были крестьянами. Тогда был колхоз. У моего отца было восемьсот трудодней. Ему за них денег не заплатили, на что моя мама пожаловалась. Эти деньги компенсировали после того, как пришло известие о реабилитации отца, отбывавшего заключение.

– Какая была сумма?

– Приблизительно 600 рублей. Мой папа был извозчиком, доставлял людей на работу и обратно. Тогда машин не было.

– Чем занималась ваша мать?

– Мать тоже в колхозе работала. Тогда не было тракторов, и все работали вручную в поле, копали землю. Каждый рабочий день в колхозе называли трудоднем. Денег не платили. Колхозники были обязаны каждый день ходить на работу, и если был хороший урожай, то на трудодни они кое-что получали.

– Вы знаете, сколько коров было у вашего отца до коллективизации?

– При Сталине было дозволено иметь только одну корову и одного теленка, но не старше 6 месяцев. Потом теленка нужно было продать, иначе его отбирали. Мы были обязаны сдавать в колхоз молоко задаром, например, с нас ежегодно брали 270 литров молока. Если не могли сдать, приходили и забирали что-нибудь из имущества. Также мы были обязаны ежегодно сдавать в колхоз 100 яиц, несмотря на то, были у нас куры или нет. Принуждали страховать дом, за что надо было платить 50 рублей, а для нас это были большие деньги.

– А до 1930 года, когда была частная собственность, сколько коров вы могли иметь?

– До коллективизации была частная собственность. У моего деда было шесть пар волов, плуги, он много работал в поле, занимался сельским хозяйством.

– А были у вас машины?

– Тогда машин не было, все работали вручную.

– А потом что случилось с вашими родителями?

– В 1937 году моего отца арестовали, тогда мне было 8 лет. От матери знаю, что папа был невиновным. Придрались к нему, мол, к тебе кто-то пришел и ты его выгнал.

– Ваш отец в этой деревне жил?

– Да.

– И куда его забрали?

– В Сагареджо была тюрьма, туда его и посадили, затем был суд и присудили ему 5 лет. Сначала увезли в тбилисскую тюрьму, а потом в Ташкент, на лагерные работы.

– Знаете ли вы, чем он занимался в Ташкенте?

– Да, конечно. Мне об этом рассказал Роман Кевхишвили, который был там вместе с моим отцом.

– В каком году родился ваш отец?

– Не помню.

– Он вернулся через 5 лет?

– Нет. Ему оставалось два месяца до освобождения, но началась война, и его не выпустили как политического заключенного.

– Он воевал?

– Когда началось война, он работал в Ташкенте: рыл траншеи, разгружал вагоны и т. д.

– Что вам еще рассказывали о том, что происходило в Ташкенте?

– Там было много арестантов, их заставляли работать: копать траншеи для системы канализации, рыть большие каналы, разгружать вагоны.

– А сколько детей осталось у матери?

– Остались мы с сестрой, она на два года была старше меня, в 20 лет, бедная, умерла.

– Как жили вы, оставшись без отца?

– Жили обычной крестьянской жизнью, собирали урожай, ухаживали за виноградниками. Были корова, куры. Бригадир колхоза заставлял выходить на работу в поле, трудились день и ночь, а дети сидели дома.

– Родители вашего отца были живы тогда?

– Да, они были из Патардзеули.

– Вы ходили в школу?

– Да, но с пятого класса бросил учебу, потому что было лень учиться. С матерью ходил в поле и помогал ей.

– Сестра тоже помогала?

– Пока была жива, помогала. В то время все работали. Когда мать уходила в поле и нас оставляла дома одних, мы с сестрой месили тесто и пекли хлеб.

– У вас были ботинки?

– У нас были каламани (лапти), но изношенные так, что подошвы не было.

– Как вы одевались?

– Обычно носили самую простую одежду, иногда мама что-то вязала.

– Сколько учеников было в вашем классе?

– Учеников было много, сейчас по сравнению с тем временем их мало. Нас было приблизительно 20 человек.

– Мальчики и девочки вместе были в классе?

– Да, вместе.

– Вы помните своих одноклассников, у которых тоже арестовали родителей?

– Да, были такие: Шавкацишвили Василий, Мествиришвили Сандро.

– Вы знаете, почему их арестовали?

– Нет. Нам даже не разрешали в лагерь им письма писать, потому что они были политическими заключенными. Вначале председателем сельсовета был армянин. Потом выяснилось, что арестованных всех расстреляли.

– Кого расстреляли?

– Не расстреляли Мествиришвили, потому что он 10 лет отсидел в Ташкенте, остальные тоже отбыли срок и вернулись, но потом их повторно забрали.

– В каком году это было?

– В 1930 году. Повторно забрали в 1937 году и расстреляли.

– Значит, тех троих арестовали сперва в 1930 году, а потом повторно в 1937 году? Почему их арестовали в начале 30-х годов?

– Эти люди работали в поле допоздна. От мамы знаю, что однажды ночью к ним пришел председатель сельсовета...

– Вы помните как его звали?

– Ванкез Хачатуров. Пришел он к ним и сказал, чтобы они шли домой и отдыхали. Наши родители не догадались, почему он

им это сказал. В час ночи за ними пришла милиция... В ту ночь собрали 17 человек, обвинили в том, что будто они были меньшевиками, и посадили в тюрьму, в Сагареджо. Повидать их или узнать что-то мы не могли, так как очень боялись, как бы нас не арестовали. Когда заключенных вывели на суд, некоторым присудили расстрел, а некоторых убили раньше, во время допросов. Моему отцу и еще некоторым присудили по 5 лет.

– Когда это произошло, вы не помните дату?

– Число нет, но знаю, что был сентябрь.

– Как тот колхоз назывался?

– Имени Сталина.

– Как шли дела в колхозе, там было весело?

– Нет, какое веселье, работали, а зарплаты не было, пенсии не было... Если случался хороший урожай, на каждый трудодень давали полкило хлеба, полкило кукурузы. Взрослые это все приносили домой детям, потому что они были голодными.

– В деревне была милиция?

– Здесь не было, но если случались кражи, милиция приезжала из Сагареджо, воров задерживали и увозили.

– Значит, воровство было в то время?

– Да, конечно. Ночью, бывало, воры забирались в погреб и все, что находили там – ветчину, вино, даже кастрюли, – забирали.

– Здешние воровали?

– И здешние, и приезжие из другого села.

– И все же вы чувствовали себя в безопасности?

– Милиция якобы защищала нас, но все равно боялись. Бывало, Сталин приказывал в деревнях арестовывать по два-три человека за уклонение от работы. Так арестовали моего двоюродного брата, осудили на 8 лет и отправили в Сибирь.

– Это когда было?

– После войны. Из нашего села выселили троих. Представляете, сколько деревень было в Советском Союзе и скольких переселили? Увозили в Сибирь и там заставляли работать. Знаете, что у коммунистов было хорошего? Бесплатная была учеба и лечение. Если ты хорошо учился, в университете давали стипендию, и ее хватало на жизнь. Вот это было у коммунистов положительно, а больше – ничего хорошего.

– Ваш отец вернулся из заключения?

– Нет, он пропал. В семье за мужчину остался я и все делал, чтоб помочь матери. Когда был ребенком, из леса таскал хворост, так что поясница болела. Так работал не только я, так тяжело было всем.

- Ваш папа и из Ташкента не вернулся?
- Нет, кто бы его оттуда выпустил, ведь началась война и его послали на фронт. Может, он там и погиб.
- Он писал письма?
- Сначала да, но после того, как война началась, от него ни одной весточки не получали.
- У вас сохранились его письма?
- К сожалению, нет.
- А кто-нибудь из тех, кого выселили из вашего села, вернулся из ссылки?
- Как я уже сказал, Мествиришвили вернулся, потом его призвали в армию, на фронте тоже был и оттуда тоже вернулся, умер здесь, в деревне, дома.
- Вы знаете, кто донес на вашего отца?
- В этом деле обвиняли председателя сельсовета Котэ Инанишвили. Оказывается, этот Инанишвили пришел к моему отцу и предложил с ним работать, а мой отец отказался. Но власти отцу не поверили и из-за этого арестовали.

Дополнительные сведения

Архивно-следственное дело и другую информацию об Иосифе Александровиче Годердзишвили, репрессированном отце А.И. Годердзишвили, обнаружить в архивах не удалось. То же самое касается и упомянутого в интервью Романа Кевхишвили, от которого, по утверждению Годердзишвили, он получил некоторую информацию о том, что его отец отбывал наказание в Ташкентском лагере. Также не найдено архивно-следственное дело Сандро Мествиришвили, репрессированного отца одноклассника Годердзишвили.

Были обнаружены только документы по делу репрессированного отца еще одного его одноклассника, которого называет Годердзишвили, а именно Василия Семеновича Шавкацишвили. Однако осуждение Шавкацишвили, очевидно, произошло вне рамок массовых операций НКВД. Беспартийный крестьянин, 1899 года рождения, уроженец села Хашми, он был арестован НКВД Сагареджойского района 26 октября 1937 г., на основании статьи 58, пункты 10 и 11 (контрреволюционная и антисоветская агитация) УК ГССР. Приговор в его отношении был вынесен 9 января 1938 г. Коллегией Верховного суда Грузии. Суд приговорил

обвиняемого, которому на тот момент исполнилось 38 лет, к пяти годам отбывания наказания в исправительно-трудовой колонии и к трем годам лишения права голоса. Формулировка приговора, в соответствии со статьёй 58–10 УК, которая дословно сохранилась лишь на регистрационном листе к делу Шавкацишвили, гласила, что он осужден «за антисоветскую, контрреволюционную агитацию против коллективизации в Грузинской ССР». При вынесении приговора отягчающим обстоятельством послужило отбывание двухлетнего наказания, к которому Шавкацишвили был приговорен в 1930 г. за аналогичное «преступление». На основании протеста прокуратуры Грузинской ССР его дело было пересмотрено 14 ноября 1989 г. и 2 февраля 1990 г. решением *Пленума Верховного Суда Грузинской ССР* приговор был отменен, Шавкацишвили реабилитировали. Суд отметил, что обвинения в антисоветской агитации против коллективизации основаны исключительно на показаниях сокамерников (А. Хмаладзе, Инанишвили и Кокрашвили), которые поясняли, что обвиняемый вел антисоветскую агитацию против коллективизации. В своих показаниях В.С. Шавкацишвили не признавал себя виновным и пояснял, что показания свидетелей подложны, поскольку ими двигал мотив личной неприязни. Вероятно, одним из свидетелей был бывший председатель сельсовета Котэ Инанишвили, чье имя встречается в интервью.

3. Ношреван Иванович Начхаташвили (1930–2014)

Пенсионер, уроженец села Хашми.

Родители были крестьянами. Отец – Начхаташвили Иван Сандроевич, уроженец села Хашми. Мать – Гиунашвили Рахиль Николаевна, уроженка села Патардзеули. Супруга – Медея Вардзелашвили, уроженка села Хашми.

- Ваше имя и отчество.
- Ношреван Иванович.
- Когда вы родились?
- В 1930 году.
- Что вы можете вспомнить про высланных односельчан?

– По рассказам старших знаю, что арестовывали людей, потом выводили их в поле, вблизи Сартичала, и расстреливали.

– Знаете, где точно находится это поле?

– В Дзедзвиантхеви, там расстреляли патардзеульцев. Помню, членам семьи не разрешали писать письма арестованным, потому что они были политзаключенными. Говорили, будто их высылали на Дальний Восток, но в действительности их никуда не увозили, а здесь же расстреливали.

– Из вашей семьи забрали кого-нибудь?

– Да, отца арестовали. Его расстреляли в 1938 году.

– Чем были заняты ваши родители?

– Они были крестьянами, работали в колхозе. Мой отец был бригадиром, мама домохозяйкой, но работала также и в колхозе.

– Сколько человек было в подчинении у вашего отца-бригадира?

– Приблизительно 16 человек. В деревне было всего четыре бригадира.

– В каком колхозе работал ваш отец?

– Он работал в колхозе имени Сталина.

– И сколько там работало человек?

– Точно не знаю, приблизительно восемьсот. Раньше было пять колхозов, потом их объединили в один.

– А вы помните, как назывались остальные колхозы?

– Насколько я помню, имени Молотова, Джугели, Жданова, революционеров.

– Когда объединили эти колхозы, до вашего рождения или после?

– После, в период войны.

– В вашей деревне были бездомные?

– Нет, дома были почти у всех, но жили в крайней бедности, не имели ни земли, ни скота... Безземельным колхозникам выделяли 2 500 кв. м земли, и на этом участке они разводили кукурузу, фасоль, разбивали виноградники.

– Сколько голов скота забрали у вашей семьи, когда началась коллективизация?

– У моей семьи ничего не отбирали, а у кого было много, у них все забрали. Нам было запрещено ходить в церковь и отмечать религиозные праздники. Церкви разрушали или превращали в склады.

– А у вас было желание ходить в церковь?

– Конечно, и старшие хотели, и у нас, детей, было желание ходить, но нам это было запрещено. Но потом, когда нам испол-

нилось 17–18 лет, мы собирались и все равно ходили в церковь и отмечали праздники.

– В доме у вас были иконы?

– У нас не было, были лишь в некоторых семьях, и то мало.

– Ваша семья была религиозной?

– Моя бабушка была верующей.

– Что случилось со священником, который служил в церкви вашей деревни?

– В наше время священника уже не было, того, кто раньше был, арестовали и расстреляли. Его звали «Чорна», имени не помню, а фамилия его была Эпиташвили. Он был из Марткопи, вырос сиротой. В нашей деревне дома у него не было, и жил он в храме.

– Когда он пропал?

– В 1937 году. После его исчезновения в церкви устроили склад, хранили там бочки с керосином. Священников арестовали, обрили и посадили в тюрьму.

– Остались у вас фотографии ваших родителей?

– У меня есть только одна фотография.

– Говорят, что колхоз плохо работал. Это правда?

– Крестьянам только работу дай, будут работать, но вопрос в том, что они получали за свою работу. Сейчас вспомнил, что моего односельчанина Кирмелашвили Иосифа тоже выселили.

– За что его арестовали?

– Всех арестовывали как политических преступников, называли врагами народа. Все знали, что это было не так, и они не были виновными, но... У них у всех было одно клеймо – враг народа!

Дополнительные сведения

Отец респондента Н.И. Начхаташвили – Ваню Сандроевич Начхаташвили был осужден как член меньшевистской организации, действовавшей в Хашми под руководством контрреволюционера Семёна Фомича Кокрашвили, «вскрытой» Сагареджойским районным отделением НКВД. Все пять «членов организации» упомянуты в данном и в следующем интервью. Речь здесь идет, наряду с Ваню Сандроевичем Начхаташвили и «главарем» Семёном Фомичём Кокрашвили, о Георгии Семеновиче Мамулашвили, Давиде Соломоновиче Джаниашвили и Иосифе-Сосии Ивановиче Кирмелашвили. 2 марта 1938 г. на своем заседании № 93, *тройка*

приговорила всех обвиняемых к смертной казни, хотя они не признавали себя виновными²⁸. Личное имущество приговорённых было конфисковано. Короткие выдержки из обвинительных заключений подсудимых, их биографические данные и перечисление их предыдущих судимостей и преступлений для заседания *тройки* подготовил докладчик на *тройке* и сотрудник Сагареджойского РО НКВД Асланикашвили. Мнимые меньшевики обвинялись в проведении по заданию контрреволюционной меньшевистской организации антисоветской агитации среди колхозников с целью уничтожения колхозного строя и восстановления частной собственности.

С целью обоснования приговора в протоколе *тройки*, в дополнении к обвинению в адрес каждого, приводятся сведения об их предыдущих судимостях и проступках. В случае Начхаташвили в качестве дополнительного компрометирующего материала приводится не только его бывшее членство в меньшевистской партии, но и тот факт, что он ещё в 1930 г. был арестован за участие в восстаниях против сплошной коллективизации. В его биографических данных, помимо вышеупомянутых сведений, в протоколе *тройки* записано, что он грузин, происходил из семьи крестьян-середняков, женат и имеет низшее образование.

Дополнительный вес обвинениям против Мамулашвили прибавила информация районного отдела НКВД о том, что в 1936 г. он был осужден к году принудительных работ за подкуп прокурора с целью освобождения своего сына. В протоколе *тройки* было также указано, что он 1871 года рождения, малообразован и происходил из крестьян-середняков.

Компрометом против Иосифа Ивановича Кирмелашвили послужило его белогвардейское прошлое и арест в 1930 г. по статьям 58–10 и 58–11 УК ГССР по обвинению в подрыве колхозного строя. Кирмелашвили был грузином, 1885 года рождения, уроженцем Хашми, 48 лет, из крестьян-середняков, женатым.

Давид Соломонович Джаниашвили, упомянутый в следующем интервью Георгием Николаевичем Кокрашвили в качестве отца его одноклассника, был исключен из партии в 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности по статьям 58–10 и 58–11 УК ГССР (контрреволюционная и антисоветская агитация). Ему в вину ставилось то, что он, как бывший председатель колхоза «Первая попытка», по заданию контрреволюционной организации систематически осуществлял вредительство, расхищал имущество колхоза, преднамеренно занижал трудодни и тем са-

мым провоцировал недовольство среди колхозников с целью развала колхозного строя. Джаниашвили Давид Соломонович родился в 1897 г., был практически, неграмотен и происходил из бедной крестьянской семьи.

В своем интервью сын Начхаташвили сообщил не только о членах меньшевистской группы, но и об аресте и расстреле священника церкви в Хашми. Эта информация находит свое документальное подтверждение в протоколе заседания «кулацкой» тройки от 17 ноября 1937 г. На этом заседании тройка приговорила священника Эпиташвили Георгия Виссарионовича, 1894 года рождения, уроженца села Марткоби Тбилисского района, к расстрелу. В кратком резюме обвинительного заключения, приведенного в протоколе заседания тройки, Эпиташвили, в частности, вменялось, что, будучи завербованным НКВД Сагареджойского района в качестве осведомителя, священник, как бывший сторонник меньшевистской организации в Хашми, двурушничал, т. е. вёл двойную игру. Кроме этого, он «систематический высказывался против ВКП(б) и Сов. Правительства». Ему было предъявлено обвинение также в том, что в 1935 г. он использовал убийство пятилетнего мальчика «для антисемитских целей, вызывая возмущение среди населения»²⁹.

4. Гиоргий Николаевич Кокрашвили (1928)

Пенсионер.

Родители были крестьянами. Отец – Николай Георгиевич Кокрашвили, уроженец села Хашми. Мать – Александра Ограпшвили), уроженка села Хашми.

- Ваше имя, фамилия, отчество.
- Гиоргий Николаевич Кокрашвили.
- Когда вы родились?
- В 1928 году.
- Как звали ваших родителей?
- Отца звали Николай Георгиевич Кокрашвили, а мать – Саша Кокрашвили).
- Где работал ваш отец?

– В колхозе.

– Вы помните, как назывался колхоз?

– Не помню. В то время было пять колхозов, но, к сожалению, ни одного названия не помню, мне было тогда два года.

– Что случилось с вашим отцом?

– В первый раз его взяли в 1930 году, присудили расстрел, но потом меру наказания заменили на 10 лет лагерей, и он был на строительстве бумажного комбината в Мурманской области. Работая там, он что-то изобрел и за это, по приказу Сталина, его через 14 месяцев освободили и попросили остаться в Мурманске. Он об этом написал матери и спросил, приедет ли она к нему жить, но она отказалась, и отец вернулся в Грузию.

– Через сколько лет он вернулся?

– Через два года после ареста, в 1932 году. Они с мамой работали в колхозе.

– Потом его снова арестовали?

– Да, в 1937 году.

– Если помните, в каком месяце его взяли?

– В сентябре.

– Что случилось после его ареста?

– Следствие длилось два года, потому что не могли найти свидетелей обвинения. Все боялись, чтобы о них тоже кто-нибудь чего-нибудь не донес. Отца через два года осудили и отправили на Урал.

– Сколько лет ему дали?

– Ему присудили пять лет. Оттуда он раз в месяц присылал нам по 10 рублей, присылать больше он не имел права, и то только раз в месяц. До его возвращения оставалось два-три месяца, когда началась война. После этого от него дважды получали деньги и один раз – письмо. Потом не знаю, на фронт увезли его или...

– В каком году родился ваш отец?

– В 1899 году.

– А мать?

– В 1903 году.

– У вас сохранились письма отца?

– Нет. Мама завещала письма отца и благодарность от Сталина похоронить вместе с ней. В 1930 году мой отец за свое изобретение получил благодарность от Сталина.

– Как жили без отца?

– Очень бедно. Когда мне было 9 лет, я начал работать физически. Потом началась война и стало еще хуже.

- У вас есть брат или сестра?
- У меня были и брат, и сестра, но сестра, к сожалению, недавно умерла.
- Сестра была старшей?
- Да, она была старше меня на два года.
- В чем вы помогали матери?
- Помогали в домашних делах, и на поле, и в огороде.
- У вас сохранились фотографии ваших родителей?
- У меня нет, у моего брата должны быть фотокарточки матери. Мой брат был младше меня, он 1936 года рождения.
- Фотография отца у вас тоже есть?
- Был у нас один его снимок, но не знаю, у кого, у сестры или у брата.
- У ваших родителей были коровы, лошади, машина? У них отобрали что-нибудь?
- У них ничего не было. В 1930 году моего отца арестовали за имущество моего деда. Если точнее, в 1930 году здесь произошла так называемая «кэтаоба», драка.
- Что означает «кэтаоба»?
- Это был бой между населением и властями. Люди взяли палки и пошли бить коммунистов.
- Вы помните, как ходили люди с палками?
- Нет, я был очень маленьким.
- Об этом вам отец рассказал, или вы откуда-то еще знаете, что были такие стычки с властями?
- Нет, я это знаю не по рассказам отца, поскольку сейчас о прошлом свободно заговорили люди, а тогда вряд ли кто бы посмел сказать хоть слово. Есть люди, которые это лучше меня помнят.
- Что рассказывали в деревне про «кэтаоба»?
- Говорили, была такая драка, но кто кого бил, не знаю. Тут, оказывается, находились представители властей и милиция, их тоже били. После этого арестовали и тех, кто не участвовал в беспорядках. Кто кого хотел, того и задерживал, одного слова было достаточно, даже свидетели избегали ходить на суд потому, что там и про них сказали бы что-нибудь и отправили бы прямо в тюрьму.
- Каким имуществом владел ваш дед?
- И землей, и виноградниками.
- Сколько учеников было в вашем классе?
- 20–25, но когда началась война, был голод и многие не ходили в школу.

– Не задерживали ли отцов ваших одноклассников?

– Да, арестовали отца моего одноклассника, Ираклия Вардзелашвили, Шалико. Задержали также отца Сулико Джаниашвили, Давида. Были и другие, но не помню.

– Они были богатыми?

– Нет, они были бедными.

– Почему их взяли?

– Не знаю, чей это был приказ... Кто на кого держал зуб, того и задерживали. Например, председатель колхоза признался мне, что сам способствовал аресту моего отца и дяди, брата моей матери.

– Вы помните фамилию председателя?

– Нахуцришвили.

– А кто был председателем сельсовета и его заместителем. Помните ли вы имя и фамилию секретаря?

– Председателем сельсовета был Котэ Инанишвили, заместителя у него не было, а кто был секретарем, не помню.

– Нам рассказали, что здесь был священник, вы помните его фамилию?

– Эпиташвили Гиоргий, по прозвищу «Чорна».

– А были ли еще священники в вашем селе?

– Нет, он один был.

– Где он жил, у него был дом?

– Во дворе церкви был дом, и он там жил. Его тоже расстреляли.

– А в церкви что сделали, клуб?

– Нет, там устроили колхозный склад.

– Что на складе хранили, кукурузу, вино?

– Нет, там хранили бензин, солярку и т. д. Там сделали два этажа, на первом хранили бензин, на втором – солярку.

– Я знаю, что трудно об этом говорить, но все равно должен спросить, как вы одевались?

– Очень бедно, иногда у меня была только майка и снизу застегивал булавкой. Это служило мне и штанами, и майкой.

– Одежду вам шила и вязала мать?

– Да.

– Можете еще вспомнить, кого арестовывали?

– Да. Помню еще, что забрали Кошоридзе Левана, Годердзишвили, Кварелашвили, Инанишвили Котэ, это было в 1937 году.

– Котэ Инанишвили арестовали в 1937 году?

– Да, следствие по его делу тоже два года тянулось, потому что не находили свидетелей. Адвокат говорил, что Инанишвили

дадут 5 лет, а остальных освободят и дадут компенсацию за отсиженные два года. Потом в зале суда судья спросил Инанишвили: – Так тебе не нравится это государство? После этих слов Инанишвили поднял майку, показал синяки и ответил: – Как вы думаете, может оно мне нравиться?

Из-за этих слов ему добавили срок и присудили 7 лет, а остальным – по 5 лет.

– А вы были на суде?

– Да, я все это слышал своими ушами.

– В каком году и где это было?

– В 1939 году, в Сагареджо.

– Вы специально туда поехали?

– Да, шел 15 км пешком.

– Какого приговора вы ожидали?

– Адвокат Серапион Какабадзе давал надежду, что наших оправдают и только Инанишвили присудят 5 лет, но, как я уже сказал, случилось иначе.

– А что в деревне люди говорили про этот процесс?

– Никто ничего не говорил, все молчали. Некоторые, которые были активистами, иногда обзывали нас детьми троцкистов, вредителями и врагами народа.

Расскажу один случай. Я и мой дядя Гогла, который старше меня на 5 лет, находились около ферм, когда подъехали двое на лошадях. Одного из них звали Ладом, а второго не помню. Лад спросил у Гоглы: – Как у ваших ребят идут дела, не отпустят ли их? И вот этот второй сказал: – Что ты про этих вредителей говоришь, почему они должны выйти, там их место.

Эти слова надолго остались у меня в голове, до сих пор помню.

Когда закончилась война, жизнь несколько улучшилась. В 1948 году я окончил школу. Потом поступил в вуз. Два года в одном институте учился, а год – в другом. Когда окончил, меня распределили в МТС, и я там работал.

– Существовала МТС, когда вы были маленьким?

– Да, была.

– И кто был ее начальником?

– Когда? В то время, когда я окончил институт?

– Нет, раньше.

– Раньше кто был, не знаю, но когда я начал работать, начальником МТС был Шота Кахаия. Я 23 года проработал в МТС, потом перешел в Тбилиси, в министерство строительства, в управление механизации.

– Случались ли кражи в вашем детстве в вашем селе?

– Да, конечно.

– А знали вы, кто воровал?

– Нет. Эти люди не были ворами в законе, а простыми ворюшками, крали еду, вино, скот.

– А у вас воровали скот?

– Нет, у нас скота не было, но у нас украли вино.

– Вы помните, чтобы у кого-нибудь украли корову, коня?

– Украли у моего деда и дяди.

– Во времена колхозов было ли у вас достаточно еды?

– Крестьяне жили очень бедно, денег не было. Иногда по три дня без хлеба сидели.

– А были такие семьи с большими возможностями?

– Кто-то жил ничего, так себе, но в то время зажиточных семей почти не было.

– А как жил священник?

– Он тоже жил бедно.

– Были у вас дома иконы?

– Нет.

– Вы помните, чтобы в то время ваша бабушка красила яйца на пасху?

– Нет, возможностей не было.

– У вашего деда было больше имущества, чем у вашего отца?

– Я не помню, но знаю, что он имел достаток и жил зажиточно. У него было пять сестер, и когда он их выдавал замуж, то все, что имел, отдал им в приданое. Себе он ничего не оставил и переехал в Тианети. Ему было 18–19 лет. Он был неграмотным, не умел ни писать, ни читать. Однажды начальство села Хашми купило в Телави и на обратном пути они поехали через Тианети. Была зима. По дороге они увидели моего деда, босого, и один из них сказал: – Это же сын нашего Лазаря? И взяли его в Хашми с собой. У одного из них был виноградник, и он его сдавал в аренду; этот человек сказал моему отцу, чтобы тот взял этот виноградник себе и никому не отдавал. Сейчас на этом месте живет мой брат.

– А что произошло с вашим отцом во время коллективизации?

– В тех местах не умели гнать чачу (водку), а мой дед умел. Люди выбрасывали остатки винограда, а мой дед брал их себе и гнал водку. Благодаря этому он стал зажиточным и столько купил земли, что почти половина земель нашего села была в его владе-

нии. Вот, когда выезжаешь из Сартичала, направо была мельница и там, неподалеку, было у него 4 гектара земли, отведенного под виноградник, а вокруг везде был фруктовый сад.

– В каком году?

– До образования Советского Союза.

– И как он отреагировал, когда у него все это отобрали?

– Когда они пришли и в его виноградники завели лошадей, мой дед умер от разрыва сердца. С этой истории началась трагедия моего отца.

Дополнительные сведения

Упомянутый в этом и следующем интервью председатель Хашмийского сельсовета Соломон Захарьевич Нахуцришвили, 1899 года рождения, уроженец Хашми, был сторонником советской системы. Его пост, хотя и был самым низшим в иерархии советской бюрократии того времени, гарантировал ему фиксированную зарплату, а также предоставлял определенную власть и влияние на сотни колхозников. Но в тоже время в случае возникновения новых экономических и социальных проблем в колхозах председатели сельсоветов сразу же становились мишенью для партийных и государственных органов³⁰. Нахуцришвили получил свой пост, хотя и был сыном купца. Этот факт он предусмотрительно не стал скрывать при вступлении в партию в 1932 г. Он смог доказать «свою преданность делу партии» в качестве председателя колхоза «Первая попытка» в 1930–1932 годах, в «борьбе за колхозное строительство и с кулацкими выступлениями». Вступив в 1932 г. в партию, в 1933 г. он был переведен, «в целях укрепления колхоза им. ОСГД», на должность его председателя. Очевидно, в 1937 г. он стал председателем Хашмийского сельсовета. При проверке партийных дел в 1935 г. Нахуцришвили был охарактеризован как «последовательный и дисциплинированный коммунист», он сохранил свое членство в партии³¹. Тем не менее пост председателя сельсовета остался высшим в его карьере. В 1944 г. он снова работал в качестве председателя колхоза в соседней деревне Патрадзеули. Однако здесь он дискредитировал себя избиением колхозника. Этот случай, видимо, настолько привлек к себе внимание, что бюро ЦК КП(б) Грузии вынесло С. Нахуцришвили строгий выговор. Только в 1947 г. выговор был аннулирован за хорошее руководство колхозом³².

5. Ношреван Александрович Кокрашвили (1930)

Уроженец села Хашми. Был директором школы села Хашми, председателем сельсовета. Пенсионер.

Отец – Кокрашвили Александр Егорович, 1900 года рождения, уроженец села Хашми, родился в семье состоятельного крестьянина. Мать – Бурдули Елена, 1909 года рождения, уроженка села Патардзеули.

- Как ваше имя, фамилия, отчество?
- Кокрашвили Ношреван Александрович.
- Когда вы родились?
- В 1930 году.
- Вы жили здесь, в деревне?
- Да, я здесь жил.
- И здесь родились?
- Да, здесь родился, здесь вырос и здесь умру.
- Кто были ваши родители?
- Они были крестьянами.
- Как звали вашего отца?
- Александр Егорович.
- А мать?
- Елена Григорьевна Бурдули.
- Когда родились ваши родители?
- Отец родился в 1900 году, а мать – в 1909 году.
- Где они работали?
- В колхозе.
- Вы помните название колхоза?
- Некоторые помню – имени Сталина, Ленина, Молотова, потом был имени Берии.
- Имени Жданова тоже был?
- Да, а больше не помню. Потом все эти колхозы объединили и остался один имени Сталина.
- В каком колхозе ваши родители работали?
- Мои родители работали в колхозе имени Молотова.
- Чем занимался ваш отец?
- Он был крестьянином, работал на земле, пахал, сеял и проч.

- А чем занималась ваша мать?
- Когда отец был с нами, мать не работала, была домохозяйкой, но когда отца расстреляли, тогда мама пошла работать в колхоз.
- Тогда ваша бабушка была жива?
- Да, когда отца забрали, она была жива. Она умерла в 1939 году.
- Как звали бабушку?
- Эфросине.
- А когда умер ваш дед?
- Дед умер в 1926 году.
- Чем он занимался?
- Он был крестьянином.
- Как он жил, он был богатым?
- Нет, он был небогатым, но и не бедным, он был средним крестьянином.
- Что у вашей семьи забрали в начале 30-х годов?
- Все забрали. Когда создавался колхоз, у нас отобрали 35 коров, 25–30 гектаров земли. Из 5 лошадей забрали 4, одну оставили, была арба, увезли. Это, фактически, было уничтожение семьи.
- Вы помните, как арестовали вашего отца?
- Я помню все. Это было 26 июня 1937 года. В тот день дома были мы с отцом, мама с братом были в Тбилиси. В полночь постучали в дверь и закричали: – Александр, давай с вещами!
- Вы помните, кто стучал?
- Да, это были председатель сельсовета Ванкез Хачатуров и представители районной милиции. Когда они зашли, папа закричал: – О, боже, сынок! Его увезли, я остался один с бабушкой.
- У вас были брат или сестра?
- У меня был брат старше на три года, он был болен.
- Ваш отец исчез навсегда или позже вернулся?
- Навсегда. В 1937 году его расстреляли.
- А вы знаете, какой орган его осудил?
- Его осудила «тройка».
- А вы видели его следственное дело?
- Да, видел.
- А где вы видели?
- В КГБ.
- В каком году?

– В 1960 году. Я официально запросил показать дело моего отца.

– Расскажите, что там было написано. Для нас это очень важно, потому что в архиве бывшего КГБ Грузии из-за пожара сгорело много дел...

– Что я хорошо запомнил, это протокол допроса одной здешней личности, вследствие чего и расстреляли моего отца.

– Кто был этот человек?

– Человек, который донес, это отец того человека, с кем вы уже беседовали, сын Иосифа Годердзишвили, Александр.

– И что он сказал?

– Как сказать сейчас то, что он сказал...

– Скажите прямо...

– Мой отец был театралом, очень артистичным человеком. Представьте, он работал в колхозе и после работы бежал 6 км, чтобы вовремя прийти на репетицию. И вот этот Иосиф Годердзишвили говорит ему: «Хочу вступить к вам в колхоз». И якобы мой отец ответил: – Нечего туда вступать, мы и сами собираемся из него выйти.

– Есть у вас фотографии отца?

– Нет, во время ареста забрали все.

– Расскажите, как вы выжили после того, как арестовали отца.

– Нам очень тяжело было. Мама начала работать в колхозе имени Молотова. Я был маленьким, но работал дома и в поле тоже.

– А у вас была собственность?

– Да, нам оставили землю до 1 гектара, там у нас был виноградник, и мы ухаживали за ним.

– Вы голодали?

– Да, голодали, еды не хватало, иногда неделя проходила так, что даже хлеба не было.

– А молоко было у вас?

– Когда были коровы, и молока было сколько хотели, а потом нет.

– Вы ходили в школу? Сколько учеников было в вашем классе?

– Я ходил в школу, в нашем классе было 20–22 ученика.

– Где вы ходили в школу?

– Я в школу ходил в селе Патардзеули, там жила моя бабушка.

– А почему вы жили у бабушки?

– Там было больше возможности для пропитания, а тут не было, и поэтому она взяла меня к себе.

– Были у вас в классе такие, у которых тоже арестовали родителей?

– Об этом не говорили, мы были маленькие.

– А в том селе, где вы жили с бабушкой, если помните, арестовали кого-нибудь?

– Да, в том селе тоже арестовывали людей, но фамилий не знаю. Здесь арестовывали, уводили и расстреливали в другом месте, а патардзеульцев уводили в поле по ту сторону и там убивали.

– И где это поле?

– В 12 км отсюда.

– В Дзедзвиантхеви?

– Да.

– И там расстреливали ваших односельчан и патардзеульцев?

– Нет, там расстреливали только патардзеульцев.

– Что произошло после того, как арестовали вашего отца? Вы помните что-нибудь?

– Когда в ту ночь постучали в дверь нашего дома, я с отцом лежал в одной кровати. Меня разбудил крик: – Александр, открой дверь и оденься. Зашли трое, набросились на отца, обыскали и, когда на него надели наручники, я просто застыл. Обыскали и перерыли все, фотографии рассыпали на столе. И сейчас у меня перед глазами, что они вытворяли. Потом подошли к кровати, где я лежал, и хотели перевернуть матрас, проверить, есть ли там что-нибудь. Когда один из них дотронулся до меня, чтобы поднять, я упал. И тогда отец закричал что было сил: – Отстаньте от ребенка! Один взял меня на руки, а второй перевернул матрас. Мне было 7 лет. Забрали моего отца, все побросали в мешки, вытащили и сожгли. Они рассматривали унесенные фотографии и так выясняли, с кем дружишь, в каких отношениях и благодаря снимкам выходили от одного человека на другого. Когда вывели на улицу, отец закричал бабушке: – Не оставляй ребенка одного! Бабушка начала прочитывать.

– А соседи не вышли?

– Что вы говорите, кто бы вышел? Даже в окно не выглядывали, боялись все, даже родственники не приходили. Как только увезли отца, бабушка взяла меня на руки и повела в сельсовет, где собрали всех арестованных, их было семеро. Бабушка взяла меня и, как только отца посадили в машину, кинула меня ему в руки: – Его тоже увезите, если хотите! Этим она выразила протест против советской власти.

– От него письма получали?

– Нет, ни одного.

– Его расстреляли?

– Да, расстреляли.

– А вы знаете, где его расстреляли?

– Я не знаю. Нас обманывали, мол, их переселили на Дальний Восток без права переписки, а в действительности они были расстреляны.

– А вы помните священника, который был в этой деревне?

– Да, Эпиташвили. Очень красивым он был, высоким.

– А вы ходили в церковь?

– Не пускали, но все равно ходили.

– У бабушки была икона дома?

– Да, была, на кухне.

– А церковные праздники она отмечала?

– Я не помню.

– Как с вами обращались после ареста отца?

– Так как я учился и жил в другом селе, в Патардзеули, ко мне относились неплохо, но когда сюда приезжал, на меня смотрели, как на сына врага народа. Я до 14 лет рос в Патардзеули.

– Во время поступления в институт или когда начинали работать, не помешал ли вам тот факт, что ваш отец был арестован и расстрелян?

– Комплекс был у меня, но от других я ущемления не чувствовал, наоборот, мой ректор все время поддерживал меня. Хочу рассказать одну историю. Во период советской власти, где-то в 70–80-х годах, секретарем райкома Сагареджойского района была Медико Мезвришвили, которая была очень близка с Э.А. Шеварднадзе, и она напомнила мне о моем отце. Я работал председателем сельсовета, это было в 1975 году, в то время, когда хотели поселить аджарцев и собирались отобрать у нашего села 200 гектаров земли, чтобы для них построить деревню. Я на это не соглашался, бумаг не подписывал и предложил расселить их по отдельности в разные села, а не строить им отдельную деревню. И Медико Мезвришвили говорит мне: – Видно, твой отец тоже таким непокорным был, поэтому и расстреляли!

– После этого вы подписали?

– Нет, и знаете, что я ответил? Не моего, а вашего отца должны были расстрелять! И вышел. Она начальника милиции пустила вдогонку, чтобы задержать меня.

– В 30-х годах в деревне было воровство?

– Воровство есть всегда – и сейчас есть, и тогда было. В марте 1930 года нас вывели из дома, вещи выкинули во двор, и два дня все провели на улице. Я был младенцем и, чтобы не простыл, меня укутали в одеяло и положили под матрас. Через два дня кто-то из райкома прошел мимо нас и сказал: «Жалко ребенка». Тогда нам разрешили зайти в дом.

– Вы помните, кто был партийным руководителем села?

– Нахуцришвили Соломон. Здесь тех, кто был на руководящих постах, на кого имели зуб, тех и задерживали. Был один человек, Кошоридзе Дмитрий, работал в Тбилиси. Однажды он приехал в деревню, а жена говорит ему: «Этой ночью собираются арестовать людей, поэтому возвращайся в Тбилиси, а то и тебя арестуют». Он сказал, что его не тронут, и пошел к этому Соломону, который был председателем то ли колхоза, то ли сельсовета, и напомнил ему о чем-то, что они вместе совершили раньше. Тот сказал: «Не бойся, сегодня тебя никто не возьмет, ты только ничего никому не говори». Впоследствии его вычеркнули из списка лиц, подлежащих аресту, и он так спасся.

– Мне рассказали еще о том, что второй человек, который донес на моего отца, чтобы его арестовали, был Бочоридзе Ваню. Потом его тоже забрали. Он сидел в тюрьме почти 10 лет. После того как он вышел из тюрьмы и приехал в деревню, я случайно встретил его на улице и сказал, что бы ноги его не было в деревне! После этого он у нас не появлялся.

– А был протокол его допроса в следственном деле вашего отца? Выступал ли он на суде в качестве свидетеля?

– Протокола допроса не было, был его донос. Знаете, как расстреляли моего отца? Все арестованные знали, что мой отец был порядочным, правдивым, и его не должны были расстреливать. Арестованных безбожно пытали, били. В один день, когда его, избитого, затащили в камеру и бросили на пол, он, измученный, сказал: – Пишите что хотите, я подпишу. Когда вернули его в арестантскую, он сказал, что подписал все; тогда другие задержанные, в том числе его двоюродные братья (его два двоюродных брата тоже были арестованы) набросились на него и спросили, почему... На второй или на третий день его вывели... Все знали, куда его вели...

– Откуда вы это знаете?

– Одного из его двоюродных братьев, Георгия Кокрашвили, освободили через 9 месяцев, и он рассказал.

6. Медико Давидовна
Вардзелашвили-Начхаташвили
(1936)

Пенсионер.

Отец – Вардзелашвили Давид Георгиевич, уроженец села Хашии, крестьянин. Мать – Маридашвили Дарусия Левановна, уроженка села Ниноцминда Сагареджойского района, крестьянка.

– Ваше имя, фамилия, возраст.

– Медико Давидовна Вардзелашвили-Начхаташвили, родилась в 1936 году.

– Кто из ваших родственников был репрессирован?

– Дядя – Шалва Георгиевич Вардзелашвили, 1905 года рождения, и дед – Гиоргий (Гиго) Ясонович Вардзелашвили, 1872 года рождения. Шалву арестовали в 1930 году, но он сбежал. Шалву не могли сначала поймать, но потом на него донесли, ранили и арестовали 3 июня. Раненого его положили в больницу, вылечили, а потом 11 ноября расстреляли. Это было в 1930 году. Эта информация для нас стала известной на основе материалов, хранящихся в Архиве МВД Грузии. На сегодня он реабилитирован. Мой дед был очень грамотным и в политике разбирался лучше других, и агитация-пропаганда у него получалась хорошо. Он был членом Общества по распространению грамотности среди грузин, в свое время созданного Ильей Чавчавадзе. Дед всегда был против советской власти. С дедом Гиго дружил Иосиф Имедашвили, и он часто приходил к нему. Мой двоюродный брат, Ираклий, сын Шалвы, рассказывал, что в последнее время Имедашвили и дед Гиго все время спорили, потому что Имедашвили поменял свои взгляды и перешел на сторону большевиков, коммунистов.

– Кто был ваш отец?

– Давид Георгиевич Вардзелашвили, 1908 года рождения. В 1930 году его увезли, но ему удалось убежать. Мой отец спрятался.

– Сколько всего людей арестовали?

– Всю семью раскулачили, объявили врагами народа и хотели выселить нас из деревни. Это было в 1937 году. Моя бабушка тоже была арестована, она сидела в Сартичальской тюрьме. Домой пришли ночью, была такая лютая зима, река Иори несла льды.

Деда Гиго тоже арестовали ночью, через два дня забрали и бабушку.

– Что произошло с вашим дедом после ареста?

– Его сослали в Крым.

– Писал ли он письма и сохранились ли они у вас?

– Было у меня письмо от деда Гиго, но где оно, не знаю.

– Каким имуществом вы владели до раскулачивания?

– У нас был скот, виноградник, все конфисковали, ничего не оставили, все забрали, вместе со скотом взяли и вино, и пшеницу. Наш сосед Кирмелашвили узнал и сказал деду: «В эту ночь собираются забрать у него пшеницу, давай часть ее перенесу к себе, сохраню, не оставаться же вам голодными». И он сам своими руками перетаскал зерно. На второй день, пока мой отец был в Тбилиси, из погреба унесли все вино.

– А что произошло с арестованной бабушкой?

– Она почти месяц сидела в тюрьме, а потом, после ареста сына, ее освободили.

– Ваших родных сначала задержали в 1937 году или раньше?

– В первый раз задержали в 1924 году, во время восстания против советской власти. Дедушка Гиго Вардзелашвили был соратником и другом Какуцы Чолокашвили. Он помогал его группе «Шепицулеби» («Присягнувшие». – Ред.), носил еду и проч. Потом кто-то донес, что он знается с повстанцами, и его задержали.

– Когда вы выросли, как родители объяснили вам, почему арестовали вашу бабушку, почему сослали дедушку, почему расстреляли вашего дядю?

– Родители говорили мне, что они – дедушка и дядя – находятся в России, но обязательно приедут и привезут подарки.

– А когда вы узнали правду?

– Когда мне было 16–17 лет. Это был тот период, когда Сталин умер.

– Как вы отреагировали, узнав о смерти Сталина? Вы любили Сталина?

– В школе нас учили, что Сталин был очень добрым человеком, и я любила его. Мой отец тоже его любил. Мы всегда думали, что все плохое, что происходило, Сталину не было известно.

– Вы и сейчас тоже любите Сталина?

– Да, и сейчас люблю.

– А как с вами обращались в школе?

– За спиной иногда слышала, говорили, что она из семьи врага, но плохо не относились.

7. Софья Мамулашвили (1963)

Заведующая детским садом, историк. Уроженка села Хашми, проживает в г. Тбилиси. Ее прадед – Георгий Мамулашвили (1868–1937) был расстрелян, а дед – Шалва Мамулашвили (1906–1979) находился в ссылке.

- Ваше имя, фамилия, отчество.
- Софья Анзоровна Мамулашвили.
- Ваш год рождения.
- 27 февраля 1963 года.
- Коснулись ли репрессии 30-х годов вашу семью?
- Да. Были арестованы мой прадед – Георгий Семенович Мамулашвили, и его сын, т. е. мой дед – Шалва Мамулашвили.
- К какому социальному слою они относились?
- Георгий Мамулашвили был раскулаченным крестьянином, а его супруга – Софья Гогниашвили была дворянкой.
- Их имущество конфисковано?
- Да. Георгий Мамулашвили в селе Хашми имел два трактира (духана), которые у него конфисковали.
- Когда его арестовали?
- 1937 году.
- Он вернулся из места заключения?
- Уже во время ареста у прадеда были проблемы со здоровьем – он болел воспалением легких. Со слов очевидца, семья узнала, что около Навтлуги его сбросили с поезда и расстреляли на месте. Мне не известна личность этого очевидца. Семья не получала какого-либо документа о его расстреле.
- Сколько детей осталось у вашего прадеда?
- Трое детей: Шалва, которого также арестовали в 1937 году, Естате (Евстафий) – инвалид, даже не был мобилизован во время Второй мировой войны, и дочь – Тамара, супруга председателя колхоза села Хашми – Котэ Инанишвили.
- Ваш дед получил образование?
- Да. Он был выпускником Тбилисской классической гимназии.
- Дед владел иностранными языками?
- В совершенстве владел русским языком.
- Род занятий деда во время ареста?

- Был членом колхоза.
- Он состоял в комсомоле?
- Да, он был одним из первых комсомольцев в селе.
- Мать вашего деда тогда еще была жива?
- Да. Она дожила до возвращения сына из ссылки. Была знахаркой – лечила переломы. Скончалась в 1960 году.
- Вам известен мотив ареста вашего деда – Шалвы Мамулашвили?
- Дед был арестован по политическим признакам. Его приговорили к 10 годам ссылки на Урал, где он работал на строительстве дорог.
- Вы знаете, кто донес на вашего деда?
- Ванкез Хачатуров, член сельского колхоза, донес на деда. После ареста председателя колхоза – Котэ Инанишвили, Ванкез занял его должность.
- Ваш дед вернулся из места заключения?
- Дед вернулся в 1951 году. Он мог вернуться и раньше, но за попытку бегства из места ссылки ему добавили три года лишения свободы.
- Когда состоялось бегство?
- Конкретная дата мне неизвестна, но во время бегства преследователь ранил его штыком, и у деда, до конца жизни на теле был довольно глубокий след от штыковой раны.
- Каково было материальное положение семьи после ссылки деда?
- Семья бедствовала.
- Как с детьми обращались после ареста отца?
- Дети испытывали тяжелый моральный гнет. Отец всегда говорил, что односельчане называли их детьми «врага народа».
- А чем занималась ваша бабушка?
- Когда дед был в семье, бабушка – Мариам Нахуцришвили – не работала, была домохозяйкой, но когда деда сослали, бабушка вынуждена была пойти работать в колхоз.
- Какие вещи были конфискованы у семьи?
- Конфисковали все. Оставили лишь тома сочинений Ленина и Сталина. Бабушке Софье удалось спрятать икону богородицы, которая до сих пор хранится в нашей семье.
- А церковные праздники в семье отмечали?
- Да, всегда. Будучи в ссылке, дед Шалва из дерева вырезал триптих и фигурки Иисуса Христа и апостолов и привез их с собой.

– Он писал письма?

– Да, он переписывался с семьей.

– У вас сохранились его письма?

– Довольно много писем сохранилось.

– На каком языке написаны письма?

– Часть на грузинском, а часть – на русском языке.

– На письмах указывался точный адрес?

– Да. Первоначально это место называлось Пермской областью, затем – Молотовской областью, г. Соликамск, Ныроб, почтовый ящик № 244/2.

– В письмах дед называл причины своего ареста?

– В письмах дед все время подчеркивал, что он был жертвой случайности, личных врагов, которые завидовали его успехам и достижениям; что он не совершал каких-либо преступлений против советской власти. В письме, датированном от 15 января 1940 года, он писал: «Меня обвинили в членстве в меньшевистской организации и в антисоветской пропаганде и осудили по 58¹⁰⁻¹¹ статье. Спецколлегия рассмотрела мое дело 7 июня 1938 года и присудила мне лишение свободы сроком на 10 лет с помещением в лагерь и лишением избирательного права сроком на 5 лет». Из письма выясняется, что следователем по его делу был некто Давитулиани, а судьей – Лежава. Он отмечал, что неоднократно обращался как в органы власти Грузинской ССР, так и во всесоюзные органы, лично к Лаврентию Берию с просьбой пересмотреть его обвинительный приговор.

– А из Грузии ему писали?

– Да, члены семьи и друзья ему все время писали. Хотя некоторые друзья воздерживались от переписки с ним, на что дед выражал недовольство в своих письмах.

– Когда был реабилитирован ваш дед?

– В 1956 году.

– После возвращения из ссылки он опять работал в колхозе?

– Дед был вторым секретарем Сагареджойского районного комитета партии, а затем, до выхода на пенсию – председателем Гомборского сельсовета. После выхода на пенсию занимался семейным хозяйством.

– Вы назвали Котэ Инанишвили, который был свояком вашего деда. Что вы можете сказать об этой личности?

– Котэ Инанишвили родился в 1901 году. Он был одним из первых комсомольцев в селе, активистом коллективизации, пред-

седателем колхоза. Его арестовали в 1937 году и сослали. Из ссылки Котэ Инанишвили писал своим детям, что был коммунистом и что свою жизнь он посвятил служению компартии. От своих детей он также требовал верности идеалам коммунизма. У него осталось трое детей: Клара, Акакий и Резо (Резо Инанишвили – классик грузинской литературы). С 1942 года переписка с ним прервалась. Семья не получала каких-либо документов. Только в 1956 году получили справку о его реабилитации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соавтор этой главы монографии – Дали Канделаки – является родственницей семьи репрессированных жителей Хашми, Сандро Ивановича Начаташвили и Шалвы Вардзешашвили.

² Методологически презентация и оценка интервью основываются на: *Haumann H. Blick von innen auf den Stalinismus. Zur Bedeutung von Selbstzeugnissen // Erinnerung an Gewaltherrschaft. Selbstzeugnisse – Analysen – Methoden / H. Haumann (Hrsg.). – Frankfurt a. M., 2010. С. 51–76. См. также: Das Jahrhundert des Gedächtnisses. Erinnern und Vergessen in der russischen und sowjetischen Geschichte im 20. Jahrhundert / Сост. Н. Haumann, J. Happel, С. Scheide. – Sankt-Peterburg, 2010.*

³ Вместе с деревушкой Карабулачи (12 дворов, 37 жителей, в том числе 24 мужчины и 13 женщин) в состав Хашминского сельского общества вошло 1314 жителей (298 дворов, 702 лица мужского пола, 612 – женского). См.: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. / Под редакцией Закавказского статистического комитета. – Тифлис, 1893.

⁴ Сведение Н. Кокрашвили, одного из респондентов, который в 1974–1985 гг. занимал должность председателя сельсовета Хашми. Эта информация была ему известна от сельских должностных лиц.

⁵ Ревком Грузии 25 февраля 1921 г. был переименован в СНК Грузии.

⁶ *Карумидзе В. Карумидзе Н. Хашми: история, современность. – Тбилиси, 2002. С. 222–223.*

⁷ Там же.

⁸ По сведениям сельчан, а также по газетным публикациям удалось установить лишь несколько названий колхозов: «Пирвели цда», им. Молотова, им. Сталина, им. Джугели. Однако точное количество сформированных колхозов неизвестно, не удалось также уточнить конкретное время существования того или иного колхоза.

⁹ Победители конкурса // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 18.04.1935. № 18 (89). С. 3

¹⁰ Вручение государственного акта // По пути социализма. (Socialist'uri gzit) 14.10.1936. № 38 (173). С. 3

¹¹ Хорошее начало // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 12.04.1935. № 17 (98). С. 3

¹² Вот кто упрятал скот // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 06.01.1935. № 1 (82). С. 2

¹³ Ход заготовки мяса // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 24.06.1935. № 29 (110). С. 3

¹⁴ Заметки корреспондентов // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 06.06.1936. № 20–21 (155–156). С. 6.

¹⁵ План перевыполнили // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 18.07.1935. № 32 (113). С. 3.

¹⁶ Просочившиеся чуждые элементы // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 30.09.1935. № 41 (122). С. 2. В статье не указано имя второго лица по фамилии Кокрашвили.

¹⁷ Вероятно, речь идет о председателе сельсовета Ванкеше Хачатурове. Беспризорный мальчик, просивший милостыню на базаре, В. Хачатуров в 1920-е годы был привезен из Тбилиси уроженцем Хашми Александром Кокрашвили. Благодетель поселил его в собственном доме, дал образование, подарил земельный участок и женил. В 1930-е годы Ванкеш стал председателем сельсовета. Его подозревали в доносительстве на своего воспитателя. В 1941-м или в 1942 г. дезертиры, вторгшиеся в Хашми, расстреляли Хачатурова по этому обвинению на сельском кладбище. Впоследствии выяснилось, что он был невиновен.

¹⁸ Дезертиры труда // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 01.05.1939. № 18 (313). С. 4.

¹⁹ Сев идет слабыми темпами // Сталинское слово. 07.04.1939. № 15 (310). С. 3.

²⁰ Лекции и консультации // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 18.02.1939. № 7 (302). С. 4.

²¹ Лекции, консультации и доклады в парткабинете Сагареджойского райкома КП(б) Грузии за апрель месяц 1939 года // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 07.04.1939. № 15 (310). С. 4.

²² В школах обучим грамоте неграмотных и малограмотных людей // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 11.03.1939. № 7 (305). С. 2.

²³ «Слава и хвала советскому учителю! Высшая награда страны» // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 18. 05. 1939. № 21 (316). С. 3.

²⁴ Карумидзе В. Карумидзе Н. Хашми. С. 210–211.

²⁵ Лалиашвили Г. Госка по старому «Хашми» // Коммунисты. 03.08.1990. № 179 (20925). С. 3.

²⁶ Информация о его осуждении «кулацкой тройкой» содержится в интервью с Ношрваном Ивановичем Начхаташвили.

²⁷ Сведения о репрессированных, а также свидетельства односельчан приведены в книге: Карумидзе В. Карумидзе Н. Хашми. С. 223–224, 295–296.

²⁸ Протокол № 93 заседания тройки при НКВД ГССР от 02.03.1938 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38447. Л. 52 [В.С. Начхаташвили], 61 [Г.С. Мамулашвили], 63 [Д.С. Джаниашвили], 65 [И.-С.И. Кирмилашвили].

²⁹ Протокол № 48 заседания тройки при НКВД ГССР от 17.11.1937 // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37408. Л. 8.

³⁰ *Merl St. Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre? Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute.* – Berlin, 1990.

³¹ Материалы проверки партдокументов коммунистов Сагареджойской районной организации коммунистической партии (б) Грузии 1935–1936 // Архив МВД Грузии. 2-й отдел. Ф. 14. Опись 9. Д. 124. Л. 108.

³² Протокол заседания № 679 бюро ЦК КП(б) Грузии от 24.12.1947 // Архив МВД Грузии. 2-й отдел. Ф. 14. Опись 21. Д. 141. Л. 8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дайте нам сойти с наших пьедесталов
и снять наши терновые венцы.

*Радослав Сикорский, министр иностранных
дел Польши.*

Марк Юнге, Бернд Бонвеч

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ГРУЗИИ

Массовые репрессии 1937–1938 гг., о которых вплоть до краха Советского Союза практически ничего не было известно, в последние годы стали предметом интенсивных исследований. Сегодня мы располагаем определенной суммой знаний о том, как массовые операции НКВД осуществлялись на республиканском, краевом и областном уровнях и как они направлялись из Москвы. Лучшее всего изучена операция по приказу НКВД СССР № 00447 («*кулацкая*» операция). Первоначальное предположение, согласно которому места являлись слепыми исполнителями воли Центра, послушно выносившими приговоры к расстрелу или к лагерному заключению согласно контрольным цифрам, продиктованным Москвой, не подтвердилось¹. Лимиты репрессий действительно утверждались Политбюро ЦК ВКП(б), но только на основе предложений, поступавших с мест во исполнение требований Центра. И все же эти контрольные цифры и строгое соблюдение выделенных лимитов играли существенную роль в массовых карательных акциях. Благодаря им московский Центр получил действенное средство, позволявшее контролировать, по меньшей мере в количественном отношении, исполнение «кулацкой» операции на всей территории огромной империи. Это было тем более важно, принимая во внимание, что Центр уступил или, по практическим причинам, был вынужден уступить значительную часть своих полномочий карательным инстанциям ближней и дальней периферии.

Решающее отличие Большого террора от ординарных карательных акций, в том числе от массовых преступлений национал-социализма, направленных на истребление заданного числа «врагов» или их уничтожение по определенному национальному признаку, задавалось спецификой советской машины массовых репрессий. Эта специфика заключалась в том, что в отношении каждой жертвы выдвигалось отдельное обвинение, вслед за которым следовал индивидуальный приговор, который выносила либо

«нормальная» судебная инстанция, либо, как в большинстве случаев, внесудебный карательный орган, получивший соответствующие полномочия. В то время как в случае с репрессиями в отношении старых большевиков и многочисленных представителей новых советских элит имело место длительное следствие, как правило весьма мучительное, которое заканчивалось приговором, вынесенным либо «нормальным» уголовным судом, либо верховными судами союзных республик или, в особо «тяжелых» случаях, *Военной коллегией Верховного Суда СССР*, а гротеск обвинений и тяжесть приговоров привлекали к себе внимание всего мира, то в случае с массовыми операциями НКВД, проводившимися в полной тайне, вся процедура была гораздо короче, а обвинения звучали далеко не так сенсационно.

Тем не менее приговоры, вынесенные в ускоренном внесудебном порядке, были такими же тяжелыми, при этом их не объявляли ни осужденным, ни их родственникам. Несмотря на соблюдение, хотя и с большими натяжками, всех формальных предписаний, касавшихся следствия, предъявления обвинения и осуждения, вся процедура от ареста до приговора была насмешкой над принципами правового государства, поскольку внесудебные карательные органы хотя и действовали как суд, но этот суд был лишен как судей, так и защитников. Но самую главную роль в профанации судебного разбирательства играло то, что преступления, вменяемые жертвам, представляли собой смесь из мелких нарушений и проявлений индивидуальной нелояльности по отношению к сталинскому режиму, которые до Большого террора не подлежали наказанию, а также из сильно преувеличенных и полностью вымышленных или сконструированных проступков, используемых для придания веса обвинению. Зачастую в ходе следствия, равно как и в обосновании приговора, фигурировали уже давно забытые случаи политической и социальной девиации времен революции и гражданской войны, а также рядовое членство в политических антисоветских организациях – как реальных, так и вымышленных. Одной из целевых групп массовых операций стали представители местных и региональных элит, но главный удар все же был нанесен по простым, обыкновенным людям, чья судьба интересовала только их ближайших родственников и друзей.

Все это уже хорошо известно. С какой же целью было принято специальное изучение массовых операций в Грузии? Настоящая монография со всей очевидностью доказала, что Грузия, несмотря на всю ее «включенность» в общесоюзные репрессив-

ные процессы, представляет собой особый случай, а не только «региональное» добавление к уже известному. Это также верно, скорее в техническом аспекте, поскольку все массовые операции НКВД впервые рассматриваются здесь в их взаимосвязи и взаимодействии. Авторам также удалось выявить и ввести в научный оборот данные о деятельности «милицейской» тройки. Эта внесудебная карательная инстанция, осудившая в СССР сотни тысяч человек, в первую очередь членов маргинальных групп, до сего времени практически не изучалась из-за закрытого доступа к ее документам.

Авторы настоящей монографии также не делают тайны из существенного дефицита источников, который не позволил им изучить индивидуальные причины гонений и арестов, а также написать историю репрессий, основывающуюся на знании и интерпретации политических решений. Зато им в целом удалось описать процедурные формы и установить статистические результаты репрессий, с опорой на которые была предпринята попытка сделать выводы о целях и условиях осуществления массовых операций в Грузии. Такой преимущественно статистико-просопографический подход требует от читателя терпения, предлагая ему множество чисел, процентных данных и таблиц. Но только таким способом авторам удалось обработать и заставить «говорить» массовые источники, имевшиеся в их распоряжении для изучения «кулацкой» операции, операции по «национальным линиям», социальной чистки «милицейской» тройки, а также репрессий в отношении элит («сталинские списки»). В результате им удалось нарисовать специфическую картину Большого террора в Грузии. Изучены основные структуры и тенденции, но не индивидуальные причины репрессий. Далеко не в последнюю очередь свою важную роль сыграла мультиэтничность грузинского общества, которая оказала определенное влияние на репрессивную практику. Однако следует подчеркнуть, что это аспект был лишь одним из многих.

Хотя Москва установила для отдельных массовых операций свои сферы действия и задала им четкие границы, на практике эти операции демонстрировали большую степень взаимного проникновения и пересечения компетенций, при этом обращает на себя внимание особая многофункциональность и высокая гибкость, проявленная в Грузии главной внесудебной карательной инстанцией – «кулацкой» тройкой. Репрессии в рамках «национальных» операций в Грузии можно было бы в определенной мере попытаться рационализировать как действия, направленные на

обеспечение безопасности границы. Однако практика их осуществления показывает, что национальная/этническая принадлежность обвиняемого являлись скорее предлогом для ареста, в то время как обоснование приговора принципиально не отличалось от дел, рассмотренных «*кулацкой*» *тройкой*. Одна лишь национальная или этническая принадлежность, даже в условиях «кастрированных» правовых процедур времен массовых операций не была достаточным основанием для оформления конкретного состава преступления.

Целью «*милицейской*» *тройки* являлось исключительно наказание незначительной рецидивной социальной девиации во всех ее проявлениях, таких как отсутствие постоянного места жительства и работы, попрошайничество, нарушение паспортного режима, проституция, хулиганство и мелкая преступность. Именно в этой сфере Большого террора авторам не удалось констатировать какую-либо специфику Грузии. Здесь, как и повсюду, посредством «*милицейской*» *тройки*, в состав которой, в отличие от «*кулацкой*» *тройки*, входил не высокопоставленный партийный чиновник, а начальник соответствующего управления милиции, осуждались в ускоренном внесудебном порядке на срок до пяти лет лагерей представители разных маргинальных групп, в первую очередь из числа жителей городского социума. Решающим во всем этом является то обстоятельство, что этот персональный круг невозможно было осудить на такие сроки в рамках действующего уголовного законодательства и нормального судопроизводства, равно как и дисциплинировать с помощью традиционных воспитательных мер, характерных для советского общества. Теперь же с помощью особого внесудебного органа, «*милицейской*» *тройки*, проблема социальной зачистки общества была решена, несмотря на заседавшего в составе *тройки* прокурора, быстро и легко, хотя и ненадолго.

Более серьезная социальная девиация и более веские нарушения политической лояльности наказывались в годы Большого террора, как правило, посредством «*кулацкой*» *тройки*. Однако партийному и государственному руководству Грузии, в отличие от руководства других регионов СССР, удалось начиная с осени 1937 г., превратить эту карательную инстанцию не только в инструмент осуждения рядового населения, но и в судилище для многих представителей различных «этажей» советской элиты, причем их было здесь осуждено *тройкой* гораздо больше, чем во всех других республиках, краях и областях СССР.

Причины такого поразительного исключения, обеспечившего региональной специфике дополнительное пространство, заключались не только в перегрузке *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, вынужденной все чаще отправлять свои выездные сессии на места. Ведь в таком случае имела бы место частичная или полная передача полномочий *Военной коллегии* всем остальным республиканским, краевым и областным «кулацким» *тройкам*, чего не случилось. Хорошие связи Лаврентия Берии, первого секретаря ЦК КП(б) Грузии и преемника Ежова на посту народного комиссара внутренних дел СССР, также не могли сами по себе иметь решающего значения для получения особого разрешения. Возможно, такая трансформация контингента республиканской «кулацкой» *тройки* произошла в связи с необычным «меньшевицким» прошлым Грузии. Хотя к этому времени меньшевики и их сторонники уже давно были полностью элиминированы из общественно-политической жизни Закавказья, кажется, что «меньшевицкая опасность», все еще существовавшая, по меньшей мере, в головах кремлевских властителей, облегчила процесс передачи элит на осуждение *тройки*. Как это было показано в главе, посвященной регионализации карательных полномочий, аргументы именно такого рода выдвигал Берия. Однако нам так и не удалось окончательно объяснить причины особого положения Грузии. Как бы то ни было, такое положение предоставило руководству Грузии, гораздо в большей степени, чем властям других республик, краев и областей Советского Союза, возможность фактически единолично решать судьбу людей, которые, неважно по каким причинам, расценивались им как опасные.

Систематические репрессии в форме массовых операций неминуемо, почти автоматически, влекли за собой передачу репрессивных полномочий Центра соответствующим карательным инстанциям на местах. Неизбежным следствием этого было усиление влияния, если не доминирование, региональной специфики в ходе проведения репрессий. Партийная верхушка во главе с Берией, прочно удерживавшая Грузию в своих руках, смогла использовать это приращение мощи в своих интересах, чтобы «очистить» республику от мнимых и явных конкурентов в сфере политики, экономики и общественной жизни. Ускоренная процедура внесудебного осуждения, характерная для «троек» и «двоек», позволила решить эту задачу в самые сжатые сроки и без слишком строгого контроля со стороны Москвы.

Зачистка политических, социальных и экономических пространств была одновременно использована также для того, как

показано в главе «Этнос и террор», чтобы подстегнуть процесс формирования гомогенной титульной нации, осуществлявшийся в Грузии начиная с 1920-х годов.

Само собой разумеется, остро возникает вопрос об источниках, на основании которых дается именно такое объяснение процессов. И авторы, в свою очередь, выражают сожаление по поводу того, что они не располагают документами, из которых недвусмысленно следовали бы политические намерения и вытекали мотивы принятия решений. В этом отношении в источниках, находящихся в распоряжении авторов книги, не содержится специфических инструкций к органам НКВД, проводившим аресты и следствие, равно как и соответствующих директив, направленных внесудебным карательным инстанциям, которые напрямую подтверждали бы точку зрения авторов.

Однако отсутствие соответствующих документальных источников не должно здесь избавлять ученых от задачи задаваться вопросом о причинах разницы статистики арестов и приговоров в отношении тех или иных этносов. Пусть даже в отдельных случаях абсолютные цифры репрессий в целом не выглядят такими высокими, тем не менее, налицо существенные различия показателей репрессий в отношении отдельных национальных меньшинств. Нет смысла искать объяснение этого феномена в директивах органов НКВД и *тройкам* общего характера или в индивидуальных склонностях карательного персонала, поскольку состав «судей» менялся редко, и все обвиняемые осуждались одним и тем же составом *тройки*. Столь характерные различия в карательной практике можно объяснить только влиянием извне. И здесь авторы полагают, что им удалось, благодаря помещению изучаемых событий в широкий исторический контекст, высказать убедительные гипотезы и сделать в целом обоснованные выводы именно в отношении мотивов репрессий – не больше, но и не меньше. Если даже в этих мотивах в отдельных регионах Грузии существенную роль действительно сыграла этническая компонента, то исследование специфической связи между «этносом и террором» в свою очередь также убедительно продемонстрировало, что на местах были предприняты лишь отдельные попытки «этнизации» врага.

В этом заключалась еще одна специфическая черта Большого террора в Закавказье. Формирование титульной нации было последовательно связано с сокращением влияния национальных групп в пользу центральной власти в Тбилиси и – вольно или невольно – в конечном итоге в пользу этнических грузин. Цен-

тральное руководство Грузии сумело, в том числе при помощи нацеленного перемещения центра тяжести террора, существенно расширить свое влияние на территории и институты республики, где до 1937 г. оно все еще не пользовалось неограниченным влиянием. Стоит только вспомнить здесь о первоначальном особом статусе Абхазии, который постоянно и неуклонно ограничивался с начала 1920-х гг. Но, несмотря на эту этническую компоненту террора, феномен «этнизации» врага проявлялся на практике только время от времени, как это следует из специального изучения вопроса взаимосвязи между «этносом и террором» в Грузии. Нигде в репрессивной практике в Грузии этническая/национальная принадлежность не являлась достаточной причиной для осуждения или этнических чисток, не говоря уже об методах геноцида или расизма. Принимая во внимание широкую дискуссию, развернувшуюся вокруг вопроса о характере массовых операций НКВД времен сталинизма, этот вывод является одним из важнейших результатов настоящего исследования.

С другой стороны, ни в одном из документов, посвященных массовым операциям НКВД и попавшим в поле зрения исследователей, не удалось распознать даже намек на сопротивление в Грузии распоряжениям, поступавшим из Москвы. Скорее напротив, возможность соблности с помощью репрессий свои собственные интересы, представившаяся в результате передачи республике части карательных полномочий Центра, еще больше усилила сотрудничество между Грузией и Москвой, придав этой практике дополнительную динамику. В этом отношении утверждение, выдвинутое в ходе внутренних грузинских дебатов, согласно которому Грузия в сравнении с остальными республиками, краями и областями СССР особенно пострадала в результате массовых репрессий, инициированных Москвой, является утверждением, которое не снимает вины с властей Грузии. Тогдашнее руководство Грузии не было инициатором массовых репрессий, но его вклад в их проведение также нельзя приписать забвению. Попытка «вписать» террор, имевший место в Грузии, в общесоюзный контекст, еще раз подчеркивает, что именно партийно-государственные элиты Грузии сумели максимально использовать в собственных интересах предоставленную им свободу карательных действий.

Поэтому цифры репрессированных и степень репрессий в Грузии, учитывая условия, сложившиеся на тот момент в этой кавказской республике, были высоки, но, как показало сравнение с другими регионами СССР, эти «репрессивные» показатели не

были чрезвычайно высоки. Не только в Грузии, но и в других регионах СССР соответствующие специфические условия могли иметь губительные последствия.

Кроме того, налаженное сотрудничество Грузии и Москвы привело к тому, что интересы сталинского руководства, заключающиеся в окончательном закреплении итогов коллективизации, обеспечении безопасности границ, трансформации национальной политики в духе поощрения титулярных наций и, в определенной мере, ликвидации «пятой колонны» в преддверии войны, были напрямую встроены в местную практику репрессий, что придавало им еще больший размах.

Рассмотрение массовых операций НКВД и их специфики под углом зрения Грузии позволило также сделать новые выводы, касающиеся общей организации Большого террора, особенно аспекта взаимоотношений московского Центра и периферии.

В ходе изучения контрольных механизмов террора выяснилось, что носивший безликое и нестрашное название 8-й (учетно-регистрационный) отдел ГУГБ НКВД СССР, переименованный позднее в 1-й спецотдел НКВД СССР, играл во многом ключевую роль как в случае осуждения жертв массовых операций, так и элит, включенных в «сталинские списки», что по праву ставит его в один ряд с судебными и внесудебными карательными органами. Этот отдел не только обеспечивал контроль за всеми репрессивными акциями, но и был фактически той инстанцией, которая имела решающее влияние на тяжесть приговоров, выносимых в отношении контингентов *двойки*, *Особого совещания* и даже *Военной коллегии Верховного Суда СССР*, а иногда даже предопределяла эти приговоры, как это доказывается в главе «Регионализация карательных полномочий». Этот «статистический» отдел при тесной поддержке местных управлений НКВД стал бюрократическим мотором репрессий и «длинной рукой» партийного руководства СССР. В итоге ни одно из репрессивных мероприятий не осуществлялось без знания, одобрения и участия со стороны местного партийно-советского руководства и центральных структур во главе со Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Расстрел по разнарядке, или Как это делали большевики // Труд. 4 июня 1992 г. С. 1.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы

Архив МВД Грузии. Архив Министерства внутренних дел Грузии
1-й отдел.

Фонд 6 – Фонд архивно-уголовных дел

Фонд 9 – Фонд фильтрации и материалов гос. проверки

Фонд 12 – Фонд архивных материалов приведения ВМН – расстрела в
исполнение

Протоколы заседаний тройки при НКВД по Грузинской ССР [«кулацкая» тройка] // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 37362–38446.

Протоколы заседаний тройки при НКВД по Грузинской ССР [«национальная» тройка] // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Д. 38467–38471.

Протоколы заседаний тройки при НКВД по Грузинской ССР [«милицейская» тройка] // Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 8. Оп. 34–38. Д. 291–360

2-й отдел

Фонд 6 – Документы И.В. Сталина

Фонд 14 – Центральный комитет Коммунистической партии (б) Грузии

Фонд 16 – Центральная контрольная комиссия Коммунистической партии (б) Грузии

Фонд 16, описание 3 – Материалы проверки непроизводственных ячеек.

Фонд 16, описание 18 – Материалы чистки партии по городскому райкому Тбилисской организации КП(б) Грузии.

Фонд 1075 – Партийный комитет Министерства внутренних дел ГССР

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив ФСБ РФ

Протокол заседания Особого совещания при НКВД СССР от 02.07.1938 // ЦА ФСБ РФ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 61. Л. 17–63, 65–211

Справка НКВД СССР о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 70. Л. 98

ЦАНИГ – Центральный архив новейшей истории Грузии

Ф. 498. – Государственная прокуратура народного комиссариата юстиции Грузии 1922–1936 гг. Государственная прокуратура Грузинской ССР.

Ф. 633. – Прокуратура Закавказской СФСР 1931–1932 гг.

Ф. 1275. – Верховный суд Закавказской СФСР 1930–1932 гг.

2. Опубликованные документы

Абхазия. Документы свидетельствуют 1937–1953. Сборник материалов / Сост. Б.Е.-И. Сагария и Т.А. Ачугба. – Сухум, 1992.

Абхазия в Советскую эпоху. Абхазские письма. 1947–1989. Сборник документов. Том 1 / Сост. И.Р. Марыхуба. – Сухуми, 1994.

Агабеков Г.С. Записки чекиста. – Берлин, 1930.

Берия. Конец карьеры / Сост. В.Ф. Некрасов. – М., 1991.

Берия Л. «Сталин слезами не верит». Личный дневник 1937–1941. – М., 2011.

Борьба за советскую власть в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 / Сост. Г.А. Дзидзария. – Сухум, 1957.

Бутовский полигон 1937–1938 гг. / Сост. Л.А. Головова, К.Ф. Любимова, Л.И. Громова. Выпуск 7. – М., 2003. С. 302–311.

В школах обучим грамоте неграмотных и малограмотных людей // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 11.03.1939. № 7. 305. С. 2.

Вот кто упрятал скот // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 06.01.1935. № 1. 82. С. 2.

Вручение государственного акта // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 14.10.1936. № 38. 173. С. 3.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XIV. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность / Сост. Центральное статистическое управление. Отдел переписи. – М., 1929.

Всесоюзная перепись населения 1937 года. Общие итоги. Сборник документов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М., 2007.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, И.Н. Киселев. – М., 1992.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Под редакцией А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. – М., 2002.

Дезертиры труда // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 01.05.1939. № 18. 313. С. 4.

Заметки корреспондентов // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 06.06.1936. № 20–21. 155–156. С. 6.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – М., 1992.

История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Массовые репрессии в СССР / Сост. Н. Верт, С.В. Мироненко. Том 1. Москва, 2004.

КПСС в резолюциях. – Тбилиси, 1954.

Кремлев С. Подлинный Берия. Неподдельные дневники Маршала Госбезопасности. – М., 2012.

Лалишвили Г. Тоска по старому «Хашми» // Коммунисти. 03.08.1990. № 179. 20925. С. 3.

Лекции и консультации // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 18.02.1939. № 7. 302. С. 4.

Лекции, консультации и доклады в парткабинете Сагареджойского райкома КП(б) Грузии за апрель месяц 1939 года // Сталинское слово. Stalinuri sityva. 07.04.1939. № 15. 310. С. 4.

Ленинградский мартиролог. 1937–1938 / Ответственный редактор А.Я. Разумов Т. 2–5. – СПб., 1996, 1998, 1999, 2002.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Ред. Александр Яковлев. – М., 2004. С. 644.

Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов. – М., 2011.

Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / Сост. И.Л. Щербакова. – М., 1999.

Накануне всеобщей переписи. Алфавитный список народов, обитающих в российской империи. Издание канцелярии комитета министров. – СПб., 1885.

От ЧК до ФСБ. 1918–1998. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверской области / Сост. В.Л. Смирнов, Л.В. Борисов, М.В. Цветкова. – Тверь, 1998

Партработа среди езидов. Из беседы с инструктором ЦК КПА тов. Шамиловым // Заря Востока. Тбилиси. 24.06.1925. С. 3.

План перевыполнили // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 18.07.1935. № 32. 113. С. 3.

Полвека под грифом «секретно». Перепись 1937 года / Сост. В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М., 1996.

Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Под общей редакции О.Б. Мозохина. – М., 2012.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. В трех томах. Том 2: 1930–1939 / Под ред. Г.М. Адибекова. – М., 2001.

Польша та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Том 8. Частина друга: Великий терор. Польська операція 1937–1938 / Редакційна колегія: Є. Беднарк, В. В'ятрович, С. Кокін. – Варшава–Київ, 2010.

Просочившиеся чуждые элементы // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 30.09.1935. № 41. 122. С. 2.

Протоколы Комиссии НКВД СССР и Прокурора Союза ССР по греческой линии – проект Ассоциации греческих общественных объединений России (АГООР). Греческий Мартиролог – http://www.greek-martirolog.ru/f_protocols/f_protocol_000.php

«Решения Особых Троек приводить в исполнение немедленно» // Источник. 1999. № 5.

Свод статистических данных о населении Кавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 г. / Сост. Кавказский статистический комитет. – Тифлис, 1893 г.

Сев идет слабыми темпами // Сталинское слово. 07.04.1939. № 15. 310. С. 3.

Слава и хвала советскому учителю! Высшая награда страны // Сталинское слово. 18.05.1939. № 21. 316. С. 3.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос [1913] // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. – М., 1946.

Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. – Тбилиси, 1951.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М., 1995.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 Т. 1927–1939 / Сост. Н. Ивницкий, М. Кудюкина, Е. Хандурина и др. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М., 2000.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939 // Сост. В. Данилов, Р. Маннинг, Н. Охотин и др. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. – М., 2004.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939 / Сост. В. Данилов, М. Кудюкина, Р. Маннинг и др. Том 5. Книга 2. 1938–1939. – М., 2006.

Турки и месхетинцы. Турки-месхетинцы: Интеграция? Репатриация? Эмиграция? / Под ред. Т. Триера и А. Ханжина. СПб, 2007.

Ход заготовки мяса // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 24.06.1935. № 29. 110. С. 3.

Хорошее начало // По пути социализма. (Socialist'uri gzit). 12.04.1935. № 17. 98. С. 3.

Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 75–102.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. – М., 2009.

Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». – М., 2003.

На других языках

Beria S.L. Beria, my father. Inside Stalin's Kremlin. – London, 2001.

Čark'viani k. ganchdili da naazrevi. c'igni p'irveli [Пережитое и передуманное. Первый том]. – Tiflis 1985; Reprint «ganchdili da naazrevi, 1906–1994. mogonebebi [Пережитое и передуманное. Воспоминания, 1906–1994]. Hrsg. Z. Džibladze. – Tbilisi, 2004.

Čark'viani g. int'erviu mamastan. k'andid čark'viani st'alinis, berias da gvian-del st'alinuri epokis sakartvelos šesaxeb [Беседы с отцом. Кандид Чарквиани о Сталине, Берии и эпохе позднего сталинизма в Грузии]. – Tbilisi, 2013.

Der Fall Berija. Protokoll einer Abrechnung. Das Plenum des ZK der KPdSU, Juli 1953. Stenographischer Bericht / Сост. V. Knoll, L. Kölm. – Berlin, 1993.

Dimitrov G. Dnevnik. 9 mart 1933–6 fevruari 1949. – Sofija, 1997. С. 203.

Forbes R. Conflict. Angora to Afghanistan. – London, 1931.

Getty Arch J., Naumov Oleg V. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven, 1999.

3. Литература

Абхазия – историческая область Грузии. Историография, документы и материалы, комментарии. С древнейших времен до 30-х годов XX века / Сост. Д. Гамахария, Б. Гогия. Тбилиси, 1997.

Арвеладзе Б., Мибчуани Т. Армянский батальон имени Баграмяна и этночистка грузин в Абхазии. Тифлис, 2009.

Адjarская автономная советская социалистическая республика // Большая советская энциклопедия. Том 1. – М., 1949. С. 397–406.

Аннинский Л. Покаяние // Киноглобус. Двадцать фильмов 1987 года [Текст]: сборник / Сост.: О.М. Сулькин, П.Г. Шепотинник. – Москва: Киноцентр, 1989.

Бакаев Т.Х. Роль языковых контактов в развитии языка курдов СССР. – М., 1977.

Бабалашвили И.П. Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Тбилиси, 1977.

Билокин С. Механизм большевистского насилия. – Киев, 2000.

Бордюгов Г.А. Состав троек и их изменения // Вертикаль большого террора. С. 624–637.

Борисенок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. – М., 2006.

Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды. Время перемен. – М., 1993.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: Народы в эшелонах. 20–60-е годы. – М., 1998.

Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. – М., 2012.

Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004.

Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии. Часть 2 http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/33.php (16.10.2013).

Гваршишвили О.М. Сталин и злопамятный 1937 г. – Батуми, 2000.

Гигинейшвили И. Учение И.В. Сталина об общем народном языке и диалектах и вопросы единого грузинского литературного языка. Т. III, 1952.

Даушвили А. Апокалиптическое пятикнижие тов. Епифанцева и история единой Грузии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. – Тбилиси, 2011. С. 107–140.

Даушвили А., Натмеладзе М. Новейшая история Грузии. Тбилиси, 2010.

Джуха И. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. – СПб., 2006.

Джуха И. «Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан». История репрессий против греков в СССР. Греки на Колыме. – М., 2010.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. – М., 2001.

Жданова Г.Д. Реализация приказа НКВД СССР № 00447 // Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 12–34.

Жданова Г.Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции. 718–745.

Зарубин И.И. Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. – Ленинград 1927.

Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. / Сост. Н. Охотин, А. Рогинский – <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>

- Какурия Ш.* Население г. Тбилиси в 1803–1970 годах. – Тбилиси, 1979.
- Керимли В.Г.* Тюрки в Грузии. О культурных контактах азербайджанского и грузинского народов (конец XIX – начало XX вв.) / Сост. В.Г. Керимли; ИАН Азерб., Ин-т архит. и искусства. – Баку, 2011.
- Кизириа А.И.* Занский язык // Языки народов СССР. Том IV. Иберийско-кавказские языки / Сост. Е.А. Бокарев, К.В. Ломитатидзе, Ю.Д. Дешериев, Г.Б. Муркелинский, М.А. Кумахов, С.М. Хайдаков, А.К. Шагиров. – М., 1967.
- Кодин Е.В.* Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма. Репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. – Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / Ред. Е.В. Кодин. – М., 2011. С. 41–52.
- Коммунистическая Партия Грузии в цифрах (1921–1970 гг.) / Сост. Е.Г. Курцикидзе. – Тбилиси, 1971.
- Кочламзашвили Р.Г.* Социально-экономические отношения в грузинской деревне (1917–1937 гг.) (Автореферат). – Тбилиси, 1983.
- Куденко Н., Разгон В., Юнге М.* Милицейская тройка // Массовые репрессии в Алтайском крае. С. 300–340.
- Кучуберия А., Шамба:* сталинские репрессии уничтожили интеллигенцию Абхазии – <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1200511.html> (15.10.2013).
- Лежава Г.И.* Из истории рабочего класса Абхазии. – Тбилиси, 1978.
- Леонтьева Т.Г.* Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. С. 216–243.
- Ломтатидзе К.* Труд И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и его значение для советского языкознания. Т. III. 1952.
- Ломтатидзе К.В.* Абазинский язык // Языки народов СССР. Том 4. Иберийско-кавказские языки / Сост. Е.А. Бокарев. – М., 1967. С. 123–[144].
- Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф.* География Закавказья. Очерки по физической географии и этнографии ЗСФСР. – Тбилиси, 1929.
- Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 / Сост. Г.Д. Жданова, В. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М., 2010.
- Мухелшвили Д., Самсонадзе М., Даушвили А.* История Грузии. – Тбилиси, 2012.
- Натмеладзе М., Даушвили А., Джапаридзе М., Ценгуашвили К.* Особенности установления и укрепления тоталитарного режима в Грузии в 20-х годах XX века. – Тбилиси, 2008.
- Некоторые вопросы истории осетин Шида Картли. – Тбилиси, 2010
- Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии». – Тбилиси, 2009
- Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. – Тбилиси, 2009.
- Никольский В.Н.* «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка // Сталинизм в советской провинции. С. 800.
- Организация и структура органов госбезопасности 1921–1941 гг. // Сост. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* – <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/orgstru.htm> (08.12.2013)

Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / Сост. И.Л. Шербакова. – М., 1999. С. 35–74.

Охотин Н. [без заголовка] // 30 октября. 2002. № 21.

Паков С.А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции. С. 746–784.

Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / *Гурьянов А.Е.* – М., 1997. С. 22–43.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. – М., 1999.

Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...» Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – Тюмень, 1999. С. 137.

Полиэтническая Грузия XX век / Сост. Б. Царахова. – Тбилиси, 2004.

Полян П. Депортации и этничность // Сталинские депортации 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П. Полян. – М., 2005. С. 5–6.

Псянчин А.В. Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнокартографии к переписи населения. – Уфа, 2010.

Разгон В. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. С. 82–103.

Расстрел по разнарядке, или Как это делали большевики // Труд. 04.06.1992. С. 1.

Савин А.И. Меннониты как целевая группа репрессий конца 1920-х – 1930-х годов // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии / Сост. *Савин А.И.* – Новосибирск, 2009. С. 7–55.

Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции. С. 303–342.

Савин А. Этнизация сталинизма. «Национальные» и «кулацкая» операции. Сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

Савин А. Национальные операции НКВД 1937–1938 // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / редкол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Трёбст. – М., 2013. С. 317–320.

Самосудов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье, 1937–1938. – Омск, 1998. С. 161.

Смирнов Н.Г. Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х годов. – М., 2014.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М., 2008.

Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2010.

Степанов А. Проведение «кулацкой» операции в Татарии // *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». – М., 2003. С. 306–313.

Степанов А. Расстрел по лимиту. Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». – Казань, 1999.

Сувениров О.Ф. Военная коллегия Верховного Суда СССР (1937–1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4.

Такмаз Х. Армяне в отечественной войне народа Абхазии. – Краснодар–Сочи, 2012.

Тушурашвили О., Джахуа И. Министры внутренних дел и госбезопасности Грузии XX века. – Тбилиси, 2013.

Феофанов Ю. Расстрел по 1-й категории // Известия. 1996. 3 апреля.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996.

«Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Том 1–2. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Р. Биннер Р., Г.А. Бордюгов, С.А. Кокин, О.А. Довбня. – М., 2010.

Шамилов А. Курды Закавказья // Революция и национальность. 1930. № 15–16. С. 86–89.

Шнирельман В.А. Многоликая Клио. Бои за историю на постсоветском пространстве. – Берлин, 2010.

Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента. Преступники и социальная чистка советского общества 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. С. 489–490

Юнге М., Биннер Р. Выполнение приказа № 00447. Первая Фаза // Вертикаль большого террора. С. 143–144.

Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008.

Юнге М. Механизм увеличения лимитов // «Через трупы врага на благо народа». С. 137–152

Юнге М. Социально-технологический аспект приказа № 00447 // «Через трупы врага на благо народа». С. 209–244.

Юнге М. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. М. 2003.

Юсупова Е.Р. Преследование участников Сорокинского восстания 1921 г. в Алтайском крае // Сталинизм в советской провинции. С. 116–131.

На других языках

Abazebi // Kartuli sabč'ota encik'lop'edia [Грузинская советская энциклопедия]. Том. 1. – Тбилиси, 1975. С. 10.

Alexander Z. Jewish Emigration from the USSR in 1980 // Soviet Jewish Affairs. 1981. № 2. 11. С. 21.

Allmendinger E. Katharinenfeld, ein deutsches Dorf im Kaukasus [1818–1941]. – Neustadt, 1989. С. 117.

«Alžiris» pat'imarta port'ret'ebi – st'alinizmis ist'oriidan – Portraits of the prisoners of ALZHIR: History of Stalinism / Сост. N. Ležava, N. Bekišvili. – Tbilisi, 2008.

Anchabadze G. History of Georgia – http://www.parliament.ge/pages/archive_en/history/ (12.10.2013).

Anchabadze G. Mass Terror in the USSR: The Story of One Family, in: Caucasus Analytical Digest, (01.12.2010) Nr. 22 <http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/CAD-22-13-16.pdf> (11.01.2014)

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London, 1983.

Andronikashvili Z. Denkmalkultur in Georgien / Geisteswissenschaftliche Zentren Berlin. Bericht über das Forschungsjahr 2008. – Berlin, 2009.

Aro V. Occupied Identities: National Narratives in the Baltic Museums of Occupation // Journal of Baltic Studies. 42. 2011. Nr. 2. C. 189–211.

Asatiani N., Janelidze O. History of Georgia. From Ancient Times to the Present Day. – Tbilisi, 2009.

Assays from the History of Georgia. Abkhazia from ancient times till the present days / Ed. J. Gamacharia, T. Beradze, T. Gvantseladze. – Tbilisi, 2011.

Baberowski J. Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. – München, 2003.

Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. – München–Stuttgart, 2003.

Baberowski J. Zivilisation der Gewalt. Die kulturellen Ursprünge des Stalinismus. – Berlin, 2005.

Baberowski J. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. – München, 2012.

Baberowski J., Doering-Manteuffel A. Ordnung durch Terror. Gewaltexzesse und Vernichtung im nationalsozialistischen und im stalinistischen Imperium. – Berlin, 2006.

Baberowski J., Doering-Manteuffel A. The Quest for Order and the Pursuit of Terror. National Socialist Germany and the Stalinist Soviet Union as Multiethnic Empires // Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared / M. Geyer, S. Fitzpatrick (Eds). – Cambridge, 2009. C. 180–228.

Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? Ein kritischer Rückblick auf die deutsche militärische Intervention im Kaukasus 1918. Teil 1–2 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1970. 18. C. 47–126, 231–278.

Berize M. pirdapiri reportazhebi carsulidan. mesxet'i da mesxebi, 1918–1944 [Прямой доклад из прошлого. Месхетия и месхетинцы, 1918–1944]. – Tbilisi, 2004.

Beyrau D. Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. – Göttingen, 2000.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit. 1917–1918. – Wien u.a., 1992.

Binner R., Bonwetsch B., Junge M. Massenmord und Lagerhaft. Die andere Geschichte des Großen Terrors. – Berlin, 2009.

Binner R., Junge M. Vernichtung der orthodoxen Geistlichen in der Sowjetunion in den Massenoperationen des Großen Terror 1937–1938 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2004. 52. № 4. C. 515–533.

Blauvelt T.R. Abkhazia. Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. № 2. 35. C. 203–232.

Blauvelt T.R. Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery. A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. № 3. 13. C. 78–108.

Blauvelt T. The 'Mingrelian Question': Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe-Asia Studies. 2014. № 6. 66. C. 993–1013.

Blunk H. Die Geburt eines Spielfilms aus dem Geist einer postmodernen Ästhetik. Tengis Abuladzes «Die Reue» (Georgien/UdSSR 1984) // Deutsche Studien. Vierteljahreshefte. 30/1993. H. 119. S. 219–239.

Bolkvaze T. Kartveluri diglosia kartuli salit'erat'uro enis sak'itxebi: ist'oria da tanamedroveba (pirveli k'rebuli) [Грузинская диглоссия, вопросы грузинского литературного языка: история и современность. Первый сборник]. – Tbilisi, 2007.

Č'araia P. Megruli dialekt'is natesaobrivi damok'idebuleba kartultan [Родственная принадлежность мингрельского диалекта к грузинскому] // Moambe. 1895. № X, XII. 1896. № I, II.

Chaqueri C. The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921. Birth of the Trauma. – Pittsburgh–London, 1995.

Cheterian V. War and Peace in the Caucasus. Ethnic Conflict and the New Geopolitics. – New York, 2008.

Chitaşi I. Čquni čhara. Albonişi Supara. Ve Chitaşi'nin diğer yazilari [Наш текст. Азбука (на лазском). И другие тексты Циташи (на турецком)] [*Предисловие В. Фойерштайна*] Laz Kültür Derneği Yayinlari. – Istanbul, 2012.

Christensen J. Tengiz Abuladze's Repentance and the Georgian Nationalist Cause // *Slavic Review*. 50. 1991. С. 163–175.

C'erilebi odzachs [Письма семьи] (1937–1957) / Сост. N. Cichistavi. – Tbilisi, 2011.

Čirko B.V. Die Liquidierung des Systems der nationalen Rayons der Ukraine in den Jahren 1934–1939 // *Deutsche in Rußland und der Sowjetunion 1914–1941* / A. Eisfeld, V. Herdt, B. Meissner (Hrbg). – Berlin, 2007. S. 271–276.

Clogg R. Documents from the KGB archive in Sukhum. Abkhazia in the Stalin years // *Central Asian Survey*. 1994. 14. № 1. С. 155–189.

C'oc'anize G. Tuşuri kronik'ebi. menşevik'uri p'eriodi – samanlebi [Хроники Тушети. Меншевицкий период. Саманы]. – T'bilisi, 2004.

Conquest R. The nation killers. The Soviet deportation of nationalities. – London, 1970.

Cornell S.E. Autonomy as a source of conflict: Caucasian conflicts in theoretical perspective // *World Politics*. 2002. № 2. 54. P. 245–276.

Culture Ministry: Stalin Statue, Removed Three Years Ago, Planned to Be Put in His Museum // *Civil Georgia*. Tbilisi. 30 July 2013 – <http://civil.ge/eng/article.php?id=26319&search=> (20.11.2013).

Dak'arguli ist'oria. Mexsiereba ger'resirebuli kalebis šesacheb [Потерянная история: воспоминания о репрессированных женщинах] / A. Margvelašvili, Irakli Chvadagiani, Giorgi Šaişmelaşvili, David Gogişvili. – Tbilisi, 2012.

Das Jahrhundert des Gedächtnisses. Erinnern und Vergessen in der russischen und sowjetischen Geschichte im 20. Jahrhundert / Сост. H. Haumann, J. Happel, C. Scheide. – Sankt-Peterburg, 2010.

Dauşvili A. Socialuri brdzolis pormebi XX sauk'unis 20-iani c'lebis sakartveloşi (muşata garicvebi) [Формы социальной борьбы 20-х годов в Грузии – протесты рабочих] // *k'lio* (saist'orio almanachi) 2000. № 8. С. 184–206.

Dauşvili A. – T'bilisi 1937. Masobrivi represiebi t'bilisis samrecvelo šromit' kolektivēbši [Тбилиси-1937. Массовые репрессии в промышленных рабочих коллективах в Тбилиси]. – Tbilisi, 1997.

Döninghaus V. Minderheiten in Bedrängnis. Sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938. – München, 2009.

Eagleton W. Jr. The Kurdish Republic of 1946. – London, 1963.

Feurstein W. Der sprachliche Reichtum der Kolchis. Untersuchungen zur süd-kaukasischen Sprache und Kultur der Mingrelier und Lasen. – Freudenstadt, 2007.

Feurstein W. Mingrelisch, Lazisch, Swanisch. Alte Sprachen und Kulturen der Kolchis vor dem baldigen Untergang. – München, 1992.

Flasch K. Warum ich kein Christ bin. München, 2014.

Flasch K. In Richtung Wahrheit. Mit Beiträgen von Freunden und Weggefährten / M. Brauckhoff, U. Jakomeit, M. Junge (Hrsg.). – München, 2014.

Fraenkel E. The Dual State. A Contribution to the Theory of Dictatorship. – New York–London, Toronto, 1941.

Gačėčilaze R. Čemi XX saukune. S'ina saukunis sak'art'velo msop'lio geopolitikisa da istoriis kontek'stši. I tomi [Мой 20 век. Грузия прошлого века в мировом геополитическом и историческом контексте. 1 Том]. – Tbilisi, 2008.

Gachechiladze R. New Georgia. Space, society, politics. – London, 1995.

Gvancelaze T. Enisa da k'ilos sak'itxi kartvelologiaši [Гванцеладзе Т. Вопросы языка в картвелологии]. – Tbilisi 2006.

Galy A. Adapting to Russia's changing approaches to its past: the Western historiography of Stalin and Stalinism – http://www.societies.ncl.ac.uk/shspgf/Ed_7/Galy.pdf (24.11.2013)

Georgian Narratives. A Century and Beyond / M. Tabukashvili (Ed). – Tbilisi, 2013.

Goldman W.Z. Terror and Democracy in the Age of Stalin. The Social Dynamics of Repression. – Cambridge, 2007.

Gorsuch A.E. Youth in revolutionary Russia. Enthusiasts, bohemians, delinquents. – Bloomington, 2000.

Götz R., Halbach U. Politisches Lexikon GUS. – München, 1992.

Gregory P.R. Terror by Quota. State security from Lenin to Stalin. An archival study. – New Haven–London, 2009.

Grigol Vašadzes p'iradi arkivi [Частный архив Г. Вашадзе] / Sakartvelos p'arlament'is ilia č'avč'avazes saxelobis erovnuli. bibliotek'a. – Tbilisi, 2009. (<http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/collect/0001/000562/New%20Microsoft%20Word%20Document.pdf> – 15.07.2013).

Guest J.S. Survival Among the Kurds: The Yezidis. – London–New York, 1993.

Gužėžiani R. Mama besiarioni (nižaraze) [Отец Виссарион (Нижарадзе)] // mest'iisa da zemo svanetis ep'arkiis gazetis [Газета епархии Местии и Верхней Сванетии], 4 ivnisi, 2007.

Gvancelaze T. Merab nač'q'ebia, manana t'abize, guria-samegreelos ep'isk'op'osi grigol dadiani (brgola dedaenisatvis XIX sauk'unis meore naxevarši) [Борьба за родной язык во второй половине XIX века] // svet'icxoveli, 2009, no. 1, gv. 148–162.

Hadjibeyli D. The 1937 Trials of Adzharian Leaders // Caucasian Review. 1959. № 8. С. 21–26.

Haumann H. Blick von innen auf den Stalinismus. Zur Bedeutung von Selbstzeugnissen // Erinnerung an Gewaltherrschaft. Selbstzeugnisse – Analysen – Methoden / H. Haumann (Hrbg.). – Frankfurt a. M., 2010. С. 51–76.

Hedeler W. Sippenhaft im «Großen Terror» 1937–38. Das Akmolinsker Lager für Ehefrauen von Vaterlandsverrätern» (ALZIR) und seine deutschen Häftlinge // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung 2005. С. 81–101.

Hilberg R. Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933–1945. – Frankfurt a. Main, 1997.

Hirsch F. Empire of nations. Ethnographic knowledge & the making of the Soviet Union. – Ithaca, 2005.

Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 44–53.

Hobsbawm E. Nations and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reality. – Cambridge, 1992.

Hovannisian R.G. The Republic of Armenia. I. The first year, 1918–1919. – Berkeley, 1971.

Hroch M. Das Europa der Nationen. Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich. – Göttingen, 2005.

Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe. A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. – Cambridge, 1985.

Iremaschwili J. Stalin und die Tragödie Georgiens. – Berlin, 1932 – <http://iberiana.wordpress.com/about/stalin/> (24.11.2013)

Ismailov E. 1937. «Great Terror» in Azerbaijan // *Caucasus Analytical Digest*. 22. 2010. С. 9–12.

Jones St. Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and Memory in the Georgian Republic // *Memory, History, and Opposition under State Socialism* / R.S. Watson (Ed). – Santa Fe, 1994. С. 149–165.

Jones St. F. Georgian-Armenian relations in 1918 to 1920 and 1991 to 1994. A comparison // *Suny R.G.* Transcaucasia, nationalism, and social change. Essays in the history of Armenia, Azerbaijan, and Georgia. Ann Arbor MI, 1996. P. 441–460.

Jones St. Georgia. A Political History Since Independence. – London, 2013.

Junge M. Massenverfolgungen und dogmatischer Import // *Totalitarismus und Demokratie*. 2011. № 1. С. 77–98.

Junge M. Der Trojkasekretär im Regions- und Gebietszentrum // *Binner R., Bonwetsch B., Junge M.* Massenmord und Lagerhaft. Die andere Geschichte des Großen Terrors. – Berlin, 2009. С. 413–417.

Kartuli sabč'ota encik'lop'edia [Georgische sowjetische Enzyklopädie]. Tom 8. – Tiflis, 1984.

Kavtaradze L. 28 c'eli gulagši [28 лет в ГУЛАГе]. – Tbilisi, 2008.

Kershaw I. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. – Hamburg 1999.

Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissens in the Third Reich. Bavaria 1933–1945. – Oxford 1983.

Kikodze G. Notes of a Contemporary Man. – Tbilisi 1989.

Kikodze G. Tanamedrov'is čanac'erebi – Notes of a Contemporary Man. – Tbilisi, 2003.

Klimov G.A. Einführung in die kaukasische Sprachwissenschaft. Hamburg, 1994.

Knight A.W. Beria. Stalin's first lieutenant. – Princeton, 1993.

Kuhr C. Kinder von «Volksfeinden» als Opfer des stalinistischen Terrors 1936–1938 // *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte* / St. Plaggenborg (Hrsg). – Berlin, 1998. С. 391–418.

Kuniholm B.R. The origins of the Cold War in the Near East. Great power conflict and diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. – Princeton, 1980.

Kurchuli A. Da rom gachsovdes [...сим вспоминаю]. – Tbilisi, 2004 – http://87.253.48.48/arch/avtandil_qurxuli.php (07.01.2013).

Kuromiya H. Accounting for the Great Terror // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 53. 2005. № 1. С. 86–101.

Labaze M. Rogor c' aišala St'alinis «avt'onomizacii» gegma [Как рухнул сталинский план «автономизации»] // *Gza* 30. Мая 2013 г. №. 22. С. 52–55.

Lak'oba S. History: 1917–1989 // *The Abkhazians* / G. Hewitt (Ed.). – Richmond–Surrey, 1999. С. 89–101.

Lang D.M. A Modern History of Georgia. – London, 1962.

Leimon A. Without a “Concept”? Race as Discursive // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 54–61.

Maisuradze G. Čak'et'ili sazogadoeba da misi daražebi [Закрытое общество и его охранители]. – Tbilisi, 2011.

Maisuradze G. Dakarguli kontek'sti [Утраченные контексты] *Maisuradze G.* – Tbilisi, 2012.

Maisuradze G. Aporien forciertes Modernisierung: Figurationen des Nationalen im Sowjetimperium – <http://www.zfl.gwz-berlin.de/forschung/europaeische-kulturgeschichte/aporien/> (31.01.2013).

Maisuradze G. Patriotismus als Religion // *Cxeli šok'oladi*. 49. 2009. С. 86–96.

Maisuradze G. Gemeinschaft und Gesellschaft // *Cxeli šok'oladi*. 50. 2009. С. 90–98.

Maisuradze G. Vom Pantheon zum Pantheon // *Cxeli šok'oladi*. 53. 2009. С. 88–96.

Manukian A. [Political repressions in Armenia in 1920–1953]. – Yerevan, 1999. (Armenisch).

Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*. 70. 1998. № 4. С. 813–861.

Martin T. Modernization or neo-traditionalism? Ascribed nationality and Soviet primordialism // Fitzpatrick Sh. (ed.). *Stalinism: New Directions*. – London, 1999. С. 348–367.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca, 2001.

McFarland S.L. A Peripheral View of the Origins of the Cold War: The Crises in Iran, 1941–47 // *Diplomatic History*. 4. 1980. № 3. С. 333–351.

Melkonian E. Repressions in 1930s Soviet Armenia // *Caucasus Analytical Digest*. 22. 2010. С. 6–8.

Mgaloblišvili M. 1937 – rep'resirebulis mogonebebi [1937 – воспоминания репрессированного] [С предисловием М. Антадзе о жизни автора]. – Tbilisi, 1990.

Mit'rop'olot' I anania Žaparize, kartuli samocikulo ek'lesiis ist'oria [История Грузинской Православной Церкви]. t'omi I–IV. – Tbilisi, 1976–2003.

Mick Ch. Die Ethnisierung des Stalinismus // *Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert* / J. Baberowski (Hrsg.). – Bonn, 2006. С. 145–173.

Montefiore S.S. Young Stalin. – London, 2007.

Müller D. Ethnische Gruppen in der Republik Georgien // Zeitschrift für Türkeistudien 1995. № 1. С. 5–50.

Müller D. Sowjetische Nationalitätenpolitik in Transkaukasien 1920–1953. – Berlin, 2008.

Naimark N. Stalin's Genocides. – Princeton–Oxford, 2010.

Nekrich A.M. The punished peoples. The deportation and fate of Soviet minorities at the end of the Second World War. – New York, 1978.

Northrop D. Hujum. Unveiling campaigns and local responses, Uzbekistan 1927 // Provincial landscapes. Local dimensions of Soviet power, 1917–1953 / B.J. Raleigh (Ed). – Pittsburgh, 2001.

Pinkus B. The Soviet Government and the Jews. 1948–1967. A documented study. – Cambridge, 1984.

Plum G. Widerstand und Resistenz // Das Dritte Reich. Herrschaftsstruktur und Geschichte / M. Broszat, H. Möller (Hrsg). – München, 1983.

Pohl J.O. Ethnic cleansing in the USSR, 1937–1949. – Westport CT, 1999.

Putkaradze T., Dadiani E., Serozia R. European Charter for Regional or Minority Languages and Georgia. – Kutaisi, 2010 <http://www.scribd.com/doc/35702700/Tariel-Putkaradze-Eka-Dadiani-Revaz-Serozia-2010>.

Putkaradze T. Some Aspects of the Geopolitical Strategy of Georgia (On Politicization of the Kartvelological Studies) // <http://www.scribd.com/doc/9100139/Tariel-Putkaradze-Some-Aspects-of-the-Geopolitical-Strategy-of-Georgia>.

Put'karadze T. Tanamedrove kartvelta enobriv-etnik'uri ac'era «msoplios enata reest'ris» michedvit da arsebuli sinamdville [Языково-этническое описание современных грузин по «Реестру языков мира» (inguarium.iling-ran.ru) и существующая реальность] // <http://www.scribd.com/doc/14098229/Putkaradze-Msoflios-EnaTa-Reestri-Da-Sakartvelo>.

T'. Ia vašak'ize, kartvelologiis orgvari dagegmva 1917–1935 c'lebsi [Двойное планирование картвелистики в 1917–1935 гг.]. – Tbilisi, 2011.

T'. Kartvelebi [Грузины]. – Kutaisi, 2005.

T', Nak'ani N. Svanebi salit'erat'uro enisa da svanuri met'q'velebis šesaxeb (kartelta erovnuli-enobrivi tvitmik'utnebulobis sak'itxi) [Сваны о литературном языке и сванской разговорной речи] // Kartuli. 2001, no.7

Reisner O. Between State and Nation. The Debate about «Ethnicity» in Georgian Citizens' ID Cards // Exploring the Caucasus in the 21th Century. Essays on Culture, History and Politics in a Dynamic Context / F. Companjen, L. Marác, L. Versteegh (Eds). – Amsterdam, 2010.

Reisner O. Zur Geschichte des Begriffs «eri» in der modernen georgischen Historiographie // Georgica. 35. 2012. С. 62–77.

Reisner O. Integrationsversuche der muslimischen Adscharer in die georgische Nationalbewegung // Caucasia between the Ottoman empire and Iran. 1555–1914 / Hg. von R. Motika, M. Ursinus. – Wiesbaden, 2000. С. 207–222.

Rittersporn G.T. Extra-Judicial Repression and the Courts: Their Relationship in the 1930s // Reforming Justice in Russia, 1864–1996. Power, Culture, and the Limits of Legal Order / P.H. Solomon (Eds). – New York, 1997.

Sakartvelos p'arlament'is ilia čavčavadzes sačelobis erovnuli bibliotek'a [Национальная библиотека парламента Грузии им. Илья Чавчавадзе: Частный

архив Григория Вашадзе]. – Tbilisi, 2009. <http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/collect/0001/000562/New%20Microsoft%20Word%20Document.pdf> – 15.07.2013

Šamilišvili M. Ač'ara da kartveli sazogado moghvac'eni. [Аджарские и грузинские общественные деятели] // Macne. Enisa da lit'erat'uris seria. 1990. № 3. С. 40–54.

Savin A./Hedeler W. Die Deutschen in der UdSSR – eine «fünfte Kolonne?». Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU. // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (IWK) 42. 2006. 2–3. С. 305–324.

Service R. Stalin. A Biography. – London, 2004.

Shearer D. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. – New Haven–London, 2009.

Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. – Washington D.C., 1996.

Shnirelman V.A. The value of the past. Myths, identity and politics in Transcaucasia. – Osaka, 2001.

Simon G. Juden in der Sowjetunion. Von der Emanzipation in den 1920 Jahren zur Verfolgung in der späten Stalinzeit // Jüdische Welten in Osteuropa / Hg. von A. Engel-Braunschmidt, E. Hübner. – Frankfurt a. M., 2005. С. 85–100.

Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage // Osteuropa. 63. 2013. № 5–6. С. 108–124.

Simonsen S.G. Inheriting the Soviet Policy Toolbox. Russia's Dilemma over Ascriptive Nationality // Europe-Asia Studies. 1999. 51. С. 1069–1087.

Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist state Promoted Ethnic Particularism // Soviet Review. 1994. 53. С. 448.

Smith E.E. The Young Stalin. The Early Years of an Elusive Revolutionary. – London, 1968.

Snyder T. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. – New York, 2010.

Songhulaschwili A. Die Deutschen in Georgien. – Tiflis, 1997.

Sonyulašvili A. Int'eligencia da p'olit'ik'a XX sauk'unis 20–30-iani c'lebis sakartveloši [Интеллигенция и политика в 1920-е–1930-е годы в Грузии] // K'lio (saist'orio almanachi). 2000. № 8. С. 158–183.

Sonyulašvili A. Sakartvelos “sabčota p'eriodis» ist'oriis p'roblemebi [Проблемы истории «советского периода» Грузии] // K'lio (saist'orio almanaxi). 2000. № 9. С. 109–136.

Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation / C. Kuhr-Korolev, St. Plaggenborg, M. Wellmann (Hrsg.). – Essen, 2001.

Suny R. The making of the Georgian nation. – Bloomington, 1988.

Suny R. Beyond Psychohistory: Young Stalin in Georgia // Slavic Review. 50. 1991. P. 48–58.

Suny R. The Making of the Georgian Nation. – Bloomington, 1994.

Stalins Heimatstadt Gori erhält dessen Denkmal wieder – <http://de.ria.ru/society/20130730/266580114.html> (16.10.2013)

T'abize M. Enobrivi sit'uacia sakartveloši da kartuli enis punkcionirebis sak'itxebi [Языковая ситуация в Грузии и вопросы функционирования грузинского языка]. – Tbilisi, 2005.

T'abize M. Enobrivi p'olit'ik'is teoria da p'rakt'ik'a, sakartvelos sap'at'riarkos c'minda andria p'irvelc'odebulis saxelobis kartuli universit'et'i, huma-

nit'arul mecnierebata pak'ult'et'is šromebi, gamomcemloba "kartuli universit'et'i [Теория и практика языковой политики. Грузинский университет им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии. Труды факультета гуманитарных наук] *T'abize M.* Tbilisi, 2014.

T'abize M. Saxeimc'ipo enis st'at'usis dacva: evrop'uli gamocdileba da sakartvelo [Защита статуса государственного языка: Европейский опыт и Грузия] // *Kartvelologiis akt'ualuri p'roblemebi.* 2013. No. 2. C. 144–156.

T'abize M. Nachkebia M. Complex Analysis of Linguistic Situation and Linguistic Legislation of Post-war Abkhazia (1993–2012) // <http://sangu.ge/images/mtabiudze.pdf>.

The Psychology of Extreme Traumatization. The Aftermath of Political Repression (Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania) / D. Gailienė (Ed). – Vilnius, 2005.

Totadze A. The population of Abkhazia / The Ossets in Georgia. – Tbilisi, 1994.

Trier T., Lohm H., Szakonzi D. Under Siege. Inter-Ethnic Relations in Abkhazia. – London, 2010.

Trotsky L. Stalin – An Appraisal of the Man and his Influence. – London, 1940 – <http://www.marxists.org/archive/trotsky/1940/xx/stalin/ch01.htm>

Wellmann M. Zwischen Militanz, Verzweiflung und Disziplinierung. Jugendliche Lebenswelten in Moskau, 1920–1930. – Basel, 2005.

Weiner A. Nothing but Certainty // *Slavic Review.* 61. 2002. № 1. C. 44–53;

Weitz E.D. Century of Genocide. Utopias of Race and Nation. – Princeton, 2003.

Weitz E.D. Racial Politics without the Concept of Race. Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review.* 61. 2002. № 1. C. 1–29.

Weitz E.D. On Certainties and Ambivalencies. Reply to my Critics // *Slavic Review.* 61. 2002. № 1. C. 62–65.

Wimbush S.E., Wixman R. The Meskhetian Turks: A New Voice in Central Asia // *Canadian Slavonic Papers.* 27. 1975. № 2 & 3. C. 320–340.

Wixman R. The peoples of the USSR. An ethnographic handbook. – London, 1984.

Zarusky J. Rezension zu *Baberowski J., Doering-Manteuffel A.* Ordnung durch Terror. Gewaltexzess und Vernichtung im nationalsozialistischen und stalinistischen Imperium. – Bonn, 2006 // *H-Soz-u-Kult.* 13.03.2007 <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2007-1-170>.

Zarusky J. Politische Justiz unter Stalin im Umbruchjahrzehnt 1928–1938 // *Totalitarismus und Demokratie.* 2011. № 1. C. 53–76.

Zürcher Ch. The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict and Nationhood in the Caucasus. – New York–London, 2007.

Марк Юнге, Даниель Мюллер

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ГЛОССАРИЙ

- Абазины – один из народов Кавказа, принадлежащий к группе абхазо-адыгских народов
- Аварцы – один из многочисленных коренных народов Кавказа, исторически проживающий в Нагорном Дагестане, Восточной Грузии и Северном Азербайджане. Крупнейшая национальность в Дагестане, говорящая на восточно-кавказском языке
- АГООР – Ассоциация греческих общественных объединений России
- Аджарцы – частично тюркизированный грузинский субэтнос на юго-западе Грузии в Аджарии. В исследуемый период 1937–1938 гг. в подавляющем большинстве были мусульманами-суннитами
- Айсоры; ассирийцы – семитский народ, происходящий от древнего населения Передней Азии. На Кавказе представлены арамейскоязычными иммигрантами, прежде всего из Ирана
- Аланы – ираноязычное племя, предки современных осетин
- «Альбомы» – перечни осужденных, в которых указывались биографические данные и совершенное «преступление». «Альбомы» визируются региональной двойкой и отсылались в Москву для утверждения меры наказания Большой (Высшей) двойкой
- АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников Родины
- АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
- Ашкенази, ашкеназим – европейские евреи
- Бахаи (бахаизм; бехаизм) – одна из молодых религий откровения, основана Бахауллой (1817–1892). Всемирный центр находится в Хайфе
- Бацбийцы (цова-тушины) – православный народ южного склона Большого Кавказского хребта, родственник чеченцам и ингушам. Говорят на бацбийском языке (один из восточно-кавказских языков, близкий чеченскому). Бацбийцы были в значительной степени огузинены. Проживают совместно с грузинами-тушинами, также говорят на грузинском языке (билингва), тесно связаны с тушинами в культурном, социальном и политическом отношениях.

- Бек, бег, бей, бий (тюрк. бәу, бэй, бек) – князь, властитель, господин; синоним арабского «эмир»
- БОЗ – без определенных занятий
- БОМЖ – без определенного места жительства
- ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
- ВК – Военная Коллегия
- ВМН – высшая мера наказания (расстрел)
- ВС – Верховный суд
- ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
- Горсовет – городской совет
- ГПУ – Государственное политическое управление
- Грузмеки – грузинские меньшевики
- Грузнефть – Грузинская нефтяная компания
- ГССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика
- ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
- ГУЛАГ – Главное управление лагерей
- Гурийцы – христианский субэтнос грузин на юго-западе Грузии
- Д. – дело
- Дашнаки – члены Армянской революционной федерации Дашнакцутюн
- Дигорцы – мусульманские осетины, жители Северной Осетии
- Дорком – дорожный комитет
- ДССР – Договорная Советская Социалистическая Республика
- ДТО – дорожно-транспортный отдел
- Духоборы, духоборцы – этноконфессиональная группа, идейно близка к английским квакерам. В 1840-х годах духоборы неоднократно подвергались насильственному переселению в Закавказье
- Езиды – группа немусульманских курдов
- Занский – лингвистическое обозначение общего праязыка для мингрельского и лазского языков, которые разделились всего несколько столетий назад. В новейшей картвелологии мингрельский и лазский языки отчасти также рассматриваются как диалекты занского языка
- ЗакВО – Закавказский военный округ
- ЗакГПУ – Закавказское Государственное политическое управление
- ЗакСНК – Закавказский Совет народных комиссаров
- ЗКВ ж. д. – Закавказская железная дорога
- ЗКК – Закавказский краевой комитет
- Имеретинцы, имеретины – христианский субэтнос грузин в западной части Грузии
- Ингилойцы – мусульманский субэтнос грузин на северо-западе Азербайджана

- Ингуши – вайнахский народ, исторически проживающий на Северном Кавказе. Коренное население Ингушетии
- Исполком – исполнительный комитет
- ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
- Кабардинцы – субэтническая группа черкесов
- Карачаевцы – тюркоязычный народ на Северном Кавказе
- Караимы (караи), на иврите – караим, на русском – караимы – этническая группа, происходящая от тюркоязычных последователей караимизма. Караимы проживали преимущественно в Крыму, а не в Грузии, где их численность была минимальной
- Карелы (карельцы) – финно-угорский народ
- Картвельские языки – семья языков, распространенных на Южном Кавказе, в основном на территории Грузии
- Кахетинцы – субэтническая группа грузин в Восточной. Христиане
- КГБ – Комитет государственной безопасности
- Кисты (кистины) – мусульманская группа чеченцев и ингушей в Грузии
- Коминтерн – Коммунистический Интернационал
- КП(б) – Коммунистическая партия (большевиков)
- Кр. Крест – Красный Крест
- Культпроп – отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б)
- Лазы – мусульманский этнос на Южном Кавказе. Лазы говорят на лазском языке, родственном мегрельскому (мингрельскому) языку, но в отличие от мегрелов (мингрелов) являются мусульманами – суннитами и в культурном отношении находятся под сильным турецким влиянием
- Лезгины – вторая по величине национальность в Дагестане, также представленная в Азербайджане. Слово «лезгины» часто используется как собирательное название для дагестанцев
- Мџџа Мигусџи («Красная звезда») – лазскоязычная газета в Абхазии
- Мегрелы (мингрелы) – субэтническая православная группа грузин в западной части Грузии
- Месхетинцы – в значительной степени тюркизированный субэтнос грузин на юго-западе Грузии, или, соответственно, мусульманское население региона, который Османская империя в 1829 г. уступила России. Последовательно назывались как «татары», потом «тюрки» и в конечном итоге – «турки». Термин «турки-месхетинцы» возник только в ходе депортации 1944 г.
- МВД – Министерство внутренних дел
- МТС – машинно-тракторная станция
- Молодые марксисты – юношеская организация меньшевиков
- Молокане – особая религиозная и этнографическая группа русских
- Мордва – финно-угорский народ

Мулла – знаток и служитель мусульманского культа

Мусаватисты – члены азербайджанской националистической партии
Мусават

Мухаджир – в буквальном переводе с арабского означает «переселенцы» или «эмигранты»

НАГ – Национальный архив Грузии

Нач. – начальник

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление

Оп. – описание

ОПЕРУП – оперуполномоченный

ОУР – отдел уголовного розыска

ПОВ – Польская организация войсковая

ППС – Польская социалистическая партия

ПП – полномочный представитель

Пшавы – этнографическая группа грузин в Восточной Грузии. Христиане

предЦИК – председатель Центрального Исполнительного Комитета

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РИК, райисполком – районный исполнительный комитет

РКМ – Рабоче-крестьянская милиция

РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)

РО – районное отделение, отдел

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

Сваны – православный субэтнический народ грузин

СВЭ – социально-вредный элемент

Седай Миллет – газета, издававшаяся в Батуми (Аджария) в 1920 г., притдерживалась протурецкой ориентации

Сельсовет – сельский совет

Сирийцы восточные – исповедуют христианство в различных вариантах, как то: марониты, православные, яковиты, грекокатолики, несториане и протестанты

СНК – Совет Народных Комиссаров

Совнарком – см. СНК

Социалисты-федералисты – грузинская партия, основанная в 1903 г. и выступавшая за национальную автономию Грузии

ССР – Советская Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Сунниты – наиболее многочисленное направление в исламе

- ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
- Титульная нация – часть населения государства или субъекта федерации, национальность которой определяет название данного государства/субъекта федерации
- Тушинцы – субэтнический народ грузин в северо-восточной части Грузии. Христиане
- Тюрки – азербайджанцы, которые в начале XX века назывались «татарами», а с 1920-х годов – «тюрьками»
- УГБ – Управление государственной безопасности
- УК – Уголовный кодекс
- УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел
- УРКМ – Управление рабоче-крестьянской милиции
- Урум – туркоязычные греки
- УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
- Ф. – Фонд
- Хамшен – город и округ в провинции Ризе в Турции. Амшенцы являются частично отуреченными армянами мусульманского вероисповедания, их этногенез схож с этногенезом аджарцев (исламизированных грузин), только исходным в данном случае был армянский субстрат
- Харбинцы – русские жители г. Харбина, с 1935 г. реэмигранты из Китая в СССР
- Хевсуры – христианский субэтнос грузин в северо-восточной части Грузии
- Ходжа – кожа (каз. кожа, узб. Hojalar) – в Средней Азии человек, ведущий свое происхождение от арабских миссионеров ислама «Хой-Бун» (курд. Хоубûn, «независимость») – Курдский национальный комитет, создан в 1927 г.
- Худжум (араб.: наступление) – движение за раскрепощение женщин-мусульманок; включало массовое снятие паранджи
- ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
- ЦИК Центральный Исполнительный Комитет
- ЦК – Центральный Комитет
- ЧК – см. ВЧК
- Чекист – сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ
- Черкесы – адыгский народ на Северном Кавказе
- Чуваши – народ тюркского происхождения, коренное население Чувашской республики (Россия)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авалишвили Леван (Levan Avaliṣvili), докторант кафедры гуманитарных наук Тбилисского Государственного Университета.

Основные публикации: *Foreign political propaganda of the USA and the USSR in the beginning of the Cold War // Annual Journal of the Faculty of Modern and Contemporary History of Europe and America*. Tbilisi, 2004. С. 51–59; *The Akhmeteli Case. Political repressions in Georgia // The Archival Bulletin*. 2008. № 1. С. 37–44 (в соавторстве с Г. Клдиашвили); *The «Great Terror» of 1937–1938 in Georgia: Between the Two Reports of Lavrentiy Beria // Caucasus Analytical Digest*. 2010. № 22. С. 2–6.

Бонвеч Бернд (Bernd Bonwetsch), проф., д-р. фил., поч. д-р. Кемеровского и Харьковского ун-тов. 2003–2009 гг. – директор-основатель Германского исторического института в Москве.

Основные публикации: *Военный союз и экономические интересы. Россия в экономических планах Англии и Франции в первую мировую войну*. Дюссельдорф, 1972 (на нем. языке); *Российская революция 1917 года. Социальная история от падения крепостного права до октябрьского переворота*. Висбаден, 1991 (на нем. языке); *Корея – забытая война? Военный конфликт на корейском полуострове 1950–1953 годов в международном контексте*. Мюнхен, 2012 (соавтор и ред. М. Ул) (на нем. языке).

Джуха Иван Георгиевич (Ivan Džucha), кандидат географических наук, доцент. Руководитель проекта «Греческий мартиролог». Геленджик, Россия.

Основные публикации: *Как это было на Кубани. Репрессии против греков Краснодарского края*. СПб., 2013; *Книга Памяти греков Краснодарского края. Жертвы греческой операции НКВД 1937–1938 гг. (Составление, вступительная статья)*. СПб., 2013; *Одиссея мариупольских греков. Очерки истории*. М., 2013.

Клдиашвили Гиоргий (Giorgij Kldiašvili), докторант кафедры гуманитарных наук Тбилисского Государственного Университета.

Основные публикации: *The Akhmeteli Case. Political repressions in Georgia // The Archival Bulletin*. 2008. № 1. С. 37–44 (совместно с Л. Авалишвили).

Канделаки Дали (Dali Kandelaki), ассоц. профессор Департамента истории России при научно-преподавательском институте Русистики Гуманитарного факультета Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, доктор исторических наук.

Основные публикации: Вопросы взаимоотношений Грузии и России в свете немецких источников. II половина XVIII века – I половина XIX века. Тбилиси, 2003. (на груз. языке); Сведения европейцев о Кавказе. Тбилиси, 2009. (на груз. языке); Путешествие по Грузии Генриха Теодора Веле. Тбилиси, 2010 (на груз. языке; Предисловие – на грузинском и немецком языках).

Мюллер Даниель (Daniel Müller), кандидат исторических наук, директор программы для кандидатов гуманитарных и общественных наук Технического университета Дортмунд.

Основные публикации: Die Armenier in den Kreisen Džebrail', Šuša und Dževanšir des Gouvernements Elizavetpol' nach den amtlichen «Familienlisten» von 1886 // Osmanismus, Nationalismus und der Kaukasus. Muslime und Christen, Türken und Armenier im 19. und 20. Jahrhundert / F. Adanır, B. Bonwetsch. Wiesbaden, 2005. С. 65–83; Sowjetische Nationalitätenpolitik in Transkaukasien 1920–1953. Berlin, 2008; Besetzte Kaukasus-Gebiete // Handbuch zum Widerstand gegen Nationalsozialismus und Faschismus in Europa 1933/39 bis 1945 / G.R. Ueberschär (Hrsg). Berlin–New York, 2011. С. 235–241.

Райснер Оливер (Oliver Reisner), кандидат исторических наук, проектный менеджер при делегации Европейского Союза в Грузии, преподает историю Грузии и Кавказа в грузинских университетах.

Основные публикации: Die Schule der georgischen Nation. Eine sozialhistorische Untersuchung der nationalen Bewegung in Georgien am Beispiel der «Gesellschaft zur Verbreitung der Lese- und Schreibkunde unter den Georgiern» (1850–1917). Wiesbaden, 2004; Die Nationalisierung der Religion in der Orthodoxen Apostolischen Kirche Georgiens – Begünstigung oder Hindernis im Demokratisierungsprozess? // Religiöse Akteure in Demokratisierungsprozessen. Konstruktiv, destruktiv und obstruktiv / J. Leininger. Wiesbaden, 2013. С. 149–190 (совместно с Pamela Jawad) Zur Geschichte des Begriffs eri in der modernen georgischen Historiographie // Georgica. 2012. № 35. С. 62–77; Die Erforschung Kaukasiens im Zarenreich und der frühen Sowjetunion – Der Wandel von Interessen und Konzepten in den Regionalwissenschaften // Russlands imperiale Macht. Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive / B. Pietrow-Ennker (Hrsg). Wien–Köln–Weimar, 2012. С. 179–208.

Фойерштайн Вольфганг (Wolfgang Feurstein), кандидат исторических наук. Внештатный преподаватель Восточного семинара (отделение христианского Востока) Университета Тюбинген.

Основные публикации: Lazuri Alfabe. Entwurf eines lazischen Alphabetes. Parpali 1. Schriftenreihe zur lazischen Sprache und Kultur. Gundelfingen, 1984; Mingrelisch, Lazisch, Swanisch. Alte Sprachen und Kulturen der Kolchis vor dem baldigen Untergang // *Caucasian Perspectives* / G. Hewitt (Hrsg). Unterschleissheim /München, 1992, S. 285–328; Der sprachliche Reichtum der Kolchis. Untersuchungen zur südkaukasischen Sprache und Kultur der Mingrelier und Lasen. Freudenstadt, 2007.

Юнге Марк (Marc Junge), доктор исторических наук, сотрудник интитута истории Рурского университета в Германии.

Основные публикации: Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008 (в соавторстве с Р. Биннером и Г. Бордюговым); Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Советском Союзе. Образование, развитие, ликвидация (1921–1935). М., 2015; *Stalin's Mass Repression and the Cold War Paradigm*. New York, 2016.

БЛАГОДАРНОСТИ

Все участники проекта выражают свою глубокую благодарность и искреннюю признательность Фонду Фольксвагена (Volkswagen-Stiftung) за его великодушную поддержку и способность небюрократическим путем решать возникавшие проблемы. Авторы также благодарят директора Архива МВД Грузии Омара Тушурашвили. Вместе со своими опытными коллегами Додо Порфиоровной Багатурия и начальником Второго отдела архива Иваном Энверовичем Джахуа он в ходе проекта выявил уникальные документы, а также мастерски устранил все организационные трудности. Нашу искреннюю признательность заслужили также сотрудницы и сотрудники Первого отдела Архива МВД Грузии: Виктория Ивановна Хавтаси – за труд и терпение, которое она проявила в подготовке документов к публикации; Лали Гивиевна Эхвая – за ее неустанную готовность снабжать нетерпеливых историков все новыми и новыми материалами; Нана Григалишвили и Давид Алавердашвили – за их умение находить эффективные решения различных формально-правовых и даже человеческих проблем. Ирма Лагидзе расшифровала интервью. Ирма Лагидзе расшифровала и перевела интервью. Также необходимо упомянуть Еку Кухалашвили, которая была настоящим сердцем проекта с грузинской стороны. Она с помощью Георгия Бабуцашвили и Георгия Мецховришвили принимала участие в статистической обработке настоящего издания и всего проекта. Академия полиции МВД Грузии сделала со своей стороны все, чтобы облегчить осуществление проекта. Научным ассистентом немецких участников проекта являлся в Грузии Давид Джишкариани. Он принимал участие в проведении интервью с жителями Хашми. Благодарим также Дали Кандаки, которая была грузинским партнером проекта.

Александр Малышев, Лиза Хофман, Катарина Вернинг, Карин Юнге и Вильгельм Юнге внесли свой весомый вклад в осуществление проекта, выполнив обширную редакторскую работу. Нугзару Одишвили удалось в ходе одного из интервью получить важную информацию о жертвах Большого террора в Грузии. Андрей Савин и Алексей Тепляков устранили из рукописи ряд фактических ошибок и вместе с Еленой Рудь исправили книгу.

В заключение немецкие участники проекта хотели бы выразить свою благодарность Ноне Гадилая за ее гостеприимство и радушие.

Марк Юнге, Бернд Бонвеч

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абакелия И.К. – 162
Аббас А.Г. оглы – 315
Абдаладзе В.Т. – 162
Абдул Гамид II – 237, 354
Абрамия-Микадзе Р. – 23
Абрамов А.П. – 162
Абуладзе Т. – 16
Авалишвили Л. – 55, 160, 169, 219, 349,
498, 518, 519, 527, 624
Авалишвили Ш.Г. – 163
Ага Махмад Хан – 445
Агабеков Г.С. – 366, 604
Аделханова Ю. – 483
Адибеков Г.М. – 605
Азаров Д.Е. – 163
Азеф Е. – 37
Алавердашвили Д. – 627
Алалидзе Т. – 558
Алания Ш.К. – 163
Александр III – 412
Алексанян Я.М. – 163
Алексеев Н.Д. – 163
Алемасов А.М. – 79
Алиморданов С.А.З. – 191
Алиханов Х.К. – 163
Амашукели А.Д. – 163
Амиров – 298
Амоев С. – 296
Андрус В.Е. – 161
Аннинский Л. – 37, 607
Анчабадзе Г. – 19, 27, 38, 434, 487, 500,
509, 513, 519, 521, 527, 550
Апельт Ю.Х. – 205
Арвеладзе Б. – 362, 606
Ардзинба В. – 431
Арешидзе В.И. – 161
Арчвадзе Н.П. – 137, 160, 163
Асланикашвили – 571
Асланишвили А. – 412
Ахалаи Г. – 467

Ахвледзиани Н. – 561
Ахметели С. – 19
Ачугба Т.А. – 347, 354, 603
Ашуба Д.М. – 260
Ашхацава – 495

Б

Бабалашвили И.П. – 545, 607
Баберовски Й. – 39, 212–217
Бабуцашвили Г. – 349, 627
Багапш М.Р. – 260
Багатурия Д.П. – 627
Багиров М.Д.А. – 546, 609
Багиров Ч.Б. – 364
Баграмян И.Х. – 362, 606
Бадридзе Ш. – 37
Байрамов А.А. оглы – 240, 242, 355
Бакаев Т.Х. – 607
Балибар Э. – 372
Бастанжиев А.Ш. оглы – 364
Бастанжиев Ш.И. оглы – 293, 294, 364
Бахтадзе М. – 39, 607
Баштаков Л.Ф. – 139, 163
Беднарек С. – 52, 159, 605
Беленкин Б. – 160
Бёлль Г. – 23, 24
Бельский Л.Н. – 164
Бемльер Р.А. – 205
Бердзенишвили Н. – 502
Берия Л.П. – 15, 16, 19, 22, 25, 31, 36, 37,
40, 43, 47, 51, 62, 63, 70, 71, 79, 83, 84,
117, 118, 133, 134, 139, 145, 149, 152,
161, 210, 224, 226, 227, 234, 237, 241,
241, 242, 265, 266, 352, 353, 355, 360,
361, 378, 409, 411, 412, 418, 419, 426,
428, 429, 450, 452, 460, 473, 486, 496,
501, 546, 579, 589, 599, 604, 605, 606
Беруашвили Н.А. – 451
Билокин С. – 545, 607
Биннер Р. – 50–52, 60, 84–88, 112, 113,
158, 164, 349, 606, 608–610, 626
Бисмарк О. фон – 413, 434

Блауvelt Т. – 359, 375, 412, 470–475, 498, 548
 Бобуля К.Г. – 202, 206
 Бовуар С. де – 539
 Богуславский С.И. – 176
 Бокарев Е.А. – 351, 356, 544, 608
 Бонвеч Б. – 15, 36, 52, 60, 86, 87, 112, 157, 158, 164, 347, 349, 375, 456, 470, 476, 480, 481, 488, 491, 497, 499, 506, 512, 513, 519–528, 531, 538, 541, 545, 548–550, 555, 595, 609, 610, 624, 627
 Бордогов Г.А. – 51, 84, 86, 158, 161, 607, 610, 626
 Бордогов Д.Г. – 50, 84, 86, 158, 470, 476, 483, 521, 531
 Борисенко Е. – 371, 607
 Борисов Л.В. – 157, 605
 Бочоридзе В. – 584
 Бразильяк Р. – 539
 Брандес Д. – 51, 609
 Броев Р.М. – 364, 607
 Броев Т.М. – 364, 607
 Бугай Н.Ф. – 347, 355, 364, 607
 Бурдули Е. – 579
 Бухарин Н.И. – 91, 112, 428, 610

В

В'ятрович В. – 52, 159, 605
 Вайнер А. – 214
 Вайтц Э. – 214, 215, 347, 348, 370, 372
 Ванилиши З. – 353, 355
 Ванилиши М. – 233–235, 241, 242, 353, 355
 Вардзелашвили Г.Я. – 585, 586
 Вардзелашвили Д.Г. – 585
 Вардзелашвили И. – 561, 575
 Вардзелашвили М. – 568
 Вардзелашвили Ш. – 561, 575, 590
 Вардзелашвили Ш.Г. – 585
 Вардзелашвили-Начхаташвили М.Д. – 585
 Вардосанидзе С. – 469
 Ватлин А.Ю. – 51, 52, 607
 Вахушти, принц – 266
 Вацек И.П. – 170, 203
 Вачнадзе М. – 39, 607
 Вашадзе Б. – 22
 Вашадзе Г. – 21, 22, 39, 613, 617
 Вернинг К. – 627
 Верт Н. – 52, 604
 Вильсон В. – 383, 390
 Винер – 180
 Винкель А.В. – 205

Волков М.А. – 175, 203, 204
 Волковская В.А. – 164
 Воннебергер Г.Г. – 183
 Восторгов И. – 466
 Врангель П.Н. – 477
 Высоцкий В. – 373
 Вышинский А.Я. – 46, 134, 148, 154, 167, 169, 172, 174, 175

Г

Габдия Е.С. – 259, 260
 Гаджиев Б.Б. оглы – 315, 316
 Гаджиев Г.М. оглы – 316
 Гадилая Н. – 627
 Гамахария Д. – 375, 377, 379, 381–384, 387–389, 391–404, 435, 436, 438, 467, 471, 493, 500, 514, 516, 517, 519, 527, 541, 544, 606
 Гамсахурдия К. – 548
 Гатагова Л.С. – 370, 606
 Гачечиладзе Р. – 20
 Гвазава С.П. – 164
 Гванцеладзе Т. – 443, 613
 Гваришвили О. – 26, 42, 607
 Гвасалия – 495
 Гегель Г.В.Ф. – 422, 424
 Гелашвили Н. – 486, 504, 506, 508, 509, 517, 518, 528
 Геловани К.О. – 180, 204
 Генлейн К. – 431–433
 Гигинейшвили И. – 547, 607
 Гитлер А. – 433, 496
 Глаудан М.С. – 191, 203, 206
 Гогичашвили А.Г. – 256
 Гогия Б. – 606
 Гогия Г. – 436, 544
 Гоглидзе С. – 49, 62–64, 79, 80, 83, 84, 124, 125, 131, 132, 134, 160–162, 172, 173, 175, 194, 204–206, 237
 Гогнишвили А. – 561
 Гогнишвили С. – 587
 Гогоберидзе Л. – 19
 Гоголь Н.В. – 234
 Годердзишвили А.И. – 563, 567, 575, 581
 Годердзишвили И. – 581
 Годердзишвили И.А. – 563, 567
 Голдман В. – 39
 Головкова Л.А. – 604
 Гониташвили Г.А. – 562
 Гонов А.М. – 347, 607
 Горбач Г.Ф. – 78, 80, 86
 Горбачев М.С. – 112, 610
 Горнеско К.В. – 191

Городенский С.А. – 192
 Гофман Е.Х. – 327, 328
 Грегори П. – 214, 215
 Грещингер Э.Х. – 183, 202, 203, 205
 Григалишвили Н. – 627
 Громова Л.И. – 604
 Гурули В. – 39, 491, 495, 497, 519, 527, 551, 607
 Гурьянов А.Е. – 51, 167, 609
 Гусейн А.О. – 188

Д

Давитулиани – 589
 Давлианидзе С.С. – 159, 429
 Дадиани М. – 467
 Дадиани Ц. – 411
 Дали – 486, 555, 625
 Дамения – 429
 Данилов В. – 52, 371, 606
 Данушевская Э.Ю. – 205
 Даушвили А. – 19, 20, 39, 375, 404, 405, 409, 411, 412, 416, 420, 422–424, 427, 429–431, 433, 435–437, 439–447, 449–452, 454, 455, 467, 471, 495, 506, 509, 516, 517, 519, 527, 541, 545, 546, 607, 608
 Девриш Р. оглы – 319, 367
 Делавер-Оглы А.А. – 359
 Демурал А.М. оглы – 242
 Деннингхаус В. – 215, 217
 Дешериев Ю.Д. – 351, 608
 Джавахишвили Д. – 376, 538, 544, 551
 Джавахишвили И. – 466, 499, 502, 522, 545, 547
 Джавахишвили М. – 19, 405, 406, 421, 625
 Джанашиа С. – 502
 Джаниашвили – 560
 Джаниашвили Д. – 575
 Джаниашвили Д.С. – 562, 570–572, 591
 Джаниашвили С. – 575
 Джапаридзе М. – 546, 608
 Джахангир-бек – 297
 Джахуа И. – 610, 627
 Джикия Л. – 469, 493, 527
 Джинджолия Г.Н. – 124, 125, 159, 170, 203
 Джишкарини Д. – 503, 505, 519, 520, 522, 527, 627
 Джугели – 558, 569, 590
 Джуха И. – 51, 208, 349, 365, 366, 403, 456–459, 465, 467, 469, 482, 546, 607, 624

Дзидзария Г.А. – 347, 356, 604, 607
 Димитров Г.М. – 227, 232, 237, 351–355, 416, 417
 Довбня О.А. – 610
 Дукаев – 296, 364
 Дурсун У. оглы – 319

Е

Евтушенко Е. – 431
 Ежов Н.И. – 16, 44, 46, 79, 80, 86, 87, 134, 135, 138, 147, 148, 154, 166, 167, 169, 172, 174, 175, 204, 303, 314, 367, 394, 427, 428, 452, 599
 Елениди С.И. – 186
 Енукидзе А.С. – 234
 Епиташвили Г.В. – 562
 Епифанцев – 545, 607
 Еробек А.А. – 183

Ж

Жвания И.Е. – 238, 354, 412, 467
 Жданов А.А. – 353
 Жданова А.А. – 237, 569, 579
 Жданова Г. – 51, 60, 86–88, 91, 93, 102, 103, 112–114, 164, 607, 608
 Жигур Я.К. – 160
 Жиромская В.Б. – 84, 87, 360, 362, 604, 605, 607

З

Зарубин И.И. – 114, 360, 607
 Заруски Ю. – 118, 119, 147, 157, 166
 Зарянов И.М. – 160
 Зиновьев Г. – 407
 Зоделава А.С. – 170, 172–175, 203, 204, 206
 Зукакишвили И.С. – 562
 Зундхауссен Х. – 51, 609

И

Ивницкий Н. – 158, 605
 Измаил А. З. оглы – 315
 Илле – 426
 Имедашвили И. – 558, 585
 Имедашвили С. – 558
 Инанишвили А.К. – 590
 Инанишвили К. – 558, 567, 568, 575, 576, 587–590
 Инанишвили К.К. – 590
 Инанишвили Р.К. – 590
 Ираклий II – 410
 Ирешашвили И. – 37
 Исупов А.А. – 87, 604

К

- Кабаков И. – 15
 Радио Дж. – 370, 606
 Какахия-Месхия А. – 23
 Какурия Ш. – 546, 608
 Камендзян-Сасуния М. – 41
 Камо М. оглы – 319, 367
 Канделаки Д. – 503, 517–519, 522, 527, 555, 590, 625, 627
 Капанадзе – 170, 203
 Кар Х.О. Мустафа-оглы – 240
 Карамаянц М.О. – 188
 Картвелишвили Л. – 19
 Карумидзе В. – 590, 591
 Карумидзе К. – 561
 Карумидзе Н. – 590, 591
 Карумидзе Ф. – 560
 Кахаия Ш. – 576
 Кахиани М. – 19
 Кварелашвили С. – 558, 575
 Квачал-ипа А.Р. – 260
 Квашонкин А.В. – 605
 Кевхишвили Р. – 564, 567
 Кемаль-паша М. (Ататюрк) – 229, 230, 233, 235, 351, 417
 Кемень А.Я. – 191
 Кереселидзе Л. – 531
 Керженевский А. – 202
 Керженевский И.А. – 202, 207
 Керимли В.Г. – 367, 608
 Кефалиди М.Г. – 305
 Кечик О.Г. – 327
 Кизириа А.И. – 351, 608
 Кикодзе Г. – 20, 39
 Кинг М.Л. – 448
 Кирмелашвили И.-С.И. – 562, 570, 571, 586
 Киров С.М. – 426
 Киселев И.Н. – 84, 87, 604, 605
 Киснер Ф.Г. – 182–184
 Клапек К. – 36
 Клдиашвили Г. – 117, 497, 499, 511, 518, 519, 527, 624
 Клингенберг М. – 40, 508, 519
 Книпенберг – 426
 Коба А.Ю. – 202, 207
 Кобулов Б.З. – 136
 Кодин Е.В. – 217, 349, 608
 Кокин С.А. – 51, 84, 85, 113, 610
 Кокін С. – 52, 159, 605
 Кокрашвили А. – 561, 562, 591
 Кокрашвили А.Е. – 579
 Кокрашвили Г. – 584
 Кокрашвили Г.Н. – 571, 572
 Кокрашвили И. – 558, 559, 561, 568, 591
 Кокрашвили Н. – 590
 Кокрашвили Н.А. – 579
 Кокрашвили Н.Г. – 572
 Кокрашвили С.Ф. – 570
 Кокурин А.И. – 166, 604
 Константинов А.Д. – 306
 Копалейшвили Н. – 62, 63, 83
 Копамали А.Б. оглы – 354
 Коряков Ю. – 468
 Косашвили З.Е. – 288
 Костюшко А.Ф. – 160
 Котетишвили В. – 421
 Кочламзашвили Р.Г. – 37, 608
 Кошелева Л.П. – 370, 605, 606
 Кошоридзе – 561
 Кошоридзе Д. – 584
 Кошоридзе Л. – 561, 562, 575
 Кремлев С. – 604
 Кремнев – 135, 161, 175
 Крикория П.Х. – 360
 Кримян – 159
 Ксандополо – 306
 Кугел П.Р. – 185
 Кугель С.И. – 123–126, 128, 133, 145, 146, 159
 Куденко Н. – 52, 87, 608
 Кудюкина М. – 52, 158, 371, 605, 606
 Кузнецов А.А. – 353
 Кумахов М.А. – 351, 608
 Кун Л. – 273
 Купрадзе – 560
 Курбан А.К. оглы – 280
 Куромия Х. – 214, 215
 Курт – 426
 Курхули А. – 26, 27
 Курцикидзе Е.Г. – 361, 608
 Кусмирский А.С. – 205
 Кухалашвили Е. – 61, 163, 349, 627
 Кучуберия А. – 608
 Кучуберия К.М. – 161
 Кюркчибашев А.А. – 273

Л

- Лабадзе М. – 350, 351, 353
 Лагидзе В. – 561
 Лагидзе И. – 531, 627
 Лагидзе С. – 561
 Лакоба В. – 287
 Лакоба Н. – 26, 210, 232, 243, 245, 247, 260, 262, 306, 350, 388, 417, 418, 420, 429, 431, 473, 495

- Лалиашвили Г. – 591, 604
 Лапоян М.А. – 178, 204
 Ларин Ю. – 91
 Ларина А. – 91
 Лежава – 546, 589
 Лежава Г.И. – 608
 Лейба Ш.К. – 259
 Ленин В.И. – 477, 579, 588
 Леонтьева Т.Г. – 164, 608
 Леплевский И.М. – 87, 164
 Леснов-Израйлев М. – 159
 Линдквист С. – 53
 Ломатидзе К.В. – 544
 Ломитатидзе К.В. – 351, 608
 Ломтатидзе К. – 356, 547, 608
 Лордкипанидзе М. – 436
 Луарсабишвили В. – 531
 Луарсабишвили Т. – 404, 456, 470, 518, 531, 551
 Любимова К.Ф. – 604
 Люксембург Р. – 369
 Ляйстер А.Ф. – 114, 608
- М**
- Мазниашвили Г.И. – 437
 Майсурадзе Г. – 40, 375, 481, 483, 550
 Макацария В.С. – 361
 Мальшев А. – 627
 Мамедов М.Г.М. оглы – 315
 Мамулашвили Г.С. – 570, 571, 587
 Мамулашвили Е. – 587
 Мамулашвили С. – 591
 Мамулашвили С.А. – 587
 Мамулашвили Т. – 587
 Мамулашвили Ш. – 561, 562, 587, 588
 Мамулия С. – 19
 Мамучишвили Л. – 558
 Мандельштам Н. – 553
 Маннинг Р. – 52, 371, 606
 Маридашвили Д.Л. – 585
 Мария Федоровна, императрица – 413
 Маркс К. – 408
 Марр Н.Я. – 114, 228, 235, 351, 354, 467, 547
 Мартенс Т. – 406
 Мартин Т. – 213, 214, 353, 420, 440, 470, 549
 Мархвашвили Е. – 563
 Марьхуба И.Р. – 42, 603
 Матулевич И.О. – 160
 Махарадзе Ф. – 352, 418, 419
 Махериди К.Ф. – 161
 Мглоблишвили Г. – 239, 354
- Мглоблишвили М. – 21
 Мгеладзе А. – 40, 473
 Мдивани Б. – 19
 Мезвришвили М. – 583
 Мекклер А.Н. – 287
 Ментешашвили И.Ш. – 376, 476–481, 549
 Меркель А. – 496
 Мествиришвили С. – 565, 567
 Месхия Е. – 411
 Метревели Р. – 375, 456–465, 467–469, 471, 546
 Мецховришвили Г. – 349, 627
 Мибчуани Т. – 362, 606
 Микеладзе Е. – 19, 421, 451
 Микелян А.Х. – 272
 Минаев-Цикановский А.М. – 204
 Мироненко С.В. – 52, 604
 Митчелл М. – 414
 Михайлов В.И. – 79
 Мозохин О.Б. – 546, 605
 Молотов В.М. – 168, 371, 560, 569, 579, 581, 590, 606
 Мориц Г. – 328
 Морозов А.К. – 65, 134, 151, 160, 161, 163, 164, 171, 173, 175, 187
 Мстоев Д.Д. – 297
 Мурадашвили Т.А. – 562
 Муркелинский Г.Б. – 351, 608
 Муссолини Б. – 496
 Мухелишвили Д. – 436, 545, 608
 Мхеидзе П.М. – 159, 160
 Мюллер Д. – 114, 208, 375, 377, 378, 381–384, 387–404, 454, 456–459, 465, 467, 469, 470, 476, 481, 482, 488, 498, 506, 513, 534, 536, 541, 544–546, 548–550, 619, 625
- Н**
- Надарая С.Н. – 173
 Надоев Д. – 297
 Наймарк Н. – 214
 Наполеон I – 549
 Натмеладзе М. – 39, 546, 607, 608
 Нахуцришвили Л. – 561
 Нахуцришвили М. – 588
 Нахуцришвили С. – 560, 575, 578, 584
 Начхаташвили В. – 558, 562, 591
 Начхаташвили В.С. – 570–572
 Начхаташвили И.Н. – 568
 Начхаташвили И.С. – 568
 Начхаташвили Н.И. – 570, 591
 Начхаташвили С.И. – 590

Неймарк Н. – 406, 513
 Некрасов В.Ф. – 161, 604
 Николай II – 436
 Николашвили А. – 558
 Никольский В.Н. – 86, 87, 608
 Нури А. оглы – 319, 367
 Нури И. Паша – 298

О

Ограпишвили (Кокрашвили) А. – 572
 Ограпишвили Д.П. – 562
 Ограпишвили Т. – 560
 Одишвили Н. – 627
 Окуджава М. – 19
 Орагвелидзе К. – 352
 Орахелашвили М. – 19, 408, 451, 545
 Орбелиани С.-С. – 351
 Орджоникидзе С. – 37, 496
 Охотин Н.В. – 42, 51, 158–160, 167, 185, 192, 205, 206, 606, 607, 609

П

Панагопуло Т. – 305
 Папаскири З. – 494, 519, 520, 527
 Папков С.А. – 87, 609
 Парулава Д. – 41
 Парцхаладзе – 137, 160, 163
 Пачулия Г.А. – 170
 Петров Н.В. – 51, 83, 86, 166, 167, 204, 604, 608, 609
 Петрушин А.А. – 86, 609
 Пивоваров И.С. – 183
 Поболь Н.Л. – 372, 609
 Позов В.Г. – 191
 Политова Н.В. – 185, 205
 Поляков Ю.А. – 84, 87, 360, 362, 604, 605
 Полян П. – 372, 609
 Попов С.Д. – 173, 186
 Приле – 426
 Просс К. – 540
 Псянчин А.В. – 360, 609
 Пурцхванидзе А.С. – 202, 206
 Путкардзе Т. – 469
 Пятаков Г.Л. – 260

Р

Рагим А. – 202
 Разгон В. – 51, 52, 87, 88, 164, 608, 609
 Разоев С.Б. – 297
 Разумов А.Я. – 604
 Райснер О. – 15, 347, 480, 481, 487, 499, 504, 513, 514, 517, 519, 522, 523, 549, 625

Рапава А.Н. – 63, 64, 79, 123–125, 132, 159, 546, 609
 Реваз Г. – 20, 37
 Реш Г.Д. – 328
 Рогинский А.Б. – 40, 51, 167, 185, 192, 204–206, 607, 609
 Рогинский Г.К. – 42, 172, 185
 Роговая Л.А. – 370, 605, 606
 Роговский И.И. (Гаевский Р.Л.) – 176
 Романашвили И.И. – 201, 206
 Руссков – 178
 Руставели Ш. – 489, 512, 520, 527
 Рыков А.И. – 428

С

Савин А. – 36, 51, 52, 157, 158, 164, 166–168, 205, 215, 216, 347, 349, 361, 368, 404, 456, 481, 531, 537, 609, 627
 Сагария Б.Е.-И. – 347, 354, 603
 Сайядов К.Л. – 297
 Самвариди Ф.Х. – 305
 Самосудов В.М. – 87, 609
 Самсонадзе М. – 545, 608
 Саршвеладзе З. – 351
 Сахаров А.Д. – 494
 Сахокия Т. – 548
 Серапион К. – 576
 Сикорский Р. – 593
 Симон Г. – 167, 289, 346, 363, 372
 Сиукаев Н.И. – 258
 Скобелев – 451
 Скоркин К.В. – 83, 86, 204, 608, 609
 Скрипник Н. – 213
 Слезкин Ю. – 214, 369, 470
 Смирнов В.Л. – 157, 605
 Смирнов И.Е. – 610
 Смирнов Н.Г. – 546, 609
 Смур П.Х. – 261
 Снайдер Т. – 348
 Соловьев В. – 115
 Сологубов-Скобелев Ю.М. – 177–179, 186, 201, 204, 499
 Соломон П. – 158, 167, 168, 578, 584, 609
 Сонгулашвили А. – 39
 Спиридонович С.С. – 361
 Стадник К.Г. – 202, 206
 Сталин И.В. – 15–23, 25, 32, 37, 40, 42, 63, 79, 86, 118, 119, 133, 138, 147, 158, 161, 163, 166, 167, 186, 213–215, 230, 231, 233, 234, 240, 265, 266, 330, 332, 346, 347, 352, 353, 355, 359, 360, 369, 370, 378, 408, 411, 417, 419, 426, 452,

- 467, 472, 473, 496, 513, 545, 547, 548,
560, 563, 566, 569, 573, 579, 586, 588,
590, 602–609
Стартев Д. – 185
Степанов А. – 86, 87, 609
Сувениров О.Ф. – 158, 609
Сулаберидзе Ф. – 483
Сулькин О.М. – 37, 607
Суни Р. – 19, 38, 470
Сурмава И.М. – 182

Т

- Табидзе М. – 469
Табидзе Т. – 19, 421, 451
Табукашвили М. – 41
Такмаз Х. – 362, 610
Талахадзе И. – 49, 154, 194
Тандилава А. – 548
Тант А.Ш. оглы – 240, 242
Тапурия Г.Н. – 165
Тафуров Р.И. – 297
Тафуров С.И. – 297
Тевдорашвили Т. – 560
Тепляков А. – 205, 627
Товстоногов А.А. – 172, 174
Топурия Г.Н. – 142
Торосян Э.С. – 273
Торошелидзе М. – 23
Трансфельд Г.П. – 183
Трѣбст Ш. – 51, 609
Триер Т. – 37, 606
Туйба А.Т. – 360
Тун-Хоенштайн Ф. – 41
Тушурашвили О. – 36, 484, 486, 488–
491, 493, 495, 499, 503–505, 510, 514,
516–518, 522, 528, 536, 537, 550, 610,
627

У

- Удумашвили И. – 560
Усоев А.К. – 297, 298
Успенский А.И. – 78

Ф

- Фаик-Эфендиши – 237, 354
Фекус Э.А. – 328
Феофанов Ю. – 86, 610
Фетвиашвили – 560
Фисст Д. – 369
Флаш К. – 13, 115, 373

- Фойерштайн В. – 208, 351–353, 355, 403,
456–459, 465, 467, 469, 482, 546, 612,
626
Фрей – 426
Френкель Э. – 119
Фридон – 484
Фриновский М.П. – 44, 134, 135, 137,
162, 172

Х

- Хабазшвили Т. – 561
Хавтаси В.И. – 627
Хайдаков С.М. – 351, 608
Халилов – 296, 364
Хандурина Е. – 158, 605
Ханжин А. – 37, 606
Хаустов В. – 117, 157, 605
Хачатуров В. – 560, 565, 580, 588, 591
Хачатуров С.П. – 161
Хвадагиани И. – 507, 527
Хелая А. – 466
Хелимшиши Х. – 240
Хечатуров В. – 560
Химшиашвили С. – 410
Хирш Ф. – 213, 214, 370, 470
Хишба Ф.Д. – 359
Хлевнюк О.В. – 166, 605, 610
Хмаладзе А. – 568
Холквист П. – 214
Хомерики М. – 405, 406
Хоршис Ф. – 406
Хофман Л. – 627
Хоштария-Броссе Е. – 436
Христов Ф.Ф. – 183
Христовская Л. – 23
Хрох М. – 257
Хрушев Н.С. – 17, 71, 84, 112, 491, 606,
610
Хундадхе С. – 548
Хускивадзе И.Ф. – 142, 165

Ц

- Цагурия – 429
Царахова Б. – 41, 609
Цветкова М.В. – 157, 605
Ценгуашвили К. – 546, 608
Церетели Г. – 19, 548
Церетели Ш. – 45, 49
Цесарский В.Е. – 131, 134, 135, 160–162,
172, 174, 175, 204, 206
Цимер Ф.А. – 185
Циташи И.Т. – 227–244, 338, 350–355,
359, 397, 416–419, 431, 467, 548, 612

Цихистави Л. – 40
 Цихистави Н. – 40
 Цицишвили Г. – 405, 406, 412

Ч

Чавчавадзе И. – 375, 376, 466, 483, 544, 548, 550, 551, 585, 616
 Чагатая И. – 351
 Чаккерт Э.Г. – 205
 Чалов М.П. (Рауш Ф.П.) – 328
 Чапаниши Ш. – 240, 355
 Чарая П. – 548
 Чарквиани Г. – 22, 23
 Чарквиани К. – 22, 40, 49, 58, 193, 194, 237, 606
 Челикопуло М.П. – 185
 Челикопуло Х.П. – 185
 Чикобава А. – 351
 Читашвили М. – 489, 495, 502, 520
 Читишвили М. – 527
 Чолокашвили К. – 586
 Чочиев А. – 431
 Чочоян С.Н. – 191
 Чуадзе И.Г. – 562
 Чуев Ф.И. – 371, 606
 Чурсин Г.Ф. – 114, 608
 Чхеидзе Г.И. – 162
 Чхиквадзе Г.М. – 205
 Чхиквидзе Г.М. – 183
 Чхиквишвили – 560

Ш

Шавешов Г.С. – 297
 Шавкацишвили В. – 565
 Шавкацишвили В.С. – 567, 568
 Шавкацишвили С. – 561
 Шагиров А.К. – 351, 608
 Шамба С. – 27, 42, 208, 247, 248, 262, 347, 459, 608
 Шамилов – 364, 605
 Шамилов А. – 364, 610
 Шапиро И.И. – 162, 166, 172, 190, 204–206
 Шаров М. – 164
 Шеварднадзе Э. – 541, 583
 Шепотинник П.Г. – 37, 607
 Ширер Д. – 94, 119, 120
 Шмидт Ф.Г. – 205
 Шнирельман В.А. – 371, 610
 Шония В.Я. – 170
 Штоль А.А. – 205

Щ

Щербакова И.Л. – 368, 605, 609
 Щербатова И.Л. – 51

Э

Эйхе Р.И. – 168
 Элиава Ш. – 19
 Энгельс Ф. – 407, 408
 Эпиташвили Г. – 561, 570, 572, 575, 583
 Эрентраут А.Ф. – 191
 Эристави Г.Р. – 162
 Эркезов Н. – 560
 Эхвая Л.Г. – 627
 Эшба Е.А. – 429, 431

Ю

Юнге В. – 627
 Юнге К. – 627
 Юнге М. – 15, 36, 44, 50–52, 55, 60, 62, 84–89, 112, 113, 117, 158, 164, 167, 208, 349, 375, 377, 378, 381–384, 387–404, 454, 456–459, 465, 467, 469, 470, 476, 480–482, 484, 486–489, 497, 498, 503, 504, 506–511, 513, 514, 516–528, 531, 534, 536–538, 541, 544–546, 548–550, 555, 595, 606, 608–610, 619, 626, 627
 Юсупова Е.Р. – 164, 610

Я

Явакхишвили Я. – 41
 Яковлев А. – 86, 604
 Яковлев Б.П. – 162
 Яновский К. – 466, 547
 Яшвили А.И. – 142, 165
 Яшвили К.Д. – 162
 Яшвили П. – 19

А

Adanir F. – 625
 Alexander Z. – 545, 546, 610
 Allmendinger E. – 368, 610
 Anchabadze G. – 38, 610
 Anderson B. – 610
 Andronikashvili Z. – 38, 611
 Aro V. – 38, 611
 Asatiani N. – 39, 611

В

Baberowski J. – 36, 37, 39, 348, 349, 611, 615, 618

Baumgart W. – 368, 611
 Bekișvili N. – 40, 610
 Beradze T. – 611
 Beria L.P. – 606
 Beria S.L. – 37, 606, 614, 624
 Berija L.P. – 37, 606
 Berize M. – 41, 611
 Beyrau D. – 38, 611
 Bihl W. – 361, 368, 611
 Binner R. – 61, 165, 371, 611, 614
 Blauvelt T.R. – 41, 42, 354, 356, 359, 370,
 545, 548, 549, 611
 Blunk H. – 38, 611
 Bolkvaze T. – 612
 Böll H. – 40
 Bonwetsch B. – 61, 165, 611, 614, 624,
 625
 Brauckhoff M. – 613
 Broszat M. – 38, 616

C

C'oc'anize G. – 41, 612
 Č'araia P. – 350, 612
 Čark'viani K. – 40, 606
 Chaqueri C. – 366, 612
 Cheterian V. – 546, 612
 Chitași I. – 352, 612
 Christensen J. – 38, 612
 Chvadagiani I. – 40, 612
 Cichistavi N. – 612
 Čirko B.V. – 370, 612
 Cixistavi N. – 40
 Clogg R. – 545, 612
 Companjen F. – 370, 616
 Conquest R. – 612
 Cornell S.E. – 37, 612

D

Dadiani E. – 548, 616
 Daušvili A. – 39, 545, 612
 Dimitrov G. – 371, 606
 Doering-Manteuffel A. – 348, 349, 611,
 618
 Dönninghaus V. – 51, 349, 612
 Džibladze Z. – 606

E

Eagleton W.Jr. – 366, 612
 Eisfeld A. – 370, 612
 Engel-Braunschmidt A. – 363, 617

F

Feurstein W. – 350, 351, 353, 613, 626
 Fitzpatrick S. – 348, 549, 611, 615
 Flasch K. – 613
 Forbes R. – 366, 606
 Fraenkel E. – 158, 613

G

Gačečiladze R. – 37
 Gačečilaze R. – 39, 613
 Gachechiladze R. – 37, 613
 Gailienė D. – 42, 618
 Galy A. – 37, 613
 Gamacharia J. – 544, 611
 Getty Arch J. – 606
 Geyer M. – 348, 611
 Gogișvili D. – 40, 612
 Goldman W.Z. – 39, 613
 Gorsuch A.E. – 113, 613
 Götz R. – 38, 613
 Gregory P.R. – 51, 349, 613
 Guest J.S. – 363–365, 613
 Gužežiani R. – 613
 Gvancelaze T. – 547, 548, 613
 Gvantseladze T. – 611

H

Hadjibeyli D. – 42, 613
 Halbach U. – 38, 613
 Happel J. – 590, 612
 Haumann H. – 590, 612, 613
 Hedeler W. – 113, 368, 613, 617
 Herdt V. – 370, 612
 Hewitt G. – 357, 615, 626
 Hilberg R. – 158, 614
 Hirsch F. – 348, 370, 614
 Hitler A. – 38, 348, 611, 617
 Hobsbawm E. – 358, 614
 Hovannisian R.G. – 361, 614
 Hroch M. – 358, 614
 Hübner E. – 363, 617

I

Iremaschwili J. – 37, 614
 Ismailov E. – 39, 614

J

Jakomeit U. – 613
 Janelidze O. – 39, 611
 Jones St. – 41, 361, 546, 614
 Junge M. – 61, 165, 371, 611, 613, 614,
 626

К

- Kavtaradze L. – 614
 Kavtaraže L. – 40
 Kershaw I. – 38, 614
 Kikodze G. – 37, 39, 614
 Klapheck K. – 36
 Klimov G.A. – 350, 544, 614
 Knight A.W. – 37, 614
 Knoll V. – 37, 606
 Kölm L. – 37, 606
 Kuhr C. – 113, 614, 617
 Kuniholm B.R. – 371, 615
 Kurchuli A. – 42, 615
 Kuromiya H. – 349, 615

L

- Labadze M. – 350
 Labaze M. – 353, 615
 Lak'oba S. – 357, 615
 Lang D.M. – 358, 615
 Leimon A. – 348, 615
 Lenin V.I. – 51, 349, 613
 Ležava N. – 40, 610
 Lohm H. – 362, 618

M

- Maisuradze G. – 550, 615
 Manukian A. – 39, 615
 Marác L. – 370, 616
 Margvelašvili A. – 40, 612
 Martin T. – 51, 348, 370, 549, 615
 McFarland S.L. – 366, 615
 Meissner B. – 370, 612
 Melkonian E. – 39, 615
 Merl St. – 592
 Mgaloblišvili M. – 39, 615
 Mick Ch. – 348, 615
 Möller H. – 38, 616
 Montefiore S.S. – 37, 616
 Motika R. – 350, 616
 Müller D. – 114, 352–354, 357, 358, 360,
 361, 363, 365, 616, 625

N

- Nachkebia M. – 547, 618
 Naimark N. – 51, 348, 616
 Nak'ani N. – 616
 Naumov O.V. – 158, 606
 Nekrich A.M. – 347, 616
 Northrop D. – 353, 616

P

- Pietrow-Ennker B. – 625
 Pinkus B. – 546, 616
 Plaggenborg St. – 113, 614, 617
 Plum G. – 38, 616
 Pohl J.O. – 347, 616
 Pross Ch. – 539
 Put'k'araze T'. – 547, 548
 Putkaradze T. – 548, 616
 Put'k'aradze T'. – 616

R

- Raleigh B.J. – 353, 616
 Reisner O. – 350, 360, 370, 372, 616, 625
 Rittersporn G.T. – 52, 616

S

- Šaišmelašvili G. – 40, 612
 Šamilišvili M. – 360, 617
 Savin A. – 368, 617
 Scheide C. – 590, 612
 Serozia R. – 548, 616
 Service R. – 37, 617
 Shearer D. – 158, 168, 617
 Shnirel'man V.A. – 544
 Shnirelman V.A. – 371, 617
 Simmon G. – 167
 Simon G. – 347, 363, 368, 372, 617
 Simonsen S.G. – 370, 617
 Slezkine Y. – 369, 370, 617
 Smith E.E. – 37, 617
 Snyder T. – 348, 617
 Solomon P.H. – 52, 616
 Songhulaschwili A. – 368, 617
 Sonyulašvili A. – 39, 617
 Stalin J.V. – 18, 37–39, 41, 51, 158, 159,
 165, 168, 348, 349, 545, 549, 606, 611–
 614, 616–618
 Suny R. – 36, 38, 361, 545, 617
 Szakonzi D. – 362, 618

T

- T'abize M. – 617, 618
 Tabidze M. – 547
 Tabukashvili M. – 41, 613
 Totadze A. – 444, 546, 618
 Trier T. – 362, 618
 Trotzky L. – 37, 618

U

- Ursinus M. – 350, 616

V

Versteegh L. – 370, 616

W

Watson R.S. – 41, 614

Weiner A. – 348, 618

Weitz E.D. – 348, 349, 372, 618

Wellmann M. – 113, 617, 618

Wimbush S.E. – 618

Wixman R. – 365, 618

Z-Ž

Zaruský J. – 158, 159, 168, 348, 618

Zürcher Ch. – 546, 618

Žibladze Z. – 40

Издания АИРО в 2015 г.

- Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. К 75-летию профессора Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 368 с. + 40 с. ил.
- Фрезинский Борис*. Троицкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.
- Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А.А. Баев*. Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.
- Юлия Нельская-Сидур*. «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2015. – 1080 с.
- Г.А. Куренков*. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 252 с.
- Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015. – 504 с. (с иллюстрациями).
- Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А.В. Долгопятов*. Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 232 с.
- Любите край Кумылженский, что нам судьбою дан. Книга вторая. Серия «АИРО – Российская провинция». – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.
- В.А. Сомов*. Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец*. Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.: ил.
- О.Ю. Голечкова*. Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.
- Б.В. Соколов*. Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 336 с.
- Марк Юнге*. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПОРЯДОК В ГРУЗИИ.
В 2-х томах.
Том 1.
Большой террор в маленькой кавказской республике

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С. П. Щербина

Обложка: Иван Прохоров. Машина власти. 2015

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022304-6

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
тел. +7 (917) 547-84-24
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
Заказ книг: <http://www.airo-xxi.ru/lavka>
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 12.08.2015
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 40,0
Тираж 1000 экз. Зак.